

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е.Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА
И ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА
Л.И. Лопатников

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
*А.Г. Аганбегян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровски,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. Мау, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Rogov, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 9

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»
МОСКВА · 2014

Содержание

Гайдар, Е.Т.
Г 14 Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 9/Е.Т. Гайдар. — М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 560 с.
ISBN 978-5-7749-0860-8 (Т.9)
ISBN 978-5-7749-0690-1

В томе собраны интервью, данные Е. Т. Гайдаром с 1998 по 2004 год.
Для изучающих экономическую историю России, а также для широкого
круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

ISBN 978-5-7749-0860-8 (Т.9)
ISBN 978-5-7749-0690-1

© Стругацкая М. А., 2014
© Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара, 2014
© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2014

Пока костерчик только тлеет. 9 сентября 1998 г.	9
Политические неудачи могут компенсировать репрессиями. 18 сентября 1998 г.	15
Третий путь ведет только в третий мир. 23 сентября 1998 г.	22
Два удара Егора Гайдара. Пойдет ли Россия по латиноамериканскому пути. Октябрь 1998 г.	30
Новое правительство боится реализовывать свою программу. 7-14 октября 1998 г.	39
Интервью еженедельнику «Дело». 10 ноября 1998 г.	45
В «окно возможностей» влезать тяжело. 22 ноября 1998 г.	54
Сегодня в своей правоте я уверен даже больше, чем прежде. 29 декабря 1998 г.	62
За каждый компромисс придется платить очень дорого. 9 декабря 1998 г.	67
Егор Гайдар: МВФ совершал ошибки в России, когда руководствовался не экономическими, а политическими соображениями. Декабрь 1998 г.	72
Егор Гайдар: Только свобода действительно эффективна. 27 января 1999 г.	77
России нужны не деньги, а ум. 19 февраля 1999 г.	85
Три наивных вопроса Егору Гайдару. Как мы с Гайдаром грабили Россию. 22 марта 1999 г.	88
Егор Гайдар: Россия и Европа. Март 1999 г.	96
Три сценария. 28 апреля 1999 г.	106

Егор Гайдар: К чему приводит попытка «корректировки курса». 30 мая 1999 г.	112
Три страха Егора Гайдара. 21 июня 1999 г.	122
Свобода важнее демократии. 1 сентября 1999 г.	130
Кто Вы, доктор Гайдар? 9 сентября 1999 г.	141
Почему я должен отвечать за остановку реформ? Сентябрь 1999 г.	151
Егор Гайдар не бьет посуду, жену и детей. Октябрь 1999 г.	163
С чеченцами против террористов и экстремистов. 28 октября – 3 ноября 1999 г.	172
Избавление от иллюзий и заблуждений – первый шаг к выздоровлению. Ноябрь 1999 г.	179
Формула правой победы. 5 декабря 1999 г.	188
Референдум не самоцель. Главное – осуществить реформы. 2 марта 2000 г.	200
Егор Гайдар: Что сделано? Что делать? 9 апреля 2000 г.	205
Оптимист из России. Беседа с Егором Гайдаром. Май-июнь 2000 г.	216
Кто выиграл от реформ в России. Июнь 2000 г.	236
Егор Гайдар: Это напоминает мне СССР 70-х годов. 2 октября 2000 г.	251
Прием по личным вопросам. 19 марта 2001 г.	259
Я опасался, что будет хуже. 4-10 апреля 2001 г.	267
Партия власти, выходя в тираж, всегда проигрывает. 8 апреля 2001 г.	277
Откладывать создание партии «Союз правых сил» нельзя. 19 апреля 2001 г.	288
Гайдар: Кандидат в лидеры. 22 апреля 2001 г.	294

Мы обязаны оставаться едиными и не расколоться. 26 апреля 2001 г.	301
Я чувствовал подступающую беду. 12 июля 2001 г.	312
Свою повинность отбыл. 17-23 июля 2001 г.	319
Егор Гайдар: Высокие цены на нефть опасны для России. 6 ноября 2001 г.	326
«Тормозной след» социализма. 9 ноября 2001 г.	333
Реформы – переход от ящеров к млекопитающим. 13 ноября 2001 г.	341
Голландская болезнь, структурные реформы и приоритеты правительства: ретроспектива и перспективы. 14 ноября 2001 г.	348
Ельцин, вопреки совету, сказал, что собирается отпустить цены. 12 декабря 2001 г.	369
Призыв в армию – это налог, который надо снижать. 19 декабря 2001 г.	380
Параллельные кривые. Февраль 2002 г.	387
У России есть весомый шанс. 19 марта 2002 г.	396
Я другой такой... 5 мая 2002 г.	402
Классик капитализма. 15 июля 2002 г.	410
Е. Гайдар: 2003-й катаклизмами не пахнет. 9 января 2003 г.	418
Предел роста. 6 февраля 2003 г.	423
Е. Гайдар: У нас больше всего не прощают тем, кому многим обязаны. 3 апреля 2003 г.	433
Элита не хочет реформ! 22 апреля 2003 г.	446
Долго ли осталось «жировать»? 23 апреля 2003 г.	453
Егор Гайдар: Не надо бояться за человека с ружьем. 2 июня 2003 г.	456

СОДЕРЖАНИЕ

Россия может стать «Америкой» XXI века. 6 августа 2003 г.	464
Миссия в Багдаде. Восточноевропейские реформаторы проложили путь экономике Ирана. 30 сентября 2003 г.	471
Шок без трепета. 8 октября 2003 г.	476
«Врагу не сдается наш гордый “Варяг”» у меня получается особенно хорошо. 30 октября 2003 г.	484
Дьявол – в деталях. 17 ноября 2003 г.	500
Самый серьезный риск сегодня – приход в экономическую политику кухарки с пистолетом. 27 ноября 2003 г.	504
Реформы и шахтерское движение. Декабрь 2003 г.	511
Разорванный мир Аркадия Гайдара. 16 января 2004 г.	521
Егор Гайдар: У меня корни, которыми можно гордиться. 22 января 2004 г.	530
Лучше застрелиться сразу. 20 октября 2004 г.	540
Егор Гайдар: Рост экономики в России легко остановить. 22 ноября 2004 г.	546
В России сделано все возможное, чтобы остановить рост. 24 декабря 2004 г.	551

Пока костерчик только тлеет

*Россия может получить западную помощь уже в конце сентября. На первый взгляд это заявление, сделанное Егором Гайдаром вчера на пресс-конференции в Интерфаксе, может показаться всего лишь особым мнением независимого экономиста. Но некоторые сведения, которыми располагает «Русский телеграф», позволяют утверждать, что Гайдар в данном случае информирован даже лучше, чем и. о. премьера Виктор Черномырдин, говорящий о гипотетических кредитах под *currency board*¹ после четырех месяцев эмиссионной накачки экономики. Значение этого знания сейчас чрезвычайно велико, поскольку западные деньги — это при любом политическом сценарии единственное, что может спасти ситуацию. Уже после пресс-конференции Егор Гайдар дал эксклюзивное интервью нашей газете. Оказывается, правительство Сергея Кириенко, прежде чем объявлять дефолт и девальвацию, обращалось к Западу за дополнительными 7–10 млрд долл., которые, будь они добавлены к антикризисному пакету, позволили бы проскочить августовский пик глобального кризиса. Тогда Запад ответил отказом. Гайдару известно, какому правительству и под какую программу деньги могут быть выделены теперь.*

— Каково Ваше отношение к основным претендентам на премьерский пост?

— Мое отношение к этим фигурам определяется одним: способен ли этот кандидат остановить волну кризиса, которая сейчас начинается, или нет. Из всего традиционно звучащего набора кандидатов есть такие, о которых я могу сказать твердо — неспособны. Ну, скажем, про Черномырдина могу твердо сказать: я не верю ни на грош в его способность остановить сейчас весь этот кризис.

— А Лужков?

Интервью брали Андрей СЕРОВ, Елена ТРЕГУБОВА.
Опубликовано в: Русский телеграф. 1998. 9 сентября.

¹ *Currency board* — «валютный совет» или «валютное управление» — термин, обозначающий режим, при котором национальная валюта прочно привязана к более устойчивой иностранной валюте (называемой валютой-якорем). Возможность перехода на такой режим активно обсуждалась в России в период кризиса 1998 г. — Прим. ред.

— Лужков, на мой взгляд, способен удержать власть. Но не более того. То, что при Лужкове мы будем получать колбасу только по телевизору, я практически гарантирую. Абсолютно уверен, что в телевизоре при нем все будет хорошо.

— *Строев?*

— Этот не удержит ситуацию. Две разные вещи — удержать ситуацию политически и удержать ситуацию экономически. Вот Черномырдин, я абсолютно уверен, не удержит ситуацию ни экономически, ни политически. Не сомневаюсь, что и Строев не удержит ее. А, к примеру, про Примакова я вообще абсолютно ничего не могу сказать. В случае его утверждения все будет зависеть от того, какое будет правительство, кто там будет отвечать за экономику. В некотором смысле Примаков — это политический консенсус на основе отказа принимать решение сейчас о том, какую проводить экономическую политику.

— *Экономическую политику будет определять президент?*

— Нет, я думаю, что тогда уже не президент. Сегодня реальная возможность президента влиять на развитие событий радикально меньше, чем, скажем, три недели назад.

— *Вы считаете, что президент лишился властных рычагов?*

— Они у него пока еще есть, но резко сократились за последнее время. Он сделал одну фундаментальную ошибку: сменил Кириенко и назначил Черномырдина. И сделал он это исходя из абсолютно ложного представления о характере ситуации и последствиях решения, которое он принял. За последние три недели все эти последствия в полном объеме проявились, что, конечно, не могло не привести к радикальному ослаблению президента политически и институционально.

— *Остается ли, на Ваш взгляд, у президента шанс вернуть власть?*

— Разумеется, но для этого он должен немедленно перехватить инициативу и после третьего неутверждения Думой кандидатуры премьера сформировать последовательно реформаторское правительство, овладеть ситуацией, показать, что переход к гиперинфляции и развалу рынка не неизбежен. Тем самым он мог бы отвоевать значительную часть позиций, но я, честно говоря, думаю, что для этого нам был бы нужен Ельцин 91-го года. Я что-то не очень вижу этого. Хотя, кто знает...

— *Как Вы думаете, с чем это связано? Он болен или у него недостаточно информации?*

— Конечно, сказались болезнь, усталость, изоляция от других источников информации. Ельцина я знаю давно. Для меня многие его решения, которые многим казались неожиданными, были всегда достаточно понятными. Но вот отставка Кириенко и назначение Черномырдина абсолютно выходили за рамки того, что я мог себе представить. О том, что они хотят снять Кириенко и назначить Черномырдина, я прекрасно знал. Но этим разговорам я не придавал никакого значения, потому что был абсолютно убежден — для Ельцина это сдача власти.

— *Вы сказали, что окружение Ельцина отрезает его от информации. С какой целью?*

— Зачем это делается, вполне понятно. Если у тебя есть какие-то свои цели, тыходишь в его ближайшее окружение и можешь ограничивать поток информации — это нормальный аппаратный прием.

— *Кто, по-Вашему, это делает?*

— Я думаю, что те, кто ближе всего к нему. Конечно, это аппарат, это руководство аппарата. Но главное — весь вопрос в том, соглашается ли сам политический лидер с тем, чтобы его отрезали от информации.

— *И все-таки какая цель, на Ваш взгляд, была у его окружения?*

— Цель понятна. Правительство Кириенко за пять месяцев что-то сделало, чего-то не сделало, принимало некие решения, по направленности верные, хотя иногда и неточные. Но оно, по крайней мере, сумело не стать карманным. Никто ему не мог сказать: «Надо дать 300 млн такому-то банку». И тут разразился кризис, которым, может быть, еще можно было управлять, который еще абсолютно не вышел из-под контроля, но кризис, в котором все крупнейшие финансовые структуры оказались перед тяжелым испытанием. И перед ними встал вопрос, получают ли они подконтрольное правительство прямо сейчас.

— *Вы считаете, что кризис был неотвратим?*

— Абсолютно. Даже пусть финансовый кризис в целом был неизбежен — он был предопределен политикой больших бюджетных дефицитов, которая проводилась все последние годы, но по состоянию на утро 23 августа он еще носил вполне управляемый характер.

Никаких факторов, которые заставляли бы предполагать неизбежность перехода к экстремально высокой инфляции, полной утраты контроля за курсом и в связи с этим лавинообразного кризиса в большей части банковской системы, перебоев в снабжении, установления дефицита, — ничего этого не было по состоянию на утро 23-го. Еще можно было выйти на тот вариант, который я предлагал 17-го. 17-го можно было ввести курс 10 руб. за 1 долл. и удержать его. После того как потратили часть резервов, 23-го это сделать было уже нельзя. Но ввести курс 15 руб. за 1 долл. и удержать его еще было абсолютно возможно. Ничего еще не было потеряно.

— *Вы считаете, что дефолта можно было избежать?*

— Дефолта как такового — нет. Вся эта ситуация была железно связана с девальвацией. Если мы могли избежать девальвации, мы могли избежать дефолта как такового. Ты можешь избежать дефолта по ГКО, но тогда ты практически автоматическиходишь в режим гиперинфляции. Из-за обесценивания рублевой компоненты у тебя немедленно дефолт по внешним обязательствам. Вот реальный выбор: девальвация с выходом в гиперинфляцию и дефолтом по внешним обязательствам, которые мы не можем тогда обслуживать из внутренних источников, либо девальвация и дефолт по внутренним обязательствам.

— *А за счет помощи Запада сверх июльского пакета?*

— Да, конечно. Можно было обойтись без дефолта по ГКО при дополнительной помощи «семерки» или МВФ в размере где-то от 7 до 10 млрд долл. до конца года. Эту помощь правительство Кириенко запрашивало, но ему дали понять, что это невозможно.

— *За этой помощью обратились до 17-го?*

— Да.

— *На пресс-конференции Вы сказали, что к концу сентября можно получить дополнительную помощь. Складывается впечатление, что условие для этого — отказ от эмиссии. Но как без эмиссии совершить финансовый маневр для выплаты бюджетных долгов?*

— Во-первых, надо понять, что означает погашение задолженности в условиях финансового кризиса и очень высоких инфляционных ожиданий ценой эмиссии. На самом деле сейчас костерчик только тлеет, но дров там нет. Есть паника и нет денег. После эмиссии ты получишь панику и деньги. После этого, конечно, единственное, куда рубли выльются, — это валютный рынок. После

этого у тебя резко начинают расти цены, причем с опережением, естественно, в сравнении с твоей эмиссией. На самом деле сейчас первоочередная задача — стабилизировать курс, установив потолок. Всплеск инфляции ты уже имеешь, он неизбежно будет продолжаться следующие два месяца. Но инфляция же приносит дополнительные доходы бюджета, но не в обесценивающихся рублях, потому что у тебя зафиксирован курс и тогда ты можешь эти дополнительные доходы бросить на ликвидацию бюджетных долгов и на индексацию пенсий и зарплат.

— *Но сейчас, какова бы ни была инфляция, бюджет больше доходов не получит по той простой причине, что их не смогут перечислить банки. А чтобы эту систему платежей раскупорить, опять-таки нужна эмиссия.*

— На самом деле при концентрации платежей в казначействе, в РКЦ, в Сбербанке и нескольких наиболее устойчивых банках, которые платежи осуществляют, большую часть платежей получить можно. К тому же, учтите, сейчас идет резкий рост рублевого эквивалента наших стандартных платежей. 300 млн долл. налогов «Газпрома» вчера приносили 1,8 млрд руб., сегодня — 6 млрд руб., 150 млн долл. нефтяников вчера — 900 млн руб., сегодня — 3 млрд руб. и т.д. Короче говоря, в бюджете есть сегодня новый рублевый эквивалент этой выручки, но есть и новое переобременение. Но его можно закрыть деньгами МВФ. Они тоже растут в рублевом эквиваленте. Короче, ситуация чисто экономически не безнадежна. Тяжелая, но абсолютно не безнадежная. Но, конечно, политически очень трудная.

— *Кого Вы видите во главе правительства, которое могло бы провести меры, которые Вы описали?*

— Тот же Чубайс мог бы быть премьером такого правительства. Немцов мог бы быть премьером. Ваш покорный слуга мог бы быть премьером такого правительства. Сейчас ситуация похожа на 1991 г. Мне не привыкать. Я не испытывал бы ни малейшего счастья по этому поводу, но не счел бы себя вправе отказываться. Правда, я считаю, что такой вариант далеко за гранью политической реальности.

— *В случае создания правительства реформаторов пришлось бы распускать Думу. Как Вы считаете, даст ли Запад деньги под программу, утвержденную только верхней палатой парламента?*

— Я думаю, что сам по себе роспуск Думы, если это происходит в конституционных нормах, абсолютно не будет являться каким-то чрезвычайным фактором. Что, Западу привыкать, что ли, к тому, что у нас Дума с не очень большим энтузиазмом относится к ответственной экономической политике? Как вы считаете, о чем они будут думать в первую очередь — о том, что происходит с Думой, или о том, что происходит с Россией?

Политические неудачи могут компенсировать репрессиями

Журналисты одной из московских газет провели экспресс-опрос школьников. Один из вопросов — «Когда вы последний раз слышали фамилию Гайдар? Кто это?». Наиболее интересным показался такой ответ: «Давно. Это внук писателя, видный политический деятель России. Благодаря ему появились продукты, хорошие и вкусные». Как известно, устами младенца глаголет истина. С этого я и начал свой разговор с директором Института экономических проблем переходного периода, лидером партии «Демократический выбор России» Егором Гайдаром.

— Ваше имя связывают с хорошими, вкусными продуктами. А с чьим именем можно связать то, что произошло в течение последнего месяца в нашей стране?

— Я не связывал бы это с чьим-нибудь именем, а связал бы с одним важным институтом общественной жизни. Он называется Дума и думское большинство. Конечно, ключевую роль в том, что произошло, сыграл президент Ельцин, отправивший в отставку 23 августа правительство Кириенко. Сделав это, президент впервые пошел на компромисс с думским большинством, формируя правительство, которое пользуется полной поддержкой парламента. Это думское большинство тратило довольно много усилий, чтобы добиться такого поворота. Сейчас оно этого добилось. Поворот этот, конечно, связан с такими именами, как Геннадий Зюганов, Юрий Маслюков, Геннадий Селезнев, Григорий Явлинский, но событие это не персональное.

— Вы считаете, что отставка правительства Кириенко была ошибкой?

Интервью брал Анатолий КРОНЕР.
Опубликовано в: Смена. 1998. 18 сентября.

— Я считаю, что у правительства Кириенко были собственные ошибки, но его отставка 23 августа, на мой взгляд, одна из самых страшных ошибок президента.

— *Вы и Сергей Кириенко стали во главе правительства в одном и том же возрасте. Вы помогли Кириенко разрабатывать его программу. Как Вы оцениваете это правительство?*

— Правительство Кириенко, по моему убеждению, было реформаторским, способным проводить либеральные реформы, хотя и не было однородным. Кабинет министров пытался заставить богатых и сильных играть по общим правилам и поставить преграды на пути разворовывания государственных средств. Это было правительство, которое впервые за долгое время начало реализовывать реформы и одновременно делало ошибки при проведении правильного курса, особенно в условиях острейшего кризиса, которые оно унаследовало от премьера Черномырдина.

— *Сейчас много говорят о слиянии олигархов и прокоммунистических сил. Ведь у Кириенко министром топлива и энергетики был ставленник «ЮКОСа» Сергей Генералов, а министром промышленности — коммунист Юрий Маслюков. Был ли это компромисс?*

— Кабинет Кириенко не был неолиберальным. Там действительно под конец появился коммунист Юрий Маслюков, там было серьезное влияние Сергея Генералова, позиции которого казались мне крайне далекими от разумных, но если попытаться суммировать программные документы и собственно работу правительства, можно увидеть, что, несмотря на этих людей, общий курс был все-таки правильным.

— *Борис Немцов считает правительство Кириенко самым профессиональным в истории новой России. Могли бы вы сравнить его со своим образца 1991–1992 гг.?*

— Правительство 1991–1992 гг. было принципиально иным, чем у Кириенко. Оно было сформировано в условиях радикального развала, слома старой системы управления и с самого начала сознательно формировалось как команда кризисная, вместе с тем эта команда была призвана решать проблемы выхода из кризиса на основе очень глубоких структурных реформ. Это было правительство компетентных специалистов, которое столкнулось с набором проблем, не имеющих аналогов. Оно было романтическим и более идеалистическим, чем кабинет Кириенко, унаследовавший

работающую рыночную экономику — неэффективную, построенную в отсутствие существенного набора структурных предпосылок, унаследовавшую заложенный в ее фундамент разрушительный запал финансового кризиса, возникшего еще при Черномырдине, но все же рыночную. Главная слабость правительства Кириенко заключается в том, что в нем не было ярко выраженного лидера общенациональной политики.

— *В правительстве Примакова эту роль должен сыграть Александр Шохин, работавший ранее с вами...*

— Александр Николаевич Шохин — умный, квалифицированный экономист. К сожалению, за последние годы он показал себя человеком, не имеющим достаточно твердого позвоночника, уж очень гибким и умеющим приспосабливаться к меняющейся политической конъюнктуре. В связи с этим представить себе Шохина, который, как скала, встанет на пути безответственных финансовых экспериментов, невозможно.

— *У Вас на столе лежат «Основные направления развития народного хозяйства» — программа академиков, которая может стать программой правительства Примакова. Каково Ваше отношение к ней?*

— На мой взгляд, это позор Отделения экономики Российской академии наук. Это программа быстрого и форсированного входа в гиперинфляцию и развала денежного обращения в стране. Будет реализована или нет — посмотрим. Этот документ нужно распространять в качестве листовки на экономических факультетах приличных российских вузов, но для того, чтобы у ребят был повод повеселиться, рассказать друг другу экономические анекдоты.

А если серьезно, это, конечно, программа страшная по последствиям ее воплощения в жизнь. Не дай бог, если правительство будет делать примерно это, что, к сожалению, вероятно! Для меня лично это особенно неприятно, ведь программа — это публичное лицо российской экономической науки. Этот позор мы должны являть всему миру!

— *Насколько серьезна угроза гиперинфляции в этой экономической и политической ситуации?*

— На мой взгляд, сегодня это серьезная угроза. Когда она наступит, будет зависеть от действий правительства — насколько быстро оно будет выполнять то, что обещает. В экономике между событиями

ями есть временные разрывы — лаги. В нормальных, стабильных условиях для российской экономики между включением станка и гиперинфляцией лаг — 6 месяцев. Но в сложившейся ситуации шанс на то, что лаг существенно сократится, весьма высок.

— *Еще неделю назад Виктор Геращенко сказал, что Центробанк должен запустить печатный станок. Когда это может произойти?*

— Я думаю, что Виктор Геращенко, будучи человеком в высшей степени экономически грамотным, добьется того, чтобы переложить ответственность за это на правительство и Думу. Дума разрешит Центральному банку предоставлять эмиссионные кредиты правительству и одновременно обяжет правительство брать их. Это вопрос ближайших недель.

— *Не было ли какой-нибудь эмиссии в период «безвластия»?*

— Я практически исключаю, что в период, когда Центробанком управляли Дубинин и Алексащенко, могла быть масштабная эмиссия. Там могли быть вещи, в ограниченной степени контролируемые Центробанком и связанные с кризисом, скажем, увеличение денежной базы в связи с изъятием вкладов населения, но это не было сознательной политикой Центрального банка. Другого я ожидаю с назначением Геращенко.

— *Но ведь у России 36 млрд руб. долгов перед своими гражданами — пенсионерами, учителями, врачами, военными... Что с этим делать?*

— Есть два способа решения проблемы долгов. Первый из них тяжелый: ты собираешь налоги с тех, кто не хочет их платить, арестовываешь имущество «Газпрома», отключаешь нефтяные компании от трубы, ведешь тяжелую, мучительную, неприятную работу по контролю за государственными обязательствами, перекрываешь каналы разбазаривания государственных денег... и в результате этого получаешь возможность платить по своим долгам. В общем это та программа, которую пыталось реализовывать правительство Кириенко. К сожалению, без достаточной парламентской поддержки, без консолидации даже в исполнительной власти, иногда при сопротивлении администрации президента.

А есть простой способ: «фантиками» расплатиться. Сторублевку через ксерокс пропустим и со всеми расплатимся вот этой самой «сторублевкой». Никаких проблем! Зарабатывать ее не надо... У вас будет сколько угодно сторублевок до тех пор, пока люди не пойдут в магазин и не увидят, что сторублевку-то им дали фальшивую.

А эмиссионные деньги по природе фальшивые. Это деньги, о которых государство твердо знает: они обесценятся быстрее, чем вы успеете добежать до магазина.

— *Несмотря на героические усилия правительства Кириенко по выбиванию долгов, на 1 августа в список должников вернулась «Сибнефть», контролируемая Борисом Березовским, с долгом 860 млн руб. Не в этом ли причина многих событий, происшедших в нашей стране?*

— Я совершенно не исключаю этого. В условиях такого финансового и общеполитического кризиса очень велик соблазн получить лояльное правительство, которое никогда не посмеет взять деньги с тех, с кого не полагается брать денег, потому что это их святая привилегия — не платить налоги, и одновременно заплатит им дань, полагающуюся потому, что они имеют право получать дань. Я думаю, что именно это было одним из побудительных мотивов, консолидировавших страстное желание убрать Кириенко и желание назначить Черномырдина.

— *Не возникает ли, по Вашему мнению, опасность пересмотра итогов приватизации, о чем говорят многие?*

— Не исключаю, хотя и не думаю, что с этого начнут.

— *Знали ли Вы заранее о заявлении правительства и Центрального банка от 17 августа?*

— Я знал об этом документе. Я не работал ни в правительстве, ни в Центральном банке, поэтому, разумеется, никаких решений не принимал, но консультировал правительство, излагал свою позицию, и какие-то мои соображения были учтены.

— *Но этот документ привел к одновременному отказу от своих обязательств (дефолту) и обесцениванию своей валюты. Разве такое возможно?*

— Почему? В высшей степени возможно. Более того, наша финансовая и банковская система была устроена таким образом, что обесценивание собственной валюты и дефолт связаны абсолютно неизбежно. Тут только выбор, какого дефолта вы хотите. Есть альтернатива. Первый вариант: вы девальвируете валюту, понимаете, что после этого не получаете никаких заимствований на внутреннем рынке, покрываете дальше свои обязательства по ГКО за счет эмиссии. Но тогда вам нужно выбрасывать в обращение от 20 до 30 млрд руб. в месяц при денежной базе на середину ав-

густа в 150 млрд руб. Это практически означает режим форсированного обесценивания курса рубля и гиперинфляцию. Это автоматически означает отказ МВФ от предоставления второго транша кредита, и уже в сентябре вы объявляете дефолт по внешним обязательствам.

Второй вариант был отвратительным и пренеприятнейшим, но давал некие шансы на стабилизацию. Вы девальвируете валюту, реструктурируете свои обязательства, выключаете печатный станок, потому что вам не нужно обслуживать ГКО, и, так как эта программа была согласована с МВФ, получаете второй транш кредита. Вы прошли неприятный этап, но у вас есть деньги на стабилизацию положения в банковском секторе, у вас возможна стабилизация валюты, и вы избегаете разгона гиперинфляции, дефолт по внешним долгам невозможен. Все это требовало очень четкого ручного управления и очень точных профессиональных согласованных решений.

В самом пакете от 17 августа, на мой взгляд, были две серьезные ошибки. Первая: я был убежден, что совершенно не нужно заставлять все российские банки не платить по своим внешним долгам. Вполне возможно было ввести это окошко для тех, кто не может платить, одновременно дав возможность платить тем, кто может исполнять свои обязательства. Вторая: я был против перехода к плавающему курсу рубля. Необходима была девальвация, а после этого — привязка курса рубля к доллару на уровне, позволяющем покрыть денежную массу резервами Центрального банка.

— *А каков этот уровень?*

— На 17 августа это был уровень от 10 до 12 руб. за доллар. Он достигался без всяких безумных скачков, которые полностью парализовали валютный рынок.

— *В последнее время стали появляться попытки решать экономические проблемы с помощью силовых ведомств. Какова перспектива такого пути?*

— Я бы этого не исключал по одной причине — думаю, что экономическая политика нового премьера будет неудачной и ее последствия очень быстро скажутся. В этой ситуации попытка компенсировать неудачи в экономической политике политическими репрессиями — это та возможность, которая, на мой взгляд, обернется реальной опасностью.

— *Ваше отношение к currency board¹, включающему жесткую привязку рублевой наличности к резервам Центробанка, и к возможности его применения в нашей стране.*

— Это инструмент экономической политики. Не самый лучший инструмент, для России и большой экономики не очень приспособленный. Это не магический способ решения проблем. Currency board лишь заставляет проводить те реформы, о которых мы всегда говорили. Это средство, позволяющее объяснить, почему ты должен иметь сбалансированный бюджет, ответственную финансовую политику, почему в связи с этим нужно ограничивать расходы государства и проводить социальные реформы.

— *Вашей партии уже сейчас нужно консолидировать разные силы к ближайшим парламентским выборам. Кто это может быть?*

— Вы знаете, сейчас политическая ситуация в России будет меняться очень быстро. Этот ландшафт, который нам рисовали в течение последних полутора лет в «Итогах» Киселева, будет «плыть» с колоссальной быстротой. Другая жизнь, другая власть, другая экономическая политика, иная экономическая реальность и другие политические расклады. Мы сейчас будем пытаться мобилизовать в свои ряды всех тех, кому не нравится нынешний экономический курс, кто наконец осознает необходимость иметь в Думе серьезную фракцию, которая способна отстоять рыночный механизм, стабильность рубля и не дать расшатать ситуацию в стране. Я убежден, что будет очень много людей, которые вчера говорили, что политика их абсолютно не интересует, — у них есть свой бизнес, свое дело, а это все не для них. Завтра именно эти люди активнейшим образом будут готовы участвовать в политике. Вот объединить их и есть наша важнейшая задача.

— *Кто станет Вашей социальной опорой?*

— Я вижу сегодня социальный слой, на который потенциально можно опереться, — это тот российский средний класс, который долго пытался убедить весь мир в своем несуществовании. Сейчас, когда по нему был нанесен тяжелейший удар и само его существование поставлено под вопрос, этот средний класс не может больше прятаться под подушку и делать вид, что его нет. Это объективно.

¹ См. прим. ред. на с. 9.

Третий путь ведет только в третий мир

Его имя стало нарицательным. Сначала его почтительно величали отцом российских реформ, затем, с очередным российским кризисом, в его адрес пускали критические стрелы вплоть до проклятий. В общественном сознании из главного идеолога экономических перемен он превратился в главного виновника всех свалившихся на россиян бед. Академик старой школы назвал его первым в числе Мамаев, снова прошедших по Руси. Оценки самые суровые: они, реформаторы, ограбили, обманули, недодали, а теперь вот и обанкротили.

Уважая известный принцип, требующий обращаться за разъяснениями к первоисточнику, выслушивать не только обвинителей, но и обвиняемых, мы решили взять интервью именно у Гайдара. Он ведь действительно стоял у истоков реформ, и потому его точка зрения на их драматический исход и на перспективы при всей волне сногшибательной критики и возмущения представляет несомненный интерес.

— *Пустые полки и вдруг возникшие очереди заставляют вспоминать 1992 г., когда Вы начали реформы, и сравнивать его с нынешним 1998 г. В чем разница? Что нас ждет?*

— Кризис 91-го года был кризисом социалистической системы управления, которая могла худо-бедно работать в условиях подавленной инфляции. Она была для этого приспособлена. Если говорить о социализме без политических характеристик, то это система, пригодная для жизни в условиях недостатка товаров.

Поскольку деньги малоэффективны, на них ничего не купишь, но необходимо, чтобы хлеб каким-то образом доходил до потребителя, при социализме вводятся такие механизмы, как административный контроль, плановые задания, мобилизация материальных потоков и т. д. Колхоз должен сдать зерно, даже если все колхозники умрут от голода. Все это мы хорошо помним. Понятно, что за-

логом работоспособности такой экономики является тоталитарная власть. Все это к 1991 г. развалилось. Хлеб в магазине, пусть с очередью, может оказаться только двумя путями — или кто-то заставил его туда привезти, или кто-то заинтересован его туда привезти. Ничего иного не придумано. В 1991 г. не было ни того, ни другого, тогда это был экстремальный кризис, — кризис, угрожавший существованию общества. Развитие событий в 1998 г. с большой скоростью приближает нас в исходную точку, ибо, если сейчас разрушат все еще работающие механизмы рынка, мы можем опять оказаться перед угрозой отсутствия какой-либо экономики.

Я очень хотел бы надеяться, что Примаков это понимает и не сделает того, чего ждет от него левое большинство Госдумы. Иначе мы вернемся в 1991 г. за короткое время — от двух до шести месяцев.

— *Неужели точка возврата, как говорят летчики — это когда горючего еще хватает на обратную дорогу, — не пройдена? Как это будет выглядеть в человеческом плане?*

— Когда в 1991 г. я говорил, что наполнить прилавки не большая проблема, мне не верили: откуда же все появится, если ничего нет? «Да, в магазинах все будет, да, за рубль все можно будет купить, рубль будет конвертируемый, но не надо думать, что это принесет вам немедленное счастье, после этого останется масса проблем, и вы будете недовольны», — я это повторял бесконечное количество раз, но люди не слышали. Если все будет в магазинах, то что еще можно желать? Точно так же я говорил в 1995, 1996 гг.: если вы будете проводить безответственную финансовую политику, расшатаете национальную валюту, с прилавков все исчезнет очень быстро. Мне не верили и говорили: куда все исчезнет, если вокруг так много всего? Сформировать настоящие, отлаженные рыночные институты — на это нужны годы и десятилетия, а вот перейти от ситуации, когда все есть в магазинах, в ситуацию, когда там пусто, — для этого ничего особенного не надо, только усилия нескольких энергичных идиотов, и не больше.

Наш средний класс, а это те, кто хоть раз съездил отдыхать в Турцию или Испанию, и не с кипятником и кубиком бульона, кто стал привыкать к нормальной жизни, кто уже расплачивается кредитной карточкой, вот они должны вспомнить поздние совет-

Интервью брал Григорий КАКОВКИН.

Опубликовано в: Литературная газета. 1998. 23 сентября.

ские времена и представить себе ту жизнь и те нормы поведения — это то, что нас ждет в человеческом плане.

— *Отчего так получилось, что есть, худо-бедно, средний класс, имеющий тенденцию к росту, олигархи, которые своим возникновением обязаны Вам, а политически никакой поддержки ни от тех, ни от других? Где тут логика?*

— К сожалению, олигархи не стали опорой устойчивого рыночного развития. После президентских выборов я говорил и писал, что главным вопросом, вокруг которого будет разворачиваться политическая и экономическая борьба, будет вопрос о соотношении собственности и власти. Будут они разделены или едины? Будут правила игры общими для всех или для каждого свои? Будут ли богатые платить налоги или будут объяснять, почему они этого сделать не могут? Будет ли бюджет прозрачный и подконтрольный обществу или будет происходить разбазаривание государственных денег? Последние два года именно эти проблемы были в центре противостояния. Борьба оказалась очень жесткой.

Для нормального рыночного порядка в России необходимо сделать несколько вещей, но две из них абсолютно необходимы — заставить богатых и сильных платить налоги и перекрыть утечки средств из бюджета. Когда правительство «молодых реформаторов» впервые за долгие годы расплатилось по пенсиям и большей частью по зарплатам (это было в 1997 г.), то оно сделало это только потому, что олигархи заплатили, и именно этого ему не могли простить. Это стало причиной банковской и информационной войны.

— *Почему же крупный капитал идет против собственных интересов, ведь социальный мир в России — это надежность их вложений?*

— При всех разговорах об их стратегических талантах олигархи оказались, на мой взгляд, поразительно близоруки. Я никогда не переоценивал их моральные стандарты, но думал, что они не позволят себе в только-только формирующейся рыночной среде вести себя, как слоны в посудной лавке. С одним очень крупным олигархом, неглупым человеком, я обсуждал тему, связанную с банковской войной...

— *Без фамилий?*

— Да. Я объяснял ему, к чему все это может привести. Если сейчас ему кажется, что его предприятие стоит миллиард долларов, то потом, в кризисе и политическом хаосе, за него не получишь

и десятой доли. Я видел, что он в это не верит, думает, что я его пугаю. Но получилось именно так — что имеем, не храним, потерявши, плачем. В некотором смысле наши олигархи повторяют поведение нашего среднего класса (он, конечно, получил от реформ не столько, сколько олигархи), который был искренне убежден, что достигнутого у них никто не отнимет. Наш средний класс, пользуясь всеми преимуществами, ранее был готов ностальгировать по социалистическому раю, не участвовать в выборах, потому что политика — дело грязное... В результате у нас в Думе представлены только те, кто потерял от реформ.

— *Прозрение у них когда-нибудь наступит?*

— Наступит очень быстро. Вспоминать о счастливых социалистических реалиях при конвертируемости рубля и набитых магазинных полках, где все больше приличных отечественных товаров, вытесняющих импортные, — это одно, а вспоминать их, когда колбаса быстро приобретет забытый синеватый оттенок, — другое. Тут есть иная проблема: прозрение наступит быстро, только куда оно развернется? Здесь может быть два вектора. Первый — это понять, что за стабильную рыночную экономику и нормальную цивилизованную жизнь нужно платить, — платить политической активностью, готовностью отстаивать свои ценности и убеждения, т. е. суметь отстоять свою жизнь. Если хочешь, чтоб было так, а не иначе, не рассусоливайся, не рассказывай о третьем пути, который, как известно, ведет в третий мир, ведь во всем мире средний класс стоит на пути тех, кто пытается расшатать стабильность общества.

Но есть и второй вектор прозрения. Его я тоже сейчас очень отчетливо вижу — это такое мировоззрение Васисуалия Лоханкина с сомнением в том, нет ли сермяжной правды в том, чтобы тебя выпороли, и надеждой, что приедет генерал на белом коне, который решит все наши проблемы. Анекдот на эту тему: «Есть два пути выхода из кризиса. Один — более реалистичный, что приедут инопланетяне и все наладят. Второй — менее реалистичный, что мы это сделаем сами». Культ личности Пиночета, который начинает формироваться буквально на глазах (такое впечатление, что конную статую скоро поставят), на самом деле страшен — диктатор придет и со всеми разберется. Можно напомнить, что Пиночет — это 40 тыс. погибших в стране, население которой в 15 раз меньше России. Интеллектуально-либеральную политику проводить

нетрудно, суть ее предельно проста — вводится максимально равное простое регулирование и в максимальной мере ограничиваются всякие исключения, порождающие коррупцию и злоупотребления. Это просто и эффективно, но для этого необходимо устранить влияние мощных групп интересов, которые существуют в любом обществе. Пиночет сумел заблокировать влияние таких групп интересов. Но мы видели в Латинской Америке десятки коррумпированных диктатур, и почему в России с ее историей мы вытащим именно этот уникальный чилийский билетик? Кто сказал, что нас ждет пиночетовский вариант диктатуры? Где в нашем историческом опыте основания на это надеяться?

— *С Вами, Егор Тимурович, в российскую политику пришло слово «команда». Насколько это важно и как Вы оцениваете команду господина Примакова?*

— Команда в правительстве особенно важна в период острого кризиса и структурных изменений. В стабильных условиях от правительства вообще мало что зависит — может быть чуть лучше, чуть хуже, все накатано. Другое дело, когда старой системы уже нет, новой еще нет, а надо вводить множество новых инструментов, решения должны быть быстрые, эффективные, а времени на их обсуждение нет. В таких условиях «команда» людей, обладающих общим видением проблемы, имеет огромное значение. Правительство Примакова — это коалиционное правительство для кризисной ситуации. У него есть серьезное преимущество — поддержка в Госдуме, но ему будет очень трудно вырабатывать хоть какую-то согласованную политику и ее реализовывать. Сейчас остановить экономический кризис можно, только быстро реализовав согласованный комплекс мероприятий, позволяющих восстановить доверие к национальной валюте. К сожалению, ждать этого от формирующегося кабинета трудно.

— *А много ли зависит от самого Примакова?*

— Как правило, премьер приходит в правительство, имея модель свою предшествующую деятельность. Рыжков, придя в Кремль, считал, что правительство управляет большим «Уралмашем» (про себя говорить не буду), Черномырдин считал, что это большой «Газпром», Кириенко, к которому я хорошо отношусь, думал, что правительство — это такая коммерческая фирма, не в смысле, что он должен обогатиться, но правительство должно быть организо-

вано, как банк или торговая компания. Я думаю, что у Примакова есть ощущение, что правительство — это особое министерство иностранных дел. Это далеко не так. Правительство — это орган, который вынужден заниматься массой неприятнейших вещей, у которого ограниченный объем ресурсов и очень много обязательств, на который идет очень мощное давление с самых разных сторон, и тут либо ты способен перехватить инициативу и начнешь навязывать этой агрессивной среде свою линию и постепенно управлять, либо придется закрыться в своем кабинете и думать только о том, чтобы тебя не тронули.

— *Почему премьер обратился за помощью к «академикам»? Что Вы думаете об их программе?*

— Среди тех, кто подписал это письмо, есть большое количество неглупых людей. Они много изучали социалистическую экономику, преподавали, что-то делали полезное, но разделительная полоса в экономической науке прошла по одному очень специфическому признаку — одни владели иностранными языками и имели доступ к литературе, другие — нет. Быть отрезанным от мировой экономической науки и заниматься неким странным образованием — социалистической экономикой, видимо, это не проходит бесследно. Сейчас опубликовано это письмо академиков, читать это без смеха со слезами не может даже нормально выученный студент или аспирант Высшей школы экономики в России. Когда они рассказывают, что, если автоматически кредитовать за счет ЦБ любые обязательства государства, это приведет не к инфляции, а к росту ответственности правительства, то даже непосвященному, по-моему, понятно, на что годятся эти академические советы. Посмотрите комментарии в газетах к этому письму академиков — сейчас общество очень продвинулось в своем экономическом образовании. Нечто такое они и раньше писали, но никто не читал — пишут себе и пишут, но тут вдруг появилась возможность того, что это может стать реальной экономической политикой правительства. Это опасно. С одной стороны, хочется быть популярными, а с другой — дистанцироваться от тяжелых и непростых реформ.

— *По сути, разговор идет все о той же «шоковой терапии», о болезненности реформ...*

— Не было в России никакой «шоковой терапии». В Польше была, и именно поэтому эта страна готова нам сейчас оказать гуманитар-

ную помощь. У нас для «шоковой терапии» не оказалось достаточной политической поддержки. Реформы после энергичного старта встали, и в результате мы получили такую вязкую жижу, из которой никак не можем выбраться. Не только у нас, но и в мире существует странное восприятие шоковых реформ в России — очень уж они были энергичные. Ничего себе, шесть лет черномырдинского правительства — это «шоковая терапия»?!

— Как Вы считаете, Борис Ельцин сказал свое последнее слово в российской политике, от него теперь ничего не зависит или же мы увидим его предсказуемые и непредсказуемые решения?

— Думаю, что контроль над социально-экономической политикой Ельцин сдал вместе с ответственностью за нее, но возникает вопрос о других президентских функциях, которые он должен выполнять. Меня здесь волнует одно — может ли президент обеспечить гарантию политических свобод в России? Наступление на эти свободы — это то, что наиболее опасно. Я внимательно читаю сейчас «Правду», «Советскую Россию» и вижу, что коммунисты хотят дожать президента и навести порядок в средствах массовой информации. Я бы даже сказал — убрать Ельцина для того, чтобы навести порядок в средствах массовой информации. На мой взгляд, у него осталась одна важнейшая задача — не допустить этого.

— Получается так, что только средства массовой информации являются последним бастионом демократии. Значит — окончательный откат?

— Никакого окончательного отката нет и быть не может. Для этого у коммунистов нет предпосылок — не такая цена на нефть, нет резервов аграрного сектора, нет для этого и идеологических оснований. Реальная развилка сегодня такая. После периода левокоммунистической политики мы можем выйти к жесткому реформаторскому курсу, основанному на политической демократии и широкой коалиции сил, заинтересованных в реформах. Это будет, скажем, российский союз демократических сил либо коррумпированная диктатура с большим объемом государственного регулирования, работающим, хуже или лучше, рынком, но без политических свобод.

— Если так получится, Вас и в этом обвинят, скажут, что пришли без идеологии реформ, развалили, разворовали, потом расчистили

дорогу диктатуре. В народном сознании очень странно смещается ответственность, с этим почти ничего нельзя поделать...

— Я с себя за то, что происходило в России, ответственности не снимаю. Самая большая наша неудача в том, что мы не смогли создать сильную, мощную фракцию в парламенте, которая отстаивала бы курс реформ. Хочу напомнить, что все началось с банкротства Советского Союза. 75 лет до нас правили коммунисты. 6 лет у нас было правительство Черномырдина, в декабре 1992 г. энергично поддержанное коммунистами. Как при этом получается, что за результаты более чем восьмидесятилетней истории отвечает Гайдар, который был премьером несколько месяцев, для меня на самом деле загадка. Мне ясно, что те, кто не желает слышать, не услышат, но сторонники реформ, а не тех или иных личностей, должны понять, что исторический кусок, который мы прожили, это не борьба Гайдара и Чубайса за всякие монетаристские глупости, а борьба за нормальную цивилизованную, рыночную Россию. Борьба по-крупному. Наша вина только в том, что мы не хотели принять тот бесспорный факт, что в стране, где нет политической опоры, слоя населения, который увязывает свой достаток с реформами, сложно что-либо изменить. Мы пытались всеми силами убедить президента найти союзников, пытались, как могли, объяснить — мы пытались пробиться. Делали это честно. Мы занимались ловлей падающих сверху тяжелых предметов, пытались удержать завоеванное, но для меня сейчас понятно одно: общество должно само захотеть изменений, оно не должно цепляться за старое и созреть для того, чтобы Россия прошла свой путь в Европу. Это тяжелый путь ради наших детей.

Два удара Егора Гайдара. Пойдет ли Россия по латиноамериканскому пути

— Егор Тимурович, сейчас вы не входите в правительственную структуру, но занимаетесь политикой в партии «Демократический выбор России». Эта работа доставляет больше удовлетворения, чем управленческая?

— Так получилось, что в 1991 г. мне довелось начинать реформы в России. Они вскоре были остановлены. Но все, что происходило потом (вне зависимости от того, влиял ли я на события или не влиял, был ли в правительстве или не был), неизбежно связывалось с моим именем.

В подобной ситуации тихо сидеть за рабочим столом и отвечать за все — очень тяжело. Поэтому, пока была такая возможность и пока мои советы иногда были нужны правительству, пытался их давать, чтобы глупостей было меньше. Сейчас, когда сформировано правительство левоцентристского большинства и курс совершенно другой, то мы, разумеется, находимся в оппозиции. Будем предлагать свои варианты, анализировать то, что происходит, давать оценку действиям правительства и вести политическую борьбу за наше видение российского будущего. Так что для меня эта работа — скорее вопрос долга.

Менял ли он свои взгляды?

— Политический курс, позиция «Демократического выбора России» как-то влияет на принятие важных решений в Думе, Правительстве РФ?

Интервью брали Алексей АДАМОВ, Владимир РОЩУПКИН.
Опубликовано в: Граница России. 1998. № 38. Октябрь.

— Да, влияет. У ДВР небольшая фракция в Госдуме. Хотя бывало, что при ключевых голосованиях голоса наших нескольких депутатов были принципиально важными.

— Егор Тимурович, Вас знают не только как экономиста и реформатора. В свое время Вы работали в «Правде», журнале ЦК КПСС «Коммунист». Ваши теоретические и аналитические статьи привлекали неизменное внимание. Тогда Вы писали об экономике социализма, хотя после 1991 г. Вас воспринимают как убежденного рыночника-реформатора. Вы колебались вместе с линией партии? Что повлияло на эволюцию Ваших экономических взглядов?

— Если Вы читали мои статьи того периода, то убедитесь, что я не писал об экономике социализма. Я писал об экономике Советского Союза. Моя докторская диссертация посвящена анализу функционирования советской экономики, ее проблем, противоречий, динамики структуры производства. Это очень важный объект анализа, без которого вообще невозможно было понять, что происходит в Союзе и что будет происходить потом в России.

Я писал о том, как назревает кризис в советской экономике, пытался остановить нарастание этого кризиса и придать ему хоть какой-то управляемый характер, подсказать политической элите, как это надо сделать. Но после того как кризис стал неуправляем, социалистическая система управления развалилась. Я был убежден, что если она развалилась, то надо как можно быстрее формировать каркас рыночной экономики в России. В связи с этим свои взгляды я не менял. Но сегодня, разумеется, я понимаю некоторые вещи гораздо лучше, чем 5, 12 и 18 лет назад.

Почему реформы у нас идут туго?

— Методы «шоковой терапии» в Польше остались в прошлом, и в итоге они принесли результаты. Внутренний валовой продукт в этой стране постоянно растет, а жизненный уровень среднего поляка выше, чем россиянина. Почему же у нас реформы идут так туго?

— А у нас не было никогда «шоковой терапии»! В Польше была! Там были радикальные реформы и сразу же жесткая бюджетная политика. И именно поэтому реформы там оказались нелегкими, как и везде. За три года полякам удалось остановить инфляцию и создать базу для экономического роста.

У нас же реформы начались достаточно решительно, но были очень быстро остановлены. Они никогда не были подкреплены жесткой бюджетной политикой. Такая политика в отличие от Польши у нас никогда не имела парламентской поддержки. Именно поэтому реформы оказались растянутыми, тяжелыми и травматичными.

Именно потому, что в Польше была «шоковая терапия», а в России нет, у нас сегодня тяжелый экономический кризис. Не парадокс ли — Польша обсуждает вопрос о том, не надо ли предоставить России гуманитарную помощь?

— *Где и когда Вы впервые получили представление о неолиберальных реформах? Можно ли считать, что после 1991 г. Вы пытаетесь реализовать в России именно этот курс, хотя тогда его никто так не называл? Вы согласны, что в России реформы пытаются провести по худшему латиноамериканскому варианту?*

— Я начал интересоваться современной экономической литературой довольно рано — когда учился в университете, в аспирантуре. Много читал из того, что не было переведено на русский язык. Я бы не отнес свои взгляды того времени, да и сейчас, к категории неолиберальных.

Я не согласен, что в России реформы пытаются провести по худшему латиноамериканскому варианту, потому что такого варианта нет. Латинская Америка знала самые разнообразные виды экономических политик. Латинская Америка — классический континент, на опыте которого написаны основные работы по экономике популизма. Она видела и либеральные реформы, скажем, в Чили после 1973 г. или в Аргентине после 1991 г.

НУЖНА ЛИ НАМ АВТОРИТАРНАЯ ВЛАСТЬ?

— *Недавно в Москву приезжал «архитектор» аргентинской перестройки, бывший министр экономики Доминго Кавальо с советами и рекомендациями российскому правительству по выводу страны из кризиса. Вы полагаете, латиноамериканский опыт неолиберальных реформ приемлем для России? В чем его ценность для нас, если о таковой можно говорить?*

— Еще раз подчеркиваю — этот опыт очень разнообразный. Если говорить о латиноамериканском опыте неолиберальных реформ,

то обратил бы внимание на три основные модели: мексиканскую, аргентинскую и чилийскую. Знание каждой из них в высшей степени полезно для любого человека, обсуждающего экономическую политику, в том числе в России, но не заменяет знания и понимания экономики своей страны.

Механическое перенесение на российскую почву аргентинских или чилийских рецептов невозможно. Если говорить об использовании режима каренси борд (валютного управления), то я не исключаю того, что это решение возможно в России, хотя я бы постарался этого избежать в максимальной степени. Дело в том, что режим каренси борд — это неприятнейшая пилюля. Ее приходится пить, если до этого развалили финансовую систему страны и не хватает никаких сил восстановить доверие к национальной валюте. Для большой страны валютное управление включает крупные долгосрочные риски. Поэтому я не против того, чтобы использовать в условиях кризиса на какое-то время механизм фиксации курса на уровне, позволяющем подкрепить валютными резервами денежную базу. В этом суть механизма каренси борд.

— *Предыдущий вопрос мы задали в связи с тем, что в современных политических процессах России и стран Латинской Америки политологи усматривают немало сходных черт. Главная из них в том, что большинство стран этого региона и Россия отошли от государственно-регулируемой экономики и от «жесткого» авторитарного правления. Но немало исследователей считают, что в переходный период авторитаризм нам просто необходим, чтобы не допустить развала страны. Только через авторитарную власть, наведя порядок, следует переходить к демократии. Ваше мнение?*

— Я написал в 1991 г. в своем последнем обзоре в журнале «Коммунист», где анализировал нарастающий кризис, что наши кандидаты в пиночеты вест-пойнтов не оканчивали. Поэтому я не очень верю в возможность проведения авторитарных, но экономически целесообразных экспериментов в России. Напомню, что в Латинской Америке были десятки разных диктатур, как правило, коррумпированных, неэффективных и отвратительных. Если на этом фоне была одна более-менее экономически эффективная и не очень коррумпированная, хоть и жесткая, то ведь совершенно непонятно, почему предполагают, что Россия вытащит именно этот билетик?

Очень хочется найти выход из наших непростых проблем за спиной славного, умного генерала на белом коне. По-моему, это детский взгляд на вещи. «Никто не даст нам избавленья. Ни Бог, ни царь и ни герой». Не даст и автократ — либеральный реформатор.

ПРИМАКОВ В РОЛИ ПРИКРЫТИЯ

— *Что Вы думаете о нынешней ситуации в России?*

— Ситуация в России очень сложная. И экономическая, и политическая. И в ближайшее время, к сожалению, видимо, будет усложняться.

Та относительная стабильность, которая возникла в России на протяжении последних нескольких лет и стержнем которой была устойчивость национальной конвертируемой валюты, к сожалению, не имела надежных оснований. Чтобы национальная валюта была стабильной и конвертируемой, нужна жесткая денежная политика. Она в последние годы была, но не была подкреплена жесткой бюджетной политикой.

Сейчас отсутствие последовательных усилий по финансовой стабилизации привело к тому, что стабильность конвертируемой валюты оказалась под угрозой, а вместе с ней вся выстроенная на ее основе конструкция рыночных институтов, инструментов, рычагов, навыков, норм поведения и т. д., начиная от стиля жизни людей (как они ездят за границу) и кончая тем, как предприятия строят стратегию продажи своей продукции и получения комплекующих.

В ближайшие месяцы мы еще будем расхлебывать последствия.

— *Егор Тимурович, Ваш дед — известный писатель Аркадий Гайдар написал замечательную книгу «Тимур и его команда». В книге у Тимура была идеальная команда: дружная и сплоченная. А кого бы Вы хотели видеть сегодня в правительственной команде?*

— Я бы не стал подбирать правительственную команду за Примакова. Это его дело. Прекрасно представляю, кого бы хотел видеть в своей команде. У меня нет ни малейших сомнений, что мы могли бы сформировать в высшей степени компетентное правительство. И, слава Богу, за это время в нем поработало немало опытных людей. За последние годы плодотворно работали в правительстве

Чубайс, Кириенко, Немцов, Сысуев, Уринсон, Ясин, Бойко, Васильев. Из последнего состава кабинета был очень приличный министр образования Тихонов, хорошо понимающий, что надо делать.

— *Как Вы расцениваете назначение на пост премьера Евгения Примакова? Он, по Вашему мнению, аналитик, теоретик или администратор?*

— Евгений Максимович в первую очередь талантливый дипломат, но я далеко не согласен со всем, что он делает, и не со всеми его внешнеполитическими взглядами. Но в целом это знающий свое дело человек. Он в некотором смысле политическое прикрытие для этого кабинета. Он одновременно устраивал левое большинство в Госдуме и в какой-то мере президента.

ОКТАБРЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТУМАНЕ

— *Говорят, что Вы нанесли ощутимый удар по малоимущим, реализовав курс «шоковой терапии» (во главе которой, как выразился А. Чубайс, стояла «кучка сумасшедших во главе с Гайдаром») в России. Многие считают, что при Вас произошло ограбление масс и обнищание страны. До сих пор в народе ходит множество мифов «переходного периода». И один из них — «Гайдар, ограбивший старушек». В то же время именно Вы нанесли удар по отсутствию товаров на прилавках. Они быстро наполнились, хотя немногие поначалу могли купить эти товары.*

Второй «гайдаровский удар» (так воспринят он — позитивно — в общественном сознании) Вы нанесли в дни трагических октябрьских событий 1993 г. Вечером 3 октября Вы, взяв на себя огромную ответственность, призвали по телевидению народ выходить на улицы Москвы, в том числе к Моссовету. И он пошел. Решили, что вышедший народ таким образом выразит свою политическую волю и это воздействует на ситуацию и политиков? Как Вы сейчас расцениваете те октябрьские события?

— Еще раз подчеркиваю, что у нас не было «шоковой терапии». Если бы она была, то мы с Вами сегодня жили бы совсем по-другому и гораздо лучше. И у нас уже несколько лет была бы растущая экономика. А финансовый кризис при всей его жестокости задел бы нас не более серьезно, чем в той же Польше.

О событиях 3 октября. Сейчас они покрыты таким историческим туманом, что очень много людей не понимают, что же проис-

ходило. На самом деле 3 октября в Москве шел крупномасштабный вооруженный мятеж, где вооруженные люди захватывали здания, выгоняли оттуда милицию, арестовывали работников органов власти, конфисковывали машины, с автоматами ехали «на дело». Задач было две: завладеть Останкином и Кремлем. Милиция проявляла крайнюю пассивность, войска тоже по вполне понятным мне причинам. Было полное ощущение, что если будет та картина мира, которую удалось навязать народу баркашовцам и анпиловцам (что это народное восстание против режима Ельцина), то никто и пальцем о палец не ударит, чтобы прийти ему на помощь.

Поэтому надо было четко показать, на чьей стороне поддержка общества. И я убежден, что если бы десятки тысяч человек тогда не вышли к Моссовету, то развитие событий было бы совсем другим.

«Я ГОВОРИЛ ГРАЧЕВУ: «ДЕНЬГИ Я ТЕБЕ НАЙДУ!»»

— *Ваш дед в 16 лет был командиром полка, а отец по образованию морской офицер, ставший адмиралом. Очевидно, военная тема Вам небезразлична. Почему Вооруженные Силы и другие силовые структуры оказались в таком кризисном положении, что многие это воспринимают сегодня как вредительство или в лучшем случае как некомпетентность?*

— К сожалению, вынужден с этим согласиться. В СССР и России традиционно была сфера так называемых царских, президентских министерств. По вопросам военного планирования военный министр докладывал только царю, напрямую. То же самое было при советской власти, за редким исключением. Военную реформу надо было начинать давным-давно! У нас же она реально началась где-то с 1997 г.

А самое страшное, что может быть, — это нереформируемая армия в радикально изменившихся условиях. В свое время большевики, при Фрунзе, сократили вооруженные силы в 10 раз, но сохранили боеспособность. И все потому, что была четко поставлена задача, которую хорошо решили. А безумно растянутый период (когда беспомощное руководство Министерства обороны пыталось сохранить те же самые структуры, флажочки на карте, которые были еще при СССР, в абсолютно изменившихся геополитиче-

ских, финансовых, экономических условиях) нанес страшный удар по боеспособности армии!

Я неоднократно говорил Грачеву в 1992 г.: «Деньги на военную реформу я тебе найду. Ты давай! Я же не могу придумать за тебя программу военной реформы. Нужны тебе деньги на контрактников? Давайте будем изыскивать средства». Изыскивали деньги на контрактников. Взяли 100 тысяч... женщин-военнослужащих. Тоже мне военная реформа! Так что все это я считаю очень серьезной пробуксовкой.

ТАК КУДА ЖЕ ПОЙДЕТ РОССИЯ?

— *Вы возглавляете Институт экономических проблем переходного периода. Чем занимался институт в этот переходный период и к чему мы все-таки перешли?*

— Переходный период — это экономическая реальность, которая тянется от момента краха устойчивого социализма до момента, когда родимые пятна социализма уже серьезно не влияют на функционирование рыночной экономики. Это период, который измеряется, к сожалению (хотя мне хотелось бы сделать его короче), не годами, а десятилетиями. А научная дисциплина, связанная с изучением специфических закономерностей переходных экономик, — это динамично развивающийся подраздел экономической науки. Этим кругом исследований в России и занимается наш институт.

Он занимается исследованиями не только теоретическими, но и направленными на анализ динамики инфляции, денежной массы, валютного курса, поведения рынка официальных бумаг... Мы даем анализ состояния и перспектив развития нашей экономики. Наши прогнозы довольно точно сбываются.

— *Недавно Вы представили публике двухтомник своих произведений. Что сегодня в Ваших творческих планах?*

— Несколько дней назад у нас вышла новая книга «Экономика переходного периода». Большая работа, посвященная анализу семи лет российских реформ. В планах — следующая серьезная работа о генезисе, корнях, развитии и последствиях финансового кризиса в России в 1997–1998 гг.

— *И все-таки пойдет ли наша страна по латиноамериканскому пути?*

— Она в любом случае пойдет по российскому пути. Другое дело, куда ведет этот путь. Советский Союз, Россия были отдельным, вторым миром. Не первым и не третьим. У этого второго мира две дороги. Одна — нормальная, столбовая дорога в первый мир — развитых, устойчивых демократий. А есть путь, ведущий в третий мир. Очень надеюсь, что по нему Россия не пойдет.

Новое правительство боится реализовывать свою программу

Правительство Евгения Примакова до сих пор не представило на суд обществу окончательный вариант своей экономической программы. Тяжеловеса-премьера хватает только на то, чтобы ругаться с журналистами: мол, не то печатают и нечего раньше времени народ пугать. То-то и оно, что «позже времени» пугать будет уже поздно.

Зато есть другие программы. В том числе — разработанная Егором Гайдаром и его единомышленниками. Публикацию этого документа в газете «Демократический выбор» предваряет беседа с Егором Тимуровичем, в которой лидер партии ДВР отвечает на актуальные вопросы сегодняшнего дня.

— *Разговор хочется начать издалека. Наши самопрозываемые «левоцентристы» весьма обрадовались победе немецких социалистов. Действительно: в США 12 лет правили республиканцы — их сменили демократы, Англией 18 лет руководили консерваторы — пришли лейбористы, к которым Лужков ездит перенимать опыт. Теперь завершилась 16-летняя эпоха Гельмута Коля. Ведь именно эти консерваторы выиграли в «холодной войне», одолели коммунизм, подняли свои страны, определили нынешний мировой порядок — а вместо них люди выбирают «левых» со сладкими обещаниями. И уже наши «энтузиасты» призывают искать «левый центр».*

— Я отношусь к победам западных социалистов совершенно спокойно. Развитая рыночная демократия вполне может позволить себе подобные перемены. В условиях стабильного рынка последствия политических перемен достаточно незначительны.

Да, Блэр выиграл выборы в Великобритании, но выиграл их потому, что принял все основные завоевания консерваторов как данность и убедил избирателей, что не поставит эти завоевания под угрозу.

Интервью брал Михаил ГУРЕВИЧ.

Опубликовано в: Демократический выбор. 1998. 7–14 октября.

И сменившие республиканцев демократы вовсе не были склонны проводить высокоинфляционные программы, как в 70-е годы. При всей идеологической разнице программные установки западных левоцентристов и правоцентристов различаются очень ограниченно: первые предлагают чуть более высокие налоги и чуть более высокие расходы, вторые — чуть более низкие налоги и более низкие расходы.

Волна либеральных правительств пришла на период, когда рыночные демократии столкнулись с серьезным финансовым кризисом, обусловленным перегрузкой их экономик бюджетными обязательствами. К концу 70-х годов стало ясно, что шедшая около 20 лет экспансия обязательств государства дошла до края и уже становится малосовместимой с нормальным функционированием и ростом рыночной экономики.

— *Вот как раз тогда я впервые узнал слово «инфляция» — журнал «Крокодил» опубликовал очень злые карикатуры о проблемах «загнивающего» капитализма.*

— Именно этот кризис привел к власти в Англии Маргарет Тэтчер. Впервые за долгие годы в Швеции ушло правительство социал-демократов и пришли либералы Бильда.

Либералы приходят, расчищают финансовый хаос, наводят порядок, останавливают рост расходных обязательств, проводят необходимые реформы. Но в условиях демократии неизбежно наступает усталость от правящего кабинета, в моду входят иные идеи. Лучше всего, когда эти идеи оказываются финансово безопасными. Блэр — классический пример совершенно неизбежной смены консерваторов (после их многолетнего очень успешного правления) на лейбористов, но при полной идейно-теоретической и программной победе консерваторов. Все основные посылки тэтчеровской революции были сохранены. Когда-нибудь и лейбористы сумеют надоесть избирателям и их совершенно неизбежно сменят консерваторы, в принципе мы сейчас в такой исторической ситуации, когда поле для социал-демократической политики предельно ограничено, бюджетная нагрузка предельно высока во всех развитых демократиях, поэтому социал-демократы скорее всего столкнутся с серьезнейшей проблемой невозможности выполнить ожидания своих избирателей. И после разочарований будет новая правоцентристская волна. Глядя на Англию, можно повто-

рить строку из старого анекдота: «Нам бы ваши проблемы, господин учитель».

У нас в стране ситуация совершенно другая. У нас нет устойчивой рыночной демократии. Борьба идет не за повышение или понижение налогов на два процента, а вокруг вопроса: куда идти России? Хочет ли Россия идти в Европу и стать нормальным, цивилизованным государством или же желает строить евразийскую империю без конвертируемой валюты, но с угрожающим всему миру «ядерным кулаком». Этот выбор еще не сделан. Наш выбор — это выбор пути, в котором мы солидарны и с лево-, и с правоцентристами в Европе, потому что никому из них не придет сегодня в голову подрывать финансовую стабильность своей страны, отказываться от конвертируемой валюты или отгораживаться от всего мира, все это за гранью обсуждения. Там, но не у нас. Я бы посоветовал европейским левоцентристам внимательно посмотреть на российских политиков, набивающихся к ним в партнеры.

— *Состав нового кабинета вроде бы утрясен, вот только что подал в отставку Александр Асмолов¹, не пожелав работать с коммунистами. С другой стороны — и Шохин, оказывается, не со всеми может находиться в родном здании. Чего столь политически разношерстное правительство может достичь в экономике?*

— Правительство пока делает то, что мы от него ждали. Мы сразу сказали: этот кабинет поддержан левокоммунистическим большинством в Думе и будет находиться под сильным влиянием этого большинства. Генетическая связь будет очень крепкой, несмотря на тех или иных персонажей. Последние недели это наглядно подтвердили.

Правительство действует нерешительно, оно боится, что придется реализовывать собственную программу. Формулируя эту программу, думские левые не очень думали, что, не дай Бог, ее придется реализовывать. Слишком много в ней обещаний, которые выполнить трудно или даже невозможно, если выполнять их честно.

Данное правительство неспособно реализовывать курс либеральных реформ — глядя на правительство, это можно сказать од-

¹ Александр Григорьевич Асмолов, известный ученый-психолог и политик, был заместителем и первым заместителем министра образования РФ с 1992 по 1998 г. — *Прим. ред.*

нозначно. Правительство способно делать лишь две вещи: либо ничего не делать — и оно две недели пыталось это продемонстрировать и хотело бы продолжать демонстрировать дальше, либо начинать печатать деньги, тратить их и вводить различные формы регулирования. Последние дни показали, что правительство все более склоняется именно к этому.

— *Лужков сейчас высказывает идею — впрочем, впервые Юрий Михайлович сказал об этом еще в начале прошлого года — о выделении в России 10–12 крупных региональных образований, которым следует делегировать широкие экономические права. И может случиться, что сама реальность заставит людей выбирать между полным холодильником и сохранением географического величия — и, вероятно, в пользу холодильника.*

— Я бы не смешивал идею нескольких территориальных образований с экономическим сепаратизмом. Экономический сепаратизм — неизбежная реакция на безответственную финансовую политику, подрыв национальной валюты и различного рода административные ограничения.

Рубль — великий интегратор. В 1992 г. Россию собрала не сила, а рубль. Как только конвертируемый рубль стал реальностью и заработал, Татарстан, много говоривший о независимости, сразу поменял позицию, парад суверенитетов внутри страны прекратился. А подрыв рубля подрывает основу единства России. Если цены нестабильны, быстро растут, то администрация области, естественно, стремится ввести ограничение цен. Ввели ограничение цен — готов стимул к вывозу товаров в другие регионы. Раз так — понятно стремление закрыть границы. Закрываешь границы ты — закрывает границы твой сосед.

Другое дело, что я не верю в устойчивость этой дезинтеграции: это лишь один из этапов развертывания кризиса. Россия не Советский Союз, она более мононациональна, за исключением Северного Кавказа. Это страна, которая после любого кризиса останется примерно в таком же виде.

— *Некоторые «политологи» говорят, что решения от 17 августа были приняты «по указке Гайдара».*

— Я возглавлял российское правительство в 1992 г. ...

— *Полгода были «и.о.премьера». Сейчас Вас многие — в том числе вроде бы грамотные люди — задним числом производят в премьеры,*

а будь Вы тогда утвержденным премьером — многое было бы у нас по-другому.

— Тем не менее за все, что делало правительство в 1992 г., я несу ответственность. Принимать решения и давать советы — это разные вещи. У меня было много советников, я что-то учитывал, что-то нет, но принимал решения, и я за них отвечаю.

С марта по август 1998 г. наше правительство возглавлял Сергей Владиленич Кириенко. Он и Сергей Константинович Дубинин несут ответственность за те решения, которые они принимали. У них были разные советники, в том числе я что-то советовал, но решения принимали они.

Но я совершенно не сторонник версии, что во всем следует винить Кириенко и Дубинина. Люди, которые так утверждают, видимо, полагают, будто 16 августа у нас все было хорошо и 18 августа все могло бы быть отлично, да вот 17 августа Кириенко и Дубинин собрались, позвали еще кого-то и учинили что-то несусветное.

На самом деле экономический кризис в России имеет длинные корни: на протяжении нескольких лет проводилась довольно сильная денежная политика и слабая бюджетная политика. В учебнике можно прочесть, чем это грозит. Шла борьба между теми, кто доказывал, что сильную денежную политику надо подкрепить сильной бюджетной — это были я и мои единомышленники, и теми, кто считал, что надо и дальше разболтать финансы и отказаться от жесткой денежной политики, тем самым отказавшись от устойчивости рубля. Эта борьба была стратегической и главной на протяжении последних лет. Результатом того, что наша точка зрения не получила достаточной поддержки, в первую очередь никакой поддержки в Думе, которая регулярно расшатывала основы финансовой стабильности, стала крайняя уязвимость нашей страны к волнам экономического кризиса.

Я уже не раз объяснял, в том числе на страницах «Демократического выбора», что в премьерском портфеле, который получил Кириенко, была заложенная при Черномырдине «бюджетная бомба» короткого долга с уже горящим запалом. Он довольно быстро это понял и начал принимать меры, которые, если бы к ним прибегли два-три года назад, позволили бы от этого кризиса уйти. Но кризис был уже на пороге, а Дума не поддерживала ничего из предложенной правительством антикризисной программы, чем отбива-

ла у иностранных инвесторов всякое желание иметь дело с Россией. И катастрофа наступила не 17 августа, а 23-го, когда после отставки правительства на финансовый кризис наложился политический.

— *Кто же в новом правительстве может понять и оценить Вашу новую экономическую программу? Для кого Вы ее пишете?*

— Может оценить Михаил Задорнов, естественно. А вообще мы пишем нашу программу для общества.

Интервью еженедельнику «Дело»

— *Егор Тимурович, я насчитал семь правительств, работу которых Вам довелось видеть изнутри — от Рыжкова до Примакова, включая и Ваше собственное...*

— Думаю, что больше, поскольку на самом деле правительств, руководимых Черномырдиным, было по меньшей мере шесть.

— *Тогда их становится целых двенадцать. На какое из этих правительств по стилю поведения похож нынешний кабинет?*

— Он чуть-чуть напоминает черномырдинское правительство, сформированное в августе 1996 г., после президентских выборов и просуществовавшее до марта 1997-го. Они похожи крайней нерешительностью, отсутствием какой бы то ни было систематически заявленной линии в экономической политике. Решений немного, но все они противоречат друг другу. Правительство крепко зажмуривает глаза и думает таким способом преодолеть кризис.

— *Это правительство хотя и слывет розовым, но оказалось на свой манер крайне либеральным — оно решительно уклоняется от любого вмешательства в экономику в полном соответствии с канонами экономического либерализма.*

— Либеральная политика, т. е. политика, направленная на сокращение государственных обязательств, — это совсем не политика невмешательства в экономику. Это активная политика ограничения госрасходов, дерегулирования, упрощения норм. Особенно это важно для России, где есть традиция избыточного государственного регулирования, мало подкрепленная нынешними реалиями. И как только ты перестаешь крутить педали, как только перестаешь держать кризис под контролем, сразу начинает нарастать разрыв между государственными обязательствами и потоком реального финансирования. Это происходило во времена Черномырдина—

Интервью брал Сергей ШЕЛИН.
Опубликовано в: Дело. 1998. № 22. 10 ноября.

Большакова в 1996–1997 гг., когда резко пошли вверх неплатежи по заработным платам, и это же повторится в ближайшее время.

— *И каким тогда будет прогноз? Через несколько месяцев можно ждать смены кадров, как и в тот раз? Кабинет тогда перетряхнули уже весной 1997 г.*

— Думаю, это весьма вероятно. Нынешнему кабинету я больше девяти месяцев, пожалуй, не дал бы. Причем это довольно оптимистический прогноз. Лично Примаков, может, и сохранится, но нынешняя команда вряд ли продержится дольше, чем до весны — до начала лета.

— *Вы ожидаете в это время какого-то кризиса?*

— Кризис и сейчас никуда не ушел. А разнонаправленные действия, которые будут предприниматься в ближайшие месяцы на фоне нарастающего финансового беспорядка, только приведут к его обострению.

— *Придется ли нам пройти через гиперинфляцию?*

— Это вопрос сценария, вопрос того, насколько опасными будут ошибки правительства. Но то, что оно ведет нас в инфляционную область, совершенно очевидно. То, что оно ведет нас к эрозии доверия к национальной валюте, к сокращению спроса на деньги и падению реальной монетизации экономики — после лага в три месяца, — это тоже очевидно. А вот будем ли мы иметь инфляцию размером в полтора процента в год или же получим полноценную гиперинфляцию — это уже зависит от того, насколько энергично правительство будет делать глупости.

— *Вот столько говорили: «красный реванш», «красный реванш». Можно ли сказать, что он теперь наступил, или угроза оказалась мнимой?*

— Нынешнее правительство — это правительство левого коммунистического большинства. И по тому, что оно делает, а точнее, чего не делает, можно составить неплохое представление о том, что же это большинство представляет собой на самом деле.

Его лидеры много лет регулярно заявляли — на митингах, с телеэкранов, со страниц газет, — что они точно знают, что надо делать в стране, что у них есть развернутая программа по безболезненному выходу из кризиса и есть одна только проблема — им не дают власти. И вот теперь они сами сформировали правительство, ввели туда своих ключевых деятелей, и оказалось, что вообще ника-

кой экономической программы у них нет. Глубокая внутренняя растерянность, отказ от собственных документов — все это свидетельства того, что они не знают и никогда не знали, что надо делать с сегодняшней реальной российской экономикой. Многократно обсуждался вопрос, не будут ли сметены рыночные структуры, если левые придут к власти. И что мы теперь от них слышим? Рынок? Да мы — против рынка? Никогда! Национализация массовая? Да вы что? Кто это нас, коммунистов, мог заподозрить в том, что мы за национализацию! Иностранные инвесторы? Ну что вы, какая распродажа родины? Мы их любим, уважаем, будем холить и лелеять! Все-таки при всей хрупкости прошедших у нас преобразований они оказались настолько укорененными в структуре предпочтений общества, что никто не решается всерьез поставить их под вопрос. Потенциал социалистической политики оказался невелик. Теперь о потенциале популистской политики. Замечательно было, сидя в оппозиции, рассуждать о том, как антинародное правительство не хочет никому помочь, а мы возьмем, напечатаем деньги и всем заплатим. Если отвечать будет кто-то другой, то это прекрасная позиция, а вот когда ты приходишь в правительство и выясняется, что за все будешь отвечать ты, тогда все меняется. Эмиссионное финансирование? Да вы что? Да мы понемножку, незаметно, не хотелось бы, но что поделаешь, другого выхода нет, почему-то никто не хочет дать нам денег... Потенциал у популистской политики, конечно, есть, и правительство уже идет по этому пути, но оно идет по нему дрожащими ногами и печатный станок собирается запускать дрожащими руками, понимая, что будет плохо. У него, вероятно, есть мечта, чтобы какой-нибудь дядя — президент, МВФ, например, сказал: нет, нельзя! А они бы тогда сопротивлялись, говорили бы: мы хотим, но вы меня держите, не дайте! Но дяди нет. Наоборот, им говорят: дело ваше — печатайте деньги, если вы так уверены, что это правильно. Короче говоря, страх перед последствиями реализации не только социалистических, но и популистских пунктов своей программы явно витает над нынешним кабинетом.

Из-за этого страха он и ведет себя, как квазичерномырдинский кабинет, — в стиле 1996 г. В стране тяжелейший бюджетный кризис, имеющий истоки в медленных реформах и отложенной финансовой стабилизации. Разработать и реализовать программу ли-

беральных реформ, ограничивающую государственную нагрузку на экономику, власти не могут, а деньги печатать не хотят и поэтому закрывают глаза и думают: а, как-нибудь пронесет! Но ничего не пронесет, и придется либо переходить к реформам, либо осуществлять эмиссию в больших масштабах. И так как я ни в грош не ставлю идеологическую, организационную, интеллектуальную способность нынешнего правительства проводить либеральные реформы, которые могли бы понемногу вывести страну из кризиса, то приходится предположить, что развитие событий будет толкать его на то, чтобы чем дальше, тем больше печатать деньги.

— *Давно ли коммунисты обрели свою сегодняшнюю умеренность?*

— Лет десять назад коммунистическая партия была широчайшей политической коалицией, где были представлены и последовательные фашисты, и настоящие коммунисты, и умеренные социал-демократы, и либералы. КПСС была слепком со всей идеологии общества. КПРФ же изначально опиралась на людей, не готовых принять рыночные преобразования, она постепенно прорастала своими структурами в среду тех, кто сумел-таки их принять, и довольно быстро эволюционировала в направлении радикального национализма. Сегодня это не коммунистическая и не социал-демократическая партия, это партия в гораздо большей степени национал-социалистическая. Это хорошо видно по стилистике коммунистических газет. Сегодняшняя умеренность коммунистов в экономике связана не с тем, что они так круто трансформировались, а с тем, что они вынуждены повернуться к обществу. Они ведь прагматики и вынуждены считаться с преобладающими общественными настроениями, достаточно далекими от идей возврата к социализму. Им и хотелось бы, но приходится воздерживаться от того, чего общество явно боится.

— *Выходит, коммунисты сумели по-своему откликнуться на общественные потребности. А насколько адекватно на эти потребности реагируют наши либералы?*

— Сейчас происходит активизация либерального фланга. При своеобразном характере российской политики с ее сильным президентом, безответственной, хотя и очень важной на самом деле, Думой присутствие либералов в прошлых наших правительствах объективно ограничивало их политические возможности. Сейчас этих ограничений нет. В правительстве коммунисты.

У них наконец есть возможность показать, как они умеют управлять страной. А у нас есть возможность все это оценивать и объяснять обществу, почему у них получается так, как получается. Сейчас, на мой взгляд, происходит активизация среднедоходных групп населения, которые очень много потеряли в последнее время и, наконец, стали понимать, что все, что раньше у них было, им не гарантировано, отнюдь не дано им Богом. За все это надо бороться. Думаю, процесс политической активизации либералов будет постепенно набирать силу.

— *А какое крыло среди либералов окажется теперь политически более перспективным — Ваше или «яблочное»?*

— К либералам до сих пор относили тех, кто выступает за сокращение государственных обязательств. «Яблоко», как легко убедиться, прочитав его программные документы, всегда выступало за наращивание государственных обязательств и по этому основополагающему критерию должно быть отнесено не к либеральным, а к социал-демократическим организациям. «Демократический выбор России» традиционно стремился ограничить эти обязательства и соответственно налоговую нагрузку. С этой точки зрения у нас нет двух либеральных полюсов. У нас есть один либеральный полюс и есть политическое движение с сильной социал-демократической программной компонентой и позицией, достойной уважения, но не соответствующей, на мой взгляд, российским реалиям.

— *Но при этом вполне вероятно, что именно Явлинского или его людей пригласят в правительство в ходе тех перетасовок, которые Вы прогнозируете. Как Вы думаете, сможет ли он овладеть ситуацией?*

— У «Яблока» тогда будет только два выхода: либо забыть все, что они писали и говорили по ключевым экономическим вопросам, в первую очередь касающимся бюджетной и денежной политики, и осуществлять программу либеральных реформ, либо делать вещи, предельно близкие к тому, что делает сегодня правительство Примакова–Маслюкова.

— *Главный программный документ этого правительства — чрезвычайный бюджет на четвертый квартал с доходами, которые вдвое меньше расходов. Как Вы оцениваете разумность этого бюджета? За счет чего и в каких масштабах осуществлялось бы сейчас сокращение государственных обязательств, если бы решения принимали Вы?*

— Такие решения следует поделить на краткосрочные и среднесрочные. Среди первых я назвал бы консолидацию в бюджет таких неэффективно действующих фондов, как Фонд социального страхования и дорожный. Необходимо также реализовать сформулированную правительством Кириенко идею расширения налоговой базы по социальным фондам. И действительно ли надо было втрое сокращать по сравнению с июлем текущие налоговые платежи «Газпрома» в долларовом эквиваленте? Это то, что касается доходов бюджета. Теперь расходные обязательства. Дополнительные ассигнования на коренное улучшение почвы, которые опять появились в квартальном бюджете, — разве кто-нибудь не знает, что они всегда имели мало отношения к коренному улучшению почвы, зато помогали коренным образом улучшить финансовое благосостояние всех, кто был связан с их расходованием? Есть ли уверенность, что масштабные отчисления на международную деятельность, которые также предусмотрены в квартальном бюджете, адекватны тому кризисному состоянию, в котором находится сегодня Россия?

Если всерьез пройтись по расходам и доходам бюджета, то выясняется, что 1–1,5%-ный бюджетный профицит вполне реален. Все эти задачи непростые, но реальные. Однако они реальны только в том случае, если на все это наслаивается более долгосрочная программа действий, предусматривающая упрощение и рационализацию системы социальной защиты; жилищную реформу, ослабляющую дотационную нагрузку на бюджет; ужесточение контроля над расходованием средств региональными бюджетами, где аккумулируется основная масса дотаций, используемых предельно неэффективно; упрощение налоговой системы, расширение налоговой базы и снижение предельных ставок, причем отнюдь не по НДС, уменьшение которого является просто авантюрой, а в первую очередь по налогам с оборота и по обложению заработной платы, которое у нас загоняет всю экономику в тень. Короче говоря, если миру будет предъявлена программа, указывающая на то, что Россия знает, как решать свои проблемы, то рефинансирование накопленных ранее долгов за счет новых кредитов становится реальной задачей. Если всего этого нет, то нам никто больше не даст в долг и крупномасштабное печатание денег рано или поздно станет неизбежным.

— Вы уверены, что без внешних кредитов наши бюджетные проблемы не решить? Ведь это новое наращивание государственного долга.

— Речь идет не о наращивании, а о сокращении государственного долга. Бюджет надо свести с профицитом, т. е. тратить меньше, чем зарабатываем. Идеальный вариант при этом, если из текущих расходов удастся покрывать все, что назанимали раньше. Это здорово, но не всегда реалистично. Но если действующее правительство докажет, что оно готово тратить меньше, чем мобилизует доходов, если оно покажет, что единственная проблема — накопленный еще с советских времен, а потом за годы медленных реформ государственный долг, то это станет серьезной базой для разговора о реструктуризации таких долгов, т. е. о том, чтобы на благоприятных условиях занять деньги, расплатиться по ранее накопленным долгам и получить возможность накапливать ресурсы для постепенной выплаты новых.

— Кризисную политику нынешнего правительства Вы ставите невысоко. А как Вы оцениваете курс, проводимый в регионах? У нас в Петербурге, например?

— Считаю, что идея борьбы с кризисом путем введения различных форм регулирования цен — это самая неразумная вещь для города, так зависящего от внешнего снабжения, как Питер. Ведь ограничения на цены всегда влекут ограничения на вывоз товаров. Но Петербургу-то нечего вывозить из продуктов питания, кроме импорта. Поэтому ограничения на вывоз — это то, что неизбежно будут вводить другие регионы, и Питер окажется в таком же положении, что и в 1991 г.

— Правда, эти ограничения были у нас довольно быстро отменены.

— Да, отменены — и слава Богу. Но нужно понимать, что это был лишь первый виток кризиса, и совершенно не исключено, что в рамках того, что будет делать правительство, зимой или весной мы можем столкнуться с новым. И тогда соблазн снова начать защищать народ дубинкой административного регулирования появится опять.

— А что Вы сказали бы о долгосрочной петербургской экономической стратегии? Гордость нашего города — бездефицитный бюджет.

— Это, без всякого сомнения, хорошо.

— В какой из столиц экономическая политика более мудрая — у нас или в Москве?

— Экономическая политика Москвы и Петербурга сходная. Разница в одном — в Москве была и отчасти остается раздутая налоговая база, связанная с концентрацией там финансовых ресурсов, центров регистрации крупнейших естественных монополий, работающих по всей стране, и т. д. Но сейчас Москва столкнулась с жестким финансовым кризисом. Финансовый сектор сдулся, доходы идут вниз, а Лужков, который рекомендует Примакову расширять налоговые льготы на уровне страны и срочно нарастить расходы, одновременно сам у себя отменяет льготы и проводит программу сокращения расходов. Оказывается, что деньги, взятые под инвестиционные проекты в Москве, в новых условиях мало-возвратны. И я жду, когда же наконец московский мэр скажет, что пора проводить антинародную, ужасную жилищную реформу, отложить которую ему так хотелось до собственных президентских выборов. Московская финансовая политика такая, какой могла бы быть питерская финансовая политика, если бы у вас в городе было много-много денег, неизвестно откуда взявшихся.

— В условиях кризиса и изменившейся конъюнктуры кому легче подняться — нам или Москве?

— За последние годы не на Лужкове Москва взошла, а на конвертируемом рубле, который естественным порядком привел к концентрации огромных финансовых ресурсов в столице. Именно поэтому кризис сейчас проехался по ней особенно тяжело. В Питере не было такого объема выгодных приобретений, и думаю, что в смысле ухудшения конъюнктуры кризис у вас будет менее интенсивным. Другое дело, что Петербург особенно уязвим по некоторым позициям. Одна из них — это зависимость от импортного снабжения. Высокая инфляция может нарушить товаропотоки, особенно если она будет сопровождаться регулированием валютного курса, административными ограничениями ввоза и вывоза и т. п.

Будучи экономическими воротами России, Петербург должен быть чувствителен к любым изменениям во внешней торговле. Ведь он снимает навар с проходящей через него массы товаров и услуг, которыми Россия обменивается с внешним миром. Если пойдет процесс масштабного сокращения доли торговли в валовом внутреннем продукте и начнется закрытие экономики, то это сильно ударит по Петербургу. Тут сомнения нет.

— Может, городу стоит тогда подумать о том, чтобы отгородиться от Москвы? Идеи автономизма и даже сепаратизма энергично рекламируются в городской прессе.

— Это несерьезно. Таким способом не решить ни одной проблемы.

— Как Вам нравится бурная президентская кампания, которая ведется сразу многими претендентами?

— Очень суетятся. И сразу возникает вопрос: а отчего им так срочно понадобилась отставка президента? То, что президент у нас не очень здоров, ни для кого не новость. Он сильно болел и до 96-го года, когда мы его выбирали. И выбирали не оттого, что считали таким здоровяком, а потому, что нам не нравился его конкурент. Почему его сейчас так хотят сместить коммунисты — понять предельно просто. Они боятся результатов работы собственного правительства, боятся падения собственной популярности, и хотят выбрать президента сейчас, когда все еще можно списать на предшественников. Через полтора года проделать это будет очень тяжело. Далее — Лужков. Он возник как федеральный политик на фоне московского экономического чуда, которое к нему лично имело весьма небольшое отношение. И вот сейчас, как мы уже говорили, кризис особенно сильно ударил по Москве. Сегодня Лужков еще мощный, великий хозяйственник и замечательный кандидат в президенты. А кем он будет через полтора года, сказать трудно. И ему, и Зюганову выборы выгодны сейчас, в этом причина их бурной политической активности. Поэтому же, кстати, я категорический противник досрочных выборов.

— Разве через полтора года список претендентов изменится в лучшую сторону?

— Думаю, что серьезные изменения как раз возможны. Ведь нас все время призывают сыграть в одну забавную игру. Что предлагает нам программа «Итоги»? Трех претендентов. Хотите Зюганова? Хотите Лужкова? Хотите Лебеда? Не хотите Лебеда? Тогда Лужкова! Не хотите Лужкова? Тогда Зюганова! А я совершенно не готов играть в эти три карты. Считаю, что все они крапленые, и не нравятся мне ни одна из них. Я совершенно не готов принять правила игры, которые почему-то установил для меня хозяин канала НТВ. Посмотрим — за это время много чего произойдет в России.

В «ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» ВЛЕЗАТЬ ТЯЖЕЛО

— *Семь лет реформ и семь лет разговоров о трудностях и тяготах преобразований. Скажите, легко ли было начинать? Ведь это попытка изменить страну, изменить Родину...*

— Фундаментальная проблема начала реформ в России — и в этом отличие от реформ в восточноевропейских странах — состояла в том, что крах инструментов традиционной социалистической экономики, всегда связанных с эффективной тоталитарной властью, контролем за материальными потоками через использование механизма директивных указаний, не сопровождался автоматически формированием каких бы то ни было работающих инструментов рыночной экономики. Крах социализма в этих странах совпал с крахом высшей власти. Социализм разваливается, перестает работать, но это абсолютно не гарантирует, что к этому моменту есть эффективная частная собственность (и даже какие бы то ни было законы, защищающие частную собственность), нормальная инфраструктура финансовых рынков, минимальное рыночное внешнеэкономическое законодательство... Где-то эта проблема решается легче на основе восстановления старого законодательства — там, где период социализма был более короткий. Специфика Советского Союза состояла в том, что его крах — реально он произошел осенью 1991 г., когда законы перестали действовать, указания исполняться, силовые структуры функционировать, — не привел к автоматическому формированию даже самых базовых предпосылок для существования рыночной экономики.

Рыночная экономика — это денежная экономика. Денежная экономика подразумевает контроль за денежным обращением. Контроль за денежным обращением — это единый центральный банк, а не 15 или 16 банков, как в Советском Союзе того времени. Первая серьезная параллель, которая приходит в голову, — Австро-Венгер-

ская империя после Первой мировой войны. Там три центральных банка — чешский, австрийский и венгерский — могли короткое время эмитировать общие деньги. Но — три банка, а не 15.

Не работает советская система контроля за внешнеэкономической деятельностью. Перестала работать таможня, она реально не контролирует границы Эстонии, Латвии, Литвы. Соответственно нет и республиканских таможенников.

Но есть вещи, которые абсолютно необходимы немедленно. А вам говорят: подождите, подождите, вот вам опять Госплан, Госснаб, директивы, задания, конфискации, реквизиции... Да не получается! Для этого нужно совершить некий набор силовых и политических действий, которые задают очень своеобразную траекторию развития. Ведь для того чтобы председатель колхоза сдавал хлеб, по существу, даром, у него должна быть генетическая память, что если он этого не сделает, то его снимут, а может быть, и посадят. А нового страха еще нет. Он не появился перед новой властью.

И еще одна существенная вещь: Россия — это большая экономика. А в условиях, когда у вас полтора десятка центральных банков, преимущества на стороне малых экономик. В соревновании за экспорт инфляции выигрывают малые экономики. Они опережающе наращивают денежную массу и экспортируют инфляцию в большие экономики.

С первого дня работы нашего правительства мы стали создавать начальную инфраструктуру рынка. Представления о том, что мы думали — вот разморозим цены и будет всеобщее счастье, далеко не соответствуют действительности. Реальные представления были такие: нет абсолютно никаких — бюджетных, валютных, любых — резервов в условиях неработающей системы, а ведь нужно бесконечно многое, чтобы система работала нормально, и очень многое для того, чтобы она вообще заработала. Условно говоря, у тебя ноль заключенных договоров на 1992 г., и при этом, если 1 января ты не разморозишь цены, у тебя просто все развалится.

Существовала фундаментальная проблема — проблема разрыва между развалом старой системы и необходимостью с максимальной скоростью создать минимальные предпосылки новой системы, настолько минимальные, чтобы просто знать, что эта новая система сразу не развалится. Хотя бы не развалится. Не то, что она будет растущая, замечательная, справедливая, а вообще — не разва-

лится! Вот этот разрыв — а он составлял примерно полгода — был фундаментальной проблемой российских реформ и с самого начала осознавался нами как важнейшая проблема.

— *Была ли эта проблема единственной в то время?*

— Надо учитывать, что еще на это накладывалось. Традиция недоверия к национальной валюте — все точно знали, что на «деревянный» рубль купить ничего нельзя и никогда будет нельзя. Идея, что когда-нибудь можно будет прийти в обменный пункт и купить доллары, кажется массовому советскому человеку эпохи ноября 1991 г. совершенно идиотской. Он точно знает, что так вообще быть не может. Это исключено! Идея, что можно будет прийти в Москве и на рубли купить товары, как где-нибудь в Варшаве, уж не говоря об Амстердаме, — эта идея еще более идиотская, потому что ты точно знаешь, что этого не будет ни при тебе, ни при твоих детях, ни при твоих внуках. Как не было ни при твоих родителях, ни при твоих дедушках... В связи с этим весь набор норм массового поведения работает против доверия к политику, собравшемуся что-либо менять. Возьмите торговлю: она привыкла жить на дефиците. Для торговли появление товаров на прилавках — это слом всей социальной системы, потеря социального статуса для всех, кто занят там. Ну как так? Я должен улыбаться и рассказывать о товаре, вместо того чтобы милостиво, так уж и быть, подавать у заднего крыльца?! Массовые потребительские инстинкты работают в ту же сторону: если хоть что-то можно купить на такие рубли, надо немедленно покупать — ведь потом будет только хуже. Если у вас в руках есть жесткие инструменты денежного регулирования, вы, разумеется, можете «продать» эти стереотипы. Другое дело, когда у тебя нет этого резерва, нет возможностей для проведения жесткой бюджетной политики... Что делать?

В связи с этим нет решения, которое было бы не только оптимальным, а вообще гарантировало бы мягкую посадку. Абсолютен единственный вариант, при котором ты размораживаешь цены, а взамен получаешь стремительный вход в гиперинфляцию. Здесь есть разница между гиперинфляцией и высоким уровнем инфляции, которую мы переживали уже несколько раз. Эта разница не количественная, она поведенческая.

— *В чем состоит эта разница, на Ваш взгляд?*

— Ее немножко можно понять, если вспомнить начало сентября нынешнего года, когда у нас по известным всем причинам инфляция выскочила на гипервысокий уровень. Что происходит в таких случаях? Не просто начинают дорожать товары, а начинают высыхать каналы рыночного товарооборота. И гиперинфляционная экономика — это вновь потенциальная экономика дефицита, потому что деньги перестают выполнять свою нормальную функцию поддержания текущего товарооборота.

В связи с этим наш кошмарный сон 1991 г. был связан с тем, что не размораживать цены нельзя, но это немедленно вводит нас в режим гиперинфляции. Мы решились в этой ситуации все равно размораживать цены, одновременно и параллельно создавая инфраструктуру для их регулирования, причем быстро, и еще раз параллельно проводя социально предельно конфликтную и политически неприятную, вредную для нас процедуру: компенсировать собственную жесткую финансовую политику, проводимую в России, мягкой политикой в отношении соседних стран постсоветского пространства, понимая при этом, что мы вот тут корячимся из-за элементарной копеечной экономии, а завтра украинское правительство выставит счет, который в два раза превышает наши расходы на военное строительство, и мы ничего не сможем сделать.

Нам говорят: посмотрите, какую правильную политику проводит украинское правительство! Как здорово, социально мягко ведут свою политику в Украине. Не то, что вы — глупые монетаристы. Когда мы начинаем вести спор по Черноморскому флоту, то торгуемся за каждую копейку. А украинцы нам отвечают: да мы вам выпишем, сколько надо, столько и выпишем.

«Окно возможностей» — это время для резкого реформаторского продвижения вперед, это несколько месяцев, когда вы много можете сделать в период, когда старая система развалилась, старые хозяйственно-политические элиты дезорганизованы, а новая система не создана. У вас есть этот короткий шанс на фоне всеобщего хаоса.

Вот в этом, на мой взгляд, трагедия российских реформ 1991–1992 гг.: совпадение политического «окна возможностей» с предельно слабым государством и отсутствием минимально необходимых инструментов финансового регулирования. А окно-то все плотнее и плотнее закрывается: консолидированная оппозиция

начинает понимать «ужас монетаристских страшных рецептов, которые придуманы для гибели России».

Но катастрофа, обязанная произойти осенью 1991 г., нормальный голод, паралич любых систем жизнеобеспечения, повторение сценария 1918 г., — эта катастрофа не произошла. За успех мы заплатили закрытием «окна политических возможностей», оттянутой финансовой стабилизацией, длинным периодом высокой инфляции, укореняющимися в этих условиях дурными нормами экономического поведения — имею в виду бартер, взаимозачеты и т. д.

Потом было несколько коротких эпизодов, открывающих новые «окна возможностей», скажем, осень 1993 г. Тогда многое было сделано для создания базы финансовой стабилизации в стране. Тогда мы имели набор благоприятных возможностей: огромные полномочия президента, вновь деморализованную оппозицию. Именно в это время нужно было пойти на жесткие меры в проведении реформаторской политики. Но, к сожалению, мы не имели в то время достаточной политической воли, энергии...

После этого мы вступаем в период, когда у нас политика неуверенная и колеблющаяся, институциональное строительство медленное, в парламенте массовой поддержки нет, создание базового законодательства проходит с трудом, а по многим вопросам не проходит вовсе. Налоговая реформа оказывается остановленной, и надолго. Реформа системы социальной защиты оказывается хронически заблокированной. Структурные реформы различных направлений, например военная, размазаны.

— *Вам не кажется, что мы сейчас стоим в той же точке, что и в 1991 г.: гиперинфляция сентября, отсутствие структурных реформ, кризис и т. д.? И вот сейчас, семь лет спустя, давайте констатировать, что это было — виток или бег по кругу?*

— Мне кажется, все-таки был виток. При всей внешней схожести, ситуация 1998 г. фундаментально иная. В 1991 г. мы жили в экономике, в которой десятилетиями не было рынка, рыночных институтов и рыночного опыта. У массового, многомиллионного слоя людей не было понимания, что это вообще такое. Это важнейший фактор отличия.

Второе — тогда не было рыночного законодательства. Масса вещей стала привычной. Сегодня интеллигентная бабушка в очереди понимает то, что не понимали советские академики того периода. Вот сегодняшняя реакция людей на кризис: они могут тем

или иным образом быть недовольными положением дел, но они уже точно не хотят нетоварного социалистического общества. Даже у левой оппозиции сложилось понимание того, что нетоварная экономика — это карточки, а карточки — это плохо и им нададут за это «плохо» подзатыльников.

И, несмотря на попятные шаги, им все равно придется совершенствовать рыночные институты. А это ситуация совершенно иная, чем в 1991 г. Так что это все-таки развитие по спирали.

— *Егор Тимурович, возникает ощущение, что торможение реформ происходит скорее по субъективно-политическим, нежели по объективно-экономическим, причинам.*

— Реформы по своей природе штука очень конфликтная. У нас есть этикие социалистические дитяти, которые верят в патерналистскую сказку о добрых капиталистических родителях, которые придут и все дадут, накормят швейцарскими конфетами и оденут во французские платья. При этом делать ничего будет не надо и можно будет пить чай на работе и смотреть в окно.

Бывают исторические шансы проведения приятной политики. Вот Рузвельт в этом смысле классический пример: ты делаешь то, чего требуют избиратели, и одновременно строго то, что надо с точки зрения разумной экономической политики! Чудесно. Но, к сожалению, так бывает редко. В постсоциалистической ситуации надо делать прямо противоположное, каждый раз при этом создавая себе врагов по всему спектру властвующих элит, а результат твоих усилий наступит много позже.

У нас не была реализована та самая «шоковая терапия», которой так много пугали. Для ее проведения явно не хватало согласия политических элит. А между точкой А, в которой у вас развалился социализм, и точкой Б, в которой может начаться новая растущая экономика, такое согласие обязательно при всех мелких подвижках влево-вправо.

Наши элиты оказались жестко разделены: одна их часть хочет рыночной демократии, а другая желает по-прежнему всех пугать своими ракетами, дружить с Ираком и полагать, что в этом счастье.

Разделенность элит — жесткое препятствие для перехода к демократии и рынку.

Что касается президента, то нужно понимать, что он ведь отвечает не за то, чтобы понравиться избирателям. Он отвечает

за результат. Он может быть популистом в избирательных кампаниях, но у него гораздо меньше права на то, чтобы быть популистом в экономической политике. Впрочем, президент почти все время был гораздо менее популистским по реальным решениям, а не по риторике, чем парламентское большинство.

Усиление президентской власти почти всегда означает попадание президента в зависимость. Без сильной президентской власти продвижение вперед было бы более трудным, а может быть, и вовсе невозможным. Но, резко ограничивая роль парламента в управлении страной, объективно мы подталкиваем парламент к популизму — он ведь ни за что не отвечает, он просто делает гадости правительству. Это особенно ясно было видно этим летом, когда парламент, совершенно очевидно пренебрегая объективной экономической необходимостью, сбережениями людей и т. д., оттаптывался на правительстве Кириенко и твердой рукой толкал нас к августовскому краху.

— А как Вы в связи с этим относитесь к двум последним премьерам?

— Пять месяцев правительства Кириенко — это попытка президента перехватить инициативу в области экономической политики. На мой взгляд, Ельцин предложил стране хорошего премьера, который начал делать стратегически очень правильные вещи. Вопрос только в двух маленьких слабостях.

До вступления в должность Кириенко ему подложили бомбу с запаленным фитилем в премьерский портфель, я имею в виду финансовую политику правительства Черномырдина, поскольку механизм жесткого финансового кризиса закладывался за два-три года до правительства Кириенко.

И вторая маленькая, но абсолютная особенность — обязательная поддержка парламентским большинством действий правительства. Здесь ситуация, доставшаяся правительству Кириенко, во многом сходна с ситуацией 1991 г. при всей разнице набора исторических везений.

Правительство Примакова–Маслюкова — естественная реакция на кризис предыдущей политики, которому так способствовало думское большинство, сделавшее все возможное для расшатывания финансовой стабильности и подорвавшее попытки Кириенко предотвратить финансовую катастрофу. Правительство Примакова — это первое правительство думского доверия в полном объеме, правительство лоббистских интересов. Коммунисты будут пе-

чатать деньги, они уже печатают деньги и в то же время безумно боятся этого, потому что через три-четыре месяца за это придется отвечать. У них даже нет альендевского, пероновского или гарсиевского энтузиазма по поводу этого. Что можно ждать от левосоциалистического правительства, которое не хочет строить социализм, но и боится печатать деньги? В деятельности любого правительства есть масса вещей, которые являются технически сложными, требуют суммы знаний, например управление внешним долгом. Эти знания не получишь в Госплане. К тому же над членами нынешнего кабинета висит груз предшествующих обещаний. Ну как Маслюков и Кулик скажут агропромышленному комплексу: «Мы ничего вам не дадим, будем дальше сокращать ассигнования»? И сколько они просидят в правительстве в этой ситуации? Левое правительство не способно проводить реальную политику, заданную набором объективных обстоятельств российской экономики.

— Сколь долго, по Вашему мнению, просуществует такое правительство?

— Это правительство недолговечно. Мне представляется, что сценарий развития событий, при котором такое правительство — я не имею в виду непосредственно Примакова — просуществует больше года, маловероятен.

— Как в связи с этим Вы оцениваете перспективу приближающихся парламентских выборов?

— Я считаю, что наши шансы на приближающихся парламентских выборах, как никогда, высоки. В некотором смысле мы сегодня находимся в том положении, в каком находились коммунисты в 93-м году, когда суэта на правом фланге отвлекала все внимание на себя. О каких таких, мол, коммунистах там предупреждает всех Гайдар? Я считаю, что сейчас пойдет процесс структурирования правоцентристских политических сил, способный отвечать основному электоральному спросу. При этом стоит учитывать, что сегодня мы имеем левое правительство, которое всем демонстрирует, что оно может. Точнее — чего оно не может. К концу 1999 г. левых ждут очень нелегкие времена.

Политика в нашей стране — это маятник. Сейчас совершенно явно маятник пошел влево. Можно спорить о том, как далеко он зайдет, но относительно того, что следующий скачок пойдет вправо, — у меня никаких сомнений нет.

Сегодня в своей правоте я уверен даже больше, чем прежде

Приезд в Томск Егора Гайдара вызвал немалый интерес. Во всяком случае пребывание его было насыщено встречами и выступлениями в различных аудиториях. На вопросы журналистов «Красного знамени» бывший глава правительства страны и лидер движения «Демократический выбор России» ответил, побывав в редакции нашей газеты.

— На днях мэр Москвы Юрий Лужков уверенно заявил: «Эксперимент закончен, господа хорошие!». Надо полагать, что он имел в виду тот путь, которым шла Россия с 1992 г. Означает ли это, что либерализм в России исчерпал себя и остался уделом группы интеллектуалов?

— Нет, не означает. Никакого семилетнего либерального эксперимента в России не было, во всяком случае я о нем ничего не знаю. Было всего лишь несколько кратких эпизодов, чем-то напоминающих систематическую либеральную экономическую политику. Если в 1993 г., после моей отставки, тот же Черномырдин, пообещав построить «рынок без базара» и накачав экономику деньгами, осуществлял либеральный эксперимент, то в этом вам меня придется убедить.

Надо учитывать, что в течение семи лет, когда рухнула социалистическая экономика, в России шла тяжелая борьба вокруг выбора пути экономического развития. Да, рыночная экономика сегодня укоренилась, от нее не хочет отказываться даже коммунистическое правительство Примакова–Маслюкова, но сделать ее эффективной и растущей не удалось, прежде всего потому, что у реформаторов все эти годы не было большинства в парламенте. И это стало для нас уроком. Выяснилось, что либеральные реформы России

Интервью брал Евгений ФРОЛОВ.
Опубликовано в: Красное знамя (Томск). 1998. 29 декабря.

нельзя навязать, их можно только сознательно выбрать. Но хоронить эти идеи рано, другого пути из сегодняшнего бардака у нас все равно нет. Если бы господин Лужков сказал, что хочет строить социализм, то это был бы действительно другой путь. Но он этого не хочет. И если Лужков или кто другой встанет у власти, то ему предстоит или наблюдать, как страна проваливается в трясину, или реализовывать ту самую программу, которую они сегодня проклинаяют.

— Значит, по-Вашему, это просто предвыборная риторика?

— Этот момент, конечно, нельзя исключать. С другой стороны, здесь есть некий элемент весьма специфического собственного опыта. У Лужкова это опыт управления Москвой — феноменально бюджетнообеспеченным регионом. Один «Газпром», не добывая газа в пределах Садового кольца, платит в Москве налоги, превышающие все налоговые поступления Томской области в несколько раз. В такой ситуации легко стать крупным социал-демократом, объяснять, что не нужна никакая либеральная политика и все эти глупости про деньги, что надо о всех позаботиться, и т. д. И только сейчас господин Лужков начинает сталкиваться со съезживающимся на фоне банковского кризиса бюджетом Москвы. Конечно, он искренне верит, что можно сделать во всей России так, как в Москве. Но в рамках предлагаемой политики возможно одно: в Москве будет, как в России.

— На днях Дума приняла в первом чтении проект бюджета на 1999 г. Ваш друг и единомышленник Анатолий Чубайс, как известно, его одобрил. А какова Ваша оценка последствий принятия этого бюджета, Егор Тимурович?

— Я уточню: Анатолий Борисович сказал, что сам по себе бюджет неплохой, но это правительство абсолютно неспособно его реализовать. Бюджет этот имел бы какой-то смысл, если бы у власти стояло последовательное либеральное правительство.

Что происходит сегодня в стране? Серьезный бюджетный кризис, не хватает денег на финансирование расходов. Кабинет Примакова несколькими мягкими, но не очень осторожными движениями подорвал возможность получения доходов в денежной форме, по крайней мере, на ближайшие полгода и ничего за эти месяцы не сделал для ограничения бюджетных обязательств, задав к тому же инфляционную инерцию, которая еще и недооценена.

Это приведет к тому, что реальные доходы бюджета существенно сократятся. Правительство предлагает решить эту проблему за счет резкого сокращения всех бюджетных выплат. Это, я бы сказал, жесткая политика расплаты за собственные ошибки и на практике трудновыполнимая. К февралю–марту выяснится, что есть набор социальных групп (те же самые бюджетники, военные), которым нельзя будет отказать в существенной индексации доходов. Кроме денежной эмиссии иных источников у правительства не будет. Даже при самом благоприятном исходе этой операции мы получим разгон инфляции, падение реальных доходов населения. В общем большого оптимизма развитие ситуации не внушает.

— *В Томск на конференцию по либерализму Вы прибыли и как ученый, и как практический политик, т. е. Вы уже начали предвыборную кампанию?*

— Конференция, без сомнения, связана с борьбой за формирование в России базы либеральной идеологии. К этому мы приурачили и мероприятия, связанные с созданием региональной правоцентристской коалиции в Томске, что самым прямым образом связано с предстоящими выборами.

— *Реальна ли, на Ваш взгляд, перспектива этой коалиции преодолеть 5%-ный барьер на выборах в Госдуму России?*

— Думаю, что да. На прошлых выборах политические силы, которые возглавляли всего два участника этой коалиции — Борис Федоров и я, — набрали примерно столько же голосов, сколько и «Яблоко». Если нам нынче удастся сохранить единство, то число наших сторонников, включая тех, кто недоволен Г. Явлинским за избыточный флирт с коммунистами и непоследовательность, окажется не таким уж и малым. Не надо забывать еще и о том, что политика в постсоциализме всегда качели. Вспомните Польшу: в 1989-м «Солидарность» с огромным перевесом выигрывает парламентские выборы, в 1993-м демократы проигрывают вчистую, а в 1997-м поражение терпят теперь уже коммунисты. Так и у нас: сейчас «маятник» качнулся влево, потом качнется вправо. Важно лишь, чтобы, пока идет налево, он не сломал «часы».

— *Основные Ваши противники на выборах — коммунисты, «Яблоко» и лужковское «Отечество»?*

— Если говорить о противниках, то, конечно, это коммунисты, точнее, те, кто слился с радикальными националистами, фаши-

стами, «антисемитами». Наши оппоненты — «Яблоко» и «Отечество». У нас разные точки зрения по многим принципиальным вопросам. Мы считаем, что Лужков — это путь к бюрократическому, а значит, предельно неэффективному рынку и капитализму. У Явлинского социал-демократическая партия с программными установками, неадекватными сегодняшним российским реалиям. Но эти разногласия не означают, что мы не можем кооперироваться по какому-то набору проблем.

— *Насколько беспокоит Вас проблема растущего политического экстремизма и не является ли он следствием экономического радикализма начала 90-х?*

— На мой взгляд, здесь все строго наоборот. Я в свое время одним из первых обратил внимание на параллели между современной Россией и веймарской Германией и на то, что угроза роста радикального национализма куда более серьезна, чем просто возврат к коммунизму. Убежден, что только радикальные реформы, способные запустить экономический рост, являются надежным рецептом от национализма, потому что питательная среда для него — это чувство национального унижения, разочарования в демократической политике, экономические трудности. Это Веймар. Чтобы этого избежать, нужны растущая экономика, растущие доходы, демонстрация эффективности демократических институтов. Все это можно реализовать, как показывает богатый опыт, только в рамках последовательных реформ. Сегодняшняя ситуация — неизбежная плата за их отсутствие.

— *По-видимому, нет смысла спрашивать вас об отношении к досрочным выборам президента. Но не является ли нынешнее состояние, в том числе и физическое, Б. Ельцина тормозом для развития политических и экономических процессов в России?*

— Совершенно не согласен с предложением о досрочных выборах. Что он тормозит-то? Президент практически ни во что сегодня не вмешивается. В социально-экономической области у правительства полностью развязаны руки. Дума принимает те законы, которые считает нужным. Никаких проблем. Другое дело — почему они испытывают к нему такую неприязнь? Если бы еще и не было президента, то они могли бы показывать колбасу по телевизору и убеждать, что в этом и есть народное счастье, а несогласных — в кутузку. Тогда эта целостная система могла бы работать. Но пока

у нас политических оппонентов посадить не так просто, а по телевизору еще можно увидеть, что дает социально-экономическая политика, которую они проводят. Вот это больше всего им мешает. И слава Богу, что мешает.

— Судя по Вашей семье, воспитанию, Вы, скорее всего, не должны были идти в мир политики, не отличающейся особой интеллигентностью. Вы не разочаровались в нем?

— У меня насчет большой политики никогда не было иллюзий, поэтому сказать, что я разочаровался, было бы большим преувеличением. Я никогда не хотел в нее идти. Хотел заниматься наукой, писать книжки. Но когда ситуация круто завернулась и стало ясно, что речь идет о страшном кризисе, стоять в стороне оказалось тяжело. Я пытался достучаться до разных начальников, включая Горбачева, но ничего сделать не смог. В 1991 г. страна стала напоминать самолет без пилота и парашютов и, если кто-нибудь туда не заберется, чтобы что-то сделать, мы обязательно куда-нибудь можем врезаться. Правда, у меня никогда не было мысли, что кто-то нас когда-то поблагодарит. И в первую же встречу я сказал Ельцину, что он отправит наше правительство в отставку уже через год. Так, кстати, и получилось.

Иллюзий, повторяю, не было. Но очень неприятно, когда ошибаешься в людях, вроде бы даже близких. У меня было одно довольно крупное разочарование в человеке — в Александре Николаевиче Шохине, старом друге и коллеге, который очень некрасиво предал меня в день моей отставки.

— История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. И все же, если бы Вы сегодня снова стали главой правительства, изменили бы с учетом опыта, сегодняшних взглядов на жизнь свои подходы к проведению реформ?

— Совсем бы не изменил. Конечно, есть масса технических деталей, которые я бы сделал по-другому. Но у меня была тогда гипотеза, что экономика в России, даже после 75 лет социализма, устроена примерно так же, по крайней мере с точки зрения денежной, инфляционной, бюджетной зависимости, как и во всем мире. Но гипотеза эта ничем не была подтверждена, кроме здравого смысла. Сейчас я могу доказать это массой исследований, создающих прекрасный прогностический результат. Сегодня уверенности в собственной правоте у меня неизмеримо больше, чем в то время.

За каждый компромисс приходится платить очень дорого

В пятницу, как мы сообщали, состоялась научно-практическая конференция по проблемам либерализма в России, участие в которой принял лидер ДВР, директор Института проблем экономики переходного периода Егор Гайдар. В заключение конференции он ответил на вопросы собравшихся. Полагаем, что ответы известного политика представят интерес для наших читателей.

— Нам известны плоды Вашей работы по развалу российской экономики. Вы развалили сельское хозяйство, ограбили старшее поколение, предложили переселить людей с северных территорий. Расскажите о дальнейших планах Вашей организации, чтобы нам знать, чего опасаться в будущем.

— Когда я читаю подобного рода вопросы, я чувствую себя былинным Ильей Муромцем, даже Святогором. Могучая страна, могучее сельское хозяйство, могучая промышленность. Но вот пришел Гайдар — сбережения изъясил, сельское хозяйство развалил, экономику разорил. Хотя бы и такое признание моей силы свидетельствует об их уважении.

Однако я получил марксистское образование и, кстати, не считаю, что все, что Маркс писал о социально-экономических процессах, неправильно. И если следовать Марксу, то экономика, наверное, разваливается не потому, что пришел Гайдар, а что-то было не в порядке с социально-экономическим строем. И если в рамках этого социально-экономического строя был глубокий кризис, то был и кризис сельского хозяйства, и мы последние 20 с лишним лет жили, покупая в кредит по 30–40 млн т американского зерна.

Материал подготовил Виктор СВИНИН.
Опубликовано в: Томский вестник. 1998. 29 декабря.

Да, население накапливало свои сбережения, потому что ничего не могло купить в магазинах — ни мяса, ни автомобиль, ни мебель...

С этими сбережениями действительно было что-то не в порядке. Каждый год наш Верховный Совет принимал бюджет Советского Союза. К этому бюджету всегда, на протяжении последних 20 с лишним лет, принимались секретные пункты. В них прописывалось, сколько средств из системы сберкасс предполагалось изъять и отправить на финансирование бюджетных расходов. Началась эта практика в 67-м году. В начале изымалось понемногу — примерно по 1 млрд руб. в год. Потом все больше и больше. С середины 80-х гг. объем изъятий из системы сберкасс на финансирование дефицита бюджета перевалил за 10 млрд руб. в год, а к концу 80-х — до 20 млрд. К 91-му году общая сумма средств, изъятых на финансирование дефицита бюджета, равнялась вкладам населения сберегательных касс. Эти средства в полном объеме шли на войну в Афганистане, на помощь развивающимся странам... И вот именно это обстоятельство, а не замораживание вкладов и показало, когда открыли кассу, что там ничего не лежит. Все, что я говорю сегодня, подтверждается документами.

— *Признаете ли Вы за собой какие-либо ошибки за время Вашего пребывания в правительстве? Что бы Вы изменили, если бы сейчас были премьер-министром?*

— Я категорически не приемлю тональность покаяния, посыпание головы пеплом и слова о том, как мы были не правы. Принципиальных ошибок мы не допустили. Да, у нас было очень мало времени, предельно мало политической поддержки — никогда не было большинства в Верховном Совете. А в том Верховном Совете было и отвратительное законодательство. Президент колебался в проведении курса реформ. В результате реформы шли крайне отвратительно. Сегодня я бы делал то же самое, но с большей убежденностью в собственной правоте. Если тогда за моей позицией стояли общеэкономические представления, то сегодня — очень богатый жизненный опыт и опыт страны, который показывает, что за каждый компромисс и каждое отступление потом приходится очень дорого платить.

Сегодня я бы попытался организовать систему пропаганды нашей политики, чего не было сделано в 92-м году и что считаю нашей серьезной ошибкой.

— *Считаете ли Вы, что коммунисты и фашисты — это одно и то же?*

— В печати очень многие говорят, что коммунисты — это фашисты. Нет, коммунисты — это не фашисты. Коммунисты и фашисты — это разные люди, а коммунизм и фашизм — разные идеологии. При всех наших претензиях к коммунистам это надо четко понимать. Другое дело, что если судить по последним высказываниям руководящих членов КПРФ, то мне все труднее признавать их коммунистами. Знаете, когда член КПРФ г-н Макашов рассуждает о жидах, когда г-н Илюхин, член Комитета по безопасности, говорит на ту же тему, а КПРФ молчит, когда г-н Зюганов в числе своих великих предшественников перечисляет Александра III, Сталина и забывает упомянуть Владимира Ильича Ленина, то я думаю, что все это не случайно. Мне кажется, что КПРФ все в большей мере превращается не в коммунистическую, а в нацистскую организацию. Нацистская идеология откровенно пытается играть на самых низменных, самых отвратительных чертах пауперизированного общественного сознания.

Я говорю об этом не потому, что коммунистическая идеология мне близка, а потому, что сегодня в лице КПРФ мы все в большей и большей степени действительно имеем дело не с коммунистической, а с нацистской партией. А эта тенденция наиболее опасна.

Честно говоря, в большой разрушительный потенциал коммунистической идеологии в России я не верю. А вот слова Хайека о том, что фашизм в первую очередь приходит после разочарования в коммунизме и нигде разочарование в коммунизме не было так сильно, как у нас, я знаю хорошо. И этого опасюсь в большей степени.

— *Как Вы относитесь к Лужкову и создаваемой под него общественно-политической организации «Отечество»? Является ли московский мэром либералом? Что вы можете сказать о приватизации по-лужковски?*

— Ю. Лужков — яркий, не лишенный харизматики, колоритный политик с явными президентскими амбициями, претендующий сейчас на роль нового лидера партии. Съезд «Отечества» произвел очень интересное впечатление. Собрались люди, которых я знаю очень хорошо, — это люди, которые в большей степени, нежели другие, руководили страной в последние семь лет.

И вдруг они прозрели. Они выяснили, что их старый начальник, о котором сами все время говорили, какой он хороший, оказывается, нехороший. А хорошим оказывается новый начальник. И вот теперь они любят нового начальника. А когда поймут, что и он уходит в тираж, вновь объяснят, как он был не прав и как все делал не так.

Лужков, на мой взгляд, фигура, опасная для России, потому что весь его московский опыт к России применим мало. Что такое по своей природе феномен Москвы? Это феномен безумно бюджетно обеспеченного города, который купается в деньгах, высосанных из России, высосанных из-за плохого законодательства, позволяющего зарегистрировать предприятие в Москве и перебросить туда налоговые потоки. Финансовые потоки замкнуты на Москву. Это система, при которой «Газпром» сбывает газ по всей России и экспортирует его, а платит налоги в Москве и является крупнейшим плательщиком московского бюджета. И платит он в московский бюджет раза в четыре больше всего бюджета Томской области. А еще есть РАО «ЕЭС России». Я уж не говорю о Сбербанке и т. д.

Федеративная структура страны действует в условиях традиционных крупных систем, замкнутых на Москву. Московский бюджет оказался реципиентом этих доходов, создал уникальную бюджетную обеспеченность. А если у тебя уникальная бюджетная обеспеченность, то зачем тебе проводить какую-то федеральную политику? Федеральную политику проводят в стране, когда нет другого выхода. Если же у меня куча денег, то зачем мне все эти глупости с реформами? Беда в том, что традиции, которые возникают в условиях такой обильной обеспеченности деньгами, крайне мало применимы для управления Россией, где этих денег немного. Это выглядит примерно так, как если бы мэром Тамбова поставили очень хорошего эмира Кувейта. Эмир прекрасен, но сможет ли он быть таким же прекрасным мэром?

Будет ли при Лужкове вся Россия жить, как Москва? Нет! Скорее, Москва будет жить, как вся Россия.

В московской приватизации, если честно сказать, никаких крупных достижений, кроме качания денег из московского бюджета в плохо работающие предприятия — ЗИЛ, АЗЛК, больше нет.

— Кого бы Вы хотели видеть президентом России?

— Я могу сказать, кого я не хотел бы видеть президентом. НТВ дает мне три карты и предлагает выбрать из них: Лебедь, Зюганов, Лужков. Мне не нравятся все три. А кого выбирать, это будет видно после выборов в Госдуму в следующем году. Вполне возможно, что о кандидатуре нового президента мы узнаем, когда узнаем, кто будет премьер-министром нового правительства.

— Что Вы скажете о только что принятом в первом чтении проекте бюджета?

— Мы в своем институте составили два прогноза бюджета: более оптимистический и менее оптимистический. Мой оптимистический прогноз совпадает с оптимистическим прогнозом МВФ — инфляция будет примерно на уровне 60%, но, думаю, что цифра будет более высокая.

— Как Вы оцениваете Примакова?

— Достаточно печально. Пока у него медовый месяц с Думой. Но экономическая ситуация будет ухудшаться в силу того, что правительством сделано бесконечное число ошибок. Мы в институте проделали для них тяжелую работу, связанную с поступлением в бюджет средств от индийского долга, и, в общем, используя механизм аукциона, довели выплату в последнее время до 80 центов с доллара. Это 800 млн долл. в год. Но когда Примаков слетал в Индию, то договорился там, что 400 млн индийцы могут не платить. Получается, что мы страна богатая и деньги нам не нужны? Но чтобы представить себе, о какой сумме идет речь, напомню, что это двукратное финансирование всей судебной системы России.

— Ваша оценка деятельности Чубайса и перспективы его как политика?

— Мне трудно оценивать Чубайса, потому что это мой старый и близкий друг. Но в целом могу сказать, это человек поразительно эффективный. Я думаю, что, если бы в 1991 г. я вместо того, чтобы поставить его главным начальником приватизации, поставил бы его в Министерство внутренних дел, сегодня с преступностью у нас было бы все в порядке. Этот человек, как правило, решает те проблемы, которые перед ним ставят. Его поставили выигрывать президентскую кампанию, когда поддержка президента составляла 6%, и он добился победы. Я очень надеюсь на то, что сейчас, когда мы поставили его начальником по организации и подготовке к выборам правого блока, он тоже добьется победы.

Егор Гайдар: МВФ совершал ошибки в России, когда руководствовался не экономическими, а политическими соображениями

В вопросе о том, помогать или нет России, Запад стоит перед тяжелым выбором.

— *Российскую политику МВФ давно критикуют внутри самой России. Но в последнее время ее подвергают пересмотру и в Европе. Насколько это справедливо, на Ваш взгляд?*

— Когда налицо финансовый кризис, в данном случае в России, у многих появляется желание найти ответчика. Один из естественных кандидатов на роль виноватого — МВФ.

На самом деле МВФ — большая бюрократическая организация, в которой есть более компетентные чиновники, есть менее компетентные, но в общем технологически это хорошо работающая организация.

МВФ по природе был придуман для определенного типа ситуаций — как заемщик последней руки в случае, когда страна сталкивается с резкими изменениями текущего платежного баланса. Помощь МВФ будет действенной для государства, которое проводит внутренне логичную экономическую политику. Скажем, страна столкнулась с проблемой нехватки валютных ресурсов. Она хочет их восстановить и для этого составляет сбалансированный бюджет, сокращает расходы, увеличивает доходы. Но чтобы избежать резких колебаний курса национальной валюты и общей дестабилизации финансовой системы, ей на короткий срок нужны дополнительные средства. Здесь МВФ справится.

Интервью брала Марина ШАКИНА.

Опубликовано Российским информационным агентством «Новости» в декабре 1998 г.

Другая ситуация: страна не решила, какую политику собирается проводить. Политическая элита внутри страны не договорилась о том, что она хочет иметь сбалансированные финансы и конвертируемую национальную валюту, не приняла решение жить по средствам — ничего этого нет. Но тем не менее по политическим причинам решено сотрудничать с МВФ. Это можно. Можно выкрутить руки МВФ, заставить фонд выделить деньги. Но нужно понять, что основанная только на потреблении международных займов стабилизация будет временной.

Велика вероятность того, что полученные деньги, кстати, законным способом, обратятся в то самое «бегство капиталов» и страна останется с теми же экономическими проблемами плюс с увеличившейся суммой внешнего долга.

— *МВФ неправильно оценивал политическую обстановку в России и потому его роль была малоэффективной?*

— Самые серьезные ошибки МВФ делал в России в те моменты, когда принимал очевидно политизированные решения, например в 1994 г. Правительство Черномырдина, из которого ушли я и Борис Федоров, явно не собиралось проводить радикальных реформ — пошли разговоры о немонетарных способах борьбы с инфляцией, об отказе от монетарного романтизма. В Думу был внесен авантюрный бюджет, дефицит которого под давлением левой оппозиции в парламенте был еще увеличен. Очевидно, что никакой финансовой стабилизации за этим последовать не могло, дело шло к новой вспышке высокой инфляции. Никаких профессиональных оснований для предоставления займа МВФ не было, тем не менее по политическим мотивам было решено дать деньги. На мой взгляд, все кончилось плохо.

Правительство Кириенко, по моему мнению, стремилось к честному сотрудничеству с МВФ. По профессиональным критериям его антикризисная программа была адекватной и заслуживала бы поддержки фонда. Но что греха таить, были времена, когда МВФ «сам обманываться был рад» — тот же 1994 г.

— *Чем может помочь нам Запад сегодня, если МВФ потерпел неудачу?*

— Не надо изображать из МВФ дьявола и не надо с помощью инструмента МВФ решать не те задачи, для которых фонд создан.

Если задача Запада политическая — не допустить потери контроля над стабильностью в стране с 20 тыс. ядерных боеголовок, то МВФ тут ни при чем и для этого надо создавать отдельный инструмент. Скажем, «семерка» вполне могла бы создать отдельный фонд для России — если уж такой момент, что все эти «финансовые штучки» не имеют значения, и если надо не инфляцию останавливать в России, а общий хаос предотвращать.

Нынешняя ситуация в России — тяжелый выбор для Запада и для МВФ в том числе, совсем по современной поговорке про чемодан без ручки — «и нести тяжело, и бросить жалко».

— *Правительство Кириенко, деятельность которого вы оцениваете высоко, объявило 17 августа 90-дневный мораторий на выплату долгов иностранным банкам и реструктуризацию ГКО. Сегодня это решение все порицают. Вы были в курсе готовящегося шага?*

— Я был в курсе. Больше того — я не считаю его ошибкой. Мне кажется, Кириенко допустил несколько технических просчетов, но по сути решение было адекватным. Оно было катастрофой, но не ошибкой. И катастрофа произошла не 17 августа, а еще в начале месяца, когда стало ясно, что переломить негативные тенденции в экономике невозможно. Дума не приняла весь пакет антикризисных законов, банки уже не верили в способность правительства навести порядок в собственных финансах — началось паническое бегство от рубля, снижение золотовалютных резервов, после чего последовала бы утрата контроля за курсом рубля и закрытие рынка ГКО.

И дальше открывались два пути — напечатать деньги и заплатить ими долги по ГКО, после чего инвесторы поняли бы, что за эти бумажки уже никаких долларов не купишь, или сразу объявить реструктуризацию внутреннего долга и дефолт. Никакого мягкого решения в условиях уже происшедшей финансовой катастрофы не существовало, хотя сегодня, задним числом, кое-кто утверждает и обратное.

— *И тем не менее это решение только усугубило кризис...*

— Были три момента, при которых можно и нужно было действовать иначе, — сами понимаете, советники советуют, а принимают решения те, кто облечен полномочиями. Первое: не надо было переходить к новому коридору в отношениях доллара и рубля. Надо было объявлять открытую девальвацию рубля до уровня, позво-

ляющего привязать его курс к доллару, и удержать его. Надо было сказать: рубль будет стоить 10–12 руб. и мы можем с цифрами в руках показать, почему он будет стоить именно 12. Девальвация обсуждалась, и профессионально ее никто не отвергал, но политической решимости не хватило.

Второе: не надо было вводить обязательный мораторий на выплату долгов российскими банками. Конечно, надо было принять меры для того, чтобы помочь российским банкам, неспособным выполнять свои обязательства по отношению к западным кредиторам, защититься от исков. Но мораторий следовало сделать добровольным, тут же начать формировать консорциум российских банков-должников и начинать переговоры с западными коллегами, что правительство Кириенко собиралось сделать, но не успело.

И третье: была избрана крайне неудачная схема реструктуризации — она не давала ни ликвидности российским банкам, ни гарантий сохранности вложений иностранцам. Вариант худший. Но при всем том я убежден, что еще 23 августа, до отставки правительства Кириенко, все можно было поправить.

Общее отношение инвесторов к происходящему — я прекрасно их знаю, постоянно вместе работаем — было: «мерзавцы, сволочи, без ножа зарезали, разорили, но худшее позади, можно махнуть рукой и дальше как-то приспособливаться». А вечером 23 августа уже было ощущение состоявшейся и неуправляемой катастрофы.

— *Как, по-Вашему, ответит правительство Примакова на ультиматум западных банков?*

— Западные банки волнует в первую очередь, чтобы схемы погашения долгов несли по отношению к ним недискриминационный характер. Пока им объясняли, что по долгам не получит никто, они относились к этому без энтузиазма, но готовы были принять это как реальность. Но когда выяснилось, что они не получают ничего, зато получит кто-то избранный, это нарушило все правила игры.

Сейчас у российского правительства есть два пути разрешения банковского кризиса — один серьезный, другой нет. Серьезный — существенная либерализация банковского сектора, допуск в страну нерезидентов, участие их в санации российских банков, гарантия вкладов граждан, а не интересов владельцев банков. В стратегической перспективе это подействует на банковскую систему России благотворно и будет означать новое качество развития финансов.

Второй путь — печатать деньги, заплатить этими бумажками по всем долгам и за эти же бумажки национализировать банки.

— *Вы несколько последних лет консультировали российское правительство. Объясните, почему так мало было сделано для стимулирования производства? Тот же Кириенко, которому Вы симпатизируете, предпочел увеличивать налоговый пресс.*

— Не от хорошей жизни. Правительство Кириенко сразу же столкнулось с тяжелым кризисом. Конечно, лучше было бы сокращать расходы — и Кириенко сделал для этого много в рамках того, что находилось в сфере компетенции кабинета. Правительство рационализовало расходы, развернуло казначейскую систему контроля за движением бюджетных средств. Но всерьез вопрос контроля — это вопрос обязательств. А государственные обязательства — это вопрос социальной реформы, к которой не готов парламент.

Почему давно растет производство в Польше, Эстонии, а в России — нет? У нас не может расти производство, если цены прыгают и все ценовые пропорции непредсказуемы, если процентная ставка по кредиту запредельная. А она запредельная, потому что у нас большой дефицит бюджета, ведь бюджет — главный заемщик, выкачивающий из производства кредитные ресурсы.

В России были начаты реформы, которые позволили создать ткань рыночных отношений. Но они были оборваны слишком рано для того, чтобы рынок не просто существовал, а мог обеспечивать экономический рост.

— *В конце августа политики в России вроде бы нашли панацею от бед — в аргентинском варианте, в политике «валютного комитета». Сегодня идея похоронена?*

— Новый председатель Центрального банка Виктор Геращенко уже сказал, что это неправильная идея и что вряд ли правительство ее опробует.

На самом деле надо понять, что «валютный комитет» не какое-то гениальное принципиально новое изобретение. Это нормальная упаковка для рациональной экономической реформы. Если вы проводите преобразования налоговой системы, системы социальной защиты, если вы добиваетесь профицита первичного бюджета, устанавливаете гарантии для частной собственности, то вы прекрасно проживете и без «валютного комитета». А если вы на это неспособны, то никакой «валютный комитет» вам не поможет.

Егор Гайдар: Только свобода действительно эффективна

21 января состоялась беседа папы римского Иоанна Павла II с Егором Тимуровичем Гайдаром. Это стало поводом для нашего разговора с председателем партии ДВР о сущности западных ценностей. Вашему вниманию предлагается интервью главного редактора нашей газеты С. Юшенкова с Е. Гайдаром.

— *Егор Тимурович, недавно Вы встречались с папой римским. О чем Вы беседовали?*

— Главная тема, которую мы довольно подробно обсуждали с папой Иоанном Павлом II во время моей поездки в Рим 21 января этого года, — это стратегические отношения России и Европы. И у нас было общее понимание того, что главная задача — способствовать движению России в направлении сотрудничества с Европой. Этот процесс займет многие годы. И это важнейший фактор стабилизации и для России, и для западного мира, и для мира в целом. И в связи с этим папа сказал о том, что он сделает все, что в его силах, для того, чтобы дверь Европы всегда была открыта для России.

— *А кто был инициатором встречи? Сколько времени она длилась?*

— Это было личное приглашение папы Иоанна Павла II. Наша беседа длилась 45 минут.

— *И какое впечатление на Вас произвел папа римский?*

— Это очень яркий, очень сильный человек, который сыграл большую роль в мировой истории конца XX в. и в значительной степени «приложил руку» к посткоммунистическим революциям в Польше, во всей Восточной Европе.

Интервью брал Сергей ЮШЕНКОВ.

Опубликовано в: Демократический выбор. 1999. 27 января.

— У Вас была обычная беседа или были достигнуты какие-то договоренности?

— Разумеется, это была беседа. Какие могут быть договоренности? Я же не официальное лицо.

— *Сотрудничество с Европой, Западом — магистральный путь развития России. Но в последнее время явно наметился, на мой взгляд, очевидный поворот во внешней политике государства российского в сторону антизападных ориентиров. Как Вы оцениваете этот поворот?*

— Как очень опасный и вредный для России по нескольким направлениям. Внешняя политика страны всегда должна исходить из реалий и собственных интересов. Самая опасная внешняя политика — это политика, основанная на мифах и непонимании современного мира. Сегодня Россия переживает тяжелый процесс постсоциалистической трансформации, наступившей в результате краха социалистического эксперимента. Она поглощена своими внутренними проблемами, которые решаются очень непросто. В этой ситуации увлечь Россию мечтами об имперском величии, иллюзией воссоздания квазимирового господства, идеей о ее противостоянии наиболее демократически богатой и преуспевающей части мира — это значит нанести прямой ущерб национальным интересам.

— *Разве этого не понимают так называемые национал-патриоты, которые лобзаются со всеми диктаторами мира и громко заявляют о своей готовности вместе с ними воевать против западного мира?*

— Я думаю, что часть из них, конечно, не понимает, но большая часть и не хочет понимать. Как правильно говорил Карл Маркс, если бы формула «дважды два равно четыре» задевала чьи-то интересы, то она была бы оспорена. Вопрос о внешнеполитической стратегии России задевает интересы, и поэтому, что здесь важно и полезно для страны, а что не важно и не полезно, на мой взгляд, наших оппонентов нисколько не интересует. Они долгие годы жили по принципу: «чем хуже, тем лучше». Этот принцип, реализуемый и во внутренней, и в экономической политике, по-прежнему является доминирующим. И действительно, чем будут хуже отношения у нас с Западом, тем выше их шансы. Чем в большей степени страна будет чувствовать себя парией, изолированной от стабильных рыночных демократий, тем больше шансов, что она доверит

управлять собой людям, которые полны ксенофобией, полны неверием в силу собственной страны. Эти люди умеют спекулировать на мифах о былом величии, их любят и ценят кровавые диктаторы, они не чувствуют никаких ограничений в формировании союзов с этими кровавыми диктаторами. Эта связка антизападничества, антидемократии, антиреформизма, равно как и всевластие номенклатурного капитала, в полной мере описывает базисные интересы наших политических оппонентов. Им не нужны ни открытая миру Россия, ни развивающаяся рыночная экономика. Им не нужна Россия, находящаяся в союзнических отношениях со стабильными демократиями.

— *А какое, на Ваш взгляд, имеет значение присоединение Сербии, пока в качестве наблюдателя, к союзу России с Белоруссией? Характерно, что Сербию представляет яростный националист Шешель.*

— Есть две вещи, которые бы я не хотел смешивать. Есть многовековая традиция близости российской культуры, дружбы русского народа с народами Сербии и Черногории. Это самоценный факт, и никто у нас его не отнимет. Никакой Шешель. Есть и другое. Есть наглое, отвратительное политиканство бессовестных прохвостов и в России, и в Югославии. По некоторым из них плачет трибунал в Гааге. Братание с ними просто ничего общего с дружбой и культурным единством наших народов не имеет.

— *Мы снова, как и в прошлом веке, переживаем своего рода спор между западниками и славянофилами. Собственно говоря, этот спор и даже яростная борьба в нашей истории были всегда. Известно, что наша партия выступает последовательной защитницей западных ценностей. Не могли бы Вы кратко сформулировать суть этих ценностей, каковы их преимущества перед так называемыми ценностями славянофилов или, говоря сегодняшним языком, национал-патриотическими ценностями?*

— Суть западных ценностей, а они, подчеркиваю, не имеют четкого географического местоположения, заключается в приоритете человеческой свободы. Собственно, подъем Европы, современная промышленная цивилизация — все это выросло из укоренения набора экономических и следовавших за ними политических свобод, открывших огромный простор для массовых эффективных инноваций, для нововведений, которые не иницируются и не направляются бюрократией, ограниченной в своих инновационных

возможностях, а органично вырастают из социальной почвы. Западное общество по своей природе — это живой, развивающийся организм, где саморазвитие, свобода, инициатива каждой микро-ячейки является той самой базой, которая генерирует огромный экономический, культурный, духовный потенциал. В связи с этим структуру западного общества и общества антизападного, тоталитарного можно сравнить с цветущим лугом и бетонной стеной. Бетонная стена может быть прочнее и создавать иллюзию собственной устойчивости и мощи, но луг, если по нему не промчатся бульдозером, будет существовать и завтра, и послезавтра, и через год, и через век. А бетонная стена раньше или позже подвергается эрозии, покрывается трещинами, в эти трещины проникает вода, трещины расширяются, и раньше или позже со стеной происходят разные неприятности. Почему? Потому что стена не обладает способностью к адаптации. Это свойство присуще живой природе. Весь двадцатый век убедительно показал, что только свобода действительно эффективна. Попытки выстроить стратегию социально-экономического развития, основанную на отрицании свободы, на максимальной концентрации ресурсов власти в руках государственной или партийной бюрократии (создавая на короткий срок иллюзию рывка, иллюзию эффективности), подрывают жизненные силы социального организма. И потом за этот рывок, основанный на том, что луг вытаптывают, а точнее, по нему проходятся паровым катком, — за все за это приходится очень дорого платить. Поэтому все люди, разделяющие западные ценности, считают, что свобода эффективна, что государство существует для граждан, что оно подчинено гражданам, а не граждане существуют для государства.

— Вы ярко выступаете в защиту западных ценностей. С другой стороны, именно на Западе определенные круги возлагают ответственность на реформаторов, персонально на Вас, Кириенко, Чубайса за то, что вы якобы обманули их 17 августа, что вы, как образно сказал Чубайс, как бы кинули эти западные государства, и говорят теперь, что все вы чуть ли не персоны нон грата. Вы призываете к расширению сотрудничества с Западом, а он...

— Существуют причудливые переплетения мифов. Этот миф идет через запятую после мифа о том, что главная проблема нового правительства состоит в том, что ему не дают кредиты Международного валютного фонда. А не дают кредиты МВФ потому, что на это не даем

согласия мы с Чубайсом. Эти два мифа живут вместе. Ни тот, ни другой миф не имеет ничего общего с действительностью. Я напомним, что решение от 17 августа — решение российского правительства, бесспорно, тяжелое, вытекавшее из складывавшейся к тому времени финансовой ситуации. Это решение было поддержано администрацией Соединенных Штатов Америки и МВФ, сделавшими 17 августа соответствующие заявления. Другое дело, что потом западный мир был крайне разочарован тем, как развернулись события после отставки правительства Кириенко и после фактического демонтажа соглашения, достигнутого Россией с МВФ. В связи с этим наивными являются надежды и аргументы, построенные по принципу «вы же обещали нам деньги». Обещали деньги под некую программу, которую нынче не выполняют. Почему же после этого вы решаете, что кто-то не выполняет обещаний? Запад разный, и я ни в коей мере его не идеализирую. Я его хорошо знаю. Я знаю, что там есть люди, которые действительно с ностальгией вспоминают времена холодной войны. Для них крах холодной войны действительно означал несостоявшуюся карьеру, сорвавшиеся многомиллиардные заказы и т. д. И они, естественно, не испытывают симпатии к тем, кто делал все, чтобы холодная война закончилась. Для них новая холодная война — это новые чины, ордена, новые заказы и т. д. В связи с этим есть люди, которые никогда не хотели бы видеть Россию в кругу стабильных демократий, не хотели бы видеть союзнических отношений и с Европой, и Соединенными Штатами со стороны России. Но я могу вам сказать — именно потому, что хорошо знаю Запад, — что эти люди не большинство и не доминирующая сила. Да, они мешали и будут мешать сейчас. Но все-таки понимание того, что стратегически для мира нестабильная, изолированная, мечущаяся между тоталитарными режимами в XXI в. Россия опасна, а Россия стабильная, демократическая, рыночная, имеющая развитую систему отношений с Европой и Западом важна как элемент стабильности, явно превалирует.

— И именно это обстоятельство было убедительно продемонстрировано на Вашей встрече с папой римским?

— Именно это.

— Вы помимо всего прочего являетесь и вице-президентом Международного демократического союза, и наша партия входит в него. А как складываются здесь наши отношения?

— Международный демократический союз был первым интернационалом, который начал проводить активную политику включения России в собственные структуры. И в связи с этим «Демократический выбор России» является первой российской партией, которая в полном объеме была интегрирована в работу крупного демократического интернационала. Международный демократический союз — это объединение правоцентристских партий, куда входят американские республиканцы, консерваторы Англии, ХДС/ХСС в Германии. Это объединение никогда не будет «целоваться» с Саддамом Хусейном. Все, что связано с последовательной антизападной политикой российского правительства, там встречается, мягко говоря, непонимание. Но в том, что важнейшей задачей демократического мира является полноценная, полномасштабная интеграция в него России, Международный демократический союз всегда занимал принципиальную позицию.

— *Итак, западники и патриоты. Либералы — это западники, а вот патриоты?*

— Я бы их категорически не называл патриотами. Я не понимаю, почему люди, которые хотят сделать Россию международным изгоем по примеру Северной Кореи или Ливии, должны называться российскими патриотами. Жириновский называет себя либеральным демократом. Но это же не повод, чтобы мы действительно считали, что он либеральный демократ. Давайте назовем их подлинным именем — националистами.

— *А кого можно считать настоящими патриотами без кавычек?*

— Я думаю, настоящими патриотами своей страны являются всегда люди, которые хотят, чтобы в их стране жилось лучше, и которые способны предложить программы, ориентированные именно на это. Я глубоко убежден, что никакой другой последовательной программы, кроме той, которую предлагаем сегодня мы, способной поправить положение в стране, предложить никто не может. И правительство Примакова это убедительно продемонстрировало, пройдя путь от декларации о том, что они знают, как делать, к метаниям вокруг программы, которую они никак не могут склеить, и, наконец, к попыткам неудачно и неумело имитировать пародию на экономическую политику либералов.

— *Лидер «Яблока» Григорий Явлинский в последнее время делает всяческие реверансы по отношению к Юрию Лужкову, Евгению При-*

макову. Вместе с тем он стремится показать и доказать, что он западник. А Лужков ему нравится потому, что 50% бюджета Москвы формируется за счет доходов от предпринимательской деятельности и 15% от приватизации. Насколько верны подобного рода утверждения? И будем ли мы с ним сотрудничать?

— Я, честно говоря, совсем не понял расчетов Григория Алексеевича. Он что считает: 15% — это много или мало? В федеральном бюджете меньше 15% от приватизации — это хорошо или плохо? Я не знаю, включил ли он в доходы от предпринимательства доходы от налогов, которые платили «Газпром» и ряд федеральных структур в Москве. Мне не очень понятна логика этих расчетов. Что касается альянса Явлинского и Лужкова, он понятен и очевиден. Это сила, которая пойдет разными колоннами на выборы в Думу, точно так же как коммунисты сейчас собираются идти разными колоннами. Но в целом там есть база для стратегического сотрудничества, которая проявится в 2000 г. Ну а в выборах по одномандатным округам, там, где это возможно, мы, конечно, будем с ними сотрудничать.

— *30–31 января состоится отчетно-выборный съезд нашей партии. Что Вы ждете от этого съезда?*

— Съезд проходит в период начала важнейшей избирательной кампании. Важнейшей для нашей партии, для России. Нам нужно внимательно оценить нынешнюю политическую ситуацию, выработать собственную политику. Я думаю, что съезд поддержит наше решение по созданию коалиции «Правое дело», и уверен, что съезд примет решение об активном участии наших структур в работе этой коалиции и о полномасштабном развертывании подготовки к избирательной кампании. Вместе с тем съезд отчетно-выборный. Нам надо обновить собственные руководящие органы.

— *Как сейчас обстоят дела с процессом формирования коалиции «Правое дело»?*

— Сейчас сформированы инициативные группы по созданию коалиции примерно в 20 с лишним регионах. Мы не форсируем этот процесс, потому что нам нужно было в центре, в Москве, договориться о том, как мы это делаем, о процедурах, чтобы не вызвать напряжение между организациями, входящими в коалицию. Сейчас процесс таких согласований завершается. Я думаю, что февраль–март–апрель будет периодом полномасштабного формирова-

ния центральных структур коалиции, масштабного формирования коалиции в регионах и установления их связей с центральными структурами коалиции и вместе с тем периодом подготовки важнейших программ.

России нужны не деньги, а ум

— Почти банальный вопрос: были ли ошибки у либеральных экономистов при проведении реформ?

— Не было последовательных и продолжительных либеральных реформ, которые якобы проводились на протяжении последних 7 лет. Да, все эти годы в России шла борьба вокруг выбора экономического курса. Были силы и люди, которые пытались проводить либеральные реформы в отдельные исторические моменты, когда у них была такая возможность, и люди, которые категорически выступали против этого и за формирование общества, которое можно назвать номенклатурным капитализмом.

— Может быть, пришло время представителей других экономических взглядов?

— Только либералы могут предложить убедительную экономическую программу. Это показал шестимесячный опыт нынешнего правительства, которое не смогло представить никакую программу, в том числе для МВФ. Что касается денежной эмиссии, так ведь это не изолированная мера, и идея эта возникает не сама по себе, это во многом проявление неспособности правительства проводить осмысленный экономический курс. Это сначала они пришли и рассказывали, как быстро можно все сделать: напечатать деньги и выплатить всем задолженность по зарплате и пенсиям. Но когда ты понимаешь, что за все это будет отвечать не кто-то, а ты конкретно — за растущие цены, за то, что в результате резко сокращаются денежное довольствие солдат, пенсии, зарплаты учителей и врачей, — весь энтузиазм по этому поводу проходит. Правительство и ЦБ боятся крупных масштабов печатания.

— Почему?

— Потому что любая другая программа, кроме либеральной, — это, по существу, сохранение статус-кво, что многих очень устраивает.

Интервью брала Лариса ТАСКАЕВА.

Опубликовано в: Деловой Петербург. 1999. 19 февраля.

ет. Устраивает, что в экономике разные правила игры, что налоговые отношения носят характер торговли, налоговая система предельно неэффективна, для легального бизнеса налоги избыточны, но есть огромное количество дыр, позволяющих от них уклоняться, что социальные программы идут не к бедным, а к средним по доходам группам населения, что правительство регулярно не выполняет своих обязательств перед бюджетниками по действующим законам. Элита поддерживает Примакова, потому что ее устраивает такая замечательная экономика без ответственности, когда уже нет страха перед КГБ и еще нет страха перед эффективно работающими механизмами банкротства и финансовой ответственности. Это же чудо. Ты неэффективно работаешь и сохраняешь свою позицию, ты ворующий каждый день у предприятия и не должен после этого выметаться из своего кабинета. Это очень трудно сформулировать в программу и выставить на всеобщее обозрение под именем «светлое будущее России». Настоящая программа должна показывать пути решения проблем, которые стоят перед Россией. Это должна быть программа создания правил игры, программа бюджетных ужесточений, программа усиления ответственности финансовых предприятий, стабилизации бюджета, это программа прекращения роста внутреннего и внешнего долга, денежной и финансовой стабилизации, программа дальнейшего укрепления прав собственника. Это все либеральные программы.

Пока что политика правительства тупиковая. Нынешние чиновники много говорят о необходимости добавить в экономику денежную массу, привлечь инвестиции в промышленность, но я бы обратил внимание на тот факт, что в постсоциалистических странах, как правило, экономический подъем не следует за инвестициями, а предваряет их и уже потом за ним подтягиваются инвестиции. Обычно экономический подъем после социализма имеет место там, где действительно были проведены либеральные реформы, и там, где были созданы рыночные механизмы, в этих странах сначала начинает расти экспорт, причем несырьевых товаров в первую очередь, потом за ним начинает расти внутренний спрос и наступает экономический рост, далее подтягиваются инвестиции. Экономический подъем не следует за инвестициями, а предваряет их, и уже потом за ним подтягиваются инвестиции.

У России на сегодня действительно изношенный производственный потенциал, очень плохо структурированный для работы в рыночных условиях. Но очень многое — производственные площади, коммуникации — есть, нужны небольшие инвестиции, для того чтобы их эффективно использовать. А уже после навыков эффективного использования приходит экономический рост и запускает механизмы стимулирования инвестиций — как внутренних, так и внешних источников. В первую очередь России нужны не деньги, а ум. Ума бы хватило.

Три наивных вопроса Егору Гайдару. Как мы с Гайдаром грабили Россию

Узнав, что я иду брать интервью у Гайдара, мои родные и близкие не на шутку всполошились:

— Как ты будешь разговаривать с этим страшным человеком? Он же ограбил Россию!

— Ну вот хоть узнаю, как это делается. А там, глядишь, и сам попробую. Надо же мне как-то выгрести после кризиса. С этого мы, собственно, с Гайдаром и начали.

— Все очень просто, — сказал Егор Тимурович, — представьте, что у Вас есть любящая тетя и завод, выпускающий автомобили, например, марки «Ж». Итак, у Вас есть автозавод и любящая тетя, у которой тоже есть какой-то заводик. А у меня — завод, где делают комплектующие для автомобилей. Вы можете купить у меня комплектующие за деньги, собрать автомобиль и продать его на рынке. Любой автолюбитель скажет: даже сейчас, после кризиса, на нашем рынке за деньги можно и купить запчасти, и продать авто. Это простенько и не очень дорого, но безумно скучно! Да еще и налоги платить через каждые полшага.

Но вот Вы покупаете у меня комплектующие по бартеру и взамен отдаете автомобили. Уже не так скучно. Продавая машины за деньги, Выставляете сложившуюся рыночную цену. По бартеру — какую хотите. Я отвечаю тем же. Разницу между реальной и произвольной ценами кто-то из нас потом получит в конвертике. На языке умных людей это называется «откат». А после можно подняться на трибуну и крикнуть:

— Из-за проклятых либералов страна изнывает от бартера!

Интервью брал Борис ГОРДОН.
Опубликовано в: Огонек. 1999. № 12. 22 марта.

Но у Вас пока что скучает без дела любящая тетя. И тут Вы заказываете мне очередную партию комплектующих и даже делаете предоплату! А я — гад этакий — не везу Вам ничего! Зато на счете завода, где директором Ваша тетя, странным образом оказывается сумма, подозрительно схожая с той, которую Вы мне перевели по предоплате. Я перехожу в наступление и прошу отгрузить мне Ваши автомобили без предоплаты. И Вы, добрый человек, решаете в последний раз мне поверить, отгружаете и ждете денег. Но я — сущий разбойник — не перевожу деньги! И тогда Вы поднимаетесь на трибуну и говорите:

— Из-за безумного монетаризма Гайдара страну замучили неплатежи!

А деньги тем временем уже на счете завода, которым руководит Ваша тетя. На языке умных людей это называется «вывод денег на аффилированные структуры». Впрочем, деньги там лучше долго не держать — ведь то, что мы с Вами и тетей проделали, не совсем законно. Но на свете столько чудесных мест, где деньги будут целее!

— Егор Тимурович! Я уже почувствовал себя миллионером! — поблагодарил я собеседника. — Но должен сказать Вам ужасную вещь: у меня нет тети.

— Тогда взглянем на бартер, неплатежи и взаимозачеты глазами нормальных, законопослушных людей.

ЕСЛИ У ВАС НЕТУ ТЕТИ...

— Что происходит в России, когда к директору завода приходит налоговый инспектор, которому завод не перевел ни рубля налогов? Представитель банка, которому завод не вернул кредит? Поставщик, которому завод не отдал деньги за комплектующие? Директор произносит трогательный монолог: «Да, ребята, я все понимаю. У вас клиенты банка без денег, рабочие у поставщика без зарплаты, пенсионеры по всей округе без пенсии. Но вы же понимаете — сейчас время такое, мне вот тоже никто не платит. Ну не могу я отдать вам деньги, которых у меня нет. Будь прокляты эти реформаторы — какой бардак в стране развели!» И директор остается на посту, раздавая интервью о пагубности монетаризма. В другой стране он, произнеся такой монолог, услышал бы в ответ не менее трогательное:

— Жму вашу мужественную руку. Завтра в это же время в этом же кабинете мы с вашим преемником обсудим, что делать дальше с заводом.

Если это просто директор — его должен выгнать собственник завода. Если слезоточивое «войдите в мое положение» исходит от собственника, меняют собственника. Новых трат и новой армии чиновников для этого государству не нужно — всего один нормальный закон о банкротстве. А далее злобные кредиторы и контрагенты все сделают сами. В 92-м, когда наши люди обнаружили, что административные рычаги сломаны, а рыночных нет, джинн вышел из бутылки: технология воровства и вывоза капитала начала расти и крепнуть. Джинн был далеко не первой молодости, при социализме тоже процветало это «войдите в мое положение». И в Венгрии, и в Эстонии, и в Чехии. Но там, едва начались реформы, были приняты законы, которые лишили умника возможности «объясниться и остаться на месте». Государство резко стало «глухонемым». И мы в 92-м тоже попросили принять такие законы — пока экономика воровства не стала сильнее государства.

— Вы хотите угробить нашу промышленность! — вскричали депутаты.

Тогда Борис Николаевич провел нужные нормативные акты указами (если вы помните, у него тогда было это право). Депутаты срочно собрались и лишили президента права творить нормативную базу о банкротстве.

Тем временем еще больше умников нашли у себя тетю. Сейчас это те, кто создает прибыль, сидя «где надо», обслуживает вывоз счетов «куда надо». Дает уголовную и административную «крышу». Лоббирует интересы в Думе. В нужный момент поднимает шум в прессе. Летом 97-го правительство пыталось провести через Думу законы, пресекавшие неплатежи и взаимозачеты. Все провалили в Думе. Ну, это ясно. Но почитайте прессу тех дней, даже самую демократическую, и у вас будет полное впечатление, что реформаторы пытались заложить мину под российскую экономику и государственность. Это говорит о многом.

Есть простой и точный метод проверить самочувствие джинна. Есть приличные налоговые поступления — значит, его заталкивают в бутылку. Поступлений нет — значит, джинн блаженствует. Неплатежи — это прекрасный способ уйти от налогов. Чем больше

людей так живет, тем труднее будет провести через парламент законы, которые это пресекут. Когда Сергей Кириенко сказал стране, что «Газпром» должен платить налоги по закону, а не «по возможности», для многих это стало истинным потрясением. Даже если руководство крупных компаний осознает, что надо делать все финансовые операции прозрачными, люди в низовых звеньях очень болезненно относятся к тому, что им бьют по рукам.

КТО НЕ ПЛАТИТ — ТОТ ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ?

Летом 97-го в Думу внесли проект реформы подоходного налога. Точь-в-точь, как вы сказали, — одна ставка на любой уровень годового дохода. Значит, потом можно вычитать из зарплаты или гонорара. Уклониться от такого сбора очень трудно, особенно если позакрывать еще кое-какие лазейки. Как их закрывать, законодатели знают. Казалось бы, миллионы граждан должны вздохнуть спокойно — ну вот, наконец первое апреля снова станет днем смеха, а не страха. Партия потребителей бюджета тоже не внакладе — им предлагают очень надежный источник налоговых платежей. И что же? За реформу голосуют лишь депутаты от «Демвыбора России». Даже НДР проект не поддерживает, и он с треском проваливается! А миллионы граждан даже не получают внятной информации, что происходило в эти дни в стенах Думы, им снова рассказывают о поехавшей крыше младореформаторов!

Что произошло? Есть налогоплательщики, которые проклинают нашу систему, но платят. Я по многим причинам — один из таких. Меня или мою жену не убедить, что фиксированная ставка, которую автоматом вычитают из твоих доходов, — это хуже ежегодных головоломных подсчетов. Но вот живет некий человек, который нашел способ не платить, и вдруг ему говорят: «Будешь платить существенно меньше, чем должен сейчас. Но сейчас ты не платишь, а завтра — будешь!». Он же просто не поймет, о чем речь: «Это я, великий и могучий, и буду платить?! Никогда!». Провал той налоговой реформы не оставил сомнений: в Думе сидят не только всевозможные потребители бюджетных ресурсов, но и лоббисты интересов тех, кто не платит налоги. При этом они громко кричат, что сейчас возьмут богатых за горло и заставят их платить по прогрессивной шкале. Но при этом — «нечаянно» — оставляют в зако-

нах такие лазейки, при которых «свои ребята» никогда и ничего не заплатят.

— Неужто нельзя, чтобы все пять твоих бухгалтерий вычитали фиксированный процент из зарплаты?

— Во всем мире налогоплательщики голосуют вдвое активнее своих люмпенизированных сограждан. Еще бы: выбираешь тех, кто делит твои деньги! А вот наша армия налогоплательщиков (или тех, кто мог бы ими быть) свято уверена, что ее жизнь абсолютно не зависит от тех, кого она выберет или не выберет в парламент. Вот он я — крутой, умный, свое дело, вот мой годовой доход, жена — красавица и дети в элитарной школе. Какое мне еще дело до кучки придурков из Думы? Вот под эти победные речи наш нарождающийся средний класс дружно не пришел на выборы 95-го года. Те, кого наш средний класс посчитал придурками, все три последующих года старались максимально оправдать его мнение о них и написали такие законы, что среднему классу небо с овчинку показалось. Девяносто восьмой для многих стал годом удивительного открытия: жизнь и политика вообще-то как-то связаны! Да, ты пробился в этой жизни сам, но где, как и когда? В России начала 90-х, когда худо-бедно это стало можно по закону. Проспишь еще одни выборы — и по новому закону станет нельзя.

— Но сейчас многие из этих ребят если и раскаиваются, то не в том, что не пришли тогда на выборы. Они убеждены, что в августе рухнула как раз та самая экономика воровства, удушения российской индустрии импортом и зарплат в конвертах. И они придут к урнам голосовать не за Вас, а за державников, — решил я открыть суровую правду Гайдару.

— Опять поверили в чью-то схему, — вздохнул Егор Тимурович. Ну с чего они взяли, что экономика воровства рухнула, если все взаимозачеты, уход от налогов, неплатежи и бартер на старом месте? Да, страну эта экономика чуть не угробила — но сама-то целехонька! И кто им сказал, что импорт нас удушил? Есть статистика: все три последних года на нашем рынке росла экспансия наших товаров. Вы меня сейчас ни за какие деньги не заставите купить импортную колбасу — наша вкуснее. Да, делал когда — то один наш завод титановых болванок в 4 раза больше, чем емкость всего мирового рынка титана. И что? Не продашь — рынок не переварит, на хлеб не намажешь, на себя не наденешь. И таких заво-

дов у нас были сотни тысяч. А тех, кто делал что-то нужное, почти не было. Со страшным скрипом наша промышленность стала поворачиваться к рынку, а попросту говоря, к тому, что мне и вам нужно. И это плохо? И это повод голосовать за тех, кто опять заставит делать в огромных количествах то, что абсолютно никому не нужно? Мне сейчас как раз надо было соорудить у себя дома встроенную мебель — и я с удовольствием купил нашу, московскую: она лучше и дешевле.

— А я вот тут тоже недавно возился с обустройством квартиры, — вспомнил я о своем. Когда нашел мастера починить старые стулья, расписку ему пришлось давать, что не настучу в налоговую и что я сам не оттуда.

Мой собеседник рассмеялся. Оказалось, что корни моих злоключений лежат тоже в нашей законодательной практике.

Стул в законе

— В Думе прошлого созыва принимали закон о лицензировании. Наши левые настаивали, чтобы список видов деятельности, для занятия которыми надо брать лицензию, был размером с Британскую энциклопедию. Но если вы думаете, что для левых «усиление роли государства в экономике» — просто идефикс, вы ошибаетесь. Левые знают, для чего они усиливают эту роль. Еще вчера, чтобы чинить стулья, вам нужно было лишь дать объявление. В это время где-то без дела и денег изнывал чиновник. Теперь к нему потянулись люди. Он при деле и деньгах. Он уважаемый человек! Вот для него левые и писали закон о лицензиях.

Каждый год в советском Азербайджане принимали решения о сносе теплиц. И каждый раз все прекрасно знали, что никто теплицы сносить не будет, просто надо прийти в нужное время в нужное место с нужной суммой. Весь мир со времен американского «сухого закона» знает: любая деятельность, когда она полузапрещена, рождает одну и ту же пирамидку.

Внизу тот, кто гонит самогон или держит «сауну с тайским массажем». Он «отстегивает» нижнему чину полиции, чтобы тот закрыл на все глаза. Тот — своему полицейскому начальнику. Того

«прикрывает» местный чиновник. Местного — чиновник из правительства. А в это время с парламентской трибуны депутат говорит о масштабах теневой экономики и коррупции в стране. Говорит со знанием дела — он сам во всем этом активно участвует, своими запретами загоняя в тень все новые и новые секторы экономики и имея с этого навар. Он в доле.

Наши думские законодатели сделали все, что могли, чтобы у России не было доходной части бюджета. Одних загнали в полную тень, другим позволили взаимозачеты и неплатежи без риска банкротства и для всех установили налоги, которые невозможно платить, но нетрудно обойти. И приняли горы законов, которые обещают заплатить и дать льготы и тем и этим, и всем сразу. Это финансовая мина, заложенная под страну. Ее рванулось обезвреживать правительство Кириенко. Когда антикризисный пакет летом внесли в Думу, даже руководство МВФ было уверено, что Дума его примет. Иначе ведь финансовый крах. Весь мир видел, что иначе крах! Я тогда дал прогноз: Дума провалит пакет. В МВФ этому очень удивились: Дума организует катастрофу для собственной страны? Да быть того не может! Я ответил, что может: думское большинство составляет партия, за которую голосуют люди, которым плохо. Эта партия не будет делать ничего, чтобы людей, которым плохо, в России стало меньше. Ее устраивает вариант, при котором нынешние трудности России стали бы вечными.

Если вы помните, Дума отвергла антикризисный пакет Сергея Кириенко.

Мы попрощались. Егор Тимурович, естественно, попросил проголосовать на думских выборах за «Правое дело», но сделал одну важную оговорку:

— Это в том случае, если для Вас нормальные налоговые законы ценнее, чем ваше личное умение уходить от налогов. Если Вам не по себе, когда расходы бюджета непрозрачны. Если Вы думаете, что социальная помощь нужна только беднейшим, а не всем. Если Вы лично убеждены, что плохого хозяина надо банкротить и Вас не пугает волна банкротств. Вы вполне можете так не думать — тогда не ищите «Правое дело» в списке.

Я вышел на Тверскую и поймал «Эхо».

Дума приняла сразу в третьем чтении закон, по которому моя последняя зарплата на прошлой работе отныне считается сверхдоходами и подле-

жит налогообложению почти в 45%. «Штука» баксов в месяц, которую знакомая фотомодель однажды определила как «немужские деньги».

Там, на старой работе, в правильном голландском офисе, который «стоит, но платит все налоги», моя любимая главная бухгалтерша — Лена Володина, однокурсница Гайдара. Если бредятину проштампуют сенат и президент, Лене снова переходить на осадное положение и пересчитать зарплату.

Однокурсники не пророчили ему роль премьера. Милый парень, учился прилично, в «ботаниках» вроде не числился: как он зубрит — никто никогда не видел.

Просто однажды, когда деревья были большие, а полки были пустые и серьезные дяди с огромным хозяйственным опытом объясняли стране, что в России объективно не может быть полных полок и это наша судьба, он пришел, и полки стали полные. На него закричали и затопали ногами: скройся с глаз, ты все сделал не так, и вообще ты не наш — ты говоришь слово «отнюдь»! Он ушел. Как можно отказывать хорошим людям в такой любезности? Все воровство, которое было после, списали на него. И все списывают и списывают до сих пор.

Он наше национальное достояние. Не у каждой страны есть Егор Гайдар, на которого можно списать абсолютно все. А у России — есть.

А ведь мог бы стать славным главбухом судоверфи «Красный титаник».

Егор Гайдар: Россия и Европа

Мы приближаемся к порогу очередных выборов, на которых в очередной раз будет решаться больше, чем только вопрос о персональном составе Государственной думы, — снова речь пойдет о пути, который Россия выберет на многие годы.

Это понимают все, и все готовятся к выборам. Недавно создана коалиция партий либеральной ориентации, получившая название «Правое дело».

Один из инициаторов коалиции, лидер партии «Демократический выбор России» Егор Гайдар, дал интервью нашему журналу.

— Егор Тимурович, после победы Ельцина на выборах 1996 г. Вы неоднократно заявляли, что угрозы коммунистического реванша в России больше не существует. Сегодня Вы повторили бы эти слова?

— Нет, не повторил бы. Хотя в некотором смысле они, видимо, были правильными. За эти годы бывшая коммунистическая элита адаптировалась к нынешним условиям и сейчас, придя к власти в экономике, первое, что начала делать, это отмежевываться от собственных программных установок, заверять, что она за рынок и частную собственность, т. е. все это действительно оказалось востребованным. Общество не хочет снова поставить себя в очередь, и это, видимо, важно.

Но, конечно, развитие событий показало огромную недооценку нами деструктивного потенциала парламентского большинства. Мы-то исходили из того, что если Ельцин выиграл выборы, то курс экономических и политических реформ пусть с колебаниями, но будет продолжен. Оказалось, что коммунистическое большинство в парламенте, создавшееся в результате поражения демократов на выборах 1995 г., способно с мощнейшей силой если не парализовать движение вперед, то радикально дестабилизиро-

Интервью брали П. ГЕЛАЗОНИЯ, А. ЛАНЦЕВ.
Опубликовано в: Семья и школа. 1999. № 3. Март.

вать положение в стране. За эти годы парламент не раз принимал решения, прямо направленные на подрыв финансовой, экономической и политической стабильности, и в результате добился своего — мы оказались отброшенными довольно серьезно назад...

— Это был инстинкт или...

— Нет, нет. Политический расчет. Посмотрите на решения, которые принимал парламент, когда у власти было правительство Кириенко, и на те, что он принимает при правительстве Примакова... Приведу один пример. Нормальный равновесный уровень средней пенсии в России по реалиям 1995-го — первого полугодия 1998 г. был около 60 долл. Мало, конечно, хотелось бы больше, но эти 60 долл. можно было выплачивать реально, не накапливая задолженности. Коммунисты добились, чтобы формально пенсия была повышена до 70 долл., зная, что взять их неоткуда, что это станет фактором политической дестабилизации и т. д. Это повышение и стало важнейшим из факторов, сорвавших финансовую стабильность. В результате средняя пенсия снизилась с 60 до 18 долл. И что-то я не вижу никакого энтузиазма парламента, желания повысить ее с 18 хотя бы до 25, т. е. дело не в том, как живут пенсионеры, на пенсионеров им глубоко наплевать, их интересует вопрос о власти. Их интересовал вопрос, как максимально развалить ситуацию и подорвать финансовую стабильность, сейчас интересует, как облегчить жизнь правительства Примакова, потому что если ты снижаешь среднюю пенсию с 60 до 18 долл., то нечего удивляться, что оказываешься в состоянии некоторое время ее выплачивать. Так что это не был инстинкт. На мой взгляд, это был вполне сознательный циничный расчет.

— По различным прогнозам, и Вашим в том числе, нынешней весной нас ожидает скачок инфляции, рост цен и прочее. Как в этом контексте Вы смотрите на правительство Примакова?

— Можно говорить о предельной слабости его работы в налоговой области, по существу, о капитуляции перед задачей взимания налогов, в частности, с тех налогоплательщиков, кто тесно связан с властью.

— Таким образом, все налоговые новации...

— В том-то и дело, что действуют сильнее не налоговые новации, а то, что проявляется в конкретных действиях правительства. Когда правительство говорит, что оно против процедуры ускорен-

ного банкротства должников бюджета, то как можно убедительнее объяснить предприятиям, что не надо платить налоги? Когда оно говорит, что оно за индивидуальные налоговые соглашения, как можно убедительнее сказать, что налогового законодательства нет и вопрос решается на уровне чиновников? Когда оно говорит, что готово установить практику оплаты натурой, как можно убедительнее заявить, что, мол, накапливай, пожалуйста, недоимку, а я тебе разрешу натурой ее оплачивать? Когда оно сказало, что списывает долги агропромышленному комплексу (речь идет о рассрочке по минимальной ставке на семь лет), то как можно убедительнее дать понять тем предприятиям агропромышленного комплекса, которые платили налоги, а их было не так уж мало, что вы полные идиоты и никогда больше так не делайте? Так что этот набор решений, имеющий вроде бы тактический характер, на самом деле гораздо важнее, чем любые новации Бооса¹.

Что же касается боосовской программы налоговых реформ, то она очень странная. О том, что разумно снизить налоговое бремя и расширить налоговую базу, справедливо говорили многие. И правительство в 97-м году представило очень серьезный и радикальный проект налоговой реформы, который резко снижал предельные ставки налогообложения и устранял варварские налоги с оборота, доводившие налогообложение прибыли до 70–80%. Боосовская программа предполагает сохранение этих варварских налогов, но при этом снижает наименее вредный для экономики налог на добавленную стоимость, т. е. трудно себе представить комбинацию, которая более гарантированно приводила бы к падению доходов бюджета без каких бы то ни было шансов на то, что хотя бы часть теневой экономики будет легализована.

— К сожалению, распространено мнение, что Гайдар и гайдаровцы довели экономику до ее нынешнего состояния. Любопытно услышать от Вас, сколько времени, находясь в правительстве, Вы имели реальную возможность делать то, что считали нужным?

— В полной мере не имели никогда, потому что у нас никогда не было парламентского большинства, а законодательство о при-

ватизации, которое мы были вынуждены реализовывать, было принято Верховным Советом РСФСР еще до нас, и все наши попытки внести разумные корректировки в это законодательство, скажем повысить оценку приватизируемого имущества, были полностью блокированы Верховным Советом. Когда мы пришли в правительство, у нас было определенное влияние на проводимую политику. Можно говорить, что месяца три-четыре у нас были хоть в какой-то степени развязаны руки для проведения мало-мальски последовательного курса — хотя бы на уровне федерального правительства. Уже с весны 92-го года само реформированное правительство было разделенным, там было много людей, совершенно иначе представлявших себе экономическую политику, было ясно, что оппозиция нашему курсу укрепляется вокруг президента, что она консолидирована в Верховном Совете, огромный удар нанесло ошибочное решение президента возложить на Руцкого ответственность за аграрную реформу, т. е., короче говоря, времени, когда мы в полном объеме могли проводить то, что считали нужным, как, например, Бальцеревич в Польше, не было никогда. Еще можно вспомнить правительство «молодых реформаторов» между мартом и августом 1997 г. Можно назвать два-три месяца в правительстве Кириенко. В общей сложности за эти семь лет период, который я мог бы назвать периодом осмысленной экономической политики, исчисляется месяцами. А уж представлять крупным гайдаровцем Черномырдина, которого в 1992 г. поставили при поддержке фракции «коммунисты России» и за которого проголосовали в августе 1996 г. депутаты от КПрФ, — для этого надо обладать специфическим чувством юмора.

— Вы как-то сказали, что Черномырдин с годами чему-то научился. Может, понял значение слова «монетаризм»?

— Не думаю, чтобы понял. Но, конечно, он чему-то учился как всякий человек, вынужденный принимать практические решения по управлению рыночной экономикой. Как сейчас, видно, чему-то учится Маслюков. К сожалению, крайне медленно. Не хотелось бы повторять практику постоянной платы общества за обучение правительственных лиц азам рыночной экономики. Но если даже ты чему-то и учишься, это не значит, что учишься способности проводить курс либеральных реформ. Тут есть два момента: а) учиться для того, чтобы не делать фатальных крупномасштабных

¹ Георгий Валентинович Боос — российский государственный и политический деятель, в рассматриваемое время — руководитель налоговой службы, министр по налогам и сборам в правительстве Е. Примакова. Впоследствии (2005–2010 гг.) — губернатор Калининградской области. — Прим. ред.

глупостей, и б) учиться, чтобы определять курс последовательной экономической политики, которая Черномырдину, кстати, абсолютно чужда. Ведь в чем состояла суть наших разногласий? Какие должны быть взаимоотношения между государством и предприятиями? Нормативные, законные или индивидуальные, вытекающие из того, кто с кем в каких отношениях, у кого какие связи, какая политическая поддержка и т. д.? Что должно определять структуру уплаты налогов — индивидуальная договоренность или закон? Вот главное. И как было объяснить человеку, в прошлом возглавлявшему крупнейшее предприятие — «Газпром», что у «Газпрома» не должно быть индивидуальных отношений с государством, а точно такие, как и у всех. Ведь если у «Газпрома» индивидуальные, то почему, скажем, у «ЛУКОЙЛА» общие? Ведь исключение не остается единственным, а неизбежно распространяется на целый сектор крупных предприятий.

— *Насколько широка база согласия в «Правом деле»? В какой мере Ваши сочлены по коалиции могут быть названы Вашими единомышленниками?*

— Разумеется, всякая коалиция — это всегда согласие интересов, всегда расширение политического поля. Да, у нас есть свои дискуссии, но, мне кажется, в целом, по принципиальным вопросам мы единомышленники. Это касается стратегической ориентации России, ее внешней политики, экономической политики, законодательства, приоритета прав гражданина над правами государства, отрицания экстремизма, этатизма и т. д. Обращение, которое мы подписали в поддержку коалиции, достаточно определенное в оценке прошлого и в оценке задач. Оно идеологически нагружено, это не пустая бумажка.

— *И коалиция не закрыта?*

— Нет, конечно. Она открыта для наших единомышленников.

— *Вы рассматриваете возможность сотрудничества, скажем, с правым крылом НДР?*

В НДР сейчас происходит сложный процесс размежевания. Одна часть уходит к Лужкову, другая — к Примакову или в блок губернаторов. НДР всегда была очень разнородной партией, партией власти, партией лишения идеологического ядра. Тем не менее я знаю ряд региональных организаций НДР, которые объективно являют-

ся нашими союзниками, по меньшей мере на региональном уровне. С ними, надеюсь, мы будем сотрудничать на предстоящих выборах.

— *В докладе на недавнем съезде Вашей партии Вы сделали сильный акцент на проевропейскую ориентацию России. Это принципиальный момент?*

— Да. Я считаю, что это важнейший стратегический вопрос для России, выходящий за рамки только внешней политики. Это не просто ориентация в вопросах безопасности, это ориентация в развитии законодательства, вопрос стандартов. Думаю, многие наши политики готовы сказать: да, мы тоже за... Ну замечательно. Но тогда давайте посмотрим на европейские критерии демократии. Как там с частной собственностью на землю? А с основными финансово-бюджетными проблемами? А с защитой частной собственности? А с открытостью в экономике? И т. д., и т. д. Как только вы понимаете, что это не пустые слова, так дальше выясняется, что от этого во многом зависит стратегия движения, а эта стратегия далека от той, что приемлема сегодня для нашего левокоммунистического парламента.

— *Тем не менее несколько наших партий сегодня оглядываются на европейскую социал-демократию.*

— Дело в том, что Европа достигла того уровня развития демократических институтов, когда можно позволить себе роскошь выбора. Слабость социал-демократических ориентиров для России не в том, что они сами по себе плохи, в них очень много хорошего, слабость их в том, что они абсолютно оторваны от наших отечественных реалий. Ведь что такое социал-демократия? Переводя на простой и прагматический экономический язык, это идея повышения общего уровня налогового бремени для решения дополнительных социальных задач. И если экономика сильна и мощна, тогда это возможно, а иногда и полезно.

— *А вот Лужков призывает нас работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически.*

— Да, замечательно. Только получается обычно наоборот. Работать по-социалистически, а хапать по-капиталистически.

— *Хотя даже при советской власти коммунисты выдвигали принцип материальной заинтересованности.*

— Совершенно точно... В связи с этим вопрос: а что, сейчас в России реально резко увеличивать налоговое бремя? В наших реалиях,

сравнимых с Латинской Америкой? Ведь почему в Латинской Америке не сформировалась социал-демократия? Да потому что при отсутствии соответствующей базы она немедленно вырождается в экономику популизма. Пообещать-то ты пообещаешь. А деньги где возьмешь? Напечатаешь? Разгонишь инфляцию? Подорвешь национальную валюту? Нанесешь дополнительный удар по самым бедным? Сделаешь так, чтобы богатые быстрее богатели, потому что они всегда богатеют? Вот тебе и вся социал-демократия. Нам надо очень много сделать, чтобы пройти дорожку, где права выбора нет, чтобы получить само это право. Например, применительно к развитым странам я считаю, что новозеландское трудовое законодательство лучше, чем европейское, или что реформы трудовых отношений, предпринятые в Великобритании, обеспечивают более низкий уровень безработицы, чем, скажем, во Франции, и т.д. Но это проблемы другого уровня. Обсуждать их сегодня у нас — значит отрываться от родной экономической почвы.

— Но ведь понимают же, наверно, что, например, деньги печатать — это плохо?

— Вы знаете, поразительно. Не хотят печатать. Правительство Примакова пришло со словами, что вот мы сейчас напечатаем и будет здорово. А через два месяца, слышно, Маслюков уже рассказывает, что, к сожалению, печатать деньги — это очень плохо. Видимо, дело в том, что, находясь в оппозиции, ни за что не отвечаешь. Ну а придя в правительство, понимаешь, что за растущие цены будет отвечать не кто-то, а ты лично.

— За последнее время возродились или, лучше сказать, усилились нападки на Вас. Спикер Думы Селезнев назвал Вас экстремистом. В «Вечерней Москве» печаталось сочинение политолога Кивы против либералов вообще и Гайдара, в частности, с продолжением...

— С бесконечным продолжением...

— ... в «Итогах» на НТВ из себя выходил при упоминании Вашего имени губернатор Наздратенко. Ну и т.д. Как Вы думаете, чем это вызвано? Боятся?

— Боятся двух вещей. Первое. Видят, что у этого правительства ничего не получается, и понимают, что можно какое-то время проклинать либералов, но безгранично, и что реальной альтернативы либеральному курсу нет. Это очень страшно. И второе. Видят, что либералы оказались способны объединиться. Это тоже страш-

но. Помните, как Селезнев говорил: я вас заверяю, что они никогда не объединятся. Да и сколько усилий потрачено, чтобы они никогда не объединились...

— А как Вы прогнозируете возможное представительство «Правого дела» в будущем парламенте?

— Трудно сказать, как будут развиваться события. Но я абсолютно убежден, что задача создания либеральной фракции в Госдуме реальна.

— И это подтверждает опыт работы в регионах? Вообще-то, кажется, в людях созревает какой-то поворот, может быть, пока не всеми и сознаваемый...

— Очень все по-разному. Например, Томск и Смоленск — как две разные страны. Пермь и Брянск тоже. Лучшая ситуация для нас, кроме, естественно, столиц, на Северо-Западе, очень тяжелая — в красном поясе.

— Вы недавно встречались с папой римским. Его святейшество в курсе наших дел?

— Он интересуется и следит. С его именем многое связано в истории крушения коммунизма в Польше и во всей Восточной Европе. Он и сам испытал опыт жизни при тоталитарном режиме. Поэтому хорошо понимает наши проблемы, гораздо лучше многих западных собеседников. Очень серьезно относится к диалогу с православной церковью. В ответ на не всегда, на мой взгляд, вполне корректные действия проявляет предельную сдержанность.

— Скажите, а возможность Вашего сотрудничества с православной церковью — это дело очень безнадежное?

— Нет, почему же. Как сказал папа в нашем разговоре, время все поправит. Только это время не месяцы, оно, видимо, измеряется десятилетиями. Вопрос смены поколений. Конечно, для нас очень печально, что сейчас в православной церкви широко распространены, скажем, антилиберальные настроения.

— В свое время, когда Солженицын вернулся в Россию, мы в приветственной заметке предположили, что возможен его диалог с либералами. С его стороны никогда не было попыток к сближению?

— Нет, не было. Как-то Чубайс ему позвонил, попросил перезвонить, но он не откликнулся. Кстати, недавно в томской газете опубликовали подборку выступлений Солженицына и моих на сходные темы, под названием, кажется, «Разговор на разных языках».

Все-таки у Александра Исаевича, к которому я совершенно неизбежно отношусь по меньшей мере с уважением из-за его роли в российской истории, не было, по-моему, стремления разговаривать — только учить. А это, проведя, хоть и не по своей вине, 17 лет вне страны, в которой произошли огромные изменения, очень не просто.

— *Когда-то сам Солженицын сказал, что в России начнется медленное выздоровление. Но если «медленное»...*

— То было бы чудо, если бы покойный встал из мертвых! Медленное. Тяжелое.

— *Словом, можно заключить, что, кроме ориентации на Запад, на Европу, другой альтернативы для России нет. Как цивилизационного, так сказать, выбора.*

— Думаю, что нет. Просто надо понять, что Россия, по крайней мере в ближайшие 30 лет, не будет экономическим центром мира. Чтобы стать им, надо хорошо учиться и много работать. В связи с этим у нее есть выбор: либо самоизоляция, попытки играть в старую империю, что без соответствующего экономического потенциала, при нынешнем уровне цен на нефть абсолютно бессмысленно, контрпродуктивно и глупо, либо подключение в максимальной степени к интеграционным процессам в развитом, стабильном, культурно близком регионе, частью которого Россия, во всяком случае в лице своей культурной и политической элиты, без сомнения, ощущала себя в конце XIX — начале XX в.

— *Российская империя создавалась как европейская.*

— Естественно. Не случайно Санкт-Петербург стал столицей на берегах Невы. Это был европейский выбор Петра.

— *А как Вы думаете, в случае нашего европейского выбора, если, конечно, он будет осмысленным и внятным, Европа пойдет нам навстречу? Будет, что называется, протянута рука?*

— Это я как раз обсуждал с папой. Решение по этому вопросу будет непростым, но я убежден, что в Европе окажется достаточное количество здравомыслящих людей, которые прекрасно поймут, что иметь на пороге Европы изолированную, нестабильную и опасную Россию гораздо хуже, чем та большая работа, которую надо будет проделать и России, и Европе на протяжении следующей пары десятилетий для того, чтобы решить тяжелую интеграционную задачу.

— *А какие аргументы у европейских противников интеграции?*

— Они понятны. Мол, Россия слишком велика, нестабильна, принесет нам свои проблемы, лучше держаться от нее подальше и т. д. Но, честно говоря, я убежден, что при открытом и последовательном европейском выборе России... Посмотрите, единая Европа стала возможной, когда европейские страны поняли, что нельзя изолировать побежденную Германию, что она должна быть тоже теснейшим образом интегрирована... Так вот, я убежден, что после тектонических подвижек конца века только интеграция России сделает Европу действительно стабильным, мощным, ресурсобеспеченным, целостным центром в мировой экономике и геополитике...

— *От Атлантического океана до Тихого...*

— Да. Богатейшие ресурсы. И это европейцы, безусловно, способны понять, я знаю, что уже высказываются мнения в этом смысле.

— *И папа тоже с этим согласен?*

— Тоже согласен.

— *Спасибо за беседу.*

Три сценария

— Сейчас происходит естественный процесс: правительство медленно умнеет в силу того, что отвечает за результаты своей работы, сталкивается с практическими последствиями принимаемых решений и так или иначе вынуждено корректировать свои действия. Формально правительство вообще почти ничего не делало, поэтому главный упрек состоял в том, что нет никакой политики. Это не совсем точно. На самом деле на протяжении первых четырех месяцев работы правительство дало несколько сильных импульсов экономике.

Первый из них — это возврат к эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, начавшийся в сентябре. Правительство не делало этого между 95-м и августом 98-го года. Второй — это переход от политики первичного профицита бюджета, которая проводилась в первом полугодии 1998 г., к первичным дефицитам бюджета во втором полугодии 1998 г., особенно в последние четыре месяца, т. е. мы перешли от первичного профицита, который был равен 0,5% ВВП, к первичному дефициту в размере около 2–3% ВВП в последние месяцы 1998 г., покрывая его за счет кредитов Центрального банка правительству. И в результате у нас темпы роста денежной массы, которые были почти нулевыми между январем и августом, приблизились к цифре в районе 7% в месяц — между сентябрем и декабрем. За это время денежная масса выросла со 160 млрд руб. до 206–207 млрд руб. к самому концу 1998 г.

Я думаю, что в самом начале правительство искренне верило в заявления о том, что надо напитать экономику деньгами, что инфляция носит неденежный характер и т. д. Если вы обращаетесь к эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, то у вас всегда возникает некая финансовая мягкость: если можно взять кредит и с этого заплатить зарплату, ну чего тогда с этими налогами

ко всем приставать, тем более создавая себе массу неприятностей? Поэтому первые решения по налоговому администрированию правительства были крайне мягкими: возврат к взаимозачетам, оплата в натуре, индивидуальные налоговые соглашения с Газпромом, списание долгов ВПК — все это вместе давало прекрасную демонстрацию мягкости налоговой политики.

В результате принятия этих двух важных решений получили набор прогнозируемых результатов. Во-первых, это разгон инфляции, которая дошла до 11,5% в декабре. Как всегда, у нас за ростом инфляции идет рост доли бедных, рост дифференциации доходов, резкое снижение доходов бюджетников в первую очередь, связанное со снижением бюджетных доходов.

Во-вторых, это заметное снижение реальных поступлений доходов в бюджет. Если считать в потребительских ценах, то за это время произошло заметное падение.

Вот, собственно, первые результаты работы правительства Примакова за четыре месяца, проявившиеся зимой. Встал вопрос: как правительство будет реагировать на эти первые результаты? После финансового кризиса произошло одно событие, малозаметное для большинства наблюдателей: временные лаги, связывающие изменение денежного предложения и динамику цен в экономике, резко сократились. Это вполне понятно, потому что свернулся рынок ГКО, рынок акций, экономика стала гораздо более реактивной, лаги сократились с шести месяцев до двух с половиной. Это тот процесс, который мы недооценили, но мы так привыкли жить в условиях стационарной экономики с понятными нам лагами, что предсказать их резкое сокращение вовремя не сумели. А в результате получается, что экономика работает не как тяжелый пассажирский состав, а как легковой автомобиль: дернуло направо — и он направо. Так что результаты стали проявляться очень быстро: уже к декабрю–январю.

Правительство оказалось перед выбором — что делать дальше? Пытаться и дальше делать то, что оно обещало (насыщать экономику деньгами, проявлять мягкость налоговой политики), или изменить политику, с тем чтобы справиться с уже обозначившейся неприятной волной социально-экономических последствий? Реакция правительства была в связи с этим достаточно здравой. Оно пошло не по пути дальнейшего бурного наращивания денежного

предложения, как можно было ожидать, а по пути прекращения эмиссионного кредитования дефицита бюджета, увеличения бюджетного профицита.

— *Произошло примерно то же, что и с приходом Черномырдина, когда сначала были сняты бюджетные ограничения, а потом Черномырдин стал большим монетаристом?*

— Совершенно точно. Экономика отреагировала на это ужесточение денежной политики опять же весьма прогнозируемо — постепенным снижением темпов инфляции, которые к марту снизились до 3% в месяц. Экономика моментально переходит от низкоинфляционного к высокоинфляционному режиму и от высокоинфляционного к умеренно инфляционному. Сложнее правительству было справиться с последствиями принятых решений в налоговой области. Здесь был подан довольно сильный импульс экономике, с которым трудно справиться. И поэтому налоговые поступления (в потребительских ценах) в январе и феврале по-прежнему были существенно ниже, чем очень низкие поступления в январе–феврале 1998 г. Отсюда все проблемы с финансированием бюджетной сферы.

Правительство Примакова уже прошло два периода: первый — мягкой бюджетной налоговой денежной политики, второй — существенного ужесточения денежной, бюджетной политики и постепенных попыток ужесточить налоговую политику. Но в России всегда поздней весной и в начале лета растет давление на расходную часть бюджета (кредитование сельского хозяйства, северного завоза). Поэтому индексацию пенсий и зарплат бюджетникам невозможно проводить позже апреля.

В связи с этим в апреле правительство вновь оказалось на распутье. Первый путь — это возврат к высокоинфляционной линии сентября–декабря прошлого года (под влиянием растущих бюджетных запросов и к тому же приближающихся выборов, когда правительству очень хочется быть популярным). Второй путь — это попытка закрепиться на пассивной, но консервативно-оборонительной позиции января–марта.

— *Что Вы скажете по поводу последних решений правительства, усиливающих давление на тех, кому осенью прошлого года были даны существенные налоговые льготы? Я имею в виду постановление*

о введении экспортных пошлин, об удвоении сборов за экспорт нефти и т. п.

— Пока развитие событий идет скорее по сценарию сохранения консервативной дефляционной январско-мартовской политики и постепенного усиления налогового администрирования. Имеет место и попытка вернуть собираемость налогов к тому уровню, на котором она находилась на плато 1995 — первое полугодие 1998 г.

— *Каков Ваш прогноз экономического развития России после президентских выборов?*

— Ситуация может развиваться по трем возможным сценариям. Первый сценарий — консервативный: победа Ю. М. Лужкова или кого-то близкого к нему по духу. Развитие событий в последние годы — это развитие по Лужкову в гораздо большей степени, чем по Гайдару, по Чубайсу, по Немцову. Если экстраполировать эту тенденцию на ближайшую перспективу, мы увидим, что развитие идет по направлению к экономике типа индонезийской. Причем эта экономика может расти, привлекать инвестиции, она может быть относительно стабильной, потому что, по крайней мере, точно знаешь, каковы правила — не формальные, а реальные: кто под кем, как решаются дела, сколько за это надо заплатить. В общем эта экономика, конечно, будет коррумпированной. Это экономика, где очень тесно переплетаются собственность и власть, где, без всякого сомнения, будут возникать серьезные проблемы защиты прав собственности, и вместе с тем это экономика с высокой дифференциацией доходов.

Второй сценарий — это экономика в рамках зюгановского режима. На самом деле они придут с идеей сохранить статус-кво. Они просто поменяют собственников (своих поставят, чужих задавят). Вопрос не в том, что они будут хотеть, а в том, в какой степени им удастся это сделать, потому что реакция на победу коммунистов, естественно, будет тяжелой (с точки зрения ожиданий всех экономических агентов, спроса на национальную валюту, увеличения вывоза капитала за рубеж, усыхания потока инвестиций из-за рубежа). Конечно, определенную роль будут играть опасные эксперименты в области внешней политики и наращивание военных расходов.

Этот режим будет, по всей видимости, репрессивным — без свободы прессы, с серьезными ограничениями на свободу передвижения, с явными признаками рецидивов холодной войны. Весьма велика вероятность того, что коммунисты, не сумев справиться с кораблем, его опрокинут, и тогда автоматически начнутся отток валюты, зажим валютного регулирования, образование множественных курсов, рост дистанции между этими множественными курсами и рыночным курсом, попытки регулировать цены. Иначе говоря, события будут развиваться по лукашенковскому сценарию 1998 г.

Третий сценарий — прогнозируемый рыночный путь. Мы оказываемся там, где были весной–летом 1997 г., когда в мире возник энтузиазм по поводу России, было ощущение, что российская политическая элита взялась за ум, что она способна провести важнейшие реформы. Тогда перспективы страны в высшей степени благоприятны. Наверное, в это же время можно будет добиться долгосрочного решения проблемы советского долга, что снимет массу озабоченности. В общем при таком сценарии мы войдем в режим нормального, динамичного роста и развития. Разумеется, это более стабильный сценарий, чем первые два.

— *А кто бы, по Вашему мнению, мог реализовать такой сценарий?*

— Я не хочу сейчас гадать на эту тему. Прогнозировать результаты российских президентских выборов за год с лишним до этих выборов — это непродуктивно. Что мы видели в 1996 г.? Помните, как Явлинский гордо объяснял, что он лучше Ельцина в несколько раз только на том основании, что у него выше рейтинг. Очень многое будет зависеть от того, как развернутся события вокруг правительства, кто будет возглавлять правительство в феврале, так что насчет персоналий я не хотел бы гадать.

— *В чем смысл платформы «Правого дела»?*

— Мы строим коалицию, в частности, и в регионах. Конфигурация региональной политики везде разная. Где-то есть демократические партии, где-то их нет. Очень важно, создавая коалицию, предлагать людям документ, из которого понятно, вокруг чего мы будем объединяться и что мы собираемся делать. Наши единомышленники в регионах неоднократно просили дать им такой документ.

— *Некоторые эксперты считают, что ошибка политиков «Правого дела» в том, что они хотят сами снова поучаствовать в управ-*

лении страной, а им следовало бы выдвигать новых людей. Что Вы по этому поводу думаете?

— Знаете, у меня нет страстного желания вернуться во власть. Я готов при необходимости работать в составе правительства, но могу сказать, что это не доставит мне ни малейшего удовольствия. В той логике, которую вы сейчас изложили, есть свои сильные и полезные стороны. Дело в том, что в реальной политике ничего не делается по заказу. Нельзя назначить некоего Пупкина политическим лидером либералов на основании того, что он умный, хороший, ничем себя не запятнавший. И Пупкин не поверит, и никто не поверит в то, что Пупкин — лидер всех либералов.

Короче говоря, здесь нужна специальная технология, при помощи которой постепенно выявлялись бы люди, способные быть лидерами этой части либерального движения. Скажем, Борис Немцов: он ведь в гораздо меньшей степени виноват во всем, что произошло, он сделал не так много плохого нормальным избирателям, чем мы с Чубайсом. Он естественный претендент на роль лидера этой части политического спектра. У него есть прошлое, он известен, узнаваем. У него, конечно, есть свои проблемы, именно потому, что он известен, его уже дискредитировали, на него клеветали, против него была мощнейшая кампания. Это понятно. И я очень надеюсь, что политический процесс у нас будет выстроен так, что будет появляться больше и больше узнаваемых, ярких, не назначенных сверху политиков. Но просто сделать это решением политсовета ДВР, к сожалению, нельзя.

— *Считаете ли Вы, что правый блок будет пользоваться активной поддержкой за пределами Московской кольцевой дороги? Вы не боитесь совершить ошибку Горбачева, который вполне серьезно рассчитывал, что его выберет вся страна на выборах 1996 г.?*

— У нас нет иллюзий. Мы хорошо знаем региональную дифференциацию нашей базы поддержки. Есть регионы, где голосуют за нас не хуже, чем в Москве, например, Питер. Конечно, есть и очень тяжелые регионы, но значительная база поддержки у нас есть. Я говорю сейчас о «Правом деле». Что же касается ДВР, то это самая организованная и самая сильная по организационному потенциалу демократическая структура.

Егор Гайдар: К чему приводит попытка «корректировки курса»

В последние годы Егор Тимурович Гайдар публично выступает нечасто. Но когда выступает, я с особенным вниманием отношусь к его прогнозам. Сбываются все предсказания Гайдара, даже те, которые кажутся фантастическими.

В октябре 1998 г. Гайдар предсказал, что правительство Примакова будет отставлено в мае.

13 мая 1999 г., на следующий день после предсказанной отставки, я спросила:

— Скажите, а какое у нас будет теперь правительство?

— Разноплановое... В некотором смысле коалиционное... Но неплохое. Думаю, они будут делать меньше опасных глупостей, чем делали их предшественники. Вообще, по-моему, ничего плохого больше у нас пока не происходит.

НИЧТО ЕСТЕСТВЕННОЕ НЕ БЕЗОБРАЗНО

Для Гайдара «отставка правительства — событие естественное и ожидаемое». Для Гайдара — но далеко не для всех.

— День проходит за днем с момента отставки, а в общественное сознание все продолжают внедрять мысль: причина отставки — каприз, самодурство Ельцина, его ревность к невероятной популярности Примакова. Ожидаемое? Но ждать отставки наши наблюдатели стали лишь после того, как Ельцин «не так» на Примакова посмотрел, а потом за высоким столом сказал, что сели «не так». Явление Примакова спасло нас в период тяжелейшего кризиса, пра-

Интервью брала Татьяна ИВАНОВА.
Опубликовано в: Новое время. 1999. № 21. 30 мая.

вительству Примакова удалось удержать страну, стабилизировать ситуацию, а в экономике наметился, все говорят, рост...

— Примаков возглавил правительство в сентябре — на фоне финансового кризиса, нереализуемых законов. Он стал премьером на волне отказа Государственной думы поддержать пакет стабилизационных мер, разработанных правительством и президентом.

Может быть, кто-то еще все-таки помнит, как левое большинство Думы свело на нет все попытки правительства Кириенко добиться финансовой стабильности...

В этих критических для страны условиях президент пошел на исторический компромисс с левым, коммунистическим большинством в Думе. И в итоге этого компромисса контроль за социально-экономической политикой страны оказался в руках коммунистов.

— Над словом «компромисс» не принято было иронизировать почти девять месяцев. Да не просто «не принято». Будто запрещено... Вы назвали компромисс историческим... и усмехаетесь?

— Честно говоря, идея этого компромисса уже тогда не вызывала у меня ни малейшего энтузиазма...

За последние годы я очень хорошо изучил повадки и нравы левокоммунистического большинства и твердо знаю, что всякий компромисс воспринимается этим большинством как проявление слабости и как сигнал к атаке.

Всякий. Компромисс сентября 1998 г. не был исключением. Они мгновенно мобилизовались для захвата власти, отстранения президента от должности и для решения иных своих задач.

Пошли энергичные разговоры об отмене всенародных выборов, о назначении, а не выборах глав региональных администраций, об ограничении свободы печати, а лучше бы введении цензуры, о восстановлении советской власти... Сначала эти разговоры были достаточно осторожны, потом все энергичнее, откровеннее...

Ожидать от них чего-нибудь другого было бы крайне странно. Я рад, что и на этот раз левокоммунистическое большинство вело себя абсолютно предсказуемо и моих ожиданий ни в чем не обмануло.

— Мне кажется, именно из-за этого, из-за бесконечных компромиссов с левыми у нас и не идут реформы.

— В сознание граждан России внедрен миф, будто семь лет у нас шли рыночные реформы, причем радикальные, и они-то как раз и привели страну в тупик, закончившийся финансовым и полити-

ческим кризисом осенью 1998 г. Радикальные реформы были безжалостны и не учитывали специфику России, ее особый путь, все рухнуло, и тут пришли Примаков с Маслюковым, чтобы изменить полный курс. Этот миф не имеет никакого отношения к реальности, ни к экономической, ни к политической.

— *С благодарностью выслушаю, как Вы разрушаете миф.*

— В последние годы в России шла борьба вокруг двух вопросов. Первый: укоренятся ли в России рыночные механизмы и демократические институты, подходит ли для них вообще Россия и подходят ли они для России? С множеством оговорок на этот вопрос надо ответить положительно. И рыночные механизмы, и демократические институты со сбоями и скрипом работали даже при левом правительстве.

Но есть еще один вопрос: о характере общества, типе рыночной экономики.

— *Номенклатурный капитализм или свободная рыночная экономика?*

— Людям, только что вышедшим из социализма, тем, кто решительно с социализмом проститься не хочет, конечно, ближе и роднее номенклатурный капитализм. Ведь при социализме есть жесткая административная вертикаль и вертикаль ответственности, та самая дисциплина, которая позволяет обществу пусть худо-бедно, но функционировать. В свободной рыночной экономике система ответственности еще жестче. Но это ответственность финансовая. Неспособный вести дело разоряется. Время перехода от неэффективной социалистической экономики к эффективной рыночной уникально. Социалистических страхов больше нет, но нет и страха перед жесткой финансовой ответственностью, например перед банкротством. Вот жизнь для руководителей, которые, допустим, привыкли воровать и пить, которым абсолютно наплевать, что продукция их никому не нужна!

— *Давали бы немножко денег из бюджета, их бы подкидывали рабочим, чтоб не бастовали, и жили бы припеваючи...*

— Эти мечты овладели номенклатурой еще в конце 80-х годов. Номенклатура согласна с реформами и приватизацией — лишь бы сохранялись заветные мягкие бюджетные ограничения, лишь бы законсервировалась ситуация, при которой неэффективное предприятие функционирует как ни в чем не бывало.

А мягкие бюджетные ограничения — это отношения между предприятием и государством вне законов и норм. Это такие индивидуальные торги вокруг кредитов, субсидий... Можно договориться и не платить налоги. Можно накапливать недоимку, а при этом ресурсы контролировать и себя не забывать. Вот такую замечательную жизнь и строили в последние годы. Вроде и рынок у нас, а вроде и нет. Механизмы отбора эффективных собственников парализованы. Механизмы перераспределения ресурсов тоже.

— *И вместо роста выходит застой?*

— Да. А поскольку вместо законов и норм — сплошной переговорный процесс между производственниками и государственными чиновниками, то коррупция становится всеохватной.

Это номенклатурный капитализм, радикальные рыночные реформы здесь ни при чем, номенклатурный капитализм их не приемлет. Это он мешал нормальному развитию демократических институтов и рыночных отношений. Это с ним мы боролись все последние годы, и до начала 1996 г. наступление его то в большей, то в меньшей мере все-таки удавалось сдерживать. Но его культивировала Дума, его же опекала и значительная часть правительства, ему благоволили наша политическая элита, чиновничество, крепкие хозяйственники советской закалки... В 1998 г. номенклатурный капитализм, можно сказать, победил. И уже ранней весной стал очевиден кризис — итог победы. Этот итог и подвело в своих последних документах правительство Кириенко.

— *В своих преступных решениях и постановлениях, которые ввергли страну в пучину бедствий?*

— Вот-вот. Все так говорили. И еще хлеще. Заметьте: ни одно решение правительства Кириенко, принятое 16 августа, никто не отменял. А казалось бы, что проще? Негодные постановления? Отмените, объявите несуществующими, да и живите, как жили, будто их не было.

Увы, сон был несладок и некрепок

— *Продолжим о компромиссах. Ведь правительство Кириенко тоже жертва компромисса?.. И следующий, как вы выразились, исторический компромисс — водворение во власть Примакова — Маслюкова. Некоторое облегчение через две-три недели: они ничего не делают,*

они спят... Потом оказалось: спят-то некрепко. Проснутся — произнесут уверенную речь о том, что все у нас идет как надо, растет все и крепнет. Оглянешься вокруг — цены растут каждый день, с Европой рассорились, с Америкой напряженно, в полный разлад. Подготовка к импичменту — полным ходом. Цензуру вот-вот введут, а президента, похоже, выбирать будет Дума, и мы уже знаем имя этого президента. А все кругом: «стабилизация!», «стабилизация!»...

— Еще раз задумаемся, в чем же состоял политический компонент компромисса с левокоммунистическим большинством. В том, чтобы отдать власть коммунистам в стране, которая на решающих в своей истории выборах 1996 г. проголосовала против коммунистов? Но в этом же нет никакой логики.

Может быть, политический компонент компромисса состоял в том, чтобы заключить с левыми пакт о ненападении? Но этот пакт наши левые понимают только так: если президенту предложено один раз получить по физиономии и он согласен, то с этих пор он должен подставлять поочередно то левую, то правую щеку. Он должен делать это без конца. Они же будут изобретательны и неотомимы, нанося удар за ударом.

Я неплохо знаю Бориса Николаевича. Такой стиль поведения не в его характере. На удары он привык отвечать иначе. Для меня давно стало ясно, что компромисс не удался и президент изберет другую тактику.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ КОНТЕКСТА. ТАК КОНЧАЮТСЯ ЭПОХИ

В октябре 1998 г. я челноком ходила по маршруту «гастроном-дом» и носила муку. При каждом заходе мука оказывалась на рубль дороже, но денег было не жалко, потому что стремительно пустели прилавки, а когда они пусты, какой толк в деньгах.

По всем телеканалам и со всех газетных страниц несло: «Конец эпохи Ельцина, Гайдара, Чубайса». И во всех этих уверенных речах слышалось какое-то странное удовлетворение, почти удовольствие.

«Дул, как всегда, октябрь ветрами», — сказано у поэта. Я спросила Гайдара: «Долго это продлится?». И он ответил: «До весны. Может быть, до середины мая...».

КОМПРОМИСС. ЕГО ПРИЧИНЫ, ЦЕНА, ПРЕДЕЛЫ

— Прошу Вас, Егор Тимурович, проанализировать уроки девятимесячного контроля коммунистов над социально-экономической политикой страны.

— Эти девять месяцев делятся на два периода. Первый период — с сентября по декабрь 1998 г. Все, кто всерьез интересуется российскими делами, помнят и понимают, что 17 августа прошлого года правительство Кириенко взяло на себя колоссальный груз ответственности и... преподнесло подарок следующему правительству: замороженные выплаты по ГКО и свободный курс валюты. Лучшее, что должно было бы делать правительство Примакова, — не делать ничего. И они были близки к этому эталону.

— Да, это незабываемо — или дни, недели, а премьер на вопросы журналистов все отвечал: пока что мы заняты формированием правительства. Долго... Потом они бесконечно «разрабатывали программу»...

— Для страны было бы самым хорошим вариантом именно это. Но тихое ничегонеделание лишь фон. Период с сентября по декабрь на самом деле был временем максимальной активности правительства.

Они отбрасывают июльское соглашение с МВФ. Отказываются от программы Кириенко. Отменяют решение об ускоренном банкротстве. О концентрации средств на счетах федерального казначейства. Они дают сигналы налогоплательщикам о том, что с налогами можно не торопиться. В ходу опять взаимозачеты, бартер, прочие заменители денег, так губительно действующие на экономику. Инфляция в декабре — 11,5%. Быстро падают реальные доходы бюджета. Они примерно на 30% меньше, чем в тот же период прошлого года. Доля бедных в январе 1998 г. в России, по данным статистики, 22%, в январе 1999 г. — 38,2%. Реальные доходы занятых в сфере образования, медицины, культуры сокращаются на 50%. Отношения с МВФ прерваны. Страна на грани дефолта, и отлично видно, что правительство все, что делает, делает дрожащими руками, как в августе 1991 г. все видели на экранах телевизоров: у членов ГКЧП дрожали руки.

Правительство не уверено в себе. Сначала рассказывают, что заплатят всем все долги и сразу. Потом речь идет уже о частичных

выплатах... Тон вроде уверенный, но от конкретных фактов и цифр уходят. Они не уверены в себе. Они что-то делают, но будто все время трясутся. Перелом наступает в январе 1999 г.

— *Вы видели, что они не уверены в себе, а я впадала в тоску, слушая их: с коммунистических времен мы не слышали таких самоуверенных речей...*

— А надо заметить, что вся деятельность правительства с самого момента его формирования происходила на фоне явного испуга прессы. Пресса боялась репрессий. Это совершенно очевидно. Давно уже никто не разговаривал с прессой так сурово, давно не давал ей таких прозрачных намеков о том, что вести себя надо хорошо.

Вспомним лето 1998 г. На экранах нашего телевидения — ежедневно нарастающая революционная ситуация: забастовки, пикеты, голодовки, перекрытие магистралей. Так вот, зимой 1998/99 г. число забастовок и бастующих или, выражаясь почти научно, число забастовочных человеко-дней не во сколько-нибудь — в 10 раз больше, чем летом 1998 г. А разве мы видели это на телеэкранах? Слышали об этом по радио? Читали в газетах?

— *Нет, нет, нет. Эту ошеломительную цифру я слышу впервые.*

— Увеличение числа бедных, падение жизненного уровня пенсионеров, работников образования, науки, медицины, культуры, десятикратный рост пропущенных из-за забастовок рабочих дней — вот к чему приводит мягкая попытка так называемой «корректировки курса».

Итак, январь — переломный месяц. С января правительство перестает что-либо делать по-своему. Оно возвращается к переговорам с МВФ, к практике строгого исполнения бюджета, пытается отказать от взаимозачетов... чтобы к маю вернуться хоть к чему-то.

— *Неплохо бы хоть к тому состоянию экономики, которое осталось после ухода правительства Кириенко.*

— Но нельзя дважды войти в одну реку. Радикальное падение доходов населения сохраняется. Между тем правительство наше никогда не забывает, что есть набор проектов, на которых можно хорошо прибахлиться.

— *Объясните. Очень интересно.*

— Вот одно из гениальных в этом смысле решений. Нам Индия должна некую сумму. Она возвращает нам часть долга и процен-

ты по нему. Это связанные деньги. Их можно тратить только на покупку индийских товаров.

При прежних правительствах эти деньги продавали на бирже, а доходы от реализации зачисляли в бюджет. Левокоммунистическое решило прибегнуть к куда более интересному методу. Разве плохо, если 700 млн долл. — эта сумма в разы превышает выделенные в годовом бюджете страны деньги, например, на культуру... Так вот, разве плохо, если такая, скажем, сумма оказывается в распоряжении чиновников правительства? А они уж сами решают, кому и сколько денег дать, выделить, распределить — между кем и кем...

Вот еще замечательное по остроумию решение: деньги, которые граждане хранят в Сбербанке, отдать на нужды сельского хозяйства...

— *Насколько я понимаю, это советская практика...*

— Конечно. В этом решении, кстати, нет ничего нового. Практика заимствования денег из сберкасс началась у нас с 1967 г. Сначала брали немного, потом больше, больше... Надо на афганскую войну — из сбережений граждан, надо на ВПК — оттуда же, на нужды сельского хозяйства, на помощь Кубе и Анголе, на нужды военно-промышленного комплекса.

— *Это всегда называлось «на оборону страны».*

— Да. Сначала брали по 3 млрд, потом по 7, потом по 10... К концу 80-х годов из сберкасс на все эти нужды было изъято столько, что там только ветер свистел.

Так и нынче один из вице-премьеров хотел позаимствовать из Сбербанка 10 млрд на нужды сельского хозяйства. Это наше большое всеобщее счастье, что он не успел. Вместе со всем правительством отправлен в отставку.

ЗА НАУКУ И ДОРОЖЕ ПЛАТЯТ?

— *Какие выводы надо было бы сделать обществу из месяцев, прожитых с правительством левокоммунистического большинства?*

— Первый и, видимо, самый главный: у коммунистов нет ни малейшего представления о том, что делать в экономике. Как только и если они начинают что бы то ни было делать неопытными руками, все валится. Как и во все времена, экономика для них существу-

ет отдельно от человека. Они ведь все время говорили о стабилизации и даже о подъеме в экономике. И для них как-то естественно, как-то само собой разумеется, что от этой стабилизации, от этого подъема в экономике людям делается не легче жить и работать, а тяжелее.

Зачем, во имя чего надо было бы продолжать политику компромисса с ними, если сами они этот компромисс отвергают? И о какой политической стабилизации, достигнутой якобы с помощью этого правительства, можно говорить, если три дня в Думе во время попытки импичмента они лили на президента потоки не просто грязи, а лжи и клеветы. Они не помнят, что лишь одна партия была против войны в Чечне — «Демократический выбор России». Коммунисты же на всех заседаниях говорили лишь о том, что плохо воюем, надо воевать решительнее, безжалостнее, жестче. Теперь, оказывается, в войне виноват Ельцин. И это вопрос, в котором Дума проявила редкое единодушие.

ЧТО НАС ЖДЕТ?

— *Так горячо поддерживаемый Думой, такой стабилизирующий премьер не смог предотвратить процедуру импичмента...*

— Никакого импичмента не могло быть.

— *Почему Вы так уверены?*

— Я знаю Конституцию. Верховный суд не нашел бы возможности поддержать думцев. Да и, кроме того, это не был вопрос об импичменте. Это был вопрос о досрочных президентских выборах.

— *Объявив об отставке правительства за день до слушаний по импичменту в Думе, Ельцин усугублял свое поражение, но и показывал обществу, что ничего не боится. И — что за судьба? — от средств массовой информации Ельцин не услышал ни одного доброго слова... Вот сейчас от Вас я услышала эту цифру: зимой 1998/99 г. в стране было в 10 раз больше забастовок, чем летом 1998 г. Об этом никто не писал, не говорил, никто не показывал такую цифру... Что с прессой, Егор Тимурович? Что с нами стало?*

— Это страх перед коммунистами. Генетический. Поколенческий. Объяснимый. А потом: за годы своего правления Ельцин сумел убедить всех, что нет более безопасного и более политически выгодного занятия, чем ругать Ельцина. Вспомните, когда он

подписывал какие-то документы с Лукашенко, оторвался от бумаг и сказал: «Не вздумайте ругать Лукашенко! Если вздумаете, будете иметь дело со мной!» Все же весело смеялись: это была отличная шутка.

Не только что ругать, но даже легко журить некоторых других лидеров, занимающих гораздо более скромные посты в государстве, нельзя. Это опасно для журналиста, для его издания. И это все знают, верно?

— *Верно. А к коммунистам почему средства массовой — особенно самой массовой — информации так лояльны, чтобы не сказать ласковы?*

— На всякий случай, наверное. Ошибочно полагают, что в случае чего им зачтется. Держат в голове народную мудрость «не буди лиха, пока оно тихо». Все это напрасно и бесполезно. Ни компромиссы, ни попытки подольститься — ничто не меняет генеральной линии этих людей. Если вы лояльны, кротки, тихи, все терпите и со всем соглашаетесь, значит, вас надо давить. Иначе не бывало никогда.

Три страха Егора Гайдара

От каждого нового правительства требуют одно: даешь реформы! Это сейчас, после десятилетия говорильни о том, как надо обустроить Россию, новые премьеры начинают заниматься реформами как неким привычным делом. Ну и реформы соответственно какие-то не неожиданные. Однако мы помним правительство, которое начинало их. И уж сколько времени прошло, как Егор Гайдар покинул премьерское кресло, а ни одна статья о современной российской экономике не обходится без его имени.

Разговор мы начали издаleка.

— Егор Тимурович, подробно о детстве не будем, но сможете ли Вы сразу, влет, назвать имена хотя бы пяти человек, с кем дружили в пятом–седьмом классе?

— Могу. Саша Кузнецов, Никита Брагин. Пожалуй, ближайшие эти двое.

— Задав подобный вопрос себе, я подумал: мы запоминаем чаще всего тех, в ком находили черты характера, которых не хватало самому. Так что Вас смущало в себе, чего не хватало?

— Может быть, коммуникабельности. Я был достаточно контактным в детстве, а потом стал очень закрытым. Произошло это скорее всего из-за того, что началось интенсивное увлечение чтением. Очень много читал.

— Что читали?

— Все. Но из первых, еще дошкольных книг больше всего мне нравились Маугли Киплинга и Таинственный остров Жюль Верна.

— Вы росли в достаточно комфортной среде, дедушка, отец не нуждаются в представлении. А те ценности, которые декларировал в своих книгах Аркадий Гайдар, не вступали в противоречие с жизнью, которой жил внук?

Интервью брал Алексей ПЕСКОВ.
Опубликовано в: Вечерняя Москва. 1999. 21 июня.

— Нет, не вступали. У меня не было элитарного детства, мне не отбирали друзей в зависимости от положения их родителей, я учился в обычной московской школе. Но мне повезло: в нашем классе к моменту выпуска оказалось много интересных людей, некоторые из них стали весьма известными, скажем, Виктор Васильев — математик, профессор, членкор Академии наук или Юра Загот, президент «Видео-интернешнл».

— Вы тоже довольно быстро стали известным, в первую очередь как экономист, а потом пришли в политику. Насколько мораль и опыт, приобретенные в обычной производственной жизни, переносятся в политическую жизнь?

— Мораль вполне переносима. Возникают, правда, некоторые дополнительные проблемы, одна из главных — ограниченность твоего права на выдачу информации. Если ты находишься у власти, ты не имеешь права ответить на множество вопросов. Причем речь не о том, скажем, как управляются наши ядерные силы. Есть вещи, которые знаешь, но не можешь сделать достоянием общественности без угрозы подставить под удар успешность проводимой тобой политики. Если, к примеру, готовится денежная реформа, правительство не может выносить ее на всенародное обсуждение.

— Видимо, одно из последствий информационного запрета — те нелестные эпитеты, которые по сию пору звучат в адрес Вас и Вашего правительства.

— Было абсолютно очевидно, что это неизбежно. Перед нами был опыт поляков. Правительство Мазовецкого–Бальцеровича начинало свои реформы в неизмеримо более комфортной ситуации, но и они получили отнюдь не меньшую порцию нападков, нежели мы. Когда мы брались за работу, то вовсе не рассчитывали, что нас будут засыпать розами.

— Куда бы я ни попадал, будь то Чукотка или Кубань, везде можно услышать: Гайдар такой-сякой, разорил, вклады обесценил. Неужели не обидно выслушивать такое? Или это просто особенность Вашего характера, той же некоммуникабельности, из-за чего Вы просто не сумели объяснить, что все сделанное было необходимо.

— Это вопрос не особенности характера, а особенности задач. Мы пришли в правительство, когда эпоха крутых перемен была в самом разгаре. А перемены — это всегда болезненно. Жизнь меняется в чем-то в лучшую сторону, в чем-то в худшую. С точки зрения об-

щественного сознания, все перемены в лучшую сторону абсолютно естественны. Вам же не придет в голову благодарить Гайдара за то, что не стоите в очередях, чтобы получить 200 г колбасы по талону? Но за все надо платить. Как не бывает бесплатных завтраков, так не бывает и бесплатных реформ. Если за колбасой не надо стоять в очереди, но зато она стала дороже — это уже прямой упрек власти. Это вполне предугадываемая оценка деятельности всех реформаторских правительств.

— *Но человек, как пудель, он хочет, чтобы все его любили.*

— Если хочешь, чтобы тебя любили, никогда не ходи в правительство в момент краха социализма.

— *Так что двигает человека во властные структуры, особенно в эпоху перемен?*

— Мотивы могут быть самые разные. Я могу сказать лишь за себя. Ощущение следующее: ситуация опасная, едва не катастрофичная и необходимо действовать, а я и мои коллеги, составившие первое правительство реформ, знаем, что надо делать. Абсолютно ясно: политических очков нам эта работа не принесет, да и в личном отношении будет не слишком приятна. Но, поверьте, фраза «Если не ты, то кто же?» в определенный момент перестает быть просто словами.

— *Вы ожидали, что Ельцин, призвавший Вас под свои знамена, в какой-то момент просто отодвинет Вас в сторону?*

— Я ему сам об этом сказал во время первой нашей встречи в октябре 1991 г. Он мне не поверил.

— *Как происходил этот разговор?*

— Он пригласил меня к себе и более часа мы говорили о проблемах экономики, о том, что необходимо делать. Тогда я и сказал, что правительство, которое должно будет сделать все на тот момент необходимое, меньше чем через год будет отправлено в отставку.

— *А когда он отправлял Вас в отставку, он вспомнил Ваше пророчество?*

— Он это делал неохотно; видно было, что решение непростое. Это сейчас менять правительство стало для президента делом привычным. Да, аппетит, как говорится... А тогда он предпринял целый ряд достаточно небезопасных действий, чтобы обеспечить мое проведение через Думу.

— *Чего Вы больше всего боялись в жизни и когда это было?*

— Самые опасные моменты в моей жизни приходятся как раз на время работы в правительстве. Три таких хронических и очень серьезных страха. Первое: осенью 1991 г. союзного государства уже не существовало, российского еще не существовало. В этой ситуации, как никогда, остро стоял вопрос безопасности ядерных боезарядов. Второе: как избежать голода весной 1992 г.? Опасность его была более чем реальна. И третье, из-за чего я не мог спать: угроза масштабных нескоординированных действий 15 центральных банков, выпускающих общую валюту. Вот как раз та ситуация, которой нельзя поделиться с народом. В любой момент я мог узнать, что, допустим, Украина приняла решение о крупномасштабном эмиссионном кредитовании собственного бюджета. Случись подобное — эти новые деньги хлынут в Россию и дикий всплеск инфляции парализует всю систему денежного обращения. А ты ничего не можешь сделать, поскольку нужно минимум восемь месяцев, чтобы принять меры, защищающие от подобной анархии.

— *Но Вам-то лично, Егор Тимурович, чем грозило подобное развитие событий? Ну, инфляция, крах. Вы бы не пошли в этом случае в соседний кабинет стреляться?*

(Тут пауза. Очень долгая пауза. — А.П.)

— Я не знаю, что бы я делал, если бы события пошли по любому из сценариев, вызывавших у меня опасение, но знаю: это для меня было бы самым страшным. Когда вы берете на себя ответственность за страну, это совершенно другой уровень ответственности.

— *А были моменты страха просто за собственную жизнь?*

— Конечно. Я бывал в разгар боевых действий и в Таджикистане, и в районе осетино-ингушского конфликта. Ну, представьте: ноябрь 1992 г., лечу во Владикавказ, оттуда первым из российских политиков со времени начала конфликта еду в Назрань. Меня везут на осетинском бронетранспортере. Кругом стрельба, горят дома, тысячи беженцев. Война и реальный риск погибнуть. Но по сравнению со страхом катастрофы, о которой я уже сказал, — либо ядерной, либо экономической — все эти страхи такие мелочи, о которых и говорить не стоит.

— *А в детстве чего больше всего боялись?*

— Трудно сказать. У нас в семье трусость считалась самым страшным пороком, потому что о страхах не то что не говорили, а даже намеки о них не допускали. Конечно, наверняка чего-то боялся,

но чего конкретно, не помню. Культ смелости, это шло от Аркадия Гайдара.

— А что ценилось в Вашей семье кроме смелости?

— Знания.

— За деда Вам не бывает обидно? В ходе пересмотра былых ценностей поминают не то, что в 16 лет он командовал полком, а то, что расстреливал людей.

— За деда мне бывает обидно тогда, когда с ним сводят счеты из-за меня. Дед был талантливым и честным человеком. Мальчишкой попал в этот страшный водоворот Гражданской войны и, без всякого сомнения, искренне верил в набор идей, предложенный коммунистами. Всякая война, а тем более гражданская — страшная штука. Между прочим, дед о войне никому и никогда не рассказывал.

— А у Вас не возникали аналогии: Вы тоже, будучи весьма молодым, возглавили не полк, а целую страну и тоже не в самое легкое время.

— Конечно, возникали. И время разное, и ситуации, и задачи, но от аналогий все равно не уйти.

— Вы в своей жизни достигали практически потолка в политической карьере: пост премьера, пусть даже и. о., отнюдь не маленький. А как далеко сегодня простираются Ваши политические амбиции?

— Они очень высоки и носят, я бы сказал, исторический характер. Мне неинтересно, буду ли я работать снова премьер-министром или просто в правительстве России или буду президентом. Абсолютно неинтересно. Мне довелось стоять у истоков очень тяжело и необходимого процесса радикальных перемен в России после краха коммунизма. И мне с исторической точки зрения предельно важно, чем этот процесс закончится. Если он закончится — пусть тяжело, не сразу и с огромными проблемами — формированием в России устойчивой демократии и эффективной рыночной экономики, значит, то, что мы делали в 1991–1992 гг., было исторически оправданно. Если процесс закончится неудачей, для меня это будет очень тяжело. В связи с этим мои амбиции — чтобы из того, что мы начинали и что по разного рода причинам я перестал контролировать, получилась нормальная, хорошо устроенная страна. Тогда для меня ничего больше не нужно.

— В свое время, будучи в гостях в «Вечерке», Вы сказали, что не считаете нужным становиться своим для коммунистического электората, хотя, используя пункты биографии, могли бы сделать

это легко. Объяснили Вы это тем, что Вам эти люди неинтересны. По прошествии нескольких лет Вы не пришли к мысли, что политике важны не личные пристрастия, а поддержка максимально большего числа избирателей?

— Конечно, исходя из общих соображений, политик должен завоевывать популярность. Но это не всегда правильно. Слишком много политиков, которые адресуются ко всему обществу целиком. Но очень трудно убедить общество, что именно ты и есть самый правильный его выбор. Наше общество довольно сильно разделено идеологически, и не всегда эффективно искать поддержки у тех, кто тебя заведомо не приемлет. Из чисто прагматических соображений лучше сосредоточиться на тех, кто тебя поддерживает, и добиться, чтобы все они пришли голосовать и отдали голоса за тебя или за тех, за кого ты считаешь нужным.

— Какую избирательную систему Вы считаете более эффективной: по одномандатным округам или по партийным спискам?

— Есть много аргументов в пользу и той, и другой систем. Но лично я считаю, что переход на сто процентов к мажоритарной системе, к выборам по одномандатным округам был бы для России полезнее. Конечно, по одномандатным округам часто избирают далеко не лучших людей — много и демагогов, и популистов, и просто аферистов. Но по крайней мере там хоть очень редко выбирают людей откровенно серых. А по партийным спискам в Думу попадают порой такие люди, которых бы никто никуда никогда не выбрал.

— Вы по-прежнему живете в президентском доме на Осенней?

— Да.

— С кем из соседей чаще всего видите?

— Большинство соседей постоянно живет на даче.

— А у Вас дачи нет?

— Теперь есть. Четыре недели назад я наконец построил дачу и теперь пытаюсь соответственно перестроить свою жизнь. Это в нашей родной деревне под Звенигородом, где моя бабушка и бабушка моей жены Маши снимали дачи и где мы с женой познакомились.

— Полагаю, Ваша дача не окружена большим зеленым забором?

— Нет, у нас там забор из сеточки. Мы открыты. Да нас давным-давно в этой деревне знают, прятаться не от кого.

— А бывает, что кто-то напьется и захочет высказать свои претензии Гайдару?

— Нет, так как-то не получается.

— *Вы могли бы дать методические указания, как стать премьер-министром России и как на этом посту удержаться в ельцинские времена?*

— Нет, конечно. Все индивидуально, все очень быстро меняется, в том числе и Ельцин. Есть набор полезных советов, чего не надо делать, чего больше всего не любит Борис Николаевич... Список длинный, и я не хотел бы его обсуждать. Например, категорически не любит ультиматумов. Хотя все зависит от формы, в которой они поставлены. Мне приходилось мягко, но весьма и весьма настоятельно добиваться от Ельцина принятия тех или иных решений. В те годы это было вещью непростой, но все-таки реализуемой. Но ни в коем случае не надо собирать пресс-конференцию и открыто предъявлять ультиматум президенту, в этом случае у него не останется другого выхода, как предложение отклонить.

— *Власть — это наркотик?*

— Для кого как. Я знаю многих людей, которые, когда-то поработав во власти, всю жизнь не могут от этого отойти и, лишившись власти, чувствуют себя неполноценными. А на кого-то это абсолютно не распространяется.

— *А возможно привить человеку иммунитет, как бы это сказать, к любви к власти? По сути, ведь только человек, для которого власть не является самоцелью, и может принимать независимые решения?*

— Вы правы, но то, о чем вы говорите, абсолютно непрививаемо. Россия немножко необычная страна: большинство людей, которые идут в политику, в правительство, ориентированы именно на власть. Лишь в спокойные и благополучные времена люди, абсолютно равнодушные к власти, могут оказываться ее носителями. Я считаю, что из тех, кто находится во власти, иммунны к ней как к наркотику меньшинство.

Но то, что необходимо сейчас сделать в России, за день не сделаешь, нужны многолетние долгосрочные программы. А при чехарде правительств спрос наступает едва ли не в день формирования кабинета. Этот спрос явно толкает политиков на методы, похожие на укол морфия раковому больному: одно движение, и у того ничего не болит. Правда, потом больной умирает. Эта ситуация многократно описана в экономической литературе, когда правительства, и это происходит во всех странах мира, стремятся принимать по-

пулярные решения именно накануне выборов. Это очень опасная штука. Что приятно, в России явно выражен только президентский цикл: к парламентским выборам ни Центробанк, ни правительство существенно своего поведения не меняют.

— *Вы представляете себе кандидатуру следующего президента?*

— Представляю, но категорически отказываюсь ее обсуждать. Я знаю механизмы, позволяющие в России очень быстро вводить новые фигуры, которые до этого никогда не рассматривались всерьез как кандидаты в президенты. За 10 дней до того как Примаков был назначен премьером, никто не рассматривал его как кандидата в президенты. Но после назначения уже никто не мог утверждать, что этот кандидат нереален.

— *Как Вы относитесь к штампам, вводимым в обиход журналистами? В частности, недавно засверкавшее слово «семья» и все, что под ним подразумевается, соответствует действительному положению дел?*

— Во всех построениях и моделях, которые выстраивает пресса для объяснения реальности, всегда есть существенный момент упрощения, но это не значит, что эти модели не имеют отношения к действительности. Происходит все чаще совсем не так, как об этом пишут, но, как правило, что является достижением демократической прессы, если картина и получается немножечко искаженной, она в принципе верна.

— *То есть власть над верховной властью в России существует?*

— Дело в том, что политики в разной степени подвержены влиянию своих ближайших родственников и друзей. Нельзя сказать, хорошо это или плохо. Сталин был абсолютно не подвержен влиянию близких, но ничего хорошего это не принесло. Горбачев, как известно, крайне подвержен, но, несмотря на то что не все его действия были идеальными, свободу России он дал. Это вопрос стиля. Ведь в любом случае ответственность несет первое лицо.

— *У Вас сейчас есть время на хобби?*

— Если чтение книг называть хобби...

— *Это увлечение Вас никогда не покидало, даже в 91-м?*

— В девяносто первом у меня рабочий день был 15–16 ч. Времени ни на что, кроме работы, не было.

— *А сейчас есть?*

— А сейчас есть.

Свобода важнее демократии

— *Егор Тимурович, Вы относитесь к числу политиков, которые неразрывно связаны с понятием «демократы». Как известно, в буквальном переводе демократия означает «власть народа» и предполагает подчинение воле большинства. Между тем так же хорошо известно, что это самое большинство может принимать таких решений, что мало не покажется, — в частности, решений, в результате которых будут уничтожены и демократия, и свобода.*

Так где тот критерий, которым должен руководствоваться подлинный демократ, решая, когда он должен подчиниться воле большинства или когда он обязан соизмерять свои политические шаги с мнением этого большинства, а когда нет?

— Есть такой критерий. Скажу прямо: для меня свобода приоритетнее демократии, т. е. для меня неприемлем режим, который демократическим путем лишает человека его прав и свобод. Ведь мы как либералы имеем исходной точкой своего мировоззрения совсем не права общества или государства, а права индивида. Короче говоря, права и свобода личности для нас — высшая ценность.

И ничего антиобщественного здесь нет. Цивилизованное общество, развиваясь, выработало целый набор институтов, цивилизованно же ограничивающих свободу индивида, когда она угрожает свободе других. Вот эта конструкция, на мой взгляд, гораздо ценнее и важнее, чем подчинение воле большинства!

К тому же будем помнить: демократия, понимаемая как подчинение воле большинства, — изобретение сравнительно новое.

Все античные демократии были классовыми демократиями — в понятие «демос» не входили рабы, иностранцы и целый ряд других категорий населения. Они соответственно и не имели права голоса. И все современные развитые демократии когда-то родились и развивались как демократии цензовые. Избирательными

правами обладали лишь те, кто больше всех платил денег на государственные нужды. И только постепенно, по мере становления гражданского общества, развития демократических традиций цензовая демократия сменилась демократией всеобщего избирательного права.

И в связи с этим я совершенно не согласен с тем, например, что английская демократия XIX в. якобы никакая не демократия только потому, что она не предусматривала всеобщего избирательного права. Это была демократия, соответствовавшая тогдашнему уровню развития британского общества.

— *А современная российская демократия соответствует нынешнему уровню развития России?*

— В России есть одна фундаментальная проблема. Дело вот в чем: именно потому, что большинство современных демократий выросло из демократий цензовых, там существует долгая-долгая традиция ответственности за свои решения. В итоге в развитых демократиях, как правило, «средняя» категория населения не менее активно участвует в избирательном процессе, чем категория высоко-статусная. В США, например, население со средними доходами голосует активнее, чем население высокодоходное. А у нас всеобщее избирательное право было прямо перенесено из тоталитарного общества, где участие в голосовании являлось просто признаком лояльности к власти. Ну, чтобы не вызвать подозрений в нелояльности, надо было обязательно пойти и «проголосовать» за родную партию и правительство.

Тоталитаризма уже нет, но тоталитарная традиция поголовного хождения на выборы осталась в первую очередь в среде менее образованного, менее обеспеченного, короче говоря, низкостатусного населения. В результате оно, это низкостатусное население, гораздо активнее на выборах, чем более образованное, более обеспеченное, т. е. чем, так сказать, средний класс. Но чувство ответственности за опущенный в урну бюллетень осталось примерно таким же, как в те времена, когда голосование было фикцией.

Это одна из важнейших проблем. И решится она только в том случае, если будет расти этот самый «средний класс».

Кстати, именно эта категория населения первой поняла, что на выборы никто не гонит, а потому можно ехать на дачу. Но она же

первая способна понять, что если все поедут на дачу, то нечего будет удивляться, что оставшиеся выбрали тех, кого выбрали.

— Как Вы считаете, такое понимание растет?

— Я думаю, растет.

— Раз мы коснулись изменений в социальной структуре общества, в сознании людей, хочу затронуть такой вопрос. Известно, что многие наиболее социально активные граждане России — можно сказать, представители наиболее прогрессивной ее части, в том числе многие реформаторы — вышли из среды, занимавшей высокое (по Вашему выражению, высокостатусное) положение еще в советском обществе. Попросту говоря, вышли из среды советской номенклатуры.

Ясно, что их отцы-номенклатуристы не смогли бы добиться такого положения, если бы сами не обладали высокой социальной активностью, социальной «пассионарностью». Не произошло ли передачи этой «пассионарности» от родителей к детям как бы по наследству? И можно ли считать, что не имеет значения знак (положительный или отрицательный), который носит эта «пассионарность» у передающей стороны? Ведь социальную активность советской номенклатуры вряд ли можно считать положительной. Проще говоря, в этой среде было немало негодяев разного калибра. А в диссидентских кругах, скажем, 60–70-х годов сплошь и рядом дети палачей и их жертв были «представлены» поровну...

Этот как бы исторический вопрос для многих моих знакомых крайне важен: получается, что и дети нынешних «новых русских» бандитов и мошенников, чья высокая социальная активность не вызывает сомнений, станут своего рода «новым дворянством» — первоклассной и совершенно не похожей на своих родителей новой российской элитой, которая поведет Россию к вершинам духовного и прочего прогресса? Извините, что не сумел сформулировать короче.

— А Вы знаете, я не готов ответить на этот вопрос. Я знаю, что вокруг этой проблемы — передачи «пассионарности» по наследству — давно ведется дискуссия. Но тут я не считаю себя экспертом. У меня в принципе есть большие сомнения относительно самой возможности наследования социальной активности. Но повторю, что свои соображения высказывать бы не хотел.

Единственное, что я знаю совершенно точно, так это то, что большой книжный шкаф с хорошими книгами в вашем доме очень важен. И, конечно, желательно, чтобы этот большой книжный

шкаф появился еще у твоего папы, а то и у твоего дедушки. Впрочем, знаю множество достойных людей, у чьих отцов и дедов таких шкафов не было.

Что касается «новых русских». Среди них есть разные люди: симпатичные, не очень и совсем несимпатичные. Но среди них немало людей разумных, и они, естественно, хотят, чтобы их дети получили хорошее образование. Конечно, когда дети вырастут, они будут совершенно другими и вести себя будут совсем по-другому.

В мировой истории все это бывало не раз. Так всегда случается после радикальной ломки. Но я не стал бы называть будущую элиту «новым дворянством». Время другое, дворянство — это дворянство. И потом, новая элита будет формироваться разными источниками, не только же из «новых русских»...

Главные слагаемые новой элиты появляются уже сейчас. Это в первую очередь молодой образованный класс, обладающий совершенно новыми навыками, новыми специальностями, новым менталитетом. Уже ясно, что в этой элите появится очень много высокопрофессиональных людей, которые неизбежно будут востребованы. Интеграция нашей экономики в мировую экономику нуждается в совершенно новом типе людей, и он уже формируется. Но, повторю, не будет какого-то одного слоя, из которого произойдет новая элита, источников будет много.

— Однако все это — дело будущего. А сейчас Вам приходится иметь дело с тем избирателем, который есть. Как Вы думаете, можно ли считать, что неудача с созданием широкой правоцентристской коалиции имеет не только негативные последствия? Не секрет, что едва ли можно назвать НДР либеральной партией. Ради союза с ней правым либералам, вероятно, пришлось бы пойти на существенные компромиссы. Может быть, оно и к лучшему, что союз развалился, не успев родиться? Может, выступление с открытым забралом продуктивнее? Чистый идейный облик российского либерализма ведь тоже чего-то стоит?

— Ну конечно, неудачу с широкой коалицией нельзя оценивать только отрицательно. Идти на союз с НДР для нас было делом очень непростым, потому что НДР — партия не идеологическая. Это по существу осколок «партии власти», и именно связь с властью составляет ее стержень. К тому же она в значительной степени причастна к началу формирования номенклатурного ка-

питализма, о котором я уже немало писал и говорил и который мы решительно отвергаем.

Когда мы собирались идти на союз с НДР и на создание широкой правоцентристской коалиции, то делали это, безусловно, не для того, чтобы замазывать разногласия. Мы просто хотели собрать все силы, которые по принципиальным, главнейшим вопросам российской жизни — при всех имеющихся разногласиях — все-таки были бы готовы быть с нами. Готовы вместе с нами провести налоговую реформу. Готовы принять земельный кодекс, гарантирующий право частной собственности на землю. Готовы отстаивать демократию, бороться за гражданское общество. Исходя из этого мы и вели переговоры о создании широкой коалиции.

К сожалению, добиться этого не удалось и теперь мы идем на выборы более узким, но зато в идейном смысле более консолидированным составом.

— *А пока предполагаемый союз не рухнул, Вам все-таки пришлось сглаживать свою принципиальную позицию?*

— Вот что я скажу: принципиальная позиция — это не сектантство. Вопросы принципиальности стоят перед политиком всегда. Но ведь никуда не денешься и от вопросов политической эффективности и целесообразности! Политика в демократическом обществе всегда компромисс интересов. Я, конечно, считаю, что компромисс всегда должен сохранять целевые ориентиры и предполагать честное информирование общества о том, в чем мы сходимся, а в чем расходимся.

Но при этом компромисс должен быть четко сориентирован на победу. Если ты не занимаешься политикой, ты можешь сохранять бескомпромиссность и не отвечать за ее неэффективность. Если же ты политиком занимаешься, и всерьез, тогда ты не только заботаешься о принципиальности, но и отвечаешь за эффективность.

Я прилагал усилия к формированию широкой коалиции, я считал создание коалиции необходимым. Тем не менее если вы спросите меня не как лидера партии «Демократический выбор России», а как человека и избирателя, то мне гораздо приятнее голосовать за блок в том виде, в котором он есть сегодня.

И, по крайней мере, теперь нельзя сказать, что нет политической силы и избирательного объединения, которые выражали бы позиции очень четко оформленного правого электората.

— *Реформаторов начала 90-х, в том числе Вас, Егор Тимурович, часто (и справедливо, на мой взгляд) упрекают, что, находясь у власти, вы, увлеченные конкретным делом, не объясняли народу — или не считали нужным объяснять, — что вы делаете, зачем делаете и что собираетесь делать. Хоть сейчас либералы учитывают эти упреки в своей предвыборной тактике и стратегии?*

— В этих обвинениях есть и правда, и неправда. Я бесконечно много объяснял, причем не где-нибудь, а с экрана телевизора и на заседаниях Верховного Совета, которые тогда транслировали напрямую, что мы делаем, что собираемся сделать... Я объяснял вещи очень простые. Если сегодня перечитать, что я тогда говорил, то поверьте — все это были чрезвычайно простые вещи, которые сегодня кажутся просто банальными. Было бы, конечно, прекрасно, если бы на моем месте тогда оказался какой-нибудь гениальный агитатор и пропагандист, способный убедить абсолютно неграмотное в рыночном отношении общественное мнение...

Но не надо строить иллюзий! Главное-то состоит вот в чем: само общество было просто не готово принять и понять наши предложения и наши действия. Я убежден, все произошло не потому, что мы не хотели или не умели объяснять, а потому, что задача была неизмеримо сложна.

— *Существует расхожее мнение, будто либеральный эксперимент в России не удался. Модно рассуждать о конце эпохи либерализма в России. А коммунисты и национал-патриоты вообще твердят, что либерализм принципиально чужд России, что Россия по самой своей природе страна «левая», общинная, коллективистская и т. д. Вы, разумеется, не согласны с теми, кто зовет на похороны российского либерализма...*

— Ну, либерализм в России хоронили уже много-много раз. И всегда спустя какое-то время после очередных похорон страна возвращалась к необходимости проведения либеральных реформ. Приходили политические деятели, которые не считали себя либералами и таковыми по большому счету не были. Но они все равно были вынуждены приниматься за преобразования, являвшиеся по существу либеральными. Почему? Потому что выхода другого не было — только с помощью таких преобразований страна могла продвигаться вперед, развиваться и сокращать свое отставание от других, более развитых стран. Она и продвигалась, пусть

медленно, постепенно, с откатами, но после каждого отката вновь принимаясь за либеральные реформы. Повторю, выхода другого не было!

И сейчас другого выхода просто нет. Только на пути продолжения либеральных реформ возможно дальнейшее развитие России, ее равноправное и органичное существование в составе мирового сообщества. Всего этого не получится, если не решить тех проблем, которые продолжают стоять перед страной: неполная отделенность собственности от власти, отсутствие частной собственности на землю, отсутствие независимой судебной системы и весьма относительная независимость средств массовой информации, несформированность гражданского общества. Ясно, что решение этих проблем — задача чисто либеральная.

Есть все предпосылки для того, чтобы указанные цели были достигнуты. Все-таки за последние годы в стране многое изменилось. Появилась собственность, отделенная от власти, целые категории населения больше не находятся в тотальной экономической зависимости от государства. В стране стало гораздо меньше патернализма, существует система политической демократии, произошли значительные изменения в сознании народа, началось формирование основ гражданского общества.

Россия уже миновала ту развилку, откуда возможен был возврат к тоталитарному социализму. Уверен, вернуться к тоталитаризму советского типа уже нельзя. Сейчас перед Россией другая развилка — либо она будет развиваться по пути свободной рыночной экономики, демократии, гражданского общества, либо окончательно свернет на путь того самого номенклатурного капитализма, о котором я говорил. Причем вероятность именно второго варианта весьма велика.

— *А когда, по Вашему мнению, Россия свернула с так называемого магистрального пути развития человечества?*

— Если понимать под этим развитие европейской цивилизации от античности с ее полисной демократией до появления современных развитых демократий, то отставание России наметилось где-то в XIV–XV вв. Россия много раз пыталась нагнать ушедших вперед — и в XVI, и в XVII, и в XVIII, и в XIX вв. Каждый раз ей в той или иной степени удавалось приблизиться к цели. Но вплотную она подошла к ней в начале XX столетия. А потом (я имею в виду

период 1914–1921 гг.) буквально по всем основным направлениям развития страны были избраны принципиально антилиберальные решения. Вот где была та главная «развилка».

— *Крамольный вопрос: Россия вообще жизнеспособна в качестве единого государственного образования? Ведь она так разнородна, в ней сосуществуют совершенно разные и порой противоречащие друг другу цивилизационные уклады. Сплелась Восток и Запад, Европа и Азия, ислам и христианство. Может ли все это бесконечно удерживать единая государственная оболочка?*

— Все, о чем Вы сказали, являлось очевидной проблемой для Советского Союза. Что касается России, то она, по моему, несмотря на все свои различия, в большей своей части достаточно однородна. Приморский край и Камчатка, хотя они и расположены на востоке, по европейской ориентированности радикально не отличаются, например, от Урала или Мурманской области. Отличаются — да, но не радикально. Есть проблема национальных республик. И серьезная. Но все-таки это ведь относительно небольшая часть России.

— *Однако речь идет не только о национальных республиках. Если вспомнить о теории так называемых трех миров, то Москву иногда сравнивают с «первым» миром (как бы), Санкт-Петербург, Новосибирск и Екатеринбург — со «вторым» (который олицетворяет, скажем, Западная Европа), а все остальное — с «третьим миром», т. е. со слабо развитыми и нищими странами. Как они уживутся все вместе?*

— Ну, такие различия и даже разрывы вообще-то естественны для периода таких коренных перемен, которые произошли за последние годы. Перемены эти всегда начинаются в столицах, крупных городах, а потом постепенно охватывают менее крупные города, малые города и т. д. В целом же, мне кажется, Россия — это страна, которая сделает единый выбор.

— *Какой же именно? Выбор в пользу «Европы»?*

— Или в пользу «Европы», или, так сказать, «Юга», «третьего мира». Но это, повторю, будет единый выбор, выбор России.

— *А как насчет тенденции к региональному сепаратизму, действий некоторых губернаторов, направленных на обретение не только экономической, но и политической самостоятельности от центра? Видите ли Вы в этом опасность распада страны?*

— Нет. Такая тенденция опять же естественна для молодой федерации. Я бы назвал это тенденцией к «феодализации» — явлению,

в общем, понятному, но, скорее всего, краткосрочному. И не надо, не надо питать иллюзий. При достаточно сильном президенте привести к покорности региональных лидеров не составляет большого труда. У федерального центра при отчетливом желании есть достаточно рычагов для воздействия на регионы.

— *Егор Тимурович, какими, по Вашему мнению, окажутся результаты думских выборов?*

— Я думаю, коммунистов в Думе будет меньше. А вот последовательных сторонников номенклатурного капитализма там будет много. Удастся ли нам сформировать либеральную оппозицию им? Посмотрим.

— *Кого Вы называете последовательными сторонниками номенклатурного капитализма? Блок «Отечество — вся Россия»?*

— Да, это один из отрядов, наиболее крупный.

— *Их уже называют и «партией действующего начальства», и «партией будущего начальства».*

— Я бы назвал их так: партия действующего начальства, желающего быть еще более действующим.

— *Считаете ли Вы серьезной исходящую с этой стороны угрозу авторитаризма и тоталитаризма?*

— Угрозу авторитаризма считаю серьезной, тоталитаризма, наоборот, нет. Они сами заинтересованы в сохранении собственности, к настоящему моменту уже отделенной от власти.

— *Авторитаризм установят именно в жестком варианте?*

— Ну зачем же, зачем? Чтобы превратить демократию в фарс и установить авторитарный режим, вводить чрезвычайное положение не нужно. Ничего этого совершенно не нужно... Все делается элементарно. Посмотрите, как в Москве контролируется пресса, представьте, что нет никаких сдерживающих противовесов и что некому будет жаловаться. И представьте себе характер работы с прессой в условиях такого режима.

— *Этого, Вы думаете, будет достаточно?*

— Для возвращения к тоталитаризму — нет. Ведь какие-то малотиражные газеты будут выходить, формальной цензуры не будет, наконец, с Интернетом трудно что-либо поделаться. Но контроля над основной частью СМИ, обладающей наибольшим влиянием на избирателей, и прежде всего над электронными СМИ, для установления авторитаризма будет вполне достаточно.

— *Но ведь в России возможны попытки ввести и более жесткий авторитарный режим, чем тот, о котором Вы говорите? Путем нагнетания ситуации, поиска внешнего врага, использования проблем Северного Кавказа, наконец...*

— Да, это не исключено. Главная опасность для демократии состоит в том, что сторонникам номенклатурного капитализма выгодно сохранение нынешнего статус-кво — прежде всего в социально-экономическом плане. Однако сохранять статус-кво дальше станет все труднее. Одно дело, когда есть образ готового врага в лице пожилого президента, ответственного за все социальные издержки, связанные с крахом социализма. Совсем другое — когда ты сам находишься у власти и за все это отвечаешь, а жизнь не улучшается. И я, конечно, не исключаю, что соблазн прибегнуть к достаточно жестким авторитарным методам возрастет. Но все-таки установление авторитаризма неизбежным мне не кажется. Возможным — да, но не неизбежным.

— *Что будет дальше с коммунистами?*

— Я думаю, они сейчас тоже стоят на развилке. Очевидно, что экономической программы, принципиально отличной от программы «партии власти», у них нет. Да, они еще довольно долго могут эксплуатировать протестный электорат, но не вечно же.

Из этой развилки для коммунистов есть два выхода. Они могут повернуть в радикально националистическое русло и превратиться в настоящую антисемитскую партию открыто черносотенного толка, использующую самые низменные инстинкты. Короче говоря, это путь Кондратенко, Макашова и Илюхина.

Правда, часть партии может пойти по другому пути. Часть партии явно хочет интеграции в «партию власти», но только в другой упаковке. В принципе это то же самое, только вместо триколора — красный флаг. Ну, посмотрите, как работают «красные» губернаторы и чем они отличаются от других региональных властителей.

— *Упаковка в этом случае будет как бы социал-демократическая?*

— Именно как бы. Квазисоциал-демократическая. С использованием протестного электората. Без откровенного расизма и национализма. Вот такая развилка... Она отчетливо видна. Почему так трудно формируется зюгановский блок «За победу»? Неясно им, куда идти. Зюганов тоже на распутье. Ему-то как раз ближе всякого рода националистические идеи, но поворот туда чреват поте-

рей «респектабельности», трудностями на пути вступления в «партию власти» и маргинализацией КПРФ.

— *Националистический путь, Вы считаете, более вероятен?*

— Я всегда считал, что естественная эволюция для КПРФ — это превращение в партию отчетливо националистического толка. И большинство партии хочет идти именно туда, и, вероятно, пойдет именно туда. Вопрос только в том, какова будет степень радикализации. То ли это будет «умеренный» империализм Зюганова — Селезнева, которые предлагали послать наши войска в Югославию, то ли откровенный нацизм Кондратенко–Макашова.

— *Как, по-Вашему, восхождение Примакова на вершины политического Олимпа — это какая-то непреодолимая данность? И рост его популярности, возвращенной во многом на чисто мифологической основе, продолжится?*

— В России никогда нельзя слишком верить в какие-то данности. Я в свое время, в начале 1996 г., был убежден, что Ельцин в принципе неизбираем. Я оказался не прав. Ельцин был избран. Причем в результате свободного и честного голосования. Поэтому не буду делать никаких прогнозов до февраля. Хотя бы для того, чтобы не повторять собственных ошибок.

Кто Вы, доктор Гайдар?

Егора Гайдара в России знают все. Для кого-то он — человек, решительно реформировавший экономику, сломавший систему дефицитов и оставивший безудержную инфляцию, для кого-то — «гарвардский мальчик», разваливший народное хозяйство великой державы, отнявший у старушек деньги, припасенные на похороны, ликвидировавший сладостные «колбасные» электрички.

Егора Гайдара поносят сторонники Зюганова и ненавидят Илюхин с Макашовым. О докторе экономических наук Гайдаре говорят, как о блестящем ученом. Егор Гайдар — полемист, с которым не всякий отважится схлестнуться, и амбициозный политик. Кто же он на самом деле?

Я НЕ БЫЛ СТОРОННИКОМ ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ

— *Откуда в тоталитарном государстве взялась целая группа хорошо подготовленных, уверенных в себе экономистов-рыночников? Как формировались либеральные взгляды лично у Вас? В Вашей политической судьбе важную роль сыграл Михаил Сергеевич Горбачев. Как Вы оцениваете эту личность сегодня?*

— До 12 лет я был глубоко убежден, что Советский Союз — самая замечательная, самая справедливая страна в мире. Мы мыслями были с бородачами Кубы, в нашем доме висел портрет Че Гевары... Все обрушилось в августе 1968 г., после вторжения советских войск в Чехословакию. В то время я вместе с отцом-журналистом жил в Югославии, где легально распространялись книги, недоступные в СССР. Благодаря им во мне сформировалась еще одна романтическая модель мира — скорректированный югославским опытом марксизм.

Интервью брал Борис СИНЯВСКИЙ.
Опубликовано в: Общая газета. 1999. 9 сентября.

С этим пониманием социализма я и поступил на экономический факультет университета. Но в СССР современного экономического образования не было вовсе, было изучение «Капитала» и всего, что вокруг него. Дополнительно образовываться пришлось в библиотеке. Постепенно понял, что и югославская модель — социализм с рабочим самоуправлением — это еще одна романтическая утопия.

Я испытал серьезный идейный кризис, увидев, что энергетики в экономике социализма нет, что это тупик и не ясно, что же с этим делать в рамках политически возможных для режима решений. Поэтому в середине 80-х годов вместе с компанией молодых увлеченных людей я пытался прорисовать некую линию упорядоченных реформ, направленных на демонтаж наиболее очевидных тормозящих элементов социалистической системы, на подготовку постепенного запуска реальных экономических механизмов. Этому способствовали серии формальных и неформальных семинаров Станислава Сергеевича Шаталина, Николая Яковлевича Петракова. Как-то ко мне в НИИСИ зашел молодой худой рыжий человек и сказал, что прочитал мою последнюю статью по экономике и нашел в ней много интересного. Он пригласил меня в Ленинград — выступить на семинаре. Так началась наша с Анатолием Борисовичем Чубайсом совместная работа.

Мы продвигались в первую очередь благодаря самообразованию. Обсуждать интересующие нас проблемы языком советской экономической науки было смешно. Поэтому в наше сообщество изначально попадали только люди, способные читать современную экономическую литературу на языке оригинала, как правило, на английском.

Тогда мы были самыми энергичными сторонниками пути, называвшегося венгерским, а сейчас, в силу понятных причин, — китайским. Я не был склонен к тому, что потом получило название шоковой терапии. Можно прочитать мои статьи начала 80-х, чтобы убедиться в этом. Исторический парадокс в том, что, когда все возможности упорядоченных реформ были угроблены, когда старая система просто перестала существовать, когда ничего другого, кроме форсированного запуска рыночных механизмов, не существовало, именно нам, мне и моим коллегам, пришлось для предотвращения гуманитарной катастрофы реализовывать поли-

тику, последовательными противниками которой мы были вплоть до сентября 1990 г.

Той осенью ожидался альянс Горбачева и Ельцина под программу «500 дней». Он мог стать потенциальной базой для скоординированных движений в правильном направлении. Не случилось. И в своем экономическом обозрении за 90-й год я вынужден был писать, что время для упорядоченных реформ окончательно упущено.

Еще до того как Горбачев узнал о моем существовании, у меня было собственное, личное отношение к Михаилу Сергеевичу — довольно позитивное. Моя оценка этой масштабной личности не изменилась и сегодня. Мы все должны быть благодарны Горбачеву за то, что именно он толкнул СССР к реформам. Я принадлежу к кругу людей, которые считали, что он заслуживал поддержки, тем более что судьбы реформаторов в России традиционно складывались не самым лучшим образом.

Но я не мог не видеть поразительную цепь ужасных ошибок, допущенных командой Горбачева в экономике. Каждое решение приводило к заранее просчитываемой катастрофе. Примеров много — от антиалкогольной кампании до сокращения закупок финансово высокоэффективных потребительских товаров с параллельным увеличением поставок инвестиционного оборудования. Николай Иванович Рыжков был хорошим директором «Уралмаша», неплохим первым заместителем министра тяжелого транспортного машиностроения, но оказался катастрофичным премьер-министром периода краха системы и начала рыночных реформ. Он фатально не понимал основные экономические закономерности.

Осенью 1988 г. мы с Отто Лацисом¹ написали Горбачеву записку о том, что — по нашему мнению — неверно делается в экономике. Записка, к великому удивлению, до Михаила Сергеевича дошла. Он зачитал ее на заседании Политбюро. Возникла дискуссия внутри власти. Сам Михаил Сергеевич нашу позицию поддерживал, но ему не хватило решительности для резких действий, для наступления на чьи-то конкретные интересы. Михаил Сергеевич никогда не был силен в противостоянии. Он из тех, кто до бесконечности ищет консенсус.

¹ Отто Рудольфович Лацис (1934–2005), публицист и политический деятель, ученый-экономист. — Прим. ред.

МЫ СЛИШКОМ ЧАСТО ШЛИ НА КОМПРОМИССЫ

— В начале своих реформ Вы говорили: «Не важно, может ли купить конкретная бабушка килограмм колбасы, важно, сколько колбасы в магазинах Москвы». Вам и сегодня не важна судьба конкретной бабушки? Относите ли Вы на счет своей команды ошибки, допущенные в ходе приватизации? Назовите отрасль, где бы в результате приватизации повысилась экономическая эффективность. Почему за копейки были скуплены нормально работающие, рентабельные предприятия?

— Вряд ли я когда-либо говорил о том, что мне безразлична судьба конкретной бабушки. Если верить слухам да коммунистической прессе, то какой только глупости я не произносил, каких только жутких дел не совершал! В Иванове якобы сказал, что России не нужна собственная текстильная промышленность... В Комсомольске-на-Амуре вообще закрыл все судостроение... Решил, что не надо добывать в Якутии золото... Распорядился выселить всех жителей Магадана... Все это мифы.

Осенью 1991 г. я прекрасно знал, что зерна в стране хватит лишь до февраля, при этом нет ни копейки валюты. Знал, что если немедленно не заработают рыночные рычаги, то миллионы конкретных бабушек станут умирать от голода, как это было в 1921 г. Бабушки меня интересовали не в качестве примера в какой-нибудь доклад, а как требование немедленных, конкретных и решительных мер, которые бы уже весной 1992 г. обеспечили каждого россиянина куском хлеба.

Все, что тогда приходилось делать мне и моим товарищам, было жестко продиктовано обстоятельствами. Повинны же мы не в радикализме, а в том, что общий вес компромиссов, на которые мы вынужденно шли, оказался непомерным.

Не смогли мы, к сожалению, провести без компромиссов и приватизацию, которая должна была создать условия для рынка. Социализм как политический строй рухнул, но это не могло автоматически привести к работающей рыночной экономике — стопроцентная госсобственность этого не позволяла. Следовало создавать частного, а это делается через приватизацию.

Это понимали даже наши оппоненты. Сейчас нас обвиняют в том, что приватизация в России шла очень быстрыми темпами.

А вот в 1991–1992 гг. нас упрекали в прямо противоположном — в том, что мы либерализовали цены, предварительно не проведя приватизации, но нет большей бессмыслицы, чем приватизация при отсутствии свободных цен. Представьте себе магазин 1991 г., где товары выдают по талонам, а продавец — большой начальник, делящий запас, как в осажденном городе. Давайте приватизируем этот пункт распределения продуктов. Что станет делать владелец магазина? Он откроет его с черного хода, а потом закроет. Навсегда.

Если Вы попросите меня назвать отрасль, где после либерализации цен приватизация с очевидностью привела к серьезным позитивным результатам, то это торговля и сфера услуг. Сравните магазины потребкооперации или военторга, где не было приватизации, с частными. Я думаю, комментарии не нужны.

В промышленности приватизированные предприятия работают, по крайней мере, не хуже, чем государственные. На самом деле там, где появился реальный собственник, частные предприятия намного эффективнее.

Приватизация не панацея, сама по себе она повышения эффективности не дает, если речь не идет о малой приватизации с привлечением частного капитала. Она запускает механизм, суть которого можно изложить так: «Не так важно, как распределена собственность, важно, что она распределена, что права собственности закреплены. При конкуренции собственность неизбежно перейдет из рук тех, кто не может ею рационально распорядиться, в руки более умелые»¹.

В условиях терпящего крах социализма прихватить кусок собственности было не так и трудно, а вот сохранить ее, научиться ею управлять так, чтобы предприятие приносило прибыль и было финансово устойчивым, дано не всем. Поэтому собственность переходит из одних рук в другие — мы это видим сегодня каждый день.

Что же касается упрека в том, что в результате приватизации кто-то сумел за сущие копейки скупить едва ли не всю страну, то я в общем и целом согласен. Но кто купил? Трудовые коллек-

¹ Здесь Е. Гайдар, не называя источник, цитирует тезис американского экономиста, нобелевского лауреата Рональда Коуза (Коузэйса), являющийся одним из фундаментальных принципов современной экономической науки. — Прим. ред.

тивы по второму варианту приватизации. Кто был ярким противником такой странной модели? Анатолий Борисович Чубайс, вся наша команда. Но этот вариант был утвержден весной 1992 г. Верховным Советом по предложению фракции «Коммунисты России».

Правительство при мне неоднократно предлагало увеличить стоимость имущества, которое может покупать коллектив. Вместо этого Верховный Совет принял специальный документ, запрещающий повышать цену. А в 1993 г. наши депутаты вообще выступили с идеей четвертого варианта приватизации — отдавать трудовым коллективам даром уже не 51, а все 90% акций.

Мы были последовательными противниками дешевой приватизации, мы хотели, чтобы она принесла в бюджет страны как можно больше денег, но мы действовали в рамках существующего законодательства. К Чубайсу была масса претензий, но ни один оппонент не обвинил его в незаконности проводимой им приватизации. Да, многое было сделано неправильно, но все законно. А законы в стране принимает не правительство.

— *Стахановские темпы приватизации объясняли тем, что надо пройти «точку возврата». Приватизацию мы осуществили, но сегодня о возможности коммунистического реванша разговоров еще больше, чем в начале 1992 г. ...*

— Разговоры разговорами, но я считаю, что с серьезной угрозой коммунистического реванша мы покончили летом 1996 г., когда были объявлены результаты второго тура президентских выборов. Это я заявил уже тогда. Развитие событий показало, что коммунистический блок разваливается, что правительство Примакова — Маслюкова в социально-экономической области не смогло предложить ничего принципиально нового. После отставки Примакова, несмотря на угрозы Зюганова, никаких всероссийских акций протеста не последовало, да и Дума, прежде всего фракция коммунистов, покорно проголосовала за очередного кандидата.

— *А каким образом, почти бесплатно, был приватизирован «Газпром»?*

— Окончательное решение по приватизации «Газпрома» было принято Виктором Степановичем Черномырдиным, так что все вопросы по этому поводу — к нему. Лично мне не нравится, как был приватизирован «Газпром».

— *Кто отменил госмонополию на водку, благодаря кому страну в свое время залили низкосортный спирт «Роял» и такого же качества немецкая водка?*

— Благодаря мне. На 1 января 1992 г. союзной таможни уже не было — в Эстонии, Латвии, Литве, Украине. Российской еще не было. Поэтому, да еще в условиях абсолютно пустого потребительского рынка о каких-то таможенных тарифах говорить было глупо. Тогда и было принято временное решение о нулевой пошлине. Следовало сформировать собственную таможню (и мы ее создали довольно быстро), дать толчок внутреннему рынку. Уже с 1 августа 1992 г. мы снова ввели таможенные пошлины, вскоре мы их повысили, потом дифференцировали...

Что касается либерализации производства алкоголя, то это решение было ошибочным даже и в ситуации 1992 г. Но хочу напомнить, что то было время предельной слабости государства. Еще не были выстроены отношения между центром и регионами. Татарстан вообще тогда заявлял о своем суверенитете, о независимости от российского законодательства. Фактическая либерализация была неизбежной.

Мы — оппозиция следующей власти

— *Ваши взаимоотношения с Ельциным. Почему и как он поменял Вас в свое время на Черномырдина? Как Вы оцениваете свое краткое возвращение в сентябре 1993 г., не было ли это решение президента продиктовано исключительно его собственными интересами? Как Вы сегодня относитесь к Ельцину? Как так получилось, что слово «демократ» стало в России едва ли не ругательным? Почему Россия обзавелась такой несовершенной Конституцией? Какие надежды Вы связываете с блоком «Союз правых сил»?*

— Замена Гайдара на Черномырдина была, как Вы помните, вынужденная. Оппозиция обещала в таком случае снять препятствия по изменению Конституции. Я не стану вспоминать все, что тогда проходило, расскажу лишь, как происходило само голосование.

Перед тем как выбирать из трех фигур — Скокова, Черномырдина и Вашего покорного слуги, — президент спросил у меня совета. Я сказал, что он поступит правильно, если предложит мою кандидатуру. Если же решение будет иным, то тогда надо выбрать Чер-

номырдина. Ельцин просил меня снять свою кандидатуру, но я нес ответственность перед своими сторонниками и не мог президенту здесь помочь.

Мое возвращение осенью 1993 г., видимо, было продиктовано в какой-то мере конъюнктурными соображениями, но и тогда все было куда как сложнее. Ельцин тогда, на мой взгляд, еще относился ко мне с большим доверием и симпатией.

В сентябре 1993 г. я прекрасно понимал, что кризис двоевластия вступил в решающую фазу, в ближайшие дни он должен разрешиться. Многие наблюдатели склонялись к тому, что он разрешится падением Ельцина. В этой ситуации отклонять предложение президента я считал себя не вправе. И то, что мы смогли вечером 3 октября переломить ситуацию, полностью, на мой взгляд, оправдывает то мое временное возвращение в правительство.

— Но почему Вас не сделали после разгона Верховного Совета премьер-министром?

— Это вопрос, скорее, к Ельцину, но думаю, что у Бориса Николаевича были внутренние обязательства перед Черномырдиным, который не предал в трудные дни, хотя многие рассчитывали, что Виктор Степанович поведет себя по-другому.

Потом, как мне кажется, президент ждал результатов декабрьских выборов. Если бы реформаторы получили решительную поддержку, то и состав правительства оказался бы иным. На самом деле мы получили в декабре 1993 г. очень большую поддержку электората — почти 16%, но ожидания были столь завышены, что хороший результат восприняли едва ли не как поражение. Было решено, что народ устал от реформ, а в таких обстоятельствах возглавлять правительство мог только Черномырдин.

Если говорить о моем отношении к Ельцину, то оно, как и отношение к Горбачеву, существенно не изменилось. Борис Николаевич сыграл историческую роль. Он, дважды полноценно избранный президент, ни разу не использовал свою власть для подавления демократических институтов. Оппонировать сегодня президенту — самое безопасное, что только может быть. Одно это в России дорогого стоит.

Да, он наделал кучу ошибок, у него масса слабостей, которые особенно проявились с возрастом. В его окружении много малопримечательных людей. Количество тех, кто умеет говорить ему

«нет», неуклонно снижается. Но чего мы ждали в нашей стране с ее-то историей? Какого еще президента мы хотели выбрать?

Что же касается того, стало ли слово «демократ» ругательным, то в определенных кругах ругательным является слово «коммунист». Но посмотрите — сам коммунизм бесстрашно ругают все, кому захочется, а вот демократию никто не трогает, никто из политиков, даже Зюганов, никогда не скажет, что он против демократии как таковой. Каждый премьер, тот же Примаков, как только садится в свое кресло, так и заявляет: «С курса реформ мы не свернем». Считается, что и слово «реформы» тоже стало ругательным, а премьеры, все как один, твердят: «Не свернем».

Что касается Конституции... После моей отставки в 1992 г. депутаты решили — раз Гайдар ушел, то зачем нам придерживаться данного обещания, зачем помогать президенту в создании новой Конституции? От компромисса отказался не Ельцин, его отвергло парламентское большинство. Когда ситуация была переломлена силой, то после этого и Конституция была принята куда как менее сбалансированная, чем предполагалось ранее. Ельцину и в голову не приходило требовать такую Конституцию, какая в результате была поставлена на голосование в 1993 г.

А какие беды таились в реальном уже двоевластии, можно проиллюстрировать на примере Челябинской области. Там работал назначенный президентом глава администрации Соловьев. Местный Совет принял решение о проведении выборов. На них победил Сумин. Верховный Совет признал главой челябинской областной администрации Сумина, правительство и президент — Соловьева. Министерство финансов признало подпись Соловьева, находящийся под эгидой Верховного Совета Центробанк — подпись Сумина. Начальник городской милиции переметнулся на сторону Сумина, начальник областной милиции остался верен Соловьеву... Какую еще Конституцию мы могли принять на таком фоне?

При всем этом я сторонник консервативного отношения к Конституции, я не энтузиаст бесконечных ее пересмотров. Стабильность Конституции сама по себе большая ценность.

Что касается блока «Союз правых сил», то само его создание — большой успех. Вместо множества партий, которые шли на выборы от демократов в прошлый раз, мы имеем одну консолидированную

силу. В то, что это возможно, мало кто верил. Путь был трудным, но мы его прошли.

Наша основная задача — противостоять и на выборах, и позже, уже в составе Думы, блоку Примакова — Лужкова. К Зюганову, Илюхину мы, как и прежде, относимся отрицательно, но главную опасность видим в номенклатурном капитализме. Примакова — Лужкова поддерживают те, кому нравится любая партия власти.

Что касается оппозиционности «Союза правых сил», то мы говорим об оппозиции не столько к нынешней власти — она завершает свой путь. Мы пытаемся выстроить партию последовательной оппозиции следующей власти.

Сами выборы — и парламентские, и президентские — состоятся в конституционные сроки. Гарантом этого является Ельцин, и это будет его последний, но не самый малый вклад в развитие российской демократии. Результаты предсказывать не берусь. После того как в конце 1995 г. опрометчиво заявил, что у Ельцина нет шансов выиграть следующие выборы, я прогнозов исхода президентских выборов в России стараюсь не делать.

— *Чем Вы занимаетесь, кроме политики, Вы, Ваша семья?*

— Самое любимое занятие — это книги, хорошие, исторические. Люблю классику перечитывать. Не очень часто в последнее время читаю новые книги. Из того, что читал в последнее время, очень рекомендую Вам — серия, подготовленная Яковлевским фондом, документы советского периода. По-моему, более ничего интересного не читал давным-давно. Сейчас у них вышел последний том — «Берия», он лежит у меня на столе, еще не открывал, жду с нетерпением. У меня трое сыновей, когда я свободен, общаюсь с ними.

— *Сколько старшему?*

— Старшему — 20, младшему — 9.

— *Старший где учится?*

— В Академии народного хозяйства.

Почему я должен отвечать за остановку реформ?

— *Егор Тимурович, на Вас и Ваше окружение вешают всех собак за все, что случилось с экономикой России. Вы согласны с этим?*

— Я возглавлял правительство России с ноября 91-го по декабрь 92-го, с сентября 93-го по январь 94-го был первым вице-премьером. Не все, что делалось тогда, делалось, на мой взгляд, правильно, но я готов нести ответственность за то, что происходило тогда.

Я знаю, в каком состоянии принял страну в ноябре 91-го года и в каком состоянии сдал ее в декабре 92-го своему преемнику с точки зрения дефицита, работы или не работы государственных и рыночных механизмов, золотовалютных резервов и т. д. За это я всегда готов отвечать. Я считал, что если мы уже больше не строим коммунизм, то остановка экономических реформ будет иметь очень тяжелые последствия. Они были приостановлены, и это имело тяжелые последствия. Почему я должен отвечать за их остановку, я понять не могу.

— *Но тем не менее большинство людей в стране полагают, что именно Гайдар и те, кто был с ним в правительстве, виноваты в том, что случилось со страной после 91-го года, в том, что народ обнищал, что рубль ничего не стоит, в том, что в стране такой бардак. Может Вы объясните, что были правы или были какие-то ошибки, или Вы желали блага стране?*

— Я не то, чтобы желал, я кое-что и сделал. В апреле 93-го года в России был проведен референдум, на котором не у меня, а у народа спросили: «Вы поддерживаете экономическую политику, которая проводится в стране?». Заметьте, что референдум был проведен спустя три месяца после моей отставки. Тогда большинство людей ответило на этот вопрос референдума «да». А ведь у них еще

Интервью брал Андрей МОРОЗОВ.

Опубликовано в: Персона. 1999. № 6–47. Сентябрь.

были свежи воспоминания о том, какими были и 91-й, и 92-й годы, т. е., то время, когда я возглавлял правительство.

А вот потом, в результате смены правительства и отказа от курса реформ, мы действительно оказались в этом бардаке. Но, повторю, я и мои единомышленники отстаивали необходимость продолжения и развития либеральных реформ.

— *Даже несмотря на нищету, безработицу, голод и холод?*

— Что значит «даже несмотря на нищету»? У нас что, были проведены либеральные реформы? У нас из-за них начались нищета и безработица?

— *Но ведь именно Ваше правительство отпустило цены.*

— Именно при мне были отпущены цены, но именно при мне были заполнены пустые прилавки. Именно при мне ушел в прошлое дефицит, именно при мне появился конвертируемый рубль...

— *Но, Егор Тимурович, когда при Вас были заполнены прилавки, то не все могли купить то, что было на них.*

— Кто-то мог, а кто-то не мог. Во всяком случае исчезла ситуация, при которой положение человека в жизни определяется наличием у него знакомого товароведа. Дальше жизнь стала определяться следующим — есть ли у тебя способности, желание и возможности заработать деньги.

Вот есть 28 стран, которые сформировались на базе бывших социалистических государств. За последние девять лет в них сменилось штук триста правительств и проводились различные виды экономической политики. Сегодня часть этих стран оставила в прошлом проблемы переходного периода, в них появилась хорошая социальная защита, растет уровень жизни, растет экономика. А есть страны, которые не вывалились из бардака, как Вы правильно сказали. Но я хочу сказать, что экономика растет в тех странах, где было сделано то, что мы предлагали сделать и в России. Но сделано это было в течение трех лет, а не 11.

— *Но ведь в тех странах другой менталитет. И потом, они жили при коммунистах всего лишь 40 лет, а Россия — более 70.*

— Именно поэтому нам гораздо труднее, но тем не менее и там, где жили с коммунистами 40 лет и не были проведены реформы, по-прежнему бардак. В Румынии жили тоже 40 лет с коммунистами, как в Эстонии, но тем не менее экономика Эстонии растет,

а Румынии нет. Почему? Да потому что в Румынии, как и у нас, реформы были приостановлены.

— *А как Вы относились к различным обвинениям в свой адрес, например, к тому, как, кажется, Хасбулатов вас называл «мальчиками в коротких штанишках»?*

— Это не Хасбулатов, а Руцкой. Правда, потом Руцкой долго каялся по этому поводу, говорил, что он не нас имел в виду. Но ко всему этому я относился спокойно.

— *У Вас всегда очень жизнерадостный взгляд, очень оптимистический вид. Я не могу вспомнить какое-то другое выражение Вашего лица. Скажите, а у Вас бывают в жизни моменты, близкие к безысходности, Вас мучают гамлетовские вопросы?*

— А Вы видели мое выступление по телевидению 3 октября 93-го года?.. Много было тогда у меня оптимизма?.. Могу еще вам привести пример — ноябрь 92-го, конфликт Ингушетии с Осетией.

— *То есть все в жизни бывает?*

— У нормального человека в жизни бывает все. Но я не склонен ныть. Я не склонен к тому, чтобы рвать на себе волосы, считаю, что это неэффективная технология.

— *Вы романтик или прагматик?*

— В подавляющем большинстве случаев я прагматик. Если бы я не был прагматиком, я никогда не взялся бы за проведение реформ в России, зная ее историю и зная, что такое реформы.

— *Зачем Вы согласились идти во власть?*

— Потому что было видно, как страна разваливается на глазах, как буксует государственная машина. Было видно, что надо делать, но никто не хотел этого делать, потому что это было тяжело делать.

— *Никто, кроме Вас?*

— Мало кто хотел. Но всегда есть очередь людей ни на что не годных, но готовых прийти во власть когда угодно. На самом же деле в ноябре 91-го года очередь желающих поработать в российском правительстве была поразительно короткой. К весне, когда ситуация стабилизировалась, очередь резко удлинилась. В ноябре 91-го года мне трудно было находить людей, готовых работать в правительстве. Через полгода они приходили сами и соглашались на должности ниже на два ранга.

— *Вопрос о новейшей истории — о коррупции. Когда, на каком этапе стало возможным то, о чем пишут сегодня все газеты, — посты*

министров продаются или используются в корыстных целях различными группировками?

— Я неоднократно интересовался этим вопросом, но на него очень трудно получить честный ответ. Люди, которые берут взятки, обычно об этом не пишут в своих мемуарах, а те, кто дает взятки, тоже не склонны говорить о том, кому они давали.

Но я неоднократно пытался через своих близких друзей, работающих в бизнесе и имеющих отношения с чиновничьим аппаратом, навести справки о том, какие правительства были более или менее коррумпированы. Может, у меня субъективные данные, но получается, что правительство 92-го года было наименее коррумпированным из всех существовавших за этот период. В нашем правительстве было слишком много романтиков.

Серьезный перелом был, как мне кажется, в районе 93–94-го годов, когда реформы были приостановлены. Именно тогда началось резкое увеличение роли уж очень тесных связей правительства в целом и чиновничьего аппарата с бизнесом. Именно тогда начала формироваться команда олигархов. Параллельно с этим шел процесс возвращения в управление страной представителей старой управленческой элиты со своими связями, традициями.

Но суть этого вопроса вот в чем. Борьба с коррупцией — это в первую очередь вопрос отделения собственности от власти. Это универсальные правила игры. Представьте себе, что костяк Вашего правительства составляют люди, имеющие большой опыт работы в социалистической экономике, и они не коррумпированы. Просто представим, что они рыцари без страха и упрека. Но у них есть глубокое представление, что собственность и власть должны быть слиты. Ну как же по «Газпрому» не сделать индивидуального решения? Ну как же по ВАЗу не сделать индивидуального решения? Но как только Вы приняли логику индивидуальных решений, даже если Вы абсолютно честнейший человек, Ваш аппарат тут же начнет решать, реализовывая Ваши решения, какое предприятие будет иметь право платить или не платить налоги. Он неизбежно, моментально начинает прогнивать.

— *Вы были в партии, работали в журнале «Коммунист», имеете представление о том, как жила партийная элита. Если сравнить состояние генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева и олигарха Березовского, то, думаю, Вы согласитесь, что разница огромная. Вы*

не можете объяснить, откуда у бывших советских людей возникают такие аппетиты? Многие из нынешних так называемых олигархов при советской власти даже долларов-то ни разу в жизни не видели. Почему они, нахавав столько, уже став олигархами, никак не могут накушаться?

— Если сравнивать со старой советской элитой, то хочу сказать, что тогда дело было не в деньгах. Тогда все дело было во власти и в том, что эта власть давала. Представьте себе советского человека при советской системе в 85-м году. Представьте, что у него огромное количество денег. Ну и что? Что он с ними может сделать? Ничего.

А власть давала возможность решать судьбы людей, возможность дать или не дать дефицитные ресурсы, получить пропуск в сотую секцию ГУМа. По-настоящему важно было то, какая у тебя дача в Сочи, какая у тебя дача под Москвой, какой у тебя автомобиль. Вот это было важно. А деньги... это такая мелочь, это как бухгалтер в советском предприятии — ой как важно, но второстепенно.

Сейчас деньги — это во многом власть. Но власть, жажда власти — это не жажда женщины. Если деньги — это власть, то возникает вопрос: «А сколько денег у моего конкурента?». Если у него больше денег, значит, у него больше власти. В этой ситуации жажда денег становится неутолимой, как жажда вооружения в рамках гонки вооружений.

— *Но откуда у нас столько откровенных жуликов, как Березовский? Мне кажется, что в приличном обществе ему никто не подал бы руки.*

— Знаете, давайте будем осторожны с формулировками. Жульничество — уголовная статья...

— *Но ведь уголовное дело уже возбуждено.*

— Как бы я ни относился к Березовскому, я свято чту презумпцию невиновности. Так как никакого решения суда не было по этому поводу, то я воздержусь от комментариев.

Но что значит «откуда у нас столько жуликов»? А собственно, почему им не быть? Давайте подумаем. Существует нормально развивающаяся, сформировавшаяся за столетия эволюции западной цивилизации, рыночная экономика. Там, кстати, тоже есть жулики. Но там есть выработанные правила игры. Западные бизнесмены знают, что контрактные обязательства надо соблюдать, и если кто-то их не будет соблюдать, то пострадает его репутация.

Но ведь эти правила существовали не последние пять или десять лет, а сто лет. Например, американское общество. Я его не идеализирую, но оно намного более цивилизованно, чем наше. Но если из него вычленишь набор норм поведения и оставить все, что там есть, — те же законы, сенат, конгресс, штаты, федерализм, муниципалитеты, то Америка немедленно превратится в джунгли, потому что все держится на неписаном законе, на традициях, а традиции формируются поколениями.

Теперь представьте себе социализм. По своей сути это система, отрицающая гражданское общество. При нормально работающем социализме человека могут посадить в тюрьму за открытие балетного кружка без санкции власти. При социализме гражданского общества в принципе нет, оно подавляется. Его замещает целостная иерархия, бюрократический аппарат. Представим, что эта иерархия развалилась по политическим, экономическим и другим причинам. Что она вам оставит? Цветущий газон гражданского общества? Да нет же, после себя она оставляет выжженную пустыню. Естественно, в этой выжженной пустыне вы получаете самые отвратительные формы поведения именно потому, что нет традиций. Поэтому самое серьезное наследие социализма не диспропорции в индустриальной структуре, не перекошенная сверхмилитаризованная экономика, а в первую очередь проблемы плохих традиций в сознании и проблемы народного поведения.

— *То есть по-Вашему получается, что жульничество — наша традиция?*

— Жульничество очень тесно связано с нашими постсоциалистическими традициями. Именно они не позволили сформироваться институту гражданского общества.

— *Позвольте еще раз вернуться к вопросу о коррумпированности правительства. Вы сказали, что перелом в коррумпированности наступил в 93–94-м годах.*

— Это неправильно. В России коррумпированное правительство было всегда. Вы помните, как охарактеризовали государственную машину в XIX в.?

— *Воруют.*

— Вот именно. В России брали взятки и при советской власти, и после советской власти, и сейчас берут. Но другое дело — тенденция на рост и сокращение. На мой взгляд, существенное усиление

тенденции к росту коррупции в государственном аппарате совпало с усилением тенденции к принятию индивидуальных решений.

— *Но все же момент 93–94-го годов очень интересен и тем, что после октябрьского путча исполнительная власть стала чувствовать свою безнаказанность.*

— Думаю, что этот факт тоже сыграл свою роль. Но не надо иллюзий — коррупция была и до этого. Надо было видеть табуны депутатов, которые ходили по правительственным кабинетам с идиотскими, явно коррумпированными, лоббистскими проектами, выбивая под них деньги.

В 92–93-м годах российскую государственность разъедала язва двоевластия. Разрешения кризиса двоевластия мирным путем в российской традиции не было, к сожалению, и это, естественно, привело к такому развитию событий.

До 2 октября 1993 г. у нас была страна, мучавшаяся от безвластия. 5 октября 1993 г. у нас резко усилилась президентская власть. Это была развилка. Вести дела в то время можно было по-разному. Тогда я убеждал Ельцина в том, что именно сейчас нужно резко двигать реформы вперед, в том числе в области отделения власти от собственности, не говоря уже о денежной стабилизации. Я был убежден, что это можно было сделать. Но были и другие люди, которые убеждали президента, что этого не надо делать, дескать, общество и так перенапряглось, нужно поспокойнее, помедленнее, ведь столько власти теперь и сколько приятных вещей можно сделать. Именно потому, что я не смог убедить Ельцина принять программу, которую я ему предлагал, я и ушел в отставку в январе 94-го года. Я не хотел присутствовать при том, что будет делаться.

— *Ваша партия называется «Демократический выбор России». Думаю, что Вы согласитесь с тем, что демократия предполагает ответственность. Но странно — когда начинаешь размышлять о том, кто же виноват в том, что происходит в стране, то почему-то получается, что никто. Так кто же у нас отвечает за происходящее — президент или Пушкин?*

— Это вопрос риторический. По Конституции президент является гарантом и, естественно, отвечает за все. Но президент при всех своих слабостях имеет одно сильное достоинство — он человек незлобивый. Я еще до сих пор не видел ни одного средства массовой информации, которое пострадало бы за критику президента

Ельцина. В связи с этим вопрос: «Отвечает ли президент Ельцин за все?» — банальщина, которую обсуждать даже смешно.

— *Так кто же отвечает — президент или Пушкин?*

— У нас Пушкин — президент?

— *Нет.*

— Значит, президент. Только, приняв как аксиому то, что президент отвечает за все, параллельно надо сделать маленькую заметку, что президент не всесилен и живет не в вакууме. Это мы его таким выбирали. Это мы голосуем за тех политиков, которые сидят в парламенте. Это мы с удовольствием даем им себя обманывать, врать нам. Это мы выбираем проходимцев, которые голосуют за то, чтобы вырвать себе беспрецедентные, немыслимые привилегии. Обижаться надо частично и на себя. Обычно народ имеет то правительство, которое заслуживает.

— *Вы были с президентом в самом начале. Тогда, как мы все помним, он был бодрым и здоровым человеком, способным залезть на танк. На каком этапе, по-Вашему, началась деградация, другого слова тут не подберешь, у этого человека. Ведь сейчас он еле-еле ходит и все больше напоминает Брежнева.*

— В 91-м году, когда я начинал работать в правительстве Ельцина, он был молодым, энергичным, очень быстро схватывающим суть проблем человеком с мощным политическим талантом. Этот талант у него остался, хотя он делает много ошибок, но недооценивать его нельзя.

На него была возложена огромная, беспрецедентная ответственность. Не дай Бог никому такой задачки, какая досталась ему, — как в России впервые за ее тысячелетнюю историю создать демократическую систему управления. Ельцин первым за тысячу лет России стал ее президентом. Было очень заметно, как тяжесть этого груза его давит.

В 93-м году, когда я пришел работать в правительство во второй раз, Ельцин был уже другим человеком. Он постарел лет на пять. Он очень тяжело пережил события 3–4 октября. Потом чеченская война. Каждое из этих событий было вехой, каждое отнимало у него пять-шесть лет, старило его.

— *Но если верить мемуарам Коржакова, то годы отнимала еще и водка.*

— Никогда не читайте лакеев. Лакей, во-первых, всегда смотрит со своей лакейской точки зрения, во-вторых, врет много, потому что любит посплетничать о хозяевах. Я, честно говоря, не читал эту книжку, но мне рассказывали люди, хорошо знающие внутреннюю ситуацию, что в ней много вранья. Хотя то, что Борис Николаевич вполне не дурак выпить, не является секретом ни для кого в мире.

Но Вы представьте себе на минуточку, что у Вас на плечах не хорошо отлаженная американская машина, которая пережила бесконечное количество президентов, а вот эта неработающая, отвратительная, некрутящаяся, где все взрывается, все плохо, денег всегда мало. Вот представьте, что все это на Ваших плечах, и подумайте — легко бы Вам было или нет?

— *Но откуда же столько лицемерия вокруг него?*

— О! Это, знаете, был очень интересный процесс. Я его наблюдал, он проходил на моих глазах. В 91-м году вокруг Ельцина было много людей, регулярно говоривших ему «нет». Я и сам во время дискуссий говорил Борису Николаевичу «нет» больше, чем «да». Я докладывал ему, почему нельзя делать того-то и того-то и почему то или другое нецелесообразно. И он был готов это слушать, и с уважением относился к этой позиции, потому что считал, что я не держусь за свое кресло.

Но в конце концов человеку ведь неприятно, когда ему всегда говорят «нет». Как приятно слушать «Здорово, Борис Николаевич!», «Как это у вас отлично получилось, Борис Николаевич!», «Будет исполнено, Борис Николаевич!», «Вы придумали гениальное решение, Борис Николаевич!». Постепенно шел процесс, когда количество людей, которые были склонны позволить себе сказать президенту «нет», сокращалось, а количество людей, готовых говорить только «как это замечательно!», росло и росло. И в какой-то момент произошло радикальное изменение — окружение президента поменялось на 100%.

— *Это грозит всем, кто у власти?*

— Это огромная угроза, о которой должен помнить любой начинающий работать во власти. Можно быть неглупым человеком, но проблемы накапливаются, и настает момент, когда хочется, чтобы тебе говорили хорошее, чтобы ты чувствовал, какой ты правильный и замечательный.

Знаете, в свое время при дворах восточных правителей была должность — славословящий надим. Это были придворные, обязанностью которых было восхвалять любые действия, решения, поступки хана или султана. Это была важная социальная роль — султан должен был понимать, что он велик, чтобы он не колебался, принимая решения. Угроза оказаться окруженным славословящими надимами — это серьезная угроза для всех, кто во власти.

— *Особенно в России.*

— Да, особенно в России. Вообще в условиях молодой демократии.

— *В тот период, когда Вы пришли в правительство, в России был парад суверенитетов.*

— Да, парад суверенитетов был в то время в разгаре. Татарстан не признавал суверенитета России, Красногвардейский район в Москве предъявил претензии на воздушное пространство над собой, никто не знал, какой закон действует. Это досталось нам в полном объеме.

Одна из важнейших проблем осени 91-го года — полная неопределенность всего, что было связано с государственным устройством Советского Союза и России; ни один человек не мог сказать, какие законы реально действуют и на каком клочке советской территории. Было ясно, что без большой крови остановить распад Советского Союза невозможно.

Тогда у нас было две задачи. Первая — добиться того, чтобы расформирование Советского Союза прошло мирно, без крови, без того, что происходило в Югославии. Вторая стратегическая задача — не допустить, чтобы развитие событий в России пошло по тому же сценарию, как в Советском Союзе, т. е. не допустить распада России и большой крови в самой России.

— *Отношения Москвы и Казани тогда были очень напряженными. Один из советников президента Шаймиева очень любит рассказывать о том, как во время референдума 92-го года в Татарии, на границе республики стояли войска, возглавляемые Хасбулатовым и Руцким. По его утверждениям, они ждали приказа, чтобы взять Казань.*

— Что касается возможности применения силы во время референдума, то этот вопрос обсуждался. Мы с самого начала приняли категорическое решение, что это было бы идиотское действие и мы на него не пойдём.

— *А кто предлагал это?*

— Да в общем-то никто. Но такая идея была. На всех обсуждениях по вопросу Татарстана, на которых я присутствовал, не было ни одного человека, который всерьез предлагал бы решить эту проблему вводом войск. Это все легенды про полки на границе.

— *Вы думаете о том, какой оставили след в истории России?*

— История сама определит, какой я оставил след. Что меня об этом спрашивать?

— *Но все же.*

— Важное из того, что я сделал? Первое — то, что нам удалось добиться мирного расформирования Советского Союза и формирования российского государства, ведь я сам, своей рукой набрасывал на бумаге текст Беловежских соглашений.

Второе — удалось не допустить распада России вслед за Союзом. Я могу сказать и о том, что в 92-м году в стране не начался голод, такой, какой был в конце 1910-х — начале 1920-х гг. А угроза голода была реальной. Я думаю, что важно и то, что в России появилась рыночная экономика и конвертируемая валюта, и, наконец, то, что у нас в России 3 октября 1993 г. не пришли к власти Макашovy и Баркашovy. Вот это то, за что мне не стыдно.

— *Несколько поколений воспитывалось на книгах Вашего деда. А у Вас есть любимая книга деда?*

— Книжки деда я любил и люблю. На мой взгляд, они очень талантливые. К ним я отношусь по-разному — одни мне ближе, другие нет. Но ближе всех, пожалуй, «Школа» и «Голубая чашка».

— *А какие другие книги оказали на Вас влияние?*

— Хорошая литература.

— *Но ее много...*

— Ой, не надо. Хорошей литературы мало. Есть сто — двести — триста замечательных писателей, есть тысяча великолепных книг. Но ведь это не сотни тысяч писателей и не миллионы книг. Но когда тебе больше сорока, то начинаешь больше перечитывать, чем читать новые тексты. А я уже в этом возрасте, поэтому больше перечитываю, чем читаю что-то новое.

— *Кто вы по натуре — деятель или философ?*

— Знаете, я по природе и по внутренним пристрастиям — кабинетное чудо. Больше всего я любил и люблю сидеть в библиотеке, зарыться в свои книги, записи и с удовольствием этим заниматься.

ся. Думать, читать, что-нибудь считать — это для меня самое приятное занятие в жизни.

— *Какие люди для Вас самые скучные?*

— Глупые.

— *А много глупых встречается в жизни?*

— К сожалению, много.

— *Что бы Вам хотелось изменить в стране больше всего?*

— Мне бы хотелось, чтобы в нашей политике было как можно меньше нечестных людей. Мне бы хотелось, чтобы российские избиратели не покупались так легко на откровенную ложь и демагогию. Мне хотелось бы, чтобы депутаты, которые приходят в парламент, в первую очередь думали об интересах страны и своих избирателях, а не о том, как получить московскую квартиру. Мне бы очень хотелось, чтобы наша печать была в меньшей степени зависимой от различных лоббистских структур и интересов. Мне очень хотелось бы, чтобы традиция уважения к частной собственности в России формировалась быстрее. Много, очень многое мне хотелось бы изменить.

Егор Гайдар не бьет посуду, жену и детей

С какой стороны ни взгляни, Егор Гайдар — личность историческая. И по происхождению — внук двух известнейших писателей: Аркадия Гайдара и Павла Бажова; и по роду занятий — был первым премьер-министром постперестроечной России; и в личной жизни — его женой стала дочь Аркадия Стругацкого, знаменитого фантаста. А внешне Гайдар никак не походит на значительную персону — он похож скорее на колобка, который и от бабушки ушел, и от бабушки, и от всех, желающих его слопать. Ну, почти от всех. Видимо, встреча с Лисой у него еще впереди.

О ПРЕДКАХ

Вообще-то Гайдары, как мы помним из школьной программы, сперва были вовсе не Гайдарами, а Голиковыми. Звучный псевдоним дедушки — Аркадия Голикова — биографы трактовали весьма романтично: в переводе с монгольского это означает «всадник, скачущий впереди». Так ли это было на самом деле и только ли романтикой прельстился Аркадий Гайдар, выбирая себе фамилию, теперь мы уже вряд ли узнаем. Но факт бесспорный — род Голиковых закончил свое существование в начале бурного XX в., и на смену ему пришел род Гайдаров.

— Почему мы в итоге стали Гайдарами — вопрос скорее к деду или к отцу. Самое прозаическое объяснение таково: когда дед взял себе псевдоним Гайдар, паспортов в Советском Союзе еще не было. Так как знали его как Гайдара, то и в документах он везде значился под этой фамилией. А в начале Великой Отечественной войны, когда дедушка погиб и отец получал на него документы, менять фамилию уже не имело смысла. Так фамилия осталась в семье. Я, правда, никогда не пробовал выстроить генеалогическое древо на-

Интервью брали Юлия ШИГАРЕВА, Виталий ЦЕПЛЯЕВ.
Опубликовано в: АиФ. Суббота-Воскресенье. 1999. № 43. Октябрь.

шего рода, отец этим интересовался больше. Отец Аркадия Петровича был учителем, из крестьянской семьи, а мама его происходила из дворян, из семьи мелкопоместных служилых дворян Сальковых, живших в Костромской губернии. Мой прапрадедушка проклял ее за подобный мезальянс, что не помешало прадедушке с прабабушкой жить счастливо. А семья Сальковых в свою очередь является дальней родней Лермонтовых, у которых тоже было поместье в Костромской губернии (как выяснили историки, Егор Тимурович приходится Михаилу Юрьевичу пятиюродным праправнучатым племянником. Родство действительно весьма дальнее, но от этого не менее почетное. — Прим. авт.).

О ДЕТСТВЕ

— Семья, в которой я воспитывался, была обыкновенной московской интеллигентной семьей. Дома часто собирались мамы и папины друзья, прекрасные, талантливые люди. Самые яркие воспоминания остались, естественно, от космонавтов — Юрия Гагарина, Валентины Терешковой, которыми тогда бредили все. Когда жили в Гаване, у нас бывали Эрнесто Че Гевара, Рауль Кастро. (Последний имел особенные шансы поразить воображение маленького Егора. Знаменитый кубинец подарил главе семейства военному «Правды» Тимуру Гайдару кольт 35-го калибра. Рассказывают, что в дни Карибского кризиса Егорушка часто высовывался из окна гаванской квартиры и, потрясая отцовским оружием, грозил невидимым империалистам.) Не могу сказать, что меня воспитывали как-то особенно. Моего отца тоже часто спрашивали, как его воспитывал Аркадий Петрович. А отец отвечал: да никак. Разве что собственным примером и некими нормами поведения, которые были определены для детей раз и навсегда — что полагалось и чего не полагалось делать.

Полагалось вести себя прилично, не вызывая нареканий взрослых. Чтобы если уж ты был допущен в общество, то никто не удивлялся, почему ты такой плохо воспитанный мальчик. Не полагалось вмешиваться во взрослые разговоры — хотя, как правило, при них можно было присутствовать. Категорически не полагалось проявлять страх. Это был самый худший проступок — показать, что чего-то боишься. Нет, я, конечно, не был бесстрашным.

Пугался чего-то, как все нормальные дети. Другое дело, что показывать это было нельзя.

Помню, мне было 6 лет. Однажды в бассейне отец предложил мне прыгнуть с 3-метровой вышки. Я никогда раньше не прыгал, поэтому идея не вызвала ни малейшего энтузиазма. И тем не менее я иду и прыгаю. При этом очень больно бьюсь животом о воду. Но ничего — вышел и сделал вид, что получил бездну удовольствия.

(Свой детский подвиг Егор Гайдар повторил несколько лет назад, как только в Москву привезли и установили в парке Горького «аттракцион не для слабонервных» «Тарзан». Это когда к ногам привязывают резиновый шнур и ты головой вниз бросаешься с 50-метровой вышки. Очевидцами этого безумства были лишь самые близкие друзья. А о том, какие эмоции испытал Егор Тимурович во время свободного полета, остается лишь догадываться.)

В детстве самым страшным наказанием для меня было глубокое недовольство родителей, когда тебе давали понять, что ты совершил нечто ужасное, все это знают и очень горячо тебя за это осуждают. Уже не помню, ставили ли меня в угол. Но наверняка такое было — в самом раннем возрасте. По крайней мере, я к своим детям (у меня их трое) эту меру пресечения изредка применял. Но вообще-то я рос нормальным мальчиком. Учился всегда либо на «отлично», либо на «хорошо». Родителям особых хлопот не доставлял. В школу их никогда не вызывали и «разбора полетов» не устраивали. Никогда не было проблемы жестокости в наших детских компаниях, тем более что я был достаточно плотным мальчиком, хотя не задиристым. Поэтому меня особенно никто не трогал. Но если что, сдачи давал. Еще как... Когда последний раз дрался? Ну, если это можно назвать дракой — то в Думе, с небызывестным господином Марычевым¹.

О КНИГАХ

На произведениях обоих дедушек — Аркадия Гайдара и Павла Бажова — воспитали не одно поколение советских школьников. Букваль-

¹ Вячеслав Антонович Марычев (1939–2006) — политический деятель, депутат Государственной думы 1-го созыва от фракции ЛДПР. Был известен своим эпатажным поведением на заседаниях Думы. — Прим. ред.

но до последнего времени эти два писателя входили в обязательную школьную программу. В семье же Гайдаров культура из дедушкиных книг не делали, хотя все дети росли, как и полагается писательским детям, не просто читающими, а читающими запоем, но только хорошую литературу.

— У нас была хорошая библиотека. Если быть точным, целых две библиотеки. Одна — у родителей, вторая — у бабушки. И там, и там была замечательная художественная, историческая литература, богатая энциклопедическая подборка — все энциклопедии на русском языке, шикарное издание «Британники». Была прекрасная мемуарная литература, в том числе зарубежная, белоэмигрантская, которую отцу удалось раскопать во время длительных командировок за границу.

Впоследствии эта библиотека стала предметом самой горячей зависти со стороны однокурсников Гайдара. Петр Авен, президент «Альфа-банка», до сих пор вспоминает, как он завидовал тому литературному богатству, которое хранилось на книжных полках в квартире Гайдаров, и говорит, что своим детям он постарается составить библиотеку не худшую, чем та, которую имеют сегодня правнуки Аркадия Гайдара.

— Как родители организовывали мое чтение? Пытались подсовывать мне книжки, которые, на их взгляд, могли быть мне интересны. Иногда это получалось, иногда — нет. Помню, Джека Лондона отец пытался мне навязать слишком рано, в первом классе. В результате до 4 класса я его не читал. Любовь к хорошей книге мне привили на всю жизнь. То чтиво, которое сейчас продают на каждом углу, — фантастику, детективы — я просто не воспринимаю. Для меня если детектив — то «Преступление и наказание», если любовный роман — то «Война и мир», если фантастика — то «Мастер и Маргарита». Иногда, правда, я позволяю себе приличные современные детективы, как правило, на английском языке. Просто потому, что это еще и способ поддерживать себя в «языковой» форме. На русском детективов стараюсь не читать.

У меня хорошая библиотека. Там есть очень редкие издания конца XVIII — начала XIX в. Первая русская энциклопедия, набор исторических книг. Правда, настоящих раритетов немного. У нас в семье не было традиции антикварного отношения к книге. В первую очередь библиотека формировалась не ради редкостей, а по принципу покрытия соответствующих тем.

О СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЯХ

— В нашей семье были неписанные традиции. Скажем, стиль отношения к детям. А вот каких-то семейных ритуалов типа совместной игры в лото не было. Семейные праздники, безусловно, дни рождения родителей. Семейные реликвии? Вообще-то у бабушки с бабушкой не водилось фамильных драгоценностей. Осталось разве что кое-какое бабушкино серебро. Старые ложки хранятся до сих пор.

О «МАЖОРНЫХ УВЛЕЧЕНИЯХ»

— Так получилось, что я очень много ездил с родителями. Одну часть года проводил в Москве, другую — за ее пределами. Соответственно часто менялась и среда, в которой я вращался. В раннем детстве ходил в литфондовый детсад. В младших классах школы занимался на Кубе. Там была своя компания — дети дипломатов, военных. Потом была 713-я московская школа в районе Сокола, где мы жили в кооперативном доме. Потом попал в Югославию, опять вернулся в Москву, в 752-ю школу в районе Аэропорта. Никаких мажорных увлечений: рок-н-ролла, стильной одежды, машин — ничего подобного в юности не было. Машину родители мне не покупали, а у самого таких денег, естественно, не было. Хотя я довольно быстро перестал брать деньги у родителей, начал сам зарабатывать. Поступил в университет, стал получать стипендию. Потом нашел какую-то научно-исследовательскую работу по хоздоговору. Не обошлось и без традиционной разгрузки вагонов, чаще всего с картошкой. Потом подрабатывал на рефератах. Кстати, первую машину купил очень нескоро, уже после того, как поработал премьером. Сам, правда, не вожу — водит старший сын. Так получилось, что, когда сверстники учились водить машину, у меня ее не было, а когда появилась возможность ее купить, было уже поздно учиться.

О ЛЮБВИ К ВИСКИ

— Виски — это напиток, который я люблю и в котором понимаю толк. Я довольно долго вообще не пил — как-то так сложилось. Но к старшим курсам института все-таки понял, что это неправильно, и со временем стал нормальным человеком. И чем больше зна-

комился с виски, тем больше убеждался, что это одно из гениальных изобретений человека. Многие не понимают, в чем его прелесть. Скажу сразу — все зависит от того, как пить. Есть два способа, две традиции: одна — шотландская, или английская, другая — американская. Есть даже специальные сорта виски, которые полагается пить в той или иной манере. Английская традиция — это чистое виски. Американская — виски с большим количеством льда и содовой. Я предпочитаю второй вариант. Конечно, все напитки придуманы с учетом национальных особенностей. Скажем, для московской холодной, промозглой зимы самый замечательный напиток — водка. Но в жару водка совершенно никуда не годится. Виски со льдом и содовой — прекрасный напиток для того, чтобы прийти летним вечером с работы и... Друзья дарят мне виски, зная мою слабость. Но я эти подарки не коллекционирую. Виски у меня не залеживается...

О любви к женщинам

— Как складывались отношения с девушками? Я не любвеобильный человек. Многочисленных романов у меня не было. И отработанными «технологиями знакомства» никогда не владел. Все складывалось само собой, исторически. Со своей женой я познакомился, когда нам было по 10 лет. Стучилось это в деревне Дунино, где моя бабушка снимала две комнаты и ее бабушка снимала две комнаты. Так что мне не пришлось с ней знакомиться на танцах. Вообще танцы не были для меня естественным местом для знакомства. Чтобы не было недоразумения: у меня было две жены. Я женился очень рано, еще в университете, на девушке, которую очень хорошо знал. Но потом у нас семья не сложилась, и вскоре я женился на своей нынешней жене, с которой мы с тех пор и живем. Конечно, и с Машей тоже бывают напряженные моменты. Но не очень часто. Может быть, за все время у нас с женой было два или три серьезных повода для разногласий. По правде сказать, я таких крепких семей видел немного.

О богатстве

— Кто в доме хозяин, кто деньгами командует? Да никто не командует. Решения принимаются совместно. Деньги лежат в тум-

бочке. Текущими расходами, покупкой картошки, мяса и прочего командует Маша. А, скажем, покупка 20-летнему сыну «Жигулей» — это решается сложно, путем долгих семейных консультаций и нахождения консенсуса.

Надо сказать, что к деньгам реформатор-монетарист всегда относился с почтением, в расходах был предельно щепетилен. И случалось, считал буквально каждую копейку. Няня Егора как-то вспомнила историю про то, как маленького Гайдара послали в магазин за французской булкой, стоившей в те времена 7 копеек. Мальчик отдал кассирше пятак и три копейки, после чего целый час терпеливо простоял у кассы. «Мальчик, ты чего тут ждешь?» — спросили его наконец. «Копеечку», — скромно, но твердо ответил кроха.

— Я считаю себя человеком небогатым. У меня нет нефтяных компаний, банков, недвижимости за рубежом. Но я считаю себя вполне прилично зарабатывающим человеком, который может позволить себе жить без особых ограничений — учитывая, что у нас с женой нет избыточных претензий. Маше не нужны бриллианты, роскошные туалеты, мне не нужны дворцы. В последние годы у нас случилась одна действительно крупная трата. Мы с Машей никогда не имели собственной дачи, как вдруг летом 1996 г. нам предложили участок — 22 сотки в той самой деревне Дунино, где мы когда-то познакомились. Участок купили. Естественно, надо было там что-то построить. Поэтому в последние три года эта стройка отвлекает подавляющую часть моих заработков. Построили не то что новорусский дворец, но жить вполне можно. Шиковать я не привык. Отдать 2 тыс. долл. за костюм, наверное, не смог бы. Вот что-нибудь такое, дорогое купить Маше, например безумно красивое платье, — это удовольствие, которое я очень редко, но все же себе доставляю... А проблем с собственным гардеробом обычно не возникает. У меня есть мастер в Москве, который вполне прилично шьет мне костюмы. Галстуки, как правило, я покупаю сам, потому что это одна из самых трудных вещей. Завязываю, естественно, тоже сам. А остальное — когда покупаю сам, когда Маша. Есть ли одежда, в которой мне комфортно? Есть — джинсы и рубашка.

На тему «Мода в жизни Гайдара» журнал «Стас» однажды рассказал забавную историю. Вскоре после путча 1991 г. мама купила Егору Тимуровичу драповое пальто — первое в его жизни. До этого он ходил

в коротенькой курточке (по сухой погоде), а на случай дождя имел непромокаемый плащ, перешитый из папиной плащ-палатки. Во времена работы в «Коммунисте» и «Правде» Гайдар одевался в полном соответствии с канонами господствовавшего тогда в партийной журналистике стиля deconstruction: количество петель и пуговиц не всегда совпадало, на некоторых местах красовались заплатки, а брюки вместо отутюженных стрелок украшали пузыри на коленках... Впрочем, все эти огрехи вовсе не мешали Гайдару выглядеть обаятельным и загадочным, утверждал автор статьи.

О СПОРТЕ И ПУТЕШЕСТВИЯХ

Спортивной моде Гайдар не поддавался — не гоняет мяч с Лужковым, не сражается на теннисном корте, как президент, и даже не плавает на длинные дистанции, как Немцов. Его «жанр» — «малые формы».

— Я довольно долго, еще до того как стал премьером, очень интенсивно и регулярно занимался зарядкой. С гирикой, гантелями, эспандером. Но, к сожалению, забросил это дело, с тех пор как занялся политикой. Остались разве что шахматы — для души. Лучший отдых для меня — на природе, в тишине. Можно с палаткой, можно в охотничьем домике. Северная природа предпочтительнее, чтобы можно было погулять по лесу, пособирать грибы — мы с Машей очень это любим. Или порыбачить. Я не считаю себя заядлым рыболовом, но с удочкой посидеть люблю. Самая приятная рыбалка, которую мне довелось испытать, была на Камчатке. Радужная форель — это сказка! А другой лучший отдых для меня — полежать на диване с книжкой. Много ли я путешествую? Нет, не очень. И скорее в России, чем за рубежом. Поездок хватает по делу, тем более в этом году — после того как достроили дачу, желания куда бы то ни было ехать вообще нет.

О КУХНЕ

— Я знаю толк в хорошей кухне. Маша замечательно готовит китайские блюда. Ее дедушка был крупнейшим российским китайстом, а мама вообще родилась в Шанхае, где дед работал. Поэтому традиции китайской кухни в семье жены очень развиты. Вообще разной экзотики я попробовал. Едал даже жареных змей. Очень

вкусно, если правильно приготовить. В южнокитайской кухне, например, варят чудесный суп из змей. Что еще? Обожаю пиво с креветками. А вот Маша больше любит раков... Но если Вы меня спросите о любимом блюде, то тут все очень тривиально. Это пельмени. И когда выдается свободный день, лучше всего зимой, мы всей семьей делаем дома пельмени. Сам практически не готовлю. В былые времена, когда надо было, мог себя накормить. Но так как давно хозяйство ведет Маша, потребности становиться к плите не возникает.

О ДУШЕ

— Наверное, я неэмоциональный человек. Во всяком случае не люблю демонстрировать свои чувства. Тяжело? Да нет, привык. Я как-то научился управляться с негативными эмоциями — они и не выплескиваются, и не копятя внутри. Я понимаю, что мир не станет лучше от того, что я начну швыряться посудой и растревывать себе душу. Живу по принципу: «если можешь изменить этот мир — меняй. Не можешь — принимай таким, какой он есть».

С чеченцами против террористов и экстремистов

— Вот уже долгое время первое место отечественные СМИ отводят сообщениям о событиях в Чечне. Хотелось бы спросить вас, Егор Тимурович, в чем Вы видите отличие сегодняшних действий российских силовых ведомств от их же действий в 1994–1996 гг.? Каковы возможные последствия второй чеченской войны?

— Чечня — это осколок Советского Союза с очень сложной предшествующей историей. Отношения федерального центра с Чечней в 1991–1993 гг. были весьма и весьма непростыми, пожалуй, более сложными, чем с любым другим регионом России. Вместе с тем чеченское руководство явно было готово и в 1993, и особенно в 1994 г. по мере стабилизации положения в России и прекращения там двоевластия к восстановлению диалога в той или иной форме. Дудаев неоднократно по разным каналам давал вполне очевидные сигналы, что он хочет договариваться и договориться. Весной 1994 г. была очевидна принципиальная готовность Дудаева пойти на подписание соглашений с Москвой по сценарию Татарстана, с которым центру, как известно, избежать войны удалось. К сожалению, тогда российский центр избрал совершенно неправильную политику: сначала она была направлена на активную поддержку антидудаевской оппозиции, включая поддержку оружием, а потом, когда эта затея не удалась, — на прямое силовое решение чеченской проблемы. То есть предполагалось силой оружия заставить Чечню принять те правила игры, которые диктует центр. Ни к чему иному, кроме как к большой войне и большой крови, это привести не могло.

Российское военное руководство того времени относилось к ведению кампании абсолютно несерьезно и шапкозакидательски.

Интервью брал Алексей БАДОЛЬСКИЙ.

Опубликовано в: Демократический выбор. 1999. № 42. 28 октября — 3 ноября.

Заявление П. Грачева о том, что решить вопрос можно за два часа силами одного воздушно-десантного полка, отражало полное непонимание серьезных проблем хорошо организованного сопротивления, с которым придется столкнуться. В связи с этим вся операция в военном отношении была подготовлена безобразно.

Именно потому что не были исчерпаны ресурсы политического урегулирования, российское общественное мнение в целом крайне негативно относилось к попыткам решить чеченскую проблему военными средствами.

В результате мы получили крупномасштабную войну, которая не пользовалась поддержкой населения России и которую вела плохо подготовленная к ней армия, возглавляемая неэффективным и некомпетентным руководством Министерства обороны.

Каковы отличия нынешней ситуации от той, прежней? Во-первых, главное состоит в том, что с территории Чечни было осуществлено вторжение в Дагестан. Это вторжение — в отличие от террористических актов в Москве, которые можно приписывать тем или иным силам и о которых пока, к сожалению, мы ничего дефинитивно сказать не можем, — факт. Факт прямого вооруженного нападения на Россию, на тот ее регион, население которого не имеет ни малейшего желания выходить из состава России и создавать у себя исламское государство, т. е. речь идет о прямом нападении и начале военных действий, и, как при всяком нападении и начале войны, ситуация меняется радикально, меняется в первую очередь с точки зрения позиции общества и обязанностей властей. В данном случае обязанность властей — защитить территорию России от нападения на нее. Причем эта обязанность не исчерпывается, разумеется, выходом обратно на границы России: должна быть не только освобождена территория России, но и надежно пресечены дальнейшие возможности повторения подобного рода инцидентов. Понятно, что люди не могут находиться в состоянии постоянного страха и ожидания в любой момент нападения бандитов. Это означает, что в нынешней ситуации отношение общества к военным действиям в Чечне совершенно иное, чем было в 1994 г.: сегодня российские власти адекватно реагируют на прямую агрессию, действительно выполняя свой конституционный долг.

Во-вторых, сейчас никто не может точно ответить на вопрос, действительно ли к террористическим актам в Москве тянется «че-

ченский след», однако значительная часть общества этому верит, и, я думаю, не без некоторых оснований. Значит, для общества стало очевидным, что война не где-то далеко, а здесь, под боком, и угрожает каждому дому. Это тоже важный фактор, который определяет реакцию общества на происходящее.

В-третьих, при всех проблемах, которые есть сегодня в Вооруженных Силах, руководство Министерства обороны теперь намного, на мой взгляд, компетентнее, чем было в 1994–1996 гг. Резко сократив за последнее время число структур в Вооруженных Силах, оно сумело все-таки укомплектовать должным образом хотя бы часть соединений и начать в них серьезную боевую подготовку. Гораздо более серьезно подошло оно и к вопросам планирования операций, разведки, тылового обеспечения и т. д. Все это определяет разительный контраст безумного штурма Грозного зимой 95-го года и тех более организованных и грамотных военных действий, свидетелями которых мы стали сегодня.

Все, о чем мы только что говорили, определяет принципиальные различия между ситуациями 1994 и 1999 гг. Вместе с тем концентрируя внимание исключительно на этих очень существенных различиях, легко упустить из виду одну фундаментальную проблему, которая как раз объединяет сегодняшнее положение вещей с ситуацией 1994–1996 гг., говоря точнее, объединяет потенциально — в случае, если действия российских властей на Северном Кавказе будут неосмотрительными. Я имею в виду то обстоятельство, что победить в партизанской войне методами войсковых операций невозможно, т. е. возможно, но только в том случае, если ты готов идти по пути физического истребления непокорного населения. В противном случае война только переводится в некую латентную форму — форму террора и мелкомасштабных партизанских действий, при которых всегда будет «кровить», как показывает печальный опыт Палестины, Ливана и т. п. Легкомысленный подход, желание и дальше решать проблемы в Чечне исключительно массированным применением силы в виде наземных операций мне кажутся большой ошибкой. Да, сейчас сделаны необходимые и очень правильные вещи: создание и укрепление санитарного кордона, продолжение нанесения авиационных ударов по террористам и их лагерям, если только они наносятся именно по террористам и их лагерям, а не представляют собой переход к практи-

ке ковровых бомбардировок, которые только увеличивают число террористов.

А дальше предстоит главное — перевести дело в политическое русло и работать с чеченским обществом, с чеченскими элитами. Россия вполне убедительно показала, что не хочет и не будет терпеть у себя рядом радикальных исламских экстремистов и террористов и в связи с этим жизнь в Чечне будет крайне неудобной, если сам чеченский народ не справится с этой проблемой. Тут надо четко понимать, что чеченское общество, во всяком случае значительная его часть, сегодня не хочет жить в условиях, появившихся в результате того, что сами чеченцы в течение длительного времени терпимо относились к радикальным экстремистам, террористам. Значит, надо вести диалог с теми представителями чеченского общества, которые не желают мириться с таким положением вещей. Значит, надо находить способы поддерживать этих людей. Значит, надо вести политику таким образом, чтобы вся Чечня, как один человек, не встала на войну за свою независимость от России, а организовано выступила против тех, кому в конечном счете интересы Чечни абсолютно безразличны и кто реально наживается на противостоянии, кто стал марионеткой в руках сил, чуждых Чечне и думающих отнюдь не о чеченских интересах, а о, скажем, противостоянии ислама и христианского мира, о дестабилизации положения в христианском мире и т. д. Я думаю, что только такая тактика в политическом урегулировании положения в Чечне дала бы надежды на постепенную недраматическую стабилизацию положения в этом регионе.

— С Вашей точки зрения, федеральный центр допустил серьезную ошибку, когда в 1994 г., перед началом военных действий, не использовал всех возможностей переговорного процесса? Не повторяют ли прошлые ошибки разные влиятельные силы, которые отговаривают сегодня центральную власть от переговоров с Масхадовым, мотивируя это тем, что Масхадов не контролирует ситуацию в Чечне?

— Ну, если вспомнить прошлое, то и Дудаев ситуацию в Чечне не контролировал. Вообще, на мой взгляд, человека, который бы полностью контролировал ситуацию в Чечне за все время после провозглашения ею своей «независимости от России», пока еще не было. Иными словами, там вряд ли можно найти такого политика, договорившись с которым вы решите все проблемы. Но, не-

смотря ни на что, я думаю, что диалог с Масхадовым нужен. Я могу понять нежелание российских властей вести переговоры до завершения операции по формированию санитарного кордона. Можно также понять стремление федерального центра четко определить предмет таких переговоров — о совместных действиях против террористов. Но отказываться от переговоров с Масхадовым как с таковым — это, на мой взгляд, серьезная ошибка. Подобным шагом мы сами значительную часть умеренной элиты чеченского общества, которая объективно не заинтересована в укреплении исламских фундаменталистов, толкаем, не оставляя ей иного выхода, в объятия этих самых фундаменталистов.

— Как охарактеризовали бы Вы текущую экономическую ситуацию в нашей стране? В прессе, в выступлениях ряда руководителей все чаще говорится про экономический рост. В то же время некоторые наблюдатели отмечают неблагоприятные моменты на макроэкономическом уровне.

— С моей точки зрения, пока экономическая ситуация остается в целом достаточно приличной и стабильной. Нынешнее ее состояние обусловлено влиянием нескольких факторов. Первый из них, конечно, это серьезная реальная девальвация рубля, которая увеличила конкурентоспособность отечественных товаров. Второй — ликвидация пирамиды ГКО, которая просто «отсасывала» на себя финансовые ресурсы предприятий и создавала масштабные дополнительные стимулы к неплатежам. Третий — благоприятная конъюнктура цен на нефть. И четвертый — то обстоятельство, что кабинеты Примакова, Степашина и Путина экономикой толком не занимались, в связи с этим ничего фундаментально важного в ней после 17 августа сделано не было, никакие масштабные авантюры в реальность не воплотились. Я констатирую, повторю, отсутствие каких-либо фундаментальных изменений, а так, ошибки какие-то, разумеется, допускались, их исправляли, но сделано ошибок все-таки меньше, чем можно было ожидать.

Перечисленный мной набор факторов позволил экономике начать потихонечку подниматься, что приятно. Чего не все ожидали? Того, что экономика уровня предприятий оказалась способной очень быстро отреагировать на открывшиеся возможности. Итак, вот характерные штрихи макроэкономической ситуации: ушла пирамида ГКО, перестали «отсасываться» средства на финансовые

рынки, девальвировался рубль... Все это, скажем так, создает возможности существенного увеличения доли отечественных товаров на рынке. Но — только возможности, а отнюдь не обязательные предпосылки, ведь никаких абсолютных гарантий того, что произойдет именно так, а не как-то иначе, нет, потому что для того, чтобы развитие пошло в благоприятном для отечественной экономики направлении, должны быть предприятия, которые способны адаптироваться к новым условиям — когда банковская система в кризисе, когда кредит недоступен и т. д. В общем должны быть предприятия, которые могли бы откуда-то мобилизовать ресурсы, перестроить производство, увеличить его объемы, закупки необходимого сырья, материалов. Понимаете, без этого мечтать о росте нечего. И выяснилось, что экономика, особенно экономика уровня малых и средних предприятий, о которых мы часто забываем, глядя на неповоротливых динозавров советской эпохи, — эта экономика оказалась гораздо более адаптивной, чем принято было считать. Она продемонстрировала, что уровень реального реструктурирования существенно выше, чем предполагало подавляющее число наблюдателей. Именно эти процессы стоят за картиной достаточно быстрого индустриального подъема, который начался в России и пока продолжается.

Скажем, резкий рост доли отечественных предприятий наблюдается в секторе по производству соков и молочных продуктов. Причем интересно, что вслед за ростом спроса на конечную продукцию очень быстро следует предложение — опять-таки со стороны малых и средних предприятий — соответствующего сырья.

В общем как только возникают экономически эффективный проект и реальный платежеспособный спрос, экономика очень активно, очень быстро реагирует на это ростом предложения.

Мы видим, хочу подчеркнуть, совершенно реальный подъем, потому что он подтверждается данными и об объеме перевозок, и о потреблении электроэнергии, и т. д. Короче говоря, это явно не статистический феномен: мы имеем дело с явлением, бесспорно, позитивным, и я надеюсь, что оно будет продолжаться, по крайней мере, в течение ближайших месяцев.

Конечно, надо иметь в виду, что при этом достаточно стабильном подъеме остается нерешенным серьезнейший набор фундаментальных проблем российской экономики. По-прежнему от-

вратительна налоговая система — она стимулирует уклонение от уплаты налогов, бегство капитала и т. д. По-прежнему крайне неэффективен контроль за расходованием средств федерального и региональных бюджетов — значительная их часть, прежде всего из региональных бюджетов, откровенно разворовывается. Крайне неэффективной остается система социальной поддержки, не ориентированной на бедных. У нас по-прежнему не решена проблема прав собственности, эффективной защиты собственника. Абсолютно оторвано от жизни трудовое законодательство. Одним словом, есть масса серьезных фундаментальных проблем, устранить которые возможно только на основе серьезных мер, серьезной большой работы, требующей, как правило, законодательного обеспечения. Ясно, что они не будут устранены до президентских выборов 2000 г. В этом плане никакого благоприятного экономического климата, никакой базы для долгосрочного и устойчивого экономического роста, конечно, пока не создано. И потому нынешний конъюнктурный подъем не надо переоценивать. Но сам факт того, что он есть, безусловно, позитивен.

Избавление от иллюзий и заблуждений — первый шаг к выздоровлению

Конец века — хороший повод оглянуться назад и попытаться сделать какие-то выводы. Подведением итогов занят весь думающий и пишущий мир. Вполне естественно, что разброс оценок и рейтинги событий существенно разнятся, тем не менее без упоминания России не обходится ни один аналитик. И это закономерно — именно с нашей страной связаны два грандиозных экономических эксперимента, повлиявших на планетарное развитие. Первый — социалистический — завершился. Вторым — рыночный — продолжается. Его промежуточные результаты далеко не радужные: преобразования потеряли динамику и буксуют не первый год; отсутствуют механизмы преодоления экономического кризиса; государство накапливает внешние долги; финансово-денежная ситуация неустойчивая, население беднеет. Причины неудач российской рыночной трансформации большинство отечественных исследователей видят в либеральной доктрине, которой руководствовались молодые реформаторы. К сожалению, экономического чуда не произошло. Почему? Какие уроки можно извлечь из восьмилетней истории нашего перехода к цивилизованному рынку? В чем «особость» и перспективы российской модели преобразований? Обо всем этом — в интервью с Егором Гайдаром, который исполнял обязанности премьер-министра с июня по декабрь 1992 г. и был первым вице-премьером с сентября 1993 г. по январь 1994 г.

— Почему произошел крах социализма?

— Социализм — одна из крупнейших экономических аномалий в истории человечества. Его истоки связаны с кризисом ранней индустриализации. Сформировавшиеся в Европе и постепенно распространившиеся по миру частные рыночные институты проложили дорогу интенсивному экономическому росту, резко изменившему жизнь миллионов людей, принесшему другой уровень образования, новые экономические возможности. Это поставило

Интервью брала Марина БАРИНОВА.
Опубликовано в: Человек и труд. 1999. № 11. Ноябрь.

многие страны перед выбором — что делать? Попытаться вырастить у себя подобные частные рыночные институты, опирающиеся на инициативу и интересы граждан, реализующие способности общества генерировать полезные нововведения, обеспечивать их распространение? Либо позаимствовать не социальные институты, а технологии, используемые рыночными институтами? Кстати, петровские реформы — это в большей степени попытка скопировать в России технологии уходящей вперед Европы.

Социализм можно рассматривать как ответ на европейский вызов, правда, с помощью противоположного набора социальных нововведений: мы не будем укреплять частную собственность, мы ее ликвидируем; мы не будем развивать рынки, мы их уничтожим; мы обеспечим жесткий контроль за жизнью граждан, раздавим оппозицию, национализируем собственность, сконцентрируем все ресурсы в руках государства, загоним крестьян в колхозы, выкачаем оттуда все, что только можно, для финансирования индустриализации.

Рыночные механизмы регулирования требуют деликатного обращения: включаешь печатный станок, он отвечает тебе инфляцией, бегством капитала; взваливаешь на общество слишком обременительные налоги, оно отвечает снижением заинтересованности в инвестициях и уменьшением стимулов к развитию производства. Это очень тонкая материя, такая же, как гражданское общество и развитая демократия, — ими надо пользоваться осторожно, памятуя, что они оставляют властям мало возможностей для маневра.

Социализм же снимает все эти ограничения: сколько надо, столько налогов и выжмем, сколько надо денег, столько и напечатаем. Не будет товаров — введем карточки и талоны. Такова цена масштабной социалистической индустриализации, базирующейся на аномально высоких налоговых изъятиях и на огромных социальных издержках, но зато каркас индустриальной экономики формируется быстро. Так же как допинг в спорте, позволяющий поставить рекорд, но разрушающий организм человека, социалистическая индустриализация, обеспечивающая промышленный рынок, уничтожает сложные инструменты рыночной самонастройки, способные придать устойчивость экономическому росту.

Да, приобретя на Западе комплектные заводы, удалось сформировать масштабный индустриальный сектор. Но интерес к инновациям купить нельзя, и он отсутствует как таковой, потому что всякое нововведение — головная боль, новые хозяйственные связи, проблемы с выполнением плана. Зачем производить качественную продукцию? Дефицит делает для покупателя желанным любой товар. В итоге выясняется, что сформирована макросистема, выпускающая низкокачественную, неконкурентоспособную на мировом рынке продукцию. Система крайне ресурсоемка, стимулов же к снижению ресурсопотребления нет.

Пока вы накачиваете эту экономику ресурсами, пока существует возможность опираться, скажем, на поток миллионов крестьян, которые мигрируют в город, становясь рабочими на новых заводах, выпускающих централизованно распределяемую продукцию, система действует. Однако в 50-е годы стало ясно, что деревню выжали досуха и теперь надо что-то отдавать туда. Но колхоз — прекрасный объект для того, чтобы отбирать ресурсы, и очень плохой для того, чтобы налаживать эффективное производство продовольствия. Как только поток ресурсов из деревни прервался, возник первый кризис социализма (конец 50-х — начало 60-х годов).

Поскольку страна наша очень богата, наращивание ресурсопотребления продолжилось: ресурсы села были заменены нефтяными, тем более что началась эксплуатация уникально «дешевых» месторождений. Когда конъюнктура изменилась и цены на нефть упали, поток нефтедолларов резко сократился, что больно ударило по экономике, привыкшей к большим деньгам, которые можно было бездумно тратить на покупку хлеба и мяса, производство оружия и т. д. В результате: невозможность импортировать зерно, а это значит, что нечем кормить скот; отсутствие валюты на покупку комплектующих для западных станков; прекращение финансирования военных заказов и т. д. 80-е годы — период нарастающего кризиса, приведшего к краху социализма.

— *Как соотносятся социализм и тоталитаризм?*

— Во многом они синонимичны. Тоталитарные режимы демонстрируют относительную устойчивость в молодых неразвитых аграрных обществах, где подавляющая часть граждан — крестьяне. Если абсолютное большинство населения неграмотно, то сохранять тоталитарный режим сравнительно просто. Но с распространени-

ем грамотности, причем не в первом, а во втором-третьем поколении, с ростом численности граждан, которые родились в городе, чьи отцы и деды были горожанами, неудовлетворенность ситуацией, при которой людям навязывается модель жизни, усиливается. Когда же социализм сталкивается с глубоким экономическим кризисом, у человека возникает естественный вопрос: почему меня не спросили, чего хочу я? Поднимается мощнейшая протестная волна.

— *Почему в России демонтаж старого и формирование нового общественного организма были более болезненными, нежели в других постсоциалистических странах?*

— Кризис социализма 80-х годов можно сравнить, образно говоря, с драмой организма, переросшего отведенный ему срок жизни. Формирование нового общественного строя отнюдь не означает, что организму, лишенному оков, легко адаптироваться к новой реальности. Ведь суть старой системы — в устранении рыночных и гражданских механизмов, которые обеспечивают функционирование цивилизованного рынка, основанного на здоровой конкуренции, выполнении договоренностей и т. д. Но когда тоталитарный режим в конце концов развалился, глупо надеяться, что уничтоженные механизмы как по заказу вдруг возродятся. Обществу предстоит очень тяжелая работа по формированию этих механизмов (к сожалению, импортировать их нельзя). Общество их может вырастить только само, причем чем дольше история социализма, чем больше поколений при нем родилось и выросло, тем труднее этот процесс. Не забывайте, в странах Балтии или Польше крах социализма пережила масса людей, сохранивших отчетливые воспоминания об иной модели организации общества и экономики. В России же к началу 90-х годов таких почти не осталось.

— *Была ли альтернатива выбору, сделанному в 1992 г.?*

— Конечно, была. Я имею в виду югославский сценарий — масштабная война на территории Советского Союза, гиперинфляция, перебои с товарами в крупных городах, появление продуктов, которые нельзя купить ни за какие деньги, например зерна. До сих пор помню потрясение, которое я испытал, начав работать в правительстве, от внезапного осознания того, что какое бы то ни было управление экономикой в стране отсутствует. Было ощущение, как у пассажира самолета, который летит без экипажа. Тогда принци-

пиальными были вопросы: сумеем ли запустить рыночные механизмы, не допустив голода? сможем ли вернуть хотя бы минимальное доверие к рублю, добиться, чтобы на прилавках появились товары? Сделать это удалось.

— *Почему в таком случае Гайдара не считают спасителем? Ведь Вы выполнили работу, за которую не взялись ни Явлинский, ни Рыжов... И почему не объяснили нам, что иного выбора просто нет?*

— С тем, что не объяснял, не соглашусь. Я часами выступал на Верховном Совете, заседания которого транслировались на всю страну, и объяснял, объяснял... Если вы сегодня почитаете стенограммы этих выступлений и интервью, то увидите, что говорил я вещи по сегодняшним временам абсолютно понятные, более того — банальные. Но тогда, без всей нашей новейшей рыночной истории, они казались тайной за семью печатями. Людям, прожившим в условиях социализма 75 лет, было очень трудно поверить, что рынок исключит дефицит и очереди, что деньги придется зарабатывать и рубли перестанут считаться «деревянными». Это противоречило накопленному в течение десятилетий жизненному опыту: человек знал, что если он стоял в очередях и его родители стояли, то детей и внуков не минует та же участь.

Можно ли было действовать по-другому в 1992 г.? Если бы были другие ситуация, страна, набор институтов, а главное — уровень общественной поддержки того, что мы делали, можно было бы действовать последовательнее и решительнее. Первый импульс к радикальным преобразованиям достаточно быстро сошел на нет, возникла устойчивая реальность полуреформированной экономики, когда она уже не социалистическая, но еще и не рыночная. Тем более странно, что все дальнейшие процессы в экономике называются продолжающимися реформами.

— *Егор Тимурович, совсем недавно узнали, что Закон о чековой приватизации был принят Верховным Советом в начале 1991 г. Почему в таком случае упреки адресуются Вам и А. Чубайсу?*

— Верховный Совет принял Закон о чековой приватизации задолго до нашего прихода в правительство. Мы намеревались проводить приватизацию за деньги, достигнув сначала определенной финансовой стабилизации, сформировав элементы рынка, чтобы в стране появились наконец средства, за которые можно было бы продавать предприятия. Мастерские, магазины — другое дело,

с их приватизацией затягивать не стоило, все остальное — через три-пять лет. Но достаточно быстро стало понятно, что в условиях неуправляемой экономики рассчитывать на финансовую стабилизацию наивно, поэтому мы вынуждены были следовать Закону о приватизации, утвержденному ВС. К слову, никто больше Чубайса не боролся за увеличение стоимости приватизируемого имущества, за то, чтобы не создавать «промышленные колхозы». Нравится или не нравится, но мы были вынуждены действовать в рамках того законодательства, которое было утверждено.

Если бы сегодня можно было что-то исправить в этом процессе, исключил бы второй вариант приватизации (инициированный фракцией «Коммунисты России» в ВС РФ весной 1992 г.), который отдавал 51% акций трудовому коллективу, а фактически — директору, тем более что ВС жестко потребовал не повышать цену предприятий, на которых идет такая приватизация. Сегодня реформаторов ругают за бесплатную раздачу собственности прежде всего те, кто боролся за снижение цены этих предприятий. Закономерный результат: страна получила не эффективных собственников, а людей, обладающих правом бесконтрольно распоряжаться чужим добром.

— Почему политика монетаризма принесла зримые плоды в Польше, Венгрии, Чехии, но не в России, где само это понятие сегодня является почти ругательным?

— Потому что в России не было истинной монетаристской политики, как, впрочем, и шоковой терапии. У нас были достаточно энергично начатые в 1992 г. реформы, структурные и революционные мероприятия, которые позволили создать каркас рыночной экономики и конвертируемую валюту. А шоковая терапия — это резкое сжатие денежного предложения и сокращение бюджетного дефицита, необходимые для финансовой стабилизации. У нас очень долго проводилась в высшей степени мягкая денежная и бюджетная политика, результатом чего стал долгий период высокой инфляции, крупных заимствований, хронической финансовой нестабильности. В связи с этим называть ту политику, которая проводилась, шоковой терапией или монетаризмом просто неверно. В тех странах, где шоковая терапия была проведена, сегодня экономический рост, стабильная финансовая система, высокие социальные расходы, там помогают не предприятиям, а людям. Ти-

пичный пример — Польша. Там выше уровень жизни, выше социальные расходы, выше пенсии, выше соотношение средней пенсии к заработной плате. В тех странах, где политика была мягкой, неуверенной, — финансовая нестабильность, падение доходов населения, доходной базы бюджета, спад производства, сокращение социальных расходов.

— Каким образом полякам удалось в начале реформ повысить минимальную заработную плату до 100 долл.?

— Это произошло совсем не в начале рыночных преобразований. Реформы в Польше начались с резкого падения уровня жизни и спада производства. То же было и у чехов, и у венгров. Но после двух лет проведения последовательной жесткой экономической политики, когда появились реальные финансовые ресурсы, стало возможным увеличить социальные гарантии.

— Даже если это сопровождается ростом безработицы?

— Что касается моей позиции, то я не сторонник высокой минимальной заработной платы именно потому, что потенциально она ведет к более высокой безработице. Мне представляется, что целесообразнее адресная помощь тем, кто в ней нуждается: нетрудоспособным, пенсионерам, инвалидам.

— Реформаторов обвиняют в жестокости по отношению к рядовым гражданам, в игнорировании социальных аспектов политики преобразований. И реальность подтверждает такую позицию. Что Вы могли бы сказать по этому поводу?

— На мой взгляд, самая главная психологическая проблема постсоциализма — разрыв между тем, чего многие люди ожидали, и тем, что реально достижимо.

Нужно помнить, что создание рыночной экономики не самоцель, а условие повышения жизненного уровня населения, построения базы для устойчивого демократического развития. Наследство, которое получило правительство реформаторов в 1992 г., — нулевые валютные запасы, около 110 млрд долл. долгов и пустые сейфы Сбербанка (с середины 80-х годов объем изъятий из системы сберкасс на финансирование дефицита бюджета превышал 10 млрд руб. в год, к концу 80-х он достигал 20 млрд. Все, что находилось в Сбербанке, было изъято на военные расходы, войну в Афганистане, помощь братским режимам, неэффективную экономику и т. д.).

Это реальность, достоверно подтвержденная бухгалтерскими документами. Поэтому, когда слышу обвинения в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, жестких мерах, приведших к обесцениванию вкладов в сберкассах, мне всякий раз приходит на память страшная картина зимней Москвы, непрекращающаяся тревога из-за нехватки зерна (запасов в стране едва хватало до февраля 1992 г.), необеспеченности ресурсами талонов на продукты и товары первой необходимости.

Мы пришли в правительство в условиях тяжелейшего кризиса и сделали немало, чтобы его преодолеть. В стране не случилось ни голода, ни катастрофы. Исчезли дефицит и очереди. Заработал рубль. И главное — была раскрепощена инициатива сотен тысяч россиян. Но для того чтобы говорить о проведении действительно ощутимой социально ориентированной политики, необходимо было в течение нескольких лет проводить твердый реформаторский курс. И, к сожалению, этого не случилось.

— *Какими Вам видятся перспективы нашей страны — пессимистический и оптимистический сценарий? Неужели мы обречены оставаться для мирового сообщества демонстраторами ошибок и заблуждений?*

— Ситуация может развиваться по трем возможным сценариям. Первый сценарий — консервативный: победа Ю. М. Лужкова или кого-то близкого к нему по духу. Развитие событий в последние годы — это развитие по Лужкову в гораздо большей степени, чем по Гайдари, Чубайсу, Немцову. Если экстраполировать эту тенденцию на ближайшую перспективу, мы увидим, что развитие идет по направлению к экономике типа индонезийской. Причем эта экономика может расти, привлекать инвестиции, она может быть относительно стабильна, потому что, по крайней мере, точно знаешь, какие правила — не формальные, а реальные, кто под кем, как решаются дела, сколько за это надо заплатить. В общем эта экономика, конечно, будет коррумпированная, где очень тесно переплетаются собственность и власть. Это экономика, где, без сомнения, будут возникать серьезные проблемы защиты прав собственности, и вместе с тем это экономика с высокой дифференциацией доходов.

Второй сценарий — экономика в рамках зюгановского режима. На самом деле они придут с идеей сохранить статус-кво и просто поменяют собственников (своих поставят, чужих задавят). Вопрос не в том, что они будут хотеть, а в том, в какой степени им удастся это сделать, потому что реакция на победу коммунистов, естественно, будет тяжелой (с точки зрения ожиданий всех экономических агентов, спроса на национальную валюту, увеличения вывоза капитала за рубеж, усыхания потока инвестиций из-за рубежа). Естественно, определенную роль будут играть опасные эксперименты в области внешней политики и наращивание военных расходов. Этот режим будет, по всей видимости, репрессивным — без свободы прессы, с серьезными ограничениями на свободу передвижения, с явными признаками рецидивов холодной войны. Весьма велика вероятность того, что коммунисты, не сумев справиться с кораблем, его опрокинут, и тогда автоматически начнутся отток валюты, зажим валютного регулирования, образование множественных курсов, увеличение дистанции между этими множественными курсами и рыночным курсом, попытки регулировать цены. Иначе говоря, события будут развиваться по лукашенковскому сценарию 1998 г.

Третий сценарий развития событий — прогнозируемый рыночный путь. Мы оказываемся там, где были весной — летом 1997 г., когда в мире возник энтузиазм по поводу России и было ощущение, что российская политическая элита взялась за ум, что она способна провести важнейшие реформы. Тогда перспективы страны можно оценить как благоприятные. Наверное, в это же время можно будет добиться долгосрочного решения проблемы советского долга. В общем мы войдем в режим нормального динамичного роста и развития. Разумеется, при таком сценарии страна может рассчитывать на более стабильные результаты и долговременный эффект.

Формула правой победы

Либералы извлекли уроки из поражения 1995 г. Идеолог «Союза правых сил» отвечает на вопросы корреспондента журнала «Новое время».

— В конце января 1996 г., Егор Тимурович, Вы начали писать свою книгу «Дни поражений и побед». Коммунисты тогда только что триумфально выиграли выборы. Рейтинг Ельцина был близок к нулю. Возможности предотвратить победу Зюганова на президентских выборах казались призрачными. Как бы ни был краток список врагов народа, которым коммунисты сулили расправу в случае своей победы (а списки были разнообразной длины), в самом кратком списке находилось место Вашему имени. Из страны Вы твердо решили не уезжать ни в каком случае. Иллюзий у Вас не было. В том, что все коммунистическое опять когда-нибудь с неизбежностью рухнет, Вы не сомневались. И вот для тех, кто придет тогда разгрести хаос и беду, как Вы пришли в 1992-м, Вы решили написать книгу... Скажите, а сейчас не страшно?

— Сейчас не страшно. Тогда было ощущение действительно огромного риска повторения — ну хотя и в меньших масштабах, но того же самого. Ведь посткоммунистические партии действительно выигрывали выборы в подавляющем большинстве постсоциалистических стран. Причем гораздо более успешных, чем наша. Наша посткоммунистическая партия совсем другая, чем ее сестры в Восточной Европе, по вполне понятному набору обстоятельств. Наша была имперская, а те вассальные. После краха социализма они эволюционировали в сторону социал-демократии, а наша — в сторону национал-социализма. В связи с этим была вполне реальной угроза того, что при помощи демократических процедур, опираясь на вполне понятное недовольство тяготами переходного

Интервью брала Татьяна ИВАНОВА.
Опубликовано в: Новое время. 1999. 5 декабря.

го периода, на законных основаниях коммунисты придут к власти, нанесут страшный удар по всем гражданским свободам, обретенным страной за последнее время... Мне казалось, что это очень серьезно.

Как бы ни сложилось второе президентство Ельцина — а оно, конечно, полно разнообразных разочарований, — все равно, взвешивая все, я не могу себя убедить: мол, ну и пусть бы Зюганов победил, только полезнее было бы. Вот не могу себя убедить, как-то не складывается...

Сейчас ситуация другая. Я не верю в возможность полномасштабной победы коммунистов в этом избирательном цикле. И сами они в это не верят... Пожалуй, особенно видно было, что пар из них вышел в то время, когда их почти подпустили к власти. Речь о правительстве Примакова–Маслюкова. Тогда было ясно, что они абсолютно не знают, что делать. Пугаются. Парализованы. Не готовы проводить не только социалистическую политику, но даже те опасные популистские авантюры, о которых столько писали их идейные менторы в лице ряда советских академиков.

Конечно, будет очень обидно, если в результате этих выборов к власти придут силы, которые просто не понимают, что Россию надо решительно вести вперед, не понимают природы проблем, которые стоят сегодня перед страной, упустят это время, благоприятный момент, не создадут предпосылок устойчивого экономического роста, не добьются, чтобы российская государственность стала вызывать большее уважение и т. д. ... Это обидно, но далеко не так страшно, как еще раз в XX в. быть свидетелем, по крайней мере, начала тоталитарного эксперимента.

— Итак, Ваш оптимизм базируется на Вашем собственном чувстве, которое говорит Вам, что коммунисты не уверены в себе... А еще на чем?

— Он основывается на нескольких годах адаптации — при всех обстоятельствах — общества к новым условиям. При всех проблемах кризиса 1998 г. все равно экономика и общество в общем приспособились жить в условиях рынка. Элита приспособилась, люди приспособились. Вот смотрите: сейчас Вы не найдете ни одного предвыборного блока, имеющего шанс пройти на выборах, который посмел бы написать на своих знаменах лозунги отмены частной собственности, рынка, конвертируемой валюты. Ведь что,

собственно, мы тогда, в 1992 г. сделали? Мы сделали легальной частную собственность, создали рынки и конвертируемый рубль. Сейчас нет ни одной политической силы, которая сказала бы: нет, частной собственности не будет, рынка не будет, конвертируемой валюты не будет, мы будем строить социализм. Все говорят: мы будем улучшать, социально ориентировать, государственно регулировать... Но это принципиально другой разговор.

Второй важный результат — эрозия старой элиты, в том числе имеющей коммунистическое происхождение. Она оказалась уже очень связанной и вовлеченной в частнособственнические отношения. Они все обросли своими предприятиями, банками, фирмами... детьми, которые сидят в этих предприятиях. Нет, они, конечно, не прочь пересмотреть итоги приватизации, отхватить какие-нибудь кусочки собственности полакомее. Но вот так, чтобы взять и теперь все это у своих же и отнять, — это нет.

Третье? Ну действительно происходят фундаментальные демографические подвижки. Возрастает доля населения, которая не жила при социализме, не получила с детства и юности набора социалистических идеологических установок, у которой нет оснований пребывать в ностальгии по утраченному социалистическому прошлому. Эта доля населения растет. А та часть людей, молодость которых связана с социализмом, она просто по объективным — неприятным, тяжелым, но объективным — демографическим причинам сегодня не растет. Отлично помню, как в конце 1995 — начале 1996 г. все носились с Зюгановым, элита заигрывала с ним, его ласкала за граница... Тогда действительно его рассматривали как весьма вероятного потенциального президента. Сегодня как весьма вероятного потенциального президента его не рассматривает никто, включая, я думаю, его же собственных сторонников.

Это не значит, будто что бы то ни было гарантировано. Но сегодня, мне кажется, все-таки катастрофический сценарий: не просто приход коммунистов к власти, а приход к власти коммунистов, которые реально являются коммунистами (или национал-социалистами), т. е. приход к власти людей, которые готовы в полном объеме отнять у людей гражданские свободы, сегодня этот сценарий, эта опасность мне кажется гораздо меньшей, чем в прошлый раз.

— Она гораздо меньше?

— Да. Она не нулевая. Просто тогда это была очень серьезная, страшная и абсолютно реальная угроза. А сегодня это возможность — ничто в нашей стране, к сожалению, не исключено, — но возможность, не представляющая весьма вероятной.

— *Хорошо. А как тогда все-таки получается, что красный пояс живет, что проходят во власть обкомы в полном составе — в одном городе, в другом, в третьем...*

— Красный пояс — это та часть России, в которой коммунисты сумели захватить власть обратно на волне недовольства реформами или никогда и не уходили там от власти... Россия ведь очень... разная страна. И действительно, если Вы посмотрите состав региональной элиты... Посмотрите, например, Совет Федерации. Там 90% были в прошлом секретарями обкомов или председателями исполкомов.

— *Все это есть. Но, кстати говоря, именно в этих красных регионах — я это очень хорошо знаю, не понаслышке — есть и огромное разочарование населения этой самой красной властью.*

— Не понаслышке, Вы сказали...

— *Недовольные-то из красных регионов — куда они идут? К нам они идут. И я знаю, как относятся к Сурикову на Алтае или к какому-нибудь Любимову в Рязани и тем более к Стародубцеву в Туле. Люди досыта насмотрелись, как они, говоря более чем мягко, охотно используют административные возможности в личных целях, как у них пропадают деньги неизвестно куда и как именно здесь ситуация с социальной сферой, с выплатой зарплат, пенсий и т. д.*

— На самом деле именно в красных регионах ситуация как раз меняется в благоприятную сторону. Люди наелись объяснениями, что во всех бедах виноват центр. Они начали понимать, что свои-то воры, они близко и, видимо, имеют некоторое отношение к тому, что здесь происходит. Ну просто повзрослели, многое поняли. И разочарование в коммунистах в красном поясе, по-моему, очень серьезная проблема для коммунистов. Конечно, там во время выборов будут злоупотребления, фальсификации, особенно на селе. Но на свободных выборах, честных и справедливых там коммунистам будет плохо.

— *Исследования, которые ведет Ваш институт, востребованы властью?*

— Бывают ситуации, когда наши исследования не востребованы властью. Бывают ситуации, когда они востребованы властью, но не публично. Вот, скажем, одно правительство (с которым мы публично отнюдь не были дружны) по некоторым направлениям (без большой, так сказать, рекламы) спрашивало наших советов. Мы им свои советы давали.

— *А в последние сто дней?*

— В последние сто дней правительство, на мой взгляд, озабочено в первую очередь не экономическими, а политическими проблемами. Но по каким-то направлениям на рабочем уровне мы давали свои оценки. Все-таки надо понять, что нынешний кабинет — кабинет, призванный в первую голову обеспечить политическую стабильность. И главная его задача, на мой взгляд, не сделать слишком много глупостей.

— *Долго ли продержится эта задача?*

— Не исключаю, что до президентских выборов.

— *Путин будет президентом?..*

— Вы знаете, я так не люблю гадать... Особенно за полгода до выборов. Вот в феврале я с удовольствием отвечу Вам на этот вопрос. Сейчас Путин — кандидат, имеющий, безусловно, предпочтительные шансы. Но, прошу прощения, два месяца назад Примаков казался не просто лидером, имеющим перспективу, а кандидатом, предотвратить победу которого абсолютно невозможно.

— *Рейтинг «Союза правых сил» еще недавно не достигал до 3%. Сейчас стал вдвое больше. И именно сейчас в Вашем штабе реорганизация. Почему?*

— Потому что у нас Чубайс занимается ключевыми вещами. Месяц перед выборами мы расцениваем как ключевой... Поэтому до последнего месяца Чубайс занимался им факультативно, от случая к случаю, а в последние дни руководит штабом в ежедневном режиме в послерабочее время. Завершает свою работу в РАО «ЕС России», приезжает вечером в штаб «Правого дела» и начинает решать проблемы «Правого дела». Конечно, когда он этим энергично занимается, он подстраивает структуру управления под себя.

— *И вот получится очень большой рейтинг, и очень-очень много друзей Кириенко, мало кому известных, из движения «Новая сила» окажутся в Думе...*

— У коалиции «Союз правых сил» очень достойный список. Если Вы изучите его, то увидите множество знакомых и замечательных имен...

— *Но все же если бы Вы и Чубайс были в первой тройке...*

— Самое простое дело — это сохранять твердую верность бескомпромиссным принципам и идти с ними с высоко поднятым знаменем к очередному поражению. Это просто. Мы потерпели поражение в 1995 г., а это важнейший год был... Дорого, можно очень дорого заплатить, чтобы не повторять 1995 г., чтобы не повторять истории десяти блоков, которые шли со сходными на самом деле программными установками и все шли к поражению. Я считал своей важнейшей задачей создание коалиции. Я считал, что можно дорого заплатить со всех точек зрения, для того чтобы поражение не повторилось. Я знаю, что значит широкая коалиция. Пример — консервативная партия Англии. Я знаю, какие разные там на самом деле люди, насколько они разделены по принципиальным вопросам. Но в главном они едины. Если бы консервативная партия разделилась на три, не было бы такой политической организации, вообще не было бы. «Союз правых сил» сейчас коалиция — широкая коалиция людей, объединенных общими установками организаций с разной историей, с некоторыми разногласиями, в том числе по существенным вопросам. Но это та коалиция, которая имеет возможность победить и создать свою фракцию в Думе. А там, в этой фракции, я надеюсь и уверен, будет достаточно много наших полных единомышленников.

— *Отсутствие Ваше и Чубайса во главе коалиции — это Ваша вера в социологию? Когда Вы ездите по России, Вам что, плюют в след? Чубайсу плюют? Ведь «народ не любит Гайдара», «никто не любит Чубайса» — это все тоже не более чем игры прессы, привыкшей породить всякого рода словесные штампы, а потом преподносить их как истины.*

— Я могу сказать, почему не встал во главе списка. Если бы я претендовал на первое место в списке, коалиции не было бы. Вот это я знаю абсолютно точно, не понаслышке, а на основе набора консультаций. Так как я был убежден, что коалиция нам нужна, а вопрос о том, присутствую я в списке или не присутствую, является в высшей степени второстепенным, я считал абсолютно правильным выстроить коалицию так, чтобы она получилась.

— Я поняла Вас. Скажите, а Вы верите, что Кириенко, претендуя на пост московского мэра, наберет больше 10% голосов?

— Я не знаю, сколько он наберет голосов, но считаю, что идея баллотироваться в мэры была правильная. Он как бы открыл ящик, показал, что это возможно. На фоне всего, что происходит в Москве, честно говоря, мне было бы достаточно отвратительно участвовать в выборах мэра, зная, что мы опять должны в едином порыве поддержать нашего великого, беспримерного хозяйственника, когда я знаю слишком много про московскую экономику. И то, что я знаю, мне более чем не нравится. Программа Кириенко и все те разработки московские, которые он сегодня представляет, в значительной степени основаны на работах, выполненных в нашем институте. Это просто способ привлечь внимание москвичей, властей к тому, что здесь делается, к тому, чего делаться не должно. Ведь в некоторых ситуациях сказанное слово все равно имеет значение, даже если ты с этим не победил. Все равно сказанное слово — это уже некая реальность, с которой приходится считаться. Оправдываться. Менять что-то. Что-то прятать. И так далее. А не просто: ну так и есть, ну есть у нас неподконтрольные внебюджетные фонды, которые равны огромной части бюджета, ну и слава Богу. Ну и Божья роса. Хотя бы из-за этого решение Кириенко баллотироваться в мэры правильное.

— Егор Тимурович, а вот скажите мне как экономист и специалист, в Москве вообще существует частная собственность?

— Конечно... Нет, на самом деле... существует частный оборот. Существует частная собственность, например, на жилье. И есть оборот частного жилья. Рынок жилья. Он несовершенный, но существует. Вообще рынок в Москве изуродован бюрократическими процедурами, безумным количеством ненужного администрирования. Система выстроена так, чтобы без взятки ничего не получалось.

— И без длиннейших очередей к столам бесчисленных чиновников...

— Юрий Михайлович именно эту систему именно в таком виде и выстраивал тщательно. Это было то, за что он боролся. Это то, вокруг чего у нас были принципиальные разногласия. О роли государства в экономике... Вот он построил эту систему в Москве, хотел бы построить в России. Да, при нем частная собственность, конечно, есть, но она очень-очень своеобразная.

— Мысль, что «Отечество — вся Россия» — больший враг, чем коммунисты, Вы полностью разделяете?

— В некотором смысле. Коммунисты — это серьезная угроза демократическим свободам. Эта угроза ослабла, но она существует. Просто на этих выборах главный вопрос, на мой взгляд, другой, не тот, что был в прошлом выборном цикле. В 1996 г. главный вопрос был о политическом реванше. Коммунисты, естественно, были главным противником на тот момент. В 1999–2000 гг. главный вопрос — о стратегии дальнейшего развития рыночной России. Каким будет российский капитализм? Он будет нормальным, либеральным капитализмом равных правил игры, эффективным либо это будет номенклатурный капитализм, который мы сегодня получили, капитализм пересекающихся прав собственности и власти, просто растянутый на длинное историческое время? Если цены на нефть будут такими, какие они сейчас, можно четыре года в такой ситуации жить, в очередной раз прожигать жизнь, как это делалось во времена Брежнева.

— Насколько реальной Вам кажется ситуация, что коммунисты всех мастей в новой Думе блокируются с «Отечеством», «Яблоком», наберут 300 голосов, отправят в отставку Путина, поменяют Конституцию?

— Ну... посмотрим. По крайней мере месяц назад, два месяца назад такой сценарий представлялся в высшей степени вероятным. Сегодня он представляется гораздо менее вероятным. Дело в том, что надо понимать, как устроено «Отечество — вся Россия». Это ведь такая структура, которая легкоприменима для быстрой победоносной кампании по завоеванию власти, потому что блок аккумулирует всех, кто был при власти и хотел бы при ней остаться. Но эта конструкция абсолютно непригодна для тяжелой борьбы в условиях, когда победа не гарантирована. Там неизбежно окажется слишком много желающих срочно перебежать на сторону потенциального победителя. Поэтому сейчас этот сценарий кажется мне менее вероятным.

— Ужасный Доренко сыграл свою роль?

— Он эффективен.

— Когда-то он снял целое правительство... Я в «Новом времени» опубликовала тогда статью «Конец русской журналистики». Доренко

«мочил» тогда Чубайса. И вот что интересно: никто, кроме «Нового времени», Чубайса тогда не защищал, а на Доренко не насканивал.

— Ну не он снял, конечно, а сняли те, кто дал заказ, кто создал соответствующие информационные и финансовые структуры... Доренко — это ведь что такое? Это маленькая головочка во-от такой бомбы, которая наносит удар. Не головочка удар-то наносит...

— Когда головочка была Чубайса, почему же никто не заступался так, как сегодня?

— А всем очень нравилось это.

— Все были счастливы. Почему?

— А потому что... Тогда... Да, это очень интересный вопрос на самом деле. Тогда много было людей, много... серьезно возмущенных тем, что происходит. Но не было ни одной структуры такой же мощной, сопоставимой по возможностям, которая была бы категорически против того, что делал Доренко. И все-таки, знаете, при всем при том сейчас идет борьба — на ОРТ в одном стиле, на ТВ-Центре — в другом стиле, на канале НТВ — в третьем... Но там идет некая информационная борьба. Используются более или менее грязные или чистые методы... Но борьба, в которой задействованы мощные информационные империи. Теперь представьте себе, что все эти империи между собой бы договорились. Все вместе — НТВ, ТВ-Центр, ОРТ — начали бы делать... ну, в принципе, то, что сейчас делает Доренко, но скоординированно. Хозяева бы договорились. Да, был бы набор людей, которые этому бы мешали. Я был бы в их числе. Ну и что? В журнале «Новое время» выступали бы мы с Вами?

— А сейчас-то что они делают, хорошо организованные и выстроенные?!

— А теперь разные! Теперь хорошо организованные и выстроенные, но выстроенные в три разные колонны, борющиеся друг с другом.

— Итак, Вы все-таки разделяете точку зрения, что опасность «Отечества» больше коммунистической опасности?

— В этих выборах, в этой конкретной ситуации, пожалуй, да.

— А в абсолютном измерении она очень велика, опасность «Отечества»?

— Нет, в абсолютном измерении опасность представляет собой не ОВР. Опасно сохранение статус-кво. Ну что ОВР? Чем оно так

уж дико опасно? Ну примерно понятно, какие фирмы будут в привилегированном положении. Можно себе представить, кто будет где, кто будет вхож в Кремль, вокруг чего будет идти борьба, кто будет теснить, а кто, наоборот, будет тесним. Принципиально это будет то же самое, что и было при Чернобырдине. Это опасность пост-революционного застоя.

Опасность в том, что административная система в России будет выстраиваться так, как она выстроена в Москве. Собственность будет так же не гарантирована и не защищена от произвола, как сегодня она не защищена от произвола реально в Москве и во многих других местах России. Короче, то, что надо сделать сегодня в России: сделать государство прозрачным, правила игры общими, расходование государственных денег понятным, налоговую систему простой и не зависящей от произвола чиновника, частную собственность надежно гарантированной, количество контролирующих инстанций, имеющих право применять санкции к предпринимателям, резко сокращенным, их право применять дискриминационные санкции резко ограниченным... Вот все это точно не будет сделано. На мой взгляд, это самое серьезное.

— А как по части «посчитаемся со всеми этими Гайдарами — Чубайсами»?

— Ну Вы знаете, я бы сказал так: я не жду от них больших злодейств. Понимаете, в чем дело, это ведь вопрос не личных отношений, а развития политического процесса, политической борьбы. Лужков в 1991 и 1993 гг. был на нашей стороне, потому что и мы, и он хотели в России капитализма, рынка и частной собственности. И в связи с этим он был нашим союзником до тех пор, пока не решился вопрос, до 1996 г. он был нашим союзником. Потом начал решаться другой вопрос: какой капитализм, какой рынок. Так выяснилось, что мы самые решительные оппоненты. Принципиальные. Вот и все. Это вопрос не о том, какие у нас личные отношения. Это вопрос о сути политического выбора.

— Но все-таки это оппоненты...

— Конечно. Именно оппоненты.

— Скажите, а как Вы относитесь, что думаете, думаете ли вообще о «Единстве»?

— О «Единстве»... Вы знаете, я очень хорошо отношусь к Сергею Шойгу просто по опыту совместной работы в правительстве. Знаю

его хорошо. Считаю, что он очень хороший министр по чрезвычайным ситуациям. Честно говоря, жалею, что ему приходится заниматься политикой. Неприятное это дело. Для него, по-моему, тоже неприятное. Ну а «Единство» — ну что ж. У нас есть такое понятие, как «партия власти». Вот «Выбор России» в свое время был своеобразной комбинацией — партией демократов и партией власти. Ну, он так и воспринимался, как партия власти, часть общества. Потом НДР... партия власти. Потом стала создаваться новая партия власти, будущей власти. Это было ОВР. А потом вдруг нынешняя власть сказала: а мне, собственно, не нравится эта партия будущей власти и захотела создать свою партию настоящей, нынешней власти. Сформировали «Единство». Я знаю, что лидеры ОВР почему-то очень обиделись. А чего обижаться-то? Ну почему же Вы думаете, что нынешняя власть не будет пытаться выстроить свою дееспособную партию? Вот уж где у нас сегодня колоссальный переизбыток предложений, так это на поле партии власти. Их три: НДР — партия бывшей власти. ОВР — партия, видимо, несостоявшейся будущей власти. «Единство» — партия нынешней власти.

— А Путин у нас поддержал «Единство»...

— Да, совершенно точно. Он вполне четко определил свои симпатии. Путин абсолютно лоялен к партии власти. Его в этом нельзя упрекнуть.

— Вы как-то с ним знакомы или нет?

— Знаком, конечно. Мы много раз встречались, когда я работал в правительстве, а он в мэрии Санкт-Петербурга. Неоднократно и потом виделись, когда я уже не работал в правительстве. Встречался я с ним, когда он работал в администрации президента. Не могу сказать, что я его хорошо знаю. Анатолий Борисович знает его хорошо. Он с ним долго работал вместе.

Жизнь покажет. Власть — это такая штука, которая меняет человека. Довольно здорово меняет. И это мне приходилось видеть в жизни. Но во всяком случае у меня не было никогда в жизни ни одной ситуации, которая позволяла бы мне усомниться в порядочности Путина. В нем не было сервильности, не было подхалимажа. Не бывало избыточно согнутой спины перед большим начальником. Всегда, когда мы общались, он вел себя достойно, спокойно. Вот то, что я знаю.

— Вы сказали в связи с военной акцией в Чечне, что, если были бы сейчас на месте Путина, делали бы то же самое, что делает сейчас он.

— Да. Я так сказал. Другого выхода просто нет... После дискуссии Чубайса и Явлинского в прямом эфире НТВ мне не кажется, что нужно повторять наши доводы и аргументы в пользу такой позиции. Анатолий Борисович выразил их с исчерпывающей внятностью.

— Довольны ли Вы сегодня своим положением в жизни, в политике, в работе? Как Вы его оцениваете?

— Я очень хочу победы «Союзу правых сил». Для меня очень важно, чтобы она состоялась. Если она состоится, если в результате следующего президентского цикла не произойдет чего-нибудь катастрофического или очень плохого, я буду более чем удовлетворен своим положением в обществе, в науке, в жизни.

Референдум не самоцель. Главное — осуществить реформы

— Итак, у СПС своя парламентская фракция, полноправное депутатское объединение, в списке членов которого есть и Ваша фамилия. Одни наблюдатели утверждают, что третья Дума существенно отличается от прежних. Однако другие — и таких немало — убеждены, что никаких коренных изменений не произошло. А какие впечатления вынесли с первых заседаний Думы Вы? В чем Вы видите специфику, характерные черты нового состава палаты? И как там коммунистическое большинство?

— Коммунистического большинства больше не существует, и в первую очередь именно это обстоятельство отличает нынешнюю Государственную думу от двух предшествующих. Во второй Думе коммунисты просто имели контрольный пакет: действительно, ни одного решения принять без их явной или неявной поддержки было нельзя, в том числе об утверждении премьера. В первой Думе ситуация была более сложной, размытой. Там тоже в ходе обсуждения очень и очень многих вопросов коммунисты вместе со своими союзниками набирали большинство. Но иногда при принятии отдельных важных законопроектов, таких, скажем, как Гражданский кодекс, удавалось все-таки — путем огромного напряжения сил, идя на серьезные компромиссы, — собрать некоммунистическое большинство.

Сейчас мы впервые за последние годы имеем Думу, в которой коммунисты контрольным пакетом голосов не владеют. Последние события показали это особенно отчетливо. Значит, возможными становятся многие вещи, которые в предшествующие годы находились, что называется, за пределами обсуждения, — все еще не гарантированными, но возможными.

Интервью брал Алексей БАДОЛЬСКИЙ.

Опубликовано в: Демократический выбор. 2000. 2 марта.

Например, на протяжении нескольких лет я старался объяснить нашим коллегам из МВФ, что бессмысленно надеяться на то, что в условиях надвигающегося национального кризиса коммунисты проявят высокое чувство гражданской ответственности и подставят, как это бывает в некоторых странах, плечо правительству, дабы то сумело принять некую очевидно необходимую антикризисную программу. От коммунистов ожидать подобных шагов не следует, так как их жесткий внутренний интерес заключается совершенно в обратном — чтобы в стране было хуже: голодают за них те, кому плохо. Так вот сегодня этого фундаментального препятствия на пути базовых реформ — в налоговой области, в области собственности, в области социальной поддержки — больше нет.

— Вы говорите об открывшихся возможностях и одновременно об отсутствии гарантий решения этих важнейших проблем.

— Да, в какой степени удастся нам этим окном возможностей воспользоваться, конечно, покажет время. Очень многое здесь будет зависеть от правительства, от проправительственной фракции «Единство» и от группы «Народный депутат», которая также в значительной степени кооперируется с нынешним правительством. Ясно, что рыночное законодательство в этой Думе невозможно провести без «Союза правых сил» и их союзников. Но ясно и то, что без сотрудничества с «Единством» мы всегда будем оставаться в меньшинстве.

Из сказанного легко понять, почему важнейшей своей задачей в думской работе мы считаем организацию эффективного сотрудничества нашей фракции с центристскими и проправительственными фракциями и депутатскими группами. Такое сотрудничество необходимо, если мы пришли в Думу не только для того, чтобы протестовать, но и для того, чтобы действительно попытаться сдвинуть с мертвой точки поезд с рядом важнейших реформ, которые никак «не шли» в последние годы.

Одним из первых законопроектов, который внес СПС, стал, как известно, Земельный кодекс в либеральной редакции — в отличие от редакции, которую спешно пытаются навязать стране наследники прокоммунистического большинства прошлой Думы. Далее поправки к Закону «О статусе депутата». С точки зрения экономики вопрос депутатского статуса кажется второстепенным, однако

с точки зрения политики и морали — в высшей степени первостепенным, потому что без ограничения безбрежной депутатской неприкосновенности и без приведения социальных условий, которые определили для себя депутаты, хоть в какое-то соответствие с нормами приличия парламентаризм в России будет просто-напросто скомпрометирован.

Но законодательная программа СПС этими инициативами, конечно, не исчерпывается. Мы поддерживаем скорейшую ратификацию договора СНВ-2, и я надеюсь, что через нынешнюю Думу, в отличие от предшествующих, это решение можно будет провести. А дальше у нас очень большой блок фундаментальных законодательных актов. Из них важнейшими являются законы, связанные с защитой прав собственности: поправки в Гражданский кодекс, поправки к законам об акционерных обществах, о ценных бумагах, о банкротстве...

Важнейшая тема для нас — это налоговая реформа. Мы надеемся, что удастся убедить большинство депутатов нынешней Думы в необходимости принятия серьезных законопроектов, существенно снижающих предельные ставки налогообложения и одновременно закрывающих очевидные дыры в налоговом законодательстве. Одна из главных задач, с нашей точки зрения, — это серьезная реформа всего социального законодательства.

Короче говоря, у нас есть хорошо проработанная программа и набор законодательных инициатив, которые мы и будем пытаться провести в жизнь.

Конечно, мы не наивны и понимаем, что по многим из перечисленных вопросов проправительственные депутатские объединения определяются только после президентских выборов, т. е. то, что происходит сейчас, — это некая разминка перед боем: общие обсуждения, дебаты... Иллюзий не питаем: до президентских выборов наши возможности провести фундаментальные, важнейшие реформы будут предельно ограничены именно в силу того, что по вполне понятным причинам, которые носят предвыборный характер, правительство и исполняющий обязанности президента не захотят быть слишком связанными с той или иной конкретной, четкой и потому весьма конфликтной политикой. После выборов такая возможность, надеюсь, откроется, и мы готовы использовать ее в максимальной степени.

— Для решения некоторых из перечисленных Вами сейчас вопросов правые призывали провести всенародный референдум. Центризбирком, как известно, эту инициативу «похоронил». Навсегда?

— Мы никогда не рассматривали референдум как самоцель. Подписи за проведение референдума правые начали собирать тогда, когда полагали — и полагали совершенно резонно, — что выносимые нами на всенародное обсуждение вопросы в Думе просто нерешаемы. Мы исходили из опыта предшествующих шести лет, которые показали: ряд принципиальных проблем, начиная от земельной собственности и кончая чрезмерными льготами депутатам, провести через Думу, к сожалению, невозможно. Но существо не в форме. Нам важен, повторю, не сам референдум как таковой. Важно, чтобы права собственности были надежно защищены, чтобы немислимые льготы и привилегии депутатов были приведены в соответствие со здравым смыслом, чтобы в «горячих точках» служили исключительно контрактники. Я удовлетворен тем, что исполняющий обязанности президента достаточно четко высказался в поддержку этих законодательных инициатив. Опираясь на такую поддержку, обеспечив согласованные действия с «Единством» и другими проправительственными депутатскими объединениями, все эти инициативы осуществить можно и через нынешнюю Думу, отнюдь не прибегая к процедуре референдума.

— В заключение хотелось бы спросить Вас о судьбе «Демократического выбора России». Речь идет о судьбе партии, которая несколько месяцев назад как бы растворилась в избирательном блоке и с тех пор активно о себе на общественной сцене не заявляет.

— Ведется работа по формированию новой политической организации на базе «Союза правых сил». Консультации по этому поводу велись на протяжении последних полутора месяцев. Сейчас какие-то контуры и задачи этой работы определились. На первом этапе мы пришли к выводу, что реалистичная задача сегодня — это создание новой политической организации на базе союза — повторю, союза, а не абсолютного слияния — тех партий и движений, которые образовали блок СПС. Это означает, что те партии и движения, которые сформировали СПС, сохраняются, что «Демократический выбор России» сохраняется в том виде, в каком он существует сегодня, выполняя по отношению к новой политической организации функции важнейшей структурообразующей пар-

тии, которая активно участвует в формировании ее подразделений в центре и на местах.

— Вас не страшит опасность распрей и междоусобиц в будущем формировании? Ведь одно дело, когда по принципу объединения малых сил создается избирательный блок для прохождения, например, в Думу. Тогда все связано задачей достижения единой цели. Но партстроительство в поствыборный период совершенно другое дело. Не начнут ли составные части нарождающейся новой структуры «тянуть одеяло» каждый на себя? Не приведет ли это к острой «борьбе за портфели» в руководящей верхушке?

— Конечно, проблемы есть, но есть и жесткая данность — необходимость единства. Такое единство было продемонстрировано в ходе избирательной кампании в Государственную думу, а эти выборы далеко не последние. Политическая работа продолжается: идут выборы в субъектах Федерации, идут выборы в местные органы власти. В такой ситуации не вести работы по созданию единого, консолидированного политического объединения — значит поставить под вопрос возможность наращивания наших усилий. Ведь для нас успех, достигнутый на декабрьских выборах, — это не предел, не конец жизни, а ступенька в формировании полноценной политической организации правого либерального толка. Да, работа, которую предстоит вести в этом направлении, будет непростой, но она абсолютно необходима для того, чтобы и к следующим выборам мы пришли организованными и сплоченными.

Егор Гайдар: Что сделано? Что делать?

— Егор Тимурович, помните, полтора десятка лет назад в обиход вошло словосочетание «процесс пошел»?.. Какой процесс? Мне нужна простейшая формула.

— Совершенно беспрецедентный по скорости и результатам. Первое. В России есть рыночная экономика. Есть ее основные институты. Есть большой, существенный частный сектор. Конвертируемая валюта. Огромное количество людей с рыночным опытом. Инфраструктура рынка, очень гибко реагирующая на любые изменения...

Все это особенно ярко проявилось после кризиса 1998 г, когда удар по банковской системе и резкая девальвация рубля просто поставили вопросы: а экономика действительно рыночная? она способна адаптироваться к новым условиям? или же все сведется к тому, что на смену выбывшему импорту придут пустые прилавки?..

И что же? Пришли достаточно быстро наращиваемые поставки отечественных товаров, т. е. на самом деле произошел масштабнейший, совершенно беспрецедентный по скорости процесс формирования новых рыночных навыков, установлений, институтов. И это сегодня данность. Мы можем быть крайне не удовлетворены этими институтами, но эти институты сегодня существуют — раз. И они приняты обществом — два.

Второе. В стране за эти годы сформировалась культура демократии и гражданского общества — молодого, неустойчивого, нехорошего, зависимого... Но — выборы привычны. Свобода средств массовой информации очевидна.

Да, она может быть манипулируема, эта свобода. Никто не гарантирует, что центральные каналы телевидения не будут подконтрольными и т. д. ... Но система, при которой для того, чтобы напечатать листовку на ксероксе, нужно было где-то найти этот

Интервью брала Татьяна ИВАНОВА.
Опубликовано в: Новое время. 2000. 9 апреля.

ксерокс, хранящийся за печатью КГБ, эта система в прошлом. Мы часть мирового информационного процесса. Общество очень молодое еще, но гражданское, со своей системой сдержек и противовесов, со сложно выстроенными иерархией и приоритетами...

Само это создание рыночной экономики и гражданского общества, даже очень молодого, поразительно по своему историческому значению, потому что это свидетельство резкого увеличения способности общества адаптироваться к изменению окружающей обстановки.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ

— *Вы хотите сказать, что мы хорошие приспособленцы?*

— В известном смысле... Видите ли, фундаментальное преимущество млекопитающих по сравнению с пресмыкающимися связано с тем, что масса у млекопитающих была ниже в среднем, чем у гигантских ящеров, а способность адаптироваться выше. Потому ящеры вымерли, а млекопитающие адаптировались.

На самом деле советская экономика, советское общество примерно с 50-х годов были гигантским ящером — системой очень большой, очень мощной, способной своей массой раздавить очень много чего. У этого ящера была одна проблема — с обратной связью: головка у него была очень маленькая. И перед этим ящером стояла задача фундаментальная: либо ты придумаешь, как тебе перестроиться во что-то более адаптивное — может, поменьше будешь, но будешь способен адаптироваться к меняющимся условиям, либо вымрешь.

Условия в современном мире постоянно меняются. Специфика всех последних трех веков — постоянно меняющиеся условия, волнообразно меняющиеся... Сегодня нужны крупные корпорации, планирование на 10 лет вперед (30-е годы — эпоха угля и стали). А завтра оказывается, что и крупные корпорации, и планирование на 10 лет вперед смотрятся как динозавры. Нужны высокотехнологичные, адаптивные, устроенные на основе делегирования решений институты информационного века. Постоянно меняются требования к уровню менеджмента, к организации планирования производства, к экономической структуре, к роли государства. Они еще и еще раз будут меняться.

В чем фундаментальное преимущество общества, которое сложилось в Европе на протяжении XV, XVI, XVII, XVIII вв.? Это было общество, которое включало множество элементов гибкости и способности к самонастройке, к самоизменению, к изменению элит, институтов, роли государства, установлений. И оно дальше — в общем тяжело, непросто, — оказалось способным без катастрофических крушений пережить сложнейший период фундаментальных, беспрецедентных в мировой истории изменений, социальных и экономических.

Мы после революции 17-го года, особенно после окончательного ее завершения в 1929 г., создавали систему, которая была очень мощной, во многом выросшей из объективных проблем страны, из состояния идеологической среды того времени, — создавали и создали систему, у которой был один фундаментальный недостаток — она обладала уникально низкой способностью к адаптации. Как станок, как поточная линия: способна делать одну машину и не способна перестроиться. Она до сих пор делает себе автомобиль «Волга», хотя ее зарубежный прототип лет 40 как снят с производства. Но наша поточная линия ничего другого сделать не может.

Советская система была в состоянии довести производство цемента или комбайнов до мирового рекорда, но она абсолютно не могла приспособливаться к постоянно меняющемуся миру.

Мы оказались в положении гигантского ящера, и перед нами в принципе встал вопрос: либо мы способны к трансформации, либо нет. Вот та проблема, с которой мы столкнулись.

Сегодня можно сказать, что да, мы с огромным трудом решили беспрецедентную в мировой истории задачу: после 70 лет отключения восстановили гибкие механизмы адаптации. Да, несовершенные, еще очень слабые, еще не такие, как у развитых млекопитающих, но тем не менее это работающие адаптивные механизмы. И они позволяют, не медля до завтра, реагировать, например, на девальвацию, на изменение конъюнктуры рынков нефти, металлов. Они позволяют перераспределять ресурсы из отрасли в отрасль очень высокими темпами, перераспределять рабочую силу и даже менять своевременно президентов, а не ждать, когда же они окончательно впадут в маразм. Все это огромный, фундаментальный исторический результат. Он достигнут за последние 15 лет.

ВЕЛИКИЕ АНОМАЛИИ

— Я лично считаю, это были счастливые годы, для многих — трудные годы...

— Выход из тупика в истории человечества всегда тяжел. Социализм был крупнейшей аномалией современного мира. И выход оттуда оказывается невероятно трудным... Особенно из развитого социализма. Из молоденького-то, например, китайского социализма... Да нечего и сравнивать. Китайский только-только начал формироваться, от роду было ему 30 лет, еще сельское хозяйство толком не было раскурочено, и тут начались радикальные реформы.

А ведь наш-то социализм был высокоразвитый, индустриальный, сформировавшийся, заскорузлый. Так вот беспрецедентный выход из этого социализма (по крайней мере, существенный этап этого выхода) сегодня завершен.

— Что же дальше?

— Дальше? Остались родимые пятна. Слабость традиций и институтов. Несформированная культура. Дурные установления периода предельной политической неустойчивости. Элита, которая во многом унаследована из старого времени и неспособна решать новые задачи, особенно в части бизнеса на региональном уровне. И еще предстоит огромная работа по использованию того механизма адаптации, который создан, чтобы сформировать механизмы устойчивого наращивания массы.

Теперь этот маленький зверек, неизмеримо более умный и адаптивный, чем старый ящер, должен приспособиться к миру, научиться соревноваться с такими же, как он, но более развитыми зверьками, он должен догонять их в своем развитии. Вот, на мой взгляд, если предельно просто, то, что произошло с нами за последние 15 лет.

И ТЕПЕРЬ ПОКОЙ...

— Если можно, перейдем к прогнозам...

— Что касается прогнозов... Мы вступили в нормальный период постреволюционной стабилизации. Это происходит после любой крупномасштабной революции.

Крупномасштабная революция — это всегда крушение институтов и установлений старого режима и очень медленный процесс формирования согласия по поводу институтов нового режима.

В мире странное отношение к революциям: как к чему-то романтическому, красивому и славному. В нашей стране это связано с традицией либеральной интеллигенции XIX в., а потом с марксистской традицией.

Любой человек, который удосужился когда-нибудь всерьез проанализировать историю революций, понимает, что революция — это, вообще говоря, страшная трагедия для страны, которая ее переживает, страшная трагедия любой страны, элита которой не смогла обеспечить достаточную гибкость собственных механизмов, чтобы избежать катастрофического крушения.

Революция имеет свою логику, свои закономерности, и... там нет простых путей. Это период внутренне слабого государства. И не потому, что слаб, например, лидер. Лидеры бывают очень сильными, волевыми. Проблема не в них, а в том, что у них нет внутренних источников согласия и легитимности, потому что рухнули нормы, которые в течение длительного периода определяли жизнь общества... Общество каждый день живет, а нормы отринуты.

Возникает длительный период деинституциализации, когда все не упорядочено, когда нет права, когда есть предельно слабая власть, которая неспособна собирать налоги, выполнять свои функции, а такова всякая власть периода революции.

Кромвель был очень волевой и удачливый правитель. Но при нем был страшный кризис власти, проявившийся в массовых задержках заработной платы армии, хроническом бюджетном кризисе и неспособности его решить. Он не мог решить этот кризис, заплатив армии. Он понимал, что тем самым войдет в режим нового кризиса.

Таких примеров в истории каждой революции много. У нас этот период был. Мы его прошли. После всякого такого периода наступает стабилизация.

ХОТИТЕ ПОВТОРИТЬ? ДЕЛАЙТЕ, КАК МЫ

— Вы считаете, что у нас все-таки была революция?

— Да, без всякого сомнения. Это была революция постиндустриального мира. Первая такого рода. У нее только одно характерное

отличие от революций традиционных — относительно низкий уровень насилия. Насилие у нас было связано с окраинами, с короткими эпизодами в 1993 г. ... У нас не было масштабной гражданской войны. Это правда. А со всех остальных точек зрения у нас, несомненно, была революция.

Радикальное крушение всех установлений и идеологием предшествующего режима... То был период радикальных изменений социальных структур, экономического устройства... Период предельной слабости государственной власти... Зато через длительный исторический промежуток, который измеряется 10–15 годами, этот период сменился естественной тенденцией усиления и стабилизации новых реалий постреволюционного устройства.

— *Началом революции Вы считаете 1985 или 1991 г.?*

— У революции начало и конец, особенно конец, как правило, чрезвычайно размыты. Начало революции у нас не имеет четкой и определенной даты. Хотя, скажем, 19 августа 1991 г. — это прямой аналог падения Бастилии.

Но я бы датировал начало революции в России первыми выборами Съезда народных депутатов СССР. Они подорвали всевластие КПСС, на котором, собственно, вся политическая и экономическая система и держалась.

Период завершения революций — это всегда финансовая стабилизация и возникновение возможности снова консолидировать элементы государственности. Желательно при этом не выплеснуть с водой ребенка, не разрушить новых реальностей. Все революции являются, как правило, реакцией на неадаптивность этих институтов. И не дай Бог государственные институты воспроизвести в старом виде: снова столкнешься с той же дилеммой — либо деградация, либо революция, потому что они опять окажутся хрупкими...

Нужно сохранить обретенные в ходе революции более гибкие инструменты и одновременно обеспечить эффективное выполнение властью своей задачи.

САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ ПОЗАДИ

— *Сильное государство, о котором сейчас все говорят, — что это?*

— Всякое государство после стабилизации сильнее, чем во время революции, просто потому, что во время революции оно по при-

роде своей слабое. Но только не надо путать сильное государство и большое государство.

Сильное государство то, которое выполняет свои базовые функции, добивается того, что, если законы принимаются, они выполняются. Если бюджет дает обещания, эти обещания оплачиваются. Если налоги установлены, их платят. Если деньги есть, они устойчивые. Если полиция есть, она функционирует. И т. д. Вот это сильное государство, действительно сильное.

Всякое государство после революции поражено болезнью коррупции, потому что ведь за этим всегда два момента. Первый — слом предшествующих идеологием, которые хоть как-то (хуже или лучше) обеспечивали нормы поведения. Новые еще не устоялись. У государства старые инструменты контроля развалились. Новые в условиях слабой власти еще не сформировались. Ничья земля... Потому всякое революционное государство всегда слабое и коррумпированное.

Способность после революции обеспечить большую эффективность государственной власти и одновременно ее наименьшую коррумпированность, добиться того, чтобы коррумпированное государство не пыталось лезть в те дела, в которых ничего, кроме как брать взятки, оно все равно не умеет, — вот фундаментальная задача нашего времени.

Да, обеспечить усиление государства в плане выполнения им его базовых функций, но ни в коем случае не утратить тех фундаментальных завоеваний, связанных с обеспечением гибкости механизмов общественной адаптации, которые мы все равно получили за это время на базе крушения социализма.

— *Что у нас впереди?*

— Прогнозы в условиях стабилизации — вещь неблагодарная именно потому, что власть, которая обрела значительную меру автономии, может по-разному ею распорядиться. Вот в условиях революции — там все почти определено, когда и что ты можешь, чего не можешь... А здесь... Общество устало. Ты можешь распорядиться своей свободой по-разному: можешь даровать гражданский кодекс, а можешь 14 лет толочь воду в ступе... Я думаю, что в плане экономическом самое тяжелое у нас позади. Дальше развитие событий при всех проблемах будет идти позитивно.

Худший сценарий — правительство не сумеет распорядиться этой уникальнейшей возможностью, чтобы доделать массу вещей, которые просто нельзя было доделать в условиях революции: обеспечить нормальную налоговую систему, нормальное банковское регулирование, перестроить государственный аппарат, упростить, сделать прозрачными государственные процедуры... Можно сделать социальную помощь адресной, создать инструменты, более надежно защищающие частную собственность, разработать нормальный Земельный кодекс. Вот все это государство либо сделает, либо нет. Я думаю, что сделает большую часть из этого. Это оптимистический прогноз в условиях ближайших лет. Может не распорядиться этим. Это будет плохо, но не страшно, потому что базовые вещи достигнуты, их не разломать. Общество сбережет их само.

А КАК ЖЕ СВОБОДА?..

— *Вы уверены, что разломать трудно?*

— В полном объеме разломать? Очень трудно. Экономические инструменты разломать очень трудно, потому что в обществе есть согласие по поводу того, что базовые структуры должны существовать. В обществе есть понимание того, что их лучше бы не разламывать. Есть и здоровые реакции общества на попытки их разломать, как, скажем, осенью 1998-го на идеи отмены доллара, запрета хождения доллара. Конечно, можно и сломать, если поставить перед собой такую задачу. Но это не автоматически, очень непросто и совсем непонятно зачем.

Менее защищенной представляется другая масса механизмов, тоже адаптационных и очень важных для будущего, чисто прагматически важных для будущего страны, то, что связано со свободой. Со свободой даже не гражданской, а свободой слова, например...

— *Но почему?*

— Потому что это в меньшей степени, на мой взгляд, пока что в обществе укоренилось, в меньшей степени воспринимается на уровне ежедневной жизни... Это ведь в ежедневной жизни все хотят — кто бы что ни говорил — все хотят, чтобы товары в магазинах были, валюта была конвертируемой, чтобы не было дефицита, очередей, все хотят съездить, например, в Болгарию, когда зарабо-

тают денег, хотят иметь возможность выбирать себе место работы, не чувствовать себя привязанными, крепостными, оставить детям квартиру в наследство и т. д. Богатые хотят сохранить свою собственность, менее богатые — свои права.

В плане свободы слова... Ни при каком варианте развития событий не жду реставрации полноценного, полномасштабного тоталитарного контроля над средствами массовой информации. Я считаю это невозможным или крайне маловероятным в условиях информационной эры, Интернета, ксерокса, электронной почты, компьютера...

Конечно, можно взять под контроль три основных канала телевидения. Там будут давать только правильные новости. Но это значит лишь, что большая часть общества снова обратит внимание на печатные средства массовой информации, которые не будут, я убежден, под жестким контролем, обратит внимание на электронные средства массовой информации немассового пользования и т. д. ...

Короче говоря, в нынешнем интегрированном мире, радикально не поломав связи общества с этим миром, куда мы так основательно встроены экономикой, внешней торговлей, социальной жизнью, сделать общество вновь информационно закрытым невозможно.

Заниматься гаданиями на тему о том, какую политику будет проводить Путин, я не хочу. У меня есть свое представление об этом... Я думаю, что он будет проводить в экономике политику более или менее разумную. Я представляю себе примерно, кто будет ее вырабатывать, кто будет на нее влиять. Будет ли его политика разумной, скажем, в области международной, в отношениях со средствами массовой информации — у меня нет достаточных оснований для суждений. Я надеюсь, он сможет понять, что сегодня не XVIII в. и что авторитаризм, пусть прогрессистский, плохо встраивается в реалии XXI в. Очень он архаично смотрится.

Кстати, у меня нет никаких оснований подозревать, что он чего-то не понимает или не хочет видеть. Я действительно с интересом смотрю, как вырабатывается экономическая программа. В целом мне это, скорее, нравится. Я не вижу, чтобы он сделал что-то такое, что вызывало бы у меня глубокую идеосинкразию. А дальше посмотрим.

— *А Вы слышите этот рокот... что в ближайшее время будет совершено покушение на НТВ и прогрессивная общественность непременно должна объединиться и дать отпор? Вы будете в рядах дающей отпор общественности?*

— Я рокот этот слышу и естественным образом понимаю. Я считал бы важным и полезным сохранение НТВ как независимого, по крайней мере от власти напрямую, телеканала. Это не значит, что все, что делается на НТВ, мне нравится. Это не значит, что я не понимаю, что очень часто канал НТВ играет совершенно понятную политическую роль, что он часть медиа-империи, у которой свои задачи и у хозяина империи свои задачи. Но для меня сам факт сохранения полифонии важен и ценен.

В предыдущие годы была ситуация, какой, я думаю, больше не будет. Для Ельцина сама по себе свобода слова была самоценна, потому что он сам ее завоевал... И она была важнейшим результатом его работы. В связи с этим даже в ситуациях, когда этой свободой откровенно злоупотребляли не только в нарушение всех норм этики, но и во вред государству, Ельцин категорически отклонял все попытки приструнить прессу.

Ну, Владимир Владимирович Путин — другой человек. У Путина есть свои завоевания, но это — свобода слова, прессы — не его завоевание. И я абсолютно не убежден, что у него будет такое же сакральное отношение к свободе прессы, которое было у Ельцина.

ФЕЛИКСЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

— *Скажите, Егор Тимурович, среди тех институтов, которые революция наша порушила, радикально изменила, взамен которых она выстроила новые институты, — среди них есть знаменитое лубянское ведомство? Или оно осталось в прежнем виде?*

— Во всех революциях периода ранней модернизации был ритуальный момент — обезглавливание короля. Если нашу революцию мы будем смотреть картинками — фотографии, телевизионный видеоряд, — самый драматический и яркий момент крушения старого режима для вас...

— *Железный Феликс с веревкой на шее отрывается от земли... Сейчас рухнет...*

— Совершенно точно. Так вот, период послереволюционной стабилизации очень часто связан с реставрацией монархии. Мне бы очень хотелось, чтобы институт старого режима, с которым было тесно связано понятие стабильности, был какой-нибудь другой... Но сегодня «органы» очень отличаются от тех, какие были тогда. Как монархия Карла II от монархии Карла I... Они потеряли уверенность в своем всемогуществе, вечности, в стопроцентном контроле над обществом. Там сами люди поменялись. Но, конечно, преемственность сохранилась.

— *В каждом кабинете, насколько я понимаю, стоит Дзержинский-бюстик. Так, может быть, могут и большого на площадь поставить?..*

— Надеюсь, что нет.

— *А флаг какой у нас будет?*

— Нынешний.

— *Почему Вы уверены?..*

— Потому что иное было бы глупо. А я не подозреваю Путина в том, что он глуп, отнюдь нет. У него свой опыт жизни, работы, свои книжки, которые он читал в детстве... Но, повторяю, у меня нет никаких оснований подозревать, что он глуп.

Оптимист из России. Беседа с Егором Гайдаром

В обстоятельной беседе с профессором Падмой Десаи¹, состоявшейся накануне избрания Владимира Путина президентом, Егор Гайдар рассуждает о войне в Чечне, о политических взглядах Путина, особенно относительно реформ, о проблемах, которые представляются ему критически важными для российской экономики.

— Не думаете ли Вы, что Путин может свернуть на путь авторитаризма, даже антизападничества под влиянием всплеска националистических настроений, связанного с войной в Чечне и способствовавшего его избранию?

— Здесь, в Соединенных Штатах, и вообще на Западе, и даже в России искаженно понимают связь между чеченской войной и победой Путина на выборах, упрощают эту связь. То, что мы имеем сейчас в России, — это не мощная националистическая волна, а нечто иное. За восемь лет чрезвычайно трудного перехода, после развала прежнего режима, империи и старой идеологии, страна прошла через революцию — в основном мирную революцию, но все же революцию, а революции выводят людей из колеи. За этот период быстрых и трудных изменений последовательно сменяли друг друга правительства, которые были слабыми, потому что все правительства бывают слабыми в эпоху революционных перемен. Те, кому довелось жить во время революции, считали это время трудным, но овеванным романтикой. Но после каждой революции, хоть во Франции, хоть в Мексике или Британии, люди начинали думать: «Все это замечательно, но мы устали, нам нужен мир и порядок,

Опубликовано в: Challenge. 2000. № 61. Май–June.

Перевод с англ. Л. И. Лопатникова.

¹ Падма Десаи (Padma Desai) — профессор кафедры сравнительных экономических систем и директор Центра по изучению переходных экономик Колумбийского университета. Интервью состоялось в Колумбийском университете. Нью-Йорк, 16 мая 2000 г.

нам нужно предсказуемое правительство, нам нужно действующее правительство, такое правительство, которое выполняет свои обещания. Нам нужен человек, который может быть твердым, который принимал бы решения и исполнял их». Такие чувства бывают распространены после каждой революции. Мой друг и коллега Владимир Мау выпустил в издательстве Оксфордского университета книгу о социальной и экономической теории и революции. Аналогичные взгляды на ситуацию в России он высказал еще пять лет назад. Россияне устали. Они нуждаются в правительстве, которое воспользуется открывшимися возможностями и выполнит свои обещания. Ельцин поступил очень разумно, выбрав человека, способного принимать решения и проводить эти решения в жизнь, Чечня была лишь одним из примеров этого. Не она была причиной (выбора Путина). Россияне вовсе не были в восторге от чеченской войны, но их стремление поддержать (эффективно) действующее правительство было главной причиной популярности Путина.

— Что заставило Вас так круто изменить свою позицию по отношению к чеченской войне, против которой Вы выступали в 1994–1996 гг.?

— Это было изменение, которое затронуло все российское общество в целом. Отношение русских к этой войне было совсем не такое, как к войне прошлой. Отношение другое, потому что это другая война. Ситуация, какой она воспринималась в России, была отлична от ситуации 1994–1996 гг. Если Вы посмотрите на результаты социологических опросов, то заметите, что наиболее образованные, молодые, активные группы населения решительно выступают за продолжение текущей войны. Именно эти группы решительно выступали против прошлой войны. Почему это так? Понять различие в ситуациях трудно, если не знать фактов. Русские вовсе не сумасшедшие, если они так решительно выступали против той войны и столь же решительно за эту войну. Что произошло? В 1994–1996 гг. война рассматривалась в России примерно так, как в США воспринималась война во Вьетнаме. Американцы плохо понимали, почему они вообще там оказались. Это было где-то очень далеко, там шла грязная война, на которую надо было посылать своих сыновей умирать. У русских тоже прошлая война вызывала множество вопросов: о праве народов быть самостоятельными, о том, должен ли принцип самоопределения наций под-

чиняться верховенству принципа целостности государства. Но эти вопросы не должны решаться на поле битвы. Таково было восприятие войны российской публикой в 1994–1996 гг. Русские были решительно против той войны. Вот почему они фактически заставили власти закончить войну не позднее лета 1996 г. — не оставили им иного выбора. Это было точно так же, как здесь, в Соединенных Штатах: Америка располагала ресурсами для продолжения вьетнамской войны, но не имела общественной поддержки.

Но здесь аналогии кончаются и начинаются различия. Различие в географии: Вьетнам — замечательное место в 20 тыс. км отсюда. Американцы могли вывести войска из Вьетнама и более или менее забыть о нем. Чечня же часть России. После войны она стала порождать все больше проблем для России: похищения людей, содержание в рабстве, продажа их за деньги. Американские друзья России и журналисты не понимают, почему российская пресса, столь сочувствовавшая чеченцам в 1994–1996 гг., перестала их поддерживать. Но вспомните, сколько журналистов были похищены и потом проданы их работодателям за последние три года. Приведу пример Елены Масюк, репортера НТВ. Она занимала яркие прочеченские позиции, обнародовала сведения о страданиях чеченцев, позволяя им выражать свои мнения. После войны ее похитили, продержали полгода в ужасающих условиях и в конце концов продали за деньги тому же телевизионному каналу. Разумеется, этот эпизод сказался на позициях российских журналистов. Но российское общественное мнение еще поддавалось такой точке зрения: «Давайте оставим их на расстоянии, не будем вмешиваться в эти дела, может быть, ситуация как-нибудь сама рассосется. Может быть, они сами сумеют прекратить похищения и даже как-то самоорганизоваться». Но ситуация драматически обострилась, когда мы обнаружили, что тысячи хорошо вооруженных и подготовленных людей вторглись из Чечни в Дагестан. Конечно, американцам, которые даже не подозревают, что существует какой-то Дагестан, очень трудно понять, что означала для России агрессия, совершенная в августе против Дагестана. Дагестан — это часть нашей жизни, часть нашей страны, часть нашего повседневного существования. Народ Дагестана вовсе не желал быть пораженным чеченцами. Он взялся за оружие, призвал на помощь российскую армию, и затем, конечно, русское общественное мне-

ние решительно изменилось. Теперь не стоял вопрос о праве чеченского народа на самоопределение. Встал вопрос: способно ли российское правительство защитить свой народ? Причем речь шла не только о том, чтобы отбросить чеченцев обратно в Чечню из Дагестана, и не о том, какие еще регионы могут подвергнуться такой атаке, но о том, чтобы подобное не могло повториться нигде и никогда. Все это радикально изменило ситуацию перед началом нынешней войны.

— *Сумеет ли президент Путин удержать в определенных границах антизападные, антиамериканские настроения в русском народе, который видит, что Запад и Соединенные Штаты не согласны с российской политикой относительно Чечни?*

— Прежде всего мне не очень нравятся изменения в российском общественном мнении в отношении Соединенных Штатов и Запада, происходящие в последние два года. Причем этот процесс начался до (второй) чеченской войны. Поворотной точкой тут стали события в Югославии. Я пытался объяснять многим своим американским друзьям, в том числе занимающим высокие посты, что югославская операция окажет серьезное, долговременное воздействие на отношение русского народа к Соединенным Штатам и НАТО. Это было очень трудно объяснить, поскольку они полагали, что у русских много собственных забот: у них низкий уровень жизни, у них задержки с зарплатой. Чего ради они будут волноваться из-за какой-то Югославии? Или Вы всерьез полагаете, что их так уж интересуют связи с Югославией в XVIII в. или православная церковь? Нет, речь не идет о связях XVIII в. или о православной церкви. Если Вы спросите среднего россиянина, знает ли он разницу между династиями Караджорджевича и Обреновича и кто из них симпатизировал австрийцам, а кто русским, то вряд ли он ответит на ваш вопрос.

На самом деле проблема, волнующая среднего российского гражданина, была не Югославия, а безопасность России. Ко времени принятия решения о продвижении НАТО на восток, что было далеко не лучшей идеей из числа возможных, мои коллеги и я пытались рассеять российские озабоченности с помощью различных аргументов: видите ли, говорили мы, НАТО — это коалиция демократических государств с предсказуемой политикой, действующих в рамках международных законов. Она не может пред-

принимать непредсказуемых и решительных действий, не начнет войну против других государств, это оборонительная организация и т. д. И вот весной 1998 г. Соединенные Штаты и НАТО, несмотря на ООН, несмотря на международные законы, несмотря на то, что это не своя территория, решили, что режим в Югославии плохой. Может быть, он и плохой? Я видел в мире много плохих режимов... И они начали бомбардировки югославских городов. Так что русские задумались: «Может быть, когда-нибудь они решат, что и наш режим плохой. Какова же гарантия, что они будут действовать в Орле или Владимире иначе, чем в Нови Саде или Крагужеваче?». Эти опасения, естественно, не прибавляют уважения русских к Америке и Западу, но питают энтузиазм сторонников увеличения оборонных расходов. Вот где реальная проблема. Безусловно, российская публика растеряла свои симпатии к Америке и Западу, которые царили здесь в начале 90-х годов. Большая часть российского общества, особенно молодежь и более образованные люди, не доверяют Соединенным Штатам. Вместе с тем они не хотят новой холодной войны. Идея обособленности России от остального мира непопулярна в России. Так что, если Путин отвечает общественному восприятию и давлению, его политика должна быть более скептической, более настороженной по отношению к Западу, больше ориентированной на российские национальные интересы, но и не быть нереалистичной, не быть антизападной. Создание антиамериканского альянса полностью противоречило бы российским интересам. Такая идея безумна.

— *В январе спикером Государственной думы был избран Геннадий Селезнев, коммунист, — это результат соглашения между путинским блоком «Единство» и коммунистами. Вас, либерала и реформатора, оно не беспокоит?*

— Я сказал бы Вам неправду, если бы ответил, что я в восторге от такого альянса. Я не вижу простых объяснений этому альянсу, но вижу некоторые ограничения. Это было действие умное, жесткое, циничное, но еще и ошибочное. В самом деле, какие цели преследовали блок «Единство» и Кремль, создавая этот альянс? Во-первых, предупредить потенциально возможный союз между Евгением Примаковым, тоже избранным в Государственную думу от блока «Отечество — вся Россия», и коммунистами, возможность такого союза обсуждалась в предшествующей Думе. Во-вторых,

они утвердили в качестве спикера Думы политика, чрезвычайно слабого политически. Он сдал Санкт-Петербург, откуда был избран. Он проиграл выборы в Московском регионе. Им легко манипулировать, с ним легко сотрудничать. В-третьих, главный конкурент Путина на президентских выборах — Геннадий Зюганов, лидер коммунистов. Источником его поддержки традиционно является протестный электорат, те, кто ненавидит прошедшие восемь лет и существующий режим. Альянс может оторвать часть традиционного электората от Зюганова. Зюганов начал свою избирательную кампанию против ужасного путинского империалистического режима, заключив сделку с Путиным, — это не лучшая стратегия для начала президентской кампании. Наконец, вы обеспечили машинами и дачами коммунистов, состоящих в думских комитетах, но ключевые комитеты Думы все равно контролируются людьми, с которыми Кремлю работать удобно.

Так что заключенный союз прагматичен, очень разумен. И все же это ошибка, учитывая два возможных его последствия. Во-первых, Путин остро нуждается в сильной поддержке некоммунистического электората, чтобы выиграть первый тур президентских выборов, а сделка с коммунистами не лучший способ привлечения некоммунистического электората. Во-вторых, путинскому правительству предстоит провести через Думу большой набор (назначенных) реформ. Заключить соглашение с коммунистами об избрании Селезнева спикером Думы легко, но трудно договориться с ними об утверждении законодательства по вопросам частной собственности и приватизации земель. Правительству придется обратиться к фракциям, которые были изолированы от заключения сделки. Таким образом, сделка была тактически очень разумной, но стратегически она вызывает множество вопросов.

— *Обратимся к экономическим реформам; Путин — сторонник государственного управления экономикой?*

— Его позиция ясна лишь по очень небольшому кругу вопросов экономической политики. Но он совершенно ясно выразил свое отношение в пользу защиты частной собственности, и он решительно против ренационализации. Что касается его многочисленных заявлений по экономической политике во время президентской кампании, то я не все принимал бы слишком серьезно. Повсюду, в том числе здесь (в США. — *Прим. ред.*), вовсе не предполагается,

что политические декларации будут обязательно исполняться. Они рассматриваются лишь как свидетельства для электората и его отдельных групп о том, что волнует кандидата. По-моему, вряд ли мы сумеем хорошо понять экономическую политику Путина, прежде чем он назовет своего премьер-министра и проведет его утверждение Думой.

— *Полагаете ли Вы, что усиление контроля за внешней торговлей может остановить бегство капиталов из России, достигающее 20 млрд долл. в год?*

— Я совершенно уверен, что борьба с ним с помощью контроля за внешнеторговым оборотом неэффективна. Она дает лишь кратковременный результат. Через три месяца частные участники внешнеторгового оборота адаптируются к нововведениям и найдут способы их обойти. Бегство капиталов — ключевая проблема для России, и ее решение будет одним из приоритетов для любого разумного правительства страны. Ему предстоит решить три основные проблемы, связанные с бегством капиталов: это политическая нестабильность, слабая защита прав собственности и слабая налоговая система. Другого пути для обращения вспять утечки капиталов не существует.

— *Считаете ли Вы, что американская пресса, раздувшая скандал с «Бэнк оф Нью-Йорк»¹, преувеличивает масштабы отмывания денег?*

— Преувеличивает. Отмывание денег и бегство капиталов — разные вещи. Проблема отмывания денег связана с наркоденьгами и наркооборотом. Эта проблема намного больше относится к США, чем к России. Аналогичный рынок для подобного рода деятельности в России не существует. Если Вы хотите обсуждать проблемы отмывания денег серьезно, Вам надо обсуждать ее относительно США. Бегство капиталов, с другой стороны, это серьезная проблема для России. С этой точки зрения, трудно было понять шумиху, развернувшуюся вокруг «Бэнк оф Нью Йорк». Я не встречал ни од-

ного человека, разбирающегося в российских проблемах, который не был бы убежден, что последние восемь лет мы сталкиваемся с серьезной проблемой бегства капиталов. Было бы странно, если бы продолжительный, крупномасштабный отток капиталов из России не затронул мировую банковскую систему — крупные банки, включая американские. Так что я не понимаю, почему поднят такой шум вокруг скандала с «Бэнк оф Нью-Йорк».

— *Каковы, по-Вашему, очередные задачи российского правительства на фронте реформ?*

— Три вопроса следует считать первоочередными. Во-первых, правительство должно стать действенным, правительством с меньшим числом государственных служащих, причем лучше оплачиваемых. Оно должно быть готово к серьезному ужесточению контроля федеральных агентств за федеральными структурами в регионах. Оно должно быть готово освободить судебную систему от влияния региональных властей. Если и когда суды станут защищать права собственности, то их решения будут вступать в силу, а не вызывать нескончаемые дискуссии. Правительство должно показать, что знает о коррупции в некоторых структурах, о чем знает каждый житель России. Оно должно понять, что излишнее регулирование экономики — источник коррупции и препятствие к созданию новых предприятий. Иными словами, оно должно продемонстрировать, что всерьез намерено реструктурировать государство.

Во-вторых, правительство должно заняться вопросом о правах собственности. Мы нуждаемся в новом законодательстве для поддержания прав собственности в стране. Земельный кодекс, который является первым приоритетом, восемь лет не удавалось провести через Думу из-за коммунистического большинства. Ныне же, впервые за всю российскую историю, стало возможным принять нормальное, цивилизованное законодательство, относящееся к инвестиционному климату, аграрной реформе, залогу земли. Мы нуждаемся в наборе изменений в базовом законодательстве, связанном с правами собственности. Нельзя сказать, что существующие законы плохие. Это хорошие законы, которые надо лишь отредактировать на основе накопленного опыта. Мы знаем, что в России права собственности требуют более активной защиты, нежели в странах с действующей рыночной экономикой и длительной традицией частной собственности. Требуется изменить

¹ Так называемое дело *BoNY* об отмывании российских денег было начато в 1999 г. с незначительного, в сущности, эпизода: МВД России попросило коллег из США проследить маршрут перевода средств, уплаченных в качестве выкупа за одного похищенного россиянина, — и было раздуто прессой в грандиозный скандал (что объяснялось как внешнеполитическими, так и внутриполитическими предвыборными мотивами). Счет пошел на миллиарды долларов, был уволен ряд топ-менеджеров банка, проводились слушания в Конгрессе США и его комитетах, состоялось несколько судебных процессов — вплоть до конца 2000-х годов. — *Прим. ред.*

некоторые статьи Гражданского кодекса, чтобы устранить компромиссные положения, включенные в него под давлением коммунистов. Для улучшения защиты частной собственности требуется изменить закон о совместных компаниях и контрактный закон, касающийся аффилированных компаний. Надо будет принять значительное количество законов, направленных на защиту частной собственности.

В-третьих вопрос о налоговой реформе. Особое внимание к налоговой реформе не означает, что будут отодвинуты в сторону другие важные пункты программы реформ, такие как социальная защита населения, пенсионная реформа и бюджетная отчетность, финансирование здравоохранения и межбюджетные отношения.

— *Какой Вы видите роль международных финансовых институтов, особенно Международного валютного фонда, в этом процессе?*

— Те, кто изучал британскую историю, знают о том, что в британской школе существовал мальчик для битья. Если принц Уэльский не выполнял свое домашнее задание, ему полагалась порка...

— *Вы отводите роль козла отпущения?*

— Да. МВФ находится в положении мальчика для битья. Обсуждая проблему наказания мальчика для битья, мы должны разобраться, действительно ли принц Уэльский не выполнил свое домашнее задание. Что произошло в 1990 и 1991 гг. в Советском Союзе и Восточной Европе? Распалась огромная, мощная империя, оставив после себя хаос, анархию. Существовавшие институты перестали функционировать, а новые институты не могли появиться на следующее утро. У нас в Советском Союзе разразился суровый кризис, поскольку прежний режим и прежняя система рухнули, а новые еще не действовали. Возникли новые государства, некоторые из них, как в Югославии, начали свое существование с войны. К счастью, мы в Советском Союзе избежали подобного развития событий. Это было время колоссальных изменений, оказавших влияние на судьбы всего мира. Советской Союз эпохи Брежнева был более предсказуем и менее опасен. Но как ответил Запад на новые вызовы? В Соединенных Штатах администрацию Буша ожидали президентские выборы, оппозиция в Сенате и Конгрессе. Германия увязла в проблемах объединения. Япония не могла иметь роль лидера, которую играла в предшествующие годы. Британия нас поддержала, но она была экономически слаба.

Дискуссий было много, но каждый из участников имел свои трудности. Разумеется, у нас есть Международный валютный фонд, вот пусть он разрешает возникшие проблемы. Представим себе на минутку, что фонду поручено восстановление Европы после Второй мировой войны. МВФ — неплохая организация, но она была создана для преодоления валютных кризисов, а позднее взялась за раздувание бюджетных кризисов. У нее нет отработанной системы принятия решений и процедур, нет людских ресурсов, чтобы иметь дело с такими колоссальными проблемами. Для этого нужно скорее политическое лидерство, нежели технический опыт. И теперь многие удивляются: почему фонд не сумел подняться до уровня проблемы? История с мальчиком для битья не завершена...

— *Ваши друзья в фонде, наверное, очень удивились бы, узнав о таких Ваших взглядах...*

— Да. Мне довелось встретиться с друзьями из фонда. Мне было жаль некоторых из них — они так старались, они должны были отвечать на вопросы, которые выходили за пределы их компетенции.

— *Начиная свои реформы в январе 1992 г., Вы ожидали от Запада более существенной помощи, чем та, о которой вели тогда переговоры?*

— Прежде всего мы не потому начинали реформы, что нам кто-то обещал поддержку. Мы начали этот процесс, потому что в той конкретной ситуации абсолютно не существовало иного выхода. Если Вы примете во внимание, как действительно работала социалистическая система, в каком действительно положении она оказалась в 1991 г., как повлиял августовский путч на повседневное действие экономического механизма, — вот тогда давайте и обсудим, был ли у нас выбор альтернативных стратегий. В моей книге «Дни поражений и побед» (1997 г.) говорится о практических ограничениях, о реальных факторах, влиявших на принятие решений, и представлен узкий коридор возможных вариантов. Вы можете затратить много денег и проиграть стратегически. Вы можете располагать меньшим количеством денег и прийти к лучшему результату. Проблема состояла в том, что мы не располагали тогда ясной либерализационной стратегией, которая могла бы определить в те дни контуры нашей политики.

— *Что Вы сделали бы по-другому, если бы представился еще один шанс?*

— Это зависит от того, был бы я назначен царем России или же исполняющим обязанности премьер-министра ельцинского правительства со всем тем давлением, которое на него оказывалось, с образованием Содружества Независимых Государств, с существовавшим государственным механизмом, с Верховным Советом (парламентом), избранным еще при коммунизме, и с практическим отсутствием четкого разделения властей. Если бы я стал царем России, я все делал бы по-иному. Вместе с тем, если бы я был и. о. премьер-министра, я по-другому решил бы некоторые технические вопросы. Но если иметь в виду более широкий аспект, то я действовал бы примерно так же, как действовал тогда, но с большей уверенностью проводил бы правильные меры и с меньшей готовностью шел на компромиссы, поскольку знаю, сколь высокую цену за компромиссы придется платить в дальнейшем.

— *Каким Вы представляете себе кабинет Путина как президента?*

— Не знаю и, честно говоря, думаю, что никто этого не знает. Сомневаюсь, что и г-н Путин знает состав своего будущего кабинета. Я знаю, каковы приоритеты экономической политики и какие ее направления имеют шансы на успех. Я знаком с законодательством, которое, видимо, будет поддержано новым правительством, поскольку знаю несколько его членов. Надеюсь, это будет правительство, которое поведет экономику в правильном направлении.

— *Что Вы скажете о роли олигархов в формировании правительства?*

— Я вижу много трудностей, с которыми встретится путинское президентство, есть много непредсказуемого. У него нет хорошего послужного списка на поле демократических свобод. Он еще должен будет доказать свою истинную приверженность демократии. Надеюсь, что он будет достаточно умен, чтобы понимать, что демократия в России — это недавнее достижение и что ее выращивание стратегически важно для страны. Влияние олигархов на Путина — предмет досужих разговоров. Однако я сомневаюсь, что это влияние так уж велико. Мне трудно представить себе, почему, в отличие от Ельцина, Путин нуждается в олигархах.

— *Как Вы оцениваете ельцинское наследие?*

— Безусловно, Ельцин — историческая фигура в российской политической жизни этого столетия. Он был первым всенародно избранным президентом Российского государства за его более

чем тысячелетнюю историю. У него были все возможности, сидя в Кремле, использовать свой авторитет и действовать как авторитет. Вместо этого он начал строить молодую демократию. Вот это и есть его самое важное политическое наследие.

— *Признаете ли Вы определенную роль Михаила Горбачева в инициировании демократических свобод в России?*

— Безусловно, это он инициировал развитие демократических свобод в России. Он тоже историческая фигура, но он развязал процесс, которого сам не сумел понять. Он быстро потерял управление и привел Советский Союз и Россию к полной анархии. Я не узнал свою страну в декабре 1991 г. Я знаю Россию. Сейчас у российского общества и российской экономики много проблем, но Россия — функционирующая рыночная экономика и функционирующая демократия. И к этому ее привел Ельцин, а не Горбачев.

— *Наконец, каким Вы видите будущее России?*

— Я хотел бы жить в Европе, не покидая собственную страну и говоря по-русски.

— *Красиво сказано. Но давайте перейдем к вопросам собравшихся.*

— *Что побуждает Россию идти на союз с Белоруссией, намного более слабой экономически?*

— Возможно Вы знаете, что как «Союз правых сил» в ходе декабрьских выборов мы возражали против существующей схемы объединения с Белоруссией. Мы убеждены, что в условиях молодой демократии сохранение Конституции чрезвычайно важно. Любое объединение с Белоруссией делает и без того сложную российскую Конституцию более сложной и неизбежно усилит политическое напряжение внутри России. Если Вы серьезно говорите о союзе с Белоруссией, то должны понимать, какого типа режим должен существовать в этой стране. Мы имеем Александра Лукашенко, который сам себя назначил президентом страны еще на один срок. Мы имеем единственный в Европе парламент, который не избран народом, а назначен Александром Лукашенко. Если мы продвинемся дальше с этим союзом, то неизбежно через год или два, или пять лет белорусский народ спросит нас: «С кем вы вступили в союз?». Это очень плохая идея для России. Разумеется, я понимаю политические мотивы тех, кто не готов противостоять этому союзу, потому что белорусский и русский народы близки. Большинство белорусов

говорят по-русски, но пропаганда идеи союза славянских сил политически небезупречна. Нам надо объяснять российскому народу истинную ситуацию.

— *Если обратиться к истории, существовала ли политическая оппозиция Вашим реформам со стороны регионов или Думы?*

— Реформы породили множество проблем. Возьмите освобождение цен на нефть. Оппозиция в Верховном Совете провела весной 1992 г. специальный закон, запретивший правительству дерегулирование нефтяных цен. Это решение парламента было горячо поддержано регионами. Самая серьезная проблема в первые дни реформ состояла в том, что у нас не было Российского государства и не было российской Конституции. Действовавшая Конституция не могла дать ответы на элементарные вопросы: кто за что отвечает? чьи решения имеют приоритет? В этой путанице — истинная причина слабости политической практики в период 1991–1993 гг.

— *Полагаете ли Вы сейчас, по прошествии некоторого времени, что в обществе так уж сильна экономическая заинтересованность в свободном рынке, которая позволила бы Вам жить в той России, которую Вы выбрали?*

— Какие экономические интересы в России решительно поддерживают ту Россию, в которой я хотел бы жить? Мы можем узнать о поддержке населения по результатам социологических опросов. Молодежь в возрасте до 30 лет, хорошо образованная и живущая в больших городах, составляет ядро электората «Союза правых сил». Но развитие российского общества вынесет на передовую линию именно тех, кто сегодня молод, не связан с социалистическим прошлым, для кого открыты мировая экономика и социальные связи. Так что мы имеем неплохие шансы.

— *Какова реакция простых людей в России на путинские решения, гарантировавшие Ельцину и его семье полный иммунитет и все соответствующие привилегии?*

— Скажу откровенно, это было правильное решение и оно вызвало нормальную реакцию в российском народе. Разумное, прагматичное решение. Следует помнить, что у нас очень молодая демократия, мы не имеем 200-летнего демократического опыта. Ельцин был первым демократически избранным президентом, и Путин унаследовал колоссальную власть, дарованную российской Конституцией. Президент добровольно ушел от власти, и если не дать ему

и его семье иммунитет от возможного преследования со стороны преемника, то это увело бы Россию от демократии на ближайшие годы. В конкретной ситуации, сложившейся в России, принятие иных моделей было бы ошибкой. Я думаю, это было верное решение.

— *Каковы шансы на продолжение реформ, если, как Вы утверждаете, население России устало от реформ и потому хочет сильного руководителя, способного взять ситуацию под контроль?*

— Население России действительно устало, но не от реформ как таковых. Все-таки слово «реформа» не стало в России отрицательным. Странно, но, чтобы сделать слова «реформы» и «демократия» ругательными, потребовались бы очень большие усилия. Вы не найдете ни одной партии, которая сказала бы, что она против демократии и что она стремится восстановить тоталитарный строй. Люди просто измотаны радикальными изменениями в их повседневной жизни. Они устали от большого государства. Таковы неизбежные издержки революции. Если правительство достаточно сильно и эффективно, если оно готово вводить такие изменения, которые не влияют на повседневную жизнь людей, например аграрное законодательство, разрешающее им иметь собственные участки земли, создающее условия для дальнейшего распределения земель, или законодательство, позволяющее предприятиям привлекать инвестиции, все это не будет порождать социальные коллизии. Это отличается от реформ начала 90-х, которые катастрофически меняли каждодневную жизнь простых россиян.

— *В Вашей книге Вы проводите различие между коммунистическими партиями Восточной Европы и России, утверждая, что последняя была имперской партией, а остальные управлялись по демократическим правилам (по-существу, являются социал-демократическими?). Как отражается это различие на сегодняшней партийной жизни в России?*

— Бывшая коммунистическая партия Польши стала в значительной степени нормальной социал-демократической партией, тогда как посткоммунистическая партия России с ее антисемитскими лозунгами — это некое ответвление национал-социализма, что понятно: Польская коммунистическая партия никогда не управляла Польшей. Она была подразделением Коммунистической партии Советского Союза. В той же ситуации находились ком-

мунистические партии Болгарии и Венгрии. После краха тоталитарного режима, после обретения этими странами независимости радикальный национализм им не понадобился. Им некуда было больше идти, кроме направления социал-демократии. В России, даже в советское время, Коммунистическая партия Советского Союза, по существу, не была марксистской — это была имперская партия. И с самого ее создания идеология Коммунистической партии Российской Федерации является авторитарной и националистической. Если Вы почитаете писания господина Зюганова, лидера коммунистов, то не найдете там ничего марксистского. Там есть много того, что напоминает писания Гитлера. Это характерно для него. Конечно, некоторые члены КПРФ являются приверженцами марксизма и ленинизма. Есть такие, которые в принципе являются социал-демократами, но большинство их последователей — это люди с крайне националистическими воззрениями. Вот в чем их опасность. Если они сейчас несколько менее опасны, то это не потому, что они изменились, но потому, что сейчас они не в силах захватить власть, — это очевидно. Мы наблюдаем политические изменения переходного периода в постсоциалистических странах. Обычно после первых выборов, в следующих, побеждают посткоммунистические партии. Повсюду постсоциалистический переход происходит с трудностями, вызывает социальные напряжения. И повсюду люди начинают поддерживать выходцев из прежних режимов. Выборы выдвигают вперед людей типа Александра Квасневского в Польше, и... ничего не происходит. Было очевидно, что нечто подобное могло случиться и в России. Однако в России вперед вышел бы не Квасневский, а Зюганов и Альберт Макашев. Самым опасным моментом переходного периода в России были президентские выборы 1996 г. Теперь каждому ясно: коммунисты никогда не придут к власти в России. Они могут участвовать во власти, действовать за кулисами власти, иметь большую фракцию в Думе, несколько губернаторов в регионах. Но они никогда больше не будут править Россией.

— *Какая основная опасность угрожает молодой российской демократии?*

— Главный источник опасности состоит в том факте, что это именно молодая русская демократия. Она не поддерживается традициями. Она нуждается во времени и в способности накапливать

традиции. Нужна уверенность народа в том, что следующий президент не вздумает ликвидировать свободу слова и не скажет соотечественникам, что хочет управлять Россией самостоятельно, отбросив к черту всякие свободные выборы. Сейчас население России в целом настроено на защиту демократических свобод. Вы можете найти в России много людей, которые недовольны демократией и положительно ответят Вам на вопрос, не будет ли государство более эффективным, если ограничить демократические свободы. Это не большинство, но существенное меньшинство. Но если Вы тем же людям зададите конкретные вопросы о восстановлении цензуры или об отмене свободных выборов, они ответят отрицательно. Это показывает, что демократические свободы и институты еще очень молоды и их уважают, но требуется время, чтобы они утвердились окончательно.

— *Вы объясняли перелом в отношении русских к чеченской войне, в частности, стремлением защитить граждан России в Дагестане и оградить российских граждан от агрессивных нападений в будущем. Я не очень верил тому, что Вы поддерживаете такую позицию. Каково Ваше отношение к российской политике в этом вопросе?*

— В целом, я полагаю, российское правительство делает то, что и должно делать. Да. Это неприятно. Любая война опасна и отвратительна в глазах общества. Эта война опасна и пагубна для России, поскольку подрывает демократические свободы, но я не вижу иного выбора для российского правительства. Может быть, если бы я возглавлял правительство, то решал бы какие-то конкретные тактические вопросы по-иному. Но я не хотел бы обсуждать их в американской аудитории. В 1994–96 гг. мне было совершенно ясно: если бы я тогда возглавлял правительство, я остановил бы военные действия и начал переговоры, но сейчас моя позиция изменилась. Я не отдал бы приказа войскам прекратить огонь.

— *Я англичанин, мы фактически утратили свою империю. Признает ли средний российский гражданин, человек с улицы, тот факт, что Россия стала второразрядной державой?*

— Мы движемся в правильном направлении. Я использую примеры Британской и Французской империй, объясняя нашим людям, что мы не первые проходим этот процесс. У нас проблема имеет многогранный характер. Вы знаете, что жителям Британии нелегко было примириться с потерей империи. Но сочетание по-

тери империи с коллапсом всех прежних институтов и государственных структур, с радикальными изменениями всей социальной и экономической жизни делает ситуацию особенно сложной и опасной.

— *Ожидаете ли Вы, что Россия в результате текущих событий в Чечне усилит свое влияние в бывших советских республиках на Кавказе и в Центральной Азии?*

— Разумеется, нет. Ни в коем случае, это не в наших национальных интересах. К сожалению, Чечня входит в состав России и не является одной из бывших советских республик вне пределов России. В ином случае мы решили бы эту проблему в 1991 г., когда распустили Советский Союз. Мы крайне заинтересованы в стабильности кавказских и среднеазиатских республик. Мы не волновались бы о Балканах, поскольку они далеки от сферы наших национальных интересов. Однако кавказские и среднеазиатские республики входят в сферу российских национальных интересов. Это не означает ни в коем случае, что Россия заинтересована в восстановлении имперского контроля над этими республиками. Это было бы неразумным движением в ошибочном направлении.

— *Прошло почти восемь лет с того времени, когда в России стартовала приватизация. Как Вы ее оцениваете? Что было сделано хорошо? Что плохо? Что Вы сделали бы в приватизации по-иному?*

— Мой ответ был бы тем же, если бы мне пришлось заниматься этим вопросом, будучи царем или же премьер-министром, обязанным подчиняться действующему законодательству, Верховному Совету, иметь дело с рядом проблем, возникших на старте. Я не видел ни одной постсоциалистической страны, где люди были бы довольны приватизацией. Я знаю страны, где приватизация была проведена лучше, чем в других. Например, я говорил на встрече в Сиэттле, что если бы я был в России царем, то постарался бы провести приватизацию примерно так, как ее осуществили наши венгерские друзья. По-моему, они сделали это хорошо. Но венгры со мной не согласились бы, поскольку они полагают, что их приватизация была совсем не так хороша. Когда я говорил об этом в Сиэттле, венгерский профессор сказал: конечно, они не согласятся, это была ужасная приватизация, потому что 80% активов перешли в иностранные руки. Словом, я не знаю безукоризненного способа

приватизации после краха социализма. И русский подход к приватизации тоже не был безупречен.

Но в вопросе приватизации приходится искать возможные и наименее опасные пути, а не лучший путь. Например, не все знают, что приватизационное законодательство было выработано за три месяца до того, как мы приступили к работе в правительстве. Не все знают, что так называемый второй вариант приватизации, по которому были приватизированы 80% российских предприятий, был выработан коммунистической фракцией Верховного Совета весной 1992 г. Так что существовало множество компромиссов, которые лично я бы не принимал, если бы у меня был выбор. Если Вы имеете в виду весьма интересные, но разные и сложные способы приватизации, применявшиеся на более позднем этапе, в том числе так называемые залоговые аукционы, то должен Вам доложить, что я покинул правительство задолго до них. Но если Вы говорите о массовой приватизации 1992–1994 гг., то тогда выбор был такой: либо ускорить, учитывая неблагоприятные законодательные условия, либо просто остановить ее. Таков был стратегический выбор. Я был за то, чтобы идти вперед как можно быстрее, даже несмотря на плохие законы, поскольку после краха социализма лучше было иметь собственность распределенной и права собственности — предметом торговли, чем сохранять хаос в отношениях собственности, оставшийся от социализма. Это был эмпирический вопрос, на который нельзя найти ответа, опираясь на теоретическую перспективу. Поэтому, когда я хочу понять, прав я или нет, я сравниваю гражданские секторы экономики, которые были приватизированы, с теми, которые приватизированы не были. Бессмысленно сравнивать приватизированную часть российской экономики с американской, правильнее было бы сравнивать ее с неприватизированным сектором российской экономики.

Итак, возьмем два сектора, начав с розничной торговли. У нас были две системы розничной торговли: государственная в больших городах и потребительская кооперация которая называлась, по разным историческим причинам по-разному. Эта обширная система занималась розничной торговлей в малых городах и на селе. Обратите внимание: в Москве и Санкт-Петербурге товары приличного качества и обслуживание удовлетворительное. Что же каса-

ется кооперативов, то они в большинстве своем исчезли. Система просто рухнула, развалилась, потому что не была приватизирована.

Возьмите другой сектор — рестораны, систему общественного питания, которые тоже были приватизированы. Вы увидите их бурное развитие. Контраст с гостиничной отраслью бросается в глаза. Кроме немногих пятизвездочных, роскошных отелей, гостиницы были оставлены в собственности городских администраций. Гостиничная отрасль — одна из наименее эффективных отраслей России.

Возьмем еще одну отрасль — нефтяную промышленность. Приватизация российских нефтяных компаний породила ряд сложных проблем. Лучшая российская нефтяная компания Сургутнефтегаз — рыночно ориентированная, эффективно управляемая компания, платит все налоги. Худшая компания Роснефть — это последняя крупная неприватизированная государственная нефтяная компания. Так что о результатах надо судить на практической основе, а не исходя из теоретической перспективы. Решение проводить приватизацию, пусть неэффективную, пусть даже при плохих законах, было правильным.

— Как Вы оцениваете отношения России с балтийскими странами?

— В целом в России не обижаются на страны Балтии за то, что они порвали с Россией. Россия признала, что все бывшие советские республики должны покинуть Советский Союз. Проблема в прибалтийских странах состоит в меньшинствах, особенно в русскоговорящих меньшинствах. Разумеется, это не только русские, но и украинцы, белорусы, евреи — одним словом, все, кто не говорит по-эстонски, по-латышски, по-литовски. С Литвой проблемы не возникли, потому что там были приняты законы о защите прав национальных меньшинств. Напротив, Эстония и Латвия стали источником напряжений и разочарования в российском обществе. Я очень хорошо помню, как эти страны получили независимость, и наши прямые разговоры с их лидерами, их заверения, что права неграждан России будут полностью защищены. Это обещание не было выполнено. Некоторый прогресс наблюдается в Эстонии, менее заметен он в Латвии. Я действительно думаю, что, чем раньше эти независимые страны поймут, что защита прав меньшинств более важна для эффективности и стабильности

их демократий, нежели для российской демократии, тем лучше будет для них самих.

— Мне понравилось Ваше высказывание о желании жить в Европе, не покидая родной страны и говоря по-русски. Это новое определение — европейское по содержанию и российское по форме. В то же время Вы говорили, что Россия не должна имитировать или заимствовать иностранные модели. Как видите Вы российский капитализм или демократию отличающимися от американских или европейских моделей?

— Российская модель должна быть особой, поскольку Россия имеет иную историю, иные проблемы и совершенно иные традиции. Америка имела некоторые черты гражданского общества раньше, чем обрела независимость. Она развивалась в условиях мощных традиций соблюдения контрактов, верховенства закона, защиты прав собственности, демократических процедур. Если кто-то захочет заимствовать американскую Конституцию и американские законы от А до Я, он потерпит неудачу. Американская модель действует в Америке в силу ее истории. У нас другая история, вероятно затрудняющая создание рыночной экономики и действующей демократии. Мы должны учитывать нашу историю и наши проблемы и не переоценивать некоторые аспекты, способные эффективно функционировать в других обществах, имеющих более благоприятную историю.

Например, у нас неэффективная и коррумпированная бюрократия. Даже при наилучших желаниях и усилиях российского правительства решение этой проблемы потребует времени. Не думайте, что если законы изменятся, то новый порядок будет введен замечательными государственными служащими, озабоченными исключительно интересами государства. Тем не менее я убежден, что европейский набор либеральных идей и принципов экономической политики абсолютно необходим для России. Говорю так не потому, что я либерал по убеждениям, но потому, что уверен в их применимости в российских условиях.

Кто выиграл от реформ в России

Публицистический цикл бесед предпринимателя Александра Паникина¹ продолжен разговором с Егором Гайдаром — «прародителем», идеологом и практиком либеральных реформ в России. Редко, когда разговор о произошедшем за последнее десятилетие в стране принимает столь глубокие и острые формы, как в этой беседе. Так случается, если встречаются два независимых человека, которым не нужно вкладывать в сказанное некий второй смысл. Главная задача — определить истину.

— Егор Тимурович, в беседе с Вами мне хотелось бы подвести некоторые итоги ельцинской эпохи — целого десятилетия либеральных реформ в России. В начале 90-х Вы принимали решения, которые привели к радикальным переменам в экономике и во многом определили сегодняшнее состояние общества. Страна вошла в открытый мир, многие граждане избавились от иждивенческого сознания, появились свободные, неноменклатурные предприниматели. Но экономика в целом не выдержала испытания открытой конкуренцией — промышленное производство сократилось, сельское хозяйство в глубоком кризисе, зато всевозможные финансовые спекуляции достигли небывалых масштабов. Конечно, нельзя построить новое, не разрушив старое, и ближайшее будущее даст ответ — были ли столь колоссальные потрясения необходимы для возрождения или, наоборот, безвозвратно подорвали наш потенциал. Если страна выйдет из этих испытаний обновленной и найдет свой путь развития, то это время будет вписано золотыми буквами в нашу историю. А если Россия потеряет себя, то на реформаторов ляжет вся ответственность за национальную катастрофу.

— Сразу хочу сказать, что я разделяю Ваши взгляды и оценки прошедшего этапа. А что касается результатов проводимых ре-

форм — у меня есть свое видение того, что произошло в России и Советском Союзе за последние 10–15 лет. На мой взгляд, это первая великая революция зрелой индустриальной и постиндустриальной эпохи. Причем когда я говорю о великой революции, то говорю как человек, который рутинно этим занимался, и ничего романтического в это слово не вкладываю. Такие периоды всегда рассматриваются как страшные бедствия для стран, их переживающих, — периоды опасные, очень болезненные, с огромными издержками. Революция — свидетельство того, что старая система институтов оказалась недостаточно гибкой, а старые лидеры недостаточно грамотными для того, чтобы без потрясений добиться решения проблем, стоящих перед страной. Такие быстрые перемены всегда сопровождаются десоциализацией и предельной слабостью государственной власти. Отличительная черта нашей революции от других известных миру — уровень насилия был ограниченным. Насильственные меры на национальной периферии, особенно в Чечне, не столь велики, хотя и значительны. В общем же насилия было гораздо меньше, чем во времена великих революций Нового времени: Французской, Английской, Первой русской. Хотя у нас полностью поменялись идеология, все общественные институты, установки и нормы поведения.

— Не вижу оснований все произошедшее за последние 10 лет определять как революцию, тем более великую, потому что революция — это смертельная схватка общества с властью и происходит она тогда, когда общество осознает — во главе с такими «рулевыми» неизбежна гибель. Итогом революции всегда является кардинальная смена власти. Ничего подобного у нас не произошло — в России правит та же бюрократическая элита, которая довела до ручки СССР. Именно поэтому смена институтов, идеологии, норм поведения, которую Вы рассматриваете в качестве доказательства революционных преобразований, ничего позитивного России не дала. Конечно, часть общества приспособилась и даже выиграла, но народ в своей массе от такой «революции» изрядно пострадал. А главное — эти реформы никак не изменили власть, которая осталась такой же неэффективной. Все созданные в России демократические институты — выборы, президентство, парламент, свобода слова, рынок — это в чистом виде попытка номенклатуры (начатая Горбачевым

Опубликовано в: Панинтер. 2000. № 6. Июнь.

¹ Александр Степанович Паникин (1950–2002) — известный российский предприниматель, создавший с нуля крупный текстильный концерн «Панинтер», публицист, автор нескольких книг. — Прим. ред.

и продолженная Ельциным) реформировать управление страной с целью самосохранения.

— Я бы так не сказал.

— *Но ведь очевидно, что, реализовав свои идеи, Вы сотворили экономическое чудо для бюрократии и продлили ее золотой век. И теперь она обладает не только властью, но и богатством.*

— На самом деле наша великая революция — это глубокие реформы, только в условиях крайней общественной дезорганизации и предельной слабости государственной власти. Общество, которое мы имеем сегодня, и общество, которое было 10 лет назад, — два принципиально разных общества.

— *Но не власть!*

— Те же самые люди, бывшие ранее первыми или вторыми секретарями обкомов, сидят сегодня в тех же самых кабинетах и называются уже главами администраций — это правда. Но так часто бывает в условиях революций.

— *Никогда! В результате революции правящая элита выметается полностью. Если этого не произошло, то, значит, и революции никакой не было.*

— Но тем не менее общество-то радикально изменилось...

— *...и прошло курс молодого политического бойца. Это так.*

— Минувшее десятилетие было болезненным, но зато страна резко повысила способность к адаптации. Проведены рыночные реформы, созданы демократические институты, связанные со свободой слова, гражданскими свободами. Это то, чего не существовало 10 лет назад.

— *Конечно, очень радостно, что такие блага демократии теперь имеют место в России. Только вот их использование принесло уж очень разный результат — номенклатура феноменально обогатилась, народ же в целом обнищал.*

— Я не согласен, потому что это поверхностно. Безусловно, бюрократия и олигархи лучше приспособились к радикально изменившимся обстоятельствам...

— *...и на порядок улучшили свое существование за счет подавляющего большинства населения.*

— Это интересное наблюдение, но не самое важное.

— *Что же тогда важно? Какие же другие социальные группы от Вашей великой революции выиграли? Естественно, что в результате*

перемен положение кого-то должно ухудшиться, а кого-то — улучшиться. Но разница в уровне жизни не может быть столь колоссальной, как и соотношение граждан страны, разделенных социальной пропастью. А демократия, как я понимаю, должна помочь эту пропасть засыпать. Иначе, зачем нужны такие изменения.

— Нет, тут я не согласен с Вами. Важнее то, какие характеристики получает общество после революции. Какая нам, в конце концов, разница, кто выиграл, а кто проиграл, скажем, от Английской революции XVII в., какие конкретные социальные слои? Главное — Англия получила набор институтов, гарантирующих надежные права граждан: защиту от инквизиции, возможность сатисфакции. Страна тем самым заложила правовую базу своего развития — вот фундаментальное значение Английской революции.

— *Извините, то, что получило английское общество, явилось следствием прихода во власть окрепшей буржуазии, а не самосовершенствования правившей до того аристократии. Если бы по итогам Английской революции были созданы институты гражданского общества, а во власть не попала экономическая элита (которой они и были нужны), ничего позитивного для развития английского общества эти реформы не дали бы. Правовая основа советского государства была очень демократична, а сталинская Конституция — образец документа, обеспечивающего защиту прав человека. Но все это не работало, потому что власть была в руках номенклатуры и она не давала никому пользоваться провозглашенными правами. Так же сейчас обстоят дела и у нас — демократические институты появились, но власть осталась в руках бюрократии и созданной ею же олигархии. Поэтому нынешняя система управления обществом совершенно неэффективна, а страна в целом проиграла абсолютно. Годовой бюджет России около 30 млрд долл. — это меньше, чем бюджет Нью-Йорка! А внутренний валовой продукт сократился на порядок и только в 2 раза превышает такой же показатель Таиланда.*

— Тот механизм управления, который был сформирован в Советском Союзе после Первой русской революции, был уникальным в мировой истории и обладал двумя фундаментальными качествами. Первое: он очень хорошо был приспособлен к решению задач «догоняющей» индустриализации в относительно отсталой стране с сильными государственными тенденциями. Второе: он в принципе не мог приспособливаться к радикально меняющемуся миру.

Это был такой замечательный «ящик чудес», созданный для периода угля и стали.

— Этот «ящик чудес» был приспособлен для определенного этапа развития общества и доказал свою эффективность — страна всего за 10 лет провела индустриализацию и вышла на лидирующие позиции в мире по многим показателям. В 20-е годы советские экономисты создали новую технологию управления экономикой, основанную на новых идеях — расчет оборота ресурсов и их баланса. Был создан и новый орган управления — Госплан. Русский экономист Василий Леонтьев, оставшийся в конце 20-х годов на Западе, продолжил разработку этих экономических идей. В настоящее время во всех развитых странах тщательно просчитывается оборот ресурсов и под разными вывесками созданы аналоги Госплана. Наши идеи помогли западному обществу эффективно развиваться. А что же теперь получила Россия в результате реформ?

— Важнейший инструмент — работающая система рынков, включившая Россию в мировую систему рыночного хозяйства. По сути, это самый главный, самый серьезный из всех существующих инструментов адаптации. У нас полный набор этих инструментов, от банков до института прав собственности. Вся система рыночных механизмов, которая ранее не существовала и которая на самом деле является итогом сложной эволюции, постепенного вызревания в средневековом европейском обществе, с огромным трудом за исторически безумно короткий период оказалась созданной в России. А в Советском Союзе рыночные механизмы были уничтожены полностью.

— Ну, не пугайте нас так. Рынок существует в любой экономике, в которой происходит товарообмен. Так что рынок был, кроме разве периода военного коммунизма. Речь должна идти не о рынке, а о системе управления им, которая может быть эффективной или нет. Советская экономика была неэффективной, потому что все технологии управления рынком были директивными. Реформы Косыгина в 60-е годы — это попытка модернизации экономики в рамках существующей системы. Но бюрократия не могла допустить никаких изменений, и Советский Союз погиб, потому что эта раковая опухоль поразила весь организм.

В результате либеральных реформ директивное управление было устранено, но толку от этого оказалось мало, потому что бюрократия

неспособна этими рыночными регуляторами должным образом пользоваться. А ведь эти регуляторы работают не сами по себе, как утверждают либеральные экономисты, а лишь в руках тех, кто умеет ими пользоваться. Поэтому механизмы управления, которые Вы создали, оказались бессмысленными и работают вхолостую.

Ваш коллега, кажется П.Авен, признал, что олигархами назначала власть, а ведь в этом и состоит смысл их системы управления — в назначении всех и вся. Бюрократы по-прежнему сами назначают собственников и сами лишают такого положения — у них для этого очень-очень много рычагов. Ну и какой смысл в рыночном регулировании, если оно не обеспечивает выполнение своей первичной функции — отбор субъектов экономики, способных работать эффективно. А ведь только за счет этого умения обеспечивается улучшение экономической ситуации в целом. Сегодня же те, кто способен умножать ресурсы, а не проесть их, загнаны в тень.

— Рынок — это система институтов, норм поведения, установленных и способов организации экономической жизни, позволяющая добиваться автоматического перераспределения ресурсов и при необходимости быстро менять структуру производства в зависимости...

— Перераспределять, менять... А зачем? Все это делал Госплан по заказу власти, а по чьему заказу это делает российский рынок? Общество хотя и социальный, но вполне разумный субъект и потому должно иметь цели своего развития и уметь управлять своим хозяйством, иначе обязательно разорится. Если шофер перестает рулить, дело кончится аварией, сколько бы автоматических регуляторов в его автомобиле ни стояло. Рыночное регулирование способно только привести экономику в равновесие. Власть ставит перед обществом определенные цели и выделяет на их достижение ресурсы — баланс изменяется, экономика выводится из состояния покоя. Начинается движение в сторону развития или деградации, это зависит от целей. У номенклатуры же цель одна — увеличивать собственное содержание, и, следовательно, движение всегда будет направлено в сторону деградации. И когда наша власть куражится и взахлеб рассказывает о своих достижениях, надо понимать — на все эти достижения можно потратить в десятки раз меньше ресурсов.

Наше жалкое существование является следствием того, что общество разрознено и не знает, куда идти. Но ждать, что цели, спо-

собные объединить страну, определит рынок, по меньшей мере наивно. Вы же утверждаете, что рынок — самое главное и, несмотря на периодические кризисы, потом все перестроится и страна достигнет процветания.

— А Вы посмотрите, как отреагировала экономика, скажем, на кризис 98-го года. Она отреагировала очень серьезными структурными изменениями.

— *Серьезных я не замечал.*

— Вы хотите сказать, что, после того как в 98-м году произошла девальвация, Вы не заметили изменений в составе потребления, изменений в системе спроса и предложения?!

— *Спрос и предложение могут опять измениться. Главное — не произошла перестройка, которая предполагает, что неэффективное должно быстро отмирать, а на его место...*

— Структурная перестройка никому и ничего не должна. А вот заметные и быстрые изменения произошли. Даже если бы мы не имели статистики совсем, то и тогда это можно увидеть в жизни, но я вижу изменения и в статистике, и в жизни.

— *Проиллюстрируйте, пожалуйста, на примере.*

— *Пожалуйста. Заметное увеличение доли отечественных товаров на рынке. Заметное увеличение производства в целом ряде отраслей народного хозяйства.*

— *Разумеется, если доллар подорожал в 4 раза.*

— Вот совершенно ничего и не разумеется, потому что если бы экономика была столь неэффективна, как многие полагали, и столь неадаптивна, то результатом девальвации было бы появление многочисленных пустых ниш на рынке.

— *До 92-го года полки были пустыми, потому что ресурсы расходовались на содержание империи. И тогда полки наполнились не потому, что произошли какие-то структурные изменения в экономике. Просто страна с Вашей помощью стала тратить имевшиеся у нее средства в первую очередь на еду и ширпотреб.*

В 98-м году общество в очередной раз обеднело и было вынуждено перейти с импортных на менее качественные отечественные товары. Ну и в чем полезный эффект от таких изменений? Разве производители некачественных товаров стали лучше работать? Они лишь получили возможность дальше существовать и даже иметь большие доходы.

Я могу Вам сказать, что произошло в реальной экономике после того, как случилась девальвация рубля, потому что сам занимаюсь производством. Многие предприятия для выпуска своей продукции использовали импортное сырье. Привозили из-за границы, потому что в стране нет материалов нужного качества. Что же произошло после девальвации? К примеру, у меня в себестоимости продукции 50% — импорт. Чтобы сохранить свою норму прибыли, я должен был в 2 раза поднять цены или перейти на некачественное российское сырье. Но я не сделал ни того, ни другого. Сохраняя марку фирмы, я продолжал закупать импортные пряжу, красители, фурнитуру, при этом почти не поднимая цен. И потерял прибыль — значит, полтора года вообще не развивался. А если говорить в общем, из-за отсутствия нормальной конкуренции качество российской продукции отнюдь не улучшается. Спустя два года мы приходим к тому, от чего, казалось, ушли, — люди опять начинают покупать заграничное и импорт растет.

— У Вас очень высокие представления о том, что и как обязано быть. Нет, я согласен, что если бы все так было, как Вы говорите, то было бы совершенно чудесно.

— *Но хотя бы стремиться к этому мы должны. Ведь неэффективные управленцы не ушли.*

— Конечно, не ушли.

— *Значит, дефолт 98-го года просто обеспечил им более легкий доступ к ресурсам и тем самым дал возможность поддерживать на плаву свои предприятия. А правительство с помощью девальвации, как загонщик, погнало в их руки потребителей. Вам нравится такой результат дефолта?*

— Нет, конечно.

— *Так что же Вы тогда воспеваете девальвацию? Закон сохранения вещества вполне универсален. Поэтому если в результате девальвации кто-то потерял, то кто-то приобрел — не в космос же улетучился изрядный кусок уровня жизни. Власть смогла решить бюджетные проблемы, олигархи увеличили свои доходы, номенклатурные предприниматели стали получать прибыль, и только народ опять сильно обеднел. Сейчас все макроэкономические показатели в полном ажуре: бюджет бездефицитен, золотовалютные запасы растут, увеличивается. Но все эти показатели никак не годятся для оценки качества управления страной. Эффективность власти должна опре-*

деляться по другим критериям: средняя продолжительность жизни, соотношение доходов между бедными и богатыми, размер пенсий, доля российской готовой продукции в мировой экономике. А вот эти цифры — вопиют!

— С Вашей точки зрения, рынок должен стать в следующую позицию: девальвация должна была принести всеобщую окончательную победу, счастье и здоровье всему обществу.

— Девальвация по своей природе никому неспособна приносить счастья, кроме как валютным спекулянтам, которые на ней наживаются. Государство пошло на девальвацию не от хорошей жизни, и как следствие изменились условия экономической деятельности — они оказались более благоприятными для развития экспорта и сделали импорт невыгодным. Но весь эффект от девальвации достался сырьевым олигархам, а общество получило продление агонии неэффективной экономики. Это по факту!

— А по факту надо абстрагироваться от идеального общества, где прекрасно работают рынки, где ресурсы свободно перетекают от тех, кто ими не умеет управлять, к тем, кто умеет. Забудем — нам этого никто не обещал. Вернемся в нашу страну, а наша история (прошлая и настоящая) не говорила и не говорит нам, что мы имеем право на это претендовать. Я всю жизнь боролся за то, чтобы было так, как Вы говорите. Но этого нельзя достигнуть сразу. На момент кризиса 1998 г. у нас были предельно неэффективная экономическая структура, разные правила игры, отсутствие механизмов перетока ресурсов в пользу эффективных предприятий, политика мягких бюджетных ограничений, «неработающие» банки. Я сам об этом неоднократно писал. Рубль искусственно держался. Но ведь на девальвацию экономика отреагировала правильно — разнообразие отечественных товаров увеличилось.

— В первую очередь экономика отреагировала снижением качества, но главное не это. От того, что мы стали гнать за рубеж больше сырья, печь больше пирогов или увеличили выпуск плохих автомобилей, стратегическое положение страны не улучшилось, несмотря ни на какие цифры роста. Я хочу предложить Вам новое понятие, которое не используется в нашей экономической науке, — интеллектуалоемкость. Именно этот показатель определяет уровень развития современной экономики, и за десять лет либеральных реформ в России он снизился на порядок. Если рассмотреть происходящее

с такой точки зрения, то после девальвации кризис нашей экономики усилился. Технологическое отставание страны от мира становится катастрофическим. В 91-м году уровень интеллектуалоемкости в Советском Союзе соответствовал уровню постиндустриальных стран, а сегодня Россия откатилась к странам ранней индустриализации. Парадокс — большевики экспериментировали с переводом общества из феодализма в социализм, а либералы — из постиндустриального состояния в значительно более раннее. Только встали на ноги, и опять на четвереньки!

— Конечно, это правда, но не вся. Хотя по показателям интеллектуалоемкости советский ВВП действительно был относительно высок для своего уровня развития, но в целом вся система социалистического хозяйствования была не приспособлена для конкуренции в условиях постиндустриального общества. В современной экономике главное — это постоянное генерирование инноваций, способность к быстрым структурным сдвигам, то, к чему поздняя социалистическая экономика в принципе не годна. Знаете, это как броня на линкорах, которую можно наращивать некоторое время, но потом появляется авианосный флот, и сколько бы вы ни наращивали, это уже ничего не даст. То, что мы получили сейчас, за годы реформ, при всех огромных издержках (в том числе при существенном снижении доли интеллектуалоемкой продукции в общем объеме хозяйственной деятельности) это есть в первую очередь восстановление способности экономики к адаптации, генерированию инноваций и структурным сдвигам. Да, мы за это довольно дорого заплатили во всех отношениях, включая и кризис традиционных интеллектуалоемких советских отраслей. Но если моя гипотеза верна и мы действительно сейчас завершаем институциональные реформы, то в течение последующих 2–4 лет создадим набор сверхгибких механизмов, которые позволят России догнать мир и выйти на лидирующие позиции. Тогда наш экономический флот станет не только подвижным, но и сильным.

— Конечно, наш флот стал более маневренным, только это уже не линкоры, а шхуны и плавают на них не матросы, а пираты. Давайте говорить прямо: мы сырьевой придаток мировой экономики. И это положение будет сохраняться до тех пор, пока в самой России не найдутся силы, способные переломить ситуацию. Международный капитал не станет наращивать интеллектуалоемкость российско-

го флота — передовые страны (они же основные инвесторы) делают это у себя дома.

А чем же занята наша новая экономическая, вернее, олигархическая элита? Вот Вы так горячо говорите о девальвации, что становится непонятно, почему же это мероприятие не провели раньше и зачем было держать низкий курс доллара? Ведь такая финансовая политика гробила промышленность, а импорт заполнял страну. Разрешите, я отвечу сам. Наши доблестные олигархи совместно с правящей бюрократией создали свой сверхгибкий механизм, который несколько лет выкачивал из страны богатство. Он работал в двух направлениях — гнал природное сырье за рубеж, превращая нашу экономику в колониальную, и рыл долговую яму, отнимая у России будущее. Власть отдала доходы от природной ренты сырьевым олигархам и построила пирамиду для финансовых спекулянтов. Государственные краткосрочные обязательства — это заем денег правительством у кого попало под бешеные проценты. И умные люди кредитовали страну рублями, а получаемые проценты конвертировали и вывозили валюту из страны. Выкачали десятки миллиардов долларов. И обратите внимание — в то время международные финансовые организации с большим удовольствием предоставляли России кредиты. Перед самым дефолтом они хотели дать 25 млрд, но наши «орлы» успели оприходовать только 5. Думаю, не надо объяснять, что этот механизм работал в интересах не только российской номенклатуры и олигархии, но и международной финансовой бюрократии и спекулянтов. Но все «хорошее» когда-нибудь кончается — в 1998 г. на выплату процентов потребовалось отдавать треть бюджета. А когда цены на нефть поползли вниз, стало ясно, что крах неизбежен. Вот тогда, в августе, тяпнули последние 5 млрд и объявили дефолт.

Таким образом, первая часть трагикомедии «Реформы в России» была сыграна — столь наглые финансовые выкрутасы далее стали невозможны. Теперь должна закончиться вторая часть пьесы под названием «Высокие цены на сырье». Вот тогда и начнется та великая революция, о которой Вы так пламенно говорили вначале. Но чтобы эта революция не привела общество к катастрофе, надо быстрее двигать во власть силы, способные изменить существующее положение и направить страну на путь быстрого развития. В начале века такой силой были большевики, которые всего за две пятилетки провели индустриализацию и двинули Россию вперед, но это сто-

ило очень дорого — миллионов жизней. Сегодня к управлению страной должны прийти политики, способные отодвинуть от единоличной власти бюрократию — основное препятствие на пути созидания. И тогда настоящие предприниматели смогут вырастить могучее дерево экономики, не поливая его кровью.

— Сам факт появления социальных сил, заинтересованных в изменении существующего статус-кво и ограничении возможностей бюрократии манипулировать экономикой, — это залог реальных перемен, и в этом направлении надо что-то делать. Я писал обо всем, о чем Вы сейчас говорите, очень много и давно. И было даже не всем понятно, о чем я пишу.

— Наверное, Вас просто не слышали, потому что Вы все-таки ассоциируетесь с властью. А появление свободных предпринимателей — силы, способной созидать, действительно большое благо для России. Теперь главное — консолидация, а дальше...

— ...Ну, а дальше, когда это произойдет, примерно понятно, что надо делать. Это предельное упрощение всех систем регулирования. Резкое ограничение количества инстанций, собирающих налоги и имеющих право на самые жесткие санкции по отношению к предприятию и налогоплательщикам. Это упрощение всех административных процедур, обеспечение их прозрачности, сокращение чиновничьего аппарата при существенном повышении уровня легальной заработной платы тем, кто в нем занят. Это полноценное финансирование судебной системы с приличными зарплатами из федерального бюджета при увеличении роли межрегиональных судебных округов, отрыве их от местных начальников. Это максимальное упрощение налоговой системы, с тем чтобы она была и прозрачна, и проста. Бюрократия у нас коррумпирована, поэтому все системы управления должны быть минимальными с точки зрения возможности принятия решения по усмотрению. Вот, на мой взгляд, что надо сделать.

— Нашему новому президенту сейчас готовят программу стратегического развития. У меня сложилось впечатление, что изначальная предпосылка кремлевских стратегов сходна с Вашей оценкой ситуации — реформы так или иначе проведены, новые институты созданы, необходимые структурные сдвиги произошли. Поэтому нужно подналечь и пойти еще дальше по пути либерализации — тогда воз сдвинется с места, все заработает и начнет процветать. Одна-

ко нынешнюю систему управления страной невозможно заставить функционировать хоть с каким-то минимальным эффектом, десять лет — достаточное время, чтобы это понять. И даже действия в, казалось бы, правильном направлении — снижение налогов, приведение местных законов в соответствие с Основным и т. п. — ситуацию не изменят. Через некоторое время начнется дезорганизация и противостояние всех против всех — центральной власти, губернаторов, мэров. Да и запутается все окончательно, ведь у общества не появилось объединяющих идей, а на корыстных интересах различных олигархических группировок страну не собрать. Желание власти рвануть вперед напоминает намерение очнувшегося от запоя алкоголика стать героем труда — когда уже все пропито и организм находится в первой группе инвалидности.

Ельцин продержался так долго, потому что в начале 90-х имел безусловную поддержку народа — идеи демократии захватили все общество. Затем он создал относительно устойчивую систему «сдержек и противовесов» — баланс удерживался не только между властью и оппозицией, но и между различными группировками внутри самой власти. Такая политика базировалась на ресурсах, оставшихся после распада советской империи, экономии социальных расходов и подпитке Запада. Сегодня наследство ушло в песок или просто разворовано, население обнищало и его численность сокращается, устойчивая цена на нефть под вопросом, а номенклатура развращена и неумолимо деградирует.

— На мой взгляд, в некотором смысле объединение общества при всей его раздробленности в последнее время произошло. И произошло оно потому, что общество приняло крупномасштабные изменения, которые проведены за последние 10 лет. Это было очень хорошо видно на выборах в Думу 1999 г. Давайте посмотрим программы всех политических партий, которые участвовали в выборах и имели хоть какие-нибудь политические шансы. При всех различиях в риторике Вы не найдете ни одной программы, в которой было бы честно и прямо написано: «Капитализм — это плохо, рынок — это плохо, частная собственность — это плохо. Мы снова будем строить социализм». Ни одной программы не найдете, включая ЛДПР. И это важнейший на самом деле итог происшедшего. Мне кажется, с точки зрения стабилизации и дальнейшего роста признание того, что теперь надо играть по новым правилам, — это главное.

— Многие сегодня признают — период реформ был объективно необходим. Всеобщая поддержка идей демократии в начале 90-х — это ответ на тотальное подавление человека в нашей стране. Люди не хотели жить по-старому, нужны были радикальные решения, и прежде всего в экономике: отпуск цен, либерализация внешнеэкономической сферы, приватизация. Реформы ликвидировали монополию государства на экономическую деятельность, но главное — распалось единство номенклатуры, то, на чем строилось ее настоящее всевластие. Теперь бюрократия поделена на федеральную и провинциальную, на сырьевую и промышленную, есть группы, обслуживающие олигархов, и те, которые с ними борются. Восстановить ее общину уже нельзя, а управлять страной, имея столь разные интересы, невозможно. Таким образом, главные достижения либеральных реформ — разрушена самоедская советская экономика, созданы условия для появления настоящей экономической элиты и разорвано корпоративное единство бюрократии.

Встает вопрос — что же делать дальше? Во все времена (и это черта нашего характера), только подходя к краю пропасти, страна находила воодушевляющие идеи, собиралась с силами и совершала мощный рывок вперед. Но затем импульс новых идей угасал, власть в стране узурпировала бюрократия, и Россия, замедляя движение, опять оказывалась у разбитого корыта. Причем эти периоды становятся все более короткими. От Сергея Радонежского до Петра прошло 400 лет, затем до Ленина — 200, а коммунистическая система продержалась всего 70 лет. У нас осталось время на один подъем, и мы должны найти идеи, которые помогут не только объединить общество и сделать рывок вперед, но и создать такое государственно-общественное устройство, которое позволит стране развиваться без падений. Самое худшее, если сегодняшнее полуголодное гниение будет продолжаться достаточно долго — это навсегда разрушит Россию. А предпосылки для этого сложились — как только ситуация становится критической, находятся деньги, позволяющие снять социальное напряжение, и гниение продолжается. Демократия — хорошее дополнение к этому механизму, ведь с помощью выборов 51% населения по закону может заставить умирать остальные 49%.

— Это правда, но я думаю, если нам удастся создать базу экономического роста, то экономический рост самостоятельно поменяет представление общества о том, что с ним происходит и что будет

происходить. А директивы по написанию национальных идей мне не очень нравятся — все вызреет постепенно, не по заказу, и Россия в рамках сформировавшегося согласия по самым принципиальным вопросам раньше или позже выработает для себя набор перспективных идеологических постулатов. Но я совершенно не готов обсуждать, кто это будет делать и в каких масштабах. Думаю, это произойдет лет через 10–20.

— *За время реформ население страны значительно сократилось, мы потеряли три четверти ВВП, реальной социальной политики не существует. Вы считаете, что таким образом мы сможем прожить еще 20 лет? Что же к тому времени останется от России и останется ли вообще кто-то, кому будет необходимо согласие?*

— Если мы договариваемся о том, что первая фаза согласия достигнута сейчас, то о том, когда будет достигнут следующий уровень этого согласия, я не хочу гадать. Я просто надеюсь на то, что Россия постепенно перестанет быть самой несчастной страной на земном шаре. Знаете, недавно было проведено исследование уровня оптимизма в мире и выяснилось, что он очень мало зависит от уровня ВВП на душу населения. Индия — страна, как Вы знаете, неизмеримо более бедная, чем Россия, но имеет очень высокие показатели оптимизма и удовлетворенности жизнью. А Россия является рекордсменом мира по собственной «несчастью». Вот мне и кажется, что снижение уровня собственной «несчастья» — это и есть важнейшая национальная задача.

— *И как же Вы хотите этого добиться? Ведь Ваша основная идея — с экономическим ростом наступит материальное изобилие и все будет в порядке. Теперь оказывается, что экономические успехи не главное и счастье не зависит от их величины.*

— Но ведь счастье — это вообще внеэкономическая категория. Знаете, самые счастливые люди на свете — дураки, и лично я рад, что у наших сограждан нет никакого удовлетворения положением дел в России. Мощная экономика — это показатель силы нации, и сегодня нам похвастаться нечем. Но такая неудовлетворенность — огромный ресурс для грядущего рывка вперед и знак того, что мы никогда не смиримся с положением олигархической вотчины. Успехи же в экономике придут, когда общество сможет объединиться, во власть придут политики, способные повести Россию вперед, а энергия у народа будет.

Егор Гайдар: Это напоминает мне СССР 70-х годов

Никто не может гарантировать, что цена на нефть в ближайшее время не упадет ниже 20 долл. за баррель. Сегодня Россия должна создавать резервы и максимально использовать дополнительные доходы для снижения долгового бремени и решения «проблемы 2003 года», заявил директор Института экономики переходного периода, депутат Государственной думы Егор Гайдар в интервью журналу «Компания».

— *Егор Тимурович, либералы получили первую плату за правильно выстроенные отношения «Союза правых сил» с властью, за компромисс — налоговую реформу. Как Вы оцениваете ее эффективность с учетом того, что налог с оборота не отменен, а некоторые акцизы повышены?*

— Политика, если она не тоталитарная, всегда состоит из компромиссов. Но налоговая реформа — это не плата за какие бы то ни было уступки, это инициатива власти. Идеи налоговой реформы содержались в программе Грефа, в бюджетном Послании президента. Навязать эти идеи власти никто не мог. И провести реформы без участия президента и правительства нельзя. В свою очередь ДВР и СПС выступали за налоговые реформы на протяжении нескольких предшествующих лет. Поэтому мы были объективными союзниками власти.

Что касается уступок. Я не слышал ни об одной налоговой реформе в мировой экономической истории (по крайней мере в демократических странах), которая была бы проведена бескомпромиссно. То, что уже удалось сделать в России, — это одна из самых радикальных реформ в мировой практике. Резко снижены предельные ставки обложения зарплаты, уменьшены предельные став-

Интервью брал Михаил СОКОЛОВ.

Опубликовано в: Компания. 2000. № 37. 2 октября.

ки налога на прибыль, снижено число оборотных налогов, определены сроки окончательной ликвидации оборотных налогов. Все взносы в социальные фонды сведены в единый социальный налог. Появилась регрессивная шкала социального налога. Это революционные решения, радикально меняющие контуры российской финансовой и налоговой систем.

Однако эти результаты не завершение реформы. Нам предстоит сделать множество других шагов, в первую очередь решить проблему налога на прибыль. Другой очень важный вопрос — ресурсные налоги. В этой сфере сохраняются противоречия и нелепости. Третье важное направление — совершенствование налогов на собственность, на недвижимость.

Тем не менее я считаю, что 80% пути мы уже прошли. Мы миновали самые сложные, политически взрывные участки. Если мы завершим дело, то Россия получит одну из самых эффективных, простых и стимулирующих деловую активность налоговых систем в мире.

— *Может ли эта налоговая система обеспечить экономический рост?*

— В экономике все взаимосвязано. Хорошая налоговая система — это предпосылка к долгосрочному и устойчивому экономическому росту. Но чтобы рост был устойчивым, нужны гарантии прав собственности, исполнение законодательства, эффективная работа государственной власти. Наконец, нужно дерегулировать экономику. Сама по себе налоговая реформа отнюдь не панацея от всех бед. К счастью, правительство это понимает. По ключевым направлениям политики кабинет наметил разумные, как мне кажется, меры.

— *Экономисты Евгений Ясин и Сергей Алексащенко, политик Борис Грызлов стали говорить о «проблеме-2003». Имеется в виду, что в 2003 г. России придется выплачивать максимальные суммы по внешнему долгу, тогда же ожидается массовый выход из строя изношенного оборудования и демографический кризис. Действительно ли «проблема-2003» заслуживает особого внимания? Или власть проводит очередную акцию, чтобы сплотить под флагом спасения страны все политические силы?*

— Сроки износа оборудования всегда разбросаны по времени, никакого массового выхода техники в одном конкретном году быть не должно. С демографией, на мой взгляд, в 2003 г. тоже ни-

чего фантастического не произойдет: неблагоприятные тенденции будут нарастать после 2007 г. А вот проблема обслуживания долга действительно важна. В 2003 г. произойдет существенное увеличение долговых платежей — это факт. Однако если позитивные тенденции в российской экономике сохранятся в ближайшие три года, то в 2003 г. доля совокупных расходов по обслуживанию внутреннего долга в номинально долларовом исчислении будет ничуть не больше, чем в этом году. Никакой драмы не произойдет. Тем не менее мы должны быть крайне осторожны в использовании нынешней благоприятной экономической конъюнктуры: ведь сейчас позитивные тенденции в российской экономике связаны с аномально высокими ценами на нефть.

— *Так ли хорош этот нефтяной допинг?*

— Речь не только о нефтяном допинге. Российская экономическая реальность складывается под воздействием двух факторов. Во-первых, идет медленный, тяжелый, непоследовательный процесс структурных реформ. В результате экономика «меняет лицо» и переходит на рыночную основу. Во-вторых, есть конъюнктурные колебания цен на нефть и эти колебания очень важны для понимания последних 30 лет истории СССР и 10 лет истории новой России. Как только конъюнктура становится благоприятной, сразу появляется огромный соблазн делить нефтяную ренту. Когда после 1973 г. в страну потекло невиданное количество нефтедолларов, у властей возникло ощущение, что можно позволить себе все что угодно, например обеспечить военно-политический паритет с Западом!

— *Сейчас может произойти то же самое?*

— Да. Ситуация вокруг нынешнего бюджета похожа на ту, которая сложилась в СССР 70-х годов. Последствия той политики мы потом расхлебывали долгие годы.

— *Не только мы. «Попались» и другие страны, например Венесуэла...*

— ...и Мексика. Существуют страны, чьи бюджетные и экспортные доходы сильно зависят от мировых цен.

— *В свое время президент Мексики Хосе Лопес Портильо говорил: «Главная наша проблема — управление изобилием. Мы не знаем, куда потратить деньги»...*

— А после кризиса 1982 г. они 10 лет выбирались из-под руин своей рухнувшей экономики. Теперь я наблюдаю аналогичные настроения в России: «Смотрите, доходы идут! А проблем у страны

сколько! Давайте сейчас все поделим!». Это очень опасная тенденция.

Правительство, по-моему, не совсем понимает, насколько доходы бюджета зависят от конъюнктуры нефтяного рынка. Кабинет министров утверждает, что бюджет рассчитан из цены 20 долл. за баррель, а, на наш взгляд, он рассчитан из цены 22 долл. за баррель URALS. Никто не может гарантировать России, что цена на нефть в ближайшее время не упадет ниже 20 долл. за баррель, поэтому сейчас надо проявить максимальную бюджетную сдержанность. Необходимо создавать резервы, не наращивать текущие обязательства, максимально использовать дополнительные доходы для снижения долгового бремени, для решения той же «проблемы 2003 года». Вот это разумная, ответственная и осмысленная финансово-экономическая политика. К счастью, в правительстве, как мне кажется, есть люди, которые это понимают.

— *Как Вы оцениваете результаты частичной реструктуризации внешнего долга России? Можно ли было добиться лучших результатов?*

— Всегда хочется добиться большего. Думаю, сегодня мы не получили бы и такого соглашения... Соглашение с Лондонским клубом было достигнуто в то время, когда никто не ожидал, что повышение цен на нефть будет столь долгосрочным и устойчивым. У меня были сомнения по поводу некоторых компонентов этой договоренности. Но, видимо, правительство выбрало правильный момент.

— *Могут ли реформы по Грефу или по Гайдару помочь стране избежать негативных последствий падения цен на нефть? Чем заместить «нефтяные» доходы? Что нас ждет в ближайшие год-два?*

— Цены на нефть снизятся неминуемо. И это, конечно, скажется на российской экономике. Но если вести разумную политику, то Россия будет интегрирована в мировую экономику в новом качестве и ее зависимость от конъюнктуры топливно-энергетических ресурсов окажется не столь существенной. На подобную перестройку, как показывает опыт той же Мексики, потребуется до 10 лет. Однако необходимые резервы, для того чтобы не снижать при падении цен на нефть объем финансирования расходов бюджета, можно создать и за гораздо меньший срок — в течение двух лет. Главное — не наделать глупостей.

Важно провести реформы, обеспечивающие благоприятный инвестиционный климат, дающие сигнал российским инвесторам, что имеет смысл ориентироваться на долгосрочные вложения в России (иностраный капитал идет только вслед за домашними инвестициями — по крайней мере так происходит в крупных странах). Тем самым мы сможем создать базу для перехода России к экономике, ориентированной на информационные технологии, высокоинтеллектуальные продукты, сферу услуг, обрабатывающую промышленность. Такая экономика в меньшей степени зависит от конъюнктуры нефтяного рынка.

— *Как Вы оцениваете нынешнюю инфляционную ситуацию? Специалисты выражают обеспокоенность в связи с ростом «рублевого навеса». Центробанк выкупает доллары, увеличивает валютные запасы. Некоторые эксперты считают, что инфляционный налог составляет около 18%...*

— Инфляционного налога в полном смысле этого слова в России нет. Он был бы в том случае, если бы правительство в крупных масштабах занимало средства у Центрального банка, а Центральный банк печатал ничем не обеспеченные рубли. Тогда мы имели бы инфляцию, а государство присваивало бы часть доходов от инфляции и распределяло их. Но сейчас ситуация зеркально противоположная. ЦБ в крупных масштабах скупает валюту, потому что хочет восстановить золотовалютные резервы, не желая резкого падения курса доллара по отношению к рублю.

Без интервенций Центрального банка валютный курс доллара к рублю был бы сегодня существенно ниже: весьма вероятно, что курс находился бы в районе 20 руб./долл. Центральный банк обоснованно опасается такого развития событий, чреватого падением конкурентоспособности отечественной обрабатывающей промышленности. В долгосрочной же перспективе это может привести к «голландской болезни» (так экономисты называют деиндустриализацию экономики в результате успешного развития сырьевого сектора. — *Прим. «Компани»*). Это опасная тенденция, и ее хотелось бы избежать.

— *Значит, Виктор Геращенко действует правильно?*

— Абсолютно правильно. Можно, конечно, спорить относительно тактики ЦБ, например, о том, стоит ли допускать такие колебания курса или лучше сделать курс более «плоским» и предсказуемым.

Но совершенно очевидно, что у ЦБ в нынешней ситуации не может быть другой политики.

Правительство сейчас тоже делает именно то, что должно делать. Центральный банк вынужден «вбрасывать» рубли, а правительство пытается ограничить эту рублевую массу, создавая резервы на бюджетных счетах и используя значительную часть бюджетного профицита для «стерилизации» излишней денежной массы. Центральный банк и правительство действуют достаточно скоординированно, консервативно и ответственно. Они стремятся, во-первых, «не убить» промышленный подъем, а во-вторых, не допустить скачка инфляции. Сама по себе устойчивость валютного курса является одним из факторов снижения инфляции, потому что у нас инфляционные ожидания во многом определяются динамикой курса рубля по отношению к доллару. В этой связке оба игрока действуют, в общем, правильно...

— *Россия обходится без помощи Международного валютного фонда. Это сознательная политика или просто так получилось? Хорошо ли это? И можно ли далее обходиться без кредитования со стороны?*

— В известной мере действительно так получилось. Но в известной мере это и результат благоприятной экономической ситуации. Правительству при таких высоких доходах не так уж нужны деньги. Поэтому сейчас МВФ не столь активно влияет на экономическую политику России. Однако надо понимать, что такая ситуация продлится лишь до тех пор, пока экономическая конъюнктура будет благоприятной. Я помню отношения с МВФ в 1997 г., когда тоже была благоприятная конъюнктура. Их суть можно было свести к фразе: «Не очень-то вы нам и нужны». Но за 1997 г. пришел 1998-й, когда баррель нефти стоил не 30 долл., а 9. И сразу выяснилось, что МВФ нам нужен позарез...

Впереди 2003 г. И никто не гарантирует россиянам стабильности цен на нефть. Поэтому я бы ни в коем случае не ставил крест на взаимоотношениях России и МВФ. Фонд нам может очень и очень понадобиться.

— *Каким будет бюджет 2001 г.? После катастрофы «Курска» думское большинство наверняка потребует увеличить военные расходы...*

— Моя позиция предельно ясна. Увеличение доходов бюджета должно в полной мере направляться на погашение долга. Такой вывод я делаю не только по теоретическим соображениям

и не только потому, что в условиях благоприятной конъюнктуры долги надо не накапливать, а гасить. Я вижу источники финансирования в следующем году. В бюджет заложен кредит МВФ в размере 1,75 млрд долл., но нет никаких гарантий того, что такой кредит будет получен. Там также значится японский кредит, но у меня нет никакой убежденности в том, что он будет получен. В бюджете учитывается рассрочка наших соглашений с Парижским клубом на 3,2 млрд долл., но я с трудом себе представляю, как российской делегации при профиците торгового баланса 45 млрд долл. удастся убедить Парижский клуб в том, что именно сейчас надо менять ранее согласованные условия. Придется платить, никуда мы не денемся. Мы не можем позволить себе подрывать сейчас кредитный рейтинг России — это осложнит возврат страны на финансовые рынки!

— *Несмотря на реформы, в России сохраняются государственные механизмы воспроизводства олигархов и подпитки банальной коррупции. На телевизионном рынке с участием государства идет передел собственности. Нечто похожее происходит и на рынке коммуникаций: Минсвязи начало отбирать частоты у компании «Вымпелком». Как подобные истории повлияют на те реформы, о которых Вы говорите?*

— Будут им мешать. Мы живем в стране, в которой есть бюрократия и в которой сложились дурные правила игры (если их можно назвать правилами). Очень хорошо, если правительство будет последовательно и настойчиво изменять эти «правила» в лучшую сторону. Мне кажется, оно пытается действовать в этом направлении...

— *... отдавая Абрамовичу роль Березовского?*

— Конечно, для страны было бы лучше, если бы ни Березовский, ни Абрамович не могли напрямую влиять на процесс принятия государственных решений. И все же я думаю, что влияние олигархов сегодня меньше, чем год назад, а завтра будет еще более слабым...

— *Зато влияние силовых структур все сильнее...*

— Вы абсолютно правы, это проблема. Но другая проблема, согласитесь... Государство сегодня восстанавливает свою способность действовать автономно. Надо понять, что путь предстоит долгий. Важно, чтобы на этом пути мы по российской традиции не попали из огня да в полымя. Конечно, государству необходимо

восстановить свою способность действовать автономно (научившись не поддаваться шантажу различных групп, установив политику равных правил игры). Но вместе с тем оно не должно, почувствовав свою силу, лезть во все дырки, отбирая у общества те права и свободы, которые стали реальностью в последние годы. Особенно меня беспокоит перспектива того, что власть заикнется на полицейских функциях.

— Григорий Явлинский взял своеобразный тайм-аут. Он уклоняется от публичных оценок деятельности президента России и его команды. Что может Вас заставить выйти к публике с политическими оценками деятельности президента Путина?

— Все, что будет важным с точки зрения перспектив российских государства, политики и экономики. Я не хочу суетиться. Если произойдут важные события, по поводу которых мне захочется поделиться с обществом, я, без всякого сомнения, это сделаю...

— Сейчас таких событий нет?

— Я не вижу свободных ниш на информационном поле. Нет ничего такого, что не было бы уже прокомментировано. Выстраиваться в длинную очередь комментаторов пожара на Останкинской телебашне мне, честно говоря, не хочется.

Прием по наличным вопросам

Спад американской экономики, продолжающийся уже почти год, и обвал на прошлой неделе основных биржевых индексов (Nasdaq и Dow Jones) породили естественные предположения о грядущей девальвации доллара. О том, в какой валюте лучше хранить свои деньги и что будет с долларом, рассказал «Профилю» директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, в последнее время много говорится о приближающейся девальвации доллара и укреплении евро. Что Вы думаете по этому поводу?

— Все это, на мой взгляд, имеет мало отношения к реальности. В последние два года курс евро по отношению к доллару претерпел довольно значительные колебания — от 117 до 81 цента за евро. Надо понимать, что весь мир сейчас живет в условиях относительно новой системы валютных курсов, которая необычна для мировой денежно-финансовой истории. Открытый глобальный валютный рынок без золотого стандарта при крайне слабом контроле за движением капитала — новая реальность последних двух десятилетий. Существование трех мировых валют (доллар, иена, евро) — новая реальность последних трех лет. Не нужно преувеличивать объем знаний по поводу того, как эта система работает. Опыт последних двадцати лет показывает лишь, что для этой системы характерны значительные колебания курсов при сохранении в долгосрочной перспективе относительно стабильного их соотношения. Иена колебалась между 80 и 150 за доллар. Колебания европейских валют по отношению к доллару также были довольно серьезными. Наиболее вероятно, что в ближайшие пять лет курс евро будет составлять 1–1,1 доллара за евро. Другое дело, что в течение этого времени вполне возможны довольно

Интервью брал Владимир ЗМЕЮЩЕНКО.
Опубликовано в: Профиль. 2001. 19 марта.

значительные скачки в промежутке, например, от 80 до 130 центов за евро.

— *Эти колебания не могут привести к масштабному финансовому кризису?*

— Эти колебания ни к каким масштабным финансовым кризисам не приводят, хотя, безусловно, имеют значение для импортеров-экспортеров, финансистов и т. п. Более того, такие колебания не отражаются даже на уровне инфляции. Почти двукратный рост и падение курса иены в последние годы практически не повлияли на инфляцию в Японии. Колебания доллара по отношению к евро не привели к изменению уровня инфляции в США. В стабильных экономиках с высокой долей денег в ВВП и отсутствием традиций перевода денег в другую валюту такие колебания касаются лишь некоторых субъектов экономики. Более того, сейчас рост курса евро довольно благоприятен для российской экономики.

— *Почему?*

— Прежде всего потому, что Россия — страна с долларовой экономикой. Причем наш экспорт в большей степени номинирован в долларах, а импорт — в евро. Резкое падение курса евро к доллару на протяжении последних двух лет привело к реальному укреплению рубля. Поэтому ничего более благоприятного, чем рост евро, для нашей экономики и быть не может.

— *Большинство наших граждан хранят деньги в виде наличных долларов. Может быть, укрепление евро — сигнал к тому, чтобы перевести сбережения в европейскую валюту?*

— Не думаю. Главное — не обращать на эти колебания большого внимания, если только Вы не занимаетесь валютными спекуляциями. Вначале будет рост, затем откат и падение, потом снова рост и т. п. Но в целом если вы хотите понять, сколько будут стоить Ваши накопления в евро, то Вы сильно не ошибетесь, если предположите, что в течение ближайших пяти лет их надо перерасчитывать по соотношению 1 евро = от 1 до 1,10 долл.

— *Возможна ли ситуация, когда евро станет новой резервной валютой и вытеснит доллар с мировых денежных рынков?*

— Думаю, что стратегически соотношение доли евро и доллара в структуре валютных резервов будет меняться в пользу евро. Это очень длительный процесс — на десятилетия. Процесс нормальный и позитивный, который сделает систему более сбалансированной.

Но дело в том, что американская валюта значительно менее чувствительна к колебаниям международной напряженности. Если где-то возникают проблемы и заморочки, приток валюты в доллар и американские ценные бумаги — характерное явление. Поэтому за стабильность доллара переживать не стоит.

— *Чем Вы объясняете большую по сравнению с евро стабильность доллара?*

— Это связано с тем, что большинство инвесторов оценивают экономическую и политическую ситуацию в США как более стабильную, чем в Европе. Доллар имеет более длинную историю существования как денежная система, Америка находится за океаном, она менее уязвима для перебоев с ресурсами, и т. д. и т. п.

— *В ситуации роста курса евро возможен ли массовый сброс долларов?*

— Маловероятно. Ведь существует очень немного экономик (по доле в мировом хозяйстве), которые ориентированы на иностранные валюты. Например, Япония имеет в мировых деньгах значительно большую долю, чем Россия, Восточная Европа и СНГ вместе взятые. При этом значительные колебания курса иены к доллару никак не сказались на денежном поведении населения Японии. Они ориентированы на собственную валюту, собственную инфляцию, собственные цены. То же касается и Европы. Есть экономики, которые сильно зависимы, например, от немецкой марки или доллара. Но поведение населения этих стран тоже довольно стабильно и привязано к привычной валютной единице. Когда марка колебалась по отношению к доллару, в Хорватии или Болгарии, экономики которых завязаны на марку, никаких сбросов марки замечено не было. То же самое будет происходить и в долларизированных экономиках просто в силу традиции.

— *Ваш прогноз относительно «долларового» поведения наших соотечественников?*

— Думаю, что реакция будет относительно спокойной. Наличные евро еще не появились. Они будут только в 2003 г. Кроме того, поведение населения в любом случае инерционно. Предполагать, что все начнут доставать деньги из чулка и срочно с огромными потерями менять доллар на евро, вряд ли стоит. Так что владельцам наличных сбережений беспокоиться не нужно. Другое дело, что постепенно долларовая часть сбережений населения будет умень-

шаться, и потому что стабилизация экономической ситуации неизбежно вызовет увеличение сбережений рублевых и потому что постепенно в общем объеме денежных сбережений будет расти доля евро. Ведь в Европу ездят чаще, чем в Америку. Но это, повторяю, процесс длительный.

— *Тогда откуда возник слух о том, что доллар будет девальвирован?*

— Не знаю, не люблю гадать. Возможно, потому что любая новость для СМИ — это лучше, чем ее отсутствие. Подавляющее большинство серьезных специалистов, в том числе на Западе, думают приблизительно то же, что я уже изложил.

— *Может быть, такой слух запущен с целью ускорить перетекание денег из чулков в банки?*

— Не думаю, что слух способен решить эту проблему. Такое перетекание связано с уровнем инфляции и стабильностью курса и зависит от них. Ведь люди держат деньги в долларах не по злой воле. Они видели и быстрое обесценивание российской валюты, и периоды высокой инфляции. У них исчезли денежные иллюзии. Хотя понятно, что хранить деньги в надежном банке, где они приносят приличный процент, значительно удобнее, чем в чулке под кроватью, откуда их могут украсть, отнять. Да и процента они не приносят. Вопрос лишь в доверии к национальной валюте.

— *Когда, по Вашему мнению, появится доверие к рублю и появятся ли оно вообще?*

— Если экономика будет развиваться нормально, разумеется, появится. Этот процесс, по опыту других стран, начинается при уровне инфляции ниже 20% и ускоряется при уровне инфляции ниже 10%. В этих условиях быстрее растет спрос на национальную валюту, увеличиваются сбережения и т. п. Но за несколько месяцев здесь ничего не происходит. Нужны годы. Для того чтобы выйти на уровень монетизации, характерный, например, для Польши, потребуется лет 7–8.

— *Если мы отстали даже от Польши на столько лет, стоит ли говорить о возможности конкурировать с развитыми странами?*

— Почему нет? Есть европейское чудо — создание базы для интенсивного экономического роста на базе частной собственности и развития торговли. За последние два века это радикально изменило лицо цивилизации. Для некоторых стран институты такого

рода были органичны. Многие другие должны были делать выбор — либо отвечать на эти вызовы, либо оставаться нищими и бедными. Мы выбрали очень своеобразный и опасный ответ — социалистический эксперимент. Сейчас нужно менять систему ответов. Есть масса стран, которые в те или иные периоды своей истории были безнадежны, например Япония после Второй мировой войны. А уж что Южная Корея к концу века окажется в том положении, в котором оказалась, в 1964 г. никто и подумать не мог. Если бы мы обсуждали экономические реалии XII в., мы бы пришли к выводу, что Европа лишена каких бы то ни было шансов догнать бесконечно опередивший ее Китай. Вывод таков: в нашем радикально меняющемся мире важны не столько формальные показатели, сколько умение приспосабливаться к его изменениям. Вопрос лишь в том, сумеем ли мы создать необходимые для этого институты.

— *Разделяете ли Вы ту точку зрения, что приход во власть Владимира Путина — это новый этап в развитии не только политической, но и экономической системы России?*

— Начавшийся в России экономический рост имеет мало отношения к тому, что пришел Путин. Произошел крах индустриального социализма. Старая экономика «схлопнулась», но новая автоматически не возникла. Для этого нужно время. Польше потребовалось три года, России — шесть лет для того, чтобы сформировалась критическая масса прилично управляемых предприятий, производящих конкурентоспособную продукцию, и т. п. Именно это обеспечивает рост. Реформы, которые начались в 2000 г., едва ли могут обеспечить рост, начавшийся в 1999 г. Путин тут ни при чем. Другое дело, что рост нужно поддерживать. Классический пример — Чехия, экономика которой росла, но затем, не справившись с внутренними проблемами, начала стагнировать. Хотелось бы, чтобы устойчивый рост все же был обеспечен и реформы шли быстрее. Что-то удастся, что-то нет. Однако удастся не так уж мало. В частности, налоговая реформа, которую принято критиковать, уже дает результаты.

— *Какие?*

— Введение 13%-го подоходного налога, пока все обсуждали, хорош он или плох, привело к росту реальных поступлений в январе на 60%. Я, честно говоря, даже не ожидал таких радикальных результатов.

— *Надолго ли вводится такой либеральный налог?*

— Путин заявил, что надолго. Что будет через 20 лет, конечно, никто не знает, но, особенно учитывая, как хорошо это работает, в ближайшие лет пять никто это трогать не будет.

— *Участствуете ли Вы сейчас в реальном управлении экономикой? Советы даете?*

— Советы стоит давать, когда их просят.

— *А что, не просят?*

— Иногда просят. Стараюсь не отказывать.

— *А кто просит?*

— Не хочу это комментировать.

— *Вас считают идеологом «Союза правых сил». Как Вы оцениваете роль партии в Думе? Оправдала ли она надежды на то, что станет «мозговым центром» парламента?*

— Да, я отвечаю в СПС за идеологию. Уверен, что ряд вещей в Думе никогда не были бы реализованы, если бы не СПС. В частности, я имею в виду налоговую реформу. И вообще Вы представляете, что такое создать коалицию в Думе для проведения подобного решения? Чтобы его провести технически, отбить массу лоббистских атак, противостоять коалиции левых, профсоюзов. Если бы наше присутствие в Думе было больше, реформа могла бы быть радикальнее. Любая реформа сложна административно и требует больших усилий? Если бы завтра Буш сказал, что в следующем году собирается провести 10 серьезных реформ, было бы ясно, что он не проведет ни одной. Так же устроено все и у нас. Это трудоемко, это требует согласований и т. п. Правительство России не то чтобы не хочет действовать быстро — оно не знает, что оно хочет сделать в этом году. Есть некая хорошая программа, но понятно, что все ее пункты сразу выполнить просто нельзя. Три-четыре можно. Какие — правительство еще не решило. Чем дольше будет решать, тем больше шансов, что не проведут ни одной.

— *О каких конкретно задачах Вы говорите?*

— Их много. Банковская реформа, пенсионная реформа, реформа системы социальной защиты, реформа финансирования образования, здравоохранения, земельная реформа, укрепление гарантий прав собственности, членство в ВТО и т. д. Если пытаться все сделать вместе, не будет ничего.

— *Что считаете приоритетным лично Вы?*

— Я считаю, что нужно продолжить налоговую реформу, принять хорошее земельное законодательство и пакет законов по дерегулированию экономики. В качестве резерва можно было бы держать вопросы вступления России в ВТО.

— *Недавно в Думу был внесен проект гл. 25 ч. 2 Налогового кодекса, предлагавший взимать налог не с прибыли, а с дохода предприятий. Это что — непрофессионализм, провокация, способ давления на Думу?*

— В представленном варианте закона, безусловно, были очень серьезные проблемы. Но подавляющее большинство людей, которые отнеслись к нему как к катастрофе, просто этот проект не читали. Базировались лишь на слухах, которые поддерживались понятными интересами. Ведь главное было в том, что ускоренная амортизация в целом для экономики дает больше, чем инвестиционные льготы, которые пытались отменить. Но для нефтяных компаний инвестиционные льготы существенно важнее, чем ускоренная амортизация. Нефтяные компании более консолидированы и лучше умеют отстаивать свои интересы. Поэтому информационная кампания вокруг законопроекта преследовала понятные цели.

— *Насколько сейчас в нашей политике и экономике преобладают интересы крупных компаний и соотносятся ли они с интересами государства и граждан?*

— Той олигархической экономики, которая была в России в 1995–1998 гг., действительно больше нет. Тогда существовала очень ограниченная группа крупных бизнесменов, которые небезосновательно считали себя подлинными руководителями страны. Причина проста. Процесс разделения собственности и власти быстрым не бывает. Это был переходный этап, он позади. Часть «олигархов» новые правила не приняла. Они в большинстве своем сейчас за границей. Есть те, которые приняли, остались влиятельными, у них большие возможности в лоббировании собственных интересов и т. п. Но они уже не являются реальными правителями страны.

— *А какая сейчас система, если не олигархическая?*

— Пока еще система с очень коррумпированной властью, с находящимся в стадии становления гражданским обществом, с неравными правилами игры. Но это уже новая реальность. Государство стало намного сильнее и будет укрепляться.

— *Что делать дальше?*

— Стратегически все понятно. Прежде всего нужно, чтобы власть принимала как можно меньше решений и чтобы принимающих решение стало тоже меньше, но они были бы профессионалами с гораздо более высокой зарплатой.

— *Это как-то слишком глобально...*

— Но власть должна понять это, и с этим согласиться. Дальше — технология. Другое дело, есть ли политическая воля.

— *А она есть?*

— Возможно, понимание есть. Но власть должна определиться с приоритетами. Пока не определилась.

— *Вы сейчас рассуждаете с точки зрения глобальной экономики или с точки зрения одного отдельно взятого человека?*

— И с точки зрения экономики, и с точки зрения каждого отдельного человека. Если все в экономике будет плохо, то, например, у бабушки-пенсионерки будет еще хуже. Перераспределить можно только то, что есть. Это нужно сделать разумно и таким образом, чтобы бабушке досталось от государства больше, чем тем, кто нуждается меньше. Любые макроэкономические рассуждения имеют четкого социального адресата.

Я опасался, что будет хуже

«Отец» российских экономических реформ о ситуации в стране спустя год после избрания В. Путина президентом.

ПРИЛИЧНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ ВСЕ БОЛЬШЕ

— *Егор Тимурович, мы с Вами давно не встречались, поэтому хочется поговорить о многом. Но время ограничено, так что, если не возражаете, давайте о главном. Как Вы оцениваете политическую и экономическую ситуацию в стране?*

— Экономическую ситуацию я оцениваю в целом позитивно. Я считаю, что база того экономического роста, который начался в 1999 г., — это, разумеется, не сами по себе цены на нефть. Их вклад есть, но он далеко не объясняет весь рост. И это не начатые реформы¹, потому что их влияние стало сказываться только в 2001 г. Основа роста — это, в первую очередь, конечно, накопление объема прилично управляемых предприятий, различно ориентированных, которое происходило на протяжении последних лет. Это процесс длительный. Он требует времени. Время это в разных странах различно. Оно зависит от предшествующей традиции, накопленных диспропорций, степени связи соответствующей страны с рынком, от того, насколько долгим был период нерыночного хозяйства. Для Польши время накопления прилично управляемых предприятий составило три года, для России — шесть лет. В общем сегодня именно эти явные улучшения ситуации на микроуровне — фундаментальная база роста. Разумеется, никто не даст гарантий, что этот рост окажется устойчивым. Мы видели примеры

Интервью брал Олег МОРОЗ.

Опубликовано в: Литературная газета. 2001. 4–10 апреля.

¹ Имеются в виду реформы, начатые при президенте В. Путине с 2000 г. в соответствии с так называемой программой Грефа, в частности налоговая реформа. — *Прим. ред.*

постсоциалистических стран, где такой рост начинался, а потом в силу комплекса причин, тех самых накопленных диспропорций оказывался неустойчивым. Один из таких примеров — Чехия. Чтобы рост был устойчивым, необходимо создать соответствующие предпосылки. Я думаю, что правительство выработало неплохую программу действий в этом направлении и на протяжении первого полугодия своего функционирования сделало немало для того, чтобы обеспечить эти предпосылки. К сожалению, в последние месяцы продвижение в этом направлении резко затормозилось. Это внушает беспокойство.

Если говорить о политической ситуации в стране, то главная ее характеристика — это, конечно, явные признаки укрепления власти, власти вообще и федерального центра в частности. В этом нет ничего загадочного. Это обычная более или менее неизбежная тенденция: после краха социально-политической структуры, основанной на целостной иерархии, всегда следует длительный период децентрализации и социальной дезорганизации, отсутствия согласия в элитах по поводу базовых вопросов функционирования общества, период слабости власти, государства, и только постепенно накапливаются предпосылки для их усиления. Вот, собственно, накопление этих предпосылок и создало базу для явного усиления власти, которое мы видим на протяжении последних примерно двух лет. Это вопрос не личностный — он сугубо социальный, социально-исторический.

— *Стало быть, в целом Вы положительно оцениваете и экономическую, и политическую ситуацию в России?*

— Как Вам сказать, я их оцениваю не положительно и не отрицательно — я просто пытаюсь понять, что происходит.

— *Прошел год со времени избрания нового президента. Как Вы полагаете, что наиболее существенное сделано и что не сделано за этот год?*

— Я считаю, что в области экономики и политики удалось сделать несколько важных вещей, которые нельзя недооценивать. Первое — это начало серьезной налоговой реформы. Некоторые ее результаты мы видим уже сейчас. Второе — это серьезные изменения в структуре бюджетного федерализма. На мой взгляд, изменения разумные, обеспечивающие более высокую степень устойчивости российской финансовой системы, в том числе через перераспре-

деление подоходного налога в региональные бюджеты, а налога на добавленную стоимость — в федеральный бюджет. Третье — усиление контроля Федерации за соблюдением собственного федеративного законодательства в регионах. Четвертое — решение о серьезном сокращении численности военнослужащих, что важно для стабилизации положения в российских Вооруженных Силах. Для года это не так мало. И это все по важнейшим направлениям, по которым мы долго не могли продвинуться. Вместе с тем, как я уже сказал, в последние месяцы способность президента и правительства проводить реформы явно пошла на убыль. Что неприятно. Посмотрим, насколько устойчивой окажется эта тенденция.

Что касается внешней политики, мне кажется, что этот год, скажем так, не оправдал очень серьезных опасений. Многие опасались, что при Путине политика станет менее реалистичной, более имперской, основанной на неверных интерпретациях нынешнего момента. Мне представляется, все-таки в целом сегодняшнее руководство при всем том, что я могу соглашаться или не соглашаться с некоторыми его шагами, продемонстрировало достаточную долю прагматизма, понимания того, как устроен мир, каково реальное место России в этом мире, понимания того, что ее влияние на мировые события и ее интересы ограничены. Разумеется, не все его решения были правильными. Но в целом, скажем так, я опасался худшего.

ОПАСНЫЕ ИГРЫ

— *Продуктивна ли, на Ваш взгляд, попытка Путина балансировать между развитыми демократическими странами и так называемыми странами-изгоями, поддерживающими международный терроризм?*

— У меня такое впечатление, что Путин понимает роль развитых демократий в современном мире. И мне кажется, что для него предельно важно наше членство в сообществе этих демократий, в том числе в «восьмерке». По-моему, это для него приоритет. Я совершенно не исключаю, что отношения, которые он строит с той или иной страной-изгоем, на самом деле представляют собой просто тактический маневр, преследующий цель добиться улучшения взаимодействия с нашими партнерами по той же «восьмерке». Внеш-

няя политика вполне прагматична всегда, а уж во времена новой, бушевской администрации она, я вас уверяю, будет таковой в большей степени, чем когда-либо. Разумеется, эти игры могут оказаться крайне опасными, если в них играть слишком серьезно. Тут очень важно выдержать баланс, весьма деликатный. Это как раз тот случай, когда вся соль в деталях. Надеюсь, что мы не заиграемся. Пока у американской администрации нет четкой политики по отношению к России. Она еще только вырабатывается. Американцы еще сами не определили, чего они хотят. Идет естественный процесс притирки. И не надо переоценивать значение той риторики, которая сейчас раздается с обеих сторон. Но вот дальше — примерно с июня, когда новая администрация вполне устоится и будет понятно, каковы ее приоритеты, — для нас будет очень важно выстроить правильное взаимодействие с ней, такое, которое позволило бы нам, разумеется, в полной мере защитить свои интересы и вместе с тем не привело бы опять к нашей изоляции.

— *Насколько велика, по Вашему мнению, угроза реставрации прежней политической системы (элементы такой реставрации, по-моему, видны невооруженным глазом — и давление на НТВ, и история с гимном, и всевозможные «обмены» журналистов...)?*

— Полномасштабная реставрация прежней социально-экономической и политической системы абсолютно исключена. Заигрывание с символикой старого режима — это вообще характерная черта всех послереволюционных стабилизаций. Типичный пример — сталинское заигрывание с царской военной формой, военными чинами, раздельным воспитанием мальчиков и девочек при полном идеологическом отрицании предшествующего режима. Я уж не говорю о наполеоновских маршалах, наполеоновской знати и т. д. Так что в этом нет ничего ни нового, ни удивительного. Неприятно, но не более того. Другое дело, что происходящее ныне усиление государства таит не только некие возможности, но и определенные угрозы. В первую очередь это, конечно, угрозы гражданским свободам. Весьма серьезной представляется опасность формального и неформального государственного контроля над средствами массовой информации. Да, конечно, та позиция, которую занимает сейчас Кремль, объясняя, что все происходящее сейчас с НТВ — это проблемы финансовых компаний, проблемы олигархического капитализма, проблемы долгов, — эта позиция в некотором смыс-

ле логична, достаточно устойчива и труднопробиваема. Вместе с тем она не всегда убеждает. Только в том случае, если мы увидим дальше на опыте, что нет стремления реально обеспечить государственный контроль над основными телеканалами, что есть готовность понимать принципиальную значимость свободы прессы, — только тогда можно будет сказать, что эта угроза не реализовалась.

— *Разве уже сейчас не ясно, к чему стремится власть? Разве не понятно, что она стремится подмять не нравящиеся ей?*

— Во всяком случае я и мои коллеги видим в предотвращении этой опасности свою важнейшую задачу.

ТЕРМИДОР? НЕТ, 18 БРЮМЕРА

— *Как Вы относитесь к термину «термидор», которым часто характеризуют нынешнее состояние политического процесса в стране?*

— То, что сейчас происходит, — это не термидор. Термидор — это, скорее, то, что у нас происходило при втором сроке президентства Ельцина, если уж пользоваться такими банальными сравнениями. А то, что происходит у нас сегодня, — это в гораздо большей степени постреволюционная ситуация. Это больше напоминает то, что происходило во Франции после 18 брюмера Луи Бонапарта. Причем это не имеет никакого отношения к личностям, персональные аналогии тут совершенно неуместны. Это просто период укрепления власти, период ее большей самостоятельности, базирующейся на некоем согласии. В такие периоды вдруг оказывается, что можно собирать налоги, можно поддерживать сбалансированным бюджет и т. д. Так что это, скорее, не термидор, это что-то другое.

— *Как Вы считаете, насколько опасны для России активизация коммунистических сил на постсоветском пространстве (Украина, Молдавия), а также союз с Лукашенко?*

— Мое мнение по поводу союза с Лукашенко известно. СПС — одна из немногих политических сил, которая последовательно выступала против этого союза в тех формах, которые нам навязывает Лукашенко. Беда в том, что идея такого союза популярна в России и на этом наживаются. Первый, кто наживается, — это сам г-н Лукашенко. Никто столько не заработал на дырах в российском таможенном пространстве, на возможности не платить за российские энергоресурсы, сколько режим этого господина. Ну что делать, это несчастье совре-

менной России. Что касается Молдавии, ее влияние на российскую политику, я думаю, достаточно ограничено, таковым оно останется даже и с приходом там к власти коммунистов. А вот то, что происходит на Украине, для нас предельно важно. Отношения с ней, пожалуй, так же важны, как с Европой и Штатами. Мы только постепенно начали это осознавать. Несмотря на события последнего времени, там все-таки пока сохраняются демократические институты и конституционное поле. Там сохраняется достаточно приемлемый уровень этнического мира, что очень важно. И я очень надеюсь, что дальше все будет происходить опять-таки в конституционном поле. Мне кажется, что Россия крайне заинтересована в том, чтобы на Украине сохранились вот эти три важнейших фактора.

— *Чем и когда, на Ваш взгляд, закончится чеченская война? В чем Вы видите решение чеченской проблемы?*

— Учитывая его нынешние партизанские формы, этот конфликт — частично межэтнический, частично внутричеченский — будет, к сожалению, длиться очень долго. Чеченская проблема — это то же самое, что североирландская проблема, баскская проблема, палестинская, курдская, косовская... Такие конфликты, к сожалению, не имеют никакого однозначного прямого решения, тем более военного.

— *А политическое решение у чеченской войны есть?*

— Сейчас, к сожалению, она не имеет также понятного и однозначного политического решения. Происходящая ныне в Чечне партизанская война малой интенсивности, повторяю, будет длиться не месяц, не два, не год, не пять лет...

— *Как Вы полагаете, собирается ли президент всерьез бороться с беспределом, который творят чиновники, с коррупцией, преступностью? Предпримет ли он, наконец, какие-то конкретные шаги в направлении установления пресловутой «диктатуры закона»? Или все по-прежнему будет тонуть в словах, словах, словах?*

— На мой взгляд, если говорить всерьез о борьбе с коррупцией, то это не какие-то демонстративные действия, а движение по двум важным направлениям. Первое из них — сокращение роли государства в экономике, ее дерегулирование, ограничение возможности для чиновника брать взятки, решать вопросы по своему усмотрению, обеспечение прозрачности механизма принятия государственных решений. Второе направление — повышение реальной заработной платы чиновников при сокращении их численности. Честно говоря, других

реальных, недеklarативных способов борьбы с коррупцией я не знаю. Сейчас в правительстве активно ведется работа по пакету мер, направленных на дерегулирование экономики. Это хорошо. Хотелось бы надеяться, что при их принятии компромиссы не будут слишком широкими и действительно удастся добиться продвижения в этом направлении. Обсуждается вопрос о реформах госслужбы, о том, чтобы переводить безумно дорогие натуральные льготы и выплаты, предоставляемые чиновникам, в денежные, на этой базе повышать их реальную денежную оплату и т.д. Если продвижение по этим двум направлениям будет реальным, значит, есть шанс постепенно, шаг за шагом сокращать масштаб коррупции. Важно, чтобы наметилась правильная тенденция, а революций тут никаких не бывает.

ПРЕДШЕСТВЕННИК И ПРЕЕМНИК

— *Каковы, на Ваш взгляд, самые существенные отличия политики Путина (внутренней и внешней) от политики Ельцина?*

— Ельцин и Путин оказались во главе государства на абсолютно разных этапах развития России. Ельцин — это политический лидер, который возглавил революцию, процесс революционного разрушения мощного тоталитарного режима, который сумел в тяжелейших условиях хаоса, всегда следующего за таким разрушением, обеспечить относительно мирное и упорядоченное развитие политических процессов (если не считать его серьезнейшей ошибки с развязыванием войны в Чечне). Это человек, который сумел сформировать демократические институты в России (такого не было в истории страны никогда), обеспечить формирование важнейших рыночных институтов, свободу прессы, не допустить коммунистического реванша и всех рисков, которые были с этим связаны, который вынужден был пойти (а это всегда бывает в период революций) на огромные, очень опасные и дорогостоящие компромиссы, который, конечно, в последние годы был очень ослаблен большой ответственностью, связанной с этими компромиссами. Это человек, который тем не менее сумел обеспечить первую в истории России демократическую передачу власти следующему законно избранному президенту. Ельцин — абсолютно феноменальная, в некотором смысле историческая фигура, масштаб которой нам предстоит в полной мере оценить, я боюсь, еще не скоро.

Что касается Путина, это человек, который пришел в политику по мобилизации Ельцина, был подобран Ельциным в качестве своего преемника, показал себя очень способным публичным политиком, чего мало кто ожидал от него в тот момент, когда он был назначен премьер-министром, который сумел консолидировать власть и выиграть выборы, обеспечить мирную передачу власти и в общем решение той фундаментальной задачи, которая обычно ставится на послереволюционной стадии, — задачи укрепления власти. У него гораздо большая свобода маневра, чем у Ельцина (в эпоху революции она вообще бывает очень узкой). От него очень многое зависит. Пока по ряду направлений, в первую очередь экономических, он, по-моему, использовал эту свободу маневра неплохо. Жизнь покажет, как пойдет дело дальше. Представьте себе, что мы подводили бы итоги президентства Ельцина после первого года его избрания президентом. Вряд ли мы смогли бы сказать много умного, точного и глубокого о том, как это президентство сложится дальше.

— *Что Вам импонирует и что не очень в личности Путина? Одни считают его сильным президентом, другие — слабым (пример очевидной слабости — история с Наздратенко¹). А Вы?*

— Я воздерживаюсь от суждений по этому поводу. Понимаете, очень рано об этом судить. Тут всегда есть соблазн скоропалительных суждений. Не знаю, жизнь покажет.

— *Как бы Вы назвали тот общественно-политическо-экономический режим, который сформировался в России к 2001 г.?*

— Это постсоциалистический режим с рынками, частной собственностью, демократией... И с очень серьезными родимыми пятнами социализма... При этом рынки и частная собственность приняты обществом более или менее как данность. Обсуждается лишь то, какие это рынки и какая частная собственность. А демократические институты пока еще, на мой взгляд, не гарантированы. Вот и все, дальше я не хотел бы углубляться в дефиниции.

¹ Евгений Иванович Наздратенко, губернатор Приморского края, 6 февраля 2001 г. ушел в отставку в связи с энергетическим кризисом в крае, разразившемся этой зимой. Был назначен руководителем Госкомрыболовства, но вскоре отстранен от этой работы, причиной чего стал коррупционный скандал с нарушением порядка распределения квот на вылов рыбы. — *Прим. ред.*

Если бы да кабы...

— *Я думаю, для Вас не секрет, что многие Вас всячески ругают и поносят, считают едва ли не главным виновником экономических бед последнего десятилетия. Хотя во главе правительства Вы были всего лишь несколько месяцев. Тем не менее Вы действительно «отец» российских либеральных реформ. Как Вы полагаете, можно ли было провести эти реформы более эффективно, динамично и так, чтобы в результате их улучшилась жизнь как можно большего числа людей?*

— Конечно, можно было, если бы российское общество было более единым в осознании необходимости и задач этих реформ, если бы их поддержка в обществе была глубже, если бы в условиях социализма гражданское общество не было уничтожено столь сокрушительно, если бы социалистические традиции не укоренились так глубоко, если бы они не накладывались на общие тяжелые традиции российского сознания и российской трудовой этики, и т. д., и т. п. При выполнении всех этих условий реформы, безусловно, можно было бы провести и быстрее, и энергичнее, и эффективнее. Но в действительности этих предпосылок не было. Был реальный политический процесс. Была политическая элита, которая совершенно не понимала, куда надо идти, не понимала даже того, что она понимает сегодня. Была управленческая элита, которая 70 лет не видела рынка. Было общество, которое не имело абсолютно никакого рыночного опыта, не видело ни одного нормального магазина и т. д. Но даже и при этом реформы можно было провести успешнее, если бы политика была более последовательной. Но увы...

— *Какими Вам видятся нынешние перспективы политического движения правой ориентации в России?*

— Я думаю, они нормальные. В России складываются те социальные группы, группы интересов, которые объективно являются базой правоцентристских партий, всегда выступают за более низкие налоги, за ответственную финансовую политику, за хорошо защищенные права собственности, за низкие государственные расходы. То, что нам удалось уйти от множества маленьких партий и, видимо, в ближайшее время удастся создать единую, достаточно сильную правоцентристскую партию «Союз правых сил», — важный шаг

к тому, чтобы этот слой нашей социальной поддержки оказался консолидированным и организованным.

— А вопрос об объединении с «Яблоком» по-прежнему остается нерешенным?

— Это нерешенный вопрос. Мы довольно неплохо сотрудничаем в Думе, практически по большинству вопросов голосуем вместе. У нас действуют координационные механизмы на фракционном уровне и на политическом. Мы выступаем с общими политическими инициативами. Наша позиция: мы за такой союз. Многие видные деятели «Яблока» тоже за, но «Яблоко» в целом еще не определилось.

— Какое у Вас вообще сейчас доминирующее настроение при взгляде на то, что происходит в России, — оптимистическое, пессимистическое?

— Оно смешанное. Как я уже сказал, я вижу реальные результаты в некоторых направлениях. Для меня очень важно, что рынок и частная собственность приняты в России как данность. Для меня очень важный фактор оптимизма — рост числа прилично управляемых предприятий и существенное повышение квалификации управленческого персонала на уровне предприятия. Я вижу существенный рост понимания значимости ряда фундаментальных вещей — стабильности национальной валюты, более или менее устойчивых национальных финансов. Вместе с тем я вижу серьезные риски для демократических институтов — эти институты гораздо менее устойчивы, за ними гораздо меньше реального согласия элиты и общества, чем за частной собственностью и рынком.

Партия власти, выходя в тираж, всегда проигрывает

— Егор Тимурович, я хотела бы поговорить о правой партии. Дело в том, что, когда была коллизия с возможной отставкой правительства и возможным роспуском Думы, мне пришло в голову, что в случае новых выборов у СПС очень мало шансов создать свою фракцию. Если я ошибаюсь, опровергните.

— Ну почему... Я как раз думаю, что у нас есть все шансы. Во всяком случае об этом говорят социологические исследования... И я не вижу оснований полагать, что данные социологов должны радикально измениться.

«МЫ ЕЩЕ ДАЛЕКО НЕ ТОРИ»

— Что происходит с нашей многопартийностью?

— Сейчас постепенно, медленно формируются контуры политической системы. Они еще очень далеки от стандартов развитых демократий, выросших из демократии налогоплательщиков. Тем не менее это так.

Специфическая российская черта, связанная с нашей собственной историей и нашим конституционным устройством, — наличие у нас такого своеобразного феномена, как партия президента, которая будет, видимо, на протяжении некоего исторического периода существовать в России. Эта партия ориентирована на тех, кто в данный момент находится у власти, в частности на действующего президента, независимо от того, кто он.

Есть левый электорат, он достаточно устойчив, консолидирован, не растет, и на этом фланге прочно доминирует и, видимо, будет доминировать в ближайшие годы КПРФ.

Есть бывшая «партия власти», которая, выходя в тираж, всегда проигрывает, как проигрывала, скажем, НДР на прошлых выборах, как, скорее всего, проиграет «Отечество — вся Россия». Это несостоявшаяся партия.

Есть совершенно очевидный процесс политической консолидации либеральной и правой частей политического спектра. Там еще совсем недавно были десятки маленьких раздробленных политических партий и движений. А сейчас образовались две политические силы — СПС и «Яблоко». И здесь сконцентрирована поддержка достаточно значительной и устойчивой части избирателей. Они могут быть недовольны по тем или иным причинам отдельными позициями представителей партии, за которую голосуют. Они иногда злятся и обижаются. Но перед выборами происходит практически неизбежная консолидация этой части электората, если он не раздроблен.

Само наличие устойчивого прозападнического, правого и либерального, электората (бывают разные комбинации у этих электоратов) и политическая консолидация в этой части политического спектра делают, на мой взгляд, СПС все-таки устойчивым образованием.

— Но электорат — это в основном интеллигенция...

— На самом деле электорат СПС меняется со временем. Сейчас это, как мне кажется, действительно часть интеллигенции, нынешней или бывшей, это бизнес, который постепенно понимает, что надо отстаивать свои интересы. Не добиваться лоббирования отдельных решений, а отстаивать интересы бизнеса в целом — низкие налоги, дерегулирование, защиту собственности, открытую экономику, т. е. защищать бизнес как бизнес.

И в какой-то степени это просто молодые группы населения, которые не принимают коммунистическую альтернативу, смотрят в завтрашний день и понимают, что завтрашний день связан с идеями, которые защищает СПС.

Вот, на мой взгляд, три группы наших избирателей. Для СПС принципиально важна задача стать центром объединения этих трех групп, которые часто друг с другом не очень хорошо ладят и общаются.

Если перейти к идеологии, то СПС — это объединение людей двух совместимых, но разных идеологических ориентаций. Первая из них — это собственно либералы, ориентированные в первую очередь на права и свободы. И вторая — это, скажем так, прагоцен-

тристы. Они ориентированы не столько на политические свободы и политические права, сколько на стабильность прав собственности, защиту интересов бизнеса и т. д. Это ведь две несовместимые вещи. Но это немножко разные вещи, с разными приоритетами и разными акцентами. Им больше нравятся разные лидеры и разные идеологические продукты. Наши задачи и трудности состоят в том, что СПС может сохраниться, лишь добившись того, чтобы эти группы, может быть не всегда друг друга с энтузиазмом воспринимающие, понимали, что они стратегические союзники и могут и должны действовать вместе — только тогда это сила.

Как, скажем, в Консервативной партии Великобритании. Там люди очень разных реальных убеждений по многим важным вопросам. Тем не менее им как-то приходится действовать вместе. Если они не будут действовать вместе, не будет ни тех, ни других, просто как политической силы. Мы еще далеко не Консервативная партия Великобритании ни по истории, ни по своему влиянию, но задача перед нами стоит та же самая.

— Но почему же тогда избиратель предпочтет «Единство»? Ведь, судя по всему, именно «Единство» претендует на описанную Вами роль. И что разделяет СПС и «Единство»?

— С «Единством» нас разделяет то, что это не идеологическая партия, это «партия власти». Когда и если власть демонстрирует приверженность правой идеологии, то, естественно, «Единство» становится партией, ориентированной на эту идеологию. И нам поразительно удобно работать вместе, что мы и делаем в Думе. И благодаря именно этому союзу нам удалось многое сделать из того, что было сделано. Они бы не сделали без нас, и мы никогда бы не сделали без них.

Но надо понять, что если завтра, скажем, Путин снимет прагоцен-тристское правительство и назначит левоцентристское, то «Единство» с такой же эффективностью будет сотрудничать с коммунистами в проведении другой политики. Да, «Единство» — это «партия власти», но это не партия, которая хоть в какой-то степени гарантирует проведение той или другой идеологической линии.

А вот здесь как раз и собака зарыта, потому что власть при всей ее автономии в очень большой степени ориентируется на импульс силы. «Единство» не придает ей никакого импульса силы ни с той, ни с другой стороны идеологически. Импульсы задают

партии, находящиеся слева и справа от «партии власти». Если партия справа от власти слабенькая или не существует, власть, совершенно естественно, начинает тянуть влево, как ее тянуло, скажем, в 1995–1999 гг. Если правая партия сильная, значит, есть возможность того, что есть сейчас, — формирования правоцентристского правительства. Представим себе на секунду, что не было бы в Думе сегодня СПС — даже не СПС и «Яблока», а одного СПС — и нет возможности создать коалицию, способную проводить ту программу реформ, которую сегодня предложило правительство. Арифметически Вы не получаете необходимого числа голосов.

При всей слабости Думы ее влияние на реальный политический процесс — и это только с годами я стал осознавать — достаточно велико.

Еще раз подчеркиваю: сейчас мы с «Единством» прекрасно работаем в Думе. Очень рад этому, очень хочу это дальше сохранить. Но надо понимать, что импульс их воздействия наверх минимален.

— *А вот Дума примет новый закон о партиях — 10 тыс. членов надо набрать... Реальных. Не страшно, что люди пойдут в «Единство» — те, кто на прошлых выборах голосовал за СПС?*

— Нет, это не страшно все. Нет проблем. Сейчас даже не 1995 г., когда демократическое движение находилось в упадке и все ждали, когда придут коммунисты. Серьезной проблемы с мобилизацией актива у СПС нет. Там другое дело. Из этого закона мы хотим обязательно исключить те пункты, которые позволяют власти произвольно манипулировать политическим процессом и исключать из него по своему усмотрению отдельных игроков. Я за то, чтобы были достаточно серьезные требования к партии, которая хочет зарегистрироваться как общероссийская политическая партия и участвовать в политическом процессе. Мне не нравится история «карманных» партий, которые возникают за день до выборов или существуют лишь на бумажке.

Но после того как партия возникла, принимает участие в выборах, выигрывает, получает сильные результаты, распускать ее только потому, что в одном из региональных отделений оказалось меньше 100 человек (а сделать это под давлением администрации очень просто)? Это ни в какие ворота... Мы не единственные участники процесса, которые это понимают, потому, надеюсь, подобного рода нелепицу нам удастся из закона убрать.

СКОЛЬКО РЕФОРМ НАМ ПО СИЛАМ

— *Поговорим о программе Грефа. Существует ли она сейчас? Что-то стало не очень понятно...*

— Программа существует. И мне нравится. Мне нравится и то, что было реально сделано по воплощению этой программы в прошлом году. Если реалистично оценивать, что можно было сделать, результаты надо признать очень серьезными.

Но я вижу, что с конца прошлого года, где-то с декабря, пошла явная пробуксовка. И я понимаю, в чем ее корни... В России масса проблем, и программа ориентирована на то, чтобы попытаться продвинуться в решении. Но способность не только российского правительства, а вообще любого правительства в любой стране мира решать сложные политические и административные задачи, не просто сохраняя статус-кво, а внося изменения, реформируя, всегда ограничена.

Как если бы, скажем, американский президент Буш сейчас сказал, что он хочет одновременно провести 20 разных реформ, то ясно бы было, что он не проведет ни одной. Способность любого американского президента в первый год президентства провести важные реформы обычно ограничивается при идеальном раскладе тремя. Пять — это много.

Когда шли споры между нашими, условно говоря, старыми реформаторами и, условно говоря, молодыми реформаторами, мы говорили коллегам: друзья, надо выбрать приоритеты. Все равно всего сразу вы не сделаете, так не бывает. Вам надо определиться. Допустим, вы делаете первое, второе и третье или третье, четвертое и пятое. То и другое разумно. Только не думайте, что вы делаете все сразу.

Но вот неспособность выбрать приоритеты и сосредоточиться на них, на мой взгляд, важнейшая, фундаментальная проблема правительства в последние месяцы.

Когда вы пытаетесь провести одновременно банковскую реформу, реформу пенсионную, реформу системы социальной защиты, реформу трудовых отношений, земельную реформу, налоговую реформу, реформу бюджетного федерализма, образовательную, армейскую и т. д., это значит, что вы увязнете во всех этих проблемах,

все будет кипеть, бумаги будут ходить туда-сюда, а продвижения не будет.

Сегодня главное, что, на мой взгляд, надо сделать правительству, — это четко определить для себя, где три приоритетных направления 2001 г., которые они надеются продвинуть. Убедить в этом себя самих, убедить в этом президента, сконцентрироваться вокруг этого в Думе. Тяжелейшая задача политическая, административная, всякая. А время уходит, ведь вторая половина года — плохое время для реформ: в Думе — бюджетный процесс. Хорошее время — это весна, начало лета. А вот смотрите: земельная реформа в окончательной форме представлена не была. Правительство разделено по вопросу о пенсионной реформе. Попытка дерегулирования — да, хорошо, замечательно правительство это проработало, но до сих пор в Думу не представило. Таможенный кодекс? До сих пор в Думе нет нового варианта.

— *Да Вы же от них камня на камне не оставляете...*

— Нет-нет. Не судья я им, мне ли не знать... Они, конечно, неплохое правительство. Они стараются, они идут в правильном направлении. Но необходимо определить приоритеты и организовывать работу по их реализации.

— *Может быть, их не слишком активно поддерживает президент?*

— Пока можно сказать, что многое из того, что говорит президент, подкреплено реальным делом. Да, мы никогда бы не провели налоговую реформу без фракции СПС в Думе, что бы ни говорили. И никогда в жизни мы бы не провели ее, если бы Путин ее энергично не поддержал. Это был серьезный политический ход. Никогда в жизни никто не отважился бы провести решение о сокращении на 600 тыс. численности служащих в разных структурах Вооруженных Сил, в военных формированиях, если бы у Путина не было понимания, что только таким путем можно нормализовать ситуацию у нас в армии и силовых структурах. И по многим другим направлениям он действительно показал, что всерьез относится к своим словам, что это не просто декларация. Даже такое вроде элементарное решение, как снижение таможенных тарифов и унификация их ставок, которое на самом деле задевало мощнейшие интересы, вызывало огромные диспуты и дискуссии, без твердой позиции Путина никогда бы не было реализовано. Что можно сказать по итогам года? Что его слова, по крайней мере в эконо-

мике, были подтверждены делами. Это дает основание для надежд на то, что так будет и дальше.

ПАРАЛИЧОМ НЕ ЛЕЧАТ

— *Мы с Вами, как суровые реалисты, все-таки будем исходить из того, что экономика первична?*

— Конечно. Мне кажется, что у Путина есть понимание того, что путь назад — это путь в тупик. Мне кажется, что у него есть желание сделать Россию современной страной. Мне кажется, что он понимает, что для этого нужно сделать ее страной с эффективно функционирующей рыночной экономикой... А дальше, как только ты для себя решил, как только ты это для себя принял, — дальше у тебя почти все из этого следует как неизбежные компоненты, неизбежные условия движения в этом направлении.

— *Не следует ли из вышесказанного, что недостаточно эффективное правительство Путину следует отправить в отставку?*

— Наверное, Касьянов в самом деле не идеальный организатор. Но, повторяю, я просто очень плохой ему судья, потому что знаю, насколько сложны задачи, которые он решает. Легко говорить, со стороны наблюдая сражение... Я надеюсь, что Касьянов сумеет исправить положение.

Теперь об отставке правительства. Я твердо убежден: отставка — самый надежный путь к тому, чтобы в 2001 г. поставить крест на любых реформах. Отставка правительства — на полгода парализация работы. Если бы у нас было ужасное правительство, которое очевидно ведет к катастрофе, то черт с ним, в конце концов, оно бы не повело нас к катастрофе полгода. Но только из-за того, что правительство действует недостаточно быстро и решительно для реализации своей хорошей программы, устроить себе паралич любой реформаторской деятельности — это выглядело бы очень странно.

— *Наша власть состоит из нескольких компонентов. Администрация президента какое-то влияние на работу правительства оказывает?*

— Мне кажется, что да, оказывает, потому что возможность у правительства реализовывать те или иные решения в Думе в очень большой степени зависит от не менее энергичной поддержки со стороны президентской администрации. Правитель-

ству не только самому с собой надо договориться о приоритетах, а очень определенно убедить в этом Путина, который должен поставить жесткие задачи перед своей администрацией. Когда мы проводили комплекс налоговых реформ в прошлом году, база его была такова: правительство твердо определило приоритеты, получило четкую однозначную поддержку президента, четкую однозначную поддержку администрации президента, и после этого... тяжелейшая, мучительная работа — и все равно пришлось пойти на массу компромиссов, на которые, конечно, не хотелось идти. Вот это модельный случай. Так бывает, когда ты всерьез хочешь провести важную, полезную реформу в России. Когда и если правительство действует в одну сторону, а администрация президента скептически наблюдает за этим, то шансов на то, что удастся добиться результатов, очень мало или плата политическая будет очень высокая.

— *Сейчас какая ситуация?*

— По разным направлениям разная. Мне кажется, что если бы поддержка администрации президента в процессе проведения бюджета была более серьезной, то правительству не пришлось бы идти на тот набор компромиссов, в которых потом его упрекали в первую очередь те же самые депутаты, которые, собственно, и вынуждали правительство идти на этот набор компромиссов. Когда мы обсуждали бюджет в Думе, при первом обсуждении бюджета и при последнем обсуждении я говорил: друзья, там дырка в 6 млрд долл., это совершенно очевидно. И какие дополнительные доходы? Нам надо думать, каким образом эту дырку закрыть. И что бы мы ни записали с вами, потом выяснится, что у нас не будет кредита МВФ, кредита Мирового банка, не будет японского кредита, придется обслуживать Парижский клуб, и никуда мы не денемся, мы будем это делать... Правительство, надо сказать, не отрицало этого.

Но никто же этого не хотел слушать! Люди хотели делить дополнительные доходы бюджета. Это дело понятное, это прибавляет депутатам авторитета, влияния и т. д. Так вот, когда я последний раз это сказал при обсуждении вопроса о дележке доходов (все это есть в стенограмме), то позиция моих коллег по бюджетному комитету, подавляющего большинства, была: вот когда выяснится, что у нас нет дополнительных доходов, пусть тогда поработают эксперты,

тогда мы все решим... Когда же все это выяснилось, правительство пришло в Думу, ему говорят: ну какие же, однако, вы у нас идиоты. Как же вы не могли нам сказать, что не будет 6 млрд?..

А конечно, если бы поддержка со стороны президента была более четкая и определенная, правительству не пришлось бы идти на компромиссы, которые потом обернулись достаточно малопривлекательной и малоприличной историей с внесением поправок в бюджет, с нашими сложными позициями по переговорам с Парижским клубом и т. д.

— *Не очень понимаю, почему все это произошло...*

— Потому что всегда есть соблазн... У любой администрации, которая работает на президента, есть соблазн защищать президента, защищать авторитет президента, не растрчивать его по мелочам, не вовлекать его в решение разных спорных и конфликтных вопросов, дать правительству работать с Думой так, как оно считает и может, сохраняя за президентом функцию арбитра. В этом ведь есть некая политическая логика и здравый смысл.

Однако, когда и если дела в стране начинают идти не так хорошо, когда и если возникают ситуации, подобные той, которая возникла с обслуживанием долгов, такая логика бьет не по авторитету правительства, она бьет по авторитету России и, что неизбежно, всего российского руководства, включая президента.

— *Есть ли способ предотвращать подобные ситуации впредь?*

— Окончательных решений, я думаю, здесь быть не может. Во многом эта проблема встроена в саму конструкцию президентской республики. Хорошо, если президент понимает, что важно, а что неважно, где нельзя не растрчивать свой авторитет, подерживая собственное правительство, а где действительно можно дистанцироваться и сказать, что это частность, разбирайтесь с нею сами...

ОЛИГАРХИ, РЕКЛАМА И СВОБОДА ПРЕССЫ

— *Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к ситуации со свободой слова в России?*

— Пока свобода слова в России есть. Это совершенно очевидно. Надо просто открыть газету, посмотреть экран телевизора. Видно, что Россия пока страна свободы слова. Мне здесь не нравится слово

«пока». Если Россия — страна с рыночной экономикой, то она и будет с рыночной экономикой. В этом я абсолютно убежден. В том, что Россия через год, через два, через три, через четыре будет страной, по крайней мере, с той же мерой свободы слова, как сейчас, у меня есть сомнения. Потому что я пока не вижу четких и надежных демонстраций того, что нынешняя администрация и нынешний президент в полном объеме понимают, в какой степени свобода слова нужна России.

— *Разве ситуация с НТВ недостаточно яркая демонстрация того, что воров и жуликов разоблачим, а свободе слова не помешаем (сейчас не будем говорить о том, воры ли те, кого объявили ворами)?*

— Я сказал, что в России пока свобода слова есть. Когда и если в России через год и через два будут по-прежнему вещать независимые от государства телевидение и радио, будут выходить независимые крупные газеты, я с вами соглашусь. Я понимаю всю эту логику, связанную с тем, что НТВ — это в первую очередь финансовая проблема, что есть проблема плохого менеджмента, есть накопленные более чем своеобразные и явно политические долги... Вся эта логика мне понятна, и в некотором смысле она безупречна, с ней невозможно спорить, сказать, что это неправда все... Другое дело, что это всегда забавное слияние: олигархи, принадлежащие им медиагруппы, свобода слова. Как ни странно, вроде как и сами олигархические группы заинтересованы в том, чтобы это слияние сохранялось. И я не абсолютно убежден, что и те, кто сидит в Кремле, не заинтересованы в том, чтобы это слияние сохранялось...

Сегодня в ситуации с НТВ обе стороны, говоря противоположные вещи, играют по одним и тем же правилам.

При этом мне не очень понравилась доктрина информационной безопасности... Ну, скажем так: Путин за этот год сумел убедить меня в том, что искренне предан, по крайней мере на сегодняшний день, проведению либеральной экономической программы, но не смог убедить меня в том, что он искренне предан реальному сохранению свободы слова.

— *И убедит Вас в этом только...*

— ...только жизнь, причем не так уж скоро. У меня нет никаких оснований сейчас сказать, что Путин собирается удушить свободу слова... И у меня нет оснований сказать противоположное.

— *Есть такой предмет, и мы должны преподавать его на своем факультете журналистики, называется «экономика средств массовой информации». К сожалению, вся экономика средств массовой информации сводится к одному; если у тебя есть олигарх, который дает тебе деньги, есть экономика. Если его нет или у него деньги кончились, то и средство твое загнулось. Так? Или не так?*

— К сожалению, ситуация еще хуже, чем Вы ее сейчас описали. Есть и другой способ функционирования средств массовой информации. Он звучит так: откат за то, что в моем средстве массовой информации не будет написано про меня ничего плохого. И это на самом деле очень большие деньги в сегодняшней России...

В связи с этим я считаю, что нельзя допускать принятия закона о рекламе в том виде, в котором сейчас он прошел в первом чтении. На самом деле вопрос о рекламе в России на ближайшие годы тождествен вопросу о свободе прессы. Развитие рынка в России вообще, рост рекламного рынка, рост доходов от рекламы тождественны возможности существования независимой прессы. Никаких других путей в ближайшей, по крайней мере, перспективе не будет: человечество их не придумало. Либо ты готов, чтобы СМИ жили за счет государства, и тогда не жалуйся, что они живут за счет государства, либо ты готов, чтобы они жили за счет олигархов, и не жалуйся, что они будут жить за счет олигархов, либо ты готов, чтобы они жили за счет информационного рэкета, но не жалуйся, что они живут за счет информационного рэкета, либо ты готов, чтобы они жили за счет рекламы, но тогда не сдерживай рекламу, тогда тебе надо всячески холить и лелеять рынок рекламы.

Откладывать создание партии «Союз правых сил» нельзя

— *Егор Тимурович, хочу сначала спросить, как Вы расцениваете сенсационные сообщения о грядущем объединении «Единства» и ОВР.*

— В России продолжается процесс политической концентрации, когда на базе сравнительно малых и разрозненных политических образований формируются более-менее крупные политические партии и блоки. Это нормально, так и должно быть в условиях молодой демократии. В нашей стране у этого процесса есть своя специфика, и заключается она в наличии своеобразного феномена, каким является партия власти, т. е. партия, которая лояльна существующей власти, действующему президенту и которая будет не теоретизировать, а гибко менять свою позицию по тому или иному вопросу в зависимости от того, как меняется линия существующего правительства и президента. Есть два важных обстоятельства, которые надо учитывать, когда мы говорим о партии власти. Первое. Не бывает в стране двух партий власти, партия власти всегда одна, потому что власть тоже одна. В связи с этим всякая партия бывшей власти автоматически обречена на поражение на следующих выборах. В 1999 г., когда создавались «Отечество» и «Вся Россия», практически вся элита была убеждена, что это и будет настоящая партия власти. Но неожиданно выяснилось, что партией власти станет не ОВР, а другое объединение, тем более что именно оно, другое объединение, и победило. Происшедшее фактически закрывало всю историю с ОВР. Было ясно, что этот блок не имеет никаких политических перспектив, если не сольется с новой партией власти. При всем этом — именно потому, что ОВР создавался раньше и все первоначально полагали, будто этот блок и явится настоящей партией власти, — при всем этом персональный

состав партии «Отечество — вся Россия» по уровню квалификации часто выше, чем персональный состав «Единства». Хотя, разумеется, и в той, и в другой фракции есть разные люди, но, скажем, в ОВР присутствуют такие политики, как Андрей Кокошин, — без всякого сомнения, очень квалифицированный специалист в области обороны, как Валерий Драганов и многие другие. Тем не менее на следующих выборах блок ОВР был обречен. Какой-либо реальной возможностью избежать такого финала он, на мой взгляд, не располагал, кроме того единственного маневра, который и был теперь использован. Только слившись с настоящей партией власти, овээровцы обретают шанс оказаться там, где они рассчитывали оказаться с самого начала.

— *Да, ОВР на следующих выборах был бы, наверно, обречен. Во всяком случае прошлый опыт показывает, что это действительно так. Однако до выборов еще два с половиной года. Почему выбран, с Вашей точки зрения, именно этот момент? Не сказались ли, как полагает ряд наблюдателей, личные проблемы Юрия Михайловича Лужкова?*

— Почему именно сейчас? Да какой бы момент ни был выбран, вы имели бы основание задать этот вопрос. Что касается интересов Лужкова — возможно они сыграли какую-то роль, но это отнюдь не гарантировано. Дело в том, что объективно никакой нужды толкать «Отечество — вся Россия» в партию власти нет. Оно само туда хочет, всегда хотело. Просто поначалу ошиблось дверью и горело желанием ошибку эту исправить. Надо было лишь намекнуть ему, что такое возможно.

— *А какие еще характерные особенности надо иметь в виду в связи с партией власти?*

— Об одном важном обстоятельстве я сказал. Другое, которое тоже следует учитывать: партия власти может быть большой, она может быть хорошо представлена в Думе, однако ее воздействие на власть минимальное, точнее, вообще нулевое. Механизм воздействия, который там представлен, направлен не снизу вверх, а в противоположную сторону, сверху вниз, т. е. власть принимает решения, а партия власти их транслирует и выполняет. По этой причине, сколь бы большой ни была по своему составу партия власти, воздействие ее на курс власти крайне ограничено. Всегда. И в связи с этим принципиально важно, что находится левее партии власти и правее партии власти. Естественно, левее партии вла-

сти находится и долго будет находиться КПРФ. Большая серьезная сила, всегда стремится обеспечить перевес левой части нашего политического спектра. А большая партия власти, напомню, не давит на власть. На правом фланге тоже происходит процесс постепенной консолидации, по крайней мере, участников двух политических объединений — «Яблока» и СПС с неплохим взаимодействием между ними в Думе в первую очередь. В Думе мы в подавляющем большинстве случаев едины, координационный механизм работает здесь неплохо.

— *Консолидация на правом фланге, учитывая тесное сближение «Единства» и ОВР, получает, надо полагать, дополнительные импульсы.*

— На мой взгляд, урок из факта формирования этой коалиции состоит вот в чем. Да, процесс концентрации идет, и он абсолютно неизбежен. Идеи, что если у нас есть сейчас проблемы с созданием СПС, то мы можем отмахнуться от необходимости создания СПС как единой широкой правоцентристской партии, отложить момент создания на какое-то время, — такого рода идеи заведомо контрпродуктивны, потому что правый фланг либо будет представлен достаточно сильными и боеспособными организациями, либо будет лишен возможности оказывать серьезное влияние на всю политическую конфигурацию. Наличие никуда не давящей партии власти и сильного левого фланга резко ограничивает возможность правительства проводить жизненно необходимые реформы. Это отчетливо показывает весь опыт последних лет. Процесс перемен в очень большой степени обеспечивают законы. Законы и бюджет. Можно сколько угодно высказывать самые разные пожелания и требования, но если они не воплощаются в законы и статьи бюджета, то так и останутся просто пожеланиями и просто требованиями. В любой президентской республике прохождение закона через парламент осуществляется сложнее, чем в парламентской республике: в президентской республике устойчивого парламентского большинства, формирующего правительство, нет. В результате проведение через парламент президентской республики систематических и затрагивающих чьи-то мощные интересы решений — это всегда создание соответствующих коалиций. Даже сейчас, после того как «Единство» и ОВР обяжутся действовать в едином ключе, — даже сейчас это еще не означает, что пра-

вительство и президент всегда будут иметь надежную возможность беспрепятственно проводить те решения, которые задевают интересы очень влиятельных группировок. Таким образом, встает и будет стоять вопрос: как строишь ты эту коалицию? Скажем, ты владеешь неким пакетом голосов в поддержку любого твоего решения. Дальше вопрос: а ты можешь обеспечить себе большинство? Если можешь, то в союзе с кем именно? Если ты можешь выстроить большинство только с левыми, значит, тебя всегда будет клонить влево. Если ты выстраиваешь большинство с правыми — тебя будет клонить вправо. Если ты можешь выстроить большинство и с теми, и с другими, значит, очень многое зависит от того, какую повестку дня предлагают президент и правительство.

— *Наличие сильного правого фланга в Государственной думе, который мог бы сдвигать правительство вправо, сегодня тем более важно, что перспективы нашего экономического развития снова кажутся не очень определенными?*

— Что касается экономики — эту тему я разбил бы на два набора сюжетов. Первый — собственно макроэкономическая динамика, второй — структурные реформы. Обратимся сначала к области макроэкономической динамики. Естественно, мы не могли ожидать сохранения в 2001 г. экстремально высоких темпов промышленного роста и роста инвестиций, которые стали под влиянием известных факторов характерными для 2000 г. Пока ясно, что промышленный рост серьезно замедлился. В какой степени он сохранится, будет видно в течение ближайшего времени. По I кварталу в сопоставлении с I кварталом 2000 г. промышленный рост составил, по прогнозным оценкам, чуть меньше 4%. Он продолжился в большинстве отраслей, включая наиболее динамичную легкую промышленность, машиностроение, химическую промышленность... В какой степени этот рост устойчив, сказать сейчас очень трудно. Вообще с научной точки зрения любые рассуждения о росте в нашей стране крайне сложны. Россия первый раз выходит из постсоциалистического кризиса и, дай Бог, последний. Отсутствует база многолетних исследований, которая позволяла бы статистически корректно анализировать и прогнозировать динамику этого процесса. Тем не менее можно, мне думается, сказать: да, в этом году экономический рост существенно замедлился, но он, видимо, продолжится. Можно сказать также, что серьезной про-

блемой является быстрое укрепление реального курса рубля. И она не имеет простых решений, потому что набор инструментов, которыми обладает любая страна, столкнувшаяся с проблемой «голландской болезни», ограничен.

Третье — идет быстрый рост реальной заработной платы. По видимому, это свидетельствует о том, что налоговая реформа сработала и идет процесс легализации реальных доходов. Рост заработной платы по итогам первых двух месяцев нынешнего года составил больше 22%. В отдельных секторах заработная плата увеличилась в 2,5 раза и более. Скажем, в секторе «Банки, страхование и финансовая деятельность» средняя заработная плата выросла со 180 долл. на начало прошлого года до примерно 500 долл. сейчас. Плюс к этому мы имеем очень приличные результаты по сбору налогов в условиях резкого снижения налоговых ставок. Делать здесь далеко идущие выводы рано, но ясно, что налоговая реформа не привела на первом этапе ни к падению доходов в бюджет, ни вместе с тем к существенному их росту. Такова объективная картина того, что происходит сейчас в макроэкономике.

Теперь о структурных реформах. Была серьезная пробуксовка в период между декабрем и концом марта — началом апреля этого года, когда правительство, имея хорошую программу, как бы оказалось неспособным точно определить набор приоритетов, определить то, вокруг чего надо сконцентрировать в этом году свою работу. Успехи в структурных реформах прошлого года — а они были серьезными — предопределялись тем, что в самом начале деятельности кабинета были четко выделены приоритеты: в первую очередь это налоговая реформа, это реформа бюджетного федерализма, усиление федерального контроля за выполнением федерального законодательства в регионах. Приоритеты определены — и по всем этим направлениям правительство добилось серьезных успехов. А вот дальше... У России масса проблем, а способности любого правительства решать серьезные проблемы довольно-таки ограничены. Не обозначив или нечетко обозначив приоритеты, то, чем необходимо заняться в первую очередь, власть в результате начинает буксовать при движении по всем направлениям — земельное законодательство, таможенное, налоговое и т. д. В последнее время эта проблема стала активно обсуждаться. То, что правительство выделяет сейчас в качестве приоритетов, включая

продолжение налоговой реформы, дерегулирование, земельную реформу, — все это, на мой взгляд, в высшей степени разумно.

В какой степени удастся воплотить замыслы в дела (причем воплотить не когда-то, а в самом скором времени, потому что самый продуктивный период для проведения важных реформ в России — первое полугодие, ибо во втором полугодии власть находится под огромным политическим давлением в связи с подготовкой бюджета) будет видно буквально в ближайшие два-три месяца.

Гайдар: Кандидат в лидеры

Интервью Егора Гайдара, который убежден, что Путин хочет построить рыночную экономику, и хочет верить в его слова о приверженности демократии. С видным экономистом и одним из лидеров СПС беседовал главный редактор «Вестей. Ру».

— Вы дали согласие на то, чтобы СПС выдвинул Вашу кандидатуру в качестве будущего лидера. Есть также кандидатура Немцова. Борис Ефимович из публичной политики активно не уходил, а что касается Вас, то создалось впечатление, что Вы сознательно несколько отошли в тень, уступив огни рампы другим. Теперь возвращаетесь?

— Собственно, должен сказать, что если меня выберут председателем координационного совета, то это не означает радикальных перемен, потому что если Вы поинтересуетесь, то на координационных советах СПС обычно председательствую я. И я убежден, что должно быть распределение ролей. Скажем, программу СПС, как правило, разрабатываю я, а публичные кампании, конечно, гораздо эффективнее ведет Борис. И я думаю, что мы так и будем в любом варианте действовать: кроме выборов, я буду делать программную работу, то, что делается в области экономического законодательства, налоговой реформы, бюджетной реформы и т. д., а Борис Ефимович будет в большей степени публичный политик.

— Вы не боитесь, что предвыборная кампания станет еще одним противоречием, которых и так немало?

— Честно говоря, не думаю. Больше того, думаю, что это правильно и снимет многие разногласия, потому что демократическая процедура — это очень важно для демократов. Когда есть возможность выбора, это снимает массу конфликтов. Я думаю, надеюсь, что это будет самая дружественная кампания, которую я видел.

Интервью брал Лев БРУНИ.
Опубликовано на сайте Вести.Ru. 2001. 22 апреля.

— То есть там никакой угрозы раскола не может быть?

— Абсолютно.

— А какие, на Ваш взгляд, главные проблемы все-таки объединяют демократические партии, ключевые фигуры которых, скажем, неодинаковые? Чубайс, Ковалев, Новодворская...

— Вы знаете, всегда удобно иметь авторитарную организацию, у которой, собственно, есть одно мнение, а все остальные неправильные. Когда ты пытаешься собрать в единую политическую организацию много известных в стране политиков, — а у нас много известных в стране политиков, это не только Чубайс, Кириенко, Немцов, Хакамада, а и Ковалев, Крашенинников, Похмелкин, — если ты при этом не выстроил некую легкую... секту, как коммунистическая партия: шаг вправо, шаг влево является побегом, то совершенно неизбежно у тебя там будут внутренние дискуссии. И у нас они были, особенно в самом начале работы по созданию СПС, еще в 1998 г.

Это ведь не только у нас. Возьмите консервативную партию в Великобритании. Она ведь серьезнейшим образом разделена по фундаментальному для Англии вопросу — отношению к Европейскому союзу, отношению к евро. Важнейший вопрос — и жесточайшее разделение. Тем не менее партия объединена вокруг набора ценностей, не связанных с экономическим антагонизмом, в том числе традиционных английских ценностей и т. д. Причем лидеры и той, и другой части партии понимают, что если они будут столь безответственны, что разругаются и разойдутся, после этого ни те, ни другие не будут являться политической силой.

— Но консервативная партия складывалась веками, на самом деле кризис, о котором Вы говорите, действительно сильно повлиял на нее. Но политическая партия под названием «СПС» создается все-таки для того, чтобы успешно участвовать в дальнейших выборах кампаниях. А выборы у нас в стране в значительной степени определяются тем, что сейчас происходит, и здесь мы видим разногласия — по той же Чечне, например. Позиции некоторых видных деятелей диаметрально противоположны; или противостояние вокруг «Медиа-Моста» — позиции, мягко скажем, неодинаковые.

— Вы понимаете, что дело в голосовании по ключевым вопросам в ГД: отношение к правительству, налоговые реформы, бюджет, либерализация уголовного законодательства, позиция по отношению

к тому же НТВ и т. д. Вы видите, что СПС голосует по всем этим вопросам очень солидарно. По таким практически важным в политическом процессе вопросам, где от нас что-то зависит, на самом деле уровень солидарности в СПС очень высок, он сопоставим с уровнем солидарности у коммунистов, при всем том, что мы либерально-демократическая партия и решения принимаются демократически.

Да, есть объективная проблема, которая характерна для правополитических партий. Там, как правило, существует два компонента — это либералы и правые консерваторы, т. е. это люди, которые озабочены в первую очередь гражданскими, политическими правами и свободами, и те, кто озабочен в первую очередь экономическими правами, низкими налогами...

Практически в этом нет противоречий, нет несовместимости. И абсолютно гарантированной собственности не было и не будет, по всей видимости. Да, собственность без свободы не бывает надежно гарантирована, но как переходный процесс на самом деле все-таки надежно гарантированная собственность в Европе возникла прежде всего после того, как было достигнуто согласие в обществе, после английской революции, о необходимости существования политических и гражданских свобод. Тогда только свобода от конфискации стала реальностью, что, собственно, и было одним из важнейших достижений.

— Как Вы относитесь к созданию мощной пропрезидентской группировки в Думе, какова, на Ваш взгляд, цель ее создания? Для проведения радикальных реформ?

— Во-первых, объединение ОВР и «Единства» — это совершенно естественно, потому что устойчивыми не могут быть две партии у власти. Само появление двух партий у власти — это своеобразный исторический феномен, связанный с тем, что все были убеждены, что следующая реальная власть — это будет власть Примакова с Лужковым. Но вдруг политический взгляд поменялся. Когда образовывалось «Единство», честно говоря, никто не думал, что это будет следующая партия власти, а думали, что это будет какой-то безнадежный эксперимент.

Потом выяснилось, что это и есть настоящая партия власти, и тогда партия власти второго класса совершенно неизбежно начинает удивленно смотреть и думать: а что же мы здесь делаем,

если настоящая партия власти та? И остановить этот процесс перетекания людей из партии власти несостоявшейся в партию власти состоявшуюся очень трудно и невозможно. В связи с этим этот процесс совершенно естественный и логичный. Да, что интересно, в России, видимо, сохранится в ближайшее время такой необычный феномен для политики, как партия власти. Партия достаточно неидеологизированная, партия, способная проводить более-менее любую политику, которую будет поддерживать нынешняя власть.

— Егор Тимурович, год назад без малого президент принял присягу. Давайте поговорим об этом годе, не будем касаться того, что уже много раз сказали, что год был благоприятным для реформ, слишком мало их было сделано, по мнению либералов. Но как Вы оцениваете то, что было сделано, а также то, что президент собирается сделать в ближайшем будущем?

— Если мы будем говорить о реформах, я гораздо лучше, чем большинство наблюдателей, оцениваю то, что было сделано за прошлый год, потому что, может быть, я лучше других представляю себе это. Общий результат выше, чем мои ожидания, так скажем.

Можно приводить длинный перечень того, чего не было сделано, и он будет правильным. Что реально, на мой взгляд, было сделано из важного в этом году? Первое — сделан очень важный шаг в налоговой реформе. Он не окончательный, он не решает всех проблем, но было сделано то, что разрабатывали и предлагали на протяжении многих лет. Был сделан очень серьезный шаг к снижению предельных ставок налогообложения, обеспечению нейтральности налоговой системы, с тем чтобы сделать легализацию бизнеса в России возможной. Я могу дальше комментировать и говорить о подробностях, но все как бы очень серьезно сделано.

Второе — был сделан серьезный шаг в направлении обеспечения соблюдения федерального законодательства в регионах. Серьезный шаг по обеспечению реформ государственного федерализма, с концентрацией налогов, либерализацией федеральных по существу программ, в том числе связанных с детскими пособиями, — все это сделало систему российских финансов более логичной, менее искаженной.

Был сделан скромный, но реальный шаг по унификации таможенных пошлин и упрощению структуры таможенных платежей. И наконец, было принято и согласовано с военной элитой реше-

ние о радикальном сокращении численности военнослужащих. Все эти решения на самом деле фундаментальные, каждое из них затрагивает важнейшую сторону российской жизни, о каждом из них много говорили, каждое требует больших политических ресурсов, и в общем по всем этим направлениям был достигнут результат.

Можно дальше приводить список 12, 15 важнейших вещей, которые не были сделаны. Но я, как реалист, могу сказать, что самое опасное — это пытаться сделать 15–16 вещей сразу.

Именно эта опасность, собственно, и проявилась после того, как первый массив реформ был хорошо организован. В нем правительство сумело четко высказать приоритеты, убедив нас в правильности выбора президента, организовать работу, создать политические коалиции. Когда все это было сделано, возникла некоторая растерянность. В некотором смысле она понятна.

Есть действительно реальная диспропорция между тем, что надо делать в России, и тем, что нужно сделать в России. В России нужна банковская реформа, реформа системы социальной защиты, нужен Земельный кодекс, нужно упрочение прав собственности и принятие соответствующего законодательства, нужна реформа системы социальной поддержки, реформа образования, нужна пенсионная реформа, нужна реформа здравоохранения, нужно вступление в ВТО и соответствующее масштабное изменение в законодательстве, нужна реформа в энергетике, в газовой промышленности, в МПС, нужно дерегулирование и т. д.

Правительство, на мой взгляд, не смогло выстроить правильных приоритетов для следующего рывка, и только где-то в марте начало обсуждать тему. Но если мы так и не определимся, то не сделаем ничего. Сейчас, кажется, есть какие-то позитивные подвижки, есть надежда на то, что приоритеты начинают вырисовываться, и есть надежда, что удастся организовать работу по ряду действительно важнейших направлений. Но дальше будет видно — это уже будет результат следующих нескольких месяцев. Причем осталось мало времени для фундаментальных реформ. Осенью весь политический процесс крутится вокруг бюджета.

— *Ваш товарищ по партии Чубайс сказал, что у нас рынок какой-никакой, а все-таки есть, демократия какая-никакая, а все-таки есть, выборная система какая-никакая, а все-таки есть... но пока не будет работать судебная система, то все эти три вещи, ко-*

торые уже есть, никогда не будут эффективными. Прошло время, и по-прежнему речь идет о судебной реформе. На Ваш взгляд, это нужно?

— Это нужно, только надо понять, что хорошо функционирующая судебная система — это не набор законов, которые принимаются, а это именно хорошо функционирующая судебная система, это в первую очередь традиции. Неоткуда взять их вот просто так. Вот Вас назначат президентом России, и пусть у Вас будет полностью лояльный парламент, Вам скажут: делайте все, что хотите, для того чтобы в России была хорошо функционирующая судебная система. Кое-что Вы для этого сможете сделать, в первую очередь резко и реально увеличив заработную плату судей. Однако это не все. Не надо иллюзий. Вам потребуются годы, годы и годы для того, чтобы у нас сложилась хорошо функционирующая судебная система. К счастью, президент как бы ее отметил в качестве приоритета в коротком списке приоритетов. Надеюсь, что мы создадим предпосылки, при которых она будет развиваться в правильную сторону.

— *Как Вы думаете, в России есть великие олигархи?*

— То, что у нас называлось олигархическим движением — ибо существовала такая реальность, — на мой взгляд, больше не существует. Я хорошо помню ситуацию, когда были действительно несколько человек, которые были искренне убеждены, что они имеют право и могут определять судьбу страны. Олигархического режима как теневого правительства олигархов больше не существует.

— *Очевидно, что власть в той или иной степени участвовала в том, что происходило вокруг «Медиа-Моста». Есть две версии. По одной версии это была борьба олигархов, а по другой — попытка контролировать свободное слово тележурналистики. На Ваш взгляд, какая правильнее?*

— Обе. Интегрально и органично так трагически перемешаны вот эти две разные тенденции. Создание нормально функционирующего рынка рекламы, на мой взгляд, для свободы слова в России не менее важно, чем любые личные конфликты. Если по разным причинам пресса экономически не независима, она оказывается неизбежно зависима по определению. И совершенно естественно, особенно при нашей-то традиции, возникает страстное жела-

ние посадить ее на короткий поводок. Так что то, что у нас эти две вещи так переплелись, — это очень трагическая история.

— *Одни считают, что мы уже живем в полицейском государстве, а другие — что мы туда ускоренным темпом едем.*

— Ну, я могу сказать, что я многократно выражал свои опасения по этому поводу, когда выступал на координационном совете СПС в декабре. Этот риск абсолютно реален, он имеет не личностные элементы — Путин хороший или плохой. А этот реальный риск имеет фундаментальные основания, связанные с российской историей, спецификой. Я считаю, что да, риск более чем серьезен и борьба за то, чтобы этот риск не материализовался, — наша важнейшая принципиальная задача.

— *Но от того, кто именно занимает должность президента, многое зависит.*

— Согласен. Я убежден в том, что Путин хочет построить в России демократическое государство и он произносит правильные слова о необходимости сохранения демократии и политических свобод.

Мы обязаны оставаться едиными и не расколоться

— *Егор Тимурович, прошел год с момента создания «Союза правых сил» как общественно-политической организации, и мы приближаемся к учредительному съезду партии СПС. В связи с этим вот какой вопрос — как Вы оцениваете этот год для ОПОО «Союз правых сил» и в каком состоянии организация подходит к учредительному съезду политической партии?*

— Обо всем по порядку. В 1999 г. мы решили важнейшую проблему, которая нашим оппонентам казалась неразрешимой, — мы добились очень широкого объединения демократических и либеральных сил в России. Вспомните, на нашей части политического спектра было множество партий и политических сил, сегодня же мы перешли к положению, когда в общем-то осталось только две силы — «Союз правых сил» и «Яблоко». Я помню, когда начинался процесс создания «Союза правых сил», Геннадий Николаевич Селезнев злорадно говорил: «Вы даже не думайте, они никогда не объединятся, они все переругаются». Мы сумели и объединиться, и не переругаться, и выиграть выборы. После этого опять же у наших оппонентов была постоянная надежда, что уж теперь-то мы обязательно переругаемся и не сможем работать вместе. СПС сумел создать очень активно работающую и влиятельную организацию. Напомню, что мы в Госдуме не в большинстве и у нас нет возможностей проводить нашу программу целиком. Но, скажем, такие вещи, как налоговая реформа, вступление в силу 17-й главы Гражданского кодекса, легализующей частную собственность на землю, — это очень важные результаты. Конечно, мы сделали гораздо меньше, чем хотели бы. Много усилий наша фракция потратила на либерализацию уголовно-процессуального законодательства.

Интервью брали Сергей ЮШЕНКОВ, Олег ЕФРОСИНИН.
Опубликовано в: Демократический выбор. 2001. 26 апреля.

Здесь была проделана огромная работа Виктором Похмелкиным и Павлом Крашенинниковым. К сожалению, Совет Федерации наложил вето на предложенный законопроект, и в последующем согласительная комиссия в очень большой степени выхолостила его, но даже при этом закон остался прогрессивным.

Таким образом, я считаю, что за этот год нам удалось немало сделать для проведения в жизнь того набора идей, ради которых мы участвуем в политике и ради которых шли на выборы. Тот факт, что мы сумели при всех разногласиях — мы все же демократическая, а не лидерская организация — научиться работать вместе, использовать сильные стороны каждого, по моему мнению, является серьезным завоеванием «Союза правых сил». Вместе с тем у нас есть и очевидные проблемы. Суть их в том, что СПС как коалиция юридических лиц не может быть полноценной демократической организацией, так как в ней не могут действовать нормальные демократические процедуры, потому что она основана на системе компромиссов между организациями-учредителями, а не на простом членстве, на демократическом принятии решений, голосовании и т. д. В силу этих причин довольно скоро выяснилось, что СПС не может дальше развиваться как демократическая организация, оставаясь в форме коалиции юридических лиц. Это очень хорошо высветилось. Большинство слабостей и проблем сегодняшнего СПС связано именно с той юридической формой, в которой мы в этом году существовали. Поэтому я убежден, что наше общее решение о формировании СПС как единой демократической организации, т. е. партии, правильное. Только так можно преодолеть те проблемы, которые в сегодняшнем СПС есть, в том числе проблемы недостаточного уровня демократизма в процессе принятия решений.

— *Егор Тимурович, Вы говорите об успехах фракции СПС в ГД, параллельно с этим очевидны и неудачи «Союза правых сил» как общественно-политической организации, в частности на региональных выборах. А как Вы оцениваете работу исполнительных структур ОПОО «Союз правых сил» за прошедший год?*

— Говоря об этой проблеме, надо учитывать базу. Если бы мы исходили из ситуации, когда, скажем, у ДВР и у других организаций, входящих в СПС, повсеместно, по всей России, существовали бы мощные фракции в региональных законодательных органах,

а в этом году, потерпев поражения на выборах, мы бы утратили их, то тогда эту работу можно было бы оценивать весьма критически. Но надо понимать, что у демократических организаций, кроме партии ДВР, фракций в региональных парламентах не было почти ни у кого. У ДВР они были в ряде региональных и муниципальных собраний, но этого очень и очень мало. И надо сказать, что в целом, если мы сравним сегодняшнюю ситуацию с ситуацией, которая была год тому назад, мы теперь заметно лучше представлены в региональных органах власти, чем и ДВР, и СПС год назад. Хотелось бы большего? Без всякого сомнения. Сказались серьезные организационные проблемы и недоработки? Да. Сказалась несогласованность действий организаций, которые входят в СПС, когда иногда, к сожалению, наши кандидаты соревновались с нашими же кандидатами? Да, это все было. И тем не менее при вполне критической оценке результатов этой работы я не считаю, что мы должны рассматривать этот год как год упущенных возможностей с точки зрения региональных выборов.

— *Сегодня очень много разговоров и очень много публикаций в средствах массовой информации, связанных с ожиданием раскола в стане правых. Сколько мы создаем «Союз правых сил»...*

— ...столько и ожидают от нас раскола, и я боюсь, что еще несколько лет будут ожидать, что бы ни происходило (смеется).

— *Так что же все-таки это — просто нежелание видеть правых сильными или за этим стоит что-то другое?*

— Всякий процесс создания единой политической организации на базе многих существующих — процесс сложный. Собственно, в стране, кроме «Союза правых сил», мало есть политических партий, которые сумели бы в своих рядах объединить такое количество узнаваемых, известных политиков. Речь идет не только о сопредседателях СПС Немцове, Хакамаде, Кириенко, Чубайсе или Вашем покорном слуге, но и о таких людях, как Эдуард Воробьев, Сергей Ковалев, Павел Крашенинников, Виктор Похмелкин, Сергей Юшенков и др., — все это очень известные люди. За ними стоят их история и убеждения. Еще раз повторю, что процесс создания единой партии на базе нескольких организаций — непростой процесс, он везде и всегда непростой. То, что мы сумели этот процесс организовать, то, что сейчас нет никаких сомнений в том, что мы доведем дело до конца, мне кажется очень важным результатом.

Надо понять, что все наши нынешние уставные предложения — это всего лишь заготовки. Сегодня приняли решение о председателе, завтра — о сопредседателях с председателем Политсовета... Но это вообще не имеет значения. Только съезд примет окончательное решение — будет ли у нас председатель партии или председатель Политсовета. Важно то, что съезд примет решение и что это решение всеми будет демократически проголосовано и принято. Мне кажется, это самое главное.

— *Существует как минимум две тенденции в «Союзе правых сил» по поводу Устава. В соответствии с одной мы должны строить дисциплинированную партию на принципах практически демократического централизма, а по другой — Устав должен носить более либеральный характер, по типу Устава ДВР. Какова Ваша позиция в этом вопросе?*

— Я считаю, что Устав «Союза правых сил» должен во многом сохранять преемственность с Уставом ДВР, т. е. быть либеральным. Это не значит, что я идеализирую Устав ДВР, там были собственные проблемы и кое-что действительно в нем надо поправить. Но то, что партия СПС должна быть в полном объеме демократической организацией, я в этом абсолютно убежден. Мы эту позицию проводили в процессе всех обсуждений Устава и будем отстаивать на съезде.

— *Наша газета проводит опрос читателей на предмет, кто наиболее достоин стать председателем партии, лидером «Союза правых сил». Я не буду задавать Вам этот вопрос, так как Вы фигурируете в этом опросе в качестве кандидата. Но вот что интересно было бы узнать: какие, по-Вашему, первые шаги должен предпринять человек, который станет председателем партии «Союз правых сил» или председателем Политсовета партии?*

— Мне кажется, первое, что он должен сделать, — это озаботиться тем, чтобы СПС реально сформировалась как единая партия, т. е. как партия, которая сохранит за собой весь актив входящих в нее организаций; второе — чтобы СПС стала полноценной демократической партией, т. е. широкой, открытой партией, а не узкой сектой, где все места заранее заняты. Это две первоочередные задачи, которые, на мой взгляд, надо решить. Третья важнейшая задача — необходимо действительно активно помочь нашим организациям в регионах стать едиными и демократическими.

— *Каков Ваш подход к проблеме роспуска организаций, входящих сегодня в СПС? Нет ли у Вас опасений, особенно сейчас, когда стали часто говорить о необходимости досрочного роспуска Государственной думы, о том, что политическая организация «Союз правых сил», преобразуясь в партию и ликвидировав те структуры, которые в нее входили, не сможет принять участие в выборах?*

— Проблема эта есть, и она реальна. Мы начинали процесс создания СПС как партии, предполагая, что будет принят закон о партиях с соответствующими переходными положениями. В связи с этим мы активно отстаивали идею роспуска всех существующих в СПС организаций при формировании единой партии. Сейчас перед нами развилка — либо мы сумеем получить однозначное официальное разъяснение Центризбиркома, Министерства юстиции, что преобразование СПС в партию является лишь изменением устава ОПОО и никак не сказывается на нашем праве принимать участие в выборах, и тогда это снимет, на мой взгляд, проблему, либо, если такое решение, такой документ будет получен, а потом власти его пересмотрят, тогда будет скандал, который позволит нам иначе решить существующую проблему участия СПС в выборах.

Возможны и другие варианты, например такой (не могу сказать, что он мне очень нравится), когда все организации, желающие принять участие в создании СПС, принимают три взаимосвязанных решения. Первое — о том, что они распускаются с момента, когда СПС как партия получит право участвовать в выборах, второе — о том, что они приостанавливают свою деятельность до момента, когда СПС получит право участвовать в выборах, и третье — что на этот переходный период они разрешают двойное членство. Я еще раз подчеркиваю, этот вариант мне не кажется ни в какой степени идеальным, гораздо лучше было бы получить из Центризбиркома и Минюста однозначное разъяснение, но, если этого не будет, нам придется его реализовывать.

— *В последнее время на страницах нашей газеты развернулась полемика: что для нас важнее — собственность или свобода? При этом, конечно, все прекрасно понимают, что собственность без свободы — это крепостничество, а свобода без собственности — это нищета и произвол. Есть ли в этом вопросе какая-то золотая середина?*

— Этот вопрос можно рассматривать в философской плоскости, где свобода — категория, на мой взгляд, более высокая, чем соб-

ственность, а можно в социально-исторической. Если рассматривать его в социально-исторической плоскости, то однозначно ясно, что не бывает просто свободы без гарантированной частной собственности. На самом деле нет примера устойчивых свободных обществ с демократическими свободами, где не существовала бы частная собственность. Бывают относительно устойчивые общества, где существует частная собственность и нет политических свобод, скажем, нет свободы слова. Такие общества могут существовать некоторое время. Хотя это является ситуацией, как правило, неустойчивой, преходящей. Вместе с тем свободы гражданские и политические предельно важны для того, чтобы собственность была в достаточной степени гарантирована. В Европе адекватно гарантированная частная собственность появляется, если не брать Голландию, после Английской революции, когда английская элита договорилась о правилах политической игры, которые не исключают право конфискации, право принудительного изъятия имущества — но строго по закону. Собственно, после этого частная собственность стала полноценно гарантированной, и это послужило основой подъема Англии в конце XVI—XVIII вв., началом современного европейского экономического роста. Если перевести это на язык «родных осин», то огромная проблема со свободой слова в России на протяжении предшествующих лет состояла в том, что она, к сожалению, не была экономически обеспечена, потому что идеально свободная пресса — это не та пресса, которая получает деньги из частного кармана, а это пресса, которая способна сама себя окупать, это пресса, которая живет на доходы от подписки и рекламы в первую очередь. И в связи с этим мне кажется, что создание предпосылок для формирования рекламного рынка, а именно такое решение мы сейчас активно проводим в Думе и, надеюсь, проведем, с точки зрения борьбы за свободу слова в России намного важнее некоторых уличных кампаний. Суть его состоит в том, что все расходы на рекламу могут быть списаны на себестоимость продукции. Именно поэтому я категорический противник попыток провести законодательство, которое резко ограничивает возможности рекламного рынка. Надо просто понимать, что все разговоры о свободе слова без создания для нее адекватной экономической базы, а это во всем мире сейчас в первую очередь реклама, — просто пустая болтовня.

— *А вмешательство государства в дела собственников средств массовой информации?*

— Это крайне неприятно и плохо. Но тут надо понимать, что есть две объективные вещи. Первая — это вообще всегда плохо. Вторая — а собственник-то этот является состоятельным или нет? Есть у него непогашенные обязательства? Конечно, можно всегда ссылаться на то, что не у него одного есть непогашенные обязательства. Это чистая правда. Но это разговор в пользу бедных. Государство — это всегда угроза средствам массовой информации. Российское государство с его историей — еще в большей степени. Слава Богу, у нас был президент Ельцин, для которого свобода слова была действительно в некотором смысле самоценна. Он всегда и категорически отвергал любые предложения какого бы то ни было вмешательства в свободу СМИ. Но не надо было полагать, что эта благодать Божья будет всегда. И тут дело не в том, что Путин плох, никто не гарантирует, что следующий президент будет лучше. И в связи с этим, конечно, важна экономическая независимость средств массовой информации. Тогда они действительно получают возможность жить на свои доходы и быть независимыми, отвечать перед своими зрителями и читателями, а не перед частным собственником, что плохо, или государством, что еще хуже.

— *Егор Тимурович, 25 апреля исполняется 8 лет со дня проведения референдума, известного как «Да, да, нет, да». И вопреки многим прогнозам на второй вопрос: «Одобряете ли Вы экономическую политику, проводимую с 1992 г.?» — большинство принявших участие в референдуме ответило: «Да». С тех пор утекло много воды, и понятно, что это была самая высокая оценка Вашей работы в качестве исполняющего обязанности премьер-министра. Но за прошедшее с тех пор время в общественном мнении Вы вдруг сделали как бы злым гением, человеком, который всех разорил, все разграбил, все у всех украл. Одновременно Вы выиграли множество судов по поводу всех этих мифов. Как Вы полагаете, почему такое мнение возникло и существует в обществе?*

— Первое — это объективная проблема. Революция всегда трагедия для обществ, которые ее переживают. Что такое революция? Революция — это крах существующего набора общественных институтов. Российское общество 1916 г. негодовало на несовершенство политических институтов царского режима и имело к этому

массу оснований. Но общество не понимает, какой будет жизнь после того, как эти институты разрушатся. Почитайте статьи в последних номерах «Вестника Европы» за 1918 г. и Вы увидите страстное недоумение людей, которые хотели хорошего, они думали, что, когда царский режим разрушится, все будет хорошо, а оказалось, что после этого городского нет и грабят на улицах. Любая революционная трансформация, которая всегда трагедия для страны, ее переживающей, — это тяжелая психологическая травма для населения. Подавляющее большинство общества не понимает, в какой степени революция травматична, в какой степени доведение до революции — это вообще преступление со стороны правящих лиц старого режима. Да, революция открывает дорогу для феноменально быстрого успешного развития, хотя этого никто не гарантирует. Но сама по себе она является огромной перегрузкой. И так как я являюсь одним из тех людей, которые были довольно активно, хотя и волею судьбы, задействованы в современной российской революции, то, думаю, именно поэтому масса собственных проблем и разочарований связывается многими с моим именем.

— Но в 1993 г. люди поддержали Вас.

— Это еще был период восходящей волны революции. Она еще не пошла под уклон. Это, на мой взгляд, объективная проблема, и она сказывается на всех людях, которые задействованы в условиях таких катаклизмов. Есть еще проблема субъективная. И это вполне понятно. Я давным-давно не у власти, у меня нет под контролем государственных средств массовой информации, у меня нет под контролем влиятельных союзников, нет под контролем мощнейшей системы коммунистических средств массовой информации. Я никогда не делал того, что нужно было олигархам по их заказу, поэтому меня никогда не поддерживали олигархические средства массовой информации. А других в реальной России в общем-то пока особенно нет. Меня любят и уважают в журналах «Новое время», «Открытая политика», в газете «Демократический выбор», это важно для некоторой части элиты. Но, к сожалению, на общественное мнение в целом не может не оказывать негативное влияние та информация о губительных последствиях «гайдоровского курса», которую ежедневно преподносят СМИ, и это независимо от выигранных мною судов.

— Именно поэтому, возможно, Петр Авен в интервью «Новостям» заявил, что бизнес (речь, видимо, идет об олигархическом бизнесе) не будет Вас поддерживать на посту лидера, а будет поддерживать Бориса Немцова?

— Это право олигархического бизнеса.

— Егор Тимурович, хотелось бы узнать Ваше мнение еще по одному очень важному для России вопросу — по Чечне. Есть ли какие-то готовые рецепты решения этой кровотокающей проблемы?

— Боюсь, что нет. В мире есть устойчивый набор подобных проблем — проблема басков, проблема Северной Ирландии, проблема палестинцев, проблема Чечни, которые, к сожалению, являются долгосрочными, крайне неприятными и негативно влияющими на соответствующие страны в большей или меньшей степени и не имеющие простых решений. Я, честно говоря, не знаю человека, который мог бы сказать: «Все, друзья, делаем так, так, так и так, и чеченская проблема будет удовлетворительным образом решена». Это всегда тяжело, это всегда поиск конкретных решений — готовность садиться за стол переговоров, если это необходимо и перспективно, готовность к систематической работе по организации нормальной жизни, борьба с собственной коррупцией в Чечне, недопущение разворовывания денег, которые туда идут, и недопущение мародерства. Мне кажется, что это именно те практические дела, которые могут улучшить положение.

— Вопрос, связанный с Вашей законодательной деятельностью в Государственной думе. Получили ли Вы удовлетворение за последний полуторагодичный период работы в ней?

— Вы знаете, есть несколько важных, на мой взгляд, решений, в принятии которых я непосредственно участвовал. Надо сказать, что в свое время я активно их разрабатывал в ИЭПП, когда мы готовили программные документы еще для «правительства молодых реформаторов». Но тогда они были выброшены в корзину, потому что не было необходимого большинства в Думе, способного их провести. И то, что нам сегодня удалось провести единую ставку подоходного налога, то, что нам удалось провести решение о ликвидации оборотных налогов, то, что нам удалось провести решение о регрессивной шкале социального налога, то, что нам удалось провести решение о перераспределении бюджетных полномочий и доходных источников между Федерацией и региональными бюд-

жетами, выравняв на самом деле бюджетную обеспеченность регионов, — это то, что мне кажется абсолютно правильным, и это то, что нам вряд ли удалось бы провести без активной поддержки фракции СПС. В связи с этим я в общем доволен результатами работы в Думе.

— *Новый Налоговый кодекс уже работает четыре месяца...*

— Пока результаты крайне благоприятные. Конечно, по трем месяцам судить трудно, но первые результаты показывают, что мы действительно резко снизили предельные ставки налогов, особенно это видно по налогообложению заработной платы, и при этом получили резкий рост налоговых поступлений в реальных исчислениях. Что это значит? Это значит, что экономика начала работать.

— *И тем не менее есть недовольство Налоговым кодексом со стороны представителей среднего и малого бизнеса, главным образом по проблемам налогового администрирования.*

— Есть два круга недовольства. Первое — недовольство налоговым администрированием, абсолютно правильное недовольство. К счастью, мы все-таки приняли достаточно либеральную общую часть Кодекса, которая включает набор очень серьезных гарантий для налогоплательщиков, их раньше не было. И при всех проблемах с налоговым администрированием сейчас заступиться за налогоплательщика гораздо легче, чем было раньше. В этом процессе роль Виктора Валерьевича Похмелкина, который активно занимался этим, очень велика. Второе — это как бы проблема, которая не решается прямо законом, она решается административной работой. Меня как человека, который платит налоги со всех своих доходов, — а надо сказать, что доходы от моих лекций, статей довольно приличные, — убедить в том, что, если я плачу 13%, а не 30, — это плохо, невозможно. Ни я, ни моя жена, ни мои дети не согласятся с этим тезисом. А теперь представьте себе человека, который как бы со ссылкой на то, что налоги у нас ужасные, очень высокие, традиционно не платил никаких налогов, проводил их через депозитные схемы. Ему убедить себя, что теперь, когда у нас один из самых низких налогов в Европе, надо платить не 0%, а 13%, очень тяжело.

— *Егор Тимурович, с какими словами Вы хотели бы сегодня обратиться к читателям нашей газеты, большинство которых — члены партии?*

— Мы обязаны создать СПС как единую либеральную политическую силу. Мы обязаны добиться того, чтобы это была демократически организованная партия, сохраняющая лучшие традиции «Демократического выбора России». Мы обязаны оставаться едиными и не расколоться. Мы демократическим путем решим вопрос о том, как будет организована система управления СПС, и в любом случае будем вместе и будем работать вместе.

Я чувствовал подступающую беду

Вот человек, про которого непонятно: судьбе его не позавидуешь или стоит позавидовать?

История не кончена, исторический момент еще не пройден, а он был одним из главных и деятельных его участников. Потому оценки не отстоялись, потому противоречивы. Доктор экономических наук Егор Гайдар всего-то несколько месяцев возглавлял правительство реформаторов. Он пришел туда на пике проблем. Ему адресуют свои упреки коммунисты и им сочувствующие, нашедшие в нем привычного «врага народа»...

— Начнем с того, Егор Тимурович, что Вы оказались как бы в трех писательских потоках: от Бажова, деда по матери, идет сказочное начало, романтико-героическое — от Гайдара, деда по отцу, философско-ироническое — от братьев Стругацких, поскольку Ваша жена — урожденная Стругацкая...

— Я узнал и полюбил писателей Стругацких раньше, чем жену, а она первое время даже скрывала, что имеет к ним отношение, но, естественно, как-то все это сказалось. Особенно сказался Аркадий Гайдар. Я его книжки очень люблю, по-моему, они хорошие и прекрасно написаны. Конечно, он был вмонтирован прочно в советский иконостас как коммунистический святой — канонический образ, далекий от реальности. На самом деле это был тяжелобольной человек. Смелый, несчастный...

— Почему несчастный?

— Ну, мальчишкой оказался втянутым в страшный водоворот одной из величайших трагедий русской истории. В тринадцать — первый раз ранен. В восемнадцать — демобилизован, контуженный, со страшными головными болями, с потерями сознания. Не было ничего от правильного образца по принципу «равняйте жизнь

на...», «каждый мальчик должен...». Страшная тяжесть на плечах от всего перенесенного.

— Его светлые книжки — преодоление, результат преодоления?

— Его светлые книжки, по-моему, результат своеобразно отраженного внутреннего мира. Он говорил, что ему детства в общем мало досталось. Настоящего. Наверное, поэтому стал писать книжки для детей. Когда мальчишку со всего размаху бросают во взрослую жизнь — можно стать человеконенавистником, а можно начать писать вот такие книжки.

— А Ваше детство было счастливым? Вы были маменькин или папенькин сыночек?

— У меня счастливое детство. У нас было, на мой взгляд, правильное распределение объема общения и родительского внимания, чтобы оно не стало обременительным, т. е. с раннего возраста родители научились уважать мою жизнь, мои интересы и избыточно в них не вмешиваться, сохраняя диалог. Мы рано стали друзьями. С разницей в возрасте, уровне знаний, но друзьями. Не отношения: воспитатель — воспитуемый.

— Вы с раннего возраста ощущали самостоятельность?

— Да. С раннего возраста стал вести семейный бюджет.

— Очень интересно. Можно ли было подозревать, что Вы станете вести бюджет страны!..

— Где-то лет с одиннадцати-двенадцати родители переложили на меня эту ответственность, и дальше я стал распределять деньги в семейном бюджете.

— Есть два типа: созерцатели, люди думающие, концентрирующиеся на мысли, часто не умеющие поступить, и деятели, люди поступка. Как возможно соединение в одном двух противоположных типов? Как с Вами, книжным мальчиком, это произошло?

— Наверное, это разные типы, хотя они не разделены китайской стеной. Я думаю, что смешение происходит вот в такие переломные исторические минуты. Когда все идет по заведенной колее — тогда это два разных потока. И если бы наша страна не переживала тяжелейшего кризиса, катаклизма, слома старых институтов, я абсолютно убежден, что навсегда остался бы созерцателем, читал бы и писал свои книжки, заведовал бы лабораторией, может, кафедрой, был бы директором института. Никогда ни я, ни мои друзья, ни родители не думали, что я начну делать что-нибудь такое,

из чего выйдет руководство людьми, миллионами людей. В нормальных стационарных условиях это стезя столоначальника, который любит карьеру, видит себя начальником сектора, потом вторым секретарем ЦК компартии, скажем, Украины...

— *Вы не карьерист? Для Вас это было...*

— ...Абсолютно исключено. Совсем неинтересно. Только в эпохи переломов происходит огромный выброс интеллигенции в политику, в практику. Ничего хорошего в этом нет, это всегда тяжелые моменты в истории общества.

— *То, что громко называется «зов времени», — Вы ощутили это вдруг?*

— Первый шаг был в 1987 г., когда я, ведущий научный сотрудник Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, по приглашению Отто Лациса, нового заместителя главного редактора «Коммуниста», пришел туда работать. Это уже была смена вида деятельности, активное включение еще не в политику, но в борьбу идей вокруг путей реформ, либерализма, русской истории, рынка. Начиналось время перемен. И второй шаг — 19 августа 1991 г.

— *А что Вы почувствовали 19 августа?*

— Я почувствовал огромную наступающую беду, риск. Ведь что было альтернативой 19 августа? Я был абсолютно убежден, что все разговоры по поводу просвещенного авторитаризма, пиночетовских реформ — ерунда, оторванная от отечественной почвы. Никакого пиночетовского капитализма у нас не получится, а получится в случае их победы кровавая мерзость. Но я понимал и другое: что в случае их поражения, за которое я, естественно, был готов драться до конца, мы очутимся в той исторической точке, в которой Россия уже была не один раз, например 1 марта 1917 г., т.е. в точке максимального риска. Мы снова окажемся в ситуации, когда все основные институты власти, которые держали эту империю, полностью утрачивают авторитет. Надо быть поразительно наивным человеком, чтобы радоваться революции, особенно революции в России. Революция — это трагедия. И получилось, что мы стоим перед угрозой либо радикальной контрреволюции, либо революции. То и другое по своим последствиям страшно. Понимание этого — самое тяжелое для меня — пришло утром 19 августа.

— *Скажите, для человека очень важно читать хорошие книжки в детстве?*

— По-моему, да.

— *Насколько я понимаю, Вы читали и исторические книги, и философские...*

— Я с детства читал Платона, в тринадцать-четырнадцать полюбил китайцев. Древние очень интересовали меня. Дальше пошло по естественному кругу: к Монтескье, «Духу законов», Канту, Гегелю, Марксу...

— *Вас больше интересовало государство или общество?*

— Всегда общество. Не так философия познания, как философия истории.

— *Какие чувства вы испытывали, когда Вас не понимали?*

— Я испытывал на самом деле только одно чувство — огромное неудобства от того, что я не могу объяснить, в общем, простые вещи. И сожаление. Злость, досада возникали тогда, когда видел, что человек не понимает, а не хочет понять и на непонимании других делает себе маленький политический гешефт.

— *Тот вымечтанный идеал, который был выработан еще мальчиком, — его можно как-то сформулировать?*

— Он в общем был очень простым и обыденным, как все нравственные идеалы. Он состоял из нескольких простых принципов. Будь храбрым. Как говорил Платон: храбрость — это одинаковая оценка ситуации вдали и вблизи от опасности. Одинаково оценивай ситуацию вдали и вблизи от опасности. Не делай другим того, что не хочешь, чтобы они делали тебе. Не делай зла людям. Пытайся всегда искать решение, которое является приемлемым, не навязывай свою волю силой. Вот такие элементарные в общем принципы. Если ты их принимаешь, они проходят потом через жизнь, и в разных ситуациях по-разному, иногда очень тяжело, но преломляются в твоих действиях.

— *Вы полагаете, что не отступали от них?*

— Я полагаю, что я от них не отступал. Я где-то ошибался, я не все делал правильно. В сложной ситуации не всегда точно оцениваешь действие и противодействие, последствия своих шагов, какие-то ключевые точки. Но я не вижу тех поступков, за которые могу себя упрекнуть с нравственной точки зрения.

— Меня поразило приведенное Вами высказывание Платона, и, конечно, сразу пришла на ум ночь с 3-го на 4 октября, когда Вы вышли на митинг с призывом защищать демократию, и очень многие потом Вас упрекали за это. Что Вы ощущали в ту ночь?

— Я ощущал огромную тяжесть ответственности за Россию, за ее будущее, у меня было чувство, что все висит на волоске, и на основе того, что я узнал потом, это чувство только укреплялось: все действительно висело на волоске. У меня было страстное желание не отдать вот так, даром, страну бандитам и проходимцам. Когда я читал о революции, о Гражданской войне, меня всегда поражала легкость, с которой отдали власть в общем небольшой кучке экстремистов. В Петербурге были сотни тысяч интеллигентов, офицеров, они потом в эмиграции рвали на себе волосы, а тогда у них было ощущение, что кто-то должен их защитить: ну как же, правительство, армия, генерал Корнилов, генерал Краснов сейчас придут и защитят. А не они сами. И у меня было страстное желание не повторить их ошибку.

— Вы часто выступаете по проблемам фашизма. Попросту говоря, что это такое?

— Фон Хайек, которого я очень люблю, в свое время сказал: ошибка думать, что социализм и фашизм, фашизм и коммунизм — одно и то же: фашизм приходит после разочарования в коммунизме. Нигде разочарование в коммунизме не было столь сильным, как у нас. И поэтому нигде угроза фашизма не является столь серьезной.

— Что это означает? Что люди готовы к фашизму тогда, когда у них отняли идеал?

— Когда общество еще не стабильно. Когда институты европейские — уважение к собственности, демократии, правам личности — еще не проросли органично, не стали нерушимым каркасом общества. Когда значительная часть населения легко попадает на лозунги экстремистские — либо социальной революции и социальной войны, либо национальной исключительности и межнациональной войны в обществе.

— С точки зрения идеологии мы это знаем, а вот как вовлекается человек? Как он становится полем, открытым для такой агитации? Какой человек попадает?

— Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен, как говорят китайцы. Перемены — это всегда тяжело, всегда больно, это всегда необходимость приспособливаться. Это ситуация, когда кто-то проигрывает, когда много людей, которым тяжело. И самое простое — поиграть на чувствах этих людей, разбередить рану, поковырять, сказать: да, тебе больно, и больно не потому, что ты, скажем, плохо работаешь или много пьешь, или потому, что это неизбежно. Нет, потому что это происки, международный заговор, американцы, евреи, цыгане, грузины. Ты-то прекрасный, и вот только мы с ними справимся, задавим их, задушим и заживем здорово — это же так понятно и просто для человека, которому тяжело. Поэтому во всех переходных состояниях база для такой агитации существует. И она очень серьезна.

— Как Вы определяете время, в каком мы живем?

— Мы живем в нестационарном мире и в нестационарном обществе, которое еще не стало на устойчивые рельсы. Сказать, что здесь будет через пять, десять, пятнадцать лет, невозможно. Пока мы еще у точки исторического перекрестка. Мы подошли к нему, пройдя несколько перекрестков важных, но не все. Россия перед выбором исторической судьбы. У этой развилки два пути. Один спокойный, стабильный, мне кажется, вероятный — это путь постепенного формирования гражданского общества, стабильной демократии, твердой гарантии частной собственности, конечно, со всеми своими проблемами. Не благостный, но все равно это путь в первый мир. Но есть, конечно, путь и в третий мир, и он в высшей степени не заказан для России.

— То есть может быть так, что демократизация только исторический эпизод? И Россия вернется в свою колею?

— Да, но не в устойчивый тоталитаризм, туда нельзя вернуться, второго мира больше не будет. Развилка простая: в первый мир или в третий.

— Третьего Рима не будет, может, и третьего мира тоже?

— Хотелось бы. Но есть силы, которые страстно хотят послать нас туда. Слова о державности, государственности, весь барабанный бой производится с этой целью.

— Ваше имя связано теперь с историей России. Хотя многим оно ненавистно. Но Вы как мыслитель, созерцатель должны понимать, что на земле нет и не может быть царства справедливости, золо-

того века, это исключено. И все равно бьется. Остаются ли люди для Вас значимым фактором? Существуют ли какая-то боль постоянная?

— Да, существуют. Именно потому, что существуют, мы не можем позволить себе, чтобы рука дрожала. Если ты хочешь сделать самое страшное зло — ты в России хирург с дрожащей рукой, и посмотри, что из этого получится. Очень часто речь идет не о том, что кто-то не хочет принести несчастье или неприятности людям — они уже принесены. Не хочет взять на себя ответственность. Мы могли сделать две вещи. Закрывать глаза руками и сказать: пусть кто угодно, пусть те, кто это сделал, возьмут на себя ответственность. А они говорили бы: а мы не будем. И так мы и смотрели бы, как разваливается страна. Или все-таки открыть сейф и показать, что там пусто, неизбежно понимая, что тот же вор, который все разграбил, будет показывать на нас пальцем, что мы виноваты, ограбили население. Вот альтернатива реальная.

— *Не знаю, говорите ли Вы о высоких материях с сыном, но высокий тон необязателен, можно сказать и между чаепитием или двумя рюмками вина... такая коротенькая заповедь, которую Вы могли бы произнести, адресуясь к сыну...*

— Трусость — самый страшный порок.

— *Повторите, как звучит у Платона?*

— Смелость — это одинаковая оценка ситуации вдали и вблизи от опасности.

СВОЮ ПОВИННОСТЬ ОТБЫЛ

Десять лет назад Егор Гайдар возглавил первое правительство реформ. Сегодня все чаще говорят о том, что российскую экономическую политику вновь определяет он.

— *Согласитесь ли Вы с утверждением, что экономическая политика Кремля и Белого дома формируется «Союзом правых сил» — СПС?*

— Да, сегодня можно сказать, что между той программой, которую активно реализует правительство, и предложениями, выработанными СПС, существует генетическое родство.

— *Что из сделанного правительством, на Ваш взгляд, полностью совпадает с линией СПС?*

— Все, что связано с налоговыми законами прежде всего. Это переход к 13%-му подоходному налогу — наша идея, мы за нее последовательно выступали и, надо сказать, предвидели, что реализовать ее будет крайне трудно. Но реализовали. Далее — идея социального регрессивного налога. Ликвидация оборотных налогов. Плоский и равномерный налог на прибыль с низкой ставкой и одновременной ликвидацией всех льгот. Замена разнообразных ресурсных платежей простым и тоже плоским налогом, который рассчитывается по довольно прозрачным правилам.

— *...чего так не любит российская бюрократия.*

— Придется мириться.

— *А что помимо налогов?*

— Вступление в силу 17-й главы Гражданского кодекса, которая регулирует земельные отношения. Чрезвычайно важный шаг. Помимо, более важный, чем одобрение Земельного кодекса. Еще либерализация таможенного режима, снижение общего уровня таможенных пошлин. Сначала правительство сделало очень осто-

Интервью брала Людмила ТЕЛЕНЬ.

Опубликовано в: Московские новости. 2001. 17–23 июля.

рожный шаг в этом направлении, но потом увидело позитивный результат и теперь готово двинуться дальше. Это все наши программные идеи.

— Неужели либеральный прорыв?

— Это, конечно, не революция, но шаги в правильном направлении.

— Отчет о проделанной работе выглядит как-то слишком оптимистично.

— Но мы же говорим о том, что из программы СПС удалось реализовать.

— То есть удалось не все?

— Есть направления, по которым правительство не продвинулось или продвинулось недалеко. Нам, например, еще предстоит провести блок крайне сложных структурных реформ.

— Сколько идут рыночные преобразования, столько мы говорим о структурных реформах.

— Надо понимать, что способность любого правительства проводить такие реформы всегда ограничена. Когда пытаешься провести все и сразу, то неудача гарантирована. Тут приходится выбирать приоритеты.

— Выбор приоритетов — это, как правило, компромиссы. Много ли их было в реализации программы СПС?

— Возьмем принятый в первом чтении Трудовой кодекс — это, конечно, компромисс, но, по-моему, необходимый. Хотя, надеюсь, кое-что еще удастся отбить при втором чтении.

— Общая идея может быть самая прогрессивная, а потом частные отступления сведут ее на нет.

— Такая опасность есть. Поэтому важно видеть перспективу. Скажем, мы занимаемся реформой бюджетных отношений. Пока удалось сделать не так уж много. Но мы знаем, что еще необходимо сделать.

— Что же?

— Надо добиться, чтобы подоходный налог целиком оставался в регионах, мы надеемся провести такую поправку через Думу. А налог на добавленную стоимость, напротив, должен направляться в федеральный бюджет: территориальные диспропорции тут ни с чем разумным не связаны. Есть над чем работать.

— В том смысле, что кабинет министров все же не до конца воспринял идеи?

— Правительство приняло сильную либеральную программу. Но жизнь-то не поменялась. В правительстве продолжают действовать разные группировки со своими интересами, ведомства лоббируют собственные акты, пытаются выбить себе дополнительные штаты и полномочия. Отсюда неиссякающий поток разного рода директив, которые реально ослабляют самые правильные законы. Сегодня в правительстве сосуществуют две линии. Верная стратегическая. И текущая — не слишком соответствующая этой стратегии.

— И все-таки правительство Касьянова, по-Вашему, команда, способная выполнить программу?

— Правительство почти никогда не бывает единой командой.

— А Ваше образца 1991 г.?

— Уникальный случай. Все последующие правительства, как и нынешнее, — некий набор людей, в той или иной степени совпадающих по взглядам. Но одновременно и с внутренними разногласиями, с противоречиями между ведомствами.

— И Вы к этому относитесь спокойно? Не считаете, что на смену кабинету Касьянова должно прийти более монолитное правительство?

— Нет, мы поддерживаем нынешний кабинет.

— Еще недавно главными оппонентами СПС были левые. Сегодня спор о реформе РАО «ЕЭС» идет между признанным идеологом правых Анатолием Чубайсом и советником президента, либералом по взглядам Андреем Илларионовым.

— Мы на днях как раз говорили об этом с Чубайсом. «Скажи я тебе лет 10 назад, что твоей главной проблемой будет Андрей Илларионов, как бы ты прореагировал?» — спросил я у него.

— Что ответил Чубайс?

— «Порадовался бы, но не поверил бы». Когда главная проблема в разногласиях между Грефом, Кудриным и Илларионовым — мне это нравится.

— Потому что речь не об идейных разногласиях?

— Об идейных. Но в рамках широкой либеральной ниши. Это ведь естественно, когда существует полемика.

— Какую позицию в этих спорах занимаете Вы?

— По-разному бывает. У каждой стороны есть свои слабые и сильные стороны. Не будем забывать при этом, что министр и советник президента находятся в разном положении. Члену правительства приходится каждый день отвечать за то, что происходит в стране, проводить законы через Думу, расплачиваться с внешними долгами, искать для этого деньги. Советник может более отстраненно оценивать, более резко критиковать. Иногда я с Илларионовым абсолютно согласен, иногда — абсолютно нет. Но в целом он критикует правительство за недостаточную энергию в проведении либеральных преобразований. По-моему, это полезно. Людей, которые ругают кабинет за то, что он якобы какой-то сверхлиберальный, у нас много. Хорошо, что теперь есть критик и с другой стороны.

— *Накануне августовского кризиса именно Илларионов выступал за девальвацию рубля, которая, по его мнению, спасла бы страну от дефолта. Сегодня угроза избыточного укрепления рубля вновь стала реальностью и некоторые экономисты снова заговорили о девальвации. Ваш комментарий.*

— Если бы мне кто-нибудь подсказал, как рубль в наших условиях девальвировать...

— *Объясните так, чтобы и обывателю было понятно: что именно гарантирует его от девальвации?*

— Благоприятная конъюнктура мирового рынка энергоносителей. Всерьез угроза девальвации возникнет, если цена на нефть будет меньше 15 долл. за баррель. Вот тогда и можно, и нужно менять курсовую политику.

— *Правительство движется в правильном направлении, а почему же рост производства все замедляется?*

— Абсолютно нормальная тенденция. В прошлом году резкий рост был аномальным, он был вызван переходом от предельно низких цен на нефть к высоким. Для России с ее нерастущим населением, с нерастущей рабочей силой (чего нас сравнивать с Китаем?), со слабой банковской системой, с другими проблемами 5% — хороший показатель. Если у нас на протяжении 10 лет при сложившихся среднегодовых ценах на нефть будут средние темпы роста 4–5%, значит, мы быстро начинаем догонять ушедшие далеко вперед более развитые страны.

— *Правых часто критикуют за то, что они служат исключительно интересам крупного капитала.*

— Одна из причин того, что сегодня либеральные реформы осуществляются довольно успешно, в том, что этот курс соответствует интересам крупного капитала.

— *Раньше подобного не наблюдалось?*

— Раньше олигархов больше заботило то, как выбить какие-нибудь индивидуальные квоты, выстроить отдельные отношения с правительством, получить статус уполномоченного банка для работы с бюджетом. А сейчас они стали интересоваться правилами игры. Произошли изменения в менеджменте, и новые менеджеры хотят, чтобы их депозитарные расписки котировались на бирже в Нью-Йорке, они хотят привлекать серьезный капитал, причем легальный. А все это зависит от того, каким будет инвестиционный климат в России. Конкретнее — от того, какой будет судебная система, каким будет законодательство о земле, какой будет налоговая система. Они всем этим готовы заниматься не из благотворительности — это вложения в перспективы собственных компаний.

— *Значит ли это, что общность интересов между олигархами и либералами абсолютна?*

— Нет, интересы крупного бизнеса достаточно ограничены. Скажем, его не волнуют очень важные для экономики законы о дерегулировании.

— *Почему?*

— Да нет у них уже проблем с чиновниками. Они давно их решили. Дерегулирование — прямой интерес среднего и мелкого бизнеса, а этот слой гораздо хуже организован политически и потому слабо отстаивает свои позиции. Мы пытаемся двигаться в этом направлении, но движение идет с огромными трудностями.

— *Мне кажется тем не менее, что у крупного капитала вообще сохраняются интересы, которые плохо вписываются в либеральные реформы.*

— Например?

— Например, олигархам не особенно нужна прозрачная экономика. Возьмите последние факты. Аудиторы так и не смогли получить всю необходимую информацию в «Газпроме». Вопросы о реальных собственниках «Сибнефти» или «Русского алюминия» так и повисли в воздухе...

— Проблема, о которой Вы говорите, долгосрочная. Но и тут ситуация меняется. Вот Вы сейчас перечислили ряд вопросов. Возникли бы они у Вас лет восемь назад? То ли бы мы с Вами обсудили...

— *И все-таки о прозрачности.*

— Основная часть налоговых законов, которая должна привести экономику к прозрачности, начнет работать со следующего года. Но вот 13%-й подоходный налог уже действует. И смотрите, как пошел вверх реальный уровень зарплаты. С чего бы это? Да уходят люди от «серых» схем, выгоднее им перейти на белую бухгалтерию.

— *А ситуация в самих компаниях?*

— Не идеальная, но очевидно, что многие из них сегодня заинтересованы показывать реальное положение дел, проводить международный аудит не только «на публику», но и для себя. Недавно я разговаривал с инвесторами по поводу одной российской нефтяной компании, у которой еще недавно была ужасная репутация. Ее пример приводился в бизнес-школах — демонстрировалось, как можно украсть нефтяную компанию. Так вот сегодня инвесторы были поражены изменениями, которые в ней произошли: новым стилем менеджмента, открытостью, готовностью отвечать на все неудобные вопросы.

— *Вы полагаетесь на то, что по мере движения к нормальному рынку все рано или поздно встанет на свои места. Тогда понятно, почему СПС не слишком боролся за закон против отмывания грязных денег.*

— Я, честно говоря, достаточно скептически отношусь к этому направлению законодательства.

— *Почему?*

— Опыт показывает, что если ты хочешь бороться с деньгами, заработанными на наркотиках или нелегальной продаже оружия, то важнее бороться с самим преступным бизнесом. Пока никому в мире не удалось доказать, что борьба с отмыванием грязных денег, т. е. со следствием, эффективнее.

— *Капиталы, которые образовались при уклонении от налогов, Дума вывела из категории «грязных» денег.*

— Да, здесь следует говорить не об отмывании, а скорее о бегстве капитала. А это, убежден, вопрос инвестиционного климата. И тут принимай законы, препятствующие утечке, не принимай — все бес-

смысленно, если ты не продвинулся в движении по базовым направлениям. Сейчас мы как раз продвигаемся по базовым направлениям.

— *Может быть, имеет смысл налоговая амнистия?*

— То, что мы смягчаем налоговый режим, по сути и есть цивилизованная форма амнистии. Этих шагов уже достаточно для возвращения вывезенных капиталов.

— *И история этих денег никого не интересует?*

— Ну, во-первых, она действительно никого особенно не интересует. А во-вторых, те люди, которые знали, как увести деньги из страны, при желании легко найдут способ привести их обратно и легализовать. Я никогда не был энтузиастом идеи налоговой амнистии. Это плохой сигнал участникам рынка.

— *Когда Вы десять лет назад возглавили правительство, Вы, видимо, как-то прогнозировали ход событий в стране. Ваши экономические прогнозы сбылись?*

— Я не делал никаких экономических прогнозов, потому что для них не было базы. Прогнозы — некая модель, построенная не только на принципах, но и на фактах. Если бы мы имели три опыта выхода России из семидесятилетнего социализма, тогда могли бы примерно представлять, как это происходит. Тогда были ясны только краткосрочные проблемы, и мы старались с ними справиться. Если говорить о моих общих представлениях, то я бы сказал так. То, что произошло, примерно соответствовало тому, что я ожидал. Но все произошло гораздо медленнее, чем я ожидал. Я неправомерно экстраполировал то, что было к тому времени видно в Польше, на Россию. Не учел, что история социализма в России гораздо длиннее, диспропорции — больше и выбираться поэтому придется вдвое дольше, чем полякам.

— *И дело не в наших собственных ошибках и просчетах?*

— Дело в той конкретной ситуации, которая сложилась к осени 91-го года.

— *Почему Вы ушли из публичной политики?*

— Считаю, что я отбыл свою воинскую повинность в публичной политике. Я не считаю себя прирожденно сильным публичным политиком. Надо заниматься той деятельностью, в которой у тебя есть очевидные сравнительные преимущества по отношению к коллегам. Что я и стараюсь делать. И мне нравится то, чем я занимаюсь сегодня.

Егор Гайдар: Высокие цены на нефть опасны для России

Ровно 10 лет назад Борис Ельцин объявил о создании первого посткоммунистического правительства России. Премьером он назначил себя, а первым заместителем — Геннадия Бурбулиса. Но в историю страны реформы вошли под именем «гайдаровские». В том правительстве Егор Гайдар был лишь одним из двух вице-премьеров. Однако именно он привел во власть команду молодых экономистов — Чубайса, Шохина, Глазьева, Авена, Вавилова, Дмитриева. Гайдар был идеологом и мотором первого года радикальных преобразований в России.

— Что произошло с Россией за 10 лет?

— Она радикально изменилась. Если за точку отсчета брать осень 1991 г., то мы сумели спастись из рушащегося небоскреба. Все, чего не было тогда, сегодня налицо. В России есть функционирующее государство с границами, таможней, банками, деньгами, налоговой системой, армией. Все эти институты несовершенны, но они работают. Мы имеем бездефицитную экономику с ценами спроса и предложения, конвертируемой валютой, собираемыми налогами, набирающими силу рынками. У страны был тяжелый путь с рядом драматических событий, но мы его прошли.

— Экономический подъем двух последних лет эксперты связывают с предшествующим обвалом ВВП на 50% и на редкость благоприятной мировой конъюнктурой. Это исчерпывающее объяснение?

— На мой взгляд, оно поверхностное. До 1998 г. нефть тоже была в цене, но спад производства продолжался. Нынешний подъем экономики действительно происходит на фоне высоких мировых цен на энергоносители. Однако не меньший рост, чем Россия, показывают другие государства СНГ, не располагающие такими же ресурсами сырья. Фундаментальная причина новой динамики ВВП

в том, что страны бывшего СССР вышли из постсоциалистической депрессии. Потребовалось время, чтобы появились субъекты рыночных отношений и окрепли механизмы рынка, качественно изменилось сознание участников этих процессов. С отступлениями и разного рода кризисами эта система наконец заработала. И тогда наступил перелом, удивляющий аналитиков тем, что он находится в противофазе с замедлением темпов роста экономики США, Японии, Западной Европы. Конечно, в нашем росте есть элемент конъюнктуры, а также удачной в целом политики правительства последнего времени. Однако базовая причина в том, что фаза рецессии на постсоветском пространстве в основном завершилась.

— Какая модель экономики избрана правительством: экспортно-сырьевая или же инновационная, когда валютоносные отрасли становятся донором перспективных секторов?

— Честно говоря, в наших реальных условиях я ни на грош не верю в эффективность глубоко «научного» перераспределения средств из сырьевого сектора в привлекательные проекты, где высока доля добавленной стоимости. Помните, как уважаемый мною [экс-министр экономики] Евгений Григорьевич Ясин хотел инвестировать в «точки роста». Он точно знал, что ими будут биотехнологии, микроэлектроника, авиапром, но по жизни приходилось тратиться на шахты. К тому же у нас не очень качественный бюрократический аппарат. Если ставишь перед ним простую задачу — собрать плоский подоходный налог, есть шанс, что он с ней справится. Но если добиваться от чиновников селекции проектов, перспективных для масштабных госвложений, боюсь, что победителями будут отнюдь не те, кто действительно перспективен. На этом легко разворовать кучу денег и попутно внести серьезные искажения в работу рынка передовых технологий. Этот рынок в мире очень плотный, для успешной борьбы надо накачать мускулы. А если ты сорвал деньги, пользуясь связями в госаппарате, то нет никакой гарантии, что окажешься состоятельным в международной конкуренции. Поэтому лучшее, что может сделать правительство, — это отсечь узлы сращивания государства с бизнесом и создать условия для самостоятельного развития высокотехнологичных предприятий. Только так можно постепенно сократить долю сырьевого сектора в национальном экспорте и ВВП.

— Но банковский сектор все еще плохой насос для перекачки капиталов. Значит, и задачи модернизации экономики быстро не решить.

— Слабость банковского сектора — реальная проблема. Но я бы не абсолютизировал ее значение. Возьмите Польшу, где роль банков в 90-е годы была крайне ограничена, что не помешало ей несколько лет подряд иметь достаточно высокие темпы роста. Конечно, сильный банковский сектор добавляет к ВВП проценты роста, но получи мы завтра лучшее, какое можно представить, руководство ЦБ, имей мы все необходимые законы и полную поддержку властей, все равно понадобится время на создание качественных инструментов финансового посредничества. Отсутствие их сегодня не избавляет нас от необходимости модернизировать экономику подручными средствами.

— Курсовая политика правительства, конечно, поддерживает конкурентоспособность российских экспортеров, но одновременно консервирует отсталость промышленности.

— Выбор политики сильного или слабого рубля — это вопрос стратегии. Понятно, что политика слабого рубля облегчает задачи роста, но не очень мобилизует предприятия на обновление технологий и ресурсосбережение. Поэтому мы можем столкнуться с ситуацией, когда темп роста реального курса рубля будет избыточным для устойчивого роста экономики. Самой серьезной угрозой здесь является затяжной период очень высоких цен на энергоносители. Напомню, что в 70-е годы на СССР свалилась благодать: цены на нефть в пересчете на сегодняшний доллар находились в районе 70 долл. за баррель. Советская элита почему-то решила, что так будет всегда. Вся структура экспорта, импорта, ВПК и АПК была сориентирована на неизменность цен. Когда же они скатились до 20 долл. за баррель, экономика оказалась просто не в состоянии приспособиться. К счастью, сегодня эта опасность меньше и чуть дальше, чем хотя бы полгода назад. Если нефтяные цены сохранятся на уровне 18 долл. за баррель, риски для экономики будут существенно меньше.

— Выходит, уже неактуальна рекомендация советника президента Андрея Илларионова — ослаблять давление экспортной выручки на рубль, выталкивая валюту за границу?

— Валюту в рыночной экономике не втолкнешь по желанию и не вытолкнешь. Она движется по своим законам. Скажем, Норвегия, столкнувшись в свое время с «голландской болезнью», пыталась

решить ее созданием стабилизационного фонда. Побочным эффектом, однако, оказался усиленный приток валюты. И это понятно: если в твоей стране явно хорошо с бюджетом и финансами, ты получаешь дополнительные портфельные инвестиции. Их притоку мало что можно противопоставить, даже специально борясь с ними.

Возвращаясь к российской ситуации, замечу, что нам достаточно трудно управлять сальдо торгового баланса, которое напрямую зависит от конъюнктуры цен на нефть. В связи с этим ЦБ вынужден наращивать денежное предложение в рублевой форме, чтобы не допустить номинального укрепления рубля. Но нет никаких гарантий, что спрос на деньги будет расти темпами, которые диктует положительное сальдо торгового баланса. Приплюсуйте сюда и такой фактор неопределенности, как изменение потока капитала вследствие дополнительного наплыва валюты. Все это делает технически очень сложным поддержание реального курса в пределах разумного коридора.

— Сейчас 40% инвестиций приходится на нефть и транспорт. Нефтяники говорят: не давите нас налогами и мы больше вложим в собственное развитие, раскрутив всю цепочку смежников. Насколько убедителен этот призыв?

— 40% — это инвестиционный перекоп, но он почти неизбежен. Цены на нефть, превышающие средние за 10 лет, с моей точки зрения, это достаточно серьезный риск для России. Один из его элементов в том, что в сырьевых отраслях оказались сконцентрированы огромные финансовые ресурсы. Если вы посмотрите балансы «ЮКОСа», «Сургутнефтегаза» и других компаний, то увидите значительные вложения в переработку, повышение эффективности нефтедобычи, снижение издержек. Все эти области давно нуждались в инвестициях. Но доходов все равно так много, что компании начинают вкладывать их в отрасли, кажущиеся им привлекательными. И происходит формирование конгломератов, возникает экономика, напоминающая корейскую. Она, как известно, может иметь высокие темпы роста, но очень уязвима с точки зрения конъюнктуры на мировых рынках. Обратным примером в этом смысле является экономика Тайваня — диверсифицированная, базирующаяся в большей степени на малых и средних предприятиях.

— Значит, сырьевые отрасли затягивают экономику на путь корейских чеболей, а правительству Вы отказываете в инвестиционной-перераспределительной роли. Так это же тупик.

— Универсального рецепта нет, однако есть несколько экономико-политических рекомендаций. Первое: создавай благоприятный инвестиционный климат, устраняя административные барьеры, надежнее защищай права собственности, улучшай качество исполнения контрактов и работу судебной системы, сделай свою налоговую систему привлекательной для компаний. Короче, не надейся на то, что тебя всегда вытащит сырьевой сектор. Комфортные условия нужны не только для того, чтобы Exxon вложил 30 млрд долл. в «Сахалин-1». В первую голову они необходимы нашим высокотехнологичным отраслям, способным в перспективе интегрироваться в мировой рынок. Второе: старайся исключить избыточное укрепление рубля, ибо оно главным образом тормозит конкурентоспособность несырьевых отраслей. Я думаю, что такой комбинацией государство может реально влиять на перераспределение ресурсов.

— *У власти весьма ограниченные возможности активизировать потребительский спрос. А при мизерном повышении доходов населения под вопросом и без того скромные темпы роста экономики на 4–4,7% в год.*

— Реальные доходы вычисляются у нас очень плохо. Есть искажающий эффект, связанный с тем, как считается покупка и продажа валюты. Если же посмотреть на реальную зарплату, то она растет высокими темпами — на 22% к сентябрю прошлого года. Конечно, частично это объясняется выходом зарплаты из тени вследствие налоговой реформы. Тем не менее то, что денежные доходы быстро растут, а за ними подтягивается потребительский спрос, достаточно очевидно. Так что с этой стороны не видно помех для роста экономики на 4–5% в год. Меня, напротив, несколько пугают темпы роста реальной зарплаты и соответственно потребительского спроса. Иллюзий здесь не должно быть: за этим явлением отчасти кроется эффект высоких цен на нефть.

— *Весь прошлый, да и нынешний год правительство и ЦБ, манипулируя денежной массой, едва балансируют между ускоренной инфляцией и затуханием экономического роста. Есть ли в арсенале правительства более тонкие инструменты?*

— Правительство и ЦБ действовали в общем достаточно грамотно. Но были и просчеты. Ничем не оправданное ослабление бюджетной политики в конце 2000 г. привело к всплеску инфляции.

Это длилось весь первый квартал 2001 г., и только к концу второго завершился процесс затухания. Такую цену правительство заплатило за то, что уступило политическому давлению и резко сократило бюджетные резервы, увеличив заодно непроцентные расходы. Эта история показывает, что лаги между денежным предложением и ускорением инфляции пока еще короткие.

— *Похоже, урок пошел впрок и в конце этого года правительство всячески сдерживает финансирование расходов.*

— В некотором смысле да, оно не собирается повторять ошибку. Хотя совершенно непонятно, зачем так долго сохранять ограничительные режимы для счетов типа «С»¹, когда главная задача — стерилизовать избыточный приток валюты. Может быть, энергичнее следует использовать повышение процентной ставки ЦБ по депозитам коммерческих банков. Хотя ясно, что эта мера стоит денег. Словом, можно обсуждать технические детали, но в целом композиция денежно-кредитной и бюджетной политики правительства мне кажется достаточно убедительной.

— *Экономика оправляется от дефолта, а вот доля убыточных предприятий практически не изменилась — 40%. Государственные институты банкротства оказались посредственными санитарами. Как следует расчищать хозяйственное пространство страны?*

— Не надо иллюзий, во всех переходных экономиках институты банкротства несовершенны. Вы можете посмотреть кучу материалов о фиктивных банкротствах в Польше, Венгрии. Фокус, однако, в том, что, когда банкротства становятся массовыми, прекращается рост неплатежей в реальном секторе. Неважно, лжебанкротства это или реальные, но они запускают механизм скупки неэффективных предприятий и смену менеджмента. В России число банкротств достигло 30 тыс. в год, неплатежи в экономике практически не увеличиваются, а значит, не за горами качественные перемены на предприятиях.

— *В ближайшие три года на выплату внешних долгов потребуются около 45 млрд долл. Чудес на свете не бывает: при таких изъятиях из бюджета экономика задохнется. Добиться модернизации и динамичного роста практически невозможно. Кризисы в Аргентине и Турции это подтверждают.*

¹ Банковский счет, на котором учитываются ценные бумаги. — Прим. ред.

— У нас ситуация существенно иная. В Турции процентные расходы по обслуживанию долга в этом году будут существенно выше 20% ВВП, а у нас они около 3% ВВП. Конечно, это тоже чувствительно, но в Аргентине нагрузка в разы больше. У нас сейчас практически нет короткого и дорогого рублевого долга, достаточно длинный и дешевый внешний долг. Больше того, я считаю, что обслуживание и погашение долга в последние два года позитивно отразилось на экономике. Если бы правительство создало стабилизационный фонд, в него автоматически отчислялась бы значительная часть бюджетных доходов, порожденных благоприятной нефтяной конъюнктурой. Но такого инструмента в России не было, и мы просто платили по долгам, снижая их объем. Это повышало спрос на валюту, позволяло не слишком быстро наращивать непроцентные расходы, причем в условиях, когда доходы носили явно конъюнктурный, а не устойчивый характер. Долговая нагрузка 2002 г. примерно такая же, как в 2001 г., и вполне посильна для экономики. Никто, однако, не знает, каковы будут цены на нефть. Если они уйдут существенно ниже 18 долл. за баррель, это создаст дополнительные проблемы. Но тогда по-другому смотрится и проблема реструктурирования российского долга перед Парижским клубом. Одно дело обсуждать этот вопрос, когда у вас цена 25 долл. за баррель, и совсем другое, когда она вдвое ниже. Если в этой ситуации мы не поставим вопрос о списании, то о технической рассрочке договориться, думаю, не сложно.

— Вам не снится, что Вы снова работаете в правительстве и управляете экономикой?

— Нет, эти кошмары меня не преследуют. Какое-то время после ухода остается ощущение, что ты за все отвечаешь, и, когда что-то не делается или делается не так, хочется немедленно поправить. Потом привыкаешь к тому, что это невозможно, и стараешься влиять на принятие решений через Думу или непосредственно советами тем, кто работает в органах власти. Но эти возможности весьма ограничены.

— И Вы не чувствуете себя невостребованным?

— В моей жизни было столько экстремальных ситуаций, когда требовалось принимать важнейшие для страны решения, что я исчерпал жажду великих дел. У меня нет ни малейшего желания еще раз садиться в эту лодку.

«Тормозной след» социализма

6 ноября 1991 г. Б.Ельцин подписал Указ о назначении Егора Гайдара вице-премьером российского правительства. Это был действительно сильный ход. С этого дня мы ведем отсчет периода реформ в России. И хотя формально кабинет возглавлял сам Б.Ельцин, фактически это было правительство Гайдара. Под этим именем оно и вошло в историю. Всего за неполный год «Гайдар и его команда» сумели развернуть колесо российской истории в сторону демократии и рыночной экономики. На часах истории 10 лет — срок микроскопический, однако в нашей стране минувшее десятилетие вобрало в себя целую эпоху. Первому юбилею новой России и посвящено это интервью.

— Егор Тимурович, готовясь к сегодняшнему интервью, я перечитала Вашу книгу «Дни поражений и побед». Из ее названия и возник первый вопрос: что Вы считаете своим поражением, а что — победой?

— Победой я считаю то, что Россия за 10 лет стала демократической страной с рыночной экономикой, — страной, интегрированной в мир, в мировое сообщество, в мировую экономику.

А поражением — то, что Россия остается пока страной с очень несовершенной демократией, экономикой с колоссальным количеством родимых пятен социализма и медленного, болезненного постсоветского периода, а место, которое она занимает в мире, на мой взгляд, еще существенно ниже ее потенциала.

— А каковы самые яркие Ваши воспоминания этого периода — со знаком «плюс» и со знаком «минус»?

— Со знаком «минус» — это яркое, страшное осознание того, что на территории одной шестой части суши к середине осени 1991 г. государство фактически перестало существовать. У меня была гипотеза, что это может произойти после событий 19–21 августа.

Интервью брала Алла АМЕЛИНА.

Опубликовано в: Правое дело. 2001. 9 ноября.

ста, исходя из этого мы разрабатывали нашу программу реформ. Но у меня было сомнение: не сгущаем ли мы краски, не переоцениваем ли опасность? Придя в правительство в ноябре 1991 г., я понял, что мы недооценивали степень критичности ситуации.

Самое приятное воспоминание — это ощущения поздней весны 1992 г., когда стало ясно, что мы пережили крупномасштабное социальное потрясение без гражданской войны, без голода, что у нас хватит продовольствия до нового урожая и что рыночные механизмы, хоть пока и несовершенные, заработали.

— *Какое из российских правительств в течение прошедших 10 лет представляется Вам наиболее эффективным?*

— Не всегда результат зависит от состава правительства. Очень сильно сказываются такие факторы, как общая политическая ситуация, состав парламента, состояние экономики. Например, при Черномырдине было несколько разных правительств. Некоторые были сильными, некоторые — очень слабыми. Я считаю, что состав правительства, которое было сформировано весной 1997 г., потенциально был очень сильным. И я жалею, что ему мало удалось сделать, — не в силу того, что они не понимали, что надо делать, не в силу того, что у них не было старания, а в силу того, что низкой оказалась политическая активность. Очень неплохим было правительство С. Кириенко.

Я считаю также, что экономический блок в нынешнем кабинете очень сильный.

— *Проведение реформ невозможно без поддержки в регионах. На кого Вы опирались на их начальном этапе?*

— Несомненно, нашими соратниками были Борис Немцов в Нижнем Новгороде, Анатолий Собчак в Санкт-Петербурге, Константин Титов в Самаре, Валерий Фатеев в Смоленске, Владимир Соловьев в Челябинске, Владимир Райфикешт на Алтае. Разумеется, я назвал не всех. Были и другие главы администраций, которые с большим или меньшим успехом, но стремились двигаться вперед, а не сопротивляться реформам.

— *Егор Тимурович, Вы как-то сказали, что все либеральные идеи проходят в общественном сознании три этапа: «этого не может быть!», «в этом что-то есть» и «кто ж этого не знает!». На каком из этих трех этапов, по-Вашему, общество находится сегодня?*

— Вы знаете, очень многое воспринимается на уровне «кто ж не знает эту банальщину?». Я прекрасно помню, как в 1991 г. по тем же поводам говорили: «Что за чушь Вы здесь говорите?».

Если Вы посмотрите основное содержание моих выступлений в Верховном Совете того времени и попытаетесь это спроецировать на сегодняшний день, то реакция общественности, несомненно, была бы: «Что за набор тривиальных вещей Вы несете?».

— *Первое правительство реформ — это еще и собранная Вами уникальная команда единомышленников. Кого из тогдашних Ваших коллег можно и сегодня назвать членами «команды Гайдара»?*

— Это действительно была команда единомышленников, которая сформировалась в основном в середине 80-х годов. Она постепенно разрасталась, охватывая в первую очередь Москву и Питер, и действительно была достаточно активно представлена в составе первого российского правительства реформ. Но и потом на протяжении всех лет, вплоть до сегодняшнего дня, члены этой команды оказывали и оказывают серьезное влияние на процесс проведения реформ в России.

Некоторые члены этой команды перешли на другую сторону — например, Сергей Глазьев, который, несомненно, был членом нашей команды, а сегодня — один из идеологов экономической политики КПРФ. Но он один из немногих, радикально изменивших свои позиции. Большинство же тех, кто был в той команде, остались тесно связаны с ней. Это Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Сергей Игнатъев, Алексей Улюкаев, Андрей Нечаев, Владимир Мау, Петр Авен, Петр Мостовой, Владимир Лопухин, Владимир Машиц, Андрей Вавилов... Они потом занимали разные должности в исполнительной власти, и с большинством из них у нас сохранились хорошие, товарищеские отношения. Все эти годы они оставались активными участниками либо обсуждения, либо исполнения решений, связанных с проведением экономических реформ.

— *В какой степени экономический блок нынешнего кабинета министров можно считать близким СПС и преемником курса реформ, начатых в 1991 г.?*

— В некотором смысле, прежде всего в идеологическом, мировоззренческом плане, СПС тесно связан с экономическим блоком действующего правительства. Органически вошли в это сообщество первые заместители министра финансов С. Игнатъев и А. Улю-

каев, заместитель министра экономики Д. Пospelов. На самом деле и Г. Греф, и А. Кудрин хоть и пришли в политику несколько позже, но по своим идеологическим позициям разделяют представления, характерные для экономистов-реформаторов конца 80-х — начала 90-х гг.

— *Егор Тимурович, не считаете ли Вы пробелом в проведении реформ на начальной стадии отсутствие достаточно активной работы со СМИ и в целом того, что в советские времена называлось идеологическим обеспечением?*

— Это, конечно, было бы полезно. Но мы считали, что это совсем не наше дело, а дело наших коллег, отвечавших за информационную политику. К тому же у Бориса Николаевича была острейшая аллергия на все, что напоминало пропаганду. Ему категорически не хотелось возрождать то, что хотя бы отдаленно напоминало отдел пропаганды ЦК КПСС. И эта позиция сыграла свою роль.

Конечно, по прошествии времени понимаешь, что частично эти проблемы носили объективный характер. Если уж говорить о том времени, то нельзя не вспомнить заседания Верховного Совета, которые транслировали по всей стране и которые люди активно смотрели. Я тогда часами стоял на трибуне и подробно разъяснял, что мы делаем, почему, что из этого получится и т. д. Но дело не только в том, что говорится или не говорится, но и в том, что люди готовы или не готовы воспринять.

Есть такая классическая история из области социальной психологии про американскую пропаганду, направленную на итальянскую армию во время Второй мировой войны, азбучный случай пропагандистского провала. Американцы рассказывали в своих листовках, адресованных итальянским солдатам, о том, как устроена жизнь военнопленных в их лагерях, как часто они будут получать сигареты, сколько раз им будут давать мясо и т. д. Это была чистая правда, но итальянские солдаты восприняли это как издевательство, потому что это настолько расходилось с их представлениями о содержании военнопленных, что они были уверены — это наглая ложь.

Если сегодня нормальные читатели «Известий», «Ведомостей» или «Коммерсанта», я уж не говорю о читателях «Правого дела», прочитают то, что говорилось тогда, они подумают: все очень понятно, хотя и скучно. 10 лет назад был другой язык, другой поня-

тийный аппарат. Какой там дефицит бюджета, какие дефляторы, как это связано с ростом цен, при чем здесь какая-то денежная масса и что это за масса такая? Все это вроде бы русский язык, но на самом деле он настолько вышел из употребления за 70 лет нерыночного хозяйства, что воспринимался почти как иностранный.

— *По определению Томаса Джефферсона, на определенном отрезке истории законодательная власть является тормозом в проведении прогрессивных реформ. Как, с Вашей точки зрения, выглядела роль российской законодательной власти на протяжении этих 10 лет?*

— Главной проблемой периода 1990–1993 гг. было многовластие. Когда мы говорим о разделении властей, очерченном Конституцией, это понятно. Но когда каждая из ветвей власти считает, что она всевластна, когда полномочия не распределены, а действующие правила игры разрешению конфликтов не способствуют, — это страшно опасная ситуация, всегда чреватая насилием. Так было в 17-м году, в августе 91-го, в октябре 93-го.

Причем у нас в России все идет как бы с перехлестом. Абсолютно естественно, что результатом полной анархии, полной неурегулированности отношений законодательной и исполнительной власти после событий октября 93-го года стало резкое конституционное усиление президентской власти и столь же резкое ослабление парламентской. Это было неизбежным результатом того, как разрешился кризис 1993 г., в том числе результатом нежелания руководства и большинства Верховного Совета идти на какие-либо компромиссы. Я прекрасно помню, что Ельцин готов был и хотел пойти на любые разумные компромиссы, которые устанавливали бы разумные правила разграничения властей. Однако это воспринималось лишь как признак слабости. В результате мы получили систему власти со смещенным центром тяжести.

Тем не менее реальный процесс развития событий постепенно показывал, что парламент — это важный инструмент государственной власти. Лучше, когда он ответственный, и лучше, когда правительство с ним взаимодействует. Это было прекрасно видно в период 1995–1999 гг., когда состоялись своеобразные двоичные выборы. На выборах президента мы выбирали свою судьбу: хотим мы идти обратно в коммунизм или не хотим? И голосование большинства показало, что не хотим. В этот же период состоя-

лись выборы в Государственную думу, на которых мы судьбу не выбирали, а имели возможность сказать свое «фэ» исполнительной власти и выбрали тех, кто был готов это сделать. Так в 1995 г. мы выбрали коммунистическую Думу, а в 1996 г.— некоммунистического президента. И 1995–1999 гг. были периодом, когда красная безответственная Госдума делала все, чтобы остановить движение России по пути нормального, устойчивого развития, и наломала за это время такое количество дров, которое позже, в период кризиса 1998 г., и привело к тяжелейшим социальным последствиям.

В связи с этим понимание того, что, если ты не сотрудничаешь с Думой, тебе трудно проводить какую-либо осмысленную политику в области реформ, медленно приводит к восстановлению баланса властей. И то обстоятельство, что эффективным может быть только то правительство, которое пользуется значительной поддержкой в Думе, постепенно осознается политической элитой страны.

— *Итак, начавшийся в России экономический рост можно считать «отложенным во времени» результатом тех реформ, которые Гайдар и его команда начинали 10 лет назад...*

— Это абсолютно точная оценка ситуации. Приведу такое образное сравнение. Когда вы хотите остановить тяжелый грузовик, это требует времени и отрезка дороги, необходимого для торможения. И чем тяжелее грузовик, тем больше требуется времени для его остановки и тем длиннее тормозной след. Польша прошла этот путь за три года. Россия была гораздо более тяжелым грузовиком с гораздо более длинным периодом социализма, гораздо более милитаризованной экономикой, с большей изолированностью от мира, и ей потребовалось для этого 6–7 лет.

На самом деле суть процесса та же самая: фундаментальный фактор нашего роста — то, что мы уже уходим от постсоциалистической рецессии.

...А сегодня это «банальщина»

По совету Е.Гайдара обратимся к фрагменту одного из его выступлений на Съезде народных депутатов, в котором Егор Тимурович формулирует некоторые из тех положений, которые, по его же словам, воспринимаются сегодня как набор банальностей. Однако именно эти «банальности»

не в состоянии был понять российский парламент образца 1991–1992 гг., в результате чего Е. Гайдар в конце концов и подал в отставку.

«...Попробуем, однако, сосредоточиться на тех практических вопросах, по которым у нас возникают разногласия с Верховным Советом. Естественно, что, во-первых, они возникают в связи с утверждением бюджета на 1992 г. Верховный Совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 млрд руб. Что это — социально ориентированная политика и рыночная экономика? Результатом являются резкое обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, резкое увеличение денежной массы с июля–августа и ускорение инфляции начиная со второй половины августа. Если это называется социально ориентированной рыночной экономикой, то, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу. Подобного рода решения изучают совсем в другом разделе теории, там, где речь идет об экономике популизма, о проблемах хронической бедности и застойной слаборазвитости...

Реальная дилемма, которая стоит сегодня перед нашим обществом, к сожалению, гораздо более тяжела и драматична, чем выбор между американской и скандинавской моделями. Преступное промедление с давно назревшей структурной перестройкой экономики, с проведением назревших экономических реформ тянет, тащит нашу экономику вниз, в пучину слаборазвитости. Мощная, но страшно милитаризованная, обремененная архаичной структурой экономика пытается выбраться из этого кризиса. Куда мы пойдём? Сумеет ли вытащить нашу страну из слаборазвитости, сумеем ли взять твердый курс на присоединение к сообществу цивилизованных рыночных государств? А потом уже будем выбирать, хотим мы иметь высокие налоги и обильные социальные программы или низкие налоги и «дешевое» государство. Или все-таки инерция спада, инерция развала потащит нас дальше вниз, к хронически нестабильной финансовой системе и из-за этого — к предельно низким сбережениям и низким инвестициям, к хиреющему за протекционистским барьером собственному промышленному комплексу, к хронической бедности, а потому к политической нестабильности, к чередующейся, столь привычной для третьего

мира плееде популистских политиков и авторитарных диктаторов. В этом состоит, по моему глубокому убеждению, реальная, гораздо более суровая альтернатива сегодняшней социально-экономической политике России».

Реформы — переход от ящеров к млекопитающим

Десять лет назад Егор Гайдар начинал реформы в России. Теперь он руководит Институтом экономических проблем переходного периода, без участия которого правительство и сейчас не обходится при принятии важных экономических решений. С известным экономистом беседует корреспондент «Известий».

— К чему же мы пришли с 1991 г.?

— Я бы предложил сравнивать три точки: 1985, 1991 и 2001 гг. В 1985-м советские экономическая и политическая системы становились все более склеротичными, застойными, инерционными. Их характерной чертой была крайняя стабильность, но обратной стороной этой стабильности — крайняя ригидность, т. е. предельно ограниченная способность адаптироваться. Если посмотреть динамику развития СССР в 50, 60, 70-е годы, то видно, что ни одно из созданных производств не сокращалось. Мог замедляться его рост, но предприятие непременно продолжало существовать, на нем работали партком, профком, шла борьба за план, у него было свое министерство и т. д. В стране не было экономических инструментов, которые говорили бы, какие производства нужны, а какие — нет. К примеру, мы являлись пионерами в области непрерывной разливки стали. Создавали новые производства по новой технологии, но и старые продолжали работать. Их не выводили из экономики.

— Эта негибкость и развалила систему?

— Важным элементом советской системы было то, что она очень сильно зависела от такого труднопрогнозируемого рынка, как рынок нефти. Сегодня не грех вспомнить, что преуспевание брежнев-

Интервью брал Георгий ОСИПОВ.
Опубликовано в: Известия. 2001. 13 ноября.

ского периода базировалось на аномально высоких ценах на нефть. В пересчете на сегодняшние доллары в начале 80-х годов баррель стоил до 70 долл. Более того, вся структура госфинансов, экспортно-импортных операций, да всей жизни основывалась на неизвестно откуда взявшейся гипотезе, что эти аномально высокие цены навсегда. В соответствии с этой гипотезой мы строили свое животноводство в расчете на то, что будет на что закупать необходимое количество кормов. В соответствии с ней формировались производства по ряду отраслей — в расчете на закупки комплектующих для них. И бюджет формировался из предположения, что непременно будут высокие нефтяные цены, которые обеспечат денежные ресурсы на покупку ширпотреба, на поддержание низких цен на мясо, на финансирование оборонного комплекса.

Если бы при всех своих несовершенствах советская система имела еще элемент гибкости, т. е. способность адаптироваться к новым условиям и отвечать на вызовы времени, она могла бы просуществовать значительно дольше. Но она не была готова дать ответ на то, что делать, когда ресурсы начинают иссякать, не умела изымать ресурсы из собственных отраслей. При этом вся система базировалась на жестком политическом контроле. Ее распад и последующий политический кризис были связаны с тем, что этот политконтроль стал ослабевать, а одновременно началось падение цен на нефть.

Урок того времени: отвечая на вызов сегодняшнего дня, надо четко знать, насколько гибка система, которую мы создаем.

— *Вторая точка?*

— После событий августа 91-го уже на фоне начавшегося резкого падения производства и полного разрушения потребительского рынка мы столкнулись с ситуацией катастрофической. Она характеризовалась двумя вызовами.

Первой фундаментальной проблемой 1991 г., которую не все тогда четко ощущали, было то, что государство отсутствовало. Государство предполагает набор функций: оно обеспечивает контроль над своей территорией, над своими границами и т. д. К 1991 г. СССР не обеспечивал контроль над своей территорией, советские законы не действовали в республиках, центр не контролировал свои границы (в той же Прибалтике), не контролировал свои деньги (работали 15 республиканских ЦБ), не контролировал свои ма-

териальные потоки. Как в 1918 г. в России не было государства, так и осенью 1991 г. его не было.

Вторая важнейшая характеристика этого периода — не было никакой работающей экономики. Социалистическая система основана на базе замещения рынка адресным директивным распределением продукции. Но замещение рынка натуральным распределением на основе адресных поставок возможно только в жесткой или по меньшей мере авторитарно-тоталитарной системе, когда за невыполнение задания Госплана, Госснаба или райкома партии виновника быстро наказывают. Советская система неэффективна, негибка и т. д., но, пока она действует, вы можете надеяться, что хлеб или гвозди из пункта А в пункт Б поступят. Эта система работает бюрократически, со скрипом и скрежетом, но тем не менее работает. Но как только вы из нее изымаете угрозу жесткого наказания, оказывается, что она функционировать не может, что нет для этого других механизмов. Ведь не надо продавать хлеб за деньги. В крайнем случае система вырождается в бартерную экономику. Как только из нее вынули стержень тоталитарного государства, социалистическая экономическая система развалилась.

— *Прошло десять лет...*

— В 2001 г. объем производства существенно снизился по сравнению с 1985 г., а способность экономики и общества меняться и адаптироваться — существенно выросла. Реформы — это переход от ящеров к млекопитающим. Сбросили массу — нарастили скорость и маневренность.

— *И массу мозга.*

— Общая масса и объем головного мозга Брежнева и членов его Политбюро существенно меньше, чем миллионов россиян, которые сегодня принимают самостоятельные решения. Это радикально меняет перспективы страны и ее способность адаптироваться к вызовам времени.

Мы прошли тяжелый путь за 15 лет. От СССР, который, очевидно, не мог меняться, к России, которая сегодня имеет шанс меняться. Это самое важное. Мы дорого заплатили за эту способность. Но она есть.

— *В чем это выражается?*

— После 1998 г. господствовали крайне пессимистические прогнозы. Господствовали представления, и я их придерживался, что

резкое сокращение импорта из-за ограниченной способности отечественных предприятий адаптироваться грозит дырами на товарном рынке. Выяснилось, что российские предприятия с поразительной скоростью смогли наладить производство. Уверяю Вас, что при аналогичном развитии событий в 1992–1995 гг. мы бы не смогли так быстро преодолеть кризис.

Итак, 2001 г. по сравнению с 1986 г. Тогда мы имели тоталитарный режим и нерыночную экономику. Сегодня у нас молодая, далеко не совершенная демократия и молодая, далеко не совершенная, но рыночная экономика.

Если сравнить нынешний год и 1991-й. Тогда — нарастающий хаос, несуществующее государство, неработающая экономика. Сегодня — есть существующее государство. С кучей своих проблем — но есть. Государство контролирует свои границы, обеспечивает выполнение законов на всей территории, собирает налоги, контролирует свои деньги, обеспечивает монополию на насилие на большей части страны. И это государство демократическое. Есть рыночная экономика. С конвертируемой валютой, с предприятиями, быстро откликающимися на вызовы. С массой проблем — несовершенной банковской системой, гипертрофированным сырьевым сектором. Но — рыночная экономика.

— *Намного ли мы продвинулись, к примеру, в осуществлении структурных реформ, не отложили ли их, как всегда бывало со времен Косыгина, пока мировые цены на сырье высокие?*

— Интенсивность реформ за последние полтора года была очень высокой именно с учетом высоких цен на нефть. Я согласен с вами, что обычно нефтяные цены разворачивают. И я опасался, что появившаяся возможность будет бездарно промотана. Пока этого не произошло. Вы правы: есть понятный круг проблем, о котором мы говорим не первый год. Но ведь это только иллюзия — то, что все реформы можно проводить одновременно.

— *А разве можно по отдельности, можно ли их делить?*

— Только по отдельности. Способности любого правительства ограничены. Реформа — это каждый раз тяжелая техническая задача, включающая разработку документов, поиск компромиссов, создание политической коалиции. Важно определить приоритеты. У нас был период в мае — июне 2000 г., когда правительство работало очень эффективно по очень серьезным направлениям. Второй

этап — после лета и по апрель этого года. Тогда пытались действовать так, как вы сказали: все одновременно. Ничего не получилось. В апреле подошли к ситуации, когда масса реформ была задумана, но из правительства не вышли ни законопроекты по пенсионной реформе, ни важнейшие новые главы Налогового кодекса, ни Земельный кодекс. В апреле ситуация изменилась, когда правительство сумело сосредоточить усилия вокруг набора приоритетных реформ.

К тому же результаты отнюдь не всех реформ сказываются быстро. Например, судебная. Она только создает возможность постепенного изменения судебной системы, на что потребуется как минимум лет 10.

— *Вы говорите о необходимости компромиссов. Но не окажется ли их цена столь высокой, что на реформы в итоге ни времени, ни других ресурсов уже не останется?*

— Мы живем в реальном мире. Все или ничего не бывает. Мы же не при абсолютизме существуем, а в президентской республике. Где проправительственное большинство размыто и его приходится собирать под каждую реформу. Я считаю, что до сих пор компромиссы были здоровыми.

— *Что ж, ВВП растет...*

— Не надо переоценивать значение ВВП. В конце XVIII в. ВВП Китая многократно превышал ВВП Англии. Но Китай имел ригидную социально-экономическую структуру, а Англия — гибкую экономику. Вообще оценка перспектив меняется поразительно быстро. Недавно и Аргентина оценивалась как очень перспективная страна...

— *В любом случае имеем экономический рост за последние два года. Это сказываются реформы, которые теперь аккуратно по отдельности осуществляются, или просто мировые цены на нефть и полуфабрикаты подсобили?*

— Не стоит напрямую, в лоб связывать экономический подъем со структурными реформами. Реформы важно делать, чтобы сегодняшний подъем продолжился. Но и не только в высоких ценах на нефть дело. Подъем связан с изменениями в экономике на микроуровне. Самое важное, что произошло с 1991 г., — произошло на уровне предприятий. Главное в том, что в 1992 г. подавляющее число предприятий имело управленческие команды, аб-

солютно не приспособленные работать в условиях рынка. В 2001 г., наоборот, большинством из них руководят рыночные команды. Жестко, по-русски, но они уже понимают, что такое деньги, как работать с поставщиками и т. д. К концу 90-х годов мы имели уже подавляющее число таких предприятий.

— Госкомстат сообщает о сокращении числа малых и средних предприятий. Экономический рост есть, а их число сокращается.

— Госкомстат Госкомстатом. Это, конечно, важный орган. Но мы-то знаем, что на самом деле доля малых предприятий велика, просто многие из них находятся в серой экономике. Возьмем сельскохозяйственный сектор. Чего стоят расхождения между данными аэрофотосъемки полей и данными статистики и отчетности по урожаю. Или такой пример. Два-три года назад в Москве и области было просто найти помещение для развертывания нового производства, а сейчас — нет.

— Отчего-то многие предприятия «серой» сферы предпочитают действовать за пределами России. Наши женщины, к примеру, вербуются швеями в страны Восточной Европы.

— А в Москву приезжают работать украинцы и армяне.

— Но есть еще данные о направлении инвестиций.

— Да, деньги идут в первую очередь в сырьевой сектор. Но наметился рост инвестиций в пищевую промышленность и сельское хозяйство.

— Обладатели свободных денежных ресурсов, т. е. экспортеры, сами говорят в частных беседах, что просто не знают, куда вкладывать свои нефтегазовые доллары. Едва ли не кидают монетку: «орел» выпал — в автопром пойдём, «решка» — начнем производить куриные окорочка. Путь, известный по печальному опыту Южной Кореи, — создание чеболей.

— Тенденция к созданию чеболей — обратная сторона благоприятной ценовой конъюнктуры. Да, она опасна в долгосрочном плане. Но не стоит переоценивать то, что с этим можно сделать. В идеале надо создавать благоприятный инвестиционный климат в целом по стране. Реформы 2000 г. в принципе создают такой климат для инвестиций не только в сырьевую базу. Инвестиции несырьевого сектора будут формироваться из прибылей самого этого сектора.

— А наша банковская система?

— Банковская система слабая и будет довольно долго слабой.

— То есть, если с понедельника, скажем, все банки обяжут резко повысить капитализацию, это не поможет?

— Нет. Чтобы сформировать эффективную банковскую систему, понадобятся годы.

— А может ли вообще быть оживлено отечественное производство в ситуации, когда, как говорят многие эксперты, фактически в России в товарно-денежных отношениях участвуют процентов двадцать граждан, а остальным просто не на что покупать товары? То есть, не формируется потребительский спрос, остается низкой платежеспособность населения.

— Статистика свидетельствует о бурном росте товарооборота, росте реальной зарплаты на 22%. Это, кстати, тоже опасно. Конечно, часть этого роста — выход экономики из тени. Растет потребительский спрос. Есть рост производства в пищевой промышленности. Я не понимаю, откуда легенды рождаются.

— Сами же говорите, что «Госкомстат Госкомстатом»...

— Да, к статистике надо относиться осторожно. Но в данном случае набор пересекающихся и взаимосвязанных параметров изменяется одновременно. Для меня это аргумент в пользу того, что за статистическими показателями стоят реальные процессы. При всех понятных проблемах мы создали себе неплохую площадку для старта в борьбе за место в мире в XXI в. Теперь у нас достаточно гибкая и способная к адаптации экономическая система.

Голландская болезнь, структурные реформы и приоритеты правительства: ретроспектива и перспективы

РЕФОРМЫ ЗАТРАТНЫЕ И РЕФОРМЫ, ЭКОНОМЯЩИЕ ДЕНЬГИ.
ПОСЛЕДНИЕ НАЧИНАЮТСЯ, КОГДА НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ
ИХ ИЗБЕЖАТЬ...

— Сейчас обозначены и существуют две экономические стратегии: жить по средствам, тратить столько, сколько зарабатываем, и максимально отсекаать приток валюты, получаемой благодаря «нефтяной ренте», — это, скажем так, илларионовская стратегия. И есть еще одна, условно говоря, правительственная, предполагающая, что, конечно, надо жить по средствам, но есть еще и реформы, на которые надо тратить имеющиеся деньги. В чем теоретические плюсы и минусы обеих программ и их практическая осуществимость в нынешней ситуации?

— Теоретически они очень разные. Но когда дело доходит до реального бюджетного процесса, они оказываются достаточно схожими, хотя и с некоторыми различиями. Я думаю, что если бы бюджет разрабатывал Андрей Илларионов, то у нас размер планового бюджетного профицита был бы больше, а непроцентные расходы — меньше. Но в рамках реального политического процесса, где все зависит не от одного конкретного человека, а от расклада сил в Думе, от баланса интересов в правительстве, проблем других реформ, в итоге получился бы бюджет, который был бы ориентирован на то, чтобы жить по средствам, предполагал профицит и вместе с тем некоторые средства на проведение реформ. Я думаю, что так дальше нам и надо действовать.

Интервью брал Евгений НАТАРОВ.
Опубликовано на сайте Полит. ру. 2001. 14 ноября.

Самое разумное вложение сегодня в России — это не вложение в инфраструктуру, в строительство мостов. Самое разумное вложение — это проведение тех реформ, которые необходимы для улучшения общего инвестиционного климата. Скажем, я убежден, что вложения в судебную систему, которая с течением времени, можно надеяться, будет работать более или менее эффективно, неизмеримо важнее, чем строительство любого тоннеля или моста.

— Но возможность проведения такой политики связана с благоприятными ценовыми факторами, имеющимися сейчас. Между тем можно прогнозировать, что ситуация будет ухудшаться, и она уже меняется. Что будет тогда?

— Тогда придется менять акцент реформ. Ведь реформа реформе рознь. Есть реформы, требующие денег (как судебная реформа — там действительно в первую голову необходимы существенные деньги, чтобы судебная система была независима от региональных властей, чтобы судьи получали прилично), а есть реформы, которые денег никаких не просят, более того — деньги экономят. По странному стечению обстоятельств эти реформы в условиях высоких цен на нефть почему-то продвигаются очень слабо. Вот, скажем, правительство активно обсуждало вопрос о программе реструктурирования бюджетных расходов. Есть масса направлений, где бюджетные средства очевидно тратятся неэффективно. Был подготовлен довольно большой круг документов и предложений. Но так как сейчас правительство не находится под мощным давлением нехватки денег, то разговоры идут, поручения даются, но по программе сокращения расходов в основном ничего не сделано (у меня сейчас лежит большая справка по этому вопросу). И, к сожалению, пока не будет мощного давления со стороны ограничения доходов, сделано, скорее всего, ничего и не будет.

Что уж говорить — реформы ведь в первую очередь проводятся не тогда, когда кому-то захотелось, а тогда, когда нет возможности их избежать. И если будут более низкие цены на нефть, — а я убежден, что для России цена на нефть 18 долл. за баррель гораздо более плодотворна, чем цена 25 долл., — то без всякого давления надо будет давать ответы и смотреть, как мы тратим деньги на дорожное строительство, что такое у нас бюджетная сфера, почему до сих пор не переведено на бюджетное исполнение реальное финансирование частей и подразделений Министерства обороны, что делается в области финансирования образования и здравоохранения,

насколько эффективны закупки лекарств, и многое-многое другое. И тогда соответственно придется менять акценты — с тех реформ, которые требуют больших денег, на те реформы, которые позволяют эти деньги экономить, и уже в той мере, в какой они позволяют экономить, тратить деньги на реформы, требующие денег.

ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ. КОГДА ВСЕ СЛИШКОМ ХОРОШО,
МОЖНО НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ...

— *Таким образом, Вы считаете, что проводить эти меры волевым политическим решением в благоприятной обстановке абсолютно невозможно?*

— Можно. Я, честно говоря, крайне удовлетворен тем, что было сделано в области структурных реформ за последние полтора года. Именно очень благоприятная конъюнктура подталкивает к тому, чтобы лежать на печи и ничего не делать. Все слишком хорошо. Конечно, в такой ситуации, при таких ценах на нефть можно было ничего не делать, все это время наращивать свои обязательства и ждать, когда все рухнет. Просто надо понять, что политическая воля исчерпаема и ее нельзя использовать по всем направлениям. Проблема российских структурных реформ в том, что их нужно проводить очень много и самых разных, а способности любой власти, любого правительства в этом смысле ограничены. Всегда надо выбирать приоритеты. Когда правительство об этом забывает, как между осенью 2000-го и весной 2001 г., оно теряет время. А заставить себя выбрать пренеприятнейший приоритет реструктурирования бюджетных обязательств, когда у тебя есть такие приятные вещи, как налоговая реформа и снижение налогового бремени, очень трудно.

— *Почему Вы считаете, что эти полгода были потеряны?*

— Там было три разных этапа. Был блестящий, на мой взгляд, этап между маем 2000-го и июлем 2000 г., когда шли налоговая реформа и реформа Совета Федерации. Здесь возможности были использованы по максимуму. Второй этап — длинный период после летних каникул между августом 2000-го и апрелем 2001 г. В бюджетной сфере что-то делалось, но в целом правительство пыталось идти по всем возможным направлениям и не шло никуда. Вспомните ситуацию на апрель 2001 г. Положение с налоговой реформой: налог на прибыль правительством не внесен, налог на природные ресурсы — тоже. Пенсионная реформа: пакет документов из правительства

не вышел — там не смогли договориться. Трудовой кодекс: не вышел из согласительной комиссии. Земельный кодекс: закон из правительства не вышел. Правовая реформа — тоже. Уже работа Думы кончается, а в нее еще ничего не внесено. К счастью, где-то в начале апреля правительство сумело сконцентрироваться, договориться о приоритетах, выпустило подписанный затем Путиным документ о приоритетах законодательной деятельности в весеннюю сессию 2001 г., с конца апреля по июль сделало мощнейший рывок и получило сильные результаты, во многом давшие инерцию и на второе полугодие, — это такие важнейшие вещи, как Трудовой кодекс, пакет пенсионной и правовой реформ. Сейчас пока все идет нормально. Но встает важнейший вопрос: в какой степени правительство сумеет точно определить свои приоритеты, когда мы пройдем этот этап? Я уверен, что если будет ясно, что цена на нефть 18 долл., то в приоритеты попадет реструктурирование бюджетных расходов.

— *Вы сказали, что до сих пор было приятнее заниматься снижением налогового бремени, чем реструктуризацией правительственных обязательств? Вы имеете в виду внутренние обязательства?*

— Речь идет исключительно о том, как мы тратим наши бюджетные деньги. Не надо иллюзий. Я никогда не недооценивал сложности проведения реформ. В самом деле, если бы налоговая реформа была политически простым делом — снижением предельных ставок налогообложения и ликвидацией льгот, ее все страны давным-давно бы провели. На самом деле она всегда состоит из двух компонентов: первый — это снижение налоговых ставок, а второй — ликвидация всяких льгот для страховщиков, прессы, крестьян, медиков (и за каждым стоит мощнейшая группа давления). В связи с этим то, что удалось сделать, — это, конечно, много. Но все-таки в условиях больших доходов двигаться в сторону снижения налогов было легче, чем в сторону реструктурирования расходных обязательств.

Конечно, за крахом советской экономики конца 80-х годов стояли серьезные долгосрочные фундаментальные проблемы, но сам динамизм и масштабы этого краха были в очень большой степени связаны с тем, как Советский Союз распорядился своими нефтяными доходами периода экстремального скачка цен на нефть 1973–1984 гг. На пике брежневской эры цена на нефть была где-то в районе 70 долл. за баррель, если мы пересчитаем доллары 1980 г. в доллары 2000 г. А когда вам кажется, что цена на нефть всегда будет 70 долл.,

вы можете под это разворачивать программу строительства ракет, наращивать оборонный комплекс. Вы привыкаете импортировать 40 млн т зерна в год и строите животноводческие комплексы, которые ориентированы на то, что у вас есть эти 40 млн т, которые вы закупаете в Америке, Канаде, Аргентине. Вся структура экономики, вся структура непроцентных расходов была ориентирована на то, что есть эта огромная нефтяная рента. И как только выяснилось, что она сокращается, встал вопрос: откуда брать деньги на закупку этих 40 млн т зерна, для которых построены комплексы? Откуда брать деньги на то, чтобы производить все эти ракеты, если у нас больше нет нефти даже для того, чтобы покупать ширпотреб и затыкать дыры потребительского рынка? И первое, что вы начинаете делать, — это бурно заниматься, думая, что случилась мелкая неприятность. Ну а потом происходит все, что происходит. Такое не первый раз происходило с нефтедобывающей страной.

Для нас риск неразумно распорядиться высокими ценами на нефть всегда существует. Первое — и это активно обсуждалось все это время — это проблема голландской болезни, т. е. неизбежного роста реального курса национальной валюты, который делает неэффективными любые производства, не связанные с нефтяной рентой. Беда голландской болезни в том, что есть паллиативные рецепты, как с этим бороться (что делать, чтобы она развилась не слишком быстро), но надежных способов ее предотвращать или лечить в общем не существует. В принципе то, что делали правительство и Центральный банк в последние два года, — это максимум возможного. Нам безумно повезло, что мы вошли в период высоких цен с предельно низким реальным курсом рубля, соответственно у нас был большой задел его постепенного роста после краха 1998 г. Тем не менее, если высокие цены на нефть продержатся еще год, два, три, четыре, эта «подушка» неизбежно исчезнет.

Голландская болезнь. России помогли отвратительная репутация и проблемы мировых финансовых рынков

— *Вы считаете, что никаких инструментов связывания денег нет?*

— Они есть, но эффективность их всегда ограничена. Что можно делать? Пока мы можем платить долг, накапливать резервы

на счетах правительства, ЦБ может повышать процентную ставку по привлекаемым депозитам. Можно, что мы и делали, попытаться повысить внутренний спрос на деньги на основе давления на налогоплательщиков (заставляя их платить деньгами) и на потребление естественных монополий. Мы, проводя достаточно осторожную политику валютного курса, без реального объявления об этом даем населению сигнал, что инфляция не будет очень большой, соответственно, пытаемся снизить инфляционные ожидания и повысить спрос на деньги. В общем, пока это давало нам возможность удерживать темпы роста реального курса рубля где-то в пределах 10%. Надо и дальше применять все эти инструменты, но надо понимать, что все они имеют свои пределы. Надо понимать, что еще 10 и 10%, это не страшно, а вот 10, и 10, и 10, и 10% — это уже действительно выводит нас на неприятные уровни. А еще, по мере того как вы выплачиваете долг и все видят, что у вас благоприятная финансовая ситуация, вы сталкиваетесь с голландской болезнью. Начинает исполняться ваша мечта, и плюс к большому положительному сальдо торгового баланса, с которым вы пытаетесь справиться, вы получаете изменение направления потоков капитальных операций, и у вас вливается в экономику еще на 20 млрд долл. капитальных денег. И вам надо с этим как-то бороться, потому что все видят — бюджет хороший, долги платите, профицит.

— *Об этом часто говорит Андрей Илларионов. Почему Вы считаете, что с этим надо бороться?*

— Дело в том, что есть предел возможностей инвестирования. Если вы инвестируете эти деньги в строительство заводов, тогда вы вместе с этим хотя бы ввозите оборудование. Но вы вполне можете вкладываться в акции российских предприятий. С этим не надо бороться. Это было бы для нас идеально, сказочно (и в 2001 г. были явные признаки постепенного поворота потока капиталов). Дальше за счет этого мы получаем динамику в первую очередь не краткосрочных, а долгосрочных портфельных инвестиций. Но только никто нам не гарантирует, что развитие событий будет именно таким. В этом смысле нам с высокими ценами на нефть повезло. Сначала нам помогла отвратительная репутация России после кризиса, потом — большие неприятности на финансовых рынках. Иначе с нашим положительным сальдо торгового баланса 55 млрд долл.

мы бы уже получили еще 10–20 млрд долл. дополнительного потока капитала.

Что тогда происходит? Вы получаете импорт в страну дополнительных денег. Дальше у Центрального банка есть фундаментальная альтернатива. Он либо позволяет рублю укрепляться в номинальном выражении, либо не позволяет. Если позволяет, он не обязан эту валюту покупать, не обязан создавать для этого дополнительную денежную ликвидность, он просто может признать, что рубль начнет резко укрепляться по отношению к доллару. Но здесь возникает другая фундаментальная проблема.

В долларизованной экономике структура активов населения, как и предприятий, сильно зависит от ожидаемой динамики курса. Почему курс слабо влияет на инфляцию, скажем, в Европе, Америке или Японии? Потому что это экономики с длинной историей стабильной собственной валюты. Иена может прыгать по отношению к доллару в диапазоне от 85 до 140 иен за доллар — на инфляционных ожиданиях японцев, на распределении их активов это никак не скажется. В России, когда у вас начинается ускорение укрепления рубля или, наоборот, укрепления доллара, это сразу сказывается на денежном поведении. Вспомните: 1995 г., весна, когда после начала стабилизационной программы у нас изменились инфляционные ожидания и начался приток на рынок валюты. Тогда Центральный банк под давлением МВФ пошел на то, чтобы допустить номинальное укрепление рубля. Мы получили огромный дополнительный поток валюты на рынок, потому что и банки, и предприятия, и население начали перераспределять свои активы из долларов в рубли. Если сегодня, скажем, Центральный банк пойдет по этому пути и скажет: замечательно, у нас много валюты, давайте опустим доллар до 20 руб. — завтра у вас возникнет огромное дополнительное предложение валюты на рынке, потому что население немедленно побежит перебрасывать свои доллары в рубли. Это самое глупое, что можно сделать. Обязательно произойдет «перелет»: курс упадет до 15, потом пойдет вверх. Короче говоря, вместо некой стабильности мы получим серьезные, непредсказуемые и очень опасные колебания финансов. Так нельзя.

Если вы этого не хотите, тогда вы обязаны доллары покупать. Вы обязаны создавать для этого рублевую ликвидность, которая определяется двумя вещами: сальдо платежного баланса, который

определяет избыток валюты на рынке, и направлением потоков капитала. Если вы должны покупать 24–25 млрд долл., из которых половина пойдет на обслуживание долга, а половина — на рост резервов Центрального банка, у вас соответственно увеличивается денежное предложение. Никто не гарантирует, что население и хозяйственные агенты на ту же сумму увеличат спрос на остатки национальных денег. Если они спрос не увеличат, у вас будет инфляция. А инфляция в условиях более или менее стабильного номинального курса означает реальное укрепление рубля. Все инструменты, о которых мы говорили, в принципе позволяют заметить этот процесс, затормозить его, но не остановить. Вот в чем фундаментальная проблема «голландской болезни». И никто не знает, как ее радикально лечить. Операционных методов нет.

ТРИ УГРОЗЫ ВЫСОКИХ ЦЕН НА НЕФТЬ: ОПАСНОЕ
УКРЕПЛЕНИЕ РУБЛЯ, ВЫСОКИЕ НЕПРОЦЕНТНЫЕ РАСХОДЫ,
ФОРМИРОВАНИЕ «СУПЕРЧЕБОЛЕЙ»

— *Через какое время голландская болезнь может затронуть нас в полной мере? Ведь часть валюты изымается налогами и уходит в порядок выплаты долга. Наверное, такая опасность быстро не возникнет?*

— Это сложный вопрос. Прогнозировать трудно: во-первых, мы не знаем, что значат высокие цены на нефть — 25 долл., 30 или 35. Чем они выше, тем больше опасность. Во-вторых, мы с Вами не знаем, как поведет себя поток краткосрочного капитала. Изменится ли ситуация на мировых финансовых рынках? Пойдет капитал в Россию или не пойдет? Чем быстрее пойдет — тем больше опасность. Чем выше цены — тем выше опасность. Слишком низкий реальный курс рубля — это тоже плохо, потому что он расслабляет. Он создает очень мягкие условия для работы рынка. Если бы мы могли выбирать, я бы сказал так: давайте поставим целью реальное укрепление рубля на 5–7% в год на протяжении следующих 3–4 лет. Если бы мне кто-нибудь гарантировал, что это реализуемо, что для этого есть набор инструментов, — было бы замечательно. Но беда в том, что об этом можно мечтать и к этому стремиться, но никто вам не гарантирует, что вы можете этого добиться. Если цены на нефть будут 17 долл. за баррель, то мы, наверное, выйдем на траекторию, близкую к той, которую я описал. А если, не дай Бог,

будет какая-нибудь заварушка в Саудовской Аравии и мы получим 30–40 долл. за баррель, то, честно говоря, я не вижу, как в этой ситуации мы сможем избежать серьезнейших проблем с резким и опасным укреплением реального курса рубля. Это важнейшая, но не единственная угроза, связанная с высокими ценами на нефть.

Есть еще одна важная угроза — это проблема непроцентных расходов, потому что доходы бюджета у нас заметно связаны с ценами на нефть, особенно с учетом тех изменений в законодательстве, которые произошли в этом году по налогу на природные ресурсы. Государство взяло на себя риски, связанные с благоприятной конъюнктурой, и одновременно получило существенную дельту по дополнительным доходам. Формально из экономической логики не следует, что если у вас крупные дополнительные доходы, то вы должны их показывать. Я очень хорошо знаю по жизни: когда все знают, что у тебя денег нет, проводить жесткую политику можно. Но когда все знают, что ты сидишь на деньгах, что у тебя есть резервы 300 млрд, а у всех есть проблемы, то объяснить министру обороны, что он не может утилизировать химические вооружения, которые сейчас протекут, потому что у тебя есть макроэкономические соображения и ты не хочешь увеличивать непроцентные расходы, очень трудно. На одно макроэкономическое соображение приводится десять других. В связи с этим вторая серьезнейшая угроза благоприятной конъюнктуры в том, что мы начинаем эти временные и заведомо неустойчивые доходы тратить на вещи, создающие обязательства. Хорошо, если средства потрачены на утилизацию вооружений. А если на ликвидацию очереди на квартиры для демобилизуемых офицеров? Ведь всегда есть огромный пресс. Повысить на эти деньги довольствие офицерам? А цена упадет — как ты снизишь довольствие обратно? Только инфляцией.

Есть и третья угроза, которую тоже нельзя недооценивать. При высоких ценах на нефть у нас происходит огромная концентрация финансовых ресурсов в руках нефтедобывающих предприятий. Мы знаем ситуацию с «ЮКОСом», с «Сибнефтью». Даже при интенсивных инвестициях в профильные для себя бизнесы у них все равно возникают огромные дополнительные ресурсы, которые неизбежно начинают использоваться для формирования промышленных конгломератов. Мы получаем очень концентрированную экономику корейского типа, что имеет неприятные политические

и экономические последствия с точки зрения долгосрочной устойчивости этой системы. И нет простых решений, как сделать, чтобы у нас не происходило формирования конгломератов, основанных на экспортно-ориентированных компаниях, когда они благодаря высокой конъюнктуре сидят на деньгах. Можно не помогать этому, но попробуйте помешать.

Вот три угрозы, которые, на мой взгляд, делают длительный период высоких цен на нефть крайне опасным.

Если цены на нефть упадут...

Сегодня наша экономика гораздо менее уязвима для подобной динамики...

— Раз уж заговорили о нефтяных ценах, то в продолжение этой темы — два сюжета. На мой взгляд, вариантом мечты для нас было бы колебание в ближайшие год-два цены нефти около 17 долл. с постепенным снижением до 15 долл. за баррель. Параллельно надо постепенно увеличивать жесткость экономической системы и снижать зависимость экономики от нефтяных монополий. Но беда в том, что нас мало кто спрашивает, чего мы хотели бы. Это тот рынок, на котором, как все уже поняли, мало что можно прогнозировать. В связи с этим возникает вопрос: в какой степени российская экономика сейчас является устойчивой для катастрофического снижения цен на нефть? Для снижения их до уровня 1998 г. — 6–7 долл. за баррель? Я моделирую вариант 10–12 долл., который исключить нельзя.

Конечно, такое катастрофическое падение цен будет очень серьезной нагрузкой на российскую политическую систему и на экономическую систему и создаст существенно иную политическую и экономическую ситуацию. Конечно, управлять Россией в условиях цены 12 долл. за баррель — это совсем другая история, чем управлять Россией в условиях цены 25 долл. за баррель. Это далеко не будет так бархатно, комфортно. Тем не менее, на мой взгляд, сегодня наша экономика в гораздо меньшей степени уязвима для подобного рода динамики в сравнении с 1997–1998 гг.

В чем здесь, собственно, разница? Во-первых, с 1995 по 1997 г. наша инвестиционная политика в силу комплекса обстоятельств, о котором я могу рассказать подробно, но не хочу занимать Ваше

время, привела нас к предельной ситуации в отношении курсовой политики. Дело даже не в формальном коридоре, который существовал. Реальная свобода маневра была гораздо уже этого коридора из-за того, что у нас было сочетание слабой бюджетной политики (с большим бюджетным дефицитом) и относительно сильной денежной политики. Бюджетный дефицит мы финансировали за счет МВФ и экспансии присутствия [нерезидентов] на внутреннем [долговом] рынке.

Экспансия присутствия на внутреннем рынке, слабая политика 1996 г., президентские выборы, предельно высокие процентные ставки, снижение процентных ставок только для резидентов, большой, быстрорастущий дорогой короткий долг с существенной долей иностранного присутствия — все это означает, что, если, паче чаяния, вы вдруг пытаетесь ускорить темпы девальвации, у вас автоматически немедленно начинается банковский кризис плюс немедленно уходят с рынка нерезиденты, растет процентная ставка, бюджет становится несводимым. В этой ситуации, когда радикально меняется ситуация на мировых финансовых рынках и на рынке нефти, единственное, чем можно ответить, кроме того, что сделали мы, — это попыткой ускорения структурных реформ, ужесточением бюджетной политики и займами МФВ. Это то, что делает сейчас Аргентина. И выясняется, что в условиях кризиса этого совершенно недостаточно, чтобы переломить ситуацию.

Сейчас, к счастью, у нас всего этого нет. У нас нет значительного короткого рублевого долга, у нас нет значительного присутствия нерезидентов на этом рынке, у нас нет уязвимости банковской системы к изменениям курсовой политики, и в связи с этим у нас абсолютно развязаны руки при реакции на изменение цен. И если Центральный банк будет действовать разумно, то реакцией на радикальное падение нефтяных цен будет немедленное изменение курсовой политики. Просто в соответствии с рынком проводится масштабная девальвация рубля. Она, конечно, вызывает всплеск инфляции, которая обесценивает непроцентные расходы. Страна, в общем, у нас привыкла жить в условиях инфляции около 20% [годовых], поэтому дополнительные 10% инфляции катастрофой не будут. У нас происходит компрессия непроцентных расходов, снова падает реальный курс рубля, снижается импорт и меняется сальдо торгового баланса. Кроме того, Вы прекрасно понимаете,

что если будут цены на нефть 10–15 долл., то мы ставим вопрос не о списании долга, а о его реструктурировании, о чем можно будет договориться очень быстро.

Это другая ситуация. Конечно, существенно более жесткая, но катастрофического развития событий в этом случае я не ожидаю. Плюс к этому еще учтите, что у нас сейчас более сильное правительство, более сильный президент, большая организационная возможность адаптации к новым условиям, меньшая угроза саботажа всего происходящего со стороны думского большинства, т. е. мне кажется, что это тот риск, который мы всегда должны иметь в виду, но не в этом году.

— *Когда после кризиса Вы описывали ситуацию, то отметили, что экономика реагирует на изменения намного быстрее, чем Вы рассчитывали. Как в этом смысле она изменилась за это время?*

— Что было после кризиса? До кризиса у нас сложились некие лаги между, скажем, изменением денежной политики, денежного предложения и инфляцией. Они были к этому времени достаточно хорошо изучены и прогнозируемы. Но сами размеры лагов (все знают, что прогнозировать лаги между денежной политикой и инфляцией — это одна из самых тяжелых задач) зависят от масштаба рынка. Если финансовые рынки большие, то, как правило, и лаги больше. После кризиса у нас перестал существовать рынок ГКО, и связь между изменением денежного предложения и инфляцией стала почти такой, какой она была в 1992 г. Потом, по мере увеличения стабильности, восстановления в каких-то масштабах работы рынка, происходило (и продолжается) постепенное увеличение этих лагов, хотя, по нашим оценкам, они по-прежнему все еще короче тех, которые превалировали в докризисный период. Скажем, существенное смягчение бюджетной политики, денежной политики в конце прошлого года очень быстро привело к инфляционным последствиям.

РЕФОРМА МОНОПОЛИЙ. В «ГАЗПРОМЕ» И МПС НАВЕСТИ ПОРЯДОК, ЧУБАЙСУ ПОРУЧИТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

— *Если выделять приоритеты среди естественных монополий, как бы Вы их расставили, что сильнее скажется на экономике?*

— Я бы пошел не от того, чего бы мне хотелось, а от того, что я считаю более реалистичным. Первое — «Газпром». Пока я не вижу

серьезного, реалистичного сценария даже таких назревших реформ, как увеличение контроля со стороны компании за собственными финансовыми потоками, активами, обеспечение некоторой прозрачности происходящего, равных условий доступа к трубе. Требуются совсем элементарные вещи. Скажем, чтобы во главе «Газпрома» была команда, которая все это может сделать. Это самая простая вещь, это не РАО «ЕЭС». При наличии воли и понимания это можно сделать административно. Не нужно сложных законов, сложных переговоров с губернаторами.

Реформу МПС я начал бы с самых простых вещей. Есть 2 млн сотрудников, которых, совершенно очевидно, нужно сокращать. Есть огромная социальная сфера, которая не очень эффективно используется и должна быть передана местным органам власти, профильным министерствам. Есть куча путей, которые крайне мало используются и могут быть выведены из оборота с экономией. Совершенно непонятно, как расходуются инвестиционные фонды. Если министерство серьезно обсуждает вопрос о строительстве моста на Хоккайдо, на Сахалин, ясно, что там с деньгами не все в порядке, что там крайне непрозрачная бухгалтерия. До сих пор не совсем понятно, кем там предоставляются скидки. Не надо никакой безумной, радикальной экспериментальной реформы. Надо сначала навести порядок со всем этим, а потом думать, отделять рельсы от подвижного состава или нет.

Реформа РАО «ЕЭС» более вероятна, чем реформы других естественных монополий, без всякого сомнения, не менее важные, хотя бы потому, что программа эта принята правительством, менеджмент этой компании достаточно сильный, имеет репутацию. Но есть проблема: реструктурировать РАО «ЕЭС» и с политической, и с организационной точек зрения неизмеримо сложнее, чем «Газпром» и МПС. «Газпром» и МПС — федеральные структуры по своей природе. Там нужно просто иметь соответствующую команду и поддержку правительства. А РАО «ЕЭС» — структура регионализованная. Здесь надо провести 80 битв в 80 регионах, в каждом из которых собственный расклад между потребителем, губернатором, законодательным собранием и самим менеджментом РАО. И все эти 80 битв надо выиграть. Да плюс к этому нужно провести изменение федерального законодательства, которое прямо про-

тиворечит интересам и губернаторов, и крупных потребителей. Для этого нужно создать политическую коалицию.

Я разговаривал с очень большим количеством умных и знающих людей, которые мне говорили: то, что предлагают сейчас по РАО, вообще говоря, неплохо, но сделать это невозможно. Просто невозможно. У меня был опыт работы с Чубайсом. Два раза очень авторитетные и уважаемые мной люди твердо говорили мне, что сделать то, что он собирается сделать, абсолютно невозможно. Первый раз — это приватизация, когда один крупный промышленник говорил мне: «Ведь Вы же неглупый человек, Вы же понимаете, что с организационной точки зрения это вообще сделать невозможно. Если бы у Вас был советский хозяйственник, гений сталинской школы Тевосян, то слабый шанс был бы, но Чубайс — что Вы». И второй раз — с выборами Ельцина. Так как Чубайс уже два раза показывал, что можно сделать и невозможное, то я готов поверить, что и на этот раз ему что-то удастся.

— Вы говорите, что в МПС легче навести порядок. Но, наверное, то же самое говорят сейчас Чубайсу: Вы сначала наведите у себя порядок, сократите издержки, а потом будете реструктурировать. Насколько наведение порядка связано с изменением структуры? Вы так уверенно говорите, что в РАО «ЕЭС» можно навести порядок, а насколько это вообще возможно в такой структуре?

Здесь есть существенная разница. МПС по своей природе — централизованно устроенное министерство. А вопрос устройства и наведения порядка в РАО «ЕЭС» — это во многом вопрос его реформирования. Как только ты выходишь за рамки договорных отношений, ты либо проводишь реформы, либо должен сохранить баланс интересов. Что такое нецентрализованно управляемая компания? Это «крыша». Как пример — «Связьинвест»: там вообще ничем не управляют. РАО «ЕЭС» — это традиции, наличие сетей и жесткого прессинга. Но это не «Газпром», это в некотором смысле не единая компания, а сложный конгломерат предприятий, политически завязанных на местные расклады в каждом регионе и слабоуправляемых из центра. Что сделал Чубайс? Резко увеличил долю платежей живыми деньгами в масштабах, которые никто не считал возможными. Но это то, что можно сделать. А взять и навести порядок в АО-энерго без глубокого реформирования системы, я думаю, это не решение задачи.

БАНКОВСКАЯ РЕФОРМА: ПОДОЖДЕМ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА ЦБ.
ВАЖНО СОХРАНИТЬ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЦЕНТРОБАНКА...

— *Что надо сделать по банковской реформе?*

— Я не включал бы банковскую реформу в число приоритетов на 2002 г. Не потому, что считаю, что она не важна, а потому, что я реалист. Я понимаю, что навязать Центральному банку некие реформы невозможно. Либо у нас есть Центральный банк, который знает, что он хочет провести серьезную банковскую реформу, и тогда есть шанс, что он ее проведет, и есть смысл об этом говорить. Либо мы видим Центральный банк, который в целом последние пару-тройку лет проводил вполне осмысленную макроэкономическую политику, но тем не менее четко демонстрировал, что не хочет всерьез влезать в проблемы банковской реформы и реструктурирования банковской системы. Что бы ни говорилось в банковских документах, все это хорошо понимают. До тех пор пока эта позиция ЦБ не изменится, давайте ограничиваться дискуссиями.

— *Пока не изменится руководство Центрального банка?*

— Во-первых, у нас есть закон: срок его полномочий истекает следующей осенью. Как Вы знаете, без просьбы самого ЦБ его руководство не может быть изменено ни Думой, ни президентом. Это на самом деле важный элемент независимости ЦБ, он важен для долгосрочной перспективы банковской системы. И я, честно говоря, не хотел бы тут никаких радикальных решений. Будет осень, будет руководство, ориентированное на реформу, а не на сохранение статуса-кво, и понятно, что тогда будет. Увеличение требований к минимальному капиталу, распространяющееся на существующие банки. Наверняка будет введение новой системы гарантирования вкладов, будет переход на международные стандарты банковского учета, будут, по всей видимости, некоторые меры, направленные на либерализацию доступа и увеличение привлекательности российского банковского рынка для иностранных банков. Вокруг этого все крутится. Будет ли изменен режим самого Центрального банка? Вы знаете, сейчас у ЦБ с Думой достаточно тяжелые отношения, и при желании правительства можно провести решения, которые резко ограничили бы независимость ЦБ. Честно говоря, мне это кажется достаточно опасным опять же с точки зрения перспективы.

То, с чем мы столкнулись в области независимости ЦБ в последние годы, — это в общем-то очень характерно для молодых, относительно независимых центральных банков. С одной стороны, независимость ЦБ — это очень хорошо. Это важно для устойчивости денежной политики, что показывают все исследования. Но практически всегда и везде Центральный банк начинает использовать свою независимость, увеличивать собственные расходы, чтобы зарплаты там были в несколько раз выше, чем в Министерстве финансов, для экспансии своих социальных программ и т. д. Мы создали независимый Центральный банк, чтобы бороться с инфляцией. Он вместо этого начинает создавать из себя какой-то «социальный фонд Центрального банка». Давайте лишим его независимости, чтобы не хамил? Здесь нужно пройти некий путь, который одновременно предполагает и соблюдение Центральным банком определенных норм поведения. Он должен понимать, что независимость ему дана не для того, чтобы вести себя нелояльно по отношению к государству, которое эту независимость ему гарантировало. И вместе с тем важно не подорвать основы этой независимости. Здесь очень деликатный баланс, и очень хотелось бы, чтобы его удалось найти.

— *Какими, на Ваш взгляд, должны быть минимальные требования к банкам?*

— Я в целом сторонник введения европейских минимальных требований.

ВИДЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОДДЕРЖКА РЕФОРМ.
ДОЛГОВАЯ ПОЛИТИКА. В БЮДЖЕТЕ ЕСТЬ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ
ПОЛЕЗНЫЕ И БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ КОРРУПЦИОГЕННЫЕ СТАТЬИ
РАСХОДОВ...

— *Как Вы оцениваете способность правительства к проведению дальнейших реформ и их углублению, а также нынешнее понимание президентом и администрацией перспективы?*

— Знаете, правительство поистине не лучшее место для выработки идей. Хорошо, когда люди приходят в правительство с некоторым набором стратегически осмысленных, разумных наработок, а потом имеют возможность эти наработки вводить. Счастье, что тот набор идей, который генерировался в последние годы в стра-

не и мире, был так или иначе обобщен в правительственной программе лета 2000 г. Это очень амбициозная повестка дня. И чтобы просто все это воплотить, только разумных идей мало. Мы еще налоговую реформу не завершили, мы только подходим к некоторым другим направлениям реформирования. Я думаю, что повестка дня для правительства на ближайшие два года более чем сформирована. Дай Бог им сделать то, что они уже придумали, а дальше — посмотрим.

Пока президент, как мне кажется, показал завидную способность политически поддерживать реформы в условиях, когда в стране нет жесткой заданности, когда непонятно, зачем они так нужны. Это дает базу для надежд.

— *Ощущаете ли Вы, как человек, который работал во властных структурах, что в правительстве есть люди, которые понимают ситуацию?*

— Сейчас в правительстве много по-настоящему компетентных людей.

Президент очень хорошо все понимает. Было несколько кризисных моментов, важных для определения реформ и будущей экономической политики, — например, довольно неприятная ситуация, которая возникла вокруг проблемы с долгом в декабре–феврале этого года. Скользкая была ситуация, крайне неприятная для российского правительства, и, мне кажется, президент достаточно быстро принял правильное решение.

— *Насколько правильно сейчас ведет себя правительство, учитывая перспективу низких цен на нефть?*

— Низкие цены могут привести к весьма тяжелым последствиям. Но, во-первых, в бюджете есть некоторый набор резервов. Кроме того, будут переходящие остатки 2001 г.

Если цена на нефть опустится ниже 18,5 долл., это потребует некоторых дополнительных решений, большей жесткости. Но на самом деле бюджет работает, его можно контролировать, и при некотором ужесточении политической воли бюджет будущего года вполне можно адаптировать. Это набор вполне понятных решений. А вот в 2002 г. цена ниже 18 долл. для бюджета — это уже достаточно серьезно. Ниже 15 долл. — это начинается уже другая ситуация.

Дело в том, что внешние заимствования — это такая вещь, которая включена в бюджет с точки зрения создания площадки для ма-

невра. С самого начала говорили, что, если конъюнктура будет благоприятная, мы совершенно не собираемся занимать. Другое дело, что для правительства, особенно в условиях качающегося рынка, действительно разумно было бы прощупать ситуацию, но так, чтобы все наши партнеры не знали, когда мы можем выйти на рынок заимствований.

Пока ситуация благоприятная, хотя последствия аргентинского дефолта скажутся на российском долге обязательно, причем в первую очередь на длинных российских бумагах, которые упадут, правда, на сравнительно короткое время. Что будет с Турцией, никто не знает. Здесь важно сохранять гибкость в принятии решений.

— *Как Вы оцениваете решение не покупать еврооблигации, а погашать долги досрочно?*

— Это было чисто политическое решение.

— *В чем смысл этой политики?*

— При нынешнем уровне валютных резервов это не очень понятно. Конечно, можно сказать: давайте будем использовать резервы Центрального банка на выкуп своих долгов. Но это, прямо скажем, не самая лучшая практика. Если вы хотите выкупать свои долги, берите деньги из правительственных резервов. Но я понимаю логику. Это, конечно, был политический жест, чтобы вывести нас на уровень, когда наша задолженность МВФ будет ниже нашей квоты, и в связи с этим у нас с МВФ будет другая правовая ситуация, другой правовой режим.

— *Как Вы оцениваете нынешний бюджетный процесс? С одной стороны, приемлемый бюджет провели без скандалов, а с другой — прохождение такого документа почти без обсуждений — это, наверное, не очень хорошо?*

— У меня пока еще слишком личное отношение к бюджету, чтобы легко рассуждать о нем с исторической точки зрения. Дело в том, что, пока бюджетный процесс в Думе, это все-таки в колоссальной мере вопрос лоббирования. Для меня поэтому важен результат. Какие деньги будут разбазарены? Бюджет для меня распадается на набор статей, во-первых, в большей или меньшей степени полезных и, во-вторых, в большей или меньшей степени коррупциогенных. Идет разворовывание. Я не могу этого доказать, но я знаю, что разворовывание по разным статьям разное. Поэтому я смотрю, в какой мере выросли статьи, которые в наибольшей степени являются предметом потенциального разворо-

ывания. В рамках этого бюджета не очень сильно. Я не могу себя заставить смотреть на этот бюджет с какой-то другой точки зрения. Нормально было бы, если бы парламент реально выполнял роль контролера за эффективностью расходования бюджетных денег, всерьез рассматривал бы бюджетные ассигнования, был бы готов снимать деньги с очевидно неэффективных статей и бросать их на более эффективные и более важные. Конечно, это было бы здорово. Но в реальности я этого пока не вижу.

10 ЛЕТ РЕФОРМ. РОССИЯ И ПОЛЬША. НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО НАША ТРАЕКТОРИЯ ВЕДЕТ К БОЛЕЕ ЗДОРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ...

— По «гамбургскому счету» последние 10 лет были очень тяжелыми для России, как всякие 10 лет радикальных перемен. Но в общем я считаю, что сделано очень многое. Стартовая база для борьбы России за свое место в мире в XXI в., мне кажется, сейчас гораздо лучше, чем была в 1991 г. Это первое. Второе: я все время смотрю на Югославию — я хорошо ее знаю и понимаю, что у нас могло быть хуже.

— *Намного?*

— Конечно. Если бы на месте Ельцина был человек с ментальностью Милошевича, процесс демонтажа Советского Союза вполне мог приобрести далеко не мирный характер. Кто мог гарантировать, что первый секретарь Белградского обкома окажется настолько безответственнее первого секретаря Свердловского обкома, а потом Московского горкома?

— *А могло бы быть лучше?*

— Конечно. Массу вещей можно было делать быстрее, не совершать многих ошибок. Можно было не иметь такой высокой инфляции, быстрее проводить какие-то реформы. Но если смотреть на реальные расклады и риски не с позиций господ Бога, а с позиций реального политического процесса, то непонятно, с какой стати стабилизация и структурные реформы должны были идти более энергично, эффективно и последовательно?

— *У поляков же получилось.*

— Да, поляки выскочили быстрее. Там был консенсус. В 1989 г. после краха социалистических режимов Восточной Европы в Польше приходит к власти правительство Мазовецкого. Лешеку Бальцеровичу предлагают стать министром финансов и писать програм-

му. На этот момент у людей, которые были причастны или потом стали причастны к процессу выработки экономической политики, было общее видение ситуации. Они представляли себе, что предстоит тяжелый процесс, что нет институтов, неизвестно, что будет с инфляцией. Но все они прекрасно знали, что социалистическая экономика неэффективна, что для галочки делается масса металлолома, который разваливается на ходу. Всем было ясно, что это производство будет сокращаться. Параллельно будет происходить процесс перераспределения ресурсов в другие сферы, где есть рыночный потенциал. И постепенно все это устаканится и получится более эффективная рыночная экономика. Никто в тот момент не ждал крутого падения производства. Это не было темой серьезного обсуждения. Предполагалось, что на какое-то время будет падение и большое, но что на три года падение производства в начавшей реформы стране может составить более 20% ВВП, это даже не обсуждалось. Этой идее просто неоткуда было взяться.

Поэтому когда Польша вошла в реформы — размораживание цен, высокая инфляция (выше, чем ожидалось), крутое падение реальных доходов, — началась дикая истерика в прессе: все погубили, зарезали, убили, политика слишком жесткая. Три года шло падение производства. Потом 1992 г., лето — слабые признаки того, что все начинает поворачиваться к лучшему. Между тем за эти три года постепенно образовались экономические ячейки, люди учились разумно использовать ресурсы, начали компенсировать падение свертыванием неэффективных секторов. Примерно то же самое мы видим в Чехии, где реформы начались на год позже. Там тоже после социализма потребовалось три года падения, чтобы сформировать институты, создать массу рыночно ориентированных предприятий.

Россия начала реформы в 1992 г., остальные страны СНГ — тоже, Прибалтика — раньше. Три года будет падение — вот то, что мы знали к моменту их начала. Но мы пошли вниз более круто, чем поляки. Оказалось, что у СНГ и Восточной Европы фундаментально расходящиеся пути. Пришел 1999 год, и тут все начали задавать себе вопрос: а почему, собственно говоря, все решили, что для наработки этого опыта странам, у которых социализм был 40 лет, в которых жили еще дедовские традиции, нужно столько же времени, сколько и постсоветским экономикам, где социализм был 75 лет и никто, включая стариков, рынка в глаза не видел, где необходи-

мы элементарное обучение, смена элит? Если мы просто поделим годы реформ на годы социализма, то у нас получатся очень похожие траектории. Конечно, мы учимся. Мы массу информации получаем в процессе реального экономического развития и входим в разные точки, причем в некоторых отношениях в менее благоприятные, а в некоторых в более благоприятные.

В менее благоприятные, естественно, в денежной политике. У нас меньше доверия к национальным деньгам, меньше денег в ВВП. У нас слабая банковская система. Кроме того, у нас был длинный период нестабильности, деградации госаппарата, низких доходов в бюджет, низкой оплаты труда, высокой коррупции. Где плюсы? Во-первых, поскольку у нас были более длинный переход, более резкое сокращение ВВП и соответственно более жесткий подход к расходам, мы получили гораздо менее обремененную расходами экономику. Польша тратит 15% ВВП на пенсии. Во-вторых, так как там экономика оказалась очень европеизированная и достаточно быстро стабилизировалась, возникли внутренние элементы негибкости, ригидные рынки рабочей силы, профсоюзы. Многие успехи связаны с тем, что у них есть четкая цель — членство в ЕС. Это дает им прекрасные ориентиры в экономической политике, в основных параметрах ее институционального развития, позволяет консолидировать элиту. Но сами стандарты ЕС приспособлены для богатых рыночных экономик. Они очень жесткие по многим направлениям и очень мало подходят для бедных стран Восточной Европы. В России и СНГ все знают, что Европа нас не ждет. В связи с этим у нас были, с одной стороны, гораздо более серьезные обсуждения, связанные с выбором стратегии социального развития, а с другой — возможность не ориентироваться на жесткие европейские стандарты.

— *Может ли это привести к тому, что наша экономика будет лучше развиваться?*

— *Может.* Мы с Лешаком как-то это уже обсуждали. У нас примерно общие представления о наших преимуществах и проблемах, но, исходя из опыта, прогнозировать я боюсь. Это можно в Соединенных Штатах Америки, где это делается на протяжении веков. И то ошибаются. Идет беспрецедентный процесс выхода (к счастью) из развалившегося социализма. База для гипотез очень ограничена. Может, через 10–15 лет выяснится, что наша траектория ведет в долгосрочном плане к более здоровой экономике. Не исключено.

Ельцин, вопреки совету, сказал, что собирается отпустить цены

— *Когда Вас в конце 1991 г. перевели из «ученых» в «чиновники» и назначили министром финансов и министром экономики, Вам было страшно?*

— Да. У меня было ощущение, что на меня свалилась тяжелая бетонная плита и надо как-то дальше с этим разбираться.

— *А план реформ к тому времени уже был?*

— В принципе был. До этого мы работали в Архангельском на 15-й даче, была группа людей, которые были активны в разработке российской экономической политики, многие представители этой группы занимали потом посты министров в российском правительстве в течение следующего десятилетия.

— *Что это за группа? Фамилии можно назвать?*

— Я имею в виду Алексея Головкова, Сергея Глазьева, Анатолия Чубайса, Сергея Васильева, Андрея Нечаева, Андрея Вавилова, Петра Авена, Алексея Улюкаева, Владимира Машица и многих других. Была поставлена задача подготовить предложения по поводу действий российского правительства в радикально изменившейся политической и экономической ситуации после краха СССР.

— *Когда была создана группа, к какому времени ждали результатов ее работы?*

— Создали группу в середине сентября 1991 г. Задача была поставлена такая: сделать анализ примерно до конца сентября. Мы начали эту работу и подготовили набор документов. Затем они были направлены Ельцину. Была и встреча с Ельциным, где все подробно обсуждалось. Потом многие из наших разработок служили базой знаменитого доклада Ельцина на Съезде народных депутатов в конце октября 1991 г.

Интервью брал Петр РУШАЙЛО.

Опубликовано в: Деньги. 2001. 12 декабря.

— *Либерализация цен произошла с 1 января 1992 г., но слухи о ней стали ходить заранее и цены полезли вверх уже в декабре...*

— Какие там слухи? Борис Николаевич Ельцин, вопреки нашему совету, напрямую сказал, что он собирается отпустить цены, в своем докладе Съезду народных депутатов в конце октября 1991 г., и вся страна слышала это. Любому человеку, который удосужился прочитать текст доклада Ельцина или послушать его, было понятно, о чем идет речь и о каких примерно сроках.

— *И как повлияло на Вас выступление Ельцина?*

— Мы предполагали либерализацию цен с 1 января. Но Борис Николаевич тогда сказал об этом сразу, и преимущества отсрочки были нулевыми, мы приняли решение перенести сроки либерализации цен с 1 января на 12 декабря. Потом это решение пришлось пересмотреть, потому что была Беловежская пуща и там, во время совещания, и Леонид Кравчук, и Станислав Шушкевич остро поставили вопрос о необходимости подготовиться к синхронизированным действиям с Россией. И в связи с этим мы согласились вернуться к первоначальному сроку и либерализовать цены с 1 января.

— *Как Вы восприняли первый скачок цен в декабре 1991 — январе 1992 гг.?*

— Это более-менее находилось в пределах того, что мы планировали. Мы предполагали, что в связи с либерализацией цены подпрыгнут в 2–3 раза. Январская инфляция 1992 г. составила 350% — чуть выше наших ожиданий. Что же касается инфляции в течение всего 1992 г., то обсуждать это надо, учитывая денежную политику, которая не была связана с либерализацией, а была обусловлена бурной экспансией денежной массы, частично объяснявшейся неразделенной рублевой зоной. Именно это было фундаментальной проблемой всей экономической политики в России в 1992 г. Мы вынуждены были идти на либерализацию цен в условиях отсутствия контроля за денежной массой и невозможности обеспечения этого контроля в период до 1 июля 1992 г.

— *Но разве не российский Центробанк печатал больше всех рублей?*

— Конечно, нет. В первом полугодии 1992 г., если Вы посмотрите на темпы эмиссии, Банк России проводил достаточно сдержанную политику. А вот Банк Украины в массовых масштабах наращивал ликвидность, что делал и ряд других национальных банков. Изме-

нение ситуации произошло уже во втором полугодии 1992 г., когда денежная политика Банка России после прихода Виктора Геращенко стала тоже мягкой.

— *И как же Вы допускали, что российская валюта печаталась независимыми от России государствами?*

— Дело в том, что до 1 июля 1992 г., так как у нас не было режима корреспондентских счетов с ежедневным контролем, мы просто получали сведения о том, сколько денег в результате создали за предшествующий месяц другие национальные банки. Затем мы вынуждены были переоформлять эту импортированную Россией эмиссию в технические кредиты Банка России центральным банкам других государств.

— *Такая денежная политика выглядит странной. Почему Россия не могла печатать денег больше, чем другие республики? В данных условиях это все-таки вопрос рыночной конкуренции на уровне государств.*

— Правильно. Если твои партнеры проводят политику форсирования денежной экспансии, то политика денежного сдерживания заведомо является слабой. Но беда в несимметрии. У России очень большая экономика, а экономики других постсоветских республик относительно маленькие. В связи с этим, как известно из экономической теории, стимул к борьбе за экспорт инфляции всегда больше в маленьких экономиках. Для малой экономики есть возможность экспортировать инфляцию, грубо говоря, в Россию и иметь некие краткосрочные дивиденды. Россия при этом неизбежно становится крупнейшим импортером инфляции. Но если она пытается соревноваться на этом поприще, то неизбежно входит в режим гиперинфляции с полным разрушением денежного обращения. Именно этот сценарий для нас представлялся наиболее рискованным, был самой серьезной угрозой, и у нас не было в руках инструментов, которые позволяли бы надежно от него избавиться. Единственное, что мы могли сделать, — за счет сдерживания денежной и бюджетной политики в России надеяться, что масштабы нашей экономики будут весьма значительными, а масштабы денежной эмиссии в республиках достаточно ограниченными. Это позволяло пройти период высокой инфляции, но тем не менее не перейти предел катастрофической гиперинфляции, когда у вас, несмотря на то что есть свободные цены, денежное обращение перестает функциони-

ровать. И этого наиболее опасного варианта действительно удалось избежать.

— *До каких пор ситуация оставалась в рамках начального прогноза?*

— В феврале–марте инфляция быстро снижалась. Бюджетная политика этих месяцев была достаточно консервативной, денежная — более мягкой, чем бюджетная, но в целом находилась в допустимом диапазоне. Но главная проблема этих месяцев состояла в том, что мы лишь получали информацию о том, что делают другие государства, центральные банки, которые находились с нами в общей денежной зоне. Скажем, если Вы посмотрите публицистику периода марта–апреля–мая 1992 г., то увидите интереснейшие материалы о том, какую мудрую политику проводит Украина, почему зарплата на Украине неизмеримо выше, чем в России, и т. д. Скорее, если говорить о радикальных отклонениях, они начинаются с июня–июля 1992 г., когда у нас возникло новое руководство ЦБ и одновременно резко усилился отраслевой блок в правительстве.

— *Именно в связи с этими тенденциями Вы демонстративно подали в отставку в апреле 1992 г.?*

— Тогда проходил Съезд народных депутатов. Он очень активно ставил вопросы о необходимости радикальной смены курса экономической политики, резком смягчении бюджетной и денежной политики, необходимости усиления элементов государственного регулирования и т. д.

— *Кто именно ставил такие вопросы?*

— В первую голову это было давление отраслевого лобби плюс к тому популистская демагогия левых.

— *То есть на Вас давили только левые фракции?*

— Это были левые фракции Съезда народных депутатов, с одной стороны, это были центристские фракции типа аграрников, промышленного союза — с другой. Последняя сила была более умеренная, но в целом это была также достаточно мощная политическая сила, консолидировавшаяся после начала реформ и пытавшаяся их остановить.

— *Глава парламента Руслан Хасбулатов тогда часто ругал Вас...*

— Хасбулатов — нормальный публичный политик, хорошо манипулирующий съездом, понимающий, что нравится депутатам и как это использовать.

— *Почему же тогда Съезд народных депутатов весной 1992 г. не принял Вашу отставку?*

— Потому что большинство съезда испугалось, на что в какой-то степени мы и рассчитывали. Они не были готовы всерьез взять на себя ответственность за развитие событий в стране. Они поняли, что, если наше правительство уйдет в отставку, им придется действительно принимать решения о том, что делать дальше с российской экономикой. Ситуация в стране была еще недостаточно стабильна, новые институты еще толком не заработали, мы еще не дожили до нового урожая, еще было не ясно, каким образом, собственно, мы собираемся дожить...

— *Но Ваше прошение об отставке не ликвидировало конфликт между правительством и Верховным Советом.*

— Давление на нас, естественно, оставалось. Проблемы, которые возникли в ВПК, в аграрном комплексе, по всем цепочкам прежних отраслевых министерств, — они же никуда не делись. В связи с этим давление, которое шло не только по линии Верховного Совета, но в целом давление, которое шло на власть, в том числе на Бориса Ельцина, продолжало нарастать. Подавляющее большинство людей, с которыми Ельцин встречался, каждый день говорили ему о том, как важно усилить отраслевой блок правительства, что правительство недостаточно внимательно занимается промышленностью, сельским хозяйством и т. д. И это постепенно влияло на позицию президента.

— *В ситуации отсутствия контроля над денежной эмиссией поведение правительства смотрится неразумно — оно же фактически ничего не контролирует...*

— Конечно, неразумно. Но дело в том, что это та ситуация, которая не имеет разумного решения. Ведь первоначальный вариант наших действий в условиях развала старой системы экономического управления, который мы вырабатывали в конце сентября — начале октября, не предполагал либерализацию цен с 1 января 1992 г. в полном масштабе именно потому, что мы очень хорошо понимали, что не сможем обеспечить контроль за денежным обращением. Мы хотели проводить полномасштабную либерализацию с 1 июля 1992 г., совместив ее с полноценным введением российской национальной валюты.

— *А что предполагалось ввести с 1 января 1992 г.?*

— С 1 января предполагалось ввести изменения в налоговую систему, которые заменили бы существующую систему налогов с оборота системой налога на добавленную стоимость, обеспечив большую устойчивость бюджета. И это было главным мероприятием. А мероприятия по резкой либерализации цен, введению национальной валюты, введению конвертируемости рубля предполагалось провести с 1 июля 1992 г. К сожалению, к концу октября 1991 г. мы убедились в том, что этот сценарий абсолютно нереализуем, он нереалистичен, потому что в условиях паралича старой системы управления материальными потоками, нулевых заключенных договоров на 1992 г., паралича системы хлебозаготовок, полного паралича системы торговли и снабжения нет такого сценария, согласно которому мы можем прожить без либерализации цен либо — в качестве альтернативы — введения военного положения, военно-полевых судов, продразверстки и т. д. до 1 июля 1992 г. Это была самая серьезная проблема. А если мы вынуждены либерализовать цены, не имея контроля над денежной массой, дальше разумных решений не бывает.

— Но Ваше правительство пыталось ввести регулирование цен по отдельным группам товаров...

— На самом деле контроль над ценами по группам товаров ничего толком не дает. Мы уже 8 января разрешили губернаторам либерализовать цены (на первом этапе оставшиеся регулируемы. — *Прим. ред.*) на продовольственные товары, чем многие из них воспользовались. Да, там оставались некие рецидивы контроля над топливно-энергетическими товарами, но все это имело крайне ограниченное влияние на реальное развитие экономических процессов.

— Вы сказали об усилении с середины 1992 г. промышленного лобби в правительстве. Почему Вы не смогли этому воспрепятствовать?

— Мы действовали в условиях старой Конституции, когда права Верховного Совета были очень широкими, а президентское вето практически неэффективным. Возникли объективно формирующиеся прямые коалиции, отраслевые министерства, отраслевые зампреды председателя правительства, соответствующие отраслевые и профильные комитеты Думы плюс руководство ЦБ, которое назначалось в это время Верховным Советом. В связи с этим наши возможности были крайне ограниченными.

— Тогда почему Вы не подали в отставку?

— Это была достаточно сложная ситуация, и я, как и ряд моих коллег, довольно долго думал о том, как нам действовать. И мы, взвесив все «за» и «против», решили, что все-таки имеет смысл пытаться продолжать борьбу по следующему набору обстоятельств. Первое — те рыночные институты, которые были предельно важны для выживания российской экономики, в этот момент находились в стадии начала постройки, но не были достроены.

Скажем, шел процесс перевода республиканских банков на корсчета и де-факто установления контроля за денежным обращением и введения российской национальной валюты. Де-факто это состоялось 1 июля 1992 г., но система работала еще в ручном режиме, крайне слабо и т. д. В этой ситуации отставка правительства могла означать просто полный крах денежного обращения и я считал, что потенциальная угроза, которая возникает, совершенно не окупается политическими дивидендами, которые в этом случае лично я бы получил. Второе. Важнейшая институциональная реформа, которую в это время правительство готовило и начинало, называлась приватизацией. В это время первые полгода ушли на разработку соответствующих нормативных документов, в это время только-только начался процесс малой приватизации, находилась в начале выработка организационных механизмов законодательства о большой приватизации, и было ясно, что если мы уйдем, то движение в этом направлении практически приостановится, что мне казалось крайне опасным. Поэтому мы решили, что уход в отставку летом 1992 г., — а это, кстати говоря, было политически крайне выгодно, потому что инфляция шла вниз и рубль укреплялся, а неприятные последствия принятых решений и изменившейся расстановки сил должны были бы стать ясными только месяца через два, — довольно опасен для страны, и не ушли.

— Вы сказали, что в наращивании инфляционной волны летом 1992 г. виноват Центробанк. Вы с его главой, Виктором Геращенко, пытались говорить на эту тему?

— У нас было бесконечное количество разговоров, сложных выяснений отношений и в рамках правительства, с участием Ельцина, с участием отраслевых зампредов, Центробанка. На самом деле понимание того, что развитие событий вновь приобретает крайне опасные черты, стало нарастать с октября. С октября и ЦБ,

и правительство вернулись к более сдержанной денежной политике, но та волна эмиссионного финансирования, которая прошла в июне, июле, августе, уже сказалась на темпах инфляции на ближайшие месяцы.

— *Что Вы испытывали, когда в декабре 1992 г. Съезд народных депутатов отправил Вас в отставку?*

— Я испытывал глубокую тревогу за то, что дальше будет со всем, что мы делаем, потому что было ясно, что каркас рыночной экономики сшит «на живую нитку», он еще не обрел устойчивость, масса вещей начата и недоделана и как будет доделываться, совершенно неясно, и одновременно облегчение, что дальше прямой административной ответственности за все происходящее я все-таки не несу.

— *Неужели не было просто обидно?*

— Нет. Я был представителем правительства, которое проводило очень тяжелые, очень непопулярные реформы. Большинство съезда эти реформы не поддерживало. При чем же здесь может быть обида?

— *А договорится нельзя было?*

— Наверное, можно было договориться с центристскими фракциями, что они мне и предлагали, — скажем, провести ряд замен в правительстве.

— *И кого предлагали отправить в отставку?*

— Ряд ключевых людей. В первую очередь обсуждался вопрос о Шохине, Нечаеве, об Авене. Можно было бы заменить их, поставить людей, выдвинутых центристскими фракциями, и, наверное, сохранить правительство. Но мне этот маневр не казался мало-мальски эффективным. Во-первых, правительство и без того уже было очень разделенным, а после подобных преобразований оно стало бы откровенно нерепараторским, и зачем тогда притворяться, что оно проводит реформы, мне было неясно. В связи с этим такой вариант урегулирования кризиса для меня не был приемлем. В ходе того съезда был выработан некий компромисс между парламентским большинством и Ельциным. Он был предложен представителями парламентского большинства. Суть этого компромисса состояла в том, что президент соглашается на принятие некоторых поправок к Конституции, а съезд голосует за мое утверждение в качестве премьера. Как это, к сожа-

лению, не раз бывало с нашим парламентским большинством, оно никогда не считало себя связанным какими-либо обязательствами, поэтому, когда Ельцин дал принципиальное согласие на внесение изменений в Конституцию, и они, естественно, были внесены, к изумлению президента, решение о том, чтобы утвердить меня премьером, не было принято. Такой поворот для меня не был неожиданным, а для него это было тяжелейшим ударом, он чувствовал, что его просто провели. И отсюда пошел острейший политический кризис — Ельцин призвал своих сторонников покинуть съезд и ушел сам. Это было очень опасное развитие событий. Результатом этого стал так называемый конституционный компромисс: соглашение о том, что Съезд народных депутатов отменяет ряд конституционных поправок, которые были приняты съездом же, соглашается на проведение референдума о принципах новой Конституции, но одновременно Ельцин соглашается на некую процедуру выдвижения премьера, которая сохраняет ему значительную свободу маневра и дает возможность значительной свободы маневра съезду. Я участвовал в этих переговорах и сам советовал Ельцину согласиться на эти условия, считая их разумными для предотвращения дальнейшей эскалации конфликта. А дальнейшая моя отставка была прямым результатом этих переговоров.

— *А желания распустить Верховный Совет не было?*

— Этот вопрос многократно обсуждался, в том числе в декабре 1992 г., накануне моей отставки. Моя позиция всегда была однозначной и совпадала с позицией Ельцина. Она состояла в том, что надо попытаться использовать все возможности для достижения конституционного компромисса и для того, чтобы не переводить развитие событий в широкомасштабный политический кризис, нарастающий хаос и т. п., как в 1917 г. Кроме того, как показала жизнь, все устроено сложнее. Вспомните весну 1993 г. Тогда был апрельский референдум и, к полному недоумению парламентского большинства и всех аналитиков, россияне заявили, что они поддерживают не только Ельцина, но и курс экономических реформ, начатый с января 1992 г.

— *У Вас не было ощущения, что парламент, в подавляющем большинстве представленный бывшими коммунистами, в конце концов Вас «съест»?*

— Пока сохранялась хоть какая-нибудь надежда на конституционный компромисс, я считал необходимым рискнуть. И только в сентябре 1993 г., когда было уже абсолютно очевидно, как идет развитие событий и что никакой компромисс невозможен, я готов был с огромной тревогой в душе поддержать Ельцина.

— *Вернемся в конец 1992 г. В выборах своего преемника Вы участвовали?*

— Когда по итогам первого тура голосования на съезде в качестве кандидатов в премьеры вышли Скоков, набравший большинство голосов, Черномырдин, набравший меньше голосов, и я, набравший еще меньше голосов, чем Скоков и Черномырдин, меня пригласил Борис Николаевич, чтобы выяснить мою позицию. Я сказал, что он сам должен предложить кандидатуру премьера, как это и предусмотрено законодательной процедурой, что я не беру самоотвод, и добавил, что если выбор будет между Скоковым и Черномырдиным, то я советую выдвинуть Черномырдина.

— *Почему? Он был ближе к Вам?*

— Я работал и с тем, и с другим. Скоков в это время работал секретарем Совета Безопасности, а Черномырдин был заместителем председателя правительства. Я представлял мировоззрение и того, и другого. Применительно к Черномырдину у меня не было уверенности, что он сможет и захочет продолжать политику реформ, но у меня и не было уверенности, что он захочет их сворачивать. Применительно к Скокову я был уверен, что его правительство не продолжит реформ, и не было малейшей уверенности, что он не попытается повернуть их вспять.

— *На чем основывалась Ваша уверенность?*

— Черномырдин был представителем топливно-энергетического комплекса, интересы которого объективно связаны с интеграцией России в мировую экономику, с открытостью страны, а Скоков — представителем ВПК, а для этой отрасли интеграция в мировую экономику — весьма болезненный процесс.

— *И премьер Черномырдин продолжил Вашу политику?*

— Нет, Черномырдин, конечно, не продолжил нашу политику, но Черномырдин и не повернул назад. При Черномырдине было не одно правительство, а, по крайней мере, семь. Это был период колебаний в экономической политике: были времена, когда Черномырдин возглавлял прореформаторские правительства, а были

времена, когда он председательствовал в откровенно слабом анти-реформаторском кабинете министров.

— *И когда же он был особо слаб?*

— На мой взгляд, в 1996 г., после избрания Ельцина президентом. Но в целом все-таки, что было важно, Черномырдин не захотел радикально повернуть назад и при нем медленно, мучительно, тяжело, но продолжался процесс адаптации российского общества и российской экономики к рынку и формирования в связи с этим рыночных навыков.

Призыв в армию — это налог, который надо снижать

О РЕФОРМЕ

— На днях Вы и члены думской фракции встречались с Касьяновым и обсуждали с ним перспективы военной реформы. Если я правильно понял, Вы хотели доказать правительству и Министерству обороны, что это нужно делать как можно скорее?

— Да, конечно. Есть вещи, которые можно откладывать надолго и тщательно готовить, но для этого нужно быть уверенным, что отсрочка реформы не приведет к серьезному ухудшению положения. К сожалению, в отношении Вооруженных сил это не так. Существующее положение с призывом предельно неэффективно и несправедливо. Мы знаем, что сегодня от расчетного контингента призывается 12–13%. Призывают детей из самых бедных семей — отсюда их слабое здоровье, низкий уровень образования. В конечном счете именно отсюда дедовщина и очень тяжелый моральный климат в армии. Сохраняя нынешнюю систему призыва, изменить это положение вещей невозможно. Ведь призыв — это налог, только в форме натуральной повинности. Если провести аналогию с налоговой реформой, то сегодня он очень высокий — два года с возможностью посылки Вашего сына в Чечню и предельно несправедливый — его платят самые бедные.

— Что же Вы предлагаете сделать?

— Примерно то же самое, что мы сделали с налоговой реформой. Заменяем этот высокий налог более низким, который общество, может быть, примет: шесть месяцев службы по призыву для получения военно-учетной специальности, которые ребята проходят в учебке со своим призывом и без риска попасть в район боевых

Интервью брал Сергей МИНАЕВ.
Опубликовано в: Вечерняя Москва. 2001. 19 декабря.

действий (по указу президента в первые шесть месяцев службы туда нельзя направлять). Это радикально меняет отношение к армии. К тому же этот шаг будет элементом подготовки к будущему полному переходу на контрактную армию, который уже объявлен.

ОБ УЧЕБКЕ

— То есть, если вспомнить такую идею, как 12-летнее образование, то для мальчиков получится 12,5-летнее образование, а срочная военная служба превратится в большое ПТУ.

— Минуточку! Насчет идеи 12-летнего образования мы не просто против — мы делаем все, чтобы ее исключить, и мы этого добьемся. Вопрос призыва другой: он нужен либо для того, чтобы затыкать им горячие точки, либо для того, чтобы иметь военнообученный резерв. Вот Вы были в учебке, это страшно?

— Ну, на нашем взводе наш старшина себе две звездочки заработал. И почистили мы что нужно, и побегали мы где нужно...

— Умерли?

— Как видите, нет.

— Пять тысяч долларов будете платить, чтобы сына отмазать от шести месяцев?

— У меня пока ни того, ни другого.

— А если бы были, то, скорее всего, не стали бы. А чтобы отмазать от двух лет — очень сильно задумались бы. Жизнь и здоровье сына дороже. Главное в нашей идее — скорейшее разделение армии на регулярную, в которой служат по контракту, и призывную, где учатся. Надо иметь части контрактников, годные к немедленному использованию, а остальных — учить и после этого сразу направлять в резерв, а не в регулярную армию. Причем учить массовым специальностям: Вам ведь не нужны в частях РВСН люди, подготовленные в обычной учебке?

— А кто тогда ракеты мыть будет?

— Либо контрактники, в круг обязанностей которых это входит, либо вольнонаемные сотрудники Минобороны, которые это вполне могут делать и которых у нас и так несколько сот тысяч человек. Так что ракеты будут чистыми. Призывники будут учиться и охранять те военные части, которые у нас сейчас массово преобразуются в базы хранения.

— *Насколько они будут способны обеспечить их безопасность?*

— Разумеется, они там не будут служить одни. В учебках всегда должен быть кадровый костяк, который обеспечивает контроль, — сержанты, старшины, прапорщики.

— *Дедовщину Вы так не уберете.*

— Дедовщина возникает тогда, когда вместе служат два разных призыва, а здесь этого не будет.

— *А откуда, по-Вашему, берутся сержанты? Это будут те самые, из предыдущих призывов?*

— Да, но они будут оставаться добровольно.

— *Так ведь и «дедами» становятся добровольно. После года службы никто не заставляет человека становиться «дедом».*

— Его заставляет им становиться соответствующая традиция. Он же не может уйти из армии после первого года службы. Добровольный же сержант — это совершенно другая система отношений. Хотя, конечно, он может быть очень жестким.

О ДЕНЬГАХ И ПОЛИТИКЕ

— *Вы экономически обсчитывали Ваши предложения. Если исходить из Ваших расчетов, сколько процентов военного бюджета получит контрактная часть армии и сколько призывная?*

— Бюджет контрактной армии будет несоизмеримо больше. Система подготовки резерва составит менее 10% бюджета регулярной армии.

— *Цена вопроса, стало быть, не очень большая.*

— Небольшая.

— *А значит, вопрос политический?*

— Да. Куда более дорогие вопросы — обеспечение офицеров жильем и сокращение их корпуса. По этим вопросам уже приняты решения, хотя на все сразу денег не хватает. Вопрос же с призывом политический и очень срочный. По демографии к 2010 г. у нас намечается сокращение призыва до 35% от нынешнего состояния. Сокращение призывных возрастов начнется с 2006 г., именно поэтому мы настаиваем на решении вопроса до этого срока.

— *У Путина срок перехода на полностью контрактную армию — 2010 г. Чем меня тогда эта цифра покорила: она выходит за положенный Путину по Конституции максимальный срок президентства — 8 лет (два раза по четыре года), т. е. есть вероятность, что*

после Владимира Владимировича придет кто-то еще и скажет: «Давайте-ка начнем военную реформу сначала».

— Я с вами согласен. Именно поэтому вопрос о сроке для нас абсолютно принципиальный и ключевой. Отсрочка за пределы 2006 г. означает, что все мероприятия, которые тогда все равно придется проводить, пойдут на фоне нарастающего кризиса Вооруженных сил. Если же мы сумеем включить наш план в бюджет 2003 г., то имеем шансы успеть. При этом последний двухгодичный призыв придется на осень 2003 г., к 2006 г. у нас реформированная армия.

О РИСКАХ

— *Допустим, у нас начинается война. Что Вы будете делать, если к Вам тогда придут контрактники и скажут: «Зачем мне этот Ваш контракт? Не хочу умирать, и все?»*

— Но ведь никто не отменяет воинскую обязанность. Просто в мирное время ее исполнение заключается в получении военно-учетной специальности. А если завтра война, если завтра в поход, то мы вспоминаем слово «мобилизация».

— *А если завтра не война, а Чечня?*

— А это действительно не война в смысле действующего законодательства, и вот туда-то как раз направляется контрактная армия.

— *Что-то мне все это французскую систему напоминает.*

— Абсолютно правильно. Это то, что начиная с 1996 г. постепенно формируют французы.

— *После объявления о переходе на контрактную армию кем-то была запущена мысль: давайте просто перейдем на откуп и вместо взятки военкомам — те самые 5 тыс. долл. — не желающие служить будут просто платить в бюджет, а деньги направят на профессиональную армию.*

— Эта идея давно известна, она многократно обсуждалась. В словных обществах существовала такая система, но она несовместима со всеми установками и традициями современного нормального, демократического общества. Она работает на его дезинтеграцию. При ее формальной эффективности по последствиям для общества она будет крайне вредной. Представьте, как будут относиться те, кто отслужил, к тем, кто откупился. Станут ли они их защищать? Такая армия вполне может оказаться опасной для такого общества.

— У нас сейчас опасная армия?

— Нет. У России есть то фундаментальное преимущество над Латинской Америкой, что у нас нет традиции прямого вовлечения армии в политику аж с 1825 г., с восстания декабристов.

О КОНТРАКТАХ

— Армия может стать опасной, когда станет профессиональной?

— Думаю, нет.

— Собака не кусает руку, которая дает мясо?

— Дело не в этом. Просто служба будет куда более психологически комфортной. Пока что офицер относится к призывнику, как к крепостному, а это развращает и того, и другого. У контрактника же появляются права, он свободный человек.

— Если Ваши планы реализуются, то уже очень скоро у нас на заборах появятся рекламные плакаты типа: «Записывайся в армию!» или: «Камуфляж — это модно»...

— Я помню, когда американцы начинали свой переход к добровольческой армии, над этим столько издевались... Когда у них был конфликт с Ираном, в одном из ключевых журналов была карикатура по этому поводу: «Если мы пошлем эту армию в Иран, то все иранцы умрут от смеха». Тем не менее сейчас видно, что положение в Вооруженных силах США изменилось радикально.

— Но — богатая страна. Есть ли примеры благополучного перехода на контрактную армию в странах такого же достатка, как мы?

— Армия Северного альянса контрактная. Там солдату платят 10 долл. деньгами и дают на 10 долл. зерна, и он за эти деньги с огромным удовольствием воюет.

— Афганистан — случай особый, там нужно воевать для того, чтобы выжить.

— Ну тогда Таджикистан: наша 201-я дивизия там прекрасно комплектуется за счет местного населения.

— А за счет какого бюджета?

— Нашего.

— Ну так если бы наша армия формировалась за счет американского бюджета, она тоже была бы довольной и боеспособной?

— Без всякого сомнения.

О МИНИСТЕРСТВЕ И МАЛЬЧИКАХ

— В чем Ваши разногласия с Министерством обороны?

— Наши позиции сейчас очень схожи, они сблизились за последние три месяца консультаций и различаются всего по двум принципиальным вопросам: когда? на сколько призывать срочников? Они пока считают, что на год. Но для получения любой массовой специальности вполне достаточно шести месяцев. Со сроками сложнее, потому что если Минобороны подготовит программу к лету будущего года, то о бюджете 2003 г. можно забыть — что-то можно вписать в него не позднее апреля 2002-го. Касьянов встал на нашу сторону и потребовал представить основные положения концепции не летом, а уже в марте.

— Помимо социальной значимости реформы есть ли какие-то скрытые мотивы, способные склонить власти по этому вопросу на Вашу сторону?

— В процессе ее обсуждения я обратил внимание на то, что элита расколота на две части по одному очень простому принципу: а есть ли в семье мальчики, близкие к призывному возрасту? Как правило, если они есть, то такой политик является энергичным сторонником предлагаемых нами действий.

— А у президента девочки...

— Вот это серьезная проблема. (Смех.) И у Касьянова тоже. А вот у Александра Стальевича¹ — мальчики.

— Но, насколько я помню, они маленькие еще.

— Все умные люди знают, что дети растут быстро.

ОБ ОФИЦЕРАХ

— Как воспримет Ваши предложения офицерство?

— Думаю, с трудом. И это серьезно, потому что наши профессиональные военные не выучены и не привыкли работать со свободными людьми. Ситуация, при которой молодые офицеры приходили в части, где солдаты были намного старше их, хорошо известна и по русской армии, и по советской. Но сегодня она крайне непри-

¹ Имеется в виду А. С. Волошин. — Прим.ред.

вычна. Да и организовать боевую подготовку солдата сложнее, чем заставить его драить полы.

— *То есть помимо изменения правил призыва придется что-то делать и с офицерским корпусом?*

— Да, придется вносить серьезные коррективы в систему подготовки. Офицеров придется учить с самого начала исходя из того, кем они будут командовать.

— *А Вы это им уже говорили?*

— Конечно.

— *И как они там, в военных академиях?*

— В любой ситуации сохранение ныне действующих правил, уставов, процедур всегда проще, чем изменение. Поэтому и реформу проводят не тогда, когда это нравится, а тогда, когда она неизбежна. Ее придется делать в любом случае — либо организованно и вовремя, как это мы предлагаем, либо неорганизованно и в условиях кризиса. Громадная предстоит работа.

— *Так, может, Минобороны все-таки право, что отводит на нее больше времени, чем Вы?*

— Если бы у нас было в запасе 10 лет, все было бы замечательно и они были бы правы. Но у нас их нет.

Параллельные кривые

АРГЕНТИНА И РОССИЯ — БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЯ.
НО РАЗНОЯЙЦЕВЫЕ

Предупрежу сразу: Гайдар — товарищ сложный. Человек, знающий слово «отнюдь», и не может быть простым. Если устную речь других интервьюируемых нужно приближать к параметрам письменной (особенно в этом смысле тяжело работать с Черномырдиным, который изъясняется в основном междометиями), то с Гайдаром все наоборот — говорит, как пишет. И для удобства читательского восприятия эту «писанину» приходится стилизовать под устную речь. Иначе читатель уснет и не проснется до самой конечной остановки.

— *Сейчас много говорят об Аргентине. Почему?*

— Я понял вопрос: есть, конечно, некие параллели в развитии ситуации в Аргентине и России за последние 10 лет. Но лишь некоторые.

В 1989–1990 гг. аргентинская экономика столкнулась с проблемой инфляции. Она и раньше была высокой, а тут совсем вышла из-под контроля. Тогда ситуация ничем принципиально не отличалась от того, что Вы сегодня можете увидеть на экранах телевизоров — разъяренные толпы и полный паралич власти. И то, что начал делать в Аргентине Кавальо¹ в начале 90-х, было очень горьким и достаточно опасным лекарством — он жестко привязал песо к доллару.

Когда сетуешь на горечь лекарства, всегда нужно учитывать опасность болезни. И аргентинская экономика начала 90-х, и рос-

Интервью брал Александр НИКОНОВ.
Опубликовано в: Огонек. 2002. Февраль.

¹ Доминго Кавальо — министр финансов Аргентины, в 1991 г. поборивший гиперинфляцию в этой стране. — *Прим. ред.*

сийская того же периода были в таком состоянии, что массаж, при- тирки и гомеопатия помочь уже не могли, могли помочь только радикальные меры.

Такие же меры принимало правительство Болгарии после того, как социалисты полностью развалили болгарскую денежную систему в 1995–1996 гг. и страна столкнулась с гиперинфляцией. Меры эти называются режимом валютного управления. Страна полностью отказывается от возможности проводить самостоятельную денежную политику, зато взамен получает денежную систему, которой раньше практически не было, потому что была гиперинфляция и народ национальным деньгам уже не доверял и бежал от них.

Страну «поймали» в самый последний момент, за которым распад, — вот что такое режим валютного управления. Это реанимация. Знаете, в медицинской практике в критических ситуациях врачам приходится иногда запускать сердце сильным ударом кулака в грудину. При этом часто ломаются ребра, что, впрочем, уже никого не интересует — нужно спасать весь организм. Вот что случилось в Болгарии, Аргентине и России.

Короче говоря, Кавальо привязал песо к доллару в соотношении 1:1 и ввел полную конвертируемость. Решение в краткосрочном плане оказалось крайне эффективным. Вообще валютное регулирование — один из самых известных экономистам и быстрых способов остановки гиперинфляции и повышения спроса населения на деньги.

После того как в стране появились деньги вместо бумаги и возник спрос на них, все стали стараться эти деньги как-то получить, заработать. Начался бурный рост экономики. Причем темпы его были рекордными за весь век развития Аргентины.

— *Титр из фильма: «А в то же самое время в России...»*

— А в то же самое время в России проблемы носили неизмеримо более сложный характер: Аргентина, по крайней мере, никогда не была социалистической страной. Там была рыночная экономика, которая сразу «завелась» после вливания в ее жилы свежей денежной крови. У нас не было ничего. Некуда было вливать. Вместо экономики были Госплан, Госснаб, отраслевые министерства, были наряды-заказы с красной полосой, плановые задания по номенклатуре: все это замещало рынки. И все это управлялось райкомами, обкомами — жесткой системой авторитарной власти. Председа-

тель колхоза знал, что, если не отвезет зерно, куда партия велела, будет сидеть.

Машина эта была в состоянии глубокого кризиса уже к концу 80-х годов. К 1989 г. она стала разваливаться на куски, а в 1991 г. развалилась совсем. Поэтому для нас главной тогда была не проблема остановки высокой инфляции, а крах системы, которая работала из рук вон плохо, при которой иной раз и хлеба не было в магазинах, и несуществование НИКАКОЙ другой системы, при которой хотя бы хлеб мог появиться в магазинах.

— *Костлявая рука голода...*

— Вы шутите, а на самом деле...

— *Я не шучу. Я вот только сейчас это окончательно осознаю. Я помню это время — у нас в соседнем магазине дошло до того, что там стали продавать пустые полки. Полки продавали, потому что на них нечего было положить! Голяк. И я помню, когда с нового года отпустили цены, мы все шутили, что вот 2 января начнется изобилие и магазины станут выкупать пустые полки у населения, потому что класть еду будет некуда. 2 января в магазинах ничего не появилось, и третьего тоже, и пятого... Мы ходили, смеялись, и я как-то даже не задумывался, что системы-то больше нет, нет уже социалистических машин, которые привезут крупу, и некому давать им приказание привезти крупу, потому что нет больше обкомов и райкомов, да и просто неоткуда ее взять, крупу-то.*

Мои знакомые тогда эмигрировали в США, и одним из самых любимых развлечений у них там было — подойти к холодильнику, раскрыть, посмотреть и сказать: «Хорошо. Много еды!».

— В этой ситуации мы, размораживая цены, сознательно пошли на перевод подавленной инфляции в режим инфляции открытой, пытаюсь при этом не довести страну до гиперинфляции, при которой цены формально свободны, но товара нет, потому что за деньги все равно никто ничего не покупает. И вся борьба моего правительства шла вокруг этого — структурных реформ, связанных с созданием частного сектора, созданием рыночных институтов, которые бы наполнили прилавки...

Поэтому то, что мы тогда делали, принципиально отличалось от того, что делал Кавальо. Мы не вводили никакого валютного регулирования, да и не могли вводить: у Аргентины были маленькие валютные резервы, а у нас не было никаких, поэтому вводить

валютное регулирование «не было оснований». И валютный курс у нас был плавающим весь 1992 г., регулировать его мы не могли просто потому, что нечем было. Не было для этого никаких инструментов. Тогда еще ничего не было.

Кавальо тогда удалось быстро остановить инфляцию, либерализовать до определенной степени внешнюю торговлю. Но режим валютного регулирования достаточно рискован. Его прописывают только тяжелобольным. После него должны быть строжайшие диеты и режим. Валютное регулирование предъявляет очень высокие требования к качеству экономической политики. Если государство отказывается от такого инструмента гибкости, как возможность девальвации собственной валюты, оно начинает зависеть от той валюты, к которой привязаны ее деньги. А вдруг эта валюта начнет резко расти? Тогда возникнут проблемы с конкурентоспособностью твоих товаров. Поэтому, если ты вынужденно пошел на такой риск, у тебя всегда должны быть сбалансированный бюджет, финансовые резервы, очень осторожные заимствования на финансовых рынках, ясная ситуация в региональных финансах, гибкий рынок труда.

— *Гибкий рынок труда?*

— Трудовое законодательство Аргентины на самом деле муссолиниевское, социалистическое, потому что когда-то Аргентина была тесно связана с державами оси. В Аргентине практически невозможно уволить работника при ухудшении конъюнктуры. Это делает предприятие менее адаптивным, создает дополнительные нагрузки на экономику, банковскую систему. Рынок труда нужно было либерализовать, а это непопулярное решение.

Развилка в Аргентине случилась как раз в середине 90-х годов, когда Кавальо сказал: «Именно потому, что мы были вынуждены привязать песо к доллару, нам надо продолжать радикальные реформы — либерализовать трудовое законодательство, чтобы рынок труда стал гибким, мы не можем позволить себе бюджетные дефициты, большие социальные расходы и масштабные заимствования на внешнем рынке... Иначе будет очень плохо». Но поскольку правящий класс в Аргентине весьма дирижистский, т. е. склонный к избыточным государственным интервенциям в экономике, ему отвечали: «Ой, не надо паниковать, все же нормально, все идет чудесно, экономика растет, давайте не будем повышать напряжение

в обществе. Зачем нам лишние конфликты?.. Тем более что радикальные реформы не дают эффекта сразу, они дают эффект в течение лет, а не месяцев».

Поэтому в 1996 г. Кавальо ушел в отставку. А дальше случилось то, что случилось. Дефицит бюджета в Аргентине составил 4% и оказался критическим.

— *Но 4% — это же немного!*

— Немного. Если бы не было валютного регулирования. Если бы был более мощный экспортный сектор. Если бы... Но выздоравливающей стране, сидящей на валютном регулировании, прописаны строгие диеты. У нас тоже в 1997–1998 гг. бюджетные дефициты были вроде бы отнюдь не запредельные! Совсем не запредельные для страны с устойчивой рыночной экономикой, гибким курсом и длинной историей денежной стабильности. Но для России с Аргентиной эти дефициты оказались роковыми.

...Дефицит очень быстро нарастал и приводил к быстрому нарастанию задолженности, которая была вроде бы и не очень велика по отношению к ВВП, но слишком велика по отношению к объему экспорта. В условиях благоприятной конъюнктуры все это еще как-то проходило, а потом пришли те самые «плохие времена» — ухудшилась мировая конъюнктура, доллар резко укрепился, потоки капиталов на развивающиеся рынки резко сократились и сразу же вскрылись все те неприятности, о которых предупреждал Кавальо, — неупорядоченные финансовые отношения между федеральным бюджетом и бюджетами штатов, плохая налоговая система, бюджетный дефицит.

Обращу внимание: Кавальо ушел в отставку в 1996 г., а проблемы у аргентинской экономики начались в 1998 г. Об этом, правда, никто уже не помнит, как не помнят о предупреждениях Кавальо. Поймите, лечение страны методом валютного регулирования — это лечение запойного алкоголизма с помощью вшитой ампулы. Пока ты находишь в себе силы держаться — живешь. Сорвался — труп. И никакие уговоры: «Ну по чуть-чуть, ну по маленькой-то можно» — не проходят. Так вот Аргентина после ухода Кавальо стала «выпивать». Если бы не «ампула Кавальо», кризис разрешился бы опять высокой инфляцией, может быть, гиперинфляцией, и это было бы неприятно, но привычно. Теперь такого простого решения не было. Экономика привязана к доллару, песо не девальвиру-

ется! Займы в долларах, депозиты в долларах. Банковская система, привязанная к доллару, имеет огромные риски и может рухнуть. Так и произошло — когда доллар укрепился, все встроенные мины сработали.

В марте 2001 г. всем разумным экономистам было уже ясно, что больной неоперабелен и что без той катастрофы, которую мы видим сегодня на телеэкранах, ничего сделать нельзя: нельзя, потому что произошла политико-экономическая блокировка — не было уже решений политически возможных и при этом экономически спасающих. И пока не вспыхнет и не пройдет этап хаоса, битья витрин, после которого выйдет пар, прольется кровь, возникнет усталость от насилия, и только после возникнет некий первый элемент национального согласия: ладно, давайте начинать уже строить жизнь заново.

Но, понимая все это, Кавальо тем не менее согласился в марте 2001 г. возглавить экономику. Он пришел, пытаясь спасти то, что начал в 1991 г. Это был мужественный, но абсолютно самоубийственный поступок. Если бы он не согласился, если бы он сказал: «Друзья, это вовсе не та политика, которую я проводил, я из-за этого и ушел в отставку, а теперь, когда случился кризис, о котором я предупреждал, вы опять ко мне прибежали, чтобы я снова спасал. Нет, расхлебывайте сами». Это было бы политически правильно, и сейчас на Кавальо никто бы не валил вину за погромы на улицах. Но он пришел. Пришел доигрывать абсолютно проигрышную партию и, естественно, оказался главным виноватым у публики.

— *А что он пытался сделать за эти несколько месяцев до катастрофы?*

— Он пытался выправить положение в аргентинском бюджете — устранить ту потребность Аргентины во внешних займах, которая росла как снежный ком. Но это упиралось в огромные политические проблемы на федеральном уровне, — в проблемы, связанные с провинциями, потому что нужно было резко сократить расходы штатов. Упиралось в аргентинскую Конституцию.

Он пытался урезать высокие зарплаты и социальные привилегии бюджетного сектора, который в Аргентине очень коррумпирован и завязан на политическое лоббирование. В бюджетной сфере Аргентины очень много синекур — хорошо оплачиваемых, но малообязывающих должностей.

Он пытался найти выход из положения с формальной привязкой песо к доллару, не разрушая самой этой привязки, вводя режим разных курсов для разных типов операций, пытаясь отвязать песо от доллара и привязать его к евро. Решения с экономической точки зрения спорные и показывающие, что он просто находился в безвыходном положении и хватался за любую соломинку.

Когда выяснилось, что все эти меры не приводят к результату, что капитал не верит в будущее аргентинской экономики и продолжает уходить, что это все скоро кончится полным коллапсом банковской системы, он пошел на замораживание вкладов и введение верхних пределов снятия средств. Это уже было жестом отчаяния и подписанием собственной капитуляции.

— *Когда Вы описываете Аргентину, это мне отчасти напоминает Россию.*

— В России все было по-другому, но параллели прослеживаются. Как в Аргентине в 1996 г., так и у нас в конце 1993-го — начале 1994-го случилась политическая развилка. После трагических событий 3–4 октября, принятия новой Конституции, резкого усиления президентской власти внутри российской политической элиты обсуждался ключевой вопрос: «А что теперь со всем этим делать?». Ну да, мы создали рынки, ввели конвертируемую валюту, начали приватизацию. Дальше маячит колоссальный блок реформ, которые надо проводить: сокращать бюджетные расходы и обязательства, начинать военную реформу, налоговую. Я считал, что все это надо делать немедленно, чтобы через несколько лет проявился эффект, а мне отвечали: «Ну и так уже общество устало, ну сколько можно всяких реформ, ну давайте отдохнем, дадим обществу успокоиться». Тогда Виктор Степанович сказал свои знаменитые слова о преодолении рыночного романтизма. И после того как стало ясно, что у политической элиты нет готовности к реформам, Ваш покорный слуга в начале 1994 г. ушел в отставку.

А к 1998 г. с некоторым набором отличий российская ситуация оказалась близкой к аргентинской в 2001 г. У нас тоже была проведена денежная стабилизация. Правда, без введения фиксированного курса, но был «валютный коридор». Россия прекратила финансировать бюджет путем денежной эмиссии, но при этом сохраняла довольно мягкую бюджетную политику — у нас был высокий дефицит бюджета и в 1996, и в 1997, и в 1998 гг.

— Я помню, коммунисты не пропускали тогда через Думу реалистичные бюджеты. Они же большие гуманисты за чужой счет. Хотели заработать на рубль, а потратить на два. Накормить пятью хлебами всех сырых и голодных. А чрезмерный гуманизм всегда рано или поздно оборачивается своей противоположностью...

— И тогда для финансирования этого «коммунистического» бюджетного дефицита стали использовать короткие долговые инструменты — ГКО. А для того чтобы продавать ГКО, нужно привлекать иностранных резидентов. А чтобы привлекать иностранцев, им нужна уверенность в стабильности курса. Ведь «валютный коридор» возник не из каких-то там идеологических соображений, а как раз для того, чтобы вселить в иностранцев уверенность в том, что они получают свою прибыль на рынке ГКО, государство гарантирует: проценты по ГКО будут выше роста курса доллара, вот смотрите — допустимый «валютный коридор». А снежный ком процентов нарастал, нарастал.

— Надо было еще раньше, как предлагал Кириенко, девальвировать рубль, а не поддерживать его искусственно.

— Поддержка «валютного коридора», валютные интервенции Центробанка на бирже — это не вопрос чьей-то доброй или злой воли. Если начинать потихоньку девальвировать рубль, иностранные инвесторы побегут с рынка и не будут покупать ГКО. А если не будут покупать ГКО, из каких денег платить проценты по ранее купленным ГКО? Пирамида рухнет еще раньше. Нет, девальвировать нельзя, нужно гнать дальше. Тебя уже несет. Пока мчишься, ты жив. Пока все хорошо, пронесит. А как только ухудшается ситуация в мире, происходит что-то, что спускает лавину.

У нас спусковым крючком были «азиатский кризис», который привел к общему оттоку капитала с развивающихся рынков, и падение цен на нефть. В Аргентине спусковым крючком стали укрепление реального курса доллара и бразильская девальвация. И как в Аргентине к 2001 г. выяснилось, что нет некатастрофического выхода из этого набора проблем, так и в России это стало ясно к 1997 г.

Но если России в результате принятых правительством Кириенко решений удалось довольно быстро восстановить экономический рост, дать толчок производству, то в сегодняшней Аргентине таких простых решений нет.

— Я думаю, теперь Аргентина должна пригласить Вас на должность премьера — разруливать ситуацию.

— Сейчас ответственность за преодоление кризиса в Аргентине взял на себя мой хороший знакомый Марио Блейжер, назначенный только что председателем Центрального банка Аргентины. Я послал ему недавно письмо по электронной почте, выразил восхищение его мужеством, готовностью в столь очевидно тяжелейшей ситуации служить своей стране, хорошо понимая, что спасибо за это дело в случае удачи никто не скажет.

У России есть весомый шанс

Завтра в Москве открывается международная конференция «Экономический рост: после коммунизма», организованная Институтом экономики переходного периода. Накануне руководитель института Егор Гайдар дал интервью обозревателю «Финансовых известий», которого особенно интересовали прогнозы известного экономиста.

— Какова главная проблема нынешнего экономического момента?

— Ситуация на рынке капиталов. Здесь сложился своеобразный экономико-политический парадокс. С одной стороны, стратегическая задача страны — обеспечение притока иностранных капиталов, с другой — эти инвестиции представляют угрозу для развития национальной экономики.

— С первым все ясно. В чем состоит угроза?

— В портфельных инвестициях. В условиях улучшения инвестиционного климата и общей турбулентности на мировом рынке капитала этот поток первым попадает на национальный рынок. Вместе с позитивным сальдо торгового баланса страны иностранные инвестиции приводят к росту реального курса рубля. В этой ситуации очень трудно осуществлять прогнозируемую бюджетную и курсовую политику. Для России в нынешних условиях массовый приток портфельных инвестиций просто опасен. Помимо давления на курс рубля они могут способствовать развитию кризиса по типу «мыльного пузыря» — ситуации, подобной той, с которой вот уже 12 лет безуспешно воюет Япония.

— Какой же должна быть экономическая политика в данной ситуации?

— Готовых рецептов, к сожалению, нет. Есть опыт других стран. Так, в Чили правительство сознательно идет на ограничение при-

тока краткосрочного портфельного капитала при одновременном создании благоприятного климата для долгосрочных инвестиций и при достаточно либеральном режиме вывоза капитала — репатриации прибылей, например.

Если мы и дальше будем сталкиваться с сочетанием крупного сальдо торгового баланса и избыточным притоком короткого капитала, это потребует более качественной бюджетной политики и активных стерилизационных усилий Центрального банка. Так или иначе дополнительные ограничения на приток короткого капитала вполне вероятны, как и либерализация режима продажи валютной выручки. Центробанк, судя по всему, твердо придерживается политики: «сначала мы убедимся, что рынок достаточно организован, а потом уже пойдем на его либерализацию». В этом есть резон. Если бы мы либерализовали валютный рынок в 1992 г., ничего хорошего из этого не получилось бы. Сейчас, когда реальный курс рубля растет, этот шаг необходим.

— А где же столь необходимые нашей экономике прямые инвестиции?

— Как правило, они запаздывают и поступают на рынок после того, как здесь освоились портфельные. Нам нужны не столько деньги, сколько технологии и опыт организации производства, которые эти инвестиции сопровождают.

— Есть ли спрос на капитал со стороны российских компаний?

— Он лишь начинает формироваться. Я, конечно, имею в виду реальный спрос, а не обычное для ранних поколений постсоветских руководителей требование денег. За последние 2–3 года политической стабильности изменились предпочтения людей: они стали более долгосрочными. Постепенно приходит осознание того факта, что развитие компании более перспективно по сравнению с ее банальным ограблением.

— В каких отраслях он будет удовлетворяться в первую очередь?

— В первую очередь, я думаю, это будут все те же портфельные инвестиции в экспортно-ориентированные отрасли. Но что особенно важно — появились первые прямые инвестиции в промышленность, ориентированную на внутренний спрос, пошли инвестиции в агропромышленный комплекс. Выяснилось, что это легально почти свободная от налогов сфера. При нормальной организации бизнеса она становится весьма прибыльной. Для экономического

развития в целом необходимы прямые вложения в высокотехнологичные отрасли.

— *Изменился ли коллективный портрет российского руководителя за последнее десятилетие?*

— Изменился, и весьма заметно. Во-первых, 10 лет назад руководители совершенно не представляли себе, что такое рыночная экономика? как жить без Госплана и Госснаба? что такое финансовое планирование? Понятие «международный аудит» могло вызвать ужас на их лицах. Пять лет назад люди уже очень хорошо понимали механизмы рыночной системы. Они были жесткими и решительными, хотя зачастую эта решительность просто отражала их неуверенность в прочности занимаемой позиции. Отсюда, видимо, исходила и склонность к применению «неконвенциональных» методов в отношениях со своими партнерами. Сейчас, когда на рынке определился достаточно жесткий механизм выживания, большинство предпринимателей имеют адекватное представление о том, что прибыль — это результат усилий, в том числе собственных. За последние годы я увидел, что большинство из них стали мыслить стратегически. Совершенно другая система ориентиров. Например, они понимают, что наличие хорошей налоговой системы выгоднее для бизнеса, чем набор неких правил с огромными дырами, через которые можно выводить прибыли в офшоры и однодневки. Поменялась система ценностей. Предпочтения стали долгосрочными. Людей интересует, что станет с предприятием через несколько лет.

— *Готовы ли они поделиться властью и полномочиями с другими людьми?*

— Возьмите «ЮКОС». Несмотря на весьма неоднозначный «исторический» опыт, его собственники пустили независимых директоров к себе, — людей, которые дорожат своей репутацией и не пойдут на простую штамповку решений. Конечно, мы имеем дело с непрерывным процессом, но его направление для меня вполне очевидно.

— *Какой тип предпринимателя доминирует в настоящее время на российском рынке? Экспансионист, желающий захватить как можно большее пространство, или бизнесмен, желающий занять свою нишу?*

— Я бы сказал, что представлены обе группы, и это характерно для рыночной системы в целом.

— *А какой тип менеджера? Креативный или нацеленный на решение стандартных проблем?*

— Спрос растет на обе категории. Слишком велика ниша, которую надо заполнить. Ведь этот класс в стране раньше не существовал.

— *Если рассматривать перспективы развития бизнеса в России, где точки роста?*

— Это очень сложный вопрос. Рост в России только начался. Для его прогнозирования пока нет достаточной базы знаний. Мы не находимся в некоторой стационарной фазе, например, догоняющего индустриального развития, когда известно, что будет происходить дальше. Структурные изменения могут в любой момент сменить направление динамики. Возьмем, к примеру, автомобильную промышленность. Есть внутренний спрос, есть динамика производства. Тем не менее любой эксперт может привести контраргументы — традиции отечественного автомобилестроения слабые, качество машин ужасное, способность людей реорганизовывать производство и привлекать инвестиции крайне низкая. Вывод: нас ждут серьезные проблемы. Интересно то, что обе позиции имеют право на существование. И внутренний спрос, и качество автомобилей имеют большое значение. Основные предпосылки для позитивного сценария — благоприятный инвестиционный климат, приход иностранных производителей, готовых инвестировать не только в сборку машин. Пессимистический стагнационный вариант можно построить на отсутствии тех же факторов.

— *То есть мы вообще не можем ничего предсказать по отраслевому развитию?*

— Простые прогнозы можно делать. Например, понятно, что пищевая промышленность будет и дальше расти. Вся структурная динамика национальной экономики определяется не отраслевым видением, а уровнем предприятия. Та фирма, где окажется эффективный менеджмент, который сможет найти рынки, будет расти. Простая комбинация нескольких успешных предприятий в одной отрасли может обеспечить ее рост.

— *Каким образом экономический рост может отразиться на развитии российских регионов? Можем ли мы ожидать сближения регионов или, наоборот, их поляризацию?*

— У меня нет ответа на этот вопрос. Динамика посткризисного роста — главная тема сегодняшних научных поисков. Исследования, посвященные этому, есть, а ответов — нет. По крайней мере, я не видел таких работ, убедительно обоснованных. Этот вопрос становится главным интеллектуальным вызовом для экономистов. Переходный период экономики еще не завершен, но там все относительно ясно, по крайней мере, с теоретической точки зрения. Теперь мы приступаем к решению проблем так называемого «постпереходного роста». Еще некоторое время назад обсуждать эту проблематику было бессмысленным занятием. Сейчас такой момент наступил.

— *Один из главных вопросов нынешней политико-экономической повестки дня — вступление России в ВТО.*

— Здесь все просто. Мы готовы вступить, но не на любых условиях. Надо признать простой факт: страна заинтересована во вступлении в эту организацию, в первую очередь несырьевой сектор. Сырьевому сектору абсолютно безразлично, будем мы в ВТО или нет: на рынок нефти этот факт не повлияет. А создание благоприятного климата на внешних рынках для нашей конкурентной обрабатывающей промышленности — задача первоочередная. У нас быстро растет машиностроительный экспорт. Да, его доля все еще меньше 10% всего объема, но, учитывая сложности, с которыми сталкиваются наши экспортеры, — это положительный знак. Вступление в ВТО необходимо, чтобы гарантировать защиту этих экспортно-ориентированных отраслей, которые обеспечат будущее страны.

— *Однако недавние события (например, решение о введении пошлин на импорт стали) говорят о том, что членство в этой организации необязательно сможет защитить экспортеров.*

— Да, ВТО не гарантия решения проблемы, а инструмент в борьбе за открытие рынков. Протекционизм — общеизвестное зло, он бьет по интересам своего же народа. Американский опыт со сталью лишь хорошо иллюстрирует эту ситуацию. Все классические работы по «экономике коррупции» и политическому лоббированию построены на исследовании протекционистских ограничений. Там, где мы производим конкурентную продукцию, и там, где наши торговые партнеры по внутриполитическим причинам — вполне реальным, кстати, — попытаются ограничить интересы наших же

производителей, мы должны иметь право заставить их пересмотреть принятое решение. Конечно, процедура принятия решения — дело тоже непростое, но там дубиной по голове не бьют, а спокойно говорят: «Откройте дверь!».

— *А что относительно сроков вступления?*

— С моей точки зрения, не надо официально объявлять о каких-то жестких временных ограничениях, хотя реально стоит действовать быстро. Любая попытка установить предельное время для вступления в ВТО — это ослабление наших переговорных позиций.

— *Можно ли попробовать сделать один общий интегральный прогноз для развития российской экономики?*

— Понятен набор основных проблем, понятны преграды. Очевидно, что главной задачей является создание институциональной структуры. У России есть шанс. Весомый шанс. Это единственный прогноз. Все остальное — сценарии. И реально их нельзя представлять в качестве прогнозов.

Я другой такой...

— *Насколько, на Ваш взгляд, сегодняшняя власть эффективна?*

— То, что правительство и президент сделали в экономической области на протяжении последних двух лет, на мой взгляд, важно. Это больше, чем можно было ожидать. Проблема в том, что результаты структурных реформ и, в частности, экономический рост следуют за реформами через несколько лет, а отнюдь не месяцев. Экономический рост, начавшийся с 1999 г., имеет отношение к реформам начала 90-х. А то, что было сделано в 2000–2001 гг., будет определять развитие России после 2005 г. Понимания этого нет ни у публики, ни у политической элиты, ни у правительства. Правительству хочется что-нибудь быстренько сделать, чтобы это сказалось на экономическом росте в следующем квартале.

— *Президент требует 8% роста. Реально ли это?*

— Нереально. Нет такого набора правительственных мероприятий, который приведет в этом году к экономическому росту на 8%. Но президент — представитель политического класса. Общество требует, пресса требует, президент, естественно, требует.

— *Если требуемый экономический рост нереален, то какова, на Ваш взгляд, судьба реформ?*

— В действиях президента, к счастью, есть здравый экономический смысл. Как у Рейгана. У него правильное понимание того, как устроена экономика и что в рамках здравого смысла надо делать. И он пока поддерживал полезные реформы в России и, надеюсь, будет поддерживать их и дальше. Как политик он чувствителен к флюидам общественного мнения, а обществу очень хочется, чтобы было хорошо и было быстро. Путин вынужден, потакая общественности, действовать по принципу академика Струмилина, которого мой друг и коллега Владимир Мау любит цитировать.

Интервью брал Александр РЫКЛИН.
Опубликовано в: Еженедельный журнал. 2002. 5 мая.

Станислав Струмилин в конце 20-х годов говорил: «Я лучше буду стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие».

— *Так мы никогда не догоним Португалию, к чему нас призывает советник президента Андрей Илларионов.*

— Это, на мой взгляд, не имеет значения. Все толки о том, что мы отстали навсегда, обнаруживают глубокое невежество по части экономической истории. В начале XVIII в. Китай по объему ВВП с огромным отрывом занимал первое место. А доля всех англоязычных стран в мировом ВВП была близка к нынешней российской. Способность адаптироваться в быстро меняющейся экономической среде гораздо важнее абсолютных размеров сегодняшнего ВВП и краткосрочных темпов его роста.

— *Вы сказали, что происходит более того, что Вы ожидали. Значит ли это меньше, чем нужно?*

— Я реалист. Все сразу сделать нельзя. Почти ничего не сделано в области оптимизации бюджетных расходов. К сожалению, реформы обычно проводят тогда, когда этого нельзя избежать, а не тогда, когда этого хочется. Цены на нефть опять растут, и казна может финансировать в прежнем стиле бюджетные расходы. Система управления государственными финансами, полученная нами в наследство от СССР, осталась нерезформированной. Расходы включают в бюджет потому, что они были в бюджете прошлого года, а не потому, что деньги действительно необходимо потратить именно на эти цели. Сохраняются набор чиновничьих льгот, дорогих и крайне неэффективных (персональные машины, госдачи и медобслуживание), и низкие зарплаты основной массы населения, сочетающиеся с избыточной численностью чиновного люда. Не начата военная реформа. Как будто бы у нас все хорошо в армии и можно подождать с реформированием. Делается все для того, чтобы затянуть дело и создать ситуацию, когда никакого другого выхода, кроме отмены отсрочек от призыва, у правительства не будет. Это печально. Затянулось решение земельного вопроса, хотя в принципе, я думаю, закон об обороте сельхозземель в этом году будет принят.

— *В частности, в связи с плачевным положением военной реформы Борис Немцов заявил о переходе в оппозицию...*

— Он высказал свою точку зрения. Наша партия такого решения не принимала.

— Как Вам кажется, в связи с особой позицией Немцова не могут ли возникнуть какие-то проблемы у правительства? Странно все-таки получается. Кремль вроде бы ведет либеральную политику, а либералы делают оппозиционные заявления.

— Думаю, все будет нормально. У Путина достаточно здравого смысла, чтобы не менять экономическую политику в зависимости от высказываний даже авторитетных лидеров СПС.

— Вы как-то говорили, что в России наступила постреволюционная стабилизация, которая характеризуется централизацией власти. Нет ли здесь угрозы воплощению либерального идеала?

— Либеральная идеология не предполагает радикального реформирования реальной жизни. Когда жизнь расходится с либеральной идеологией, это не значит, что надо немедленно реформировать жизнь. После крушения одной социально-политической и социально-экономической системы и медленного формирования базы другой совершенно неизбежно приходит момент, когда происходит укрепление власти. Да, существуют риски, потому что когда государства нет, то есть масса неудобств, но нет рисков, связанных с тем, что оно злоупотребит своей властью. А когда оно появляется, эти риски возникают.

— Эти риски, кажется, уже реализуются. Многие считают, что перераспределение полномочий в пользу центра и, в частности, бюджетная реформа были ошибкой.

— Я выскажу свою точку зрения, она не является партийной. Я считаю, что те изменения, которые были внесены в систему бюджетного федерализма, в целом правильные. Налог на добавленную стоимость, перераспределенный в пользу центра, не имеет никакого отношения к экономической политике в регионах. Система его возврата так устроена, что ни к каким реальным усилиям ни губернаторов, ни областных собраний отношения не имеет. Поэтому децентрализация НДС, увязка его с региональными бюджетами неуместна. Идея передачи всего подходящего налога регионам правильная, потому что от региональных властей зависит, какой на местах предпринимательский климат, создаются ли предпосылки для того, чтобы люди получали заработную плату, платили с нее налоги. Нелепо только, что мы до сих пор не отменили бюджетные законы, которые возлагают на регионы массу обязательств,

не предусматривая, откуда они должны взять финансовые ресурсы. Это одна из нерешенных проблем.

— Многие говорят, что подъем российской экономики связан с повышением цен на нефть, преддрекают России голландскую болезнь, при которой высокие цены на экспортируемое сырье приводят к резкому росту положительного сальдо платежного баланса и реального обменного курса национальной валюты, что снижает конкурентоспособность других отраслей и оказывает негативное воздействие на экономику в целом.

— Успехи России связаны не только с нефтью. Главный фактор роста — это реструктурирование российской экономики и повышение качества управления. Сравните качество управления российскими нефтяными компаниями в начале 90-х годов и теперь. По уровню менеджмента, по уровню финансового планирования — огромная разница. Возьмите ситуацию в российской пищевой промышленности сегодня и 10 лет назад. Понятно, откуда рост. Темпы — вопрос второстепенный. Главное, что происходит перераспределение ресурсов из нерыночного, плохо управляемого и неэффективного сектора в сектор рыночный, хорошо управляемый и эффективный. России не нужна цена на нефть больше 23–24 долл. В краткосрочной перспективе для бюджета высокие цены удобны, а для развития России это серьезная помеха. Голландская болезнь — тяжелый недуг. Простых способов борьбы с ним не существует. Макроэкономическая политика правительства и ЦБ в последнее время — попытка борьбы с голландской болезнью. И должен признать, что они делали это неплохо. ЦБ сознательно проводил линию, направленную на ограничение притока валюты в страну. Политика низких процентных ставок по рублевым инструментам — это была политика борьбы с голландской болезнью. Нам не нужно сегодня лишних 20 млрд в экономике. Мы этого не выдержим. Бюджет выдержит, а реальный сектор — нет. Мы заинтересованы в том, чтобы поворот потока капитала шел постепенно и лучше при более низких ценах на нефть.

— Несмотря на либерализацию российской экономики и либеральную экономическую политику правительства и президента, инвестиции не потекли в Россию рекой.

— Это хорошо. Не дай Бог, если бы на фоне высоких цен на нефть, которые были в 2000–2001 гг., рекой потекли деньги. Тогда мы бы

точно с голландской болезнью не справились. Вопрос о голландской болезни — это вопрос о том, как в условиях высоких цен на первичные ресурсы, занимающие значительную долю в экспорте, избежать реального укрепления национальной валюты. И когда мы (правительство, Министерство финансов, Центральный банк) ломали голову над тем, как остановить избыточное укрепление курса рубля, нам помогало то, что у России была плохая репутация и мы в условиях высоких цен не получили дополнительно к нефтяным и газовым 40–50 млрд долл. положительного сальдо торгового баланса еще и десятки миллиардов портфельных инвестиций. Вот тогда невозможно было бы остановить реальное укрепление рубля, очень опасное для несырьевой части российской промышленности.

— *А как быть с основными фондами? На какие деньги обновлять производственные мощности?*

— Инвестиции в России растут. В прошлом году они росли даже весьма динамично. Но платежный баланс в нашей стране очень плохо считается. Это не только российская проблема. Англия имела тяжелейшие проблемы с составлением платежного баланса. А уж нам-то с нашей несовершенной таможенной службой... Но когда страна платит в год больше 15 млрд долл. долгов, а валютные резервы растут больше чем на 10 млрд. в год и непонятно, как остановить реальное укрепление национальной валюты, а еще при этом резко растут вложения в сырьевые отрасли — ясно, что отток капитала сокращается.

— *Какие нужны условия, чтобы реформы двигались дальше?*

— В последние годы радикально изменились приоритеты российского крупного бизнеса. Года четыре назад ему было наплевать на структурные реформы — интересовали бюджетные деньги и индивидуальные льготы. Теперь бизнесмены поняли, что от инвестиционного климата в стране зависит капитализация их компаний. Их волнует, сколько стоят их активы, сколько они могут привлекать кредитов, почем будут продаваться их акции на Нью-Йоркской фондовой бирже. Российский бизнес оказался способным вкладывать деньги, влияние, усилия в улучшение инвестиционного климата в России. Это огромная подвижка. Пять лет назад такое невозможно было себе представить. Это важная предпосылка продолжения и реализации реформ. Но главное условие — чтобы президент и правительство продолжали их поддерживать. Это

сегодня важнейшая предпосылка. К сожалению, других гарантий продолжения реформ в России сегодня нет. Примаков имел все шансы быть президентом России, никаких либеральных реформ, уверяю, при нем не было бы. Ни при нем, ни при Лужкове. При Путине они оказались возможными.

— *Президенты приходят и уходят. Хотелось бы более надежных гарантий.*

— Хотелось бы.

— *Одна из сложнейших проблем — реструктуризация естественных монополий. Как ввести рыночные механизмы ценообразования в энергетике и при этом избежать социального взрыва?*

— Не будет революции в России по этому поводу, поверьте мне как российскому революционеру со стажем. В энергетике решение найдено. Предстоит отделить монопольную часть бизнеса (т. е. передающие сети) от конкурентной части (генерирующих станций). Вычленим сети, которые относительно просты в управлении и где государство никто не заменит, и ему придется контролировать издержки. А генерирующие компании пусть соревнуются. Это их головная боль, как они будут издержки сокращать, кто из них предложит электроэнергию по лучшей цене.

— *Как быть со структурными реформами в жилищно-коммунальном хозяйстве? Они необходимы, но у людей нет денег.*

— Нужны адресные субсидии. Это органичная часть реформ. Опыт показывает, что реальные расходы всегда меньше расчетных. Реформа ЖКХ — это одна из самых бюджетно эффективных реформ. Когда вы перераспределяете финансовые ресурсы от неэффективно работающих предприятий ЖКХ на помощь реальным людям, у которых не хватает доходов, чтобы платить за жилье и электричество, то вы на этом экономите примерно 75% денег.

— *Регионы у нас неоднородные, и большинство губернаторов не платят зарплату. Им что, реально не хватает денег или они делают вид, что деньги перераспределились в центр и теперь в губерниях недостача?*

— И то, и другое. Мы на федеральном уровне принимаем законы, которые обязательны для исполнения в регионах, не заботясь о том, чтобы укрепить их дополнительным финансированием. Принять закон о том, что надо повысить заработную плату бюджетникам на 90% — это приятно. А такая мелкая деталь, что, если

уж ты принимаешь этот закон, надо подумать, какие, собственно, доходы ты собираешься перераспределить, скучна и неинтересна. Мы на 2002 г. приостановили 51 закон федерального уровня, которые существуют, приняты, но не обеспечены финансированием. Они неисполнимы — это всем понятно. Но ни у кого не поднимается рука их отменить.

— Из этого замкнутого круга есть выход?

— Вопрос в том, в какой степени президент и правительство готовы конвертировать свой политический рейтинг в проведение необходимых, но непопулярных реформ. Сделано много, но факт остается фактом — за бюджетные расходы толком не брались. А сокращение бюджетных расходов — непопулярное занятие. Вот снизить налоги — это все будут «за», а для того чтобы снижать налоги дальше, нужно повышать эффективность бюджетных расходов. Это неприятная вещь и популярности ни одному политику не добавляет.

— Путин когда-нибудь столкнется с этой необходимостью?

— Обязательно. Это будет, я думаю, важнейшая тема его второго президентства.

— Скоро парламентские выборы. В 1999-м СПС преодолел 5%-ный барьер во многом благодаря тому, что поддержал Путина. С чем пойдет СПС на эти выборы? Будет вместе с властью?

— Выборы в декабре 2003 г. К этому времени будет понятно, что делает власть. Если она будет проводить разумную политику в экономической области, вряд ли мы от нее отречемся.

— А Чечня?

— Чечня — тяжелейшая проблема, которая не имеет простых решений. К сожалению. Как ближневосточная. Вопрос о нашем отношении к власти мы решим на съезде накануне выборов.

— Появляются новые либеральные партии, например партия Березовского. Не считаете ли Вы, что это раскол, который вредит развитию либерализма в России?

— Уровень консолидации либеральной части российского политического спектра сегодня выше, чем он был когда бы то ни было в российской истории. К «Либеральной России» как к серьезному политическому оппоненту я пока не отношусь, несмотря на то что там много людей, которых уважаю.

— Получается, что либеральные реформы сегодня гарантирует «Единая Россия», которая представляет власть. Я смотрю на этих людей, и мне становится душно.

— Я Вас очень хорошо понимаю. Смотрите на СПС!

— На следующих выборах СПС не наберет больше «Единой России».

— Это правда. Но что делать? У меня, к сожалению, для вас другой страны нет.

Классик капитализма

В России государство не опирается на долгую традицию демократии налогоплательщиков, у нас либерализм вынужденный, считает идеолог «Союза правых сил» Егор Гайдар.

Партии «Союз правых сил» и «Яблоко» начали консультации по выработке общей платформы к предстоящим парламентским выборам и даже не исключают возможности выдвижения единого кандидата на выборах президентских. Что может объединить традиционно раздробленных российских либералов? Главный идеолог, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар считает, что основой такого объединения может стать единство взглядов на экономическую модель развития России.

— Егор Тимурович, вопрос на злобу дня: Ваш товарищ по партии Борис Немцов предложил всем правым выдвинуть кандидатом в президенты представителя той партии, которая наберет больше всех голосов на выборах в Госдуму. Реально ли это?

— Идея не бессмысленна. Мы успешно работаем вместе с «Яблоком», часто голосуем как единая фракция. Почему в такой ситуации нельзя договориться о единых правилах игры? Если бы у нас сегодня были глубокие идеологические расхождения с «Яблоком» — например, мы ратовали бы за разные модели экономики, — тогда дело другое.

— Давайте уточним про «модель экономики». Как бы Вы охарактеризовали существующую в России экономическую систему?

— Экономика России находится сегодня в стадии перехода от олигархического капитализма к бюрократическому. Но это условные термины. Кто-то из олигархов принял новые правила игры и остался богатым и влиятельным, кто-то — нет и находится за границей. Те, кто остался, уже не воспринимают себя как правительство. Дальше — естественная развилка: с одной стороны,

классический капитализм с равными правилами игры, с другой — капитализм с разными правилами игры для разных групп интересов. И хотя сегодня эта разница существует, она не настолько велика, как это было раньше, и зависит от степени вовлеченности силовых и бюрократических структур в экономический процесс. На мой взгляд, наличие разных правил игры — серьезная проблема, потому что зависимость бизнеса от того, как складываются отношения с силовыми ведомствами, — прямой вычет из экономического роста.

— Америка и Европа признали нас страной рыночной. Означает ли это, что переход от социализма к капитализму в России завершен?

— Переходный период от социализма, к сожалению, длинный. Я помню, как издевались над нами в прессе, когда мы создавали наш Институт экономики переходного периода, — обсуждали, надолго ли мы его создали. Но надо понимать, что если на протяжении 75 лет страна имела своеобразную систему социально-экономических отношений, аномальную для мировой экономики, то выход из этого состояния не издание трех законов, выборы президента или назначение трех «правильных» министров, а длительный процесс восстановления способности общества жить в нетоталитарном режиме. Это, например, включает и привычку к независимой судебной системе, создание соответствующих традиций. Впрочем, первый этап этого переходного периода — этап падения производства, дезорганизации — мы прошли, но сказать, что от «родимых пятен социализма» полностью избавились, было бы преувеличением.

— То есть Вы к России критичнее относитесь, чем наши зарубежные конкуренты?

— Здесь нет противоречия. В мире помимо России есть рыночные экономики с серьезными проблемами, в том числе и с социалистическим наследием. Например, республики бывшего СССР, давно получившие рыночный статус, имеют сегодня не меньше проблем. Предоставление статуса страны с рыночной экономикой — это жест. Это значит, что Россия стала для Запада так нужна и важна, что ей дали относительно равный доступ к мировой торговле.

— Десять лет назад, когда возглавляемый Вами экономический блок правительства проводил реформы, у Вас было четкое представление, каким должен быть результат и когда?

— Конечно, у меня не было четкого представления, что должно получиться и когда. Да и откуда ему было взяться? Вот если бы я располагал тогда опытом 30 стран, столкнувшихся с аналогичными проблемами, я бы этот опыт изучил и построил бы довольно точную модель реформ. А мы располагали лишь опытом выхода из военной диктатуры и опытом только что начавшихся реформ в Восточной Европе — в Польше и Чехословакии. Так что у нас были гипотезы, как надо делать, и было четкое понимание того, что, к сожалению, отложить решение этого вопроса нельзя. А этого сегодня не помнят. Реформы в России проводились не в спокойной и благоприятной обстановке, когда пришла команда реформаторов и предложила свои услуги. Это было время, когда старая система полностью прекратила свое существование. На бытовом уровне это значило, что в магазинах не осталось никаких товаров, на уровне власти — что административная система перераспределения ресурсов, бывшая неотъемлемой частью тоталитарной системы, развалилась. Словом, выбора — проводить реформы или нет — не было. Вопрос звучал так: как на живую нитку заштопать массу дыр, чтобы хоть что-то заработало? В целом же произошло примерно то, что мы ожидали, вот только на это потребовалось примерно в два раза больше времени, чем мы рассчитывали.

— *Вопрос гипотетический: сегодня, будь у Вас возможность, Вы бы что-то сделали иначе?*

— Одно только маленькое уточнение: в каком качестве я мог бы сделать что-то иначе? В роли царя всероссийского? Я бы вообще все сделал по-другому. Или в роли вице-преьера в несуществующей стране, с ограниченной поддержкой на съездах народных депутатов и неприятием в обществе? Конечно, я бы многие тактические ходы поменял. Например, цены на энергоносители можно было бы разморозить вместе со всеми ценами и не получать такую головную боль в 1992–1993 гг. или либерализовать более последовательно систему внешней торговли уже в начале 1992 г. Но в целом, стратегически мои действия по ключевым направлениям были бы теми же самыми.

— *Благодаря Вам термин «экономический либерализм» закрепился в лексиконе российских политиков. В какой степени курс нынешнего правительства соответствует этим либеральным критериям?*

— Сразу обращаю Ваше внимание на изменение общественного сознания. В 1995–1997 гг. было модным рассуждать о причинах краха экономического либерализма в России и отсутствия у него будущего. Сегодня мы рассуждаем, в какой мере курс правительства либерален. Это хорошо. Это важно. Понимание того, что Россия именно в силу исторических особенностей — слабости своей бюрократии, традиций, невозможности построения западно-европейского типа государства с высокими налогами — обречена на либеральную экономическую политику, только теперь становится широко распространенным. И в этом смысле реформы 2000–2001 гг. стали серьезным вкладом в воплощение либеральной повестки дня. Это не значит, что все, что сделано, хорошо. Я бы сказал так: было сделано меньше, чем нужно, но больше, чем можно было ожидать весной 2000 г.

— *А каков он — российский либерализм? Соответствует ли он классическим представлениям? Или у нас не обойтись без серьезного вмешательства государства в развитие экономики?*

— Классический либерализм сегодня невозможен — слишком сильные изменения произошли в мире за последние два века. Кроме того, у нас государство не опирается на долгую традицию демократии налогоплательщиков. Отношение к налогам в России никогда не было западноевропейским, а в Европе из этой системы налогообложения выросли парламенты. У нас регулярная налоговая система была привнесена монголо-татарской конницей — система податной общины с круговой порукой, которая существовала веками, а потом трансформировалась в колхозы. Она-то и породила особое отношение к налогам. Поэтому думать, что у нас к высоким и сложным налогам будут относиться столь же либерально, как и на Западе, неверно. У нас либерализм вынужденный. Поэтому государство серьезно вовлечено в экономику.

— *Возможно ли соединение либеральной модели экономики и авторитаризма?*

— Возможно. Слухи о том, что либеральная экономика несовместима с авторитарным режимом, ложны. Мне это идеологически неприятно, но это так. Есть исторические примеры, когда авторитарные режимы проводили разумную рыночную политику. И если вопрос о рынке и частной собственности в России решен, то с демократией все иначе. Борьба за нее еще не заверше-

на, и этот вопрос будет для России важнейшим в последующие 20 лет. Не нужен переворот или танки на улицах, чтобы сделать российскую демократию формальной. Однако авторитарные режимы в индустриальном обществе нестабильны, редчайшее исключение — Сингапур. Поэтому я считаю, что авторитаризм в России — плохое решение. Он, конечно, может быть мягким, как, например, в Мексике 20–90-х. Есть вроде и выборы, и партии, и даже оппозиция, но только почему-то президентом всегда становится министр внутренних дел. Но и за такой мягкий авторитаризм надо платить, и эта плата — высокая степень коррупции. Пример: Италия в период с конца 40-х до конца 80-х. Опять же были и партии, и правительства, и выборы. Но поскольку стояла задача исключить из политической жизни коммунистов, то при всех изменениях ничего не менялось. Зато большой проблемой стали коррупция и оргпреступность. Такое возможно и у нас. Это консервация на десятки лет. Живут другие так? Живут. Развиваются? Развиваются. Хороший это вариант? Плохой.

— Для кого плохой? Для экономики?

— И для экономики, и для политики. Коррупция, как показывают исследования, не останавливает экономический рост, но является вычетом из него. Это дополнительные инвестиции в перераспределение административной ренты, а не в повышение эффективности. На мой взгляд, для России этот путь опасен, но, к сожалению, возможен.

— Либеральная экономика немыслима без среднего класса... Что происходит у нас с этим самым классом?

— Все принимаемые сегодня меры разноплановые. Например, снижение ставки подоходного налога — мера, направленная на усиление среднего класса, а постановление об обязательной маркировке — направленная на усиление всевластия бюрократии. И т. д. Тут нет однозначного курса. Пока идет борьба. Я не считаю, что борьба для нас, сторонников либеральной экономики и ограничения всевластия бюрократии, проиграна. Но битва не из легких.

— Еще один атрибут либеральной экономики — свободный приток инвестиций. Но существует мнение, и, как известно, Вы — его сторонник, об избыточности так называемых портфельных инвестиций в России. Инвестиции, по-Вашему, могут быть вредны?

— Прямые иностранные инвестиции, без сомнения, нужны, и крайне важно увеличить их приток. А вот портфельные инвестиции в условиях высоких цен на нефть и сильного торгового баланса опасны, потому что они могут привести к так называемому кризису «мыльного пузыря», когда происходит сначала резкий приток инвестиций, а потом столь же резкий их отток.

— И как с этим бороться? Не закрывать же биржи?

— Не закрывать, конечно, но существуют инструменты, хотя они и не на 100% эффективны. Их, например, применяли страны, экономика которых сильно зависит от колеблющихся цен на сырье, в частности Чили, продающая медь, как Россия нефть. Мы подготовили предложения о том, как это сделать в России. Не исключаю, что это удастся осуществить, особенно с новым главой Центробанка.

— О каких инструментах идет речь?

— О депонировании части притекающей валюты на беспроцентных счетах в ЦБ по определенным правилам. Иными словами, если кто-то захочет работать в России, он должен понять, что уйти отсюда без потерь он сможет, только если пришел всерьез и надолго. Если же есть расчет сорвать куш и сбежать, то неизбежно возникнут проблемы. Но еще раз подчеркну — это не 100%-ная гарантия.

— Каковы, по-Вашему, возможные риски для российской экономики в ближайшие годы?

— Есть несколько потенциальных угроз. Так как наша экономика сильно зависит от экспорта сырья, то два типа возможных кризисов очевидны — это или резкое падение, или резкий взлет цен на нефть. Если цена на нефть долго держится на отметке 30 долл. за баррель, то невозможно остановить слишком быстрое укрепление реального рубля со всеми тяжелыми последствиями для нефтяного сектора. Цена выше 25 долл. за баррель для России губительна. Резкое падение цен тоже плохо. Мировой рынок нефти непредсказуем: в 1997 г., например, ничто не предвещало, что в 98-м цены упадут до 10 долл. за баррель, как в 98-м трудно было представить, что в 2000-м они будут 30 долл. за баррель. Стало быть, нужно вести такую политику, создать такие валютные резервы, чтобы прожить период резкого колебания цен без катастроф. Третий тип риска — кризис «мыльного пузыря», связанного с избыточным притоком «коротких» капиталов. Сегодня инвести-

ционная привлекательность России резко возросла, но, к счастью, нет большого рынка рублевых ценных бумаг, могущих притягивать к себе «короткий» капитал, а колебания на рынке акций не так опасны. Есть риск быстрого роста заимствований российских компаний на международных финансовых рынках. Пока они невелики, но если возрастут, то это ограничит нашу свободу маневра в области курсовой политики. И последнее — риск банковского кризиса. Нынешняя банковская система в РФ имеет преимущество — она маленькая по доле в ВВП, и в связи с этим банковский кризис скорее неприятность, чем катастрофа, но неприятность, которой хотелось бы избежать. Но сейчас я не вижу признаков приближающегося банковского кризиса.

— С какими экономическими инициативами СПС готовится выступить в Думе?

— В 2000–2002 гг. Россия сильно продвинулась в совершенствовании налоговой системы. Нужно еще снизить налог на добавленную стоимость и либерализовать систему взимания социального налога. Теперь встает вопрос эффективности и масштабов государственных расходов. Здесь сделано крайне мало. Это основная тема политических дебатов ближайших лет. Нужно понять, что налоги — второе воплощение госрасходов, т. е. если есть желание контролировать налоги, то должен быть контроль за тем, как тратятся бюджетные деньги. Нынешнее президентское послание включало ряд разумных предложений в этом направлении, но будут ли они реализованы? Еще одно важнейшее направление работы — проблема муниципального управления. Что происходило в последние годы? Шло реальное укрепление центра за счет ослабления регионов, а параллельно шел процесс сокращения доли муниципальных бюджетов в общей доле консолидированного регионального бюджета. Обязательства федерального уровня понятны, как и обязательства муниципального уровня, но этого нельзя сказать в отношении региональной власти. Есть целая серия статей, где проконтролировать что-либо сложно: это и северный завоз, и дорожный фонд. Но серьезное наступление на бюрократию здесь станет возможным, только когда местные власти и народ будут заинтересованы в развитии местного самоуправления. Из Москвы этого не сделать. Нужны единые для всех и понятные правила игры.

— СПС разработал предложения по военной реформе. Что лично Вы думаете по поводу создания профессиональной армии?

— Наверху есть понимание необходимости реформы, все говорят: «Давайте, но с 2010 г.». Так не получится. По демографическим основаниям не получится — невозможно отложить военную реформу до этой даты. Я бы хотел ее начать в следующем году, но уже не удастся. Придется в 2004–2005 гг. Идея же некоторых военных, что, когда станет совсем плохо, отменят все отсрочки, призвут всех студентов, политически нереализуема. Все равно придется армию реформировать.

— Вы сказали «по демографическим причинам»?

— Это реальность: Россия — страна, завершившая демографический переход, и, как в Италии или Болгарии, ее население будет сокращаться. Здесь ничего нельзя сделать. Можно сократить смертность среди мужчин или чуть повысить рождаемость, но даже сверхоптимистичные прогнозы свидетельствуют: население РФ на протяжении следующих 30 лет будет сокращаться. Вопрос только — быстрее или медленнее? Это уже будет зависеть от того, как в РФ будет решаться проблема миграции, сможет ли Россия сыграть роль крупного и успешного реципиента иммигрантов, как Австралия, например, или нет. Но это уже не столько политика, сколько изменение отношения общества к лицам иной национальности. Иммигранты должны почувствовать себя россиянами.

ПОИСК ВРАГА

— Факт остается фактом — степень недовольства высока и люди уже начинают искать конкретного врага, все чаще указывают пальцем на олигархов. Народ прав или ошибается?

— Собственность сегодня действительно сконцентрирована в узком кругу — 20–30 компаний. Но именно в этих компаниях прилично организован бизнес, идут капиталовложения, растет производство, люди получают хорошую зарплату, хотя эти олигархические компании — реакция на рыхлость власти. Если государство не способно гарантировать выполнение контрактов, защиту собственности, прекратить воровство, то крупный собственник вынужден строить собственное государство, «внутреннюю империю» с жесткой дисциплиной и особыми «перекрестными» отношениями с властью. Сегодня это создает колоссальную проблему для Кремля.

— В чем опасность таких «семейных» отношений?

— В том, что, создав привилегированные связи с властью, эти империи хотят их сохранить. Им уже не нужны ни реформа суда, ни реформа администрации, а нужно, чтобы все осталось как есть. И лучше — навсегда.

— А вот на Западе наших олигархов все чаще называют ворами, а созданную ими систему — бандитской...

— А им было бы полезно перечитать 1-й том «Капитала» Маркса, главу о первоначальном накоплении. Там описано колоссальное разграбление собственности. А великий американский бизнесмен г-н Стэнфорд, впоследствии основавший знаменитый Стэнфордский университет, был откровенным ворюгой и по тому, как зарабатывал и откатывал деньги, мало чем отличался от г-на Березовского.

— А когда наши «ворюги» станут благообразными, научатся делиться и учреждать университеты?

— В европейской практике, чтобы отмыться и переодеться, требовалось три поколения. Наши, думаю, уложатся в десяток лет.

ПАРТИЯ БЮРОКРАТОВ

— Как быстро будет облагораживаться политическая система? Сегодня, когда смотришь на лица новых «партайгеноссе», создается такое впечатление, что они срисованы с портретов членов Политбюро.

Е. Гайдар: 2003-й катаклизмами не пахнет

Институт проблем переходного периода, возглавляемый Егором Гайдаром, провел (говорят, что по просьбе Кремля) оценку прошедшего года и проблем нового, 2003-го. С известным экономистом и политиком беседует Вячеслав Костиков.

ЦЕНА РЕФОРМ

— Егор Тимурович, за 15 лет после революции и Гражданской войны Россия сделала мощный бросок к индустриализации. Люди увидели результаты и даже поверили в «гений Сталина», а сегодня, после 15 лет с начала «перестройки», так и не поймут, зачем нужны реформы, если нет улучшения жизни...

— Давайте только не будем забывать о цене «сталинского прорыва». Это миллионы погубленных в лагерях, разоренное крестьянство, насильственное переселение в «точки роста». Стройки века стоят на костях.

— Ну, а нынешние реформы? Слава Богу, не на костях, но все равно есть миллионы обездоленных.

— Реформы никогда не делаются для удовольствия или по прихоти. Во всем мире их начинают, когда по-старому жить нельзя. При Брежневе цена нефти была вдвое выше, чем сейчас, — и возникла видимость короткого процветания. Потом цены резко упали, и оказалось, что советская экономика без допинга не работает. Начав реформы в 1991 г., мы спасали Россию от гражданской войны. Ведь уже начинались голодные бунты. Но люди как-то об этом забывают и... вспоминают «социалистический рай».

Интервью брал Вячеслав КОСТИКОВ.

Опубликовано в: Аргументы и факты. 2003. 9 января.

— Сегодня Вы свободно ездите за рубеж, к празднику Вы не спрашиваете продовольственный заказ, не унижаетесь перед мясником в магазине, не везете в деревню батоны колбасы и пачки макарон. Все изменилось, но люди остались теми же. И у них действительно при партстроительстве все время получается отраслевой отдел КПСС или, как у военных, вместо стиральной машины — пулемет.

— *Новые партии претендуют быть народными. А кто их содержит? Власти или олигархи?*

— Ну, олигархи политической благотворительностью не занимаются. Они очень конкретные люди и дают не на партию, а под «нужные» законодательные проекты и инициативы. И не нужно так уж их ругать. У нас очень короткая история демократии. Та же самая «Единая Россия», на которую Вы намекаете, становится самостоятельной и влиятельной политической силой. Вполне вмещающей...

— *Сегодня она заманивает к себе Путина... А не получится так, что, став самодостаточной и независимой, «Единая Россия» скажет ему «спасибо» и вырастит собственного вождя?*

— Такого не будет...

— *А где гарантия?*

— «Единая Россия» — партия российской бюрократии. Да, вороватой, неэффективной. Но она пуповиной привязана к власти. Впрочем, если власть задумает жестко наступить на ее интересы, то и реакция будет жесткой. Пока же она лояльна по отношению к президенту...

ИХ ОТВЕТ ПУТИНУ

— *Пока? А чем Путин может быть опасен для бюрократии?*

— Когда он требует жесткого отчета о расходовании государственных денег, когда настаивает на прозрачности процедур принятия решений, когда ругает за вранье... Это им совсем не нравится. В. Путин сделал прекрасное бюджетное послание к 2002 г. Что называется, «ни убавить ни прибавить». И что? Бюрократия все «замылила». Буксуют административная реформа, судебная, реформа армии. Это и называется «их ответ Путину».

— *А где миллионы и миллионы мелких и средних собственников, которых Вы с Ельциным нам обещали? Где они прячутся?*

— Это официальная статистика не замечает мелких собственников. С 1998 по 2002 г. занятость выросла на 9 млн человек. А на крупных предприятиях число занятых за этот же период не выросло. И куда они делись? Ушли в мелкий и средний бизнес. Только он «бегает» от налогов и бюрократического рэкета и не попадает в статистическое зеркало.

— *Люди косят Вас и Чубайса за то, что в первые три-четыре года приватизации из госсобственности были розданы самые лакомые куски.*

— Это так... Но эти «лакомые куски» уже с начала 90-х годов не контролировались государством. Даже нефтяные потоки. На основе советского законодательства о так называемом полном хозяйственном ведении все вполне легально, «по-коммунистически» захватили директора. Вот где был массовый и совершенно бессовестный грабёж. В результате появились тысячи неэффективных собственников. Нам может нравиться или не нравиться Потанин или Ходорковский, мы можем спорить, много или мало они заплатили за «Норильский никель» или «ЮКОС». Но это эффективные собственники. И у них не поворуюшь, как на советском заводе. Это не временщики. Они работают с длинной перспективой.

— *А нельзя было отдать подороже?*

— Когда ГДР вошла в состав единой Германии, подавляющую часть активов бывшей ГДР продали по чисто условной цене в 1 марку. Лишь бы взяли, обновили производство, дали людям работу и платили зарплату.

ТЕОРИЯ ЗАГОВОРОВ

— *В любом случае Путину теперь нечего раздавать. А между тем на фоне выдающихся рейтингов президента в последнее время как-то вдруг заговорили о его ослаблении... Вы чувствуете этот «ветерок»?*

— Не чувствую и не жду никаких неожиданностей. В России с императорских времен любят говорить о заговорах. Вспомните, сколько раз журналисты уже снимали М. Касьянова. Три-четыре раза, не меньше.

— А Касьянов не наступает на пятки президенту? Они одна команда или нет?

— Это очень разные люди. С разной историей. Факт то, что сегодня Касьянов работает у Путина. Это задает правила игры.

— Ну а как Ельцин? Встав с утра... «не сменить ли мне премьера»?

— То, что Ельцин менял премьеров по принципу «не так сели», — народный миф. На самом деле все отставки были политически мотивированы. Случайными они казались с улицы. О «случайной» отставке Черномырдина я знал за два месяца. Ошибочной казалась отставка Степашина. Я думал, что Путин не вытянет президентские выборы. Ошибся и потом сказал об этом Ельцину.

— Перед Новым годом Путин сказал, что у олигархов будут изымать в бюджет сверхдоходы от использования недр... Это не спровоцирует атаку на президента? Не поссорит с Касьяновым?

— Нет. С учетом общего снижения налогов изъятие сверхдоходов — разумная мера. Но нужна осторожность, чтобы не зарезать курицу, которая несет золотые яйца. Нефтяной сектор сегодня хорошо растет...

— Опасаетесь, что деньги снова пойдут в офшоры?

— Это пройденный этап. Сейчас можно спорить о процентах изъятий, политически торговаться. Торг будет. Но всем ясно, что никто не отменит ни рынка, ни частной собственности, не будет никаких национализаций. Социализма не хотят даже коммунисты. Разве кое-что переделить... в свою пользу.

— В этом году парламентские выборы. Коммунисты смогут усилить свои позиции за счет протестного голосования? Только что прошли забастовки авиадиспетчеров, повеяло «классовой борьбой» ...

— У нас с 2000 г. почти нет забастовок. Число бастующих измеряется не миллионами, не тысячами, а сотнями людей. Поэтому и авиадиспетчеров восприняли как сенсацию. Забастовали!!! Но забастовала элита, которая понимает, что на их труде авиакомпании хорошо зарабатывают. Был нормальный торг.

Предел роста

Егор Гайдар: От структурных реформ многие хотят перейти к воровству

Что происходит в экономике? Почему продолжается рост и почему у него именно такие темпы? Эти вопросы для правительства стали риторическими. Только официально за прошлый год кабинет министров трижды не попал со своими прогнозами. Создается впечатление, что министры не очень хорошо понимают, что происходит. Перед самым Новым годом Егор Гайдар, директор Института экономики переходного периода и сопредседатель «Союза правых сил», дал объяснение экономическим чудесам.

ОБЫЧНЫЙ СЛУЧАЙ

— Егор Тимурович, в последнее время Вы единственный рискнули дать объяснение тому, что происходит в российской экономике. При чем Ваша версия отличается от общепринятых точек зрения.

— Существует две основные версии, почему в России начался экономический подъем. Первая — весьма комплиментарная для правительства: пришел Путин, укрепилась власть, появилось больше определенности, началась более осмысленная экономическая политика и как следствие подъем. Вторая версия гораздо менее комплиментарная: в 98-м году произошла радикальная девальвация рубля, сократился импорт, что позволило нашим товарам занять освободившуюся нишу, плюс к этому выросли цены на нефть, что привело к росту капитальных вложений в добывающих отраслях. Вот и вся хитрость.

Интервью брал Александр БУДБЕРГ.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 2003. 6 февраля.

На самом деле и та, и другая версии тревожные. Первая — пришел Путин, начались реформы, а темпы роста падают год от года. Значит, что-то совсем неправильно с проводимым экономическим курсом. Вторая — цены на нефть меньше всего зависят от усилий наших властей. Упадут цены — рост прекратится.

— *В данном случае истина даже не лежит посередине?*

— На самом деле обе версии имеют некоторое отношение к действительности. Стабилизация политического режима и экономические реформы крайне важны. Все последние 40 лет СССР и Россия зависели от цен на нефть, и они очень сильно влияли на макроэкономику. Но только этим объяснить происходящее невозможно.

— *А в чем же главная причина?*

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что Россия — совсем не уникальный случай. Вокруг нас существует приблизительно три десятка экономик, которые, как и мы, выходят из социализма. Из них более десятка — страны СНГ, которые особенно нам близки. И если посмотреть на проблему в целом, то мы увидим, что растут экономики всех этих стран.

А если мы оглянемся назад, то увидим, что все экономики стран СНГ в 91–94-м годах падали. С 95-го по 98-й практически везде были отдельные элементы неустойчивого роста, которые часто сменялись падениями. А с 99-го растут все. Только Украина стартовала в 2000-м. Нетрудно заметить, что Путин ни в одной из этих стран к власти не приходил, реформы по российскому образцу не начинались. Азербайджан и Казахстан являются экспортерами нефти, а Украина и Таджикистан — ее импортерами. Так что существуют закономерности, общие для всех республик бывшего СССР.

— *В чем они заключаются?*

— Для того чтобы ответить на ваш вопрос, необходимо вернуться к самому термину «валовой внутренний продукт». Обычно кажется, что это понятие не содержит никакого подвоха. Но сама концепция ВВП крайне социальна. Например, существует так называемый парадокс Пигу (Пигу — известный английский экономист. — *Прим. ред.*). Он заключается в том, что если Вы разведетесь со своей женой, но она продолжит стирать Вам рубашки, то ВВП страны возрастет, а если Вы женитесь на ней снова — то упадет.

Теория ВВП разрабатывалась в начале XX в., ее авторы жили в странах с рыночной экономикой, с относительно небольшим го-

сударственным сектором, в условиях демократии. И поэтому в основе их построений лежит несколько аксиом. Они исходили из того, что если за товар или услугу кто-то платит, то этот товар или услуга имеют смысл и могут быть включены в ВВП, если за что-то никто не платит, то это не элемент валового внутреннего продукта.

Но эта аксиома совершенно не годится для экономики социалистической. Какие при социализме покупатели, какие продавцы? Там есть директивное планирование, материально-техническое снабжение, распределение ресурсов.

Помните, была история со снижением уровня Каспия? Уровень воды в Каспии зависит от целого комплекса очень сложных, малоизученных геологических процессов. Он носит циклический характер. Когда очередной цикл со снижением начался при советской власти, то начали срочно планировать переброску рек с севера и осуществили громадное строительство — перекрыли залив Кара-Богаз-Гол, чтобы уменьшить площадь испарения воды. Через некоторое время Каспий начал бурно подниматься, создавая тяжелейшую проблему для всей прикаспийской прибрежной полосы. Тогда мы начали планировать строительство канала Волга–Чограй для того, чтобы отвести часть волжских вод от Каспия, чтобы он перестал так бурно подниматься. Каждый раз при этом создавался ВВП, причем не только в строительстве, но и в создании техники, бетона, металлоконструкций, требуемых для этого строительства.

Так он создавался и тогда, когда мы выпускали танков больше, чем все остальные страны, вместе взятые. Когда мы сначала осушали подмосковные болота, а теперь собираемся их заливать, потому что горят торфяники...

— *Егор Тимурович, понятно, что при социализме и капитализме ВВП совершенно разный. Сейчас и у нас, и у соседей — рост в рыночных условиях. Чем это объяснить?*

— Грубо говоря, весь постсоциалистический переход — это процесс перехода ресурсов из тех отраслей, за продукцию которых в условиях рынка и демократии никто платить не будет, в отрасли, за продукцию которых платить будут. За один момент такой переход осуществить невозможно. Вначале резко увеличивается высвобождение ресурсов — технических и людских — из бесперспективных отраслей. Но потом в какой-то момент ресурсы, вовлекаемые в рыночный сектор экономики, превышают те, что оста-

лись не у дел. Так было в Польше, Чехословакии, Казахстане, России и везде. И уже только на это накладываются страновые условия — экспорт или импорт нефти, реальный курс национальной валюты, макроэкономические показатели...

— *То есть наш рост связан с тем, что рынок наконец окончательно победил?*

— Это связано с тем, что разруха, вызванная развалом социализма, отчасти преодолена. Такой рост в России уже был. То же самое происходило в Советском Союзе после Гражданской войны. Ведь, несмотря на все разрушения заводов и фабрик, главным фактором разрухи была дезорганизация всей системы хозяйственных связей.

В 22–23-м годах была проведена денежная реформа, восстановилась стабильность денежного обращения, и при минимальных объемах капитальных вложений начался очень бурный рост ВВП — так называемый восстановительный рост. Он идет за счет того, что вы вновь начинаете использовать те мощности, которые уже были к моменту краха предшествующего режима. Вы запускаете те же заводы, и они начинают работать.

— *Значит, у нас сейчас восстановительный рост. В чем его особенности?*

— Он всегда приходит неожиданно. Ни эксперты, ни политическая элита его в таких масштабах не ждут. В 23–24-м годах никто из экспертов Госплана не предполагал и близко тех темпов, которые были достигнуты. То же самое произошло и в 2000 г. Кто прогнозировал на 2000 г. рост ВВП 9%? Правительство предполагало, что наиболее вероятно будет падение, эксперты МВФ — рост 1,5%. И эта приятная неожиданность на самом деле неудивительна. Все методы, которые экономисты используют в прогнозировании, малоприменимы к подобным аномальным ситуациям.

Второй характерной чертой восстановительного роста, менее приятной для власти, является его затухающий характер. Да, сложились факторы: рабочие оказались на новых местах, восстановились экономические и хозяйственные связи, заработали фабрики и заводы. Скачок есть, но количество фондов, оставшихся в наследство, ограничено. И количество квалифицированной рабочей силы тоже. Сначала вводятся наиболее «легкие» предприятия, потом — фонды, требующие больших организационных усилий, потом — еще более сложные. Но в конечном счете выясняется, что все,

что можно было ввести, вы ввели. То же самое было в 27–28-м годах. Восстановительный рост совсем прекратился. У нас с каждым годом темпы тоже падают.

ДОГНАТЬ ПОРТУГАЛИЮ!

— *Выходит, для того чтобы догнать Португалию, нужно переходить к какой-то другой модели экономического роста?*

— Для того чтобы догнать Португалию, нужен рост, который базируется не на старых мощностях, а на новом капитальном строительстве, на создании новых рабочих мест и на крупных капиталовложениях. Но для этого требуется другой уровень экономических институтов.

Одно дело, когда запущенные заводы начинают приносить прибыль уже через три месяца. И совсем другое, когда надо что-то построить, поменять оборудование, привлечь специалистов. Отдача может начаться не раньше чем через 5–7 лет. Для того чтобы подвигнуть предпринимателей на это, должно быть совсем другое качество стабильности. Любой, кто идет на такой длинный проект, должен понимать, что никто не придет и не отберет его завод, что не будут вымогать безумные взятки, что судебная система в случае чего достаточно эффективно защитит права собственника.

Подводя итог, можно сказать: существует два уровня рыночных институтов. Первый — минимальный, необходимый для запуска восстановительного роста. Мы его прошли, несмотря на неэффективность налоговой системы, высокую коррупцию, плохую государственную администрацию. А вот чтобы создать рост на базе новых капитальных вложений — необходим уже другой уровень.

— *То есть главная задача нынешней власти — это продолжить структурные изменения, создать предпосылки для дальнейшего, уже устойчивого роста?*

— Да.

— *И что нужно сделать в первую очередь?*

— Предельно важно завершить налоговую реформу. Она не завершена по ряду ключевых направлений. Базовая ставка социального налога по-прежнему слишком велика. Это сдерживает легализацию доходов. Снижение социального налога, отмена налога с продаж, упрощение и снижение НДС — простые меры, которые быстро дадут эффект.

Но в рамках налоговой системы тоже есть предел. Можно добиться того, чтобы при гораздо меньших налогах государство получало те же деньги, что при высоких. Но рано или поздно все равно «упреться» в проблему понижения расходов. Институт наш этим довольно долго занимался, готовил подробные предложения.

— *Как же Вы предлагаете сокращать расходы?*

— По логике государство, которое содержится на деньги налогоплательщиков, оказывает этим налогоплательщикам услуги: охраняет границы, удовлетворяет культурные потребности, следит за безопасностью. И тогда налоги расходуются на какие-то конкретные услуги, предоставляемые обществу. У нас все по-другому. Многие организации получают деньги из бюджета только потому, что были созданы при советской власти и с тех пор находятся в бюджетной сфере.

— *Например?*

— Гуманитарные институты Академии наук. Одна часть из них прекрасно работает и выполняет крайне полезные для общества функции, другая работает слабо или не работает вообще. Мы как общество им платим не потому, что заказали какие-то работы, не потому, что считаем, что должны быть профинансированы те или иные фундаментальные исследования, сохранены уникальные научные школы. Мы просто платим. Они могут вообще ничего не делать, но они в бюджетной сфере.

Есть куча бюджетных вузов. Часть из них пользуется огромной популярностью, они конкурентоспособны в мире, а есть откровенно слабые. И мы платим им не за то, что они учат студентов, которых мы попросили их учить, а по «привычке».

— *А что надо срочно сделать кроме экономии расходов?*

— Разумеется, нужна банковская реформа. Для устойчивого роста необходимо нормально работающее финансовое посредничество. Иначе у вас прибыли будут вкладываться только в нефтедобычу и те отрасли, которые для этой нефтедобычи необходимы. Для банковской реформы прежде всего следует создать нормальную систему страхования вкладов, при котором негосударственные банки смогут конкурировать со Сбербанком. Нужна большая прозрачность всей банковской системы.

Важнейшее направление — реформа естественных монополий. Это очень большой сектор нашей экономики, в котором ресурсы

расходуются неэффективно и непрозрачно, и не будут расходоваться по-другому до тех пор, пока мы не создадим базу для того, чтобы там была конкуренция. Ведь сколько ни контролируй уровень сдержек и противовесов, когда речь идет о сложных системах, воровство этим не изживешь.

ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА?

— *То, что Вы перечислили, будет сделано или это практически не реально при нынешнем раскладе сил?*

— Риски есть. Все эти действия сложны, конфликтны, требуют времени, усилий. У руководителей страны может возникнуть усталость: вот мы всякие реформы проводим, а рост падает. Может быть, нужно что-то быстренько сделать, денежек поднапечатать, создать свободные экономические зоны, предоставить налоговые льготы для того, чтобы подстегнуть экономический рост?

Чем больше затухают темпы восстановительного роста, тем больше я слышу в СМИ, в выступлениях некоторых специалистов эти нотки: меняйте что-нибудь радикально, время уходит...

— *А как Вы оцениваете деятельность правительства Касьянова, считаете ли Вы его «достаточно амбициозным»?*

— Мне нравится, что правительство «неамбициозно» в отношении темпов экономического роста. Россия выходит из десятилетия спада, и ни один добросовестный специалист не скажет Вам, какой темп роста будет правильным и нормальным. Лет через десять — пожалуйста. А пока ситуация находится в развитии, лучше быть осторожным. Ведь за предполагаемое счастье, которое может наступить для всех и немедленно, будет расплачиваться вся страна.

Другое дело, когда речь идет о продолжении структурных реформ. В 2000–2001 гг. правительство сделало очень много умных и полезных вещей. Я даже не ожидал, что так блестяще будут отработаны путинские «сто дней», что правительство сумеет так быстро организовать, не утонуть в согласованиях и показать такую эффективность. Я думаю, за эти два года оно сделало почти максимум возможного. Но с 2002 г. реформаторские усилия явно ослабевают.

— *Не кажется ли Вам, что ключевым препятствием для развития экономических институтов в России потихоньку становится*

ся крупный капитал? В свое время он больше других выиграл от реформ и теперь вовсе не собирается терять эксклюзивные позиции ради «общественного блага». И в этом смысле эпоха Ельцина не так сильно отличается от эпохи Путина — во всяком случае аукцион по «Славнефти»¹ вроде бы это доказывает.

— На самом деле Ельцин и Путин — это люди разных этапов развития России. Ельцин — это лидер революции, которая привела к крушению старого режима. Путин — человек эпохи постреволюционной стабилизации, когда общество устало от всего бардака, хаоса, от перемен, когда оно хочет порядка, законов, функционирующего правительства. Это было заложено в его предвыборную программу, благодаря этому он выиграл.

Теперь крупный бизнес и власть. За последнее время их отношения изменились. Скажем, в 98-м году крупный бизнес в России реально был истинным правительством. Сейчас этого нет. Но при этом крупный бизнес сохранился как огромная экономическая, финансовая и очень серьезная политическая сила. Поменялась его роль: он перестал себя демонстрировать, но продолжает очень последовательно отстаивать свои интересы. Иногда это не так плохо. Часто интересы крупного бизнеса и интересы России совпадают.

Но при этом крупный капитал создает экономику крупных конгломератов, которые всегда уязвимы, неустойчивы. Поэтому стратегическая задача — добиться того, чтобы крупные предприятия развивались, но рост экономики все в большей степени не был связан только с ними. И важно, чтобы они играли по прозрачным правилам и власть не была марионеткой в руках крупного бизнеса. Эта задача, без всякого сомнения, не решена. Аукцион по «Славнефти», на мой взгляд, серьезный удар по инвестициям в России.

— Вы говорите о прозрачных правилах и самостоятельности власти. Но как этого добиться?

— Это все-таки вопрос политической воли. Коррупция в российском чиновничестве всегда была вещью устойчивой. А раз так, значит, выстраивая свои системы, мы должны ориентироваться всегда

на простые и прозрачные механизмы. Пример: в 2001 г. в России остро встала проблема налогообложения природных ресурсов. Очень квалифицированные люди предлагали ввести систему, где есть шесть коэффициентов, в зависимости от которых меняется налоговое обязательство от тонны нефти. Можно привести набор аргументов, почему их предложения разумны, и только один — против: эти коэффициенты можно купить за деньги.

В итоге мы ввели неидеальную, имеющую массу уязвимых мест, но простую, как полено, систему и получили хорошие налоговые результаты.

— Могут ли сейчас возникнуть политические силы, которые будут требовать всестороннего экономического развития России? Вы сами говорили, что «Единая Россия» — это партия российской бюрократии. Но бюрократии всегда легко договориться с крупным бизнесом.

— Угрозы существуют. Наше общество политически незрелое. В 91-м году оно было в малой степени готово к рыночной демократической модели. Фундаментальная проблема в том, что старый режим развалился, а базы хорошо функционирующей, ответственной демократии не было и быть не могло.

Реакция власти на слабость демократических организаций — это уход в сторону «управляемой демократии». Пусть будут и партии, и фракции, и парламент будет, и даже оппозиция. Только никакого влияния это ни на что не оказывает. Так было в истории неоднократно. Скажем, Италия после войны и до конца 80-х годов прошлого века — типичный пример. Вроде все есть, но только политическая элита одна и та же, как бы ни складывались результаты выборов. Такие системы очень опасны тем, что никто не будет ответственно вести себя на выборах, которые ни на что не влияют. И такие системы всегда связаны с широким распространением коррупции.

— Как из этого можно выбраться?

— Только усилением альтернатив. Кто больше всего реально заинтересован в том, чтобы влияние партии бюрократии было ограничено? Малый и средний бизнес, независимое сословие, люди свободных профессий, не работающие на государство. Крупный бизнес всегда договорится с бюрократией. А для малого бизнеса выход на рынок — колоссальная проблема. К сожалению, до сих пор эти политические слои довольно плохо организованы и достаточно

¹ Состоявшийся в декабре 2002 г. аукцион по продаже госпакета (75%) крупной нефтегазовой компании «Славнефть» вызвал бурные дискуссии в деловом сообществе, обвинения в «имитации» аукциона, поскольку не все заявки были приняты, в ущерб государству из-за заниженной в результате этого цены продажи и т. д. — Прим. ред.

пассивны. Я надеюсь, что их доля в обществе будет расти и что СПС в первую очередь должен быть представителем этих интересов.

— Раз Вы заговорили о СПС, не кажется ли Вам, что нынче он пребывает в разброде и шатаниях? Правой идеологии так и не создано.

— Я хорошо знаю правоцентристские партии. Я вице-президент Международного демократического союза, который их объединяет. Мне кажется, что на современном фоне жестко идеологизированные партии с очень четкой идеологической конструкцией малоэффективны.

Скажем, Демократическая партия США — это же своеобразнейшее сочетание людей, которые по очень многим важнейшим вопросам занимают разные позиции. Тем не менее в целом Вы довольно хорошо поймете, какой класс людей эта партия представляет, за что в целом выступает.

Я думаю, мы должны быть объединены вокруг важнейших для России проблем, которые мы предлагаем решить определенным образом. А дальше можно сколько угодно спорить о массе других вопросов — может существовать масса разных мнений. Только так мы сможем выстроить эффективную правоцентристскую партию. А через 10 лет мы должны превратиться в партию, которая будет опираться на поддержку десятков и десятков тысяч средних и мелких предпринимателей.

Е. Гайдар: У нас больше всего не прощают тем, кому многим обязаны

Выбор Ельцина

Егора Гайдара роднит с Владимиром Путиным одно обстоятельство: и того, и другого на ключевую для российской политики роль выбрал Борис Ельцин. Только в 1991-м Ельцин считал, что стране нужен экономист, рыночник, либерал с четко выраженными политическими симпатиями, а в 2000-м — полковник КГБ, государственный без очевидных политических пристрастий.

— Что, по-Вашему, изменилось — Ельцин или Россия?

— Прав или нет был президент в 91-м, пусть оценивают другие. А в 99-м он в выборе своего потенциального преемника был точен. Это я должен признать как человек, который с этим выбором был категорически не согласен.

— Вы тоже?

— Почему тоже?

— Анатолий Чубайс в интервью, опубликованном под этой рубрикой, признался, что был против этого выбора. Значит, сопротивление ельцинскому решению в кругу близких ему политиков было серьезным. Вы пытались переубедить его?

— Да, потому что считал, что Ельцин совершает политическую ошибку. Сергей Степашин, который только что был назначен премьером, на мой взгляд, неплохо вел политическую линию, у него были серьезные шансы успешно противостоять на выборах людям, крайне опасным, по моему убеждению, для будущего России.

— Кому именно?

Интервью брала Людмила ТЕЛЕНЬ.

Опубликовано в: Московские новости. 2003. 3 апреля.

— Я имел в виду любого из тандема Примаков — Лужков. Зачем в такой сложной ситуации по непонятным мотивам менять успешного премьера? Причем на человека, который не пробовал себя в роли публичного политика. Я полагал, что это решение продемонстрирует панику власти, подстегнет переход колеблющейся политической элиты на сторону победителей.

— *Примакова и Лужкова?*

— Да, как мне казалось.

— *Ельцин не воспринял Ваши аргументы. И получается, правильно сделал?*

— Я потом говорил на эту тему с Борисом Николаевичем и сказал ему, что был не прав.

— *Но почему все-таки Путин? Кроме Степашина в ряду возможных преемников могли быть Немцов, Явлинский, Николай Федоров, мало ли более ярких политиков...*

— Сегодня это бессмысленно обсуждать. Выбрал бы Ельцин Николая Федорова, мы пытались бы понять, почему именно его. Важнее другое. В тот момент подавляющая часть элиты не верила в способность Ельцина передать власть кому бы то ни было. Считалось, что игра уже сыграна, и сыграна без него. Тогда это задавало всю тональность обсуждений о будущем президенте России. И тот факт, что Ельцин сумел переломить ситуацию, заставил считаться со своим выбором, крайне важен.

— *Нельзя ли было переломить ситуацию, предложив какую-то другую кандидатуру?*

— На этот вопрос сегодня всерьез никто не ответит.

— *В 1991-м все знали, что назначение Гайдара — личный выбор Ельцина. В случае с Путиным возникли сомнения.*

— Это лучше комментировать самому Борису Николаевичу. Моя гипотеза: это был личный выбор президента.

— *Сегодня понятно, чем он был продиктован?*

— Да. Общество устало от бурь, ему требовалась передышка.

— *Буря — это начатые Вами реформы?*

— В том числе. В конце прошлого века мы в России пережили вторую большую революцию. Удалось обойтись без крови, но это все-таки была реальная революция со всеми ее издержками. Российская интеллигенция почему-то всегда относилась к революциям романтически...

— *И Вы?*

— Я нет. Для меня революция — это беда.

— *При том, что Вы были одним из центральных ее персонажей?*

— Знаю. Но это не значит, что мне это нравилось. Для меня это было тяжелое испытание. Я представлял себе логику революции, понимал, что в ее условиях любое правительство обречено быть слабым.

— *Это не попытка найти оправдание тому, что не получилось?*

— Революционное правительство слабо не потому, что таковы лидеры. Разве Кромвель был слабым политиком? А денег на жалованье для своей армии найти не мог. Не менее сильными были Робеспьер, Ленин и Ельцин, конечно. Но их правительства не могли собрать налоги, не платили зарплат...

— *В чем главная причина?*

— За революционными правительствами не стоит традиция. Они не могут управлять страной так, как управляли за 50, за 10 лет, даже за один год до них. Оказавшись в ситуации начала 90-х, мы были вынуждены управлять так, как до нас никто никогда не управлял. И все имели право спросить: «Какого черта ты делаешь в этом кабинете? Почему ты отдаешь такие приказы?».

— *Осенью 1992-го Ельцин сказал: «Я Гайдара не отдам». Той же осенью под давлением Съезда народных депутатов России согласился на его отставку, предложив в качестве нового премьера Виктора Черномырдина. Вы не романтизируете Ельцина?*

— У нас длинная история отношений. Я его поддерживал, резко критиковал, опять поддерживал... Убежден, что лет через 10 его роль в российской истории будет оценена выше, чем ее оценивают сегодня.

— *В 1996-м тем не менее именно Вы обратились к нему с призывом отказаться от участия в президентских выборах. Был момент разочарования?*

— Я не считал, что Ельцин будет плохим президентом.

— *Тогда почему?*

— Был убежден, что его невозможно переизбрать на новый срок. У меня было много аргументов в пользу этого тезиса, от социологических опросов до опыта Восточной Европы. С рациональной точки зрения это казалось очевидным.

— *Не всем. Тот же Чубайс, например, полагал, что Ельцин должен участвовать в гонке.*

— Думаю, Анатолий Борисович тоже скептически оценивал перспективы Бориса Николаевича. Просто я полагал, что, раз задача неразрешима, ее не надо решать. А он считал, что все равно надо. И, кстати, решил.

— Тогда возникли первые разговоры о том, что за Ельцина все решает его окружение.

— Без Ельцина ни Чубайс, ни олигархи, которых он объединил, ничего бы не смогли сделать.

— Кого Вы видели на месте Ельцина?

— Уязвимость моей позиции была и в том, что я не сумел предложить убедительного альтернативного кандидата. Тем не менее до конца февраля я пытался найти такого и не верил в переизбрание Ельцина.

— На Ваш призыв Борис Ельцин ответил письмом. Тогда Вы отказались комментировать его, сославшись на то, что письмо личное. А сейчас?

— Это была вполне корректная переписка. Он изложил мне свои доводы в пользу участия в выборах, объяснил, почему не считает возможным от этого отказаться. Письмо до сих пор хранится у меня.

— Письмо собственноручно написано Ельциным?

— У меня отвратительный почерк, поэтому я никогда не пишу писем сам, я их диктую. У Бориса Николаевича почерк лучше, но он тоже диктует. Так было и тогда.

— Он простил Вас?

— У нас до сих пор сохраняются хорошие отношения.

— Вы говорили, что резко критиковали Ельцина. Как мне кажется, особой резкости не было. Даже в моменты принципиальных расхождений. Ваша политическая биография диктует Вам определенные этические ограничения?

— Естественно.

— Какие именно?

— Их трудно сформулировать в виде простых тезисов вроде 10 заповедей.

— Ельцин ушел под давлением обстоятельств или созрел для этого решения?

— Общество рано или поздно должно было устать от революции, оно и устало. Требовалась власть, которая сумеет навести порядок. Ельцин это понял в 1999-м.

— И посчитал, что с этой задачей справится Путин? Почему?

— Он почувствовал, что Путин — тот человек, который готов продемонстрировать волю и обеспечить стабильность власти.

— Почувствовал? Это неслучайное слово?

— У Ельцина всегда было внутреннее понимание российской политики. Не рациональное, а интуитивное. Это особый инстинкт, который нельзя вписать ни в какие политтехнологии.

— Может быть, просто инстинкт самосохранения?

— Это политический инстинкт. Я часто не соглашался с ним, а потом оказывалось, что вопреки всякой логике Ельцин был прав.

Гайдар в отличие от Ельцина следовал логике. Одного этого достаточно, чтобы никогда не стать президентом России.

ВЫБОР ГАЙДАРА

Вслед за Гайдаром из правительства намеревалась уйти вся команда. Но он попросил их остаться. Они остались. Некоторые надолго.

— Вы утверждали, что подбирали свою команду, я цитирую, «не только по одинаковому пониманию логики макроэкономических реформ», но и по личной порядочности. Не все, кажется, оправдали Ваши ожидания.

— Не все, но многие. У меня были ошибки из-за наивности, присущей интеллигентскому сознанию 90-х.

— Что Вы имеете в виду?

— Считалось, если человек умный, образованный, талантливый, то само собой разумеется, что он при этом и честный. В большинстве случаев, кстати, так и бывает, но не всегда.

— Были люди, с которыми Вам по этой причине пришлось порвать отношения?

— Да.

— Из Вашей команды?

— В том числе.

— Это было болезненно для Вас?

— Крайне. Но посмотрите, было десятка три тех, кто определял в начале 90-х экономическую политику России. Большей части этих людей я и сегодня с удовольствием пожму руку.

— *Вспомните и других, замешанных в громких коррупционных скандалах.*

— Если взять 50 крупнейших скандалов такого рода и посмотреть на их участников, то людей из нашей команды, даже в широком смысле, там окажется очень немного.

— *Попробуйте объяснить это обывателю.*

— Зачем? Мы начали реформу и тем самым приняли на себя ответственность. После этого любое воровство какого-нибудь проходимца, возглавлявшего, к примеру, рыбную отрасль, будут связывать с антинародным курсом Гайдара — Чубайса.

— *Насколько Вас задевают разговоры о том, что Гайдар и его команда разграбили Россию?*

— Не задевают. Помните, как Шурик в «Кавказской пленнице» спрашивает: «А церковь тоже я разрушил?».

— *Ему отвечают: «Нет, ее разрушили до Вас, в XIV в.».*

— К тому времени, как я возглавил правительство, я точно знал, что Россию разграбили до меня. Если бы тогда резервы Госбанка СССР, как сегодня резервы ЦБ России, составляли 52 млрд долл., коммунисты никогда не отдали бы власть. Они ее отдали, потому что резервы составляли ноль. Они не знали, чем платить долги и как кормить людей. У меня есть глубокое убеждение: то, что мы делали, было правильно. Я понимаю логику своих политических противников, которые хотят взвалить на меня их ответственность, но не могу по этому поводу переживать.

— *А как к разговорам об антинародном правительстве Гайдара — Чубайса относятся Ваши дети?*

— Все по-разному, у меня много детей.

— *Они не обсуждали с Вами эту тему?*

— Нет.

— *Как Вы думаете, почему?*

— Она для них травматична.

Гайдару было 35, когда он достиг вершины российской политики, и 36, когда он ее оставил. С тех пор он занимает особую нишу. Возглавив избирательный блок «Выбор России», а позже став сопредседателем «Союза правых сил», он единственный из партийных лидеров ни при каких обстоятельствах не может рассчитывать на место президента. И на место премьера не может. У него должность — Гайдар, и совместительство тут невозможно.

— *В 1991-м Вы говорили, что в любой момент готовы уйти из политики и вернуться в науку. Момент так и не наступил?*

— Отчасти я это сделал.

— *Но не порвали с политикой. Это наркотик?*

— Всего лишь важный инструмент реализации того, над чем работает наш институт. То, что я авторитетный член Бюджетного комитета Думы, увеличивает эффективность работы нашего института. Именно поэтому я после долгих колебаний согласился стать депутатом в 99-м.

— *Тогда же, в 1991-м, Вы надеялись, что никогда не придется заниматься политиканством. Но, похоже, пришлось.*

— Не очень. Я занимался публичной политикой до тех пор, пока это было неизбежно, и ушел из нее, когда это стало возможно.

— *Почему?*

— Не хочу ею заниматься. Своих политических друзей и единомышленников поддерживать готов, но не считаю это призванием жизни.

— *Политиканство — атрибут не только публичной, но и теневой политики. А ею Вы занимаетесь. Значит, обязаны вникать, как Волошин относится к Иванову, Иванов к Суркову и далее по списку...*

— Меня это не волнует.

— *Периодически объявляют, что в окружении президента обостряется борьба между силовиками и либералами. И это не волнует?*

— Не люблю обсуждать вещи, в которых не являюсь экспертом. В вопросах валютного курса я таковым себя считаю. А кто кого подсиживает в Кремле — нет. У меня есть определенная сфера деятельности — формирование экономической политики и проведение структурных реформ.

— *Но в этой сфере точно так же имеет значение взаимодействие конкретных персонажей, в том числе неформальное.*

— Да, и я знаю, кто с кем в каких отношениях в Министерстве финансов, в Центробанке, в аппарате правительства. Знаю, что надо сделать, чтобы провести то решение, которое мне кажется разумным, и что, наоборот, сделать для того, чтобы не допустить решения, которое мне кажется рискованным.

— *И есть определенные рычаги давления?*

— Чаще всего простейший — убеждение. С помощью цифр, аргументов, законопроектов...

— *И Вы не берете в расчет взаимоотношения между разными группировками?*

— Беру. Если тебя интересуют не декларации, а практическое проведение реформ, приходится принимать в расчет множество факторов, которые влияют на принятие решений. Хотите пример?

— *Хочу.*

— Я довольно активно участвую в борьбе за военную реформу и переход к контрактной армии. Знаете, что существенно влияет на позицию чиновников?

— *Есть ли у них в семье мальчики?*

— Точно.

— *Вы взяли в качестве примера невинный фактор. Но в основном на принятие решений влияют другие: возможности того или иного лобби, интересы конкретной финансово-промышленной группы.*

— Согласен. Но я никогда не отстаивал подобные интересы, поэтому могу себе позволить не брать их в расчет.

— *Вообще?*

— Если за тем или иным решением стоят интересы крупной отрасли, конечно, приходится их учитывать. Но это элемент политического процесса.

— *Допустим, Вы пробивали решение о введении 13%-ного подоходного налога. На какие компромиссы пришлось пойти?*

— Они, к счастью, оказались полезными.

— *Не хотите говорить?*

— Моя способность проводить те или иные решения уменьшится, если я стану публично обсуждать детали тех или иных компромиссов.

Все правильно: выживший камикадзе должен быть осторожен.

В 1993-м Егор Гайдар пошел на думские выборы, возглавив «Выбор России», и привел его к победе. 15,8% голосов — таких результатов у правых в новой России ни до, ни после не было. В 1999-м они, объединив несколько движений, набрали всего лишь 8,6%. На выборах 2003-го им обещают меньше пяти.

— *«Союз правых сил» — партия крупного капитала?*

— Да, сегодня это правда. Хотя мне бы очень хотелось надеяться, что эта ситуация изменится.

— *Почему?*

— Пока только крупный капитал понял, в чем его долгосрочный политический интерес. Наша задача — вовлечь в политический процесс тех, кто традиционно голосует за правоцентристские партии. Это люди свободных профессий, малый и средний бизнес. Мы и их вовлечем, просто этой категории избирателей, для того чтобы осознать свой интерес, нужно больше времени.

— *И Вы не испытываете сложностей в отношениях с отечественными олигархами? Публика весьма специфическая...*

— Наши отношения с крупным российским капиталом Борис Немцов выстроил грамотно. Например, один из принципов: мы никогда не ввязываемся в их разборки, никогда не лоббируем конкретные интересы.

— *Какой же тогда им от Вас прок?*

— Мы отстаиваем принципы, которые полезны для России и поэтому для российского бизнеса. К примеру, то, что мы сделали в области налоговой реформы, увеличило капитализацию российских нефтяных компаний на энное количество миллиардов долларов. К счастью, их руководство это хорошо понимает.

— *Поэтому одна из них финансирует «Яблоко»?*

— Эти люди никогда не кладут яйца в одну корзину.

— *Как Вы сами относитесь к богатству?*

— Я знаю, что богатство само по себе еще не счастье. Я занимаюсь крайне интересной работой и никогда не променял бы ее на большое состояние. Есть люди, которым важно иметь много денег, некоторые из них честно заработали свои капиталы. Для меня деньги не главное.

— *Правительство Гайдара состояло из старших, а то и младших научных сотрудников, равных по материальному уровню. Это быстро изменилось.*

— У кого-то появились серьезные состояния, у большинства — нет.

— *Это сказывается на отношениях?*

— Сказывалось бы, если бы у меня были комплексы. У меня их нет.

— *Вы принципиально не пошли в бизнес?*

— Я не мог себе этого позволить.

— *Не могли?*

— Даже если все свои деньги от занятия бизнесом я заработал бы честным трудом и заплатил бы с них все налоги, Гайдар, заработавший десятки миллионов, всегда был бы укором демократии.

— Для Вас было важно, каким Вы останетесь в истории?

— Для меня было важно, как я сам себя буду чувствовать и как себя будут чувствовать мои дети.

— Считается, что в СПС есть два крыла: пропутинское — Вы и Чубайс, и оппозиционное — Немцов и Хакамада.

— СПС — демократическая партия, и у нас идут внутренние дискуссии по принципиальным вопросам, в том числе по отношению к президенту Путину. Позиция каждого из нас имеет определенные нюансы, плюс поправка на темперамент. Но по сути мы едины. Когда позиция Путина соответствует нашим программным установкам, мы ее поддерживаем. Когда нет, не поддерживаем.

С 1996 г. Егор Гайдар участвовал в попытках объединить своих политических единомышленников с партией Явлинского. Эти попытки ни разу не привели к усилению правого фланга. Чаще наоборот. Как произошло в начале этого года. Тогда предложили «Яблоку» единый список на парламентских выборах с первой тройкой Немцов — Явлинский — Хакамада. А также единого кандидата на президентских — Явлинского. При этом утверждалось, что Гайдар и Чубайс готовы уйти из сопредседателей.

— Вы действительно были готовы на такую жертву?

— Эта тема не обсуждалась.

— То есть Вы не были готовы ее обсуждать?

— Я был бы готов, но она не обсуждалась.

— План объединения тоже?

— План обсуждался. Немцов по нашему общему согласию вел консультации с Явлинским начиная с 2000 г. Тогда «Яблоко» провалилось на выборах и большая часть депутатов этой фракции выступала за объединение. Я понимал, что у нас с «Яблоком» разная история, разные избиратели, но создание единой правоцентристской партии было бы серьезным и позитивным событием для России. Поэтому мы должны сделать все возможное для этого. Помните, что говорилось в клятве арагонских королей? «Мы, бароны Арагона, которые сильнее тебя, поставили тебя королем над нами. Если нет, то нет». Я считаю, что мы должны дойти до точки, когда можно будет сказать: если нет, то нет.

— У Вас с Явлинским тяжелые отношения. Так сложилось или есть какое-то более конкретное объяснение?

— У нас нормальные личные отношения. Мы с ним знакомы с осени 88-го, в неформальной обстановке спокойно общаемся. Другое дело, что у нас есть собственная история, есть логика интересов тех партий, в которых мы состоим, и это определяет наши политические отношения.

...А ведь могли бы жить как люди.

ВЫБОР РОССИИ

Выбор, сделанный Борисом Ельциным в 99-м, в отличие от его же выбора 91-го, Россия дружно одобрила. На этот раз у нее была возможность сделать это формально, на выборах. В 2000-м Владимир Путин победил в первом туре и с тех пор регулярно прибавляет проценты к своему рейтингу. Что бы ни сделал. И что бы не сделал.

— Как складываются Ваши личные отношения с президентом Путиным?

— Мы знакомы с 1991 г. Отношения, естественно, менялись в зависимости от нашего служебного положения.

— Насколько, на Ваш взгляд, Путин связан обязательствами перед теми людьми, которые привели его к власти?

— Я в это не верю.

— Есть аргументы?

— Я не верю, что политический процесс в России может быть так устроен. У нас больше всего не прощают тем, кому многим обязаны.

— Вы считаете, что интуиция подсказала Ельцину не диктовать преемнику своих условий?

— Я этого не знаю. Но знаю, что человек, который тебя облагодетельствовал, как правило, вызывает сложные чувства. Есть исключения, но они не универсальны.

— Ваше отношение к Ельцину — исключение? Он ведь Вас в политическом смысле облагодетельствовал?

— Если бы ситуация, в которой оказалась Россия в ноябре 91-го, была лучше, я бы ответил: да. Но она была очень рискованна. Поэ-

тому я скажу: нет, я не считаю, что Ельцин меня облагодетельствовал. Хотя я благодарен ему за то, что он позвал меня и мою команду, помог нам предотвратить катастрофу в стране. Для меня это важно, потому что это моя страна. Хотя слово «благодарен» здесь, кажется, не очень уместно.

— *Насколько то, ради чего Вы начинали реформы, соответствует тому, что делает сегодня Путин?*

— Что-то да, что-то нет. Я рад тому, как он выстраивает внешне-политическую линию. Мало кто в 1999 г. мог предполагать, что она окажется такой. Он сформировал достаточно удачную экономическую команду, которая сделала много полезного. У него есть особенности, связанные с его предшествующей службой. Иногда они приводят к ошибочным решениям.

— *Можете привести пример?*

— От гимна до миграционной политики или линии по отношению к средствам массовой информации. Мне кажется, что при разумном намерении навести порядок в России он недооценивает риск бюрократизации. Восстановление порядка может превратиться — и уже превращается — во всевластие чиновника, которое не уравнивает ни гражданское общество, ни реальный федерализм, ни свобода слова... Капитализм без демократии в России — реальная угроза.

— *И мы к нему быстро идем.*

— *Согласен.*

— *Это не достаточный повод, чтобы СПС перешел в оппозицию?*

— Это терминология парламентской республики. Что это означает в президентской?

— *Ну, хотя бы то, что Вы не будете призывать голосовать за кандидата в президенты Путина.*

— Это другой вопрос. Он не имеет отношения к тому, что называется переходом в оппозицию. Перед выборами мы обсудим и решим, кого поддерживать. Это будет на съезде СПС в начале 2004 г.

— *Тогда вернемся к планам объединения с «Яблоком». Вы действительно готовы были поддержать кандидата в президенты Явлинского?*

— Это был элемент переговоров. Если бы цена за объединение СПС и «Яблока» была такой, я считал бы, что надо заплатить эту цену.

— *Вы призвали бы избирателей голосовать за лидера «Яблока»?*

— У нас по Уставу, который был принят под моим влиянием, член партии имеет право не выполнять решения партии, если это не наносит ей ущерб.

— *Если бы Вы сегодня решали вопрос о том, поддерживать ли кандидата в президенты Путина, что перевесило бы — плюсы его политики или минусы?*

— Я этот вопрос сегодня не решаю. Путин сделал много полезного. Я хотел бы, чтобы полезного было больше, а рискованного для страны — меньше. Но я буду принимать решение исходя не из представлений об идеальном мире, а оценивая то, какие будут альтернативы. Если мне предложат кандидатуру политика, который сможет сделать меньше ошибок и принести больше пользы, я поддержу его.

— *Вы в состоянии выдвинуть собственную кандидатуру?*

— Мы решим это в январе 2004 г.

— *Вы влиятельный политик по отношению к президенту Путину?*

— Какое-то влияние есть.

— *Вы часто с ним встречаетесь?*

— Когда это нужно.

— *А с президентом Ельциным?*

— Конечно. Совсем недавно мы с женой были у него в гостях и с удовольствием пообщались.

— *Его взгляд на то, что делает его преемник, оптимистический?*

— Он критичен по отношению к происходящему. Более критичен, чем я.

Опять интуиция?

Элита не хочет реформ!

Потому что ей в нынешней России и так хорошо
живется. А преобразования всегда риск —
можно оказаться на обочине

Чтобы узнать страну изнутри, Гайдар даже спускался с диггерами под землю.

У РЕФОРМАТОРОВ НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВЫХ ГЛАЗ!

— *Егор Тимурович, Вы автор самого шумевшего за последний год доклада о том, что происходит в российской экономике. К выборам готовитесь?*

— Это связано не столько с выборами, сколько с выбором курса. В последнее время экономико-политическая элита стала уставать от структурных реформ, проводимых правительством. Тяжелых, не всегда популярных, не дающих быстрых результатов, но очень важных для перспективы страны.

— *А народ разве не устал?*

— Если структурные реформы проводить грамотно, не доводя до революции, народ выигрывает, как выиграл от плоского подоходного налога, реформы налогообложения природных ресурсов, резко увеличившей доходы бюджета от нефтяного сектора. Народ выигрывает от реформы судебной системы, введения судов присяжных. Это трудная работа. Почти все происходит под ковром. Нужно договариваться, устранять противоречия министерств, групп влияния, фракций. Реформы есть, а счастья нет. А тебя тычут носом: столько дали ресурсов политической поддержки. Не помню у российских реформаторов счастливых глаз. Каждый раз тот, кто проводит такие реформы, вступает в борьбу, но не с народом.

Интервью брали Николай ЕФИМОВИЧ, Андрей СЕДОВ.
Опубликовано в: Комсомольская правда. 2003. 22 апреля.

— *А с кем же?*

— С лоббистскими структурами. Чтобы провести судебную реформу, нужно противостоять давлению силовых структур, прокуратуры. Чтобы ввести 13%-ный подоходный налог, пришлось отменить много льгот, наступить на интересы страховщиков и банкиров, через которых шли зарплатные схемы. В России большая часть банков — это не банки, а конторы по отмыванию денег или уклонению от уплаты налогов. Начиная банковскую реформу, Центробанк должен отбирать лицензии, инициировать процедуру банкротства. А за банками порой стоят люди, с которыми не всем хочется вступать в конфликт.

Если Вы думаете, что все нефтяники счастливы, что стали платить больше налогов, это не так. Если Вы считаете, что это мало-влиятельная группа, тоже неверно. Каждая структурная реформа — это конфликт с группами элит и интересов.

В НЫНЕШНЕМ РОСТЕ НЕТ ЗАСЛУГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

— *Не зря, значит, в народе говорят: паны дерутся, а у холопов чубы трещат.*

— Есть жупел, которым пугают: реформа — это когда у народа что-то отбирают. На деле структурные реформы сегодня — это работа на благосостояние, экономический рост, ограничение масштаба разворовывания госсредств. Представьте, что Вы все время наступайте на мозоль то генералам, то судьям, то банкирам, то страховщикам, то нефтяникам. А можете сказать, что наступило полное счастье? Нет. Есть экономический рост. Но восстановительный по своей природе. Его еще предстоит сделать устойчивым. Иначе он скатится к нулю.

— *Вы многих удивили, категорично заявив, что нынешний экономический рост не связан ни с приходом Путина, ни с усилиями правительства, ни с самими реформами.*

— Да, правильно. Рост действительно появился сам, без реформ 2000–2002 гг.

— *Тогда зачем народу морочить голову этими реформами, если правительство ни при чем?*

— Чтобы этот экономический рост был устойчивым и через пять, десять лет. Структурные реформы редко дают отдачу ранее, чем

спустя десятилетие. Нынешний рост — результат реформ начала 90-х. Но резервы восстановительного роста безграничны. Здесь и возникает выбор: продолжать дальше этот тяжелый, конфликтный процесс или придумать что-нибудь популярное, чтобы жизнь улучшилась в считанные дни.

— *А есть такой рецепт?*

— Если взять кредит 20 млрд долл. у Центробанка, вложить деньги в оборонный заказ на простаивающих заводах или начать поворот сибирских рек, появится быстрый рост ВВП. Он будет неустойчивый — ракеты на хлеб не намажешь и поворотом рек сыт не будешь. Но быстро переваривать деньги, обеспечивающие финансовую стабильность страны, будет нетрудно.

— *И есть такие примеры?*

— Альенде в Чили провел эксперимент по сходной схеме. В 1971 г. все были в восторге от успехов. А через полтора года — рост цен, исчезновение товаров из магазинов, падение валютных резервов. К 1973 г. экономическая катастрофа в Чили стала очевидной реальностью. Лет семь потребовалось на исправление последствий авантюры.

— *России подобная перспектива не грозит?*

— Не думаю. Но вижу, что значительная часть элиты в канун выборов будет к этому подталкивать.

— *Но она и так живет припеваючи. В Москве дорогие рестораны и бутики растут как грибы.*

— Поэтому элита и хочет сохранить свое положение. Реформы — риск. Кто-то останется, но останусь ли я? Вот какой вопрос мучает ее.

— *Есть другая часть страны, которой не до бутиков с «мерседесами». И это процентов 40–50. Она тоже устала — от обещаний власти улучшить жизнь. Не может ли их противостояние с зажравшимися привести к социальным бунтам?*

— Как правило, революции в истории происходили не в период экономических бедствий, а на фоне возникновения проблем после успешного роста.

— *Намекаете на нынешнюю ситуацию в России?*

— Не верю в серьезные беспорядки в сегодняшней России. Общество только вышло из тяжелого кризиса. Не вижу даже признаков революционной ситуации. Но политическая элита не должна

себя успокаивать, что все само собой решится. Пропасть между богатыми и бедными большая. Игнорировать социальные проблемы опасно. Не завтра, а годы спустя они могут дорого стоить стране.

ХВАТИТ ФИНАНСИРОВАТЬ БОГАТЫЕ СТРАНЫ!

— *Правительство Касьянова постоянно обвиняют в отсутствии амбициозных планов по экономическому росту. Вы же, наоборот, говорите, что принуждение его к амбициозности опасно.*

— Самый простой способ подстегнуть рост — маневры с макроэкономикой. Четвертый год цены на нефть существенно выше среднегодовых за 90-е годы. Есть деньги, валютные резервы. Почему бы сейчас в три раза не повысить зарплаты?

— *Но ведь так и говорят.*

— А когда цены на нефть упадут в три раза, зарплаты в три раза снижать? За семью тучными годами часто приходят семь тощих. У нас есть внешние долги, и немалые. Почему в условиях высоких цен на нефть не прекратить финансировать наиболее богатые страны мира своими процентными платежами? Это увеличило бы стабильность и предсказуемость развития российской экономики, позволило бы снизить стоимость привлечения кредитов российскими компаниями, привлекло бы иностранные инвестиции.

— *А разве сделка с «Бритиш Петролеум» не доказательство притока серьезных инвестиций в Россию?*

— Хочется с оптимизмом сказать: структурные реформы дали плоды! Но опасно себя обманывать. Когда рост инвестиций в российскую экономику продолжится три года, можно будет сказать, что падение восстановительного роста компенсировано, структурные реформы дали результаты. Делать это на основе одной крупной сделки опасно. Вообще предполагать на четвертом году роста рыночной экономики в России, что вы понимаете все о его закономерностях, могут лишь безответственные люди.

РАССТРЕЛИВАТЬ БУДУТ ТЕХ, КТО НЕ ОТКУПИЛСЯ

— *В Китае — мировом лидере по притоку капиталов — чиновников-взяточников расстреливают, что, говорят, вызывает положительные эмоции у инвесторов.*

— Их расстреливали и в 1985 г. Но инвестиций было мало. В Китае резкий рост инвестиций начался на 11–12-м годах реформ. В Индонезии была коррупция, но туда шли инвесторы. Если последовательно проводить разумные экономические преобразования, настанет момент, когда мир не сможет игнорировать экономику с населением 1,5 млрд человек. Глобальные компании вынуждены за этот огромный рынок бороться. И рынок России нельзя долго игнорировать, если власти проводят разумную политику.

— *И чиновники-коррупционеры не помеха?*

— Коррупция — серьезная проблема, но не надо думать, что, пока в России не будет посажен последний коррумпируемый чиновник, в стране не будет экономического роста. Что необходимо России сегодня для борьбы с коррупцией? Создание прозрачных процедур принятия решений чиновником.

В России квоты на вывоз нефти распределялись произвольно, что порождало масштабную коррупцию. Теперь их распределяют пропорционально добыче. Стали воровать на сотни миллионов долларов меньше. Но я не верю в простые решения типа: давайте пересажаем 100 коррупционеров. Было бы замечательно, если по суду, с доказательствами, и если это не сведется к тому, что 100 чиновников силовых структур построят 100 дач, получив взятки.

— *Значит, даже расстрелами, как в Китае, не запугать наших чиновников-взяточников?*

— Если госаппарат коррумпируван, то не исключено, что будут расстреливать тех, кто не смог откупиться или не брал взятку. Нетрудно получить и коррумпируемые расстрелы.

Союз холдингов с государством опасен

— *Правительство сейчас оказалось между двух президентских «огней»: с одной стороны, надо бороться с инфляцией, а с другой — не загубить реальный сектор в экономике. Так бывает?*

— Добиться этого тяжело. Правительство в течение последних трех лет последовательно снижало инфляцию, сдерживало темпы укрепления реального курса рубля. Высокие цены на нефть для российского бюджета — благо, а для реального сектора нашей экономики — серьезная проблема. Уже все знают о голландской болезни, когда в страну идет масштабный приток валюты, ее тратят

на текущие нужды и в итоге растет реальный курс национальной валюты.

— *И настает день...*

— ...когда приходится делать выбор: снижать инфляцию или препятствовать укреплению рубля, чтобы наша промышленность смогла конкурировать на рынке. Центробанк сделал выбор в пользу снижения инфляции. Теперь говорят: давайте и реальный курс сдержим, и не допустим роста инфляции. Но этого нельзя делать бесконечно, по меньшей мере если нет политической воли сдерживать социальные расходы бюджета, ускорять темпы погашения внешнего долга. К сожалению, в предвыборный год такую политику проводить непросто.

— *А Вам не кажется, что правительство работает не на общую идею, а у каждого «клана» свой интерес?*

— В правительстве есть люди, думающие о благе страны. Есть те, которым это все безразлично, кроме их собственных доходов. Есть те, кто думает и о благе страны, и о своей карьере. Это всегда и везде так.

— *А экономика у нас остается олигархической?*

— Сегодня нет, как в 1998 г., небольшой группы олигархов, являющихся реальным правительством. Но осталось много богатых и влиятельных людей. Они не выпячивают свое влияние, как в период олигархата, но на принимаемые решения влияют, — влияют не напрямую, а во взаимодействии с верхами российской бюрократии. Наш уклад эволюционирует от олигархического к бюрократическому.

— *Есть мнение, что олигархи и их группировки становятся своего рода тормозом в развитии экономики страны. Это ведь та же элита, которая устала от реформ и хочет лишь летать на горные курорты с фотомоделями, ходить к президенту два раза в год и поглядывать по сторонам, чтобы собственность не оттяпали конкуренты...*

— Все сложнее. Сами группы бизнеса — реакция на проблемы сегодняшнего Российского государства. Когда суды работают плохо, контракты не выполняются, плохо работающая государственная система замещается созданием крупных вертикально интегрированных организаций, где есть свой суд, силовая структура. Эти

компании достаточно динамично развиваются, вкладывают деньги в другие отрасли.

Но, к сожалению, стратегия развития, основанная на союзе крупных конгломератов с государством, опасна. Она сокращает число мест принятия решений, увеличивает риск серьезных ошибок, мешает формированию широкого слоя мелких и средних предпринимателей. Это опасно для развития России.

Долго ли осталось «жировать»?

Наш собеседник — директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— *Егор Тимурович, люди обеспокоены последствиями войны в Ираке для России. Ведь говорят как: «Обвалятся цены на нефть, и будет совсем плохо...».*

— Для России цена 30 долл. за баррель была и не нужна, более того, опасна. Опасно, когда вся экономика зависит от труднопрогнозируемых цен. Мы ведь почти подошли к катастрофической черте.

— *А в чем состояла опасность?*

— Крах «брежневского процветания», а затем и СССР в значительной мере был связан с аномально высокими ценами на нефть. Они были в 3 раза выше, чем перед войной в Ираке. И что? Именно в это время мы соревновались с США по военным расходам, мечтали о повороте рек, экспортировали «советскую власть» в Афганистан. А потом, когда в середине 80-х цены опустились, оказалось, что нечем кормить население.

— *Мы и сегодня шли к этому?*

— Сверхдоходы от нефти уже кружили голову. Ведь каждое повышение цены на 1 долл. давало в бюджет 1 млрд долл. в год. Заниматься чем-либо другим, кроме нефти, становилось невыгодным. Нефть развращала экономику, убивала ее главную опору — обрабатывающую промышленность. К тому же поток «нефтедолларов» порождал завышенные ожидания у населения, у депутатов. Уже начали обсуждать, как поделить сверхдоходы.

Интервью брал Вячеслав КОСТИКОВ.
Опубликовано в: Аргументы и факты. 2003. 23 апреля.

Все это хорошо, если казна растет от работы промышленно-сти. Тогда это стабильно. А нефтяной «жирок» медленно нарастает, но быстро исчезает...

— Но в «загашнике» у Касьянова что-то остается от сезона «жирования»?

— Хватит на то, чтобы спокойно обслуживать внешний долг в этом году. А вот уже на следующий 2004 г. придется поскрести по сусекам.

— Урезать бюджет?

— Нет, секвестра не будет. В 2004 г. объем внешних выплат меньше. А вот предвыборные популистские глупости станут невозможными. Но это очень полезно и для экономики, и для политики. Политику разумнее строить исходя из пессимистического сценария.

— А в Белом доме нет паники в связи с необходимостью перехода к экономике?

— Никакой паники нет. В этом году мы продали за границу столько зерна, сколько не продавали за всю историю России. У нас быстро растет птицеводство, производство овощей, подсолнечного масла. Качественно изменилась пищевая промышленность. И это результат того, что селом перестали рулить. А вот в автопроме наоборот: лоббистам удалось навязать «промышленную политику»... И где наши современные авто?

— Но смотрите, как набирает популярность Сергей Глазьев — один из «теоретиков» промышленной политики.

— Людям надо объяснять, что под этим флагом их будут заставлять покупать худший товар за большую цену. Плохой «Москвич» по цене хорошей трехлетней иномарки. Это прямое нарушение интересов потребителя. Промышленная политика — это способ разворовать бюджетные деньги в интересах отдельных групп.

— Все чаще звучат мнения, что «правительство исчерпало свой ресурс»...

— Претензии к власти оправданны: это прежде всего явное замедление темпов реформ с конца 2001 г. Но надо понимать и то, что многие опасные для здоровья экономики компромиссы делаются под популистским давлением со стороны депутатов. Они же не могут критиковать В. Путина. Значит, «давай Касьянова!».

— Один из читателей «Аргументов и фактов» высказывает в письме в редакцию мысль о том, что «России была бы полезна временная самоизоляция»...

— Поразительно разумное суждение. США, прежде чем выйти на мировую арену, долго накапливали внутренние силы. В начале XX в. Россия тоже вышла на путь устойчивого развития. Тогдашний глава кабинета министров Столыпин говорил, что «России нужно 20 лет мира». Не было никаких объективных причин вступать в войну 1914 г. Но хотелось активной внешней политики... и проиграли весь XX в.

— Из каких сфер внешней политики мы могли бы без ущерба для себя уйти?

— Мне кажется, что Путин нашел прагматичный баланс внешней и внутренней политики. До него внешняя политика России продолжала оставаться инерционной. Мы 150 лет назад создавали на Балканах базу для взятия Константинополя. Мы давно забыли о Константинополе, о том, зачем ввязывались в балканские дела. Но многим нашим политикам все еще хочется «быть на Балканах». А вот понимания того, что для нас отношения с Украиной неизмеримо важнее, чем с любой другой страной мира, до сих пор нет.

Егор Гайдар: Не надо бояться за человека с ружьем

Ни одна реформа так не ожидается обществом, как реформа военная. Про наши Вооруженные силы все уже все поняли. Несмотря на достойную роль нашего министра обороны Иванова в международной жизни страны, солдаты по-прежнему бегут из казарм, больше напоминающих зоны. Война в Ираке также показала, какую эффективность можно и нужно получить от военной организации государства. Но противодействие именно этой самой очевидной реформе носит по-военному спланированный, чрезвычайно упорный характер. И так получилось, что главным тараном оборонительных рубежей Министерства обороны стал Егор Гайдар.

— Егор Тимурович, Вы выглядите сугубо штатским человеком. Почему именно Вы стали главным оппонентом Министерства обороны?

— Я директор Института экономики переходного периода, который по решению правительства является одним из соисполнителей целевой программы перевода рядового и сержантского состава Вооруженных сил на контрактную систему комплектования. У нас есть очень серьезные претензии к тому проекту программы, который был подготовлен Министерством обороны и доложен на заседании правительства 24 апреля.

— Любая реформа армии — это некоторое сочетание экономических возможностей и задач по военному строительству. Насколько Ваш институт может оценить военные вопросы?

— Вопрос о военной реформе, о комплектовании Вооруженных сил всегда наполовину вопрос военный, наполовину — экономический, потому что это всегда вопрос денег. Напомню, что в числе ключевых разработчиков военной реформы в Соединенных Штатах Америки, членов специально созданной в 1969 г. для этого ко-

Интервью брал Александр БУДБЕРГ.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 2003. 2 июня.

миссии были два таких человека, как Алан Гринспен и Милтон Фридмен. Один — руководитель Федеральной резервной системы США, другой — основоположник чикагской экономической школы, будущий нобелевский лауреат. И они внесли серьезный вклад в подготовку концепции военной реформы, которая потом была успешно реализована в США.

У меня есть в институте военная лаборатория. В ней работают специалисты по военной экономике, военные. Возглавляет ее доктор технических наук, авторитетный специалист в этой области полковник Виталий Иванович Цымбал. Мы, естественно, советовались с другими специалистами, проводили несколько семинаров в Академии военных наук, которую возглавляет генерал армии Махмуд Ахмедович Гареев. Академия по нашему заказу проводила специальные исследования. Активную роль в разработке концепции сыграл бывший первый зам. командующего сухопутными войсками генерал-полковник Эдуард Аркадьевич Воробьев.

— Вы можете коротко сформулировать, какая армия нам по карману, а какая нет?

— Вопрос длинный. Я не хотел бы пытаться ответить на него целиком, потому что потребуются обстоятельный ответ. И не по всем аспектам я могу выступать в качестве специалиста. Но системой комплектования Вооруженных сил я занимался много и в этой части могу дать однозначный ответ. Призывная армия в сегодняшней России нежизнеспособна. Армия должна быть укомплектована органичным сочетанием профессиональных офицеров, мичманов и прапорщиков и профессиональных контрактников. Также она должна включать систему подготовки военнообученного резерва. Министерство обороны согласилось, что разумное время для подготовки резервистов — шесть месяцев.

— Тогда в чем Ваши разногласия с Министерством обороны?

— Они носят вполне конкретный характер. Первое: радикальное различие в оценке единовременных расходов при переходе на контрактную службу. Второе: вопросы о сроках перехода рядового и сержантского состава на контракт. И третье: это вопрос о целесообразности сохранения призыва после перехода части Вооруженных сил на контрактную основу.

— Давайте разберемся подробнее в сути разногласий. Сначала о деньгах.

— Многократно было признано, это, кстати, прозвучало и на заседании правительства, что главные единовременные расходы по переводу армии на контрактную основу — это переоборудование казарм в общежития. Если сейчас у нас призывники живут в казармах на 100 человек и спят на нарах в два яруса, то мы должны эти казармы переоборудовать так, чтобы они жили, как живут студенты и аспиранты.

Я посмотрел, сколько метров приходится в общежитиях физтеха на одного студента. Выходит около 9 м общей площади, 6 м жилой. По приказу министра обороны № 102 за 2000 г. предусмотрено размещение контрактников в солдатских общежитиях, которые должны быть рассчитаны из тех же цифр — приблизительно 9 м общей площади. Теперь давайте проведем простые арифметические расчеты.

Мы забудем, что существует казарменный фонд на 1 млн 100 тыс. человек — фонд с уже подведенными коммуникациями и выделенными землеотводами, которые составляют значительную часть стоимости строительства жилья. Давайте предположим, что все строим с нуля. Министерство обороны считает, что единовременные расходы должны составить 65 млрд 449 млн 880 тыс. руб. Министерство предполагает перевести на контракт 131 555 человек. Дальше все просто. Разделим цифру Минобороны — 65 млрд 449 млн 880 тыс. руб. на среднюю цену строительства 1 кв. м жилья. По данным Госкомстата, она составляет 7072 руб. за квадратный метр. А потом посмотрим, сколько метров приходится на одного контрактника, если исходить из того, что они будут жить в одном кубрике вчетвером. Так вот если предположить, что мы все строим в чистом поле, то при таких расходах мы получаем, что площадь кубрика будет 281,4 кв. м. Так считают военные. А как считаем мы?

Мы запросили экспертные оценки стоимости реконструкции казарм. Сделали нам их две авторитетные организации — Институт экономики города и Академия народного хозяйства. Посмотрели конкретные казармы, оценили, что можно переоборудовать, получили разные цифры в диапазоне 2300–2800 руб. за 1 кв. м. Но мы и эти цифры увеличили практически в два раза. В итоге заложили 4500 руб. за 1 кв. м. Перемножаем: 131 555 контрактников на 9 м, причитающихся каждому, и еще на 4500, стоимость одного метра.

Получаем 5 млрд 327 млн 970 тыс. руб. Вот и небольшая разница в 13 с лишним раз.

— Но военные же не идиоты. Они же понимают, что кубрики по 281 кв. м на 4 человека — это бред. Откуда же такая разница в ценах?

— Частично это безумно завышенные расценки. Это практика всех ведомств. Я оперирую только открытыми цифрами и цифрами официальной статистики. У нас была дискуссия с Минобороны по поводу уровня секретности этих программ. Шла длинная переписка. Мы предлагали рассекретить хотя бы те данные, которые Минобороны и Правительство РФ представляют в международные организации, но нам не удалось добиться этого. Поэтому я оперирую только открытыми цифрами.

Второй момент. На основе элементарного арифметического расчета из цифр Минобороны выясняется, что на строительство квартир для женатых военнослужащих рядового и сержантского состава предлагается потратить 11 млрд 15 млн 70 тыс. руб. и на эти деньги построить 13 156 квартир. Возникает интересный вопрос: с какой стати, когда у нас колоссальное количество бесквартирных офицеров, мы должны строить квартиры для контрактников? Мы что, женатым призывникам, которые у нас есть, квартиры предоставляем? Жилье для контрактников, собственно, никто и нигде не строит. Я считаю, что в таких случаях надо давать деньги на наем жилья, и это будет в десятки раз дешевле. Но проигнорируем эти соображения. Опять же исходим из того, что строим в чистом поле, платим за землеотвод и коммуникации. Получается, что, в расценках Минобороны, мы предоставляем контрактнику квартиру площадью 118,4 м. Скажите, Вы видите лицо контрактника, которому мы предоставляем такую площадь? Нет.

Но дело не только в завышении цен. Главное — расчеты Минобороны сделаны не на ту программу, которая обещана обществу.

— Что Вы имеете в виду?

— Обществу представлена программа перевода армии на контрактную основу комплектования. То, что представило Минобороны, это вообще не бессмысленная программа. Она имеет свою логику, но она другая. Это программа создания некоторого количества частей и соединений постоянной боевой готовности. Поэтому там изначально большие деньги должны быть вложены в ремонт техники, ремонт полигонов, приобретение нового вооружения и т. д.

Все это важные вещи, и я не против, что все это целесообразно делать. Но все это не имеет отношения к реформе системы комплектования. Если позволяют финансовые возможности государства, то можно за счет отдельной целевой программы создания частей постоянной боевой готовности эти вопросы решить. Более того, я даже готов рассмотреть аргументы, что надо сейчас в качестве приоритета брать не перевод на контрактную службу всей военной организации, а создание именно этих частей боевой готовности, т. е. разделить армию как бы на две части и заниматься одной из них. Но в любом случае надо это сказать честно.

Честно скажите обществу, правительству, президенту, что вы собираетесь не переводить армию на контрактную службу, а получить некоторое количество боеспособных соединений, потому что иначе получается Бог знает что. Мы получаем безмерно завышенные расходы, но в результате переводим на контрактную службу лишь треть сержантского и солдатского состава. К 2007 г. мы выясняем, что большинство солдат и сержантов до сих пор призывники. При этом призывной контингент резко сокращается. Что остается делать? Отменять отсрочки. На мой взгляд, именно эта логика заложена в программу, представленную Министерством обороны. Надо просто перевести ее с административного языка на русский.

— *Разногласия по деньгам в целом понятны. А какие еще два принципиальных разногласия?*

— Второе важнейшее разногласие: что мы должны сделать за эти четыре года? В нашем представлении мы должны перевести на контрактный способ комплектования все Вооруженные силы. Нам нужно для нашей организации столько-то офицеров, столько-то курсантов, столько-то мичманов и прапорщиков и 400 тыс. контрактников. И мы должны иметь к 2006 или 2007 г. 400 тыс. А Министерство обороны говорит: мы переведем не 400 тыс., а 131 555 человек. А потом, когда мы все это сделаем, то подумаем, что делать с призывом. А что думать, если большая часть армии укомплектована призывниками...

— *То есть будут призывать и дальше?*

— Естественно. Более того, из-за последствий Второй мировой войны у нас в 2006 г. начнется демографический спад. В армию должны были бы пойти правнуки тех, кто погиб. Количество призывников резко уменьшится, почти в два раза. И этот демографи-

ческий провал продлится до 2011 г. Поэтому призывная система нежизнеспособна после 2006–2007 гг.

— *А перевести на контракт 400 тыс. человек намного дороже, чем 130?*

— Наши предложения по объему финансирования не так сильно отличаются от того, что предлагают военные. Возьмем наши расчеты для 130 тыс. человек и увеличим в 3,1 раза. Получится 16 млрд руб. с копейками. Мы вспомним, что им надо прилично платить. И когда мы учтем эти выплаты, то выяснится, что разница между нашими предложениями не слишком большая. Но мы при этом получаем принципиально другой результат.

Если вы начинаете программу, то нужно думать о том, что вы хотите получить по ее завершении. Когда американцы в 1970 г. начинали реформу системы призыва, у них начались серьезнейшие проблемы с военными. Но они твердо решили, что к 1973 г. не будут призывать на военную службу и все Вооруженные силы будут комплектовать за счет контрактников. Именно за это они и заплатят деньги. У них была четкая программа, которая должна была закончиться ясным результатом. В случае когда вы не переводите все Вооруженные силы на контракт, это опять полумеры, полуреформы. Вы ни к чему не приходите, хотя платите огромные деньги.

— *И третье разногласие?*

— Мы считаем, и в этом согласны с Минобороны, что нам нужно сохранить призыв до полугода для получения военнообученного резерва. Это может быть организовано по-разному. Если парень учится в высшем учебном заведении, пусть он выезжает в военные полевые лагеря и получает там подготовку. Если он закончил школу, то через шесть учебных месяцев мы предлагаем ему заключить контракт или демобилизуем. Но Министерство обороны настаивает, что после полугода учебы призывник должен еще полгода махать метлой. На мой взгляд, это способ торпедировать реформу. Чтобы «отмазать» от шестимесячной военной подготовки, мало какая семья будет платить несколько тысяч долларов взятки...

— *А за год будет.*

— В ситуации, когда в семье один сын, он грамотный, образованный, собирается учиться в институте, заставить его насильно служить в армии — практически безнадежная затея. Те, кто думает, что нынешние проблемы с призывом — это неприятные случайности,

временные перебои и надо просто навести порядок и отменить отсрочки, не понимают того общества, в котором живут.

— *А почему военные так настаивают на этой позиции?*

— Есть два мотива: более благородный и менее. Благородные мотивы носят исторический характер. Любая военная организация консервативна и хочет сохранить себя в том виде, в котором она существовала в предшествующее десятилетие. Беда в том, что иногда это вступает в противоречие с изменениями, которые происходят в жизни. Причем ситуация с военным делом или военной техникой социальна. Скажем, рыцарская военная конница между VIII и XIV вв. была прекрасным способом организации вооруженных сил. А потом ситуация изменилась, и Франции нужно было несколько крупнейших поражений в Столетней войне, чтобы понять, что пора переходить на наемную армию, что она и сделала в конце концов.

Это не единичный случай. Обычно военные реформы происходят после крупного поражения. Если бы Америка не потерпела поражения во Вьетнаме, она бы еще долго сохраняла призыв. Если бы Россия не проиграла Крымскую войну, то у нас еще очень долго существовала бы рекрутчина.

— *А менее благородные мотивы военных?*

— Есть система призыва. В ней завязана масса людей и вращаются огромные деньги — деньги за то, чтобы «отмазать» детей от службы в Вооруженных силах. Есть и второе менее благородное соображение. Ведь призывная армия в наших условиях — неквалифицированная рабочая сила, которую можно использовать: либо подметать дорожки, либо строить дачи. Если обобщать, то я уверен, что значительная часть упорства военных связана с тем, что отказ от призыва — это резкое сокращение тех денег, которые вращаются в сфере уклонения от воинской обязанности сегодня, и отказ от дармовой рабочей силы. Плюс, конечно, здоровый консерватизм.

— *И как же это можно проломить?*

— Везде, где проходила военная реформа, были нужны две предпосылки. Первая: это определенная, жестко высказанная политическая воля высшего руководства. Вторая: осуществление военной реформы нельзя поручать генералам. Их надо привлекать, с ними надо работать вместе, но доверять им военную реформу нельзя.

— *Так, может быть, нам необходимо еще одно поражение, чтобы эта высшая политическая воля сформировалась определенно?*

— Мы говорим, что нам хватит Афганистана и всего того, что происходит в Чечне. Но у меня такое ощущение, что некоторым военным нужна еще какая-нибудь катастрофа.

Я уверен, что переход Вооруженных сил на контракт неизбежен. Вопрос только в сроках: успеем ли мы провести реформу раньше крупного военного поражения. И до начала июня должно быть принято вполне ясное решение.

— *Почему именно в эти сроки?*

— Как я говорил, у нас скоро будет тяжелая демографическая ситуация, обусловленная последствиями Второй мировой войны. И для того чтобы включить расходы на реформу в бюджетный процесс 2004 г., решение надо принимать сейчас.

— *Ваши прогнозы: будет ли принято решение?*

— Было несколько эпизодов, когда военная реформа начинала стартовать, а потом останавливалась. Каждый раз был нужен импульс сверху. Только тогда, когда такой импульс проходил, начинало что-то крутиться, что-то делаться. Правда, через некоторое время все опять останавливалось. Сейчас ситуация абсолютно критическая. Президент заявил, что к 1 июня ждет от правительства, Минобороны и Минфина программу по реформе комплектования. И то, что предложили военные 24 апреля, на мой взгляд, неприемлемо.

— *Позиции понятны, разногласия определены. Что будет, если президент поддержит не Вас?*

— Мы будем продолжать излагать свою позицию, доказывать свою правоту, объяснять ее обществу. И рано или поздно обязательно добьемся того, что общество нашу позицию поймет и поддержит. Мы не закончим нашу борьбу за военные реформы независимо от того, какое решение примет высшая власть.

Россия может стать «Америкой» XXI века

Этого интервью я ждала, можно сказать, много лет. Пыталась озабочить Гайдара трагедией российских мигрантов еще когда он был премьером, приходила к нему потом в Институт экономики переходного периода. Он выслушивал вежливо, с абстрактным сочувствием, но ответ был один: только рынок может поставить все на свои места. А в подтексте звучало: рынок требует жертв.

Но вот в последнее время в разных публичных выступлениях Гайдар стал то и дело говорить о миграции, называя эту проблему «одной из самых важных стратегических проблем России».

— Раньше, Егор Тимурович, миграция вовсе не входила в сферу Ваших интересов. Не потому ли Вы заинтересовались ею сейчас, поскольку мигранты понадобились «Союзу правых сил» как электорат?

— Нет, предвыборная кампания здесь вовсе ни при чем. К тому же известно, что основная часть электората на дух мигрантов не переносит, так что для политика, борющегося за власть, просто самоубийство — призывать к расширению приема мигрантов. Я потому решил всерьез изучить проблему миграции, что от ее решения во многом зависит и экономическая, и политическая жизнь России в будущем.

— А раньше, когда Вы были у власти, Вы этого не понимали?

— Представьте себе — не понимал. Тогда нам приходилось решать массу других проблем, тоже очень важных, но еще более острых. Теперь, когда уже известно, что с голоду Россия не умрет и экономика, пусть медленно, но развивается, наступило время остановиться и оглянуться.

— Но тем временем, Егор Тимурович, и миграция в Россию тоже остановилась. Принятые в прошлом году репрессивные законы

о гражданстве и о правовом положении иностранных граждан фактически превратили Россию в страну закрытых дверей.

— Выбор миграционной политики — это, по сути, выбор будущего России. Какой мы хотим видеть свою страну: второразрядным европейским государством (так будет, если мы продолжим милитаристскую войну с мигрантами и в этой войне неизбежно потеряем и Сибирь, и Дальний Восток) или же богатой и мощной, да, новой «Америкой» XXI в.

— Вы считаете, что мигранты могут как бы заново «открыть» Россию?

— Безусловно. Все традиционно мигрантские страны: Америка, Австралия, Канада — достигли процветания благодаря особой энергии переселенцев. И страны Западной Европы тоже не добились бы такого быстрого экономического роста, если бы не привлекали мигрантов. Я убежден, что Россия может сыграть в XXI в. ту же роль мирового лидера по приему мигрантов, какую играла Америка в XIX и XX вв.

— О каком лидерстве, Егор Тимурович, речь, если сегодня многие доведенные до отчаяния российские мигранты готовы или возвращаться в республики, откуда убежали, или перебираться, хоть нелегально, на Запад.

— В нынешней миграционной политике мы наблюдаем явную шизофреничность. Как можно не пускать в Россию мигрантов, если смертность в нашей стране значительно превышает рождаемость (теряем по 700–800 тыс. человек в год), если население наше стареет и уже к 2015 г. россиян трудоспособного возраста станет почти на 7 млн меньше, чем сейчас, а в середине века пенсионеры составят почти половину населения и, значит, некому будет обеспечить пенсионные выплаты.

Мы редко вспоминаем, что Россия остается самой крупной страной в мире, а плотность населения у нас самая низкая в Европе. Если посмотреть на Сибирь и Дальний Восток, там просто необжитая пустыня. И в то же время в недрах этой «пустыни» хранятся несметные природные богатства — вся таблица Менделеева. А рядом перенаселенный Китай, где проживает по 300 человек на одном квадратном километре.

— Я не раз слышала: «Ну, Сибирь и Дальний Восток мы практически уже потеряли...».

— Слухи о «китайском нашествии» преувеличены. Мигрантов из Китая у нас раз в десять меньше, чем сообщают власти и СМИ. Однако эта ситуация может в любой момент измениться. Соблазн для соседних перенаселенных стран, конечно, слишком велик.

Очевидно, что прежде всего нам необходимо различными экономическими стимулами удерживать там, на Востоке, коренное население, которое сегодня массово переселяется в центральные регионы страны. Как только в России восстановится благоприятный инвестиционный климат, Сибирь и Дальний Восток могут стать настоящим российским Клондайком. Известно же, что миграционные потоки идут вслед за капиталом. И тогда нам потребуется много миллионов мигрантов.

— *Еще 13 лет назад, когда в Москву хлынули первые потоки беженцев (это были армяне, изгнанные из Азербайджана), я брала интервью у американского посла г-на Мэтлока, и он говорил: «Америка принимала и будет принимать много мигрантов. Мигранты — это выгодно, это всегда прилив новой энергии в жизнь общества».*

— Американцы подсчитали, что каждый иммигрант приносит в их казну на 60 тыс. долл. больше, чем казна на него тратит. Это при том, что Америка выплачивает, как известно, солидные пособия беженцам. И все равно, значит, выгодно.

— *А у нас до сих пор нет даже приблизительных подсчетов, какую выгоду уже принесли России 11 млн наших соотечественников, прибывших к нам после распада Союза. И ведь из них только 500 тыс. (5%) получили за все годы положенную им по закону помощь от государства, кстати, мизерную. Остальные обустраивались самостоятельно, не обременяя собой российскую казну.*

— Да, постсоветская миграция — это многомиллионная человеческая трагедия, но России как государству, переживающему демографический кризис, наоборот, повезло. Нам достался, можно сказать, бесплатный дар — к нам едут люди, которые знают русский язык, получили образование в таких же, как россияне, школах и вузах, близкие нам по менталитету, наконец, едут люди, читавшие Пушкина!

— *И все они становятся, согласно новому законодательству, такими же иностранцами в России, как, например, беженцы из Африки.*

— Это же абсурд, что даже русский человек, возвращаясь в Россию, должен около восьми лет выпрашивать российское гражданство

у своей исторической родины (точнее сказать — у милиции). Знаете, я пытался вчитываться в тот закон о правовом положении иностранных граждан, чтобы представить себя на месте мигранта. Понять, что ты должен сделать, там очень трудно, но создается впечатление, что сразу попадаешь в какой-то бесконечный лабиринт, где на каждом шагу тебя ждут ловушки, тебя норовят то и дело схватить за руку как подозреваемого особо опасного преступника. Миграционная карта — регистрация о временном пребывании — разрешение на временное пребывание — через три года разрешение на постоянное проживание... Но никто тебе никаких «разрешений» не даст, если у тебя нет той самой пресловутой прописки, которая сегодня переименована в регистрацию. Нет прописки — тогда депортация.

— *Сами мигранты считают, что репрессивные законы «продавли» в Госдуме силовые ведомства с единственной целью — открыть совсем уж безбрежные возможности для поборов. Недаром вошло в обиход: «взяткоемкие» законы.*

— Думаю, причины сложнее. Тупиковость ситуации в том, что лица, которым доверено определять миграционную политику, искренне убеждены, что иным путем, чем «закручивание гаек», порядок в стране не наведешь. Вот они и наводят. В соответствии со своим менталитетом. И даже после того как президент в ежегодном Послании Федеральному собранию признал эти законы ошибкой, ситуация к здравому смыслу не приблизилась. Исправлять ошибку кинулись те самые (не наказанные!) чиновники, которые ее совершили. И можно не сомневаться, они постараются ничего по существу не менять.

Наша фракция СПС с самого начала выступала против этих законов, и, как только Дума вернется с каникул, мы будем добиваться внесения реальных поправок.

— *Помните, Егор Тимурович, в июне прошлого года состоялся Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту мигрантов (СПС был одним из организаторов съезда). Приехавшие из разных регионов России лидеры переселенческих организаций просили президента наложить вето на новый Закон о гражданстве (он тогда еще не вступил в силу) и требовали проведения так называемой иммиграционной амнистии, т. е. легализации мигрантов, давно живущих в России. На съезде присутствовали все чиновники, ответственные за судьбу мигрантов, и все они соглашались с девизом съезда: «Мигранты не обуза, а благо*

для России». Но вот прошло больше года, ни одно из обещаний не выполнено. Положение мигрантов в России становится все хуже и хуже. Например, в будущем году на программу обустройства в бюджете планируется в 4 раза меньше средств, чем в прошлом 2002-м.

— Уверяю Вас: проблема миграции буксует вовсе не оттого, что у государства нет денег. Все дело в контрпродуктивной политике. Когда наша фракция СПС отстаивала переход армии на контрактную основу, генералы говорили то же самое: нет денег — и закрывали тему, причем даже не интересуясь нашими конкретными экономическими разработками и предложениями. Так и здесь. Экспертные опросы показывают, что 3–3,5 млн русских и 7–8 млн русскоязычных готовы приехать в Россию и денег у государства они не просят, а просят одного: дайте нам легально, не платя взяток, трудоустроиться, чтобы нас не унижали, не штрафовали на каждом шагу, не высылали с позором в Душанбе.

Если сегодня, отбросив крючкотворство, дать вид на жительство хотя бы тем сотням тысяч переселенцев, которые уже год и более живут в России и вынуждены из-за отсутствия «прописки» работать в теневой экономике, государство получит крупные финансовые ассигнования, за счет налогов, которые эти люди хотят платить, но не могут. И живут здесь у нас на положении бесправных рабов.

— Вы говорите, Егор Тимурович, в основном о трудовых мигрантах, молодых и сильных. Но как быть с пожилыми людьми, с малоимущими семьями, у которых нет средств ни перебраться на свою историческую родину, ни тем более самим здесь обустроиться?

— Конечно, обустройство мигрантов — проблема дорогостоящая, и я не уверен, что ее можно решить только за счет бюджетных средств. Не думаю, что самые патриотично настроенные россияне согласятся платить подоходный налог не 13, а, предположим, 16% для того, например, чтобы немедленно репатриировать (организованно переселить) хотя бы те 100 тыс. российских граждан, которые оказались заложниками у Туркмен-баши. Однако же я убежден, что именно трудовая миграция, если открыть ей зеленый свет, может сделать самокупаемой всю проблему миграции, включая и репатриацию. Давайте будем реалистами и начнем с того шага, который ничего нам не будет стоить, а, наоборот, принесет доход.

— Что такое, на Ваш взгляд, эффективная миграционная политика?

— Могу привести в пример одну страну — Канаду, там действительно есть осмысленная миграционная политика. Канадское правительство имеет конкретную программу, имеет 9-балльную систему отбора, где главный критерий — знание языка. Все четко, и потому в Канаде большая часть иммиграции легальная.

А другие постиндустриальные страны, т. е. страны, прошедшие путь, который нам только предстоит пройти, наделали в сфере миграции много глупостей, потому что у них всегда сталкивались два противоположных стимула. С одной стороны, они нуждались, чтобы приезжие заполняли те непрестижные рабочие места, на которые ни за что не заманишь местных жителей, а с другой — они не хотели, чтобы мигрант, работающий мусорщиком, санитаром или водителем автобуса, был их соседом. Не хотели легализовать мигрантов и выталкивали их тем самым в теневую занятость.

Мировой опыт показывает, что попытки остановить миграционные процессы административными барьерами обречены на провал. Ужесточая миграционное законодательство, западные страны тоже, как и мы, только загоняют в область нелегальной миграции абсолютно неизбежную трудовую миграцию, а она все равно будет идти. Там, где есть спрос, обязательно будет и предложение. Западная Европа в период послевоенного экономического подъема остро нуждалась в иностранной рабочей силе и активно приглашала сербов, алжирцев, турок. На временные работы. Любопытно, что сами сербы, алжирцы и турки тоже думали, что едут в богатые страны ненадолго, подзаработают и вернутся домой. Однако же большинство из них отказывались потом возвращаться, более того, к кормильцу стремилась переехать и вся его семья. Временность пребывания оказалась иллюзией. На самом деле трудовая миграция имеет необратимый характер.

— А теперь многие европейские страны не знают, как избавиться от надоевших гостей...

— Да, в 70-х годах Германия и Франция пытались стимулировать возвращение гастарбайтеров на родину — выплачивали им специальные пособия. Ничего не добились. И хотя расходы на иммиграционный контроль в странах Западной Европы в 90-х годах возросли в 3–4 раза, видимого эффекта на ситуацию это не оказало. Несмотря на все усилия служб иммиграционного контроля, в Западную Европу ежегодно въезжает около полумиллиона нелегальных мигрантов. Столько же нелегалов въезжает и в США.

Америка не раз проводила иммиграционные амнистии. Например, в 1989 г. были легализованы 3 млн мигрантов. Подобные амнистии проводились и в Италии, и в Голландии.

— *Лучший способ борьбы с нелегальной миграцией — это легализация, не правда ли?*

— Борьба с нелегальной миграцией никак не может быть приоритетом миграционной политики, тем более в нашей стране, для которой привлечение мигрантов просто спасение. У России есть фундаментальное преимущество, какого ни у кого в мире нет. Мы окружены государствами, где живут 150 млн людей, выросших в традициях русского языка и русской культуры. Никакие они не иностранцы, они наши люди. Их адаптация в России не составит такой проблемы, с какой сталкивается большинство европейских мононациональных стран при приеме мигрантов. К тому же Россия издавна была полинациональной страной, начиная с царской империи. Чтобы перечислить всех нерусских знаменитостей в области российской культуры и искусства, целой газетной страницы, наверное, не хватит. Так что исторического фундамента для ксенофобии у России нет. Да, нам легче, чем Европе, принимать мигрантов. И Россия действительно может стать таким же «плавильным котлом» для разных национальностей, как Америка.

Мы имеем уникальную возможность разработать целый комплекс программ по привлечению наших вчерашних соотечественников на службу в российскую армию, по привлечению самых способных студентов из СНГ в российские вузы, по привлечению нужных нам специалистов на возрождающиеся предприятия. В то же время нельзя забывать, что у нас проницаемые границы и, хотим мы того или не хотим, к нам неизбежно будет идти и нелегальная трудовая миграция из дальнего зарубежья, включая Вьетнам и Китай. Так что тут стоит вопрос выбора: будем ли мы по своему желанию принимать тех, кто нам близок и нужен, или же нас помимо нашей воли выберут.

И с этим выбором нужно спешить. Ведь в скором времени страны, переживающие демографический кризис, станут наперебой зазывать мигрантов. И еще неизвестно, насколько успешной будет позиция России в этой конкурентной борьбе. Те наши соотечественники, которых мы сегодня отталкиваем, могут в будущем предпочесть другие, более благополучные страны.

Миссия в Багдаде. Восточноевропейские реформаторы проложили путь экономике Ирака

После завершения своей командировки в Ирак депутат Госдумы, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар ответил на вопросы «МН».

ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ

— *В преддверии Вашей поездки говорилось о том, что «Гайдар едет реформировать иракскую экономику». Что это было за мероприятие?*

— Это было совещание, в котором участвовали специалисты из Центральной и Восточной Европы. СНГ представлял Ваш покорный слуга. Приглашены были в основном экономисты, которые имели опыт управления постсоциалистической экономикой в условиях переходного периода: председатели центробанков, министры финансов, экономики, госимущества. Мы обсуждали проблемы, которые сегодня наиболее остро стоят перед властями Ирака в области экономической политики.

— *Как проходило совещание и кто был его организатором?*

— Мы получили приглашение от главы временной администрации Ирака Бреннера. А участниками обсуждения были сотрудники временной администрации и временного правительства Ирака. Работали мы в том или ином формате весьма напряженно два дня. Спать там, по сути дела, не пришлось. Мероприятие это будет, скорее всего, повторяющимся. Во всяком случае представители временной администрации обратились к нам с просьбой, в случае возникновения

Интервью брал Дмитрий ДОКУЧАЕВ.
Опубликовано в: Московские новости. 2003. 30 сентября.

у них потребности в обсуждении новых политико-экономических развилочек опять нас позвать. Мы, естественно, ответили согласием.

— Кто из известных экономистов принимал участие в совещании?

— Всего было 14 приглашенных. Например, Марек Домбровский из Польши, Владимир Длуги — бывший министр экономики Чехии. Очень полезен хозяевам был Божидар Джелич — действующий министр финансов Сербии и Черногории. Уж очень у его страны и у Ирака ситуации похожи: обе были под санкциями, под бомбежками, имели разрушенную инфраструктуру и расстроенные финансы. А вообще те, кто занимался реформами в постсоциалистической Европе в последние 10–15 лет, хорошо знакомы друг с другом. И у нас есть собственный «гамбургский счет»: мы знаем, кто чего стоит. Видимо те, кто приглашал, решили, что мы будем полезны.

— У Вас была возможность увидеть, как протекает обычная жизнь в Ираке?

— В крайне ограниченной степени. Я обратил внимание на то, что в Багдаде разрушений мало, т. е. город целый, а отдельно стоящие здания — в основном бывшие военные объекты — разрушены. Инфраструктура работает очень плохо. Мы жили, например, в лучшей гостинице Багдада. Там собственное электроснабжение, но с водой перебой. Если тамошний специалист говорит, что живет во дворце Саддама Хусейна, надо понимать, что это такое: большой зал, где стоят 50 армейских кроватей, на одной из которых он и спит. Только в последнее время там начали строить фанерные перегородки, появились туалеты и вода.

— А Вам не было страшно отправляться туда с точки зрения банальной житейской безопасности?

— Меня трудно напугать после всего, что я видел в своей жизни. Если сравнить эту поездку с многими моими прежними визитами в «горячие» точки — например в зону осетино-ингушского конфликта в 1992 г. или в Боснию во время войны в 1994 г., — то нынешняя была просто поразительно безопасной. Но вообще-то там, за пределами хорошо охраняемой зоны, весьма опасно: стреляют и взрывают.

Куда исчез полицейский

— И все же почему позвали именно Вас: Вы что, глубоко вникали в иракскую проблематику, знаете какие-то особенности тамошней экономики?

— Дело не в этом. Проблемы, с которыми сталкиваются сейчас иракские власти, разумеется, специфичны. И я совершенно не претендую на то, что хорошо их понимаю, хотя несколько тысяч страниц по поводу Ирака, естественно, прочитал. Но эти проблемы имеют некие аналогии с теми, которые решались недавно у нас и в Восточной Европе.

— В чем заключаются эти аналогии?

— В чувстве обманутых надежд. Ну как же так: был отвратительный, кровавый, коррумпированный режим. Мы были уверены, что когда этот режим падет, то наступит счастье. А вместо счастья — исчез полицейский, нас грабят прямо на улице, хлеба нет, а электричество дают с перебоями... Это реалии и России 1991 г., и сегодняшнего Ирака. Человек, спокойно живущий в Америке или Англии, не осознает, в какой степени его урбанизированная, цивилизованная жизнь зависит от того, что у него за спиной есть большое, эффективно функционирующее государство, которое обеспечивает, чтобы был полицейский, не грабили на улице, имелись в достатке хлеб и электричество. Ему кажется, что это само собой разумеется. Ан нет... И в СССР, и в Ираке тоталитарный режим был отвратителен, но он обеспечивал функционирование государственных институтов. А потом этот режим рушится. И люди, которые там не жили, не понимают, что вместе с этим режимом исчезает и государство, которое способно хоть как-то поддерживать порядок.

— Можно ли привести конкретный пример из иракской действительности?

— Знаете, как функционировали электростанции при Саддаме? Люди, которые там работали, знали: если не будет электричества в Багдаде, их расстреляют. Они ставили какое-то оборудование, которое не отвечало никаким критериям надежности, что-то там латали-перелатали, но свет в Багдаде был. А что сейчас? Не может же временная администрация сказать: если не будет электричества, мы вас расстреляем. А работать на том оборудовании, что досталось им «в наследство», по всем техническим параметрам нельзя — это просто преступление. В результате электричества нет, зато есть серьезная проблема, которую нужно решать.

— Давали ли Вы какие-то конкретные экономические рекомендации хозяевам?

— Конечно, по большей части совещание было посвящено конкретным экономическим вопросам: валютному курсу, таможенной и налоговой политике, стратегии и тактике в области приватизации. Но я-то как раз говорил о том, что наш опыт последних 10–12 лет показывает: при всей важности этих технических проблем принципиальными все-таки являются политические вопросы. Кстати, в этом полностью со мной согласились иракские коллеги — они чувствуют это на своей «шкуре».

— *Насколько высок уровень этих иракских коллег, призванных заниматься экономикой?*

— Мне есть с чем сравнивать, поэтому могу ответственно заявить, что нынешняя иракская элита, отвечающая за экономику, весьма квалифицированная. Ее уровень выше, чем, например, во многих государствах постсоветского пространства. Хотя, конечно, у них нет и не может быть опыта работы в условиях переходной экономики. И они задают сегодня те же самые достаточно наивные вопросы, которые мы себе задавали 12 лет назад, когда у нас тоже не было такого опыта.

— *Что, на Ваш взгляд, нужно реформировать в Ираке в первую очередь?*

— Есть самые срочные меры: демонтаж системы рационирования, т. е. карточного снабжения, введение национальной валюты, снижение инфляции и ликвидация множественности курсов. При Саддаме разница между возможными курсами доходила до 1000 раз, т. е. был набор валютных операций, по которым 3 долл. официально стоили 1 динар, и был набор операций на «черном рынке», где 3 тыс. динаров стоили 1 доллар... Все, что я перечислил, нужно делать в ближайшие 3 месяца. Это задаст хоть какие-то рамки в проведении экономической политики. А дальше необходимо наведение порядка в налоговой системе и исполнении бюджета.

— *Вы упомянули новую иракскую валюту. Ею станет американский доллар?*

— Нет, почему же... Они уже в октябре вводят собственную валюту, которая заменит и существующий иракский динар, и так называемый швейцарский динар, который ходит в Курдистане.

РУССКИЙ ИНТЕРЕС

— *Советовались ли Вы перед поездкой с кем-то из ответственных лиц в российском правительстве по поводу наших интересов в Ираке?*

— Естественно, я был в Министерстве иностранных дел и общался со специалистами, которые занимаются этим регионом. На мой взгляд, наши главные проблемы там связаны не с собственностью на нефть и не с возвратом внешнего долга — они будут решаться несколько позже легитимными иракскими властями. Первоочередная проблема в том, что у нас там довольно большой объем уже заключенных контрактов. Причем не с режимом Саддама Хусейна, а по программе ООН «Нефть в обмен на продовольствие», которые мы выиграли на международных тендерах. По ним у нас есть технические заделы, запущено опытное производство... И мы можем поставить, скажем, энергетическое или транспортное оборудование (что предельно важно сейчас для Ирака!) в 3 раза быстрее, чем наши потенциальные конкуренты. Важно добиться, чтобы эти контракты действовали.

— *Но зачем американцам «загружать» наши фирмы: они что, не в состоянии справиться сами?*

— В том-то и дело. Иракцы, между прочим, не могут поверить, что американцы, которые способны послать ракету, которая поражает объект размером 3 на 3 ярда, не в состоянии за 4 месяца восстановить электроснабжение в Багдаде. Как же так: либо ты не всемогущ, либо ты не добр! Поэтому для американцев это политический вопрос. И выполнение заказов нашими заводами способно помочь им эту фундаментальную задачу решить, что выгодно всем: и иракскому населению, и американским властям, и российским фирмам.

— *Ваш вояж сопровождался весьма злобными откликами недоброжелателей в России: Гайдар, мол, развалил экономику России, а теперь едет разваливать экономику Ирака. Чем, на Ваш взгляд, вызвана такая бурная реакция?*

— К реформаторам во всех странах отношение разное: кто-то нас уважает, кто-то ненавидит. Так вот, когда мы там общались с восточноевропейскими коллегами, выяснилось: реакция во всех странах на поездку их представителей в Ирак была абсолютно такой же, как у нас, — многие злобно улюлюкали и выражали надежду на то, что приглашенные в Ирак больше не вернуться. Рационального объяснения этому у меня нет, но, по-видимому, оно и не нужно.

Шок без трепета

«Нет патентованных рецептов обеспечения форсированного экономического роста. Есть патентованные рецепты катастроф. Если проанализировать всю экономическую литературу последних десятилетий, она мало что добавляет к тому, что писал в свое время Адам Смит. По существу, все сводится к следующему: чтобы обеспечить быстрый экономический рост, нужны мир, низкие налоги и разумные законы», — говорит директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар. Издержки, связанные с реформами, приходят сразу, а результаты — гораздо позже. Но надо быть абсолютно безответственным, чтобы отказаться поделиться опытом, который может быть полезен для народа, из опасений, что тебя потом в чем-то упрекнут, считает ученый...

Ожидает ли иракцев, переживших американский «Шок и трепет», эпоха российского реформаторского шока? Об этом в эксклюзивном интервью «Итогам» рассказал директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар, участвовавший по приглашению временной администрации Ирака в багдадском совещании по экономической и политической модернизации страны.

— Егор Тимурович, Вы отправились в Багдад с проектом предложений по реорганизации макроэкономики или для предварительной «пристрелки»?

— Меня пригласили, чтобы вместе с иракскими специалистами обсудить конкретные проблемы, стоящие перед иракскими властями и временной администрацией в сфере экономической политики. Но я не собирался и не собираюсь учить иракских коллег, как им надо жить. Скептически отношусь к абстрактным советам, которые дают иностранцы, приезжающие на несколько дней в страну. Конечно, перед поездкой я посмотрел все доступные материалы по иракской экономике и состоянию государственного устройства. И я был готов — что и сделал — обсудить некоторые общие пробле-

мы, возникающие в подобного рода ситуациях, и риски, которые, на мой взгляд, полезно учитывать в собственной работе.

— Каково впечатление от совещания? Изменило ли оно Ваше представление о состоянии экономики Ирака, о путях ее реформирования?

— Речь шла не о прорывных идеях в области экономической теории, а главным образом о том, что делать в связи с истечением срока действия программы «Нефть в обмен на продовольствие», как быть с системой рациионирования продуктов питания. Говорили о том, как строить денежную политику и политику обменного курса после введения в октябре новой национальной валюты, о том, с чем имеет смысл идти на конференцию стран-доноров в Мадриде и что говорить о перспективах экономической политики в Ираке. Словом, была нужда в обсуждении вполне конкретных проблем сегодняшней жизни и экономического обустройства. В основном все сводилось к ближайшим трем месяцам.

— То есть на ближайшее время картина прояснилась...

— Да, конечно. Дело в том, что в первые четыре месяца заботы временной администрации, а позже и временного иракского правительства были связаны с элементарными вещами — как наладить снабжение электричеством и водой, как обеспечить хоть какой-то уровень законности и порядка. Затем возникли иные, тоже срочные задачи. Дело в том, что вся система функционирования иракской экономики и общества предполагала, что они продукт тоталитарного режима. Приведу лишь один пример. Одна из самых острых проблем в Ираке — дефицит бензина. Цена на бензин традиционно в Ираке была примерно в 10–20 раз ниже, чем даже в соседних, богатых нефтью государствах. Когда у вас закрытая граница, закрытая экономика, то почему бы и нет? После краха режима пограничная служба разбежалась, границы открылись. Теперь представьте себе, у вас бензин в 10–20 раз дешевле, чем в Катаре. Что вы делаете? Покупаете бензин и везете продавать в Катар.

Нефти в Ираке относительно много, а нефтепродуктов-то нет. В рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» нефть вывозится, и доходы в значительной степени тратятся на то, чтобы ввезти нефтепродукты, положим, из Катара. А потом иракцы скупают эти нефтепродукты и везут перепродавать в тот же Ка-

тар. И подобных проблем, возникающих в дирижистской экономике, немало.

Например, проблема валютного курса. Валютный курс при саддамовском режиме по разным сделкам и операциям отличался в тысячи раз. Обменный курс, скажем, для официальных делегаций — 3 долл. за динар, курс черного рынка — 3 тыс. динаров за 1 долл. Еще одна проблема — система рационированного распределения продовольствия. Она предполагает, что вам дают по карточкам продукты по ценам в несколько десятков раз ниже рыночных. Естественно, значительная часть населения перепродает эти продукты, потому что набор не тот, который нужен вашей семье. Возникает черный рынок. Больше того, в условиях ослабления политического контроля возникает серьезный риск того, что эти продукты просто перестанут попадать к тем, кому они формально предназначены. Все эти проблемы мы и обсуждали.

— *Пути решения наметились?*

— Да. Если иракцы не хотят постоянно поддерживать дефицит бензина и тратить огромные деньги на завоз продовольствия, то им придется либерализовать цены на бензин. Что касается системы рационирования, тут придется думать о том, как из нее выходить. Система же множественных валютных курсов крайне опасна с точки зрения возникновения коррупции. Надо вводить новую валюту. А уж дальше будем думать, какую курсовую политику проводить. Но еще раз подчеркиваю, мы не объясняли иракским коллегам, как им надо жить. Мы лишь говорили о том, какие преимущества и недостатки в краткосрочной и долгосрочной перспективе имеют разные варианты политики валютного курса.

— *В чем сходство и в чем отличие исходных условий по реформированию экономики России и Ирака?*

— Российские реформы в 1991 г. приходилось проводить в ситуации глубокого кризиса, когда страна обанкротилась, прекратила платить по долгам, когда валютные резервы были равны нулю, а снабжение продовольствием крупных городов нельзя было обеспечить. Проблемы, стоящие перед Ираком, несколько проще. Ираку не надо готовиться к зиме. В Ираке в отличие от России не был в полном объеме уничтожен частный сектор и торговля существует. Да, там есть нарушение рыночного равновесия, связанное с системой рационирования, но все же тотального дефицита нет.

При этом есть серьезные проблемы, связанные с функционированием инфраструктуры, электроэнергетика в тяжелом положении, то же относится к снабжению водой. Решение экономических проблем замыкается на проблеме обеспечения законности и порядка. Крах тоталитарного режима всегда является и крахом системы обеспечения законности и порядка.

— *И все же в 100-страничном плане, подготовленном американскими экономистами по завершении горячей фазы военной операции, иракской экономике прописана «шоковая терапия» именно по российскому сценарию. Согласны ли Вы с тем, что это оптимальный для Ирака вариант, или же передовая экономическая мысль изобрела более щадящие технологии скоростного и не слишком затратного реформирования?*

— Эта тема в Багдаде обсуждалась. Но вопрос тут сводится не к тому, нужна ли «шоковая терапия» или щадящая реформа. Он звучит так: в какой степени быстрыми и энергичными должны быть преобразования, является ли их рассрочка способом облегчить решение проблем Ирака? По моему мнению, по мнению всех участников конференции с восточноевропейской стороны, не является. Скажем, в Венгрии была возможность подготовить реформы заранее, в рамках старого режима, и реформы там, естественно, проходили легче. В Ираке же другая ситуация.

Что говорили иракские политики? Издержки, связанные с реформами, приходят сразу, а результаты — гораздо позже. На что мои коллеги из Восточной Европы отвечали: да, это чистая правда, но надо понять, что если Вы их не проведете, то результатов вообще не будет. Проблемы в посттоталитарном обществе имеют тенденцию лишь обостряться. Конечно, не надо думать, что Вам кто-нибудь будет аплодировать, поставит памятник и скажет спасибо. Но если Вы ничего не будете делать, то все равно ни памятников, ни аплодисментов не будет.

— *В каком режиме будут работать в Ираке иностранные консультанты?*

— Нас спросили, готовы ли мы приехать, если будет необходимость. Мы ответили: да.

— *Вы готовы к тому, что большая доля ответственности ляжет в том числе и на Вас?*

— Забавная выходит ситуация: когда мы обсуждаем 1991–1992 гг., то говорим о тяготах, связанных с реформами, забывая, что было в октябре 91-го. Все стояли по четыре часа в очереди, прилавки пустовали. И это как бы было полное счастье, а потом начались тяготы.

— *Видно, новые тяготы затмили прежние. Так или иначе, но консультировать по таким вопросам — дело не слишком благодарное. Что подвигло Вас согласиться?*

— Ирак — большая и важная для мира страна, богатая, все мы заинтересованы в хороших с ней отношениях. Надо быть абсолютно безответственным человеком, чтобы отказаться поделиться опытом, который может быть полезен для народа, находящегося в тяжелом положении, из-за опасений, что потом тебя в чем-то упрекнут.

— *От каких ошибок, учитывая опыт российских реформ, Вам хотелось бы уберечь иракцев?*

— В первую очередь мне хотелось им объяснить специфику проведения экономической политики в условиях слабого государства. Надо делать все, чтобы оно стало сильным. Но следует понимать, что это вопрос многих лет и усилий. Мы обсуждали, как приспособить экономическую политику не к идеальным условиям, когда у тебя за спиной стоит полицейский, который ловит воров, когда электростанции защищены, когда есть эффективно работающая система обеспечения исполнения контрактов, суды, нормальная налоговая система. В условиях слабого государства надо вырабатывать стратегию формирования всех этих институтов и проведения экономической политики.

— *Выходит, Вы считаете, что все издержки переходного периода обусловлены объективной ситуацией и просчеты тут ни при чем? Например, были ли допущены ошибки в реформировании российской экономики?*

— Допущена масса технических ошибок. Например, в январе 1992 г. мы ввели систему регулирования внешней торговли, которая была намного сложнее, чем та, которую реально могла обеспечить наша бюрократия. Таких ошибок было немало. Но их значение, по моему глубокому убеждению, несоизмеримо со значением проблем, вытекавших из политического процесса. Масса вещей сделана неправильно, на мой взгляд, потому, что для верных решений не было политических возможностей. Скажем, самая дра-

матическая крупномасштабная ошибка — сочетание в 1995–1998 гг. жесткой денежной политики и мягкой бюджетной — имела чисто политический характер. Любой квалифицированный экономист понимает, что это путь к катастрофе. Тем не менее такую политику проводили, думая, что удастся добиться ужесточения бюджетной политики, которая подкрепит жесткую денежную, и остановленная инфляция подкрепит бюджетным балансом. А это вопрос не техники, а того, можно ли договориться с парламентским большинством.

— *Как Вы оцениваете ход структурных преобразований в России? Достаточно ли либерален курс нынешнего правительства?*

— Он колеблется. То, что было сделано в 2000 и 2001 гг., на мой взгляд, крайне важно и позитивно — начиная от плоского подоходного налога и кончая новым законодательством о собственности на землю, судебной и уголовно-процессуальной реформой. Но реформы, к сожалению, довольно быстро начали затухать, а к началу этого года и совсем выдохлись. Конечно, период подготовки к парламентским и президентским выборам не тот, когда можно ждать либеральных реформ. Тем не менее обидно за потерянное время.

— *Президент России поставил задачу удвоения ВВП к 2010 г. Насколько, на Ваш взгляд, она реальна?*

— Я бы сказал так: хотеть не вредно. Кстати, если посмотреть внимательно, то президент поставил две задачи: удвоение ВВП к 2010 г. и удвоение ВВП за 10 лет. Если возьмем калькулятор, то увидим, что это дает разные темпы роста. И я, конечно, был бы рад, если бы мы добились удвоения ВВП либо за 10 лет, либо к 2010 г. Но я против того, чтобы подобного рода амбициозные цели становились основанием для авантюры в области финансовой и денежной политики. Я буду категорически против всего, что связано с включением подобного рода прогнозов в бюджетный процесс. Если мы заложим их в бюджетные проектировки, исходя из которых надо платить деньги учителям, врачам, военным, а потом эти темпы не будут обеспечены? К счастью, бюджет на будущий год никаких таких авантюры не включает.

— *Есть ли какие-то ноу-хау, чтобы достичь форсированного роста ВВП?*

— Нет патентованных рецептов обеспечения форсированного экономического роста. Есть патентованные рецепты катастроф.

Если вы хотите добиться экономического роста, то примерно можно понять, что для этого надо сделать, но именно примерно. Вся экономическая литература последних десятилетий мало что добавляет к тому, что писал в свое время Адам Смит. По сути все сводится к следующему: для того чтобы обеспечить быстрый экономический рост, нужны мир, низкие налоги и разумные законы.

— А как Вы оцениваете идею направить золотовалютные резервы на инвестиции?

— Как идиотизм. Дело в том, что золотовалютные резервы обеспечивают устойчивость российской денежной системы, постепенное повышение рейтинга России, создающее основу притока иностранных инвестиций. Скажите, если бы завтра у вас рубль начал плясать по отношению к доллару — там с 30 до 60, до 120, у вас было бы страстное желание держать свои активы в рублях? Ведь не было бы? Он не пляшет, потому что у вас денежная база с переизбытком покрыта золотовалютным резервом. ЦБ всегда имеет возможность контроля за всем, что происходит с курсом. Почему? Потому что у него есть золотовалютные резервы. Это знают российские граждане, которые в большей степени начинают хранить деньги в рублях. Это знают российские предприниматели, которые начинают вкладывать деньги в инвестиции. Это знают иностранные предприниматели — иностранные инвестиции начинают быстро расти в России.

Теперь представим, что мы потратили эти золотовалютные резервы. Скажем, возьмемся реки перебросить. Отлично, перебросим. А после этого иностранный инвестор скажет: выберу-ка я для инвестиций другую страну, где не скопилось такое количество идиотов на борту одной лодки. Российский инвестор подумает: рублевые сбережения, очевидно, обесценятся, если разбазарить золотовалютные резервы, и возникнет ситуация, похожая на 1998 г.

— Надо полагать, инициатива правительства о создании стабилизационного фонда вам по душе?

— Первые разработки по созданию стабилизационного фонда велись у нас в институте. Эти работы мы направляли в правительство, был у нас и законопроект по этому поводу. Мы его обсуждали в Минфине и правительстве. Были, конечно, внесены некоторые разумные коррективы, но по большому счету это наша идея, и мы ее, разумеется, поддерживаем. Для нефтедобывающей стра-

ны, в которой нефтяные доходы являются существенным фактором, влияющим на платежный баланс и бюджет, это крайне полезное решение.

— Возвращаясь к ситуации в Ираке. У Вас уникальный опыт по разгосударствлению, в том числе и нефтяной отрасли. Пригодна ли, на Ваш взгляд, российская схема для Ирака?

— Мы с самого начала договорились с временной администрацией и иракскими коллегами, что мы не готовы обсуждать сюжет, связанный с тем, что Ираку делать со своей нефтью. Это политический вопрос, и это иракский вопрос.

— И все же на совещании нефтяная проблема как-то прозвучала?

— Как раз в таком виде. Я сказал, что мы не обсуждаем вопросы приватизации, неприватизации, структурирования, неструктурирования нефтяного сектора. Ясно, что это стратегический вопрос и им должно заниматься легитимное, признанное в мире иракское правительство. Понадобится наш совет, мы его дадим.

— Каковы шансы российского бизнеса сохранить интересы в Ираке?

— Не хотел бы гадать. Есть объективный интерес, связанный с тем, что у нас длинная история экономических связей. И дело не сводится к нефтяной отрасли. Мы крупные поставщики оборудования для электроэнергетики, железных дорог Ирака. У нас много заказов, которые размещал не только Саддам Хусейн, но и ООН. Мы выигрывали тендеры, у нас есть технические разработки, экспериментальные образцы. Что-то запущено в производство. Если сейчас эти заказы перебрасывать, это в два-три раза дольше и, как правило, дороже. А вопрос времени сегодня — ключевой политический вопрос для Ирака. Многие иракцы искренне не понимают, как американцы, которые умеют запускать ракету, попадающую в круг диаметром около трех метров, никак не могут наладить электроснабжение Багдада. Мы можем помочь решить эту проблему. Надеюсь, что в связи с этим контракты будут реализованы.

«Врагу не сдается наш гордый “Варяг”» у меня получается особенно хорошо

Егора Гайдара часто называют отцом российских реформ, но в первую очередь он отец четверых детей и любящий муж. Семья, дом в жизни Егора Гайдара всегда значили очень много. Гайдары не любят пускать к себе посторонних, но для обозревателя «Газеты» было сделано исключение.

— Егор Тимурович, расскажите историю Вашего дома.

— В этой деревне Дунино с 1959 г. снимала дачу моя бабушка со стороны отца — Лия Лазаревна. Я здесь в первый раз появился, когда мне было три года. Здесь же я познакомился с моей женой Марией Аркадьевной Стругацкой, ее дедушка, видный профессор-китаист, снимал здесь дачу. Поэтому мы знакомы с моей женой около 40 лет. Я всегда любил это место, здесь я провел, может быть, лучшие годы моей жизни.

— Вы здесь жили в основном летом?

— Естественно, летом. Бабушка снимала на лето две комнаты.

— Расскажите о своих детских воспоминаниях.

— Это было замечательное место, прекрасная компания, здесь у меня много друзей.

— А почему здесь оказались Вы, Стругацкие... Это что, какое-то писательское место?

— Нет, просто так получилось. Совершенно случайно. Это, конечно, не Переделкино. Потом бабушка умерла, и с начала 80-х мы перестали снимать дачу. А в 1996 г. были выборы президента Ельцина или соответственно президента Зюганова. Как вы понимаете, вопрос, который нас интересовал. И вот 3 июля — второй тур выборов. Примерно в восемь вечера мне звонит мой хороший друг Анатолий Борисович Чубайс, тогда реально шеф избирательного штаба Ель-

цина, и говорит: «Егор, мы все выиграли. Никому не говори — Калининграду надо еще голосовать. Но в целом вся ситуация однозначно показывает, что мы выиграли». Вы будете смеяться, но это правда — минут через 40 после звонка Анатолия Борисовича мне звонит наша старая знакомая, которая живет в Дунино, и говорит: наследники Аргутинских (а этот участок в свое время принадлежал писателю, который был назначен председателем местного колхоза в период мобилизации писателей на сельское хозяйство) хотят продать свой участок и не хочу ли я его купить. Я решил, что это перст судьбы. Отказаться просто невозможно. Тогда я его и купил. Потом на этом участке в 25 соток построил дачу. С 1999 г. она у меня функционирует, с этого времени я здесь живу.

— Можно сказать, что это Ваш первый настоящий дом?

— Ну как сказать... У меня был замечательный, прекрасный, уютный дом, самый лучший до этого — это дом моего деда Павла Петровича Бажова в Екатеринбурге. Это был дом, построенный дедом в 1905 г. Он в это время работал учителем, уже женился на своей первой и единственной жене Валентине Александровне. Построил этот дом на Болотной улице, потом она стала улицей Чапаева. Там сейчас Музей Бажова. Там были четыре печки, которыми он отапливался всю жизнь, — все прибабасы нормального деревянного дома. Это был любимый дом моего детства.

— Но Вы же дедушку не застали.

— Нет, я гостил у бабушки. Дедушка умер в 1950 г., а я родился в 1956-м, так что в Екатеринбург приезжал к бабушке.

— Что Вам там особенно запомнилось?

— Там просто было чудесно: восхитительный дом, сад и огород. Я углублялся в этот сад, получал бездну удовольствия. Там был мой любимый старший брат Никита, который жил с бабушкой. У бабушки была проблема: у нее было шестеро детей, из них трое либо умерли, либо погибли. Она привыкла жить в большой-большой семье, которой она руководила. А потом все либо погибли, либо дочери разъехались кто куда. Старшая дочь уехала добывать нефть в Нефтеюганск. Мама — в Москву. А у мамы был сын от первого брака. И бабушка сказала маме: «Ты, конечно, можешь забрать Никитушку, но тогда сразу мне гробик готовь — я жить одна не буду!». Поэтому Никита жил с бабушкой. И я к нему приезжал, я его очень любил — он был старший брат, старше меня на десять лет. Я с ним

выходил в свет. Мне было шесть лет, а ему шестнадцать. У него была взрослая компания, а для меня это было восхитительное развлечение.

— *Поэтому с тех времен у Вас сохранилось такое восприятие дома — дом должен быть настоящим домом, а не квартирой?*

— Да. Скажу откровенно: я не люблю свою квартиру в Москве, потому что она в президентском доме, что, должен сказать, неудобно. До этого у меня была квартира в центре — на Мясницкой... Она была чудесной, но, к сожалению, на первом этаже, и там надо было держать постоянный караул, что, согласитесь, крайне неудобно. Поэтому я вынужден был отдать ее управлению охраны и переехать в новую квартиру. Но этот дом я не полюбил.

— *Когда начали строить этот дом, у Вас был какой-то план, или Вы полностью доверились архитектору?*

— Мне сделал проект хороший архитектор, приятель моего отца.

— *А что Вы хотели, чтобы обязательно было в проекте?*

— Я хотел одного: чтобы у меня был облицовочный кирпич снаружи, а внутри — просто брус, т. е. чистое, неполированное дерево. Это то, что мне нравится.

— *А обстановку, мебель как подбирали?*

— Для меня это не имеет значения. Все подбирала Маша. Но ни для нее, ни для меня это не имеет значения. Единственное, что важно, — как у меня организована библиотека: полки, книги...

— *Это главное место в доме?*

— Конечно.

— *А сколько места занимает?*

— На самом деле она у меня разбросана в разных комнатах, все вместе в одной комнате не поместишь. Можно сказать, что основное место в доме занимает библиотека.

— *А из каких-то зарубежных командировок в советское время Вы что-нибудь для дома привозили?*

— Нет. Меня это не интересует. Книжки — да. Их привозил.

— *От Ваших знаменитых дедушек какие-то вещи остались?*

— Книжки остались. Но это, скорее, все у мамы: архивы, вещи, фотографии... Остались по обоим линиям — и от отца, по линии Аркадия Петровича, и по линии ее отца Павла Петровича. Но основное отдали в музей: Гайдара в Арзамасе и Бажова в Екатеринбурге.

— *Вы жили рядом со Стругацкими. Организовывались ли какие-то домашние семейные праздники? Как они проходили?*

— Мы не объединяли свою жизнь со взрослыми. У меня была своя жизнь — детская, где у меня были друзья, с которыми мы дружим до сих пор. И были взрослые компании моих родителей, куда меня допускали. Они были очень интересными. У отца была масса друзей. Сейчас реалии изменились, и я не знаю, в какой степени Вам будут интересны конкретные имена... Лакшина, Слуцкого, Смелякова, Межирова... Это была литературная среда. Я уж не говорю о среде военных друзей моего отца. У Маши были свои друзья — соответственно у Аркадия Натановича. Наши родители были знакомы, но не были близкими друзьями.

— *Часто собирались компании?*

— Отец был общительным, у него было много друзей. Он любил приглашать в дом друзей, любил их принимать.

— *Это были застолья?*

— Это были в первую очередь разговоры. Нормальные, интеллигентские разговоры в стиле Москвы 60-х годов. Какое там было застолье, я уж не помню — вряд ли широкое. В первую очередь были чай и разговоры.

— *В детстве Вы были на Кубе, когда Вашего отца отправили туда служить. Какие-то яркие воспоминания у Вас сохранились?*

— Если бы Вы оказались на Кубе во время Карибского кризиса, у Вас были бы яркие воспоминания... Я, конечно, воспринимал все по-детски, но все равно понимал, что происходит что-то...

— *А что происходило?*

— ...Я жил в доме, который назывался «Риомар». До революции это был дом богатых иностранцев, где еще хозяин дома жил в своем пентхаусе на верхнем этаже. Он не сбежал, и ему оставили этот пентхаус. Я жил на десятом, моя комната выходила прямо на Карибское море, если быть точным на Мексиканский залив. Выхожу на балкон и вижу, как все море заполнено американскими военными кораблями с прожекторами, 30–40 американских кораблей... Прямо напротив. Я, конечно, не очень понимал, что происходило, но догадывался, что происходит что-то важное и потенциально опасное.

— *У Вас там была шикарная квартира?*

— По моим тогдашним представлениям шикарная, по моим нынешним представлениям нормальная. Нормальная 4-комнатная квартира, ничего особенного не было. Мы там провели два года.

— *Что-то увезли на память?*

— Красивые раковины, которые отец оттуда привез. А так — ничего особенного.

— *А Вам не приходилось возвращаться на Кубу?*

— Нет.

— *А не тянет съездить, посмотреть?..*

— Только после смены режима. Как меня сейчас пригласили в Ирак, там помогать. Мне почему-то кажется, что кубинский режим сменится. Раньше или позже... Не знаю, когда, но у меня такое ощущение, что, когда режим сменится, меня позовут посоветоваться, что там делать. Я неплохой специалист по ситуациям, возникающим после краха подобных режимов.

— *Специалист по кризисным ситуациям...*

— По этому типу ситуаций. К счастью, таких режимов становится все меньше, поэтому, думаю, мои навыки будут все меньше и меньше востребованы. Но там они понадобятся... Как и в Северной Корее.

— *А что, Вы и в Северную Корею собираетесь?*

— Не собираюсь... Но просто знаю, что когда там произойдет смена режима, то, скорее всего, меня пригласят посоветоваться.

— *Вам приходилось жить с родителями за границей еще где-то?*

— Да, в Югославии, долго. Югославия мне много дала. В ней был мягкий социалистический режим. Там были доступны книжки на сербском языке, который я хорошо знаю. Там была масса литературы, недоступной в Советском Союзе. Она там была разрешена, а у нас нет. И печать была более свободной. Плюс к этому это была страна рыночного социализма, и в связи с этим рыночные реалии, навыки там были элементами ежедневной жизни, чего не было в Советском Союзе до 1991 г.

— *Это повлияло на Ваш выбор будущей профессии?*

— Я колебался между тремя дисциплинами, которые меня интересовали. Истфак. Мама, которая была хорошим специалистом по истории внешней политики России, была благодарна мне за мои советы. Философский и экономический. Отец как-то мягко-мягко, ненастойчиво, в тактичной форме сказал: «Иди на экономи-

ческий. Это то, что будет важно и полезно в ближайшие десятилетия». И я послушал его совета.

— *А по каким книжкам Вас в детстве воспитывали — по сказкам Бажова или «Тимур и его команда»?*

— Меня в этом смысле никак не воспитывали. У отца и мамы было понимание, что воспитывать детей — занятие глупое. Воспитывать детей можно только собственным примером. А все остальные способы воспитания малоэффективны. Поэтому я сам выбирал, что мне читать. Иногда отец мне мягко, неназойливо подсовывал какую-нибудь книжечку — Киплинга в шесть лет, Джека Лондона в семь лет... Никогда не навязывал.

— *А книжки Гайдара когда Вы прочли?*

— Читал, конечно, и Бажова, и Гайдара. Мне они нравились, меня никто не заставлял их читать. Я их прочел, как и подавляющее большинство детей из интеллигентных семей этого времени.

— *Они у Вас на почетном месте дома?*

— Да. Я их люблю, считаю, что там много талантливого.

— *А Вы ощущали, что Ваш дедушка такой известный?*

— Это же невозможно не ощущать. Жизнь заставляет. Ты ходишь в школу, даже если хорошо учишься (а я хорошо учился), и все равно тебя постоянно будут попрекать дедушкой.

— *А Вас попрекали? Когда двойку получали?*

— Я двоек не получал. У меня была одна проблема в младших классах — отвратительный почерк. Как был отвратительный почерк, так и остался отвратительным. У меня отвратительный почерк, у отца отвратительный почерк, у деда отвратительный почерк... Так случилось. Разговоры о том, что как же так, у внука такого замечательного писателя и такой отвратительный почерк... Это со мной было все раннее детство.

— *А одноклассники как к Вам относились?*

— Вы знаете, кто твой дед интересно первые три недели, а дальше возникают нормальные мальчишеские взаимоотношения. Кому какое дело, у кого какой дед. Интересно, кто сколько раз подтягивается, отжимается, кто кому может в морду дать и кто как в шахматы играет.

— *А Вы в детстве дрались?*

— Нет, я был спокойный молодой человек. Я был довольно сильный, занимался плаванием, немножко боксом и карате, что из-

бавляло меня от необходимости быть агрессивным. Чего мне задирается? Это же идиотизм. У меня были со всеми нормальные отношения.

— *Вы всегда были очень правильным ребенком?*

— Однажды у меня была страшная, просто невыносимая провинность. Мне было восемь лет. Перед нами поставили задачу сбора макулатуры. Я с большим октябрятским энтузиазмом принялся за решение этой задачи, мы ходили нашим звеном по квартирам, собирали макулатуру. Потом я пришел к себе, спросил у нашей домработницы, нет ли у нас ненужных бумаг. Она говорит: «Посмотри, сколько всего тут есть!». Я сдал ненужные бумаги, потом выяснилось, что я сдал кубинский архив отца. Мои родители бегали туда, забирали его обратно. Ну ничего, даже это мне сошло с рук. Родители же понимали, что я плохого не хотел.

— *У Вас всегда были домработницы?*

— Нет, конечно, это была последняя. Это были те времена, когда в Москве были еще домработницы, когда был поток людей из деревни в город — самое начало 60-х годов. А потом они исчезли и все хозяйство вела моя мама. Хотя никогда не была домохозяйкой, она профессор-историк.

— *Егор Тимурович, а Вы в свою жену влюбились сразу, когда познакомились — с детства?*

— Я был в нее влюблен с 10-летнего возраста. Это была длинная история. Подробности рассказывать не буду. Наш роман состоялся не сразу, мы поженились только 18 лет назад, отнюдь не тогда, когда познакомились.

— *Как же так, Вы ее сразу полюбили...*

— А она-то меня нет.

— *Она не сразу?!*

— Нет. А чего это она меня сразу должна была полюбить? Надо было много сделать, чтобы она меня любила.

— *То есть Вы должны были ее заслужить?*

— Заслужить, конечно.

— *То есть можно сказать, что большая часть Вашей жизни...*

— Да, верно: большая часть моей жизни — это стремление заслужить ее любовь. За счастье надо было бороться. Ну не в прямом смысле бороться... Мы друзья с раннего детства, близкие друзья. Но чтобы добиться ее любви, надо было многое сделать.

— *Добиться высокого положения?*

— Доказать состоятельность. У Маши была своя проблема — очень непростая: у нее был восхитительный, умный, талантливый и блестящий папа. И как вы понимаете, это создает проблему для молодой красивой девушки. Во-первых, она все время сопоставляет всех своих потенциальных ухажеров с папой и выясняется, что на фоне папы никто никуда не годится. Во-вторых, она думает, что если кто-то за ней ухаживает, то потому, что она дочка такого папы.

— *Ну про Вас она не могла такого подумать.*

— Про меня такого подумать не могла, но тем не менее надо было долго стараться заслужить ее любовь.

— *Но сейчас-то она оценила свое счастье?*

— Думаю, что да. С детства считала, что второго такого как папа не дадут, а тут выяснилось, что дали. Во всяком случае так ей кажется.

— *А ее папе Вы нравились?*

— Да, к счастью. Когда последний раз мы виделись с Аркадием Натановичем... Он умирал очень тяжело... Меня как раз днями должны были назначать руководить российскими реформами. Он умер за несколько дней до того, как я был назначен в правительство. Мы на несколько дней уезжали с Машей. Приехали... Аркадий Натанович ей руку протягивает и спрашивает: «А где Егор?..». Да, у нас были очень хорошие отношения.

— *Когда в Вашей судьбе произошел этот резкий поворот и Вы возглавили российские реформы, что Ваша жена говорила?*

— Она понимала, что это данность, неизбежность, ей это страшно не нравилось. Она женщина и прекрасно понимала, насколько это небезопасно, причем не только для меня, это ладно, но и для всей семьи, для детей. При этом, она понимала, насколько это благодарно. Ей это все крайне не нравилось, но она знала, что об этом ее никто не будет спрашивать — это не было в традиции семьи. И папа бы не спрашивал о подобного рода вещах.

— *У Вас в этом плане патриархат: мужчина принимает решения и все?*

— Нет, почему? Неправда — есть масса вещей, в которых принимает решения женщина: что приготовить на ужин, какую одежду купить детям, как построить дом... Это все решает Маша. А вопросы, как проводить реформы в России, решаю я.

— *Потом она никогда Вам не говорила — «я же предупреждала...»?*
 — А она никогда не говорит. Она же понимает, что это бессмысленно, это не тема для обсуждения.

— *Несмотря на весь этот заряд ненависти, выплеснувшийся на Вас?*

— Это было ясно и мне, и ей.

— *А с ее отцом Вы это обсуждали?*

— Мы с Аркадием Натановичем часто обсуждали общеполитическую ситуацию, экономическую. Он этим интересовался. У него была, на мой взгляд, фантастическая политическая интуиция. Причем есть только один человек, которого я знаю, который обладает такой же странной политической интуицией в российской политике — интуицией, не базирующейся на рациональных аргументах. На том, что мы взвесили, посмотрели социологию, посмотрели экономические данные... А он посмотрел — сказал, что будет так. Это Борис Николаевич Ельцин и Аркадий Натанович Стругацкий — вот эти два человека. Может быть, есть и другие, но я знаю только двоих из людей, с которыми мне приходилось иметь дело, которые имели такое странное понимание российской политики, не основанное на понятных мне аргументах. Хотя я много книжек читал, хорошо информирован, прилично понимаю, что происходит, мне кажется, что, как правило, я точно оцениваю ситуацию... Но было несколько ситуаций, которые я оценивал неправильно, хотя исходил из всех рациональных соображений, а Аркадий Натанович или Борис Николаевич оценивали точно. Приведу один пример. Аркадий Натанович болел, писал уже тяжело. Они с Борисом Натановичем написали небольшую пьеску примерно в 89-м году, которая называлась «Жиды города Питера». Очень хорошая, т. е. не из самых моих любимых вещей, но тем не менее... Там описана некая ситуация, крайне похожая на происшедшие потом события 1991 г. И когда я уезжал в 1991 г. утром 19-го с дачи, которую мы снимали в Красновидово, в Москву, к себе в институт, чтобы заниматься делами, которыми предполагал заниматься 19–21 августа, я Маше сказал: «Все это страшно похоже на “Жиды города Питера”, но концовки у Стругацких никогда не удаются. Такого хеппи-энда, который там описан, как ты понимаешь, не будет». А он был!

— *А дальнейшие российские события они не предугадывали?*

— Аркадий Натанович умер в октябре 1991 г. А Борис Натанович, к счастью, жив, пишет... Правда, у них была общая договоренность, что есть один писатель — А. и Б. Стругацкие. Поэтому Борис Натанович пишет под псевдонимом Витицкий, по-моему, очень неплохие вещи.

— *Анатолий Чубайс однажды сказал, что единственный его близкий друг — это Вы. Вы ведь давно дружите?*

— Мы познакомились в 1982-м. Я помню этот момент с точностью до места и времени. Мой коллега по лаборатории — очень неплохой специалист, он сейчас работает в Высшей школе экономики — Олег Ананьин получил приглашение в Питер на неформальный семинар, который организовали молодые питерские экономисты. Он там выступал и сказал, что это интересная, хорошая группа экономистов. А потом открылась дверь у меня в кабинете (я в это время работал в Институте системных исследований, был старшим научным сотрудником) и вошел молодой, худенький, рыжий человек. Он сказал, что Олег был у них в гостях в Питере, что он читал мою последнюю статью в журнале «Вопросы экономики» и хотел бы, чтобы я подъехал к ним и выступил у них на семинаре. Что я и сделал.

К 1986 г., когда мы проводили семинар на Змеиной горке, с которого и начались российские реформы, мы уже были близкими друзьями.

— *А сейчас, когда встречается, вы все время говорите о работе, о судьбах России или о чем-то еще?*

— Естественно, в основном о своем, «о девичьем»: о работе, судьбах России, об электроэнергетике, о моих последних разработках... Но при этом, как все нормальные люди, и о детях, об их проблемах...

— *Часто встречается?*

— Мы оба занятые люди и, конечно, не ходим друг к другу каждый день пить чай, но встречаемся регулярно. Иногда ездим вместе на охоту.

— *А где Вы охотитесь?*

— Это неважно... В средней полосе России.

— *А на кого?*

— Обычно это что-то такое вполне компактное — либо зайчик, либо уточка.

— Вам нравится ружье?

— Мне эти игрушки нравятся.

— А машину Вы водите?

— Нет. Тут у меня проблема. В то время, когда я мог научиться водить машину, у меня не было ни малейшей возможности ее купить. Это вполне понятно людям, жившим в советских условиях. Можно было, конечно, встать на очередь в Академии наук, но стоять там надо было лет 20. А к тому времени, когда у меня появилась возможность ее купить, у меня, как правило, был свой водитель. А теперь учиться уже поздно. Дети все водят, естественно.

— И Чубайс водит?

— Чубайс водит. Он купил свой «Запорожец», еще когда был доцентом в Ленинградском инженерно-экономическом институте. Он был на хорошем счету, постоял в очереди. Видимо, его поощрили... И я помню прекрасно — я был уже большим начальником по советским масштабам — членом редколлегии журнала «Коммунист». А у них была сложная ситуация. Питер все-таки всегда находился под гораздо большим политическим подозрением. И мне нужно было по его просьбе прибыть в Питер, чтобы переговорить с Ленинградским обкомом партии, что это хорошие ребята, их не надо обижать, они делают то, что надо. Как говорилось в фильме «Берегись автомобиля», «это нога — у кого надо нога». И я помню, как Толя встречал меня на своем светло-сереньком «Запорожце» на Московском вокзале.

— Он его не сохранил, как раритет на память?

— Думаю, что нет — он несентиментален.

— Как Вы проводите отпуск?

— Обычно у меня стандартный отпуск. Он делится на две части. Первая, когда я работаю, т. е. сижу и пишу. И вторая, когда я, собственно, и нахожусь в отпуске. Он у меня стандартно составляет 6,5 дня, и я обычно провожу его в Словении.

— А почему?

— Мне там очень нравится. Я там привык. Там все, что надо мне, моей семье: море, конец августа, тепло, не жарко...

— И ни в какие другие экзотические страны, на острова...

— Нет, не тянет.

— Какие праздники в Вашей семье были самые важные?

— День рождения отца, мамы. 7 ноября и 1 мая не отмечали. Здесь не было элемента идеологических убеждений — просто не было принято.

— И все же диссидентства в Вашей семье не было?

— Почему? Было. Отец — нормальный «шестидесятник», хотя он и военный. И его друзья — нормальные «шестидесятники». Он был потрясен событиями 68-го года в Праге. На него было страшно смотреть — было ощущение, что у него рухнула картина мира. Он-то был убежден, что социализм — это правильно. Ну, надо было что-то подправить, реформировать, изменить, но система в общем-то правильная. И вот в 68-м году, в августе, у него просто сломался мир. Он понял, что, оказывается, то, во что он верил, не совсем хорошо.

— А как он принял события 1991 г.?

— В 1991 г. он мой курс поддерживал, был вполне убежденный, последовательный демократ. Он был у Белого дома в 1991 г., а в 1993 г. — на Пушкинской площади.

— Он поддерживал Вас, когда Вы начали проводить реформы?

— Он понимал, что я лучше его понимаю экономику. Я же не буду учить его, как управлять подводной лодкой — он морской офицер. А он не будет меня учить, как проводить экономические реформы. Я ему рассказал, что, видимо, будет. Он ездил с мамой в Крым на четыре недели отдыхать, заехал ко мне на 15-ю дачу, где мы писали программу реформ. Я ему сказал — будет так-то и так-то. Он, конечно, внутренне пришел в ужас — это было видно по его глазам. Он не слабый человек — много «горячих» точек прошел, но тут я впервые, пожалуй, увидел, как он внутренне сжался. Впоследствии он мне всегда говорил, что мы плохо ведем пропаганду, что этим нужно заниматься последовательно и гораздо энергичнее, что нельзя так мало уделять этому внимания, больше объяснять людям.

— Отец не говорил, что Вас бросили на амбразуру?

— Ну бросили и бросили — судьба, значит, у нас такая... Куда родина послала — туда и иди. Он всегда был моим единомышленником, всегда поддерживал меня. Он был умный, хорошо образованный, интеллигентный человек. Он прекрасно понимал, что такое реформы после краха тоталитарной системы.

— А своих детей Вы как воспитываете?

— Точно так же, как воспитывали меня — я их не воспитываю. Конечно, они приходят ко мне, советуются, спрашивают, консультируются, какую книжку почитать по этому поводу, какие были новые, свежие работы...

— *Ваши дети учатся, работают?*

— Старшие у меня работают. Они так или иначе связаны с экономикой, хотя не совсем так, как я, т. е. это не теоретическая экономика. В основном они учились здесь, хотя все по разным причинам какое-то количество времени — год, два — проводили за границей.

— *Как Вы относитесь к тому, что сейчас детей отправляют учиться за границу?*

— С точки зрения изучения английского языка — на год, на два, то почему бы и нет. Сейчас я послал младшего сына на год — потом еще на год оставлю — в Англию, потом привезу обратно. Во-первых, я хочу, чтобы он некоторое время пожил самостоятельно, отдельно от нас. Ему 13 лет. Все-таки Вы знаете, тут есть свои проблемы, когда ты живешь с таким папой. Во-вторых, я хотел, чтобы он лучше изучил английский язык, чтобы у него не было проблем с выбором дальнейшей учебы. Но я знаю, что после этого хочу, чтобы он обратно пришел в нормальную русскую школу. Старшего своего сына я тоже посылал в хорошую английскую школу. Там он проучился год-полтора. После этого у него блестящий английский язык, который он знает лучше меня (у меня — приличный, а у него — блестящий). Но за эти полтора года он резко «просел» по математике, потому что математику в Англии преподают хуже, чем в хороших российских школах. После этого мне пришлось нанять ему хорошего преподавателя, чтобы он вышел обратно на уровень хорошей матшколы.

— *А высшее образование пусть лучше получают здесь, в России?*

— Это всегда очень по-разному, но я не вижу оснований получать там высшее образование. А язык знать надо обязательно. Что делать — так жизнь устроена: была латынь, французский, сейчас — английский. Это мировой язык. Если ты его не знаешь, то ты, к сожалению, отделен от значительной части информационных потоков. А посылать учиться постоянно — зачем?

— *Вы как-то объясняете детям, что нельзя пользоваться высоким положением отца?*

— Нет, они прекрасно это знают. Не надо ничего детям объяснять. Дети, как правило, учатся по принципу «делай, как я».

— *А Вы их балуете? Можете купить что-то, чего захотят?*

— Иногда можно... В зависимости от того, что он захотел...

— *Машину, например.*

— Старшие сейчас сами зарабатывают, а младший, конечно, для него главное — компьютер, приставки, игрушки... Не балуем, конечно, но покупаем. Без излишеств.

— *А взрослым Вы помогаете материально?*

— Нет, они на полном самообеспечении. Но, естественно, когда возникают какие-то проблемы, они могут прийти, обсудить, и при необходимости можно помочь... У нас в семье была такая традиция, что когда человек женится, то он предполагает, что содержание его семьи не будет нести старшее поколение. Когда я женился, не предполагалось, что мама с папой будут содержать мою семью. И у них то же самое.

— *То есть Вы к родителям не обращались за материальной помощью.*

— Нет. Это неприлично.

— *А если сын придет и скажет: «Папа, я женюсь, мне нужна отдельная квартира». Что Вы скажете?*

— Работайте, снимайте. Но им даже в голову не придет такое сказать мне.

— *У Вас одни сыновья?*

— У меня и дочка есть. И дочка тоже зарабатывает. А у дочки муж есть, который также зарабатывает.

— *А увлечения, хобби у Вас есть?*

— Я очень люблю собирать грибы. Я беру свою любимую жену, мы идем в лес, иногда едем в хорошие грибные места, иногда собираем здесь, хотя здесь не очень богатый грибами лес. Я люблю, когда получается порыбачить немножко, поохотиться. Не могу сказать, что я фанат этого, но если есть время... то почему бы и нет.

— *А из этих грибов жена что-нибудь готовит? Вообще она хорошо готовит?*

— Прекрасно.

— *Вы гурман?*

— Да. Если сказать честно — это слабость... Люблю я вкусную еду.

— *А что Вы особенно любите?*

— Ну, у меня здесь широкая палитра. Я здесь мягкий человек и считаю, что надо есть в первую очередь то, что органично для этой местности. Поэтому, скажем, я категорический противник японской кухни в Москве — я в японские рестораны хожу в Японии, или на Тайване, или в Шанхае — там, откуда все это возникло. Чтобы в пять утра было продано на токийском рыбном рынке и появилось у меня на столе. А когда я понимаю, что как ни крути, а для того, чтобы ее сюда доставить, нужно как минимум 20 часов, у меня не возникает ни малейшего желания. Скажем, китайская кухня гораздо более непривлекательная. Ты понимаешь, что там нормальные, настоящие китайские продукты. Маша моя хорошо готовит блюда китайской кухни. У нее же бабушка — один из ведущих российских китайцев, а мама просто родилась в Шанхае.

— *Может быть, это одна из черт, за которую Вы ее полюбили?*

— Сказать честно, в то время, когда мы с ней поженились, я был не в курсе, что она, кроме всех своих достоинств, еще и прекрасно готовит. Это была приятная неожиданность.

— *Когда к Вам приходят гости, как вы развлекаетесь?*

— Компании у нас собираются редко и не очень большие. У меня есть круг друзей — с детства, кто-то остался со студенческих времен, с кем-то я работаю сейчас. В основном беседуем.

— *А песни случайно не поете?*

— Бывает... У меня дети поют под караоке. И даже я иногда. Мне прекрасно удается «Варяг», я обычно получаю сто баллов за исполнение. «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”» у меня идет хорошо.

— *Какие в Вашей жизни самые счастливые моменты?*

— Счастливые моменты — это когда меня никто не дергает, когда дают спокойно работать. Это бывает довольно редко. Когда каждые пять минут не зазвонит телефон, не возникают сложные политические проблемы, тебе дают спокойно прочитать те полторы тысячи страниц, которые ты хочешь сегодня прочитать, — вот это счастье.

— *Если бы не работа в правительстве, Вы бы по-прежнему занимались наукой?*

— Я был бы профессором. Я был одним из самых молодых докторов экономических наук в России до того, как пришел в правительство, и ясно, что я и продолжал бы этим заниматься.

— *А каких-то сожалений о том, что, может быть, что-то было сделано неправильно, не возникает?*

— Нет. Что-то сделано правильно, что-то неправильно. Я не видел еще людей, которые делают все правильно. Знаю, что подавляющее большинство проблем существовало бы независимо от того, кто бы там был. Убежден, что в 1991–1993 гг. мы спасли страну от гражданской войны. И то, что риск был серьезным, мы тоже хорошо знаем.

— *Значит, жизнь удалась?*

— Если Вы перечитаете Геродота, то согласитесь со мной, что говорить это до тех пор, пока ты не умер, нельзя.

Дьявол — в деталях

Я не вижу политической воли для проведения административной реформы.

Е. Гайдар

Бывший премьер российского правительства Егор Гайдар консультирует сейчас новое иракское правительство по вопросам восстановления страны. Однако проблемы российской экономики волнуют его ничуть не меньше. О том, чего за последние четыре года удалось достичь исполнительной власти, а в каких областях экономики реформы «провалились», директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар рассказал в интервью «Новым известиям».

— *Что, на Ваш взгляд, правительство делает правильно, реформируя экономику, а что — нет?*

— За последние годы много сделано для построения нормальной налоговой системы. Мы радикально снизили предельные ставки налогов, отказались от использования самых «вредных» из них и тем самым расширили налоговую базу и увеличили доходы бюджета. Таких успехов налоговой реформы мировая история знает мало. А вот в области государственных расходов мы сделали крайне мало или почти ничего. Правительство провело два полезных нововведения: переход на казначейскую систему исполнения бюджета и введение Бюджетного кодекса, который сделал бюджетные процедуры более прозрачными. Но вопрос о том, на что и как мы тратим бюджетные деньги, остается актуальным. Нам завидуют многие коллеги из Министерства финансов США и других стран «восьмерки» по поводу внедрения у нас плоского подоходного налога — они об этом давно мечтают. Но при всей политической сложности этого шага его реализация на практике — технологически простая задача. Административная же реформа гораздо много-

Интервью брал Каха КАХИАНИ.
Опубликовано в: Новые известия. 2003. 17 ноября.

граннее и сложнее. Банальностей я могу наговорить сейчас много, и Вы со мной наверняка согласитесь. Но когда мы с Вами выйдем за пределы этого набора банальностей, выяснится, что первое условие успеха административной реформы — это глубокое знание административных структур, которые будут сопротивляться нововведениям. Я не говорю, что эта задача нерешаема, но технологически ее провести как раз сложно. Например, чтобы перевести армию на контрактный принцип комплектования, нужна политическая воля. Это показывает мировой опыт. Военные сами, без мощного давления извне никогда не реформируют военную организацию. В данном случае государство само должно перестроиться.

— *А может быть, «перестройка» самого себя — пустое занятие. Может, стоит проработку этого вопроса поручить не группе чиновников, а независимым от правительства экспертам?*

— Вы можете назвать мне пофамильно двух-трех таких экспертов? Покажите эксперта, который понимает, как нужно реформировать санэпидемстанцию, чтобы она могла бороться с эпидемиями и в то же время не вымогала взятки у предпринимателей. Покажите мне эксперта, который скажет, как реформировать ГИБДД, чтобы не росло количество аварий на дорогах и при этом гаишники бы массово не занимались мздоимством. Легче всего сказать: давайте упраздним ГИБДД. Но после этого выяснится, что на дорогах образуется бардак, — и Вы снова восстановите эту службу. Набор банальных мер типа «сократим штаты и увеличим зарплаты» не решит эту проблему.

— *Кстати, по поводу зарплат. Сейчас многие регионы жалуются, что доля расходов по выплате зарплат в региональных бюджетах после октябрьского повышения резко возрастет, и местные бюджеты могут не выдержать. Насколько, с Вашей точки зрения, обоснованы подобные «страшилки»?*

— У нас хорошо идут поступления по подоходному налогу, который федеральные власти полностью передали на местный уровень. Мы надеялись, что поступления подоходного налога вырастут, но никогда не включали этот фактор в расчеты бюджета. Поэтому устойчивость региональных бюджетов на сегодняшний день сохраняется. Если бы не было этих 200 млрд руб. дополнительных поступлений подоходного налога, возникших между 2000 и 2003 гг., мы имели бы в регионах тяжелейшие проблемы.

— *Тогда почему многие регионы жалуются на то, что не справятся с ситуацией?*

— Допустим, Вы возглавляете областную власть. Разве Вы бы не говорили, что денег не хватает, если поступление дополнительных финансовых ресурсов зависит как раз от Ваших жалоб? Люди реагируют на стимул, остальное — подробности, это знают экономисты со времен Адама Смита. Существует другая фундаментальная проблема. Федеральные органы власти должны принимать решения по тем деньгам, которые они выплачивают. Региональные и муниципальные органы должны отвечать по своим обязательствам. Возьмем другую большую редконаселенную страну с федеративным устройством, например Канаду, и представим себе, что там федеральное правительство станет говорить регионам, какие зарплаты они будут платить учителям. Это даже не анекдот — в подобную чушь просто никто не поверит, потому что там твердо знают: есть разный уровень ответственности, и каждый должен отвечать по своим обязательствам. И этому принципу необходимо следовать.

— *А то, что федеральный центр хочет внедрить идею внешнего управления в регионах-банкротах, Вас не пугает?*

— Если регион можно довести до банкротства, вопрос о внешнем управляющем второстепенный. Когда регион является банкротом, т. е. не платит за свет, газ, горячую воду, не платит учителям и врачам, нормальный губернатор должен подать в отставку, понимая, что иначе будет хуже. Да, в середине 90-х годов отношения между правительством и субъектами РФ носили индивидуальный характер. На размер трансфертов влияли такие факторы: кто и как надавил на правительство, кто провел через Думу нужное решение, кто и как зашел к министру финансов. Нельзя сказать, что мы полностью ушли от этой ситуации, но за последние пять лет уровень прозрачности межбюджетных отношений повысился. Есть формула межбюджетного выравнивания, которая воспринимается регионами как справедливая. В ситуации, когда кто-то не справляется со своими обязанностями или попросту ворует, вопрос о внешнем управлении становится разумным.

— *Сейчас много вопросов возникает по поводу законов о местном самоуправлении. Регионы жалуются, что расходных обязательств центр им передал больше, чем налоговых поступлений.*

— Важно добиться ясности по вопросу о том, кто за какие обязательства отвечает, кто имеет право взимать налоги и каким образом центр помогает регионам, у которых средств не хватает. С этим спорить нельзя. Дьявол — в деталях. Проблемы возникают не столько между федеральными органами власти и региональными, сколько между муниципальными властями и субъектами РФ.

— *Вы правильно заметили, что дьявол скрывается именно в деталях. Регионам, например, чтобы компенсировать отмену налога с продаж, передали акцизы на нефтепродукты. А они, как показала практика, собираются весьма неравномерно.*

— Здесь накладываются две реформы: налоговая и бюджетного федерализма. Нельзя в федеративной стране проводить налоговую реформу и одновременно не задевать отношения между Федерацией, регионами и муниципалитетами. Если Вы спросите меня, какая тема была наиболее острой не на трибуне, а за кулисами, то ответ каждый раз будет один и тот же: это именно межбюджетные отношения. Напомню, что в этом году в Думе развернулись острые баталии по поводу отмены налога с продаж, о чем было объявлено еще в 2000 г. На мой взгляд, это правильный шаг. Тем не менее вся страна была свидетелем того, как ожесточенно некоторые регионы боролись за сохранение этого налога. Возник вопрос, как компенсировать 62 млрд руб. И был серьезный торг по поводу перераспределения налога на прибыль, акцизов на горюче-смазочные материалы и других налогов. В результате пришли к компромиссному решению, потому что других путей нет и не было. Именно таким путем сложных и открытых переговоров должны решаться разногласия между центром и регионами.

Самый серьезный риск сегодня — приход в экономическую политику кухарки с пистолетом

В четверг Егор Гайдар представит на суд общественности три экономических талмуда, созданных возглавляемым им Институтом экономики переходного периода. Известный радикал-реформатор говорит, что два тома — это «энциклопедический труд, посвященный кризису 1997–1998 гг. и восстановительному экономическому росту в России». Однако вдобавок к истории институт представит еще один том — это «доведенные до уровня конкретных законодательных актов, расчетов и документов программные предложения по следующему этапу социально-экономических преобразований в России», — сообщил Егор Гайдар обозревателю «Известий» Светлане Бабаевой.

Окно или форточка

— Не рано ли представляете программные документы — мы еще выборы не пережили?

— Не рано. Та программа, которую мы представили президенту в 1999-м, в 2002–2003 гг. в значительной степени была реализована: идея налоговой реформы, плоского подоходного налога, единого социального, земельное законодательство. Ту реформу мы начали разрабатывать в политической ситуации, которая, казалось, полностью исключала возможность ее практической реализации. Это было после кризиса 98-го года, пришло правительство левых. Было трудно представить, что через полтора года можно будет начать реализовывать либеральную программу. Но если разрабатываешь программные документы, когда окно политических возможностей уже открылось, к тому моменту, когда закончишь

Интервью брала Светлана БАБАЕВА.
Опубликовано в: Известия. 2003. 27 ноября.

работу над ними, окно закрывается. Наша ответственность как института на вопрос: «а что теперь, когда политические заморочки кончились, делать?» — предложить не абстрактный, а конкретный, проработанный ответ. А дальше выбор власти — воспользоваться этим или нет.

— Каков Ваш прогноз — если окно откроется, то надолго ли, будет это окно или форточка?

— Не знаю. Это вопрос к власти. Когда окно может открыться, сказать могу: между маем и концом июля 2004-го. Дальше можно что-то доделывать, дополнять, но главное зависит от того, что будет сделано за эти три месяца.

— За квартал не много можно успеть.

— Любое правительство сталкивается с жесткими ограничениями на число глубоких структурных реформ, которые оно способно проводить одновременно. Если завтра американское правительство попытается провести 25 глубоких структурных реформы, не пройдет ни одна, потому что каждая реформа — это: а) серьезная техническая подготовка; б) политическая мобилизация (работа с парламентом, создание необходимых коалиций). В общем это огромная головная боль. Предпосылка успеха любых реформ — способность четко определять приоритеты.

Нам завидует «Большая восьмерка»

— А какие приоритеты предлагаете Вы в своей программе?

— За первый срок президентства Путина сделано много полезного в налоговой сфере. Понятно, что лучшая налоговая система — это та, при которой не надо платить налогов. Поэтому нет такой страны, где люди были бы довольны налогами. Тем не менее мы смогли провести реформу, в рамках которой радикально снизили предельные ставки налогов и при этом получили не падение, как случилось, скажем, в США, а рост поступлений. Некоторым чертам российской налоговой системы сегодня завидуют министры финансов стран «большой восьмерки», Восточной Европы. Недавно министр финансов одной очень большой страны третьего мира прилетал в Москву специально, чтобы изучить детали нашей налоговой реформы.

— Если все нам так завидуют, почему американцы создают общий рынок не с нами, а со странами Латинской Америки, Евросоюз принимает в свои члены не нас, а Восточную Европу, от нас отгораживаясь визами и прочими барьерами?

— Потому что, к сожалению, эти вопросы не сводятся к технологии взимания подоходного налога. Она не меняет географического положения, ситуации с правами человека, проницаемостью границ и т. д. Тем не менее — и это фундаментальное достижение — мы научились прилично собирать налоги.

А вот то, как мы тратим государственные деньги, находится за гранью добра и зла. Мы их тратим не потому, что знаем, какие услуги хотим купить у государства, а потому, что так тратили деньги в прошлом году, позапрошлом, при Советском Союзе... Есть бюджетная сеть, которую надо финансировать. Нужна ли эта сеть в таком виде — это не важно. И получается: ты можешь прилично собирать налоги, но понятия не имеешь, на что они тратятся. За последние два года только подоходный налог и налог на добычу полезных ископаемых дали 15 млрд долл. дополнительных поступлений. И что? Если не происходит улучшения качества услуг, людям неинтересно слушать, как хорошо собираются налоги. На это налогоплательщик резонно скажет: «Я рад, что вы собираете налоги, но еще хотелось бы знать, за что я их плачу».

НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА НА ДАЧЕ № 5

— Таким образом, к приоритетам Вы относите реформу бюджетной сети. Если грубо, то министерства и ведомства должны превратиться в конторы по оказанию услуг населению. Одно смущает: этим уже год пытается заниматься Минэкономразвития, периодически его за это линчуют. Этим пытались заниматься в рамках административной реформы. Этим занимались «младореформаторы» в 1997-м. Ваш же коллега Борис Немцов. И что, опять «мы предлагаем...»?!

— Вообще-то и налоговая реформа была придумана на госдаче № 5 в Волынском в конце 1996 г. ...Но то, о чем Вы говорите, было невозможно в 1997-м в силу отсутствия большинства в Думе.

— Уверены, что сейчас будет возможно?

— Никогда нельзя быть уверенным. Надо быть полным идиотом, чтобы, приступая к реформам, сказать: я уверен, что проведу их! Что, в 2000 г. могли сказать: мы уверены, что примем плоский подоходный налог? А в 2001-м были уверены, что проведем реформу ресурсных налогов? Нет, конечно! Но провели.

ПЕНСИОНЕРУ НУЖНА НЕ БОЛЬНИЦА, А ЧТОБЫ ЕГО ЛЕЧИЛИ

— Какие основные шаги Вы предлагаете сейчас по бюджетной сети?

— Главный вопрос — правовой статус бюджетных учреждений. Сегодня мы обязаны платить деньги из бюджета просто за факт существования такого учреждения. Скажем, есть некий институт. Первое — Вы должны платить ему деньги, второе — если он наделает долгов, как думаете, кто будет отвечать за это?

— Государство, раз это государственное учреждение.

— Совершенно верно, бюджет. Поэтому первое — надо провести пересмотр правового статуса этих учреждений. Поскольку дьявол всегда сидит в деталях, наше предложение — иметь формулу, по которой может реконструироваться статус каждого из существующих сегодня бюджетных учреждений. Грубо говоря, надо дать меню, в рамках которого можно выбрать. «Я хочу быть полностью бюджетной организацией». Тогда все счета — в казначейство, жесткие ограничения на коммерческую деятельность, зато бюджет обеспечивает. Либо ты говоришь: «Хочу заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью, мне не надо рассказывать, где держать деньги, хочу ими распоряжаться сам».

— И как будут регулироваться отношения, скажем, такой клиники с бюджетом?

— Тогда она получает деньги только за выполнение бюджетного заказа.

— Как это будет выглядеть: пролечить 100 больных в год?

— Необязательно. Например, пролечить такое-то количество зубов или вылечить столько-то больных с воспалением легких.

— Вас поднимут на вилы. Сегодня пенсионер знает: он прикреплен к районной поликлинике, где ему пусть и ценой многочасовых очередей, отвратительного качества и т. п., но зубы вставляют, очки выпишут и т. д. А по Вашим предложениям они должны будут за все это платить.

— Нет, потому что неработающих граждан мы также предлагаем включить в систему обязательного медицинского страхования, которой сегодня охвачены только работающие. Пенсионеру нужно, чтобы не больница существовала, а чтобы его там лечили. В чем главная проблема нынешней системы здравоохранения? Она является странным сочетанием бюджетного и страхового финансирования. Что получается? Больница оказывает услуги по страховым полисам, а если ей средств не хватает — обращается к бюджету и говорит: доплатите, мы тут работаем. Вы платите больнице, не соотнося это с объемом оказываемых услуг. Давайте вместо того, чтобы финансировать сеть, предоставим пенсионеру страховой полис, сделаем медицину страховой. Либо давайте скажем: нет, со страховой не получилось, восстанавливаем в полном объеме государственное финансирование... со всеми последствиями в виде отсутствия стимулов к работе и т. д. Но сохранять все в существующем виде — самое худшее, потому что систему мы получили сложную, дорогую, но абсолютно неэффективную.

ДУМАЕТЕ, РЕФОРМУ ПРОВОДИТЬ ЛЕГКО?

— *Вы хотите провести серьезные изменения в системообразующей отрасли. При этом 90% работающих в ней не готовы к работе на новых принципах. Да и власть вряд ли готова к таким серьезным действиям. Ведь это одна из тех сфер, где цена ошибки очень велика.*

— Знаете, если бы мы говорили об этом в 83-м, когда мы с коллегами писали первую программу реформ, в разработке которой я принимал участие, то я бы принял эту логику. Но сегодня не 83-й год. У меня большой опыт проведенных реформ. Хуже проведенных, лучше проведенных, но проведенных. Я знаю, как это делается. Легко? Нет, это крайне сложно. Думаете, реформировать подоходный налог было легко? Нет, потому что параллельно надо отменить кучу льгот, а значит — вступить в противоречие с военным лобби, правоохранительным, судебным и т. д. А эти лобби будут Вам говорить, что идея плоского налога — издевательство над принципом социальной справедливости. И если дадите им полгода организоваться — Вы никогда в жизни эту реформу уже не проведете. Секрет успеха — когда на следующий день после назначения правительства появляется документ президента с изложением концепции рефор-

мы, параллельно возникают поправки в законы и вся реформа уместается в 57 дней. Но не надо думать, что так будет каждый раз. Нет стандартных рецептов и нет гарантий. Одно могу сказать точно: если есть фундаментальная проблема, как, скажем, неэффективность бюджетной сферы, с течением времени она только обостряется. И рано или поздно ее придется решать. Вопрос цены.

С ОБОЗОМ В «ГОРЯЧУЮ ТОЧКУ» НЕ ПОЕДЕШЬ

— *По военной реформе что-то предлагаете?*

— Часть наших предложений военными была учтена, но главная проблема, по-моему, в том, что мы с Минобороны исходим из другой логики. Они считают, надо ориентироваться на длинный контракт по типу канадского: ты берешь рядового, и он служит 25 лет, а мы — за короткий, как в США. Обе системы имеют преимущества и недостатки. Но мне кажется, нам больше подходит модель относительно короткой службы. Почему? Первая, скорее, для реалий «холодной войны»: есть военный, ты его выгучил, потом послал в Германию. Он едет туда с семьей, снимает жилье, ходит на работу. Какие реалии сегодня? Государство ставит целью создание частей постоянной боевой готовности. В них будут служить ребята, которых в любой момент могут перебросить в «горячую точку». Значит, нужна высокая мобилизационная и боевая готовность. А если у контрактника обоз с детишками, если он живет не в казарме, а в частном секторе, как он выдвинется, как сможет надолго оставить семью? Канадцы сейчас столкнулись с проблемой: солдаты в Афганистане, а дома у них жены, дети. Больше шести месяцев, в крайнем случае года держать такого военного одного нельзя. Его надо сменить и дать возможность побыть с семьей. А выясняется, что менять не на кого... Поэтому мы и считаем, что нам больше подходит американская модель: молодые ребята приходят, служат, получают льготы по обучению, приему на госслужбу и уходят на гражданку.

СЛЕДУЮЩАЯ ПРОГРАММА НЕ БУДЕТ ПРОГРАММОЙ ГАЙДАРА

— *Ваша программа, во всяком случае на словах, очень похожа на ту, которой сейчас занимается группа Игоря Шувалова, замглавы президентской администрации. Более того, Вас часто видят в кабинетах*

членов этой группы, а их — у Вас. Но Шувалов представит свои наработки лишь весной. Вы считаете нормальным представлять свою программу сейчас?

— Та программа, которую представит группа Шувалова, будет их программой.

— А представление Вашей программы за неделю до выборов все сочтут не иначе как пиаром правой партии.

— Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, это не программа СПС, а предложения нашего института. Во-вторых, мы активно участвовали в подготовке программных документов в 1997–2000 гг., тем не менее программа, которая реализована, называется программой Грефа. Следующая, вероятно, станет программой Шувалова, даже если в ней будут учтены некоторые наши предложения.

— Не очень понятно, зачем с разницей в квартал представлять две огромные работы, ключевые задачи которых одни и те же, как будто было нельзя вместе над одной поработать...

— Это не две работы. Это предложения, которые могут быть использованы в рамках работы над программными документами для следующего окна политических возможностей. Для высокопоставленного чиновника, который занимается разработкой программных документов, нет ничего хуже чистого стола перед ним. И так дел по горло, а ты еще должен сидеть и выдумывать все сам. Это тяжело. Гораздо лучше, когда есть один вариант, другой, третий и ты можешь их просмотреть, оценить, взвесить, выбрать. Могу ответственно сказать: наличие проработанных, не популистских документов резко облегчает работу.

— Я не могу не задать вопрос, который волнует многих: какие проблемы в экономике могут возникнуть в ближайшие 3–4 года? Знаете, когда положение стабилизируется, беспокойство усиливается...

— Когда Вам кажется, что все очень хорошо, это подталкивает к тому, чтобы делать глупости. В 1991 году были практически нулевые валютные резервы, Советский Союз обанкротился и люди были готовы поднять всех на вилы, что-то я мало видел силовиков, желающих взять на себя ответственность за проведение экономической политики... А сегодня, когда валютные резервы 65 млрд долл., почему самим не поуправлять? Самый серьезный риск сегодня, на мой взгляд, приход в экономическую политику кухарки с пистолетом.

Реформы и шахтерское движение

Егор Тимурович, здравствуйте. Предполагается, что в книге¹ будет использована лишь часть интервью с Вами. Тем не менее мы сделали полную расшифровку в надежде на то, что завизированное Вами интервью можно будет опубликовать в полном варианте в СМИ после или в момент выхода книги.

С уважением, Андрей Никитин, Пермь.

— Какова была ситуация, сложившаяся к началу реструктуризации угольной промышленности? Насколько она была связана в целом с общей ситуацией в стране? Каковы были предпосылки для начала реструктуризации? Что для правительства было в данной ситуации наиболее важным?

— Расскажу грустный анекдот, который мне поведал министр топлива и энергетики в нашем правительстве по поводу ситуации в угольной отрасли после всего, что было сделано в 1989–1991 гг. Приезжает группа японских специалистов анализировать ситуацию в российском угольном секторе. Выясняют, что пытались сделать по его реструктуризации. Им отвечают: то пытались сделать, се пытались, ничего не получается... Японцы, в конце концов, задают вопрос: «А вы работать случайно не пробовали?».

Раздутые штаты, экспансия численности работающих, концентрация дотаций на убыточных шахтах, деньги идут на шахты, которые производят 10% угля и потребляют 90% субсидий. Их надо закрывать. Но никто не хочет этим заниматься. Никто не хочет об этом думать. Угольная — единственная отрасль, в которой есть

Интервью взято Андреем НИКИТИНЫМ в декабре 2003 г.

Его фрагменты использованы впоследствии в книге «День шахтера». М.: Либеральная миссия, 2004.

¹ Имеется в виду книга «День шахтера», посвященная роли шахтерского движения в политических и экономических реформах конца 80-х — начала 90-х гг. — Прим. ред.

реально действующие профсоюзы. Полная дезорганизация в секторе государственного управления отраслью. Ясно, что отрасль тяжело больна, в ней серьезные проблемы. Но чем хуже, тем лучше, потому что, чем больше проблем, чем больше забастовок, тем больше дотаций, чем больше дотаций, тем больше возможностей воровать. И альтернатива реформе только одна — продолжение вот этого безобразия.

— *Какова роль шахтерских забастовок 1989 г. в деле реструктуризации?*

— Шахтерские забастовки сыграли серьезную роль в крахе Советского Союза, всей социалистической системы. Власти не были готовы разбираться, пытаться понять, что происходит в действительности, что можно сделать, чтобы навести порядок. Реакция была такая: «Раз нас здесь допекли, придется давать денег, мыла, колбасы, социальных благ, привилегий».

Это понятно, но проблему отрасли не решает. Сегодня мы все знаем, что это эффективная отрасль, куда пришло много крупного капитала, — отрасль, за которую борются, отрасль, которая растет, и растет быстро. А в то время это был элемент воровского собеса.

— *Либерализация цен на уголь произошла гораздо позже, чем в целом в экономике...*

— Виноват. Не справился. Мы обсуждали подробно в конце 1991 г. тему либерализации цен на энергоносители. У меня было желание либерализовать цены на энергоносители в самом начале 1992 г. вместе с остальными отраслями. Но некоторые мои коллеги, не буду их обвинять, мне сказали: «Егор Тимурович, зима, возможны перебои со снабжением энергоносителями, давайте подождем конца отопительного сезона...». Я принял эти аргументы и был не прав. Ничего страшного от либерализации цен на энергоносители не произошло бы. В этом я убежден, хотя понятно, что всегда есть риски. Но ты будешь потом дяде рассказывать, что ты думал, когда заморозил пять городов. Да, сегодня, если вернуться в начало 1992-го, я бы отпустил цены на энергоносители, но, к сожалению, тогда принял другое решение.

— *Почему именно угольщики, почему только угольщики и почему первые — угольщики?*

— Загадочная история. Не знаю. Видимо, играют роль свойства профессии — взаимопомощь, необходимость коллективной соли-

дарности, совместная опасность, которой подвергаются люди. Это помогает вырабатывать такие механизмы социальной солидарности, которых не найдешь на машиностроительном заводе. И потому, наверно, что шахтеры могут выстоять только тогда, когда они вместе, их жизнь зависит от способности организовать.

— *На встрече с представителями Мирового банка Вы обосновали выбор угольного сектора как приоритетного для финансовых вложений. Почему?*

— Это правда. Я сделал это исходя из того, как оценивал ситуацию в отрасли. Без помощи реформ угольному сектору было бы очень тяжело. Во-первых, надо понять — мы же были не в 2003 г. Это сегодня у нас 65 млрд долл. валютных резервов. А тогда не было ничего, потому что уже все разбазарили до нас. Вы же не думаете, что коммунисты отдали бы нам власть, если бы у них было 65 млрд долл. золотовалютных резервов? На реформу нужны были деньги. А денег в стране было мало.

Во-вторых, при реформировании отрасли необходимо было оказывать систематическое давление. Если вы поручаете реформировать армию генералу, то ничего хорошего, как правило, не получится. Если бы мы поручили реформу угольной отрасли Росуглепрому, то, мне кажется, мы ничего бы в ней не изменили. Когда есть структура, которая внутренне заинтересована в том, чтобы в отрасли было больше дотаций, как добиться повышения эффективности, прибыли? Давление Мирового банка было необходимо. Мы использовали Мировой банк как инструмент давления на собственную бюрократию.

Я считаю, что заем Мирового банка был один из самых эффективных. Дело не в банальной бухгалтерии. Дело в том, что ставится задача и потом она либо выполняется, либо нет. Почему в нашем случае задачи выполнены? Дело в деталях: пришли правильные люди, не хотели воровать деньги, они хотели реформировать угольный сектор, у них была политическая воля, они были готовы принимать решения, брать на себя ответственность.

Ключевую роль сыграл отнюдь не Мировой банк. Ключевую роль играли такие люди, как Яков Уринсон, Игорь Кожуховский¹. Миро-

¹ Яков Моисеевич Уринсон — экономист, государственный деятель (бывший министр экономики, вице-премьер Правительства РФ); Игорь Степанович Кожуховский — специалист по экономическим проблемам энергетики, один из авторов реформы угольной отрасли России. — *Прим. ред.*

вой банк был инструментом. Не надо иллюзий, вовсе не Мировой банк все это сделал и придумал.

— Тем не менее противники реформ, конечно, строили свою кампанию и на Мировом банке. Почему Вы не принимали контрмер?

У нас была проблема с организацией пропаганды — не только в этой области, но и во многих других. Мой отец, профессиональный журналист, мне многократно говорил о том, что мы не занимаемся системной пропагандой. Один раз я пришел к Борису Николаевичу Ельцину с предложением о начале системной работы над этой проблемой. Давайте создадим структуру, выделим деньги... И он мне ответил: «Вы что, Егор Тимурович, хотите возродить отдел пропаганды ЦК? Не будет этого».

У Бориса Николаевича были в основном правильные политические инстинкты. Например, у него было глубокое убеждение, что свобода слова самоценна. Вы же не будете утверждать, будто Ельцин не знал, как оказывать давление на прессу. Прекрасно знал, но не хотел этого делать ни при каких обстоятельствах.

— На местах реформе сопротивлялись угольные генералы, местные власти? Как это влияло на Ваши действия?

— Никто не хотел брать на себя ответственность — все боялись. Ситуация такая: все понимают и все хотят, чтобы ответственность на себя взял федеральный центр. И самое приятное из того, что могли позволить себе местные власти, — это встать в позу и сказать: «Эти московские сволочи заставляют нас. Мы все делаем, мы боремся, мы сопротивляемся, но, к сожалению, сил не хватает». Они приходят, плачут у меня в кабинете: «Вы же понимаете — что мы можем еще сделать?», а потом у себя они говорят: «Это происки федерального центра...».

— Как Вы можете оценить роль таких людей, как Малышев¹, в ходе реформы?

— На деле Малышев для меня фигура загадочная. То, что хотели Уринсон и Кожуховский, мне было понятно, прозрачно, ясно. У меня не было никаких сомнений, когда я подписывал любые бу-

маги, протоколы, которые они мне готовили. А Малышева я всегда подозревал в плохом. Но он оказался лучше. Без его помощи многие вещи нельзя было сделать. У него были очевидные институциональные причины сопротивляться реформе. Поэтому я всегда всякую бумагу от Малышева читал внимательно. Но, если посмотреть с точки зрения сегодняшнего дня, я должен извиниться перед ним. Он оказался лучше, чем я думал тогда.

— Сейчас принято говорить о периоде дикого закрытия шахт. Шахтеры вспоминают, как приезжали вице-премьеры и подписывали документы практически по всем предприятиям, у которых были финансовые проблемы. Какова была позиция правительства по вопросу о том, какие шахты закрывать?

— Программа правительства по вопросу закрытия шахт была выверенной и продуманной настолько, насколько это возможно с такими программами. Идеальная программа хорошо описана Львом Толстым в сцене подготовки сражения под Аустерлицем. Первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна... Были нормативные документы, и никто не закрывал шахты потому, что люди пришли и попросили. Было понятно, какие шахты закрывать. Но жизнь всегда сложнее. Она вносит свои коррективы. На мой взгляд, стратегически программа была правильной.

— Насколько сильно было влияние профсоюзов на ход реформы?

— Лобби угольных профсоюзов было сильным. После 1989 г. все власти — и союзные, и российские — вынуждены были считаться с профсоюзами, причем и с НПП¹, и с Росуглепрофом. И еще надо было учитывать, как эти профсоюзы друг друга «любили». Надо было разговаривать и с теми, и с другими.

— Они были одинаково опасны?

Нет. НПП, по-моему, сыграли позитивную роль, по крайней мере, до 1998 г., пока их не вовлекли в войну олигархов против младореформаторов, что, на мой взгляд, было печально.

Проблема существовала с профсоюзами Инты, которые — как мне представляется — контролировались бандитами. Основная масса актива НПП была корпоративна. Они хотели реформ, хотели изменений. Их лидеры, как всякие профсоюзные лидеры, находились в сложном положении. Что, профсоюзному лидеру надо рас-

¹ Юрий Николаевич Малышев — специалист-угольщик и ученый, член-корреспондент РАН, один из организаторов реструктуризации угольной промышленности РФ. С 1993 г. возглавлял компанию «Росуголь». — Прим. ред.

¹ Независимый профсоюз горняков. — Прим. ред.

сказывать, как закрывать шахты? Но в целом их роль в реструктуризации угольной отрасли позитивна.

Роль Росуглепрофа могу оценить как менее негативную, чем могло бы быть.

— *Егор Тимурович, изначально Инты вообще не было в плане приватизации. Она выпала именно по этой причине?*

— Да. Мы знали, что там криминализованные профсоюзы, и не хотели с ними связываться. Инта не столь важна с точки зрения топливного баланса в стране, чтобы нам надо было именно там получить себе колоссальную головную боль. Кто у нас здесь стучал касками? Инта и стучала. И я знаю, кто этих «стукачей» привозил и за какие деньги...

— *В начале Вашего прихода в правительство состоялась Ваша встреча с профсоюзами и было подписано первое отраслевое соглашение, но не обеспеченное финансами.*

— Это было в два часа ночи. Ситуация еще та: у меня не было хлеба для снабжения крупных городов, не было ни копейки валюты. Мне только не хватало крупных шахтерских забастовок. Последнее, что мне было нужно, — это забастовка шахтеров.

Ко мне пришел начальник моего секретариата Николай Головин. Я вынужден был принимать решение в форсированных обстоятельствах. Конечно, в спокойной обстановке я бы никогда это не подписал. Но в стране была полная катастрофа. Первое, о чем я думал в этот момент, — как обеспечить сохранность ядерного оружия в России, Украине, Белоруссии и Казахстане. И еще масса проблем. А я знал, что шахтеры способны добавить к этой массе еще «чуть-чуть».

— *Вы первым возглавили МВК¹. Почему? Как Вы оцениваете работу комиссии?*

— Потому что понимал, что это важно. Понимал, что есть набор структурных реформ, которые необходимы в России. Их много — около 25 позиций. Реформа угольной отрасли в этом списке точно стоит. Значит, ею надо заниматься. А заниматься — значит брать ответственность. Брать ответственность неприятно, но приходится.

Роль этой комиссии в дальнейшем? Считаю ее огромной и позитивной. Но уже не под моим руководством, а Якова Моисеевича Уринсона. Мы только импульс дали, а дальше уже ему пришлось это все расхлебывать.

— *Почему, как Вам кажется, в отрасль пришли серьезные собственники? Осознали, что это выгодно?*

— Сначала была история залоговых аукционов. Сейчас рассказывают, как за бесценок скупили собственность. А она столько и стоила, потому что никто не был уверен, что завтра не придут и не заберут ее. Это сегодня она стоит миллиарды, потому что за нами пять лет экономического роста, относительная стабильность и т. д. А тогда она ничего не стоила. И тогда действительно были договоры «прийти в уголь».

— *Но почему собственники пришли в Кузбассе, но не пришли, допустим, в Ростове?*

— Потому что в Кузбассе угольная отрасль в долгосрочной перспективе экономически эффективна. Как только ты организуешь эффективный менеджмент и на предприятиях перестают воровать, так становится понятно, что уголь в Кузбассе эффективен. А в Ростове — это большой вопрос, даже если навести порядок.

— *Завершена ли реформа?*

— Никогда и ничего не решено до конца. Чтобы все завершить, нужна последовательность, политическая воля. Когда ситуация перестает быть взрывной, политической воли становится меньше. Тебе не хочется устраивать из-за мелочей кучу проблем. Есть момент, когда возникает проблема и ты политически концентрируешься, мобилизуешь усилия и ее решаешь. А потом она становится менее острой. А проблем в государстве, между прочим, немало! В итоге теряется концентрация внимания и усилий.

Конечно, реформа не завершена. Но, на мой взгляд, в России была проведена эффективная реформа угольной отрасли. Она сопоставима с такой же реформой в Англии. О таком мечтают наши коллеги в Польше. Нельзя сказать, что все сделано правильно. Завершить должны частично собственники, частично государство. Желательно вместе.

— *Каковы перспективы угольной отрасли, в том числе в связи с предстоящим или возможным отпуском цен на газ?*

¹ Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (впоследствии ее называли просто — угольная МВК). — *Прим. ред.*

— Хорошие. И отпуск цен на газ — это хорошо для угольной отрасли. Либерализация рынка газа — это повод для увеличения спроса на уголь. Он искусственно дешевый. Шаги по реформированию «Газпрома» — это потенциально шаги по увеличению спроса на уголь на российском внутреннем рынке. Перспективы отрасли могут быть менее радужными оттого, что в России не гарантированы права собственности. Но это проблема, имеющая отношение не только к этой отрасли.

— *Какие можно выработать рекомендации по реформированию других отраслей, памятуя об опыте реструктуризации угольной отрасли?*

— Я бы остерегся от общих рецептов. Есть набор своих проблем в сельском хозяйстве, в ЖКХ и т. д. Главное, на мой взгляд, это понимание того, что нет стандартных решений, что все зависит от подбора людей, от наличия политической воли и готовности принимать на себя ответственность, от четкого выбора приоритетов, от понимания того, что в России главный тест для принятия любых решений — это тест на коррупциогенность. Это не то, что в Англии, Германии, Франции или США. Нужно всегда помнить о своих чиновниках, учитывать, как проводить реформу и выстраивать систему так, чтобы у них было минимум возможности вымогать взятки и воровать.

— *Понятно, что деньги пытались использовать не по прямому назначению, понятно, что пытались своровать. На Ваш взгляд, какой процент угольных денег...*

— ...был разворован? У меня всегда есть собственные оценки. Когда я читаю бюджет (а я довольно активно занимаюсь бюджетной политикой), у меня есть собственные гипотезы — коэффициенты разворовывания по каждой бюджетной строчке. Северный завоз, субсидии по минеральным удобрениям... Но я не могу это озвучить, потому что не могу доказать. Что касается угольной отрасли, могу сказать, что относительно немного.

— *Поскольку одна из основных составляющих реформы — социальная проблематика, как Вы можете оценить эксперименты по созданию новых рабочих мест и переселению шахтеров?*

— Мне кажется, что это удалось. Понятно, что идеального варианта быть не может. В своей оценке исхожу из того, что в против-

ном случае возникает скандал и катастрофа. Скандала и катастрофы не возникло, поэтому, скорее всего, удалось.

— *Как Вы оцениваете рельсовые войны? Когда уже был разработан четкий механизм и он мог быть запущен — это вот сидение на рельсах.*

— Скажу одну вещь. Она имеет отношение к источникам, а не к механизму. В августе 1997 г. один крупный олигарх попросил меня встретиться с ним, чтобы попытаться понять, можно ли найти какое-то согласие в рамках начинающейся банковской войны. Встретились. Я ему сказал: допустим, что Вы в этой ситуации выиграете, допустим, добьетесь отставки правительства, допустим, уберете Чубайса и даже посадите его в тюрьму. Но через год капитализация Вашей компании сократится в несколько раз. У Вас будут тяжелые проблемы с возвратом кредитов, и рекламный рынок в России упадет в разы. Он даже не стал со мной спорить. Сказал, что честь дороже. Когда олигархи мне начинают рассказывать про свою честь, я понимаю, что у них уехала крыша.

— *Необъяснимая вещь: когда людям нечего было есть и они должны были требовать зарплаты, они первым пунктом выступали за отставку президента... Как Вы думаете, роль КППРФ в этой ситуации не преувеличена?*

— Роль КППРФ не преувеличена, ее просто не было. За все, как мне представляется, было заплачено деньгами олигархов.

— *Почему у нас нет угольного лобби?*

— Загадочная история. Действительно, нефтяное лобби было очень сильным, что понятно: там крутится куча денег. Газовое лобби было сильным, но сломалось со сменой руководства «Газпрома», — стало слабым. Металлургическое есть. Энергетическое есть — не сильное. Есть алкогольное, аграрное, дорожное. А угольного нет. Загадочная история.

Хорошо знаю, как устроена Дума, как там принимаются решения: что можно провести, чего нельзя. Нет ничего более страшного, чем сильное лобби. Никто не нанес большего ущерба сельскому хозяйству, чем наше аграрное лобби. К счастью, ему не удалось полностью остановить позитивные изменения в сельском хозяйстве, но аграрное лобби делало для этого все возможное и продолжает это делать. Все истории с Росагролизингом, Росагробанком... Если посмотреть по деталям (а у нас в институте хорошая лаборатория, где работают лучшие специалисты по экономике сельского

хозяйства — по крайней мере на постсоветском, постсоциалистическом пространстве), нет ничего более страшного, чем то, что делает аграрное лобби. Оно мешает формированию нормальных рыночных механизмов, создает преференции, после которых нормальная конкуренция невозможна.

— *Каковы, на Ваш взгляд, главные итоги реструктуризации?*

— Главный плюс в том, что она произошла, что отрасль стала нормальной, рентабельной, мало зависит от государственных субсидий, растет. Главный минус в том, что реформа шла тяжело. Хотя где Вы видели подобного рода реструктуризацию, которая проходит легко?

Очевидно, так же надо подходить и к другим отраслям. Сейчас ко мне приходят металлурги и говорят: реструктуризация угольной отрасли была удачной, почему бы нам такую же программу по металлургии не провести? У нас социальная сфера, избыточная занятость. Пусть государство этим озаботится. Иными словами, налицо множество проблем, требующих решения. Вот и хорошо. Они не требуют денег, а предлагают вместе решать эту проблему. Это разумно.

— *Призывая государство к участию в реструктуризации отрасли, которая уже стала частной, и при этом педалируя социальный момент, они же, по сути, шантажируют государство?*

— Есть такой железный принцип в экономике, который является выражением главного, что мы знаем про экономическую деятельность. Он звучит так: люди реагируют на стимулы — остальное подробности. Когда и если ты можешь поговорить, поплакать, попричитать и получить за это несколько десятков миллионов долларов, — что ж, ты не расстараешься?!

Разорванный мир Аркадия Гайдара

На торжества по случаю 100-летия со дня рождения писателя Аркадия Гайдара его внук, либеральный экономист, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар собирается в Арзамас. Именно там, где одно время жила семья писателя и существует его Дом-музей, состоятся юбилейные мероприятия. Поклонники творчества Гайдара вспомнят уже почти забытые тимуровские отряды, всеобщее преклонение перед геройски погибшим в войне с фашизмом красным командиром... Но времена меняются, и в последнее десятилетие свободы среди многочисленных сенсаций открылись и неизвестные (а точнее, тщательно спрятанные) факты биографии автора «Тимура и его команды». Писали о его беспричинной и зверской жестокости в отношении крестьян во время подавления антибольшевистского восстания на Тамбовщине и установления советской власти в Хакасии. В его дневниках находили свидетельства совершенных им злодеяний. Заговорили и о его виновности в необычно жестоких даже для большевиков массовых убийствах мирных жителей... Сенсация казалась особенно страшной потому, что произведения Гайдара остались в памяти народа своей подкупающе светлой акварельностью, иногда — как в «Голубой чашке» — даже импрессионистичностью. Как совместить два лица одного и того же человека и художника, между которыми чудовищный разрыв? Совместимы ли они вообще и сколько тут правды? Об этом мы спросили у человека, живо интересовавшегося судьбой своего необычного деда, — у Егора Тимуровича Гайдара.

— *Первый вопрос, предполагающий совсем короткий ответ. Простая или сложная фигура — писатель Аркадий Гайдар?*

— Непростая.

— *Когда я сказал своим знакомым, что иду спрашивать Егора Гайдара о его знаменитом деде и в том числе об отношении к многочисленным негативным публикациям об Аркадии Гайдаре, они ответили: и зачем надо раскапывать все эти ужасы, ведь это был такой*

Интервью брал Дмитрий САВОСИН.
Опубликовано в: Вечерняя Москва. 2004. 16 января.

хороший детский писатель. Так надо ли сейчас раскапывать все эти ужасы?

— Это во многом связано с моей политической деятельностью.

— *Тогда давайте проследим судьбу Вашего деда без всякой связи с Вашей деятельностью. Вы ведь, наверное, знаете о нем все, как было...*

— Не могу назвать себя профессиональным гайдароведом, к тому же не был знаком с дедом лично. Он погиб в начале войны. Но я читал большинство книг о нем, мне много рассказывали отец, бабушка.

— *Тогда прямо с родителей и начнем...*

— Отец его был учителем, выходцем из крестьянской семьи, разночинцем. Мама — дочь мелкопоместного дворянина, фельдшер. После того как она вышла замуж за крестьянского сына, отец ее проклял. Она пыталась помириться после того, как родился Аркадий. Дед отказался с ней мириться.

— *Человека такого происхождения довольно трудно представить себе у большевиков...*

— Вы плохо представляете себе реалии того времени. Аркадий Гайдар происходил как раз из того слоя, который формировал базу революционного протеста. Его отец и мать и до 1917 г. были связаны с революционным движением, хотя не были тогда членами партии. Отец вступил в РСДРП на фронте, в феврале 1917 г. Сперва был рядовым, потом командиром взвода. В 1917 г. стал комиссаром полка. Мама вступила в РСДРП чуть позже. Она была членом Ревкома, начальником отдела здравоохранения в одном из городов в Киргизии. То, что Аркадий, едва началась Гражданская война, оказался на стороне красных, четко определялось его происхождением. По его письмам видно, что он любил отца. Чтобы четырнадцатилетний мальчик пошел на другую сторону, стал бы воевать против отца, — согласитесь, это было бы странно...

— *В 15 лет он уже становится заметной фигурой в Красной Армии...*

— В армию он пошел четырнадцатилетним подростком. Его отправили на курсы красных командиров в Киев, а там в это время начались тяжелые бои. Его сначала назначили командиром взвода вместо убитого командира взвода, потом командиром роты вместо

убитого командира роты. Они тяжело выходили из окружения. Его повести отражают тяжелые реалии 1919 г.

— *И вот вопрос, который породил массу толкований, — исключение из партийных рядов за чрезмерную жестокость по отношению к пленным...*

— Я видел документы. Что там было на самом деле? По окончании основной части Гражданской войны он был назначен командиром ЧОН — частей особого назначения, занимавшихся борьбой с бандитизмом. Ему в подчинение дали ограниченные силы — 145 бойцов. В то время Красная армия резко сокращалась. Сокращал ее Фрунзе, и, кстати, куда решительнее, чем делают сегодня — сократил в 10 раз! Силы противника превосходили те, которыми руководил Аркадий Гайдар. Он расстрелял трех партизан, вместо того чтобы отправить их с конвоем в Ревтребунал. Сам он считал и писал в объяснительной записке, что, высылая пленных с конвоем, он подвергает опасности жизнь своих солдат. Решение о расстреле и послужило причиной исключения Гайдара из партии, но командиром он остался.

— *Хорошо известно, что Красная армия отнюдь не проявляла человечности даже по отношению к мирным гражданам. Что уж говорить о тех, кто сражался против нее с оружием. Вы хотите сказать, что Гайдара исключили за троих расстрелянных «врагов победившего рабочего класса»?*

— Разумеется, не проявляла. Надо понимать: этих людей расстреляли бы все равно. Гайдар превысил свои полномочия. А не забываете, что шел уже 23-й год. Гражданская война практически кончилась. С самых верхов пришло указание побыстрее наводить порядок. И его наводили, за этот порядок боролись. Речь шла вовсе не о проявлении человечности со стороны красных, а о том, что пленных расстреляли не тогда, когда надо было, не в том месте и приказание было отдано не тем командиром.

— *Откуда же тогда так много публикаций о патологической жестокости Гайдара, о расстрелах сотен крестьян прямо с пулемета тачанки?*

— Думаю, это из-за меня. Он с тачанки народ косил, а я бабушек ограбил...

— *Но ведь это довольно серьезные люди говорят и пишут...*

— Деятельность А. Гайдара во время Гражданской войны хорошо документирована. Таких документов я не видел, и никто их из тех, кто об этом пишет, не предъявлял.

— *А свидетельства людей?*

— Свидетельства появились через несколько десятилетий после событий. Как правило, они построены по принципу: «А мне говорили, что...». Дед уже погиб, ответить не может. Там может быть много неправды, преувеличений. О деде сложили много легенд. Большинство их основано на деталях всей Гражданской войны, не только его деятельности. Я внимательно разбирался с сохранившимися документами. Поэтому предлагаю так: что было — то было. А что не было — то, думаю, я вправе считать домыслами. Дед боролся в Хакасии с отрядами Соловьева. Он их потеснил, но окончательно не разгромил. Соловьева он так и не успел поймать, потому что после контузии его, тяжелобольного, отозвали в Москву и затем демобилизовали из армии.

— *А как сложилась дальнейшая судьба Соловьева, о котором, если верить — все-таки! — свидетельствам, память в Хакасии осталась совсем другая: он-то никогда не стрелял по своим, деревенским...*

— Преемник деда «дожал» отряды Соловьева. Судьбу самого Соловьева я не знаю. Если его не убили, он, может быть, успел уйти в Монголию...

— *То есть Вы настаиваете, что на совести красного командира только трое расстрелянных, которых и без того бы расстреляли?*

— Конечно, нет. Он отдавал приказы о расстреле и сам убивал людей. Память о них потом не давала ему покоя. Ему снились страшные сны, мучили кошмары. У него и в дневниках это есть: «Снятся люди, убитые мною в детстве...». Представьте себя на его месте. Не Вы развалили царскую империю. Вы четырнадцатилетний мальчик. Сама жизнь заставила Вас взять в руки оружие, и Вы воюете. Воюете в жестокой Гражданской войне. Пять лет. Расстреливаете своих собственных подчиненных, если они не подчиняются приказам. Представьте себе, какая у Вас после этого голова?

Ведь шла кровавая Гражданская война со всеми ее атрибутами: необходимостью устанавливать строжайшую дисциплину, воевать с гражданами своей же страны.

Его отец воевал на стороне красных. И вот юноша, совсем мальчик, становится во главе подразделения и должен принимать решение, кого карать и кого миловать.

— *То есть Вы хотите сказать, что его жестокость была обычным явлением для тех лет, она не более чем знак времени?*

— Всегда лучше разбираться конкретно. Я смотрел документы. Из них не следует, что дед был патологически жесток. Что правда, это то, что он был вспыльчив...

— *Уже после Гражданской войны он совершал частые попытки самоубийства, об этом пишут все, кто его знал.*

— Не знаю точно, но могу поверить.

— *Портрет не очень светлого человека. А ведь произведения Гайдара поражают именно тем, что они насквозь светлые...*

— Он реагировал на все пережитое своеобразно. Он был болен после контузии: страшные головные боли, тяжелые депрессивные состояния. Это было связано с участием в войне практически в детстве. Такие вещи бесследно для психики не проходят. Если Вы читали его дневники, то помните это: «почему я не могу смотреть в глаза людям?». Но вне этих периодов депрессии он восстанавливал себя таким, каким бы он был, не будь в его жизни войны: веселым, дружелюбным, хорошим товарищем, с прекрасным настроением. На мой взгляд, его жизнь после войны разделена на две части: первая — обусловленная страшным опытом его детства и молодости, и вторая — нормальная. У него есть рассказ «Горячий камень». Смысл его: чего ж мечтать о другой жизни, если ты и одну-то не сумел прожить? А есть и другое. В дневниках он описывает самый яркий сон своей жизни. И его суть иная: можно было прожить и другую жизнь...

— *Есть свидетельства, что его не брали на войну по состоянию здоровья, но он все-таки добился, чтобы его отправили на фронт. Кажется ли Вам правильным предположение некоторых исследователей, что Гайдар искал смерти?*

— Он был человеком храбрым. Так видно из всех документов. О том, что он хотел бы умереть поскорее, никому не говорил, в том числе ни мне, ни Вам. Тут можно делать предположения, строить гипотезы. По моим представлениям — да, смерти в начале войны он искал, поэтому не захотел улететь из окружения и остался с партизанами, снова стал пулеметчиком.

— В его дневниках есть такая история: «Вернулся с Камчатки отслуживший свое красноармеец. Вот он сидит уже в штатском, рядом родные. А я смотрю и вижу, что люди его уже не понимают. Не понять им, как далеко он был, что испытал и видел, а сам он никогда этого рассказать не сумеет». Сумел ли красноармеец Гайдар вписаться в мирную жизнь?

— Смог. Это было непросто. Он воевал, много отдал армии, был твердо убежден, что будет связан с ней всю жизнь. Болезнь и демобилизация для него были тяжелым ударом. Но он был человек храбрый и талантливый. Неталантливый человек не стал бы командиром в 15 лет. Неталантливый человек не стал бы через несколько лет после этого известным писателем. Поэтому он и сумел адаптироваться к новой гражданской жизни.

— Целиком? А откуда эти трагедии?

— Такое прошлое не проходит бесследно. Оно оставляет отметину навсегда. Он не стал ипохондриком, не опустил руки, стал работать и работал хорошо. У него были любимые женщины и хорошие друзья, он был веселым человеком и интересным товарищем. В период нэпа писал хорошие фельетоны.

Вот был такой фельетон «Шумит ночной Марсель» — это про следователя, который днем работал в прокуратуре, а по вечерам играл на скрипке в низкопробном кабачке. Дед написал про него, что народ-то скрипочку приветствует, а как все это с точки зрения большевистской морали? Так этот следователь его привлек к суду, суд состоялся, и деду присудили штраф.

Но, конечно, все, о чем мы говорили, никуда не делось. Это было с ним всю его жизнь.

— Филолог Кондратьев, кстати, он пишет, что был другом Вашей семьи, сказал так: разгадка Гайдара в том, что он писатель совсем не детский. Из него сотворили сперва один миф — о красном всаднике, а потом другой — что он изначально палач. А на самом деле это просто серьезный писатель, честно отразивший реалии времени...

— Не хотел бы принимать участие в литературоведческом споре. На мой взгляд, он писатель детский. Большинство людей, читавших Гайдара, читали его в детстве. Он писал для детей. Правда, стоит учесть, что в условиях цензуры существуют жанры, в которых писатель чувствует себя более раскованно. В 60-е годы, например, это была фантастика. Гайдар в детской литературе мог

позволить себе то, что в нормальной реалистической прозе никогда никому бы не разрешили сказать. А тут — кто же будет всерьез относиться, включая Главлит?.. Как Вы, например, представляете себе публикацию «Судьбы барабанщика» в 1938 г., если бы это была не детская литература?

— А известная история о том, как Гайдар звонил Ежову с просьбой освободить арестованную жену, — это было?

— Моя бабушка Лия Лазаревна тогда не была его женой. Она ушла от него еще в 31-м году. Яркая, красивая женщина, талантливая. Тогда она работала на киностудии имени Горького и была замужем за журналистом, заместителем главного редактора газеты «Беднота» — это нынешняя «Сельская жизнь». Его посадили. А потом и ее. Узнав об этом, дед позвонил Ежову и кричал в трубку: «За что ты мою Лийку посадил?!»

— Не помогло?

— Да что Вы. Микоян в похожей ситуации, когда посадили его сына, даже и звонить не решился.

— «А жизнь начиналась совсем хорошая»... Так заканчивается одна из популярных повестей Гайдара. А под этой фразой дата написания — 1936. Что ж получается: страна уже содрогалась, распаясь на две части, а Гайдар этого не знал? Или не хотел знать?

— Как казалось отцу, для него это началось в 1937-м. В 1936-м он еще думал, что жизнь хорошая.

— Талантливый писатель не чувствовал таких близких веяний времени?

— Дед не был философом или социологом. Он был человек военный. Отец рассказывал, что ощущение глубокого дискомфорта, чувство, что все пошло не туда и не так, появилось где-то в 1937–1938 гг. У него был мир, за который он боролся. За него он воевал. В 1929 г. он пишет: «Когда с западных границ придет война? Неизвестно. Но мы знаем, что она придет». У него было ощущение надвигающейся страшной угрозы. И он считал своим долгом готовить младшее поколение к грядущей войне. У него военный опыт и собственный писательский мир, он пытается закрыть глаза на все, что не соответствует его картине мира. А дальше становится все труднее это делать. В 37-м закрывать глаза на то, что происходит, уже совсем трудно. Но есть и другая сторона картинки: война-то уже на пороге. И он об этом знает.

Если говорить серьезно, то период между 1914 и 1950 гг. — специфический в истории человечества. Период глобального кризиса, вобравший две мировые войны, Великую депрессию, революцию в России, репрессии в СССР, революцию в Китае. Это трагический период. Деду выпало прожить жизнь в этот период, а это не то время, в которое выдаются легкие жизненные пути.

— Почти во всех произведениях Гайдара пронзительно, хотя и застенно, звучит мотив тоски по дому, уюту...

— Согласен. Есть этот мотив. Он был человек недомашний. Что-то похожее на настоящий дом у него появилось в последние два-три года жизни. Так мне рассказывал отец.

— И все-таки он сорвался и стал искать смерти?

— Во-первых, не пойти на войну он не мог по своему характеру. Во-вторых, о его желании побыстрее свести счеты с жизнью — это всего лишь гипотеза. Но думаю, что она близка к истине. У моего отца, который деда знал хорошо, было ощущение, что дед в это время искал смерти на войне. Только это не из-за дома — из-за страны, из-за того, что его картина мира уж очень разошлась с тем, что происходило между 1937 и 1941 гг.

— Но он нигде про это не написал...

— Нет. Я даже не знаю, отдавал ли он себе в этом отчет.

— Кровь ведь была и на других писателях, служивших в Красной армии в период Гражданской войны. И все-таки в недавние годы открытия архивов и расцвета публицистики именно Гайдару из советских писателей «досталось» больше всего. Неужели единственной причиной этого Вы предлагаете считать происки Ваших политических противников?

— Образ Гайдара был отлакирован, как никакой другой. Было много книжек, где его изображали ходульным, непохожим на себя, получалась такая красная иконка. Создавались гайдаровские дружины, тимуровские отряды. Против этой лакировки образа Гайдара, кстати, мой отец всегда боролся, но безуспешно. Обрушившийся вал этих разоблачительных статей был связан еще и с иконоборчеством. Но такое иконоборчество — переход из крайности в крайность. Сперва создаешь образ красного всадника без страха и упрека, а потом из него же делаешь злодея. А он не икона и не злодей. Просто на нем навсегда остался отпечаток Гражданской войны. Ее ужасы он пережил даже не в 25, как Тухачевский, а в 15 лет. Да, это

тоже причина. Но я уверен, что все это усугубилось и проблемами, связанными с политической деятельностью Вашего покорного слуги

— *Сегодняшний мир быстро американизируется, в том числе мир детства: Санта-Клаус вместо Деда Мороза, Гарри Поттер, кукла Барби... В американской культуре есть некая выхолощенность содержания, ходульность, предсказуемость, фальшивый хеппи-энд. И в то же время это проповедь добра. А детские повести Гайдара полны насилия, там пахнет кровью, дети убивают взрослых, слышны раскаты классовой ненависти. Каким Вам видится будущее творческого наследия Вашего деда, перейдет ли писатель Гайдар из детского во «взрослое» состояние?*

— Не люблю рассуждать на темы, в которых я не специалист. Не знаю. Делают его коммунистическим святым или антихристом — все равно его место в культуре будет зависеть от того, как будут читаться его книги. А качество написанных им книг с годами не меняется.

— *И вот еще цитата из дневников Гайдара: «Путник и дорога как целое — при одних обстоятельствах, а при других — дорога его не касается, он касается ее только подошвами. Вообще мир разорван при одном восприятии и собран при другом. Второе выше». Согласны ли Вы с тем, что эти строки могут служить иллюстрацией ко всей жизни Аркадия Гайдара?*

— Этот вопрос лучше было бы задать ему. Но в целом я с Вашей гипотезой согласен.

Егор Гайдар: У меня корни, которыми можно гордиться

22 января исполняется 100 лет со дня рождения Аркадия Гайдара. 27 января — 125 лет Павлу Бажову. Оба замечательных советских писателя — деды «реформатора № 1» новой России Егора Гайдара.

Тому, кто Егора Гайдара считает погубителем великой державы и потому по определению не любит, лучше, наверное, этот очерк не читать — только настроение себе испортить. Остальным напомним: он действительно внук и Аркадия Гайдара, и Павла Бажова. А дальше — вечный вопрос: как же так? Гайдар и Бажов не только гордость советской литературы. И тот, и другой в Гражданскую с оружием в руках боролись за коммунистические идеалы, искренне верили в них, а внук все силы и энергию отдал сокрушению социализма в России? А может, Гайдар-внук и стал таким именно потому, что легендарные деды для него не портреты из книжек, а живые люди с подробностями быта, изгибами судеб, со своими характерами и страстями?

Он знает о них все. Такое чувство, что изучал специально. Словно тоже искал ответ на этот вопрос — просто для себя.

АРКАДИЙ ГАЙДАР. «СЛИШКОМ РАНО ПОПАЛ В КРОВАВУЮ МЯСОРУБКУ»

— Аркадию Петровичу Гайдару (тогда еще Голикову) было 13 лет, когда произошла революция. Не он разваливал царскую империю, не он развязал Гражданскую войну. Но эти события произошли. Дальше все закономерно. Живет в Арзамасе мальчишка. Очень храбрый, очень деятельный. Остаться в стороне в тогдашней заварушке не мог. Какую сторону выбрать? Вопрос не стоял. Смотрим происхождение. Папа Петр Исидорович — учитель, из курских крестьян, его

Интервью брал Сергей НЕХАМКИН.
Опубликовано в: Известия. 2004. 22 января.

дед был крепостным. Мама Наталья Аркадьевна — фельдшерница, дочь мелкопоместного дворянина. (Сальковы — служилый род, у них было имение в Костромской губернии; кто-то из Сальковых дошел до генерал-лейтенанта, но в общем поручики, штабс-капитаны, не выше. Очень-очень дальняя родня с Лермонтовыми.) Когда мать Аркадия Петровича вышла замуж, отец ее проклял: за мужика пошла. Звала взглянуть на внука, названного в его честь, — отказался видеть, т. е. небогатая, демократически настроенная интеллигенция — слой, который всегда был источником революционной активности. Аркадий Петрович стал в Гражданскую командиром полка. Но ведь Петр Исидорович в это время на другом фронте был комиссаром полка! А Наталья Аркадьевна умерла 1924-м в Пржевальске, где заведовала губздравотделом. В Киргизию из Арзамаса поехала, потому что «партия направила».

— Я согласен — ненормально, когда в 14 лет человек берет в руки винтовку. И человеческая трагедия деда связана именно с тем, что он слишком рано оказался вовлечен в водоворот событий, в кровавую мясорубку. Но и в стороне по складу характера оказаться не мог. А дальше — все своим чередом. Да, полк в 17 лет. Но, как думаете, неужели его командиры были такими идиотами, чтобы ни с того ни с сего семнадцатилетнему пацану доверять крупное воинское формирование? Голиков был в боях; грамотный, храбрый — отправили на курсы красных командиров в Киев. Киев в окружении — курсантов бросают в огонь; убило командира взвода — назначили Голикова; командира роты убило — назначают Голикова; убило командира батальона... И т. д. Вся его военная карьера хорошо задокументирована. Тоже не совсем обычная история, как это выяснилось. Гайдар никогда не рассказывал о Гражданской войне. И в писательской среде пошли слухи, что никаким полком он не командовал, геройскую биографию выдумал. А у Аркадия Петровича с детства был очень близкий друг Адольф Гольдин. Не литератор, крупный медик, профессор, но его эти разговоры оскорбляли. Гольдин засел в архивах и восстановил всю армейскую карьеру Гайдара: когда на какую должность назначен, убыл-прибыл, даты, номера приказов, взыскания-награды... Так что — все было. И это страшно. Гражданская война в жизни деда — страшный стресс, травма на всю жизнь. Назовем вещи своими именами. Мальчишка 14–15 лет был вынужден не просто

убивать людей в бою (своих же сограждан!), но и расстреливать струсивших подчиненных, отдавать жестокие приказы... А потом ему говорят: нет, дорогой, количество твоих ранений и контузий не позволяет даже думать о дальнейшей военной карьере. И выкидывают на улицу: больше не нужен. Ему 20 лет. Ни образования, ни профессии. Ненормальный, кровавый опыт за плечами. Тяжелейшие последствия контузии. Можно было сойти с ума. Стать человеком ненавистником... Дед мизантропом не стал. Последствия выразились иначе...

ПАВЕЛ БАЖОВ. «МАЛЬЧИК ИЗ РАБОЧЕЙ СЕМЬИ, КОТОРЫЙ
ЧИТАЕТ НАИЗУСТЬ ДВА ТОМА ПУШКИНА»

— Павел Петрович Бажов был старше Гайдара на 25 лет, и жизненный путь его совершенно иной. Семья исконных уральских горнорабочих. Павлу очень хотелось учиться. В земской школе попросил у учителя что-нибудь почитать сверх программы. Учитель дал томик Пушкина. А у Бажова было то, что психологи называют «юношеской гиперпамятью»: любое прочитанное моментально запоминается. Я это знаю, потому что у самого в детстве была такая память (видимо, наследственное). В общем, вскоре Павел без запинки пересказал длинный кусок из, условно говоря, «Евгения Онегина». Учитель удивился: ну-ка, выучи еще что-нибудь... Чтобы подробно не пересказывать — Павлик Бажов стал местной знаменитостью: мальчик из рабочей семьи, который читает наизусть два тома Пушкина. Местные педагоги ему покровительствовали и направили продолжать образование в духовное училище. Оттуда поступил в духовную семинарию. Учился на священника. Но дальше произошло то, что нередко бывало в те годы с молодыми семинаристами: Бажов возненавидел церковь. Российская церковная среда того времени с ее фальшью, лицемерными нравами — соприкосновение с ней стало ожогом на всю жизнь. Мама рассказывала: «попы» в доме Бажовых всегда были предметом насмешек. Он стал учителем в женской гимназии. Там познакомился с будущей женой Валентиной Александровной Иваницкой (из семьи польских ссыльных, попавших на Урал после восстания 1863 г.). Дальше — революция, Гражданская война. Он примкнул к красным. Записался в красноармейский отряд, был рядовым бойцом, потом, как самый

грамотный, стал комиссаром, при белых работал в подполье. После Гражданской стал журналистом.

АРКАДИЙ ГАЙДАР. «МОГ ВЗЯТЬ БРИТВУ И ПОЛОСНУТЬ СЕБЯ»

— Так вот о последствиях гайдаровской контузии. Его мучили внезапные приступы безумной головной боли. Боль могла накатить в любой момент, внезапно, причем такая, что у деда, вспоминают, начинал заплетаться язык, не слушались ноги. Он не владел собой в такие минуты. Но не будешь же каждому объяснять — и окружающие недоумевали: что это с Гайдаром? Лекарства боль не снимали. Лекарство было свое: он резался. Мог взять бритву и полоснуть себя. Это не было попыткой самоубийства, просто болью перешибал боль — ну как мы, если поранились, прикусываем губу. Приступ сменялся полосой тяжелой депрессии. Пил ли? Обычно — ни больше ни меньше, чем любой в России. В рамках, так сказать, поддержания социальных отношений. Но во время этих приступов, в полосу депрессии — мог сорваться. А вообще... Очень чистый, светлый, добрый и веселый человек, любивший детей, друзей, большой придумщик. Его компания? Адольф Гольдин, про которого я сказал. Константин Паустовский. Рувим Фраерман. Эдуард Багрицкий. За год до войны они очень сошлись с Твардовским. Если по принципу «скажи мне, кто твой друг» — то, как видите, не самые плохие люди.

ПАВЕЛ БАЖОВ. «“МАЛАХИТОВУЮ ШКАТУЛКУ” ОН НАПИСАЛ
ЗА ПОЛТОРА ГОДА, ОЖИДАЯ АРЕСТА»

— В 30-е годы Павел Петрович был в Екатеринбурге замредактора областной газеты. Начались аресты. В 1938-м его исключили из партии, сняли с работы. Потом получил повестку из НКВД: явиться в такой-то кабинет. Понятно, что ничего хорошего от вызова не ждали. Бабушка сложила Павлу Петровичу «арестный чемоданчик». Обнялись, попрощались — и он пошел. Сидит у кабинета. Проходит час, другой, день к концу — не вызывают. Кто-то другой начал бы метаться, сунулся бы в соседний кабинет, но дед был человеком мудрым. Взял тихонько свой чемоданчик, вышел, вернулся к себе на Чапаева, 11, запер калитку — и год с лишним на ули-

цу не выходил. Копался в огороде, вечерами разбирал бумаги: с 20-х годов записывал уральский фольклор. Бабушка тоже из дому не выходила. С ними жила бабушкина сестра Наталья Александровна, учительница — она стала «связью с миром». Затаились. Жили с огорода плюс крошечная зарплата Натальи Александровны. Потом оказалось, что это было правильное решение. В Свердловском НКВД как раз начались перекрестные репрессии: сажали следователей 1937 г. В чехарде и бардаке про Бажова забыли. А он про себя не напоминал. Бумаги, которые дед разбирал, оформились в знаменитую «Малахитовую шкатулку». По сути, Бажов написал ее за эти полтора года, ожидая ареста.

АРКАДИЙ ГАЙДАР. «ПАУСТОВСКОМУ — ВОСЕМЬ ПОРЦИЙ
ПОЖАРСКИХ КОТЛЕТ»

— Гайдар в жизни? Кажется, Паустовский вспоминал историю... Он сидит дома, вдруг стук в дверь. На пороге незнакомый человек: «Здравствуйте, я официант из такого-то ресторана, принес вам восемь порций пожарских котлет и записку». Записка от Гайдара: срочно одолжи столько-то рублей. Паустовский берет котлеты, передает конверт с деньгами. Наутро встречаются. Паустовский: «Слушай, я понимаю, что у тебя в ресторане денег не хватило, но зачем мне восемь порций пожарских котлет?». Гайдар: «А как ты это себе представляешь — что я официанту скажу: у меня денег не хватает?». Вот и придумал повод. История типичная в том смысле, что к деньгам он относился легко. Получение гонорара заканчивалось сбором шумной компании. Или... Отец вспоминал: как-то появляется дед (а жила семья в крохотной комнатке в коммуналке), в руках — огромный сверток. Объявляет им с бабушкой: «Замечательный подарок вам принес! Правда, шкаф придется в коридор вынести». Разворачивает. Невероятных размеров портрет Буденного. При этом отсутствие в доме, например, нормальной софы его не волновало. Не потому что «не от мира сего». Просто — стиль жизни. Бабушка, Лия Лазаревна Соломянская, от него ушла. Кто виноват — не нам судить. С одной стороны, конечно, дед был человеком, нелегким в быту — особенно во время приступов, про которые я говорил. С другой — бабушкин характер — тоже не сахар, ее-то я помню. Когда «Голубую чашку» читал — буквально в ли-

цах представлял участников сюжета. Она была первой женой деда. Потом у него появилась еще одна семья, еще... Обаятельный, легкий, веселый, он нравился женщинам. Но дальше — вот какая история. Арестовывают второго мужа бабушки, Разина, замредактора газеты «Беднота» (сегодня — «Сельская жизнь»). Следом — бабушку. С Гайдаром они давно в разводе. Но он, раздобыв в «Комсомольской правде» телефон Ежова, позвонил тому прямо в кабинет: «Ты чего мою Лийку посадил?». Конечно, был в тот момент нетрезв. Но, понимаете, — он и трезвый бы позвонил. Его отвага — психологический феномен. Подавляющее большинство тех, кто совершает отважные поступки, преодолевает инстинктивное чувство страха — это нормально и достойно уважения. Но есть еще очень редкий тип — те, кто физически не ощущают страха. Судя по всему, Аркадий Петрович был из такой категории.

ПАВЕЛ БАЖОВ. «ПУСТЬ УКАЖЕТ, КТО И ГДЕ ЕМУ
ПРО ХОЗЯЙКУ МЕДНОЙ ГОРЫ ПОВЕДАЛ»

— В 1939 г. «Малахитовая шкатулка» увидела свет. Дед, что называется, проснулся знаменитым. К тому времени чекистские страсти в Свердловске утихли, его восстановили в партии. Но тут — новая напасть. Точнее, не новая, а отголоски старой... Когда Павел Петрович издал свои первые сказы, все пришли в восторг, но одновременно возникла дискуссия: как к этим произведениям относиться? Что это — фольклор? Авторский текст? Если сказания уральских рабочих, то получается, что Бажов просто ходил с блокнотиком и записывал. Тогда пусть укажет, где какой крестьянин ему про хозяйку Медной горы поведал. Но выясняется: народ народом, а без Бажова ничего не было бы. Писатель на основе народных легенд создал самостоятельные произведения. Началась нешуточная дискуссия... Так что в Свердловск были откомандированы два молодых, но уже именитых писателя — Сергей Михалков и Константин Симонов. Им надлежало вынести окончательное заключение. Симонов с Михалковым пришли к выводу: автор — Бажов! И началась полноценная слава. Дед стал гордостью Урала. Получил Сталинскую премию, награждался орденами, избирался депутатом Верховного Совета (к депутатским обязанностям относился очень серьезно, старался помочь каждому, кто обращался). Умер в 1950-м.

АРКАДИЙ ГАЙДАР. «СНЯТСЯ МНЕ УБИТЫЕ МНОЮ В ЮНОСТИ
НА ВОЙНЕ ЛЮДИ»

— Про «соловьевскую историю» я, конечно, знаю. Об этом много писали, особенно когда я был премьером. Прямой намек: у Егора Гайдара и дед был кровавым садистом. Что ж... Все эти события задокументированы, можно говорить с фактами на руках. А факты таковы. В 1922 г. 18-летний Аркадий Голиков был назначен командиром боерайона в горах Хакасии, командовал отрядом ЧОНа. Там действовал белопартизанский отряд атамана Соловьева. Преимущество вообще-то было у Соловьева — он имел порядка 160 сабель (у Голикова — 140) плюс знание местности и поддержка населения. Дед понял, что одолеть Соловьева можно, лишь переняв его партизанскую тактику. Надо раздробить свой отряд на группы по 10–15 человек, применять такие же стремительные переходы, засады... По сути Голиков с Соловьевым гонялись друг за другом — кто кого первым уничтожит. В одной из стычек чоновцы захватили двух или трех соловьевцев. Перед дедом встал вопрос: что с ними делать? Отправить командованию в тыл, где — он знал это на сто процентов! — пленных расстреляют? Но для сопровождения пленным требовалось как минимум три конвоира; тем самым Голиков на треть уменьшал свою маленькую боевую группу и подвергал конвоиров смертельному риску — Соловьев их запросто мог перехватить в горах. Таскать пленным с собой? Характер боевых действий не позволял. Хороших решений не было, но решение надо было принимать. Он приказал расстрелять пленных на месте, за что позднее был исключен из партии. Наказали его не за то, что расстрелял пленных, а потому что расстрелял их вне рамок положенной процедуры (кстати, дед все равно всегда был убежден, что действовал правильно). Все. Прочие «зверства Гайдара», описанные тем же Солоухиным в «Соленом озере», ничем не подтверждаются. Но отмечу вот что. Гайдар жил в жестокое время и был вовлечен в жестокие события. Наверное, ему приходилось расстреливать не только в 1921-м, но и в 20-м, в 19-м, в 18-м... Он участвовал в подавлении антоновщины, он дрался со всевозможными «батяками» на Украине — что их, добрым словом усмиряли? Просто в 18-м году на такой расстрел никто не обратил бы внимания... А потом шли годы, и мальчишка вырос. Зрелый человек на многое смотрит

иначе. Знаменитая фраза из дневника «Снятся мне убитые мною в юности на войне люди» — кто ее только сегодня не цитирует! Но эти люди снились — значит, не все так просто. А еще он знал, что впереди война. Строчки 1929 г.: «Мы не знаем, когда вражеские батареи откроют огонь на нашей западной границе, но мы точно знаем, что этот день придет». Предчувствием грядущих боев проникнуты практически все его книги. Он считал необходимым подготовить к ним новое поколение. Снимков деда в костюме вы не найдете — всю жизнь он ходил в полувоенной форме, словно в любой момент ждал вызова в военкомат. Тяжело переживал аресты своих командармов Гражданской войны. Отец вспоминал, что он однажды спросил деда, за что арестовали Блюхера (Аркадий Петрович под командованием Блюхера воевал, считал выдающимся полководцем). Дед ему наплел несусветную историю: может быть, Блюхер во время боев проделал неверный маневр, погибли люди... Но то, что «враг народа» — не сказал. (Вообще интересная деталь — в книгах Гайдара ни разу не упомянут Сталин). Раздвоенность, сомнения, разрыв между реальностью и тем миром, за который боролся и в который верил... Отец считал, что начавшаяся Великая Отечественная оказалась для Аркадия Гайдара своеобразным психологическим выходом. Все встало на свои места. И геройская его гибель в партизанах тоже, как ни горько это звучит, — подарок судьбы. Умер, как мечтал, — мгновенно, от пули в бою. После войны начались совсем другие дела: политика показательной державности, «борьба с космополитами», «дело врачей», когда шельмовали его друзей. Трудно Гайдара представить в этой эпохе.

АРКАДИЙ ГАЙДАР И ПАВЕЛ БАЖОВ.

«ЖАНРЫ, СЧИТАЮЩИЕСЯ ВТОРОСТЕПЕННЫМИ,
ПОЗВОЛЯЮТ ПИСАТЕЛЮ СКАЗАТЬ БОЛЬШЕ»

— Недавно болел, была высокая температура, не мог работать. Взял «Малахитовую шкатулку». Перечитал. Вы знаете — здорово! Из книг Аркадия Петровича больше всего люблю «Школу». Писатель всегда сильнее в вещах, где есть автобиографические мотивы. Сложный вопрос — почему он с его биографией, с его опытом начал писать именно детские книги. У Мариэтты Чудаковой была статья о том, что в тоталитарном обществе жанры, считающиеся второ-

степенными, позволяют писателю реализовать себя ярче, сказать больше. Представьте, что в советское время кто-то напрямую решил бы говорить то, что, например, Стругацкие говорили в «Обитаемом острове» или в «Трудно быть богом». А так — фантастика, что возьмешь? И с Гайдаром, дескать, то же самое. Мариэтта Омаровна — умница, серьезный литературовед. Но у меня лично более простое объяснение. Слишком рано кончилось его собственное детство.

АРКАДИЙ ГАЙДАР И ПАВЕЛ БАЖОВ. «МОИМ ДЕДАМ
ВЫПАЛО ЖИТЬ В ЭПОХУ ПОДЪЕМА ДИРИЖИСТСКО-
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЛНЫ»

— Два поразительно разных человека. Гайдар — романтик, бродяга. Объездил пол-Союза. То веселье, то хандра. Несколько семей, частое безденежье, бездомье... Работа — рывками: то сутками не выходит из-за письменного стола, потом разонравилось — бросил (отсюда такое количество незаконченных вещей). Бажов — наоборот: спокойный, невероятно организованный, домовитый. Преданный муж, замечательный отец (шестеро детей, двое умерли в детстве, еще один, мамин брат, юношей трагически погиб при взрыве на заводе). Бабушка, кстати, была под стать мужу: неторопливая, мягкая, хозяйственная. И Гайдар, и Бажов в Гражданскую пошли к красным. С Аркадием Петровичем ясно. Бажов — другая модель: он ведь был гораздо старше, семья, профессия. Но выбор тоже сделал осознанно. Почему? Во-первых, учтите общее тогдашнее неприятие изжившей себя государственной системы. Вот еще один пример из наших семейных хроник. Дед моей жены по матери (Илья Ошанин, он потом стал известным советским ученым-китаистом) в юности был ни больше ни меньше, как пажом вдовствующей императрицы. Закончил Пажеский корпус, жил при дворе. И, насмотревшись тамошних нравов (Распутин и все такое), он настолько это все возненавидел, что после революции добровольцем записался в Красную армию. Но объяснять тогдашние симпатии мыслящих и честных людей к «красной идее» только неприятием царского строя тоже неверно. Есть в мировой истории то, что я называю большими идеологическими волнами. Это наборы парадигм, крупных картин мира, общественных идеалов, которые сменяют друг друга по ходу столе-

тий. Середина XVIII в. — начинается либеральная волна. Середина XIX в. — дирижистско-социалистическая волна. 70-е годы XX в. — новая либеральная волна. Моим дедам выпало жить в эпоху подъема дирижистско-социалистической волны. Тогда казалось, что обеспечить справедливость в жизни можно, если такую задачу возьмет на себя государство. А поднималась эта волна в самый трагический период ушедшего столетия: 1914–1950 гг. — время двух мировых войн, двух великих революций (в России и Китае), двух грандиозных гражданских войн (в России и Китае), Великой депрессии, резко замедления темпов экономического роста в мире, сворачивания мировой торговли... Эти события объективно подталкивали общество к идеям государственного регулирования. Формы предлагали разные — социал-демократическую модель, умеренно-государственную, коммунистическую... Я рос в то время, когда дирижистско-социалистическая волна пошла на спад. После 1950 г. начал возникать другой мир — без больших войн, без великих депрессий, мир беспрецедентного экономического роста и роста мировой торговли, мир, где проблемы возникали как раз оттого, что дирижистско-социалистическая модель мешала принимать новые решения... Отец работал корреспондентом военного отдела «Правды», семья ездила за ним по свету. Я видел Кубу, Югославию... С начала 80-х годов был (тогда на уровне советника) причастен к формированию экономической политики. Видел, что СССР может сохраниться, только если правящие круги захотят реформировать систему, иначе — слом, крушение. Но люди, которые тогда были у власти, реформироваться не хотели и не могли. Тогда вставал другой вопрос: за слом предыдущей системы страна заплатила ужасами Гражданской войны и голодом. Как сделать, чтобы хотя бы это не повторилось? В общем, назревала пора, когда надо было решать новые задачи...

Семья контр-адмирала Тимура Аркадьевича Гайдара жила в Москве, но связей со Свердловском не порывала. Все время приезжали уральские родственники, друзья. От них в доме Гайдаров слышали фамилию нового секретаря Свердловского обкома. Про него говорили: необычный какой-то. Фамилия секретаря обкома была Ельцин. Но это уже совсем другая история.

Лучше застрелиться сразу

Меньше чем через месяц исполнится 13 лет с тех пор, как Егор Гайдар возглавил правительство реформаторов, поставившее крест на плановой экономике и открывшее границы страны для западных товаров и инвестиций. О том, насколько изменилось качество проблем, стоящих сегодня перед Россией, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар рассказал «Новым известиям».

— Вы возглавляете Институт экономики переходного периода. Разве российская экономика еще не прошла этот период?

— В прошлом году мы думали о том, не вернуть ли институту его историческое название — Институт экономической политики. Но чем дальше мы углублялись в изучение проблем, связанных со стратегией развития, долгосрочными вызовами, с которыми сталкивается Россия, тем в большей степени убеждались, что этого делать не надо. Мы вышли из постсоциалистического переходного периода, но вышли не в стационарное состояние, а в глобальный мир, который сам переживает сложный переходный процесс.

— А в нынешнем кабинете министров Вы смогли бы работать?

— Не смог бы.

— Почему? Окружение не устраивает?

— Нет, просто не хочу. Я работал в правительстве обанкротившейся страны. Предшественники передали мне 16 млн долл. валютных резервов (неделю назад объем золотовалютных резервов страны достиг 95,3 млрд долл. — Прим. ред.) и необслуживаемый внешний долг в 100 млрд с лишним, отсутствующие ресурсы производства и парализованную государственную машину. Работать в правительстве в такой ситуации — занятие менее чем приятное. У меня руководство правительством ассоциируется с визитом

Интервью брала Татьяна АЛЕШКИНА.

Опубликовано в: Новые известия. 2004. 20 октября.

к зубному врачу: иногда это бывает необходимо, но не доставляет удовольствия.

— Но сейчас-то дела обстоят иначе, деньги в экономике есть...

— Именно потому, что сейчас они есть, меня туда не позовут. Когда деньги есть, найдется немало людей, хорошо знающих, как их потратить.

— И как, на Ваш взгляд, они с этим справляются? Как Вы оцениваете экономическую политику, проводимую нынешним правительством?

— Структурные реформы, начатые в первый срок президентства Путина, важны, позитивны и в целом успешны. Пример — налоговая реформа. Никто в мире не любит налоговую систему своей страны. Чтобы она всем нравилась, налоги должны быть нулевыми. Но в рамках возможного то, что было сделано в этой области в России, — это мечта любого реформатора: добиться резкого снижения предельных налоговых ставок, расширения налоговой базы, упрощения налоговой системы и при этом получить дополнительные доходы бюджета. Остается взвешенной макроэкономическая политика (финансовая и денежная). Минфину и ЦБ удалось в последние годы сдерживать рост непроцентных расходов бюджета, темпы укрепления реального курса рубля. Это заслуживает уважения. Хорошо помню, как в начале 80-х высокопоставленные деятели партии и правительства рассказывали советским экономистам, что их тревоги по поводу того, что цены на нефть могут упасть, беспочвенны и смешны, потому что машины на воде ездить не могут. Это было за три года до шестикратного падения цен на нефть на мировом рынке. Проводить разумную финансовую политику в условиях высоких цен на нефть, когда значительная часть бюджетных и экспортных поступлений зависят от конъюнктуры рынка нефти, тяжело. Всегда есть соблазн принять временные и нестабильные доходы за постоянные.

— Одному из таких соблазнов правительство уже поддавалось, решив использовать часть средств Стабилизационного фонда на решение злободневных вопросов. Это правильно?

— Нет, неправильно. Сейчас со всех сторон идет мощнейшее давление: давайте потратим Стабфонд на разнообразные нужды. Те, кто это предлагает, не задумываются над тем, что будет, если цены на нефть упадут. Перестанем платить зарплату военным? Смысл

Стабфонда в том и заключается, чтобы компенсировать колебания цен на нефть для российской экономики. Когда в мире аномально высокие цены на нефть, каждый лишний доллар за баррель — это лишний миллиард долларов доходов российского бюджета. Падение цены на один доллар — миллиард выпадающих доходов. При дорогой нефти надо накапливать резервы, не забывая при этом погашать внешний долг. А когда цены на нефть упадут, можно тратить Стабфонд, чтобы не допустить уменьшения пенсий, зарплат бюджетников. Зачем расходовать резервные средства, когда у страны и так высокие бюджетные доходы, обусловленные благоприятной конъюнктурой?

— *Может быть, все дело в неэффективности бюджетного планирования?*

— Наша система бюджетных расходов — это реликт советского времени. Государство тратит налоги граждан на финансирование того, что оно оплачивало в прошлом году. А в прошлом году оно финансировало то же, что и в позапрошлом. Деньги тратятся не на предоставляемые государству или обществу услуги, а на сеть бюджетных учреждений. Приведу пример. Советский Союз был крупнейшим в мире импортером зерна, сегодня Россия — один из крупных его экспортеров. Важнейший сейчас вопрос внешнеэкономической стратегии — доступ нашего зерна на рынки Северной Африки, стран Персидского залива, Европы. В наших посольствах есть атташе по сельскому хозяйству. Как Вы думаете, в каких странах они работают? В тех, у которых Советский Союз покупал зерно: в Канаде, США, Аргентине, а отнюдь не в Марокко и не в Южной Африке. А почему? Потому что так сложилось. Как только мы начинаем докапываться до сути организации нашей системы государственных расходов, выясняется, что вся она так устроена. Мы никогда не можем толком объяснить, зачем мы тратим деньги на содержание атташе по сельскому хозяйству в Аргентине, которая никогда не будет покупать наше зерно.

— *То есть Вы считаете, что структура бюджетных расходов нуждается в радикальном изменении?*

— Это даже не вопрос структуры, речь идет об организации бюджетных расходов. Дело не в том, сколько тратить на образование, сколько — на науку, а сколько — на правоохранительную деятельность. Это вопрос политического выбора. Суть не в том, на что тра-

тить, а в том, как. К примеру, поддержка науки: можно финансировать сеть бюджетных организаций, которые относятся к научной сфере, либо нужные государству или обществу научные исследования. Тогда надо проводить конкурсы, выяснять, кто может эти работы сделать лучше.

— *Какие, на Ваш взгляд, основные проблемы стоят перед экономикой страны? Какие из них можно решить быстро, какие — медленно?*

— Повестка дня большая. Осталось много нерешенных проблем: не реформированы естественные монополии, не проведены реформы банковской системы, системы бюджетных расходов, финансирования медицины, образования. Обидно, что с прошлого года структурные реформы затормозились. В 2003-м администрацией президента была развернута неплохая работа над повесткой дня для следующего окна возможностей. Потом все остановилось. Насколько затянется эта пауза, покажет время. Проблема в том, что простые реформы остались в прошлом, перед нами реформы технически сложные, требующие больших усилий по их выработке и реализации. Могу точно сказать, что будет решаться медленно. Это реформа судебной системы и административная реформа. Написать семь страниц тезисов о том, что нужно делать, чтобы повысить качество судебной системы, может любой интеллигентный человек. Чтобы их реализовать, требуются усилия и время. Качественная судебная система, суд, ориентированный на дух и букву закона, — это то, что постепенно возникает в современном гражданском обществе. Даже если власть этого страстно желает, чего я сейчас не наблюдаю, для достижения результатов нужен промежуток времени, измеряемый не месяцами, а многими и многими годами. То же относится и к административной реформе. Перестройка администрации, после чего в каждом министерстве стало по два заместителя министра, а в правительстве — один заместитель премьера, парализует работу правительства на полгода, но в целом не лишена логики. Однако это еще не административная реформа. Когда мы начинаем обсуждать связанные с ней проблемы, речь идет о том, как реформировать ГИБДД, пожарную службу, санэпиднадзор, другие государственные структуры. Как добиться того, чтобы они не занимались вымогательством взяток, а выполняли полезные для общества функции? Здесь нельзя действовать методом простого напора, нужно понимать технические

детали, иначе можно так отреформировать пожарную службу, что после этого начнутся массовые пожары.

— *А есть такие проблемы, которые нельзя решить никогда, ни при каких обстоятельствах?*

— Я думаю, что таких проблем нет.

— *В последнее время и члены правительства, и независимые эксперты высказывают сомнения по поводу удвоения ВВП. Герман Греф считает, что быстрее, чем на 6,9% в год, он расти не будет, а эксперты Вашего института заложили на следующий год еще более низкий прогноз — 5,5%. Смогут ли власти выполнить требование президента — удвоить ВВП к 2010 или хотя бы к 2012 г.? Если да, то какими способами это может быть достигнуто?*

— Наша стратегическая задача не удвоить ВВП за 10 лет, а потом развалить российскую экономику. Правительство должно заложить основы устойчивого, долгосрочного роста экономики в XXI в., создать механизм, позволяющий России развиваться не медленнее, чем весь мир (это задача-минимум), и быстрее, чем мир в целом (задача-максимум). Сколько на это потребуются времени, покажет жизнь. Научных оснований для того, чтобы точно прогнозировать темпы роста российской экономики на долгосрочную перспективу, пока нет. Для органов власти стремиться обеспечить высокие темпы экономического роста естественно, но было бы ошибкой включать эти мечты в бюджетный процесс. Если мы будем планировать финансирование довольствия военнослужащих, зарплаты учителей, врачей исходя из гипотезы, что у нас ВВП будет расти темпом в 8% в год, то можем столкнуться с серьезными проблемами.

— *История не имеет сослагательного наклонения, но исторический опыт многому учит. Что бы Вы сами сделали в начале 90-х по-другому с учетом накопленного опыта?*

— Приведу один пример. Я выступал на одном авторитетном семинаре специалистов по экономической политике в университете Беркли. Его вел замечательный экономист, один из создателей Чикагской экономической школы профессор Арнольд Харбергер. Я подробно описал финансовую и денежную ситуацию в России конца 1991 г. Потом обратился к присутствующим с вопросом, что бы они в этой ситуации сделали на моем месте. Министр финансов Мексики ответил, что лучше всего застрелиться сразу. Конечно, по технике можно было немало вещей сделать иначе, лучше.

Например, я бы по-другому устроил систему валютного регулирования, введенную в 1992 г. Она была сложной, запутанной. Мы сами впоследствии от нее отказались. При большей политической поддержке можно было бы либерализовать цены на топливно-энергетические ресурсы вместе с остальными ценами. Налоговая система, введенная в начале 90-х годов, была построена по европейским стандартам, но не учитывала российских реалий. Лишь в 2000–2001 гг. мы смогли ее реформировать. Но суть проблемы была в том, что произошел крах старой системы институтов, которая не могла существовать без тоталитарного политического режима, при отсутствии нового набора институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики, таких как Центральный банк, таможня, налоговая служба, судопроизводство, позволяющие гарантировать права частной собственности. Это создавало вакуум, в котором органам власти было сложно маневрировать. Пришлось проводить реанимационные мероприятия. Когда этим занимаешься, приходится действовать решительно и жестко. Не знаю, как в медицине, а в экономике за это редко благодарят.

Егор Гайдар: Рост экономики в России легко остановить

Егора Гайдара никто и никогда не называл техническим премьером, его политическая и экономическая позиция всегда была весьма четко выражена. Неудивительно, что даже сегодня высказывания этого отставного политика редко кого оставляют равнодушным. Конечно, с ними можно не соглашаться, однако даже непримиримым противникам Гайдара интересно узнать его мнение по основным проблемам, волнующим общество. К тому же Институт экономики переходного периода с ним во главе до сих пор является главным поставщиком аналитических материалов для правительства, ну а Егор Тимурович остается одним из идеологов проводимого в стране экономического курса.

— Как Вы оцениваете политику нынешнего правительства?

— Макроэкономическая и денежно-финансовая политика, на мой взгляд, сейчас вполне разумная. Однако структурные изменения временно затормозились — быть может, это связано с так называемой административной реформой. Вообще ничто лучше не может парализовать работу любого органа, как перемены в администрации. Возможно, реформа и даст стратегические результаты, однако на полгода она сделала работу правительства крайне сложной.

— Все ли правительства после Вас были «гайдаровскими» — являлись Вашими последователями по духу?

— Даже «гайдаровское правительство» не было всегда последовательным, равно как и все последующие. Постоянно шла внутренняя борьба, принимались противоречивые решения. Примаков, с моей точки зрения, ничего плохого не сделал: он был достаточно умен, чтобы просто ничего не делать, не навредить, это было правильно в той ситуации... Наиболее последовательная и правильная

Интервью брал Михаил ТУЛЬСКИЙ.
Опубликовано в: Версия. 2004. 22 ноября.

политика велась правительством в 2000–2002 гг., но потом кабинет Касьянова начал жить в режиме предвыборного года, когда структурные реформы, естественно, приостановились. Но была надежда, что после выборов откроется новое окно возможностей, можно будет много сделать из того, что недоделано Касьяновым. Пока этого не получается.

— *Сегодняшний экономический рост Вас вдохновляет?*

— Я вижу улучшение качества роста на протяжении последних двух лет, но, наделав набор глупостей, которые сегодня обсуждаются довольно активно, рост этот нетрудно остановить.

— *Если взять период нэпа, можно обратить внимание на весьма интересную вещь: тогда экономический рост составлял до 20–30% в год, но как только в 1927 г. был достигнут уровень 1913–1916 гг., динамика роста начала плавно приближаться к нулю...*

— У меня есть статья на эту тему, я там говорил о том же. Вы абсолютно правы, тут параллели с нэпом очевидны. То, что наш нынешний рост носит восстановительный характер, бесспорно. У него есть все характерные черты, много схожего и с нэповским восстановительным ростом. Правда, при нэпе дело шло быстрее, потому что степень падения в 1917–1920 гг. была гораздо больше, дезорганизация сильнее, чем в начале 90-х. Возникает важнейшая политическая проблема: ну как же так, вот рост был, а потом затихает? Вопрос в том, как перейти от роста, основанного на вводе в действие ранее созданных мощностей, ранее подготовленной рабочей силы, только переориентированной на то, что можно продать на рынке, к экономическому росту, который основан на подъеме инвестиций в экономику? У нас есть набор признаков перехода к инвестиционному росту. Первое — резкое ускорение роста инвестиций (у нас они растут на 12% в год). Второе — стремительное увеличение роста продукции машиностроения (сейчас это самая динамично развивающаяся отрасль российской промышленности). Третье — ускорение машиностроительного экспорта и импорта. По всем этим критериям на рубеже 2002–2003 гг. мы перешли к стадии инвестиционного роста и при всех некоторых неблагоприятных тенденциях последних трех месяцев пока продолжаем развиваться в его рамках... Много из того, что делалось в последнее время, на мой взгляд, создает серьезные риски. Инвестиционный рост можно обеспечить в спокойной, предсказуемой стране:

если от людей ждут, чтобы они вкладывали свои деньги на годы, ожидая получить прибыль через 5–7 лет, то государство должно быть скучным и предсказуемым. А когда вдруг возникают налоговые претензии к крупнейшим компаниям, особенно после того, как эти самые компании много раз были проверены этими же самыми налоговыми органами и те были удовлетворены, страна становится труднопрогнозируемой. То же относится и к негативным сигналам бизнесу со стороны власти... В 1991 г. я многократно утверждал, что продукты-то появятся, с дефицитом мы разберемся, но только не ждите стремительного наступления счастья. После этого выяснится: есть еще куча проблем, для решения которых потребуется гораздо большее время.

— *А как же Ваши обещания, что стабилизация наступит к марту 1992-го, потом — к осени 1992-го и т. д.? Или это не Вы обещали, а президент Ельцин?*

— У Ельцина действительно было выступление, где он обещал стабилизацию к осени 1992 г. Он политик. В. Путину, который тоже политик, хочется удвоения ВВП... А я всего лишь говорил Ельцину, что дефицита в России к осени 1992 г. не будет, но не обещал решения всех ключевых проблем.

— *Есть такие цифры: после «павловской» ценовой реформы 1991 г. вклады населения были проиндексированы на 40%, в то время как рост цен составил, по официальным данным, 83%, т. е. была восполнена почти половина потерь. После Вашей же реформы не было компенсировано ничего... Почему Вы не пытались решить эту проблему — хотя бы предложить долгосрочный план ее решения?*

— Можно, конечно, было размышлять об этом, но что делать, если денег нет? Сейчас вот у нас активно обсуждают, как бы «здорово» распорядиться Стабилизационным фондом и валютными резервами: дескать, не надо их хранить в валютах иностранных государств, а лучше вложить в крупномасштабные проекты вроде строительства моста на Сахалин... Но я видел результаты таких вложений: как возникал крупный неуправляемый внешний долг, как валютные резервы России составили к концу 1991 г. 16 млн (!) долл. — в 700 раз меньше, чем во время кризиса 1998-го. Еще в 1991 г. 290 т золота оставалось, но оно ко всему прочему малоликвидно. Как Вы предполагаете действовать в этой ситуации — компенсировать на треть, на четверть, на 20%? Когда разваливается администра-

тивная экономика, проявляется такой параметр, который называется «спрос на деньги»: его регулирует население, которое к этому времени твердо убеждено, что рубль — «деревянный». И самое глупое, что можно делать, — это хранить свои сбережения в рублях. Если имеется практически нулевой спрос на деньги, то он определяет реальную ценность твоих денежных сбережений. Между тем СССР обанкротился, перестал выполнять свои обязательства в ноябре, накануне того, как мы пришли к власти, — это тоже хорошо задокументировано. И как, спрашивается, обанкротившееся государство может при этом индексировать свой внутренний долг, который на этот момент не стоит ничего?

— *Зачем же тогда Вы взяли на себя бывшие долги?*

— Отказ от них ничему бы не помог. Если бы мы отказались выплачивать внешнюю задолженность, это совсем не значит, что мы могли бы заплатить долг своему населению. Ведь внешний долг мы потом еще долго не оплачивали, реструктурировали его, брали кредиты МВФ. В принципе, отказ платить был возможен, такое решение обсуждалось. Но сказать, что после этого ситуация с вкладами населения была бы значительно лучше, значит сказать неправду. Надо понять, что банкротство СССР имело бы и набор долгосрочных последствий, негативных для наших внешнеполитических позиций. Взять на себя долги СССР значило сохранить место в Совете Безопасности ООН, наши посольства, долги нам других стран...

— *Вы много говорили, что долги нам очень плохо оформлены, что по ним вообще ничего невозможно получить...*

— Это вопрос не только долгов, но и нашего места в мире, нашей роли великой державы, нашего положения в системе принятия мировых решений, нашего места в «восьмерке»... Что же касается долгов, то многие действительно были очень плохо оформлены: многие из них никто в жизни нам бы не отдал. Но индийские долги мы получаем и имеем по ним довольно заметные доходы.

— *Между тем долги нам в 1991 г. даже превышали нашу внешнюю задолженность...*

— Ну, скажите, чего стоит долг Кубы, если она не собирает ничего платить... При этом в 1992–1993 гг. мы почти ничего не списывали. Когда Россия несколько лет спустя вступала в Парижский клуб, она приняла правила клуба о безнадежных долгах. Разве

можно всерьез рассуждать о том, что мы получим крупные суммы из Афганистана или Эфиопии?! Это смешно.

— *А почему в обмен на наше списание долгов Парижский клуб нам ничего не списал?*

— У нас были удачные переговоры с Лондонским клубом, он списал с нас треть долгов в самом начале 2000 г. Это 10 млрд долл.

— *Может, тогда платить по своим долгам, скажем, «пятьдесят на пятьдесят»: половину — населению, половину — за рубеж?*

— Для этого был нужен работающий рыночный конвейер, в котором обеспечена инвестиционная привлекательность. Это сегодня Россия — инвестиционно привлекательная страна, куда вкладывают деньги. Уровень инвестиций еще низкий, но он растет. Именно поэтому у нас есть нынче проблемы с тем, что делать со Стабилизационным фондом, с валютными резервами. Если у Вас вообще нет денег, рассказывать, как и кому Вы будете компенсировать долги, — только обманывать людей. Ну а когда средства есть, пожалуйста — включайте в бюджетный процесс, компенсируйте...

— *А почему правительство и сейчас ничего в этот самый процесс не включает?*

— Включает примерно по 15 млрд руб. в год. Направлять ли на эти цели больше средств — вопрос политический. Можно сократить другие виды расходов и тогда больше на эти цели. Сколько тратить на оборону, например, тоже вопрос политический.

В России сделано все возможное, чтобы остановить рост

В последние предновогодние дни Россия подводит итоги уходящего года. О своей оценке экономического развития России в 2004 г. корреспонденту «Росбалта» рассказал доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

— *Егор Тимурович, как Вы оцениваете итоги экономического развития России в 2004 г.?*

— На мой взгляд, есть сохранение ответственной макроэкономической политики правительства, включая и бюджетную, и денежную, в сложных условиях аномально высоких цен на нефть. Эта ситуация является серьезным вызовом. Она провоцирует то, что называется голландской болезнью, и одновременно провоцирует стремление обращаться с этими высокими доходами от экспорта сырья, с экстремально высокими доходами бюджета, как со стабильными. А они крайне нестабильны в среднесрочной перспективе.

— *Чем это может быть опасно для России?*

— Я напому, что именно так развивался механизм краха советской экономики, при том что негативные тенденции в ней имели долгосрочный характер и глубокое влияние на экономическую обстановку в стране. Но советское правительство решило, что высокие цены на нефть — это навсегда. Через три года цены упали в шесть раз. Пока что российские финансовые власти избегали повторения таких ошибок. Это позитивный момент.

А теперь негативный момент. Структурные реформы, проводившиеся в 2000–2003 гг., проходили достаточно успешно и давали результаты с точки зрения как качества роста, так и финансовой

Интервью брал Дмитрий ВЕРХОТУРОВ.
Опубликовано Информационным агентством «Росбалт». 2004. 24 декабря.

стабильности. Но начиная с 2003 г. эти структурные реформы практически остановились. Тогда это было объяснимо тем, что время предвыборное, что перед выборами трудно проводить какие-либо серьезные реформы, и была надежда на возобновление реформ после завершения избирательного цикла. На сегодняшний день очевидно, что эти надежды не оправдались.

Что наиболее опасно сейчас для российской экономики, это возникновение ситуации неопределенности. Крупные инвесторы, как известно, терпимо относятся к политическому режиму тех стран, в которых работают. Они успешно работают в странах с коррумпированными политическими режимами и считают это проблемами граждан, а не своими собственными проблемами. Но инвесторов пугает ситуация неопределенности в экономике, в особенности когда речь идет о серьезных проектах на сотни миллионов и миллиарды долларов. Средства вкладываются на несколько лет, а между тем неясно, что будет происходить в стране на следующий день. В такую экономику инвестор не пойдет.

— *Как Вы считаете, это результат государственной политики?*

— На протяжении последних полутора лет российская власть сделала все возможное и невозможное, чтобы создалась неопределенная ситуация. Не хотелось бы приводить конкретные примеры, тем более что каждый может составить собственный список.

— *Будет ли дальнейший рост российской экономики?*

— Экономический рост в России, который начался в 1997 г., прерывался только один раз и на год в связи с глубоким финансовым кризисом 1998 г. После него рост продолжился достаточно высокими темпами.

Постсоциалистический рост, который начинается после трансформации социалистической системы, носит долговременный, динамичный и устойчивый характер. Сам термин «постсоциалистический рост» введен венгерским экономистом Яношем Корнаи в 1994 г., и явление такого роста наблюдалось в 30 странах. Опыт этих стран показывает, что если рост начался, то его уже практически ничем не удавалось остановить. Даже в России финансовая катастрофа остановила его всего лишь на год. Есть еще один пример остановки постсоциалистического роста — в Кыргызстане в 2002 г., когда оползень парализовал работу крупнейшего золотодобывающего предприятия республики. Но после восстановления рабо-

ты этого предприятия в 2003 г. рост кыргызской экономики возобновился.

У меня складывается ощущение, что российская власть поставила перед собой цель доказать, что невыполнимых задач для нее нет. Конечно, опасно делать выводы на основе кратковременных колебаний важнейших экономических параметров. Надеюсь, что кризис экономического роста III квартала 2004 г. лишь кратковременное колебание. Сейчас нужно дождаться данных за IV квартал 2004 г., которые будут в середине января 2005 г.

— *Каковы, на Ваш взгляд, перспективы российской экономики на 2005 г.?*

— Сочетание весьма своеобразной политики правительства за последние полтора года и неопределенной ситуации в экономике заставляет серьезно задуматься о перспективах экономического роста в России в 2005 г. Если политика государства будет идти так же, как и в последние полтора года, то надо будет думать не об удвоении ВВП, а о том, когда Россия столкнется с крупномасштабным экономическим кризисом.

Егор Тимурович Гайдар
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 9

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор *Ф. Н. Морозова*
Художник *В. П. Коршунов*
Оригинал-макет *О. З. Элоев*
Компьютерная верстка *А. В. Генералова*

Подписано в печать 23.12.2013. Формат 70×100/16
Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 44,5.
Тираж 3000 экз. Изд. № 1057. Заказ № .
Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
com@anx.ru
www.domdelo.org

ISBN: 978-5-7749-0860-8

